

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1900 г.

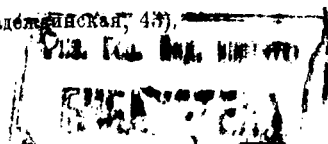
ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

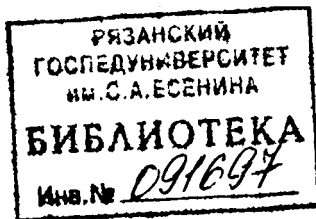
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

Проверено

Доволено. цензурою 21-го февраля 1900 года. С.-Петербургъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О предоставленіи Министру Народнаго Просвѣщенія права учреждать собственною властью педагогическіе музеи и утверждать для нихъ въ потребныхъ случаяхъ уставы (6-го ноября 1899 года).

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было внесено въ Комитетъ Министровъ представленіе о предоставленіи сему Министерству права учреждать педагогическіе музеи, съ утвержденіемъ уставовъ оныхъ.

При слушаніи дѣла сего, управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объяснилъ, что учрежденіе педагогическихъ музеевъ имѣетъ цѣлью способствовать лучшей поставкѣ учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ и расширенію приобретаемыхъ народными учителями въ учительскихъ семинаріяхъ познаній, путемъ предоставленія имъ возможности постоянного ознакомленія съ новѣйшими и лучшими сочиненіями по всѣмъ отраслямъ педагогической науки и наглядными учебными и воспитательными пособиями. Открытіе проектируемыхъ учреждений имѣется въ виду производить какъ на средства, состоящія въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и на частныя пожертвованія, а также на суммы, которыя могутъ быть съ этою цѣлью добровольно собираемы въ средѣ лицъ, занимающихся преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, и другихъ дѣятелей по народному образованію. Необходимость-же въ такихъ случаяхъ указать точно степень участія отдѣльныхъ лицъ въ завѣдываніи означенными установленіями и опредѣлить самыя условія, которымъ таковыя должны соответствовать, нерѣдко можетъ потребовать составленія отдѣльныхъ для вновь возникающихъ учреждений уставовъ, допускающихъ извѣстное разнообразіе постановленій, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ.

Въ виду вышеизложеннаго, Комитетъ Министровъ принялъ во вниманіе, что, согласно п. 10 удостоившейся Высочайшаго утвержденія 15-го февраля 1897 г. записки о дѣлахъ, кои предоставлено министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями разрѣшать собственною властью, Министромъ Народнаго Просвѣщенія учреждаются разнаго рода ученые общества, педагогическіе-же музеи наиболѣе, казалось-бы, подходятъ къ означеннымъ установленіямъ.

Посему Комитетъ полагалъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе Министру Народнаго Просвѣщенія права учреждать собственною властью педагогическіе музеи и утверждать для нихъ въ потребныхъ случаяхъ уставы.

Государь Императоръ, въ 6-й день ноября 1899 г., на сіе Высочайше соизволилъ (Циркуляръ по Рижскому учебн. округу 1899 г., № 12).

Проверено

*

Объ уравненіи въ правахъ воспитанницъ, оканчивающихъ курсъ въ институтахъ, принадлежащихъ ко II разряду женскихъ учебныхъ заведеній, съ воспитанницами институтовъ, принадлежащихъ къ I разряду.

Опекунскій Совѣтъ положилъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе воспитанницамъ, оканчивающимъ въ институтахъ II разряда курсъ семи общеобразовательныхъ классовъ, права, наравнѣ съ воспитанницами, оканчивающими курсъ въ институтахъ I разряда, получать, на основаніи выданнаго при выпускѣ аттестата, не подвергаясь особому испытанію, свидѣтельство на званіе домашнихъ наставницъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ онѣ оказали хорошіе успѣхи, съ распространеніемъ этого права и на окончившихъ курсъ со времени осуществленія въ институтахъ II разряда учебнаго преобразованія въ 1860 г.

Такое положеніе Опекунскаго Совѣта главноуправляющей собственною Его Императорскаго Величества канцелярією по учрежденіямъ Императрицы Маріи всеподданнѣе повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

На докладѣ главноуправляющаго по сему предмету, 7-го іюня 1899 г., Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано: «Согласенъ» (Циркуляръ по Виленскому учебн. округу № 1899 г., № 11).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По вопросу о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе начальнаго учителя лицамъ мужскаго пола, окончившимъ курсъ четырехъ классовъ гимназіи (20-го августа 1898 г. № 20.908).

Дворянинъ Дубскій, представивъ свидѣтельство о переходѣ въ V классъ гимназіи и удостовѣреніе объ удовлетворительномъ 6-ти-мѣсячномъ исполненіи практическихъ при начальномъ народномъ училищѣ занятій, обратился къ директору Бердянской гимназіи съ просьбой о выдачѣ ему свидѣтельства на званіе учителя начальнаго училища, безъ особаго сокращеннаго испытанія, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ для лицъ женскаго пола, имѣющихъ свидѣтельства, поименованныя въ примѣчаніи 2 къ § 9 правилъ о специальныхъ испытаніяхъ 20-го марта 1896 года.

Вслѣдствіе представленія директора названной гимназіи попечитель просилъ у Департамента народнаго просвѣщенія разъясненій по сему вопросу, присовокупивъ, что, по его мнѣнію, ходатайство г. Дубскаго, въ виду § 12 названныхъ правилъ, не можетъ быть удовлетворено, хотя представленное имъ свидѣтельство объ окончаніи курса 4-хъ классовъ гимназіи и превышаетъ по объему курсъ женской прогимназіи.

Департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что, по докладу г. управляющему министерствомъ вышеприведеннаго представленія г. попечителя по поводу ходатайства дворянина Дубскаго, его высокопревосходительство изволилъ просьбу Дубскаго оставить безъ послѣдствій (Циркуляръ по Кіевскому учебному округу 1899 г., № 11).

По вопросу о томъ, можетъ-ли быть допущенъ къ производству народныхъ чтеній вмѣсто священника діаконъ той-же или сосѣдней церкви (23-го іюня 1898 г. № 15.959).

Вслѣдствіе представленія г. попечителя Московскаго учебнаго округа по вопросу о томъ, можетъ-ли быть допущенъ къ производству народныхъ чтеній, за отсутствіемъ или болѣзнью приходскаго священника и по его, священника, просьбѣ, діаконъ той-же или сосѣдней церкви, за управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ Ренаръ увѣдомилъ, что по ст. 394 уст. учебн. заведеній духовныя лица вообще къ участию въ народныхъ чтеніяхъ должны быть допускаемы безпрепятственно. Что-же касается наблюденія за чтеніями, то такое можетъ быть поручаемо діакону лишь въ общемъ порядкѣ на основаніи дополненія къ 387 ст. XI т. I ч. Св. Зак., по продолженію 1895 г. (ib.).

Относительно сохраненія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа продолжительности каждаго урока въ 50 минутъ (12-го іюня 1898 г. № 14.639).

Съ 1890--1891 учебнаго года въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа, согласно распоряженію бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа, продолжительность каждаго урока установлена въ 50 минутъ. Признавая, съ одной стороны, что такой порядокъ не согласуется съ распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 8-го августа 1890 года, за № 12.522, но, съ другой стороны, считая, на основаніи восьмилѣтняго опыта, желательнымъ въ интересахъ учебно-воспитательнаго дѣла сохранить продолжительность урока въ 50 минутъ, начальство Московскаго учебнаго округа, согласно постановленію попечительскаго Совѣта 7-го мая сего года, обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ:

1) установить въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа продолжительность каждаго урока въ 50 минутъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ малыя перемѣны между уроками продолжались по 10 минутъ, а большая (для завтрака) въ 25 минутъ, и чтобы одинъ изъ 6 ежедневныхъ уроковъ обязательно посвящался физическимъ упражненіямъ;

2) утвердить для среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа, при соблюденіи изложенныхъ въ 1 пунктѣ условій, нижеслѣдующее распределеніе учебнаго дня:

- 1 урокъ отъ 8 ч. 30 м. до 9 ч. 40 м.
Перемѣна въ 10 минутъ.
- 2 урокъ отъ 9 ч. 50 м. до 10 ч. 40 м.
Перемѣна въ 10 минутъ.
- 3 урокъ отъ 10 ч. 50 м. до 11 ч. 40 м.
Перемѣна въ 25 минутъ.
- 4 урокъ отъ 12 ч. 5 м. до 12 ч. 55 м.
Перемѣна въ 10 минутъ.
- 5 урокъ отъ 1 ч. 5 м. до 1 ч. 55 м.
Перемѣна въ 10 минутъ.
- 6 урокъ отъ 2 ч. 5 м. до 2 ч. 55 м.

Нынѣ управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 12-го іюня, за № 14.639, увѣдомилъ, что онъ разрѣшаетъ сохранять и на будущее время въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ продолжительность каждаго урока въ 50 минутъ съ тѣмъ, чтобы всѣ малыя перемѣны между уроками продолжались по 10 минутъ, а большая (для завтрака) въ 25 минутъ, и чтобы одинъ изъ 6 ежедневныхъ уроковъ обязательно посвящался физическимъ упражненіямъ. Согласно сему, съ его стороны не встрѣчается препятствій къ утверженію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа, при соблюденіи вышеозначенныхъ условій, указаннаго выше распределенія учебнаго дня.

При распределеніи занятій гимнастикою слѣдуетъ руководствоваться циркуляромъ попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 16-го мая 1890 г., за № 5.620 (см. Сборникъ Исаенкова, стр. 379) (ib.).

О недопущеніи воспитанницъ женскихъ гимназій и прогимназій къ какимъ-бы то ни было спеціальнымъ испытаніямъ (28-го октября 1899 г. № 25.966).

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, г. Товарищъ Министра увѣдомилъ г. попечителя, что ученицы женскихъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, пока состоятъ воспитанницами сихъ заведеній, не могутъ быть допускаемы къ какимъ-бы то ни было спеціальнымъ испытаніямъ (ib. № 12).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (Журналъ Министерства Нар. Просв. 1900 г., Январь).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Школьные годы Тома Брауна, описанные престарѣлымъ питомцемъ Ругби. Повѣсть изъ школьной жизни Англіи *Т. Гюкса*. Переводъ *Ф. Резенера*, съ рисунками *Е. И. Сулливана*. Второе изданіе. Изданіе товарищества *М. О. Вольфъ*. Спб. 1899. Стр. 287. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «*Г. Сенкевичъ*. Письма изъ Африки. Перевелъ съ польскаго *М. Круковский*. Съ 26 рисунками. («Полезная Библіотека». Изданіе *П. П. Сойкина*). Спб. 1895. Стр. 269 + III. Цѣна 50 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя читальни.

— Книжку: «*Т. Стивенсъ*. Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Часть I Отъ Санъ-Франциско до Тегерана. Часть II. Отъ Тегерана до Юкагамы. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1896. («Полезная Библіотека». Изданіе *П. П. Сойкина*). Стр. 183+171. Цѣна каждой части по 50 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книжку: «Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Приложеніе къ классной русскои хрестоматіи. Составилъ *Владиміръ Стоюнинъ*. Второе изданіе. Спб. 1889. Стр. 65. Цѣна 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ

библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, а также допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей *В. П. Семенова* и подъ общимъ руководствомъ *П. П. Семенова*, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и проф. *В. И. Ламанскаго*, предсѣдателя отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ первый. Московская промышленная область и Верхнее Поволожье. Съ 74 полиטיפажамъ, 24 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 6 малыми картами. Составили: *А. П. Нечаевъ, И. П. Семеновъ, А. В. Фоминъ, П. Ю. Шмидтъ, А. А. Достоевскій, С. А. Адриановъ, А. Д. Педашенко, И. Н. Сырневъ, В. В. Морачевскій, В. П. Семеновъ*. Спб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1899. Стр. XV+484. Цѣна не обозначена» — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи воспитанникамъ сихъ заведеній въ награду, а также и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, и сверхъ сего допустить въ бесплатныя читальни.

— Книгу: «Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Со вступительною статьею профессора *Вильяма Маршалля*. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Г. Яковсона*, младшаго зоолога музея Императорской Академіи Наукъ, и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предисловіемъ профессора *Ю. Н. Вагнера*. Съ 258 рѣзанными на деревѣ рисунками художниковъ Мютцеля, Шпехта, Кречмера, Куверта и др. Спб. 1899. Изданіе книгоиздательскаго Товарищества «Просвѣщеніе». Стр. 226. Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, а также допустить въ бесплатныя читальни.

— Книгу: «Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реального училища. 7-е изданіе Одесса. 1899. Стр. VI+162. Цѣна 80 коп.» — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги она была напечатана на лучшей бумагѣ и болѣе крупными и четкими шрифтами, а также, чтобы цѣна ея была понижена.

— Книгу: «Исторія русской словесности. (Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе восьмое. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою Наслѣдники бр. Салаевыхъ. М. 1895. Стр. III+243+XXX. Цѣна 1 р.» — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя, а также, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Кн. *Л. В. Шаховской*. Два похода за Балканы. Съ театра войны 1877—1878. Изданіе третье. Изданіе К. И. Тихомирова.

М. 1899. Стр. IV + 321. Цѣна 1 р.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: «На сѣверъ. Отъ Москвы до Соловковъ. Путевыя замѣтки штабсъ-капитана-лейбъ гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка *А. И. Недумова*. Выпускъ первый. Варшава. 1899. Стр. IV + 111. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя читальни.

— Книгу: «*P. Mijouieff*. Mosaïque française ou Lectures littéraires et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle. Французская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ преимущественно изъ французскихъ писателей XIX вѣка. Составилъ *П. Г. Мижусевъ*. Преподаватель 6-й С.-Петербургской гимназій. Изданіе второе. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1899. Стр. VI + 237 + 74. Цѣна въ перѣлетѣ 1 р. 15 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была напечатана болѣе крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

— Книги: 1) «Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Часть первая. 10-е изданіе. Одесса. 1899. Стр. X + 172. Цѣна 80 коп.»—2) «Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Часть вторая. 8-е изданіе. Одесса. 1899. Стр. XII + 316. Цѣна 1 р.»—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ, первую—для младшихъ, а вторую—для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ этихъ книгъ слишкомъ мелкій и нечеткій шрифтъ нѣкоторыхъ отдѣловъ былъ замѣненъ болѣе удовлетворительнымъ шрифтомъ, и чтобы цѣна первой части книги была понижена.

— Книгу: «Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Сочиненіе *Димитрія Кайгородова*. Изданіе третье. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1899. Стр. XVI + 373. Цѣна 6 р.»—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и для раздачи воспитанникамъ и воспитанницамъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: «Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ *И. И. Срезневскаго*. Спб. 1899. Стр. 183. Цѣна не обозначена»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ, а также допустить въ бесплатныя читальни.

— Книгу: «*Morceaux choisis tirés des meilleurs auteurs français. Avec notices littéraires et vocabulaire. Expliqués et commentés par L. Feuillye et L. Martin*, Licenciés ès lettres. A l'usage des établissements de l'enseignement secondaire. S.-Pbg. 1900. Prix un rouble. Стр. VIII + 198 + 79»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ

учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи статьи подъ №№ 82, 85, 86 и 90 были исключены или замѣнены другими.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: «Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергія Манштейна*»: 1) «*Гомеръ*. Одиссея. Пѣснь I съ примѣчаніями и 10 рисунками. Объяснилъ *С. Радецкий*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. Изданіе третье. Спб. 1899. Часть I: Текстъ. Стр. 16. Часть II: Комментарій. Стр. 60. Цѣна за обѣ части 30 коп.»—2) «*Демосвень*. Избранныя рѣчи. (Три Олинскія рѣчи и третья Филиппика). Съ введеніемъ, примѣчаніями, 1 рисункомъ и картой Эллады. Объяснилъ *К. В. Гибель*, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназіи. Спб. 1898. Часть I: Текстъ. Стр. 44. Часть II: Комментарій. Стр. 154. Цѣна за обѣ части 80 коп.»—3) «*Походъ 10.000 грековъ по Анабасису Ксенофонта* съ вводными статьями, рисунками, картой и примѣчаніями. Обработалъ *С. И. Любомудровъ*, помощникъ директора Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Изданіе второе. Спб. 1899. Часть I: Текстъ съ вводными статьями, 14 рисунками и картой М. Азии. Стр. II + 95. Часть II: Комментарій. Стр. 46. Цѣна за обѣ части 80 коп.»—4) «*Ксенофонтъ*. Воспоминанія о Сократѣ. Книга I съ введеніемъ, примѣчаніями и 3 рисунками. Объяснилъ *К. В. Гибель*, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназіи. Изданіе третье. Спб. 1899. Часть I: Текстъ. Стр. 31. Часть II: Комментарій. Стр. 71. Цѣна за обѣ части 40 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій.

Опредѣленія Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*Основы трезвости*. Составилъ докторъ *А. В. Соболевскій*. (Опытъ руководства для школъ). Спб. Изданіе П. П. Сойкина. 1898. Стр. IV + 167. Цѣна 50 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «*М. Елишевъ*. По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи въ семьѣ и школѣ. М. 1899. Стр. 440. Ц. 1 р. 25 к.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для народныхъ чтеній.

— Брошюру: «*Житіе и страданія святого благовѣрнаго и великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго*. Пересказалъ со стариннаго житія *В. Колосовъ*. Изданіе Тверскаго Братства св. благовѣрнаго и великаго князя Михаила Ярославича. Тверь. 1899. Стр. 31. Цѣна 15 к.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ высшихъ училищъ, для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ и для народныхъ чтеній.

— Книгу: «*Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо*, юркскаго моряка, разсказанная имъ самимъ. Сочиненіе *Даниэля де Фо*.

Переводъ съ авглійскаго *Петри Канчаловскаго*. Съ рисунками Пажэ. Изданіе 3-е. М. 1899. Стр. II+389. Цѣна 1 р. 35 к.»—допустить въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжки: 1) «*В. Я. Дингъ*. Зарава, или пришла бѣда — отворяй ворота. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. Стр. 36. Цѣна 6 коп.»— 2) «Практическое опредѣленіе возраста лошади по зубамъ. Изданіе 2-е, исправленное. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1896. Стр. 20. Ц. 75 коп. въ переплетѣ»—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, а первую также и для народныхъ чтеній.

— Книжка: «*А. Богданова*. Путешествіе вокругъ свѣта. (Египетъ, Индія, Китай, Японія и др.). Два чтенія къ 48-ми картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе мастерской дешевыхъ картинъ для волшебнаго фонаря В. П. Александрова въ Вологдѣ. Вологда. 1899. Стр. 60. Цѣна 30 коп.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для народныхъ чтеній.

— Брошюру: «Чай и его польза. Составилъ *Г. Р.* Спб. Изданіе Н. С. Аскарханова. 1899. Стр. 10. Цѣна 10 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для народныхъ чтеній.

— Книжку: «*Дапа Севастопольская* (первая сестра милосердія). Быль. *Клавдіи Лукашевичъ*. Съ рисунками Н. Н. Каравина. Москва 1899. Стр. 48. Цѣна 25 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжку: «Другъ несчастныхъ докторъ Гаазъ. Краткая біографія. Составила съ разрѣшенія А. Θ. Кони по его книгѣ «*Федоръ Петровичъ Гаазъ*», *Клавдіи Лукашевичъ*. М. 1898. Стр. 71. Цѣна 5 коп.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для народныхъ чтеній.

— Книгу: «Зернышки. Сборникъ разсказовъ и сказокъ для младшаго возраста. *Клавдіи Лукашевичъ*. М. 1899. Стр. 103. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія, младшаго возраста бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: 1) «Чтенія о Святой Землѣ. XVII—XXI. Священная исторія на Святой Землѣ. Ветхій Заветъ (IX—XIII). Протоіерея *В. С. Соловьева*. Спб. 1898. Цѣна каждому выпуску 15 коп.»—2) «Девять бесѣдъ на Святой Землѣ. Архимандрита о. *Іоанна Върюжскаго*. Спб. 1898. Стр. 78. Цѣна не обозначена.»—3) «Палестинскій Патерикъ. 4-й выпускъ. 2 е изданіе. Спб. 1899. Стр. 45. Цѣна 15 коп.—5-й выпускъ. 2 е изданіе. Спб. 1899: Стр. 77. Цѣна 20 коп.»—9-й выпускъ. Спб. 1899. Стр. 70 Цѣна 20 коп.»—4) «Воспоминанія о Святой Землѣ и Афонѣ. Преосвященнаго *Никанора*, епископа смоленскаго и дорогобужскаго. Съ 41 рисункомъ. Спб. 1898. Стр. 157. Ц. 50 к.»—5) «Бесѣда о Святой Землѣ и Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ. Преосвященнаго *Макарія*, епископа томскаго и барнаульскаго. Спб. 1898. Стр. 16 Цѣна 3 коп.»—6) «Плавъ храма Воскресенія съ окружающею

его мѣстностью съ показаніемъ красками владѣній по вѣроисповѣданіямъ и съ приложеніемъ 2 таблицъ поперечныхъ разрѣзовъ скалы. Составилъ *К. Шикъ* (въ іюнь 1897 г.). Спб. 1899. Цѣна 1 руб.» — первыя два одобрить, а остальные четыре допустить въ учительскія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, а изданія подъ №№ 2, 3, 4 и 5, сверхъ того, допустить и для народныхъ чтеній

— Книгу: «Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Часть I. Курсъ младшаго отдѣленія приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній, а также для употребленія въ сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ и для начинающихъ. Составилъ *М. Львовъ*, учитель приготовительнаго класса Воронежской губернской гимназіи. Воронежъ. 1898. Стр. IX+100+III. Цѣна 45 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ низшихъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: «Что такое подати и для чего ихъ собираютъ. 3-е изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 1893. Стр. 16. Цѣна за 10 экз. 10 коп., за 100 экз. 1 руб.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ, а также для народныхъ чтеній.

— Книжку: «Сказаніе о Чудотворной Дуниловской иконѣ Божіей Матери и о Дуниловской Богородицкой пустыни. Съ двумя рисунками. Составилъ преподаватель Вологодской духовной семинаріи, магистръ богословія, *Василій Лебедевъ*. Вологда. 1899. Стр. 56. Цѣна не обозначена»—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу (съ 450 рисунками). Составилъ *Петръ Колмчинъ*. Спб. 1899. Стр. XXVIII+612. Цѣна 3 руб.»—одобрить для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ и учительскихъ бібліотекъ всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книжку: «Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній, составленный *М. Н. Араловой*. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб. 1899. Стр. 78. Цѣна 50 коп.»—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжку: «Первый шагъ. Букварь для письма и чтенія. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп.» — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Министер- ства Народнаго Просвѣщенія по техническому и про- фессіональному образованію.

Опредѣленіями Отдѣленія Ученаго Комитета по техническому и профес-
сіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ госпо-
диномъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *Ев. Гейденрима*: «Очищеніе воды, питающей паровой ко-
тель». Переводъ профессора Я. Никитянского. Изданіе Казначеева. Москва.

1900 годъ. Съ 33 рисунками въ текстѣ. 72 стр. Цѣна 60 коп.»—одобрить для библиотекъ среднихъ и низшихъ механико и химико-техническихъ училищъ.

— Книгу *Н. Песоцкаго*: «Самодвижущіеся экипажи съ паровыми, бензиновыми и электрическими двигателями; экипажи съ педалями. Спб. 1898 годъ. 167 стр. 8^о; съ 110-ю рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р.»—допустить въ ученическія библиотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *В. Львова*: «Народная школа. Книга для чтенія для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Старшій возрастъ. Часть I. М. 1899 г. 373 стр. 8^о; съ 212 рисунками. Цѣна 70 к.»—признать заслуживающему одобренія для ученическихъ библиотекъ промышленныхъ училищъ низшихъ типовъ (ремесленныхъ всѣхъ наименованій).

— Книгу *Н. Песоцкаго*: «Машины и станки для обработки дерева, дѣйствующіе отъ ручного и ножного привода. Спб. 1898 г., изд. второе, 64 стр. 8^о; съ чертежами на 9 лист. Цѣна 1 р. 50 к.»—допустить въ ученическія библиотеки промышленныхъ училищъ.

— Книгу того-же автора: «Спеціальныя производства по механической обработкѣ дерева. Спб. 1895 годъ. 255 стр. 8^о; съ 274 рисунками въ текстѣ. Цѣна 3 руб.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ промышленныхъ училищъ.

— Брошюру *А. Прохорова*: «Приготовление Бѣлевской чисто яблочной пастилы. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1899. 12 стр. 16 д. л. Цѣна 4 коп.»—одобрить для библиотекъ сельско-хозяйственно-техническихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу *А. Майера*: «Учебникъ агрономической химіи. Ученіе объ удобреніи, въ двѣнадцать лекціяхъ. II часть. 2-й отдѣлъ. Съ 4-го нѣмецкаго изданія, перевелъ студентъ Московскаго сельско-хозяйственнаго института Р. Г. Трубе. Москва. 1897. 327 стр. 8^о. Цѣна 2 руб.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, циркулярнымъ распоряженіемъ 28-го іюня 1899 года за № 15.194, предложило попечителямъ учебныхъ округовъ подтверждать начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній объ обязанности ихъ строго слѣдить за неуклоннымъ соблюденіемъ педагогическими Совѣтами установленнаго закономъ для мужскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ требованія, согласно коему учебныя руководства и пособія должны быть выбираемы изъ числа одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности. При этомъ Министерство разъяснило, что требованіе это должно быть относимо не только къ новымъ, впервые выходящимъ изъ печати сочиненіямъ, но и къ каждому новому изданію тѣхъ сочиненій, которыя уже были одобрены въ одномъ или нѣсколькихъ предыдущихъ изданіяхъ, и что, на этомъ основаніи, съ начала 1901—1902 учебнаго года, всѣ новыя изданія учебныхъ руководствъ и пособій, одобренныхъ Ученымъ Комите-

томъ въ какомъ-либо предъидущемъ изданіи, могутъ быть допускаемы къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не иначе, какъ по одобреніи этихъ изданій Ученымъ Комитетомъ. По отношенію-же къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ своего вѣдомства Министерство Народнаго Просвѣщенія, принимая во вниманіе, что, по закону, заключенія педагогическихъ Совѣтовъ сихъ заведеній по выбору учебныхъ руководствъ и пособій должны быть представляемы на утвержденіе высшаго начальства, установило такой порядокъ, чтобы окружное начальство при утвержденіи означенныхъ заключеній руководствовалось правиломъ, которое установлено закономъ относительно выбора учебныхъ руководствъ и пособій для мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, то-есть, допускало-бы къ употребленію и въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ лишь тѣ сочиненія и изданія, которыя будутъ предварительно одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

Въ виду изложеннаго распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ученый Комитетъ, ожидая единовременнаго поступленія на его разсмотрѣніе весьма значительнаго количества учебныхъ руководствъ и пособій, предназначаемыхъ къ распространенію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала 1901—1902 учебнаго года, и озабочиваясь своевременнымъ разсмотрѣніемъ означенныхъ руководствъ и пособій, предлагаетъ авторамъ и издателямъ представлять ихъ въ Ученый Комитетъ по возможности заблаговременно, и вмѣстѣ съ тѣмъ точно обозначать въ прошеніи о разсмотрѣніи книги или въ особой докладной запискѣ, является-ли представляемое новое изданіе книги простою перепечаткою съ одобреннаго изданія той-же книги, или-же заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе существенныя перемены противъ одобреннаго изданія, и какія именно.

Отъ Императорскаго Россійскаго Общества садоводства

Императорское Россійское Общество садоводства, послѣ разсмотрѣнія въ специальной комиссіи матеріаловъ, доставленныхъ по его просьбѣ изъ различныхъ учебныхъ округовъ относительно учителей народныхъ училищъ, наиболѣе потрудившихся въ дѣлѣ школьнаго садоводства и содѣйствовавшихъ распространенію этой отрасли среди окружающаго населенія, въ общемъ собраніи своемъ, 2-го октября 1899 года, присудило преміи Имени Императора Александра; III: а) первую—въ 200 руб. учителю Стриговскаго народнаго училища, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи, Кирику; б) вторую премію въ сто руб. учителю Турійскаго двухкласснаго училища, Волинской губерніи, Ковельскаго уѣзда, Константину Пахальчуку, и в) третью—въ сто руб. учителю Августовскаго двухкласснаго училища, Сувалкской губерніи, М. Остапенку.

Сверхъ того, въ томъ-же общемъ собраніи, по докладу названной комиссіи, постановлено наградить, для поощренія, малыми серебряными медалями—учителя Староладожскаго министерскаго училища, С.-Петербургской губерніи, Серебрянникова и учителя Ауліекульской волостной школы, Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области; а относительно учителя Спасо-Косицкаго земскаго училища, Верейскаго уѣзда, постановило ходатайствовать о награжденіи почетной наградой.

Краткій очеркъ организаціи средняго образованія въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

(Окончаніе).

Ф р а н ц і я

До великой французской революціи 1789 г. среднее образованіе ограничивалось, главнымъ образомъ, изученіемъ латинскаго языка и учителями были по большей части члены различныхъ духовныхъ орденовъ, въ томъ числѣ іезуиты. Наполеонъ I рѣзко измѣнилъ весь строй средней школы, выдвинувъ на-ряду съ изученіемъ латинскаго языка изученіе математики и естественныхъ наукъ. Сущность учебныхъ плановъ Наполеонъ выразилъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «въ лицеяхъ должно, главнымъ образомъ, изучать латинскій языкъ и математику». Несмотря на многократныя измѣненія учебныхъ плановъ и направленія, наполеоновскій строй средней французской школы въ общихъ своихъ основаніяхъ сохранился до настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе знакомство съ рядомъ тѣхъ фазисовъ, которые прошла средняя школа въ теченіе XIX-го столѣтія, весьма интересно, такъ какъ здѣсь отразился ходъ постепенныхъ измѣненій взглядовъ общества на сущность и содержаніе образованія. При Наполеонѣ I весь строй школы носилъ очень суровый характеръ; въ основу его легли: высокая дисциплина, полная замкнутость и связанная съ ними грубость нравовъ. Учебныя заведенія носили характеръ не то казармъ, не то монастырей. Съ удаленіемъ отъ власти Наполеона I-го нравы школъ смягчились, но относительно направленія школъ наступила реакція: опять изученіе латинскаго языка заняло первенствующее значеніе. Философія въ старшемъ классѣ изучалась на латинскомъ языкѣ; на этомъ-же языкѣ сдавался экзаменъ по философіи на степень бакалавра. Съ тридцатыхъ годовъ начинается опять нѣкоторый поворотъ въ сторону реальнаго образованія. Такъ дѣло шло, съ постоянными колебаніями

то въ ту, то въ другую сторону, до февральской революціи 1848 г. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ учебныхъ планахъ прямо уже вводится раздѣленіе высшей ступени средней школы (старшіе классы) на два отдѣленія: гуманитарное и реальное; первое готовить къ экзамену на степень *bachelier ès lettres*, а второе—*bachelier ès sciences*. Пятидесятые годы являются темною эпохою для французской школы: уровень знаній и образованія учителей умышленно понижается, правительство смотритъ на учителей, какъ на опасный элементъ; результатомъ этого, конечно, явилось то, что лучшія силы оставили учительскую службу. Въ 60-хъ годахъ общее направленіе измѣнилось къ лучшему; но особенно много обязана французская школа Жюлю Симону, стоявшему во главѣ образованія во Франціи въ началѣ семидесятихъ годовъ; данный имъ строй школы легъ въ основаніе настоящаго строя. Было введено изученіе гигиены, изученіе отечественнаго и новыхъ иностранныхъ языковъ улучшено за счетъ латинскаго языка, именно латинскихъ стиховъ и латинской стилистики. Вскорѣ послѣ этого была опять кратковременная реакція противъ естественныхъ наукъ, но затѣмъ прежнія идеи восторжествовали и дѣло свелось къ уравненію въ правахъ классическаго и реальнаго образованія.

Во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній Франціи стоитъ министръ народнаго просвѣщенія, при немъ находится высшій Совѣтъ (*Conseil supérieur de l'instruction publique*), въ который для рѣшенія дѣлъ по среднему образованію приглашаются нѣсколько представителей отъ правительственныхъ лицеевъ и коллежей, избираемыхъ на 4 года самимъ учительскимъ персоналомъ изъ своей среды, и по 2 представителя отъ частныхъ учебныхъ заведеній по назначенію правительства. Этотъ Совѣтъ вѣдаетъ всѣми измѣненіями въ учебныхъ планахъ и, кромѣ того, представляетъ апелляціонную инстанцію для разсмотрѣнія жалобъ по взысканіямъ, налагаемымъ на преподавателей администраціею. Непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній является директоръ среднихъ учебныхъ заведеній, который вмѣстѣ съ генеральными инспекторами, вице-ректоромъ Парижской академіи и директоромъ высшей Нормальной школы, составляетъ Совѣтъ для завѣдыванія личнымъ составомъ преподавателей, причемъ на обязанности генеральныхъ инспекторовъ лежитъ непосредственный контроль за преподаваніемъ и аттестація преподавателей. Мѣстнымъ начальникомъ школъ является ректоръ академіи того округа, къ которому принадлежитъ данное учебное заведеніе. Впрочемъ, власть ректора по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ его округа очень ограничена и онъ является, собственно, только передаточнымъ звеномъ къ министерству.

Во главѣ каждаго учебнаго заведенія стоитъ начальникъ заведенія, называемый въ лицахъ *proviseur*, въ коллежахъ — *principal*, который самъ уроковъ не даетъ и на обязанности котораго лежитъ наблюдение за ходомъ преподаванія, поведеніемъ воспитанниковъ, а также все хозяйство учебнаго заведенія. Онъ имѣетъ помощника (*senseur*), который, главнымъ образомъ, вѣдаетъ поведеніемъ воспитанниковъ и наблюдаетъ за пансіономъ.

Преподаватели (*professeurs*) дѣлятся на штатныхъ (*titulaires*) и по найму (*chargés*). Первые должны имѣть степень лиценціата и, кромѣ того, сдать еще особый экзаменъ и тогда они получаютъ званіе *agregés*. Цензъ преподавателей коллежей вообще ниже, чѣмъ лицеевъ. Штатные преподаватели обязаны давать отъ 8 до 18 часовъ въ недѣлю.

Во Франціи существуютъ три типа среднихъ школъ: правительственныя (*lycées*), городскія (*colleges*) и частныя (*écoles libres*). Программы и учебные планы всѣхъ этихъ школъ однѣ и тѣ-же, такъ какъ всѣ онѣ преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль: готовить молодыхъ людей къ экзамену на бакалавра. Главное ихъ различіе состоитъ въ томъ, что онѣ содержатся на различныя средства: первыя на средства правительства, вторыя—на средства города и, наконецъ, третьи—на средства частныхъ лицъ или обществъ. Различаются онѣ также и по духу, и по методамъ преподаванія и воспитанія, а также по составу преподавательскаго персонала: преподавательскій составъ лицеевъ вообще лучше состава коллежей и частныхъ школъ. Лицеи почти наполовину интернаты, въ коллежахъ-же число входящихъ учениковъ значительно превышаетъ число пансіонеровъ; нѣкоторые лицеи, пользующіеся особенною извѣстностью, очень многолюдны (*Lycée Louis le Grand* и *Lycée Condorcet* имѣютъ болѣе 1.500 воспитанниковъ).

Число частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи очень велико (по официальнымъ статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1893 году, общее число учениковъ частныхъ школъ превышаетъ общее число учениковъ лицеевъ и коллежей). Значительное большинство частныхъ школъ содержатся духовными общинами и духовными лицами. Число учениковъ въ духовныхъ школахъ въ пять разъ превышаетъ число учениковъ свѣтскихъ частныхъ школъ. Къ числу среднихъ частныхъ школъ, устроенныхъ духовенствомъ, принадлежатъ и духовныя семинаріи, которыя по уставу имѣютъ цѣлью готовить будущихъ духовныхъ лицъ, но на самомъ дѣлѣ готовятъ своихъ питомцевъ къ экзамену на степень бакалавра.

Такое развитіе во Франціи частныхъ школъ является, конечно, результатомъ того, что во Франціи окончаніе курса ни въ какой

школъ. ни въ правительственной, ни въ частной, не даетъ никакихъ правъ, никакихъ преимуществъ по отношенію къ экзамену на степень бакалавра, который производится при академіяхъ. Такимъ образомъ, всѣ французскія среднія школы являются только приготовительными къ экзамену на бакалавра.

Въ числѣ особенностей организаціи среднихъ школъ Франціи, по сравненію съ нашими школами, укажемъ на относительно меньшее число учебныхъ недѣльныхъ часовъ, причемъ продолжительность урока во Франціи не часовая, какъ у насъ, а 2-хъ часовая для главныхъ предметовъ и 1½-часовая для второстепенныхъ въ классическомъ отдѣленіи и для всѣхъ предметовъ 1½-часовая въ реальномъ отдѣленіи (въ младшихъ классахъ 2-хъ-часовые уроки имѣютъ перерывъ въ ¼ часа, въ среднихъ-же и старшихъ классахъ урокъ идетъ въ теченіе 2-хъ часовъ безъ перерыва). Отметимъ также, что по четвергамъ уроковъ не бываетъ совсѣмъ.

Система средняго образованія во Франціи двоякаго рода: классическая (*l'enseignement classique*) и реальная (*l'enseignement moderne*), причемъ большинство французскихъ лицеевъ и коллежей имѣютъ оба курса въ видѣ 2-хъ отдѣленій.

Учебные планы и программы того и другого отдѣленія настолько отличны отъ учебныхъ плановъ и программъ русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, что мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на ихъ разсмотрѣніи.

L'enseignement classique имѣетъ 10-ти-лѣтній курсъ, состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: 1) элементарное (приготовительный классъ, VIII и VII), среднее (VI, V и IV классы) и высшее (III-й, II-й, *classe de rhétorique*, *classe de philosophie*).

Главнымъ предметомъ элементарнаго отдѣленія служитъ отечественный языкъ. на изученіе котораго удѣляется въ теченіе трехъ лѣтъ почти половина всего учебнаго времени (9 недѣльныхъ часовъ); остальными предметами являются иностранные языки, краткій курсъ исторіи и географіи и такъ-называемыя *sciences*, подъ которыми разумѣтся счисленіе (1½ недѣльныхъ часа первый годъ и 2 недѣльныхъ часа въ слѣдующіе 2 года) и краткія свѣдѣнія о природѣ въ видѣ предметныхъ уроковъ (по 1 часу въ недѣлю) и рисованіе.

Въ среднемъ отдѣленіи (*division de grammaire*) на первыи планъ выступаютъ древніе языки, особенно латинскій (изученіе греческаго языка начинается со втораго полугодія V класса). На изученіе латинскаго языка въ VI классѣ удѣляется 10 недѣльныхъ часовъ, въ V—8 часовъ и IV—5 часовъ; греческаго языка въ V классѣ—2 часа и въ IV—6 часовъ. Такимъ образомъ, на древніе языки приходится половина всего учебнаго времени (20 недѣльныхъ часовъ). Остальная

половина учебного времени идетъ на французскій языкъ и иностранные языки (только $1\frac{1}{2}$ недѣльныхъ часа), математику (въ VI и V классахъ—арифметика и въ IV геометрія, тоже при $1\frac{1}{2}$ недѣльныхъ часахъ), исторію, географію и рисованіе.

Высшее отдѣленіе состоитъ изъ 4-хъ классовъ: въ первыхъ трехъ главными предметами являются также древніе языки, на изученіе которыхъ удѣляется почти половина учебного времени, затѣмъ, какъ и въ среднемъ отдѣленіи, французскій языкъ, новые языки, математика, исторія, географія и рисованіе. Въ послѣднемъ классѣ (classe de philosophie) языки не изучаются вовсе, ни новые, ни древніе, а все учебное время распределяется между философіей (6 нед. час.), физикой и химіей ($4\frac{1}{2}$ нед. часа), исторіей (3 часа), математикой ($1\frac{1}{2}$ часа) и анатоміей и физиологіей ($1\frac{1}{2}$ нед. ч.). Для лучшаго обозрѣнія учебныхъ плановъ приводимъ таблицу распределенія недѣльныхъ часовъ классическаго отдѣленія.

	Элементарное отдѣл.			Грамматическое отдѣл.			Высшее отдѣленіе.			
	Приготов. классъ.	8 классъ.	7 классъ.	6 классъ.	5 классъ.	4 классъ.	3 классъ.	2 классъ.	Классъ реторики.	Классъ философ.
Французскій языкъ.....	9 $\frac{1}{2}$	9	9	3	3	2	2	3	4	—
Латинскій языкъ.....	—	—	—	10	8	5	5	5	4	—
Греческій языкъ.....	—	—	—	—	2	6	5	5	4	—
Новые языки.....	4	4	4	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	(1)
Математика.....	—	—	—	—	—	$1\frac{1}{2}$	3	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	—
Физика и химія.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$4\frac{1}{2}$
Счисленіе.....	2 $\frac{1}{2}$	3	3	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—
Естественная исторія.....		—	—	—	—	—	—	—	—	—
Исторія.....	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
Географія.....	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	1	—
Философія.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Рисованіе.....	1	1	1	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	(2)	(2)	(2)
Всего.....	20	20	20	20	20	20	20 $\frac{1}{2}$	20 $\frac{1}{2}$	20 $\frac{1}{2}$	10

изъ нихъ 2
не обяза-
тельны.

Одного взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы убѣдиться, насколько распределеніе учебного матеріала во Франціи отличается отъ такового-же въ нѣмецкихъ и русскихъ гимназіяхъ. То-же самое мы найдемъ, если обратимся къ программамъ. Не находя возможнымъ останавливаться на подробностяхъ, обратимъ вниманіе только на наиболѣе существенное. Несмотря на то, что латинскій языкъ во французской средней школѣ изучается только 6 лѣтъ, при общемъ числѣ 37 недѣльныхъ часовъ вмѣсто 8 лѣтъ въ русскихъ гимназіяхъ при 46 нед. часахъ, а греческій языкъ $4\frac{1}{2}$ года, при 22 нед. час. вмѣсто 6 лѣтъ въ русскихъ гимназіяхъ при 3 $\frac{1}{2}$ нед. час.,

программы обоихъ языковъ во Франціи значительно обширнѣе, особенно въ объемѣ матеріала, обязательно прочитываемаго изъ классиковъ.

Во Франціи въ IV-мъ классѣ (на 3-ій годъ изученія латинскаго языка) уже читаются: «Энеида» Вергилія, «Метаморфозы» Овидія и «De bello Gallico» Цезаря; въ III-мъ классѣ читаются: Титъ-Ливій, Цицеронъ, Плиній, Саллюстій и Теренцій, во II-мъ классѣ къ нимъ присоединяются Горацій и Тацитъ. Несмотря на такое разнообразіе читаемыхъ авторовъ, сравнительно великъ и объемъ обязательно прочитываемаго, такъ, напримѣръ, «Энеида» должна быть прочитана цѣликомъ (всѣ 12 пѣсней).

По греческому въ III-мъ классѣ, т.-е. тоже на 3-ій годъ изученія языка, уже читаются: «Одиссея» (2 пѣсни), «Иліада» (1 пѣсень) и «Анабазисъ» Ксенофонта, во II-мъ классѣ — «Одиссея» (4 пѣсни), Еврипидъ, Платонъ («Апология Сократа») и Плутархъ; наконецъ, въ классѣ реторики: «Иліада» Гомера (4 пѣсни), Софоклъ, Платонъ и Демосеенъ. Кромѣ того, во II-мъ классѣ излагается систематическій курсъ римской и греческой литературы. Математика, напротивъ, изучается въ гораздо меньшемъ объемѣ, нежели въ русскихъ гимназіяхъ.

Classe de philosophie по своей программѣ стоитъ особнякомъ и придаетъ законченность общему образованію. Главный предметъ въ этомъ классѣ—философія; программа курса философіи очень обширна: она обнимаетъ 1) общій курсъ философіи (психологію, логику, мораль, элементы метафизики и общія понятія о главнѣйшихъ философскихъ ученіяхъ) и 2) чтеніе и объясненіе отрывковъ главнѣйшихъ философскихъ сочиненій французскихъ, латинскихъ и греческихъ философовъ (всего 4 отрывка изъ списка, приложеннаго къ программѣ философіи). Полтора часа въ недѣлю въ classe de philosophie назначается на изученіе анатоміи и фізіологіи животныхъ и растений и небольшого курса гигіены, на который удѣляется 12 час. въ годъ.

Въ виду незначительности объема курса математики, тѣ молодые люди, которые имѣютъ намѣреніе поступить въ такія высшія учебныя заведенія, для которыхъ нужна хорошая математическая подготовка, посѣщаютъ вмѣсто classe de philosophie classe de mathématiques élémentaires, предметами котораго являются математика (при 10½ нед. час.), физика и химія (6 нед. час.), анатомія и фізіологія (1½ час.), философія (3 нед. час.), исторія (1½ нед. час.) и нѣмецкій или англійскій языки (1½ нед. часа).

Содержаніе курса философіи въ «classe de mathématiques élémentaires» совсѣмъ другое, чѣмъ въ классѣ философіи: тамъ изучаются болѣе общія философскія идеи, здѣсь-же—главнымъ образомъ, основанія натуральной философіи; общимъ-же является только изученіе

морали. Равнымъ образомъ и для чтенія и объясненія выбираются философскія сочиненія изъ области натуральной философіи: Бэкона, Декарта, Огюста Конта, Паскаля, Лейбница, Милля и др.

За классомъ элементарной математики слѣдуетъ для лицъ, желающихъ поступить въ école polytechnique или école normale supérieure и нѣкоторыя другія, еще classe de mathématiques spéciales. Окончаніе курса этого класса даетъ очень солидную математическую подготовку, которая неизмѣримо выше той, съ какою молодые люди, окончивающіе курсъ въ нашихъ гимназіяхъ, поступаютъ на математическій факультетъ университета *).

L'enseignement moderne имѣетъ 9-ти-лѣтній курсъ, который также раздѣляется на 3 отдѣленія: элементарное, среднее (division de grammaire) и высшее. Элементарное отдѣленіе реальной школы (moderne) совершенно тождественно съ классическимъ. Такимъ образомъ, раздѣленіе курса средней школы классической и реальной начинается съ четвертаго класса (при 11—12 лѣтнемъ возрастѣ ученика). Предметами преподаванія въ среднемъ отдѣленіи являются: языки (по 12 час. въ VI-мъ и V-мъ классахъ и 14½ час. въ IV-мъ классѣ), исторія (1½ ч.), географія (1½ ч.), счисленіе и математика (2½—3 час.), естественныя науки (по 1½ ч. въ VI-мъ и V-мъ классахъ), чистописаніе (1 ч.) и рисованіе и черченіе (3 часа). Въ école moderne обязательно изученіе 3-хъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго или англійскаго и затѣмъ одного изъ слѣдующихъ: нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, испанскаго или русскаго. Изученіе нѣмецкаго или англійскаго языка (по выбору) начинается съ подготовительнаго класса и продолжается до II-го включительно; изученіе второго иностраннаго языка начинается только съ IV-го класса и продолжается 3 года. Курсъ высшаго отдѣленія 3-хъ-годовой, причѣмъ послѣдній классъ имѣетъ два отдѣленія: classe de lettres и classe de sciences. Предметами первыхъ 2-хъ классовъ высшаго отдѣленія являются: языки (10½ час.), исторія (1½ ч.), географія (1 ч.), математика (4½ ч.), рисованіе и черченіе (3 ч.); физика и химія (въ III-мъ классѣ 3 ч. и во II-мъ 4½ ч.).

Предметами classe de lettres являются: французскій языкъ (4½ ч.), исторія (1½ ч.), географія (1½ ч.), физика и химія (1½ ч.), философія (6 ч.), право и политическая экономія (2 ч.), исторія культуры и исторія искусствъ (3 ч.); предметами classe de sciences: математика (6 ч.), исторія (1½ ч.), географія (1½ ч.), естественныя науки (1½ ч.), рисованіе и черченіе (3 ч.), физика и химія (4½ ч.),

*) Желаящимъ познакомиться съ высшей степени интересными программами l'enseignement classique мы рекомендуемъ прочитать «Plan d'études et programmes de l'enseignement secondaire classique».

философія (3 ч.), право и политическая экономія (2 ч.) и бухгалтерія (1 ч.).

Общее число уроковъ, назначенное на французскій языкъ, въ реальномъ отдѣленіи значительно больше, нежели въ отдѣленіи классическомъ. Лишніе уроки идутъ на чтеніе и изученіе латинскихъ и греческихъ классиковъ во французскомъ переводѣ, а также греческой и римской литературѣ. Это очень интересная особенность французской реальной школы, которая, отказавшись отъ изученія древнихъ языковъ, естественно, не могла отказаться отъ изученія классической литературы и классическаго искусства, которому удѣлено очень видное мѣсто въ курсѣ исторіи культуры и искусства (въ *classe de lettres*). Математика изучается въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ въ классическомъ отдѣленіи, хотя все-таки тѣ ученики, которые оканчиваютъ курсъ въ *classe de lettres*, изучаютъ математику въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ; тѣ-же, которые проходятъ черезъ *classe de sciences*, приблизительно—въ томъ-же объемѣ, какъ и у насъ. Философія въ *classe de lettres* изучается по той-же программѣ, какъ и въ *classe de philosophie* (см. выше), въ *classe de sciences* по программѣ *classe de mathématiques élémentaires* (см. выше). Ученики реального отдѣленія могутъ изъ II-го класса переходить (вмѣсто *classe de lettres* или *classe de sciences*) въ *classe de mathématiques élémentaires* наравнѣ съ учениками классическаго отдѣленія.

Въ заключеніе приведемъ общую таблицу распредѣленія недѣльных часовъ *l'enseignement secondaire moderne*.

	Классъ 6	Классъ 5	Классъ 4	Классъ 3	Классъ 2	Классъ 1	
						classe de lettres	classe de sciences
Французскій языкъ.....	6	6	4 ^{1/2}	4 ^{1/2}	4 ^{1/2}	4 ^{1/2}	—
Нѣмецкій или англійскій.	6	6	4	3	3	(1)	(1)
Второй иностран. языкъ.	—	—	6	3	3	(1)	(1)
Исторія	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}
Географія	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	1	1	1	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}
Счисленіе.	2 ^{1/2}	2 ^{1/2}	—	—	—	—	—
Математика	—	—	3	4 ^{1/2}	4 ^{1/2}	—	6
Естественная исторія....	1 ^{1/2}	1 ^{1/2}	—	—	—	—	1 ^{1/2}
Чистописаніе	1	1	1	—	—	—	—
Рисованіе.....	3	3	3	3	3	(1 ^{1/2})	3
Физика и химія.....	—	—	—	3	4 ^{1/2}	1 ^{1/2}	4 ^{1/2}
Практическая мораль....	—	—	1	—	—	—	—
Философія.....	—	—	—	—	—	6	3
Право и политическая экономика.....	—	—	—	—	—	2	2
Исторія культуры и искусства.....	—	—	—	—	—	3	—
Бухгалтерія.....	—	—	—	—	—	(1)	1
	23	23	25	23 ^{1/2}	25	24 ^{1/2}	26

Испытанія по курсу среднихъ общеобразовательныхъ заведеній (lycées и collèges) для приобрѣтенія степени бакалавра производятся не въ самыхъ школахъ, а, какъ было сказано выше, при академіяхъ (университетахъ), и въ отношеніи экзамена прошедшіе курсъ правительственныхъ лицеевъ и коллежей не пользуются никакими преимуществами сравнительно съ окончившими курсъ въ частныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ или даже съ непосѣщавшими вовсе никакой школы, но готовившимися къ экзамену на бакалавра дома.

Экзаменъ на бакалавра сдается въ два года: въ первый годъ сдается экзаменъ по курсу всѣхъ классовъ средней школы, кромѣ послѣдняго, во второй годъ—курсъ послѣдняго класса. Интересною особенностью является то, что экзаменъ на бакалавра можно сдавать на какомъ угодно языкѣ. Экзаменъ—частью письменный, частью устный.

Соотвѣтственно 2-мъ системамъ средней школы, существуютъ 2 рода бакалавровъ (bachelier de l'enseignement classique и bachelier de l'enseignement moderne), изъ которыхъ каждый бываетъ 2-хъ видовъ: bachelier ès lettres и bachelier ès sciences.

А н г л і я.

Англійскія школы долгое время находились исключительно въ рукахъ духовенства и въ началѣ среднихъ вѣковъ достигли значительной степени процвѣтанія; затѣмъ онѣ упали и снова поднялись только въ эпоху реформаціи; съ этого времени въ школы сталъ постепенно проникать свѣтскій элементъ, хотя и въ настоящее еще время во главѣ лучшихъ среднихъ школъ стоятъ по большей части духовныя лица. XVII-й и особенно XVIII-й вѣкъ были временемъ упадка средняго образованія въ Англии и только съ нынѣшняго столѣтія, и то не съ начала, явился новый подъемъ духа и потребность въ возможно большемъ распространеніи средняго образованія; съ этого времени стало значительно возрастать число школъ, стали совершенствоваться и самыя школы.

При обзорѣ французскихъ среднихъ школъ мы обратили вниманіе читателей на весьма существенную ихъ особенность, состоящую въ томъ, что они сами по себѣ не даютъ правъ и только готовятъ своихъ учениковъ къ экзамену на степень бакалавра, но все-таки французскія школы имѣютъ вполне опредѣленную организацію, вполне опредѣленные учебные планы и программы. Окончаніе курса въ англійскихъ школахъ не только не даетъ никакихъ правъ, но въ Англии не существуетъ даже никакой опредѣленной организаціи, нѣтъ учебныхъ плановъ и программъ, общихъ всѣмъ среднимъ учеб-

нымъ заведеніямъ. Въ собственно Англїи нѣтъ даже центральнаго правительственнаго управленія. Въ Англїи только тѣ школы, которыя пользуются субсидіей отъ правительства или располагаютъ какими-либо опредѣленными доходами, кромѣ платы за воспитанниковъ (endowed shools), находятся въ отношеніи расходованія этихъ суммъ подъ нѣкоторымъ контролемъ правительства; учебное-же дѣло каждая школа ведетъ совершенно самостоятельно и независимо. Равнымъ образомъ, совершенно независимыми являются и всѣ тѣ учебныя заведенія, которыя содержатся только на средства какихъ-либо Обществъ, компаній или отдѣльныхъ лицъ. Все учебное дѣло каждой школы находится въ вѣдѣніи ея директора: онъ приглашаетъ учителей, самъ составляетъ программы и слѣдитъ за ихъ выполненіемъ.

Несмотря на то, что въ послѣднее время въ Англїи и въ обществѣ, и въ самомъ правительствѣ очень усиливается тенденція подчинить всѣ среднія школы общему надзору и руководству правительства, по отношенію учебно-воспитательнаго дѣла принципъ самостоятельности организаціи каждой средней школы остается непоколебимымъ: «freedom variety and elasticity» — остается лозунгомъ англійскихъ педагоговъ. При такомъ принципѣ можно было-бы ожидать безконечнаго разнообразія въ учебныхъ планахъ и программахъ англійскихъ среднихъ школъ, но на самомъ дѣлѣ не такъ. Есть одно очень важное обстоятельство, которое въ значительной степени объединяетъ программы, именно—необходимость сообразоваться съ экзаменаціонными программами, устанавливаемыми университетами (Local Examinations, Joint Board Examinations и др.), такъ какъ среднія школы, кромѣ цѣлей общаго образованія, необходимо должны имѣть въ виду также и тѣ экзамены, которымъ должны подвергнуться ихъ воспитанники. Иныя школы имѣютъ главною цѣлью подготовку своихъ учениковъ къ различнымъ спеціальнымъ профессіямъ: военной, технической и коммерческой.

Большинство лучшихъ англійскихъ школъ имѣютъ два отдѣленія: классическое (classical side) и реальное (modern side). Предметами преподаванія въ классическомъ отдѣленіи обыкновенно бываютъ: Законъ Божій, англійскій языкъ, латинскій языкъ, греческій, французскій, исторія, географія, математика, физика и химія; въ реальномъ отдѣленіи преподаются: математика, языки: англійскій, латинскій, французскій и нѣмецкій, исторія, географія, физика и химія.

Въ англійскихъ среднихъ школахъ курсъ однихъ предметовъ, какъ-то: Закона Божія, англійскаго языка, латинскаго яз., греческаго яз. (въ классическомъ отдѣленіи), исторіи и географіи распределяется по классамъ (forms), другіе-же предметы ученики изучаютъ по группамъ (sets), сообразно ихъ познаніямъ. Такимъ образомъ,

ученикъ, принадлежа къ опредѣленному классу по первымъ предметамъ, по остальнымъ можетъ принадлежать къ различнымъ группамъ. Такая система невыгодно отзывается на общемъ ходѣ дѣла, но за то по отдѣльнымъ предметамъ, къ которымъ данный ученикъ имѣетъ и большую склонность, и большія способности, ученики приобрѣтаютъ весьма солидныя познанія. Бываютъ такіе случаи, когда ученикъ нарочно остается на лишній годъ или два въ учебномъ заведеніи, чтобы основательно изучить избранный имъ спеціальный предметъ. Система раздѣленія на группы въ значительной мѣрѣ облегчаетъ самое преподаваніе предмета, она особенно цѣлесообразна при изученіи новыхъ языковъ. Каждый классъ обыкновенно раздѣляется на отдѣленія (terms), причемъ ученикъ можетъ переходить изъ одного отдѣленія въ другое черезъ каждыя 4 мѣсяца, но обыкновенно ученики рѣдко успѣваютъ пройти въ годъ болѣе 2-хъ отдѣленій.

Кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ отдѣленій (classical side и modern side), многія англійскія школы имѣютъ еще спеціальныя отдѣленія: military side для приготовленія будущихъ офицеровъ, commercial side, science, въ которыхъ главными предметами являются естественныя науки, engineering—для приготовленія будущихъ инженеровъ и др.

По вѣшнему устройству англійскія школы можно раздѣлить на два основныхъ типа: интернаты и экстернаты. Къ числу первыхъ принадлежатъ наилучшія англійскія школы, носящія названіе «public schools». Англійскіе большіе интернаты имѣютъ свою совершенно особенную фізіономію, свой особенный строй обученія и воспитанія. Много есть школъ смѣшаннаго характера, но и чистые экстернаты стараются въ системѣ обученія и воспитанія подражать примѣру большихъ интернатовъ. Не безъинтересно замѣтить, что среди большихъ интернатовъ есть школы, существующія около 500 лѣтъ (Winchester College основана въ 1373 г., а Eton College въ 1440 г.).

Далѣе, всѣ англійскія школы можно раздѣлить еще на 2 группы: 1) школы, обезпеченныя извѣстнымъ имуществомъ, опредѣленными доходами и субсидіями (endowed schools) и 2) школы, существующія на средства общества и частныхъ лицъ, т.-е. такія, существованіе которыхъ обезпечено только успѣхомъ самой школы, такъ какъ оно зависитъ отъ числа учащихся (private schools). Къ первымъ принадлежатъ и лучшіе интернаты; между вторыми есть очень хорошія школы, вполнѣ конкурирующія съ лучшими школами перваго рода, но за-то есть и школы очень плохія, учебная часть въ которыхъ стоитъ ниже многихъ элементарныхъ школъ.

Наконецъ, всѣ среднія школы дѣлятся еще по разрядамъ въ зависимости отъ размѣра ихъ курса. Къ первому разряду принадле-

жать школы (schools of the first grade), въ которыхъ средній возрастъ оканчивающихъ курсъ 18—19 лѣтъ; эти школы готовятъ своихъ учениковъ въ университеты, высшія техническія учебныя заведенія, а также для военной и гражданской службы.

Средній возрастъ оканчивающихъ курсъ въ школахъ второго разряда (schools of the second grade)—16—17 лѣтъ; эти школы готовятъ обыкновенно своихъ питомцевъ къ коммерческой, промышленной или сельско-хозяйственной дѣятельности.

Наконецъ, школы третьяго разряда (schools of the third grade) непосредственно примыкаютъ къ народнымъ школамъ и имѣютъ цѣлью дать образование будущимъ ремесленникамъ и торговцамъ; средній возрастъ оканчивающихъ курсъ въ школахъ третьяго разряда 14—15 лѣтъ.

Кромѣ школъ, преслѣдующихъ самостоятельныя цѣли, которыми и обусловливается самый строй школы и его учебныя программы, есть много и такихъ школъ (preparatory schools), которыя занимаются лишь приготовленіемъ своихъ учениковъ къ среднимъ школамъ перваго разряда.

Слѣдующая схема очень наглядно представляетъ типы общеобразовательныхъ школъ въ полной ихъ постепенности съ самыхъ высшихъ до элементарныхъ.

a) высшія	{ University
University Colleges	
		Secondary schools of the first grade
b) среднія	{ Preparatory schools	Secondary schools of the second grade.
		Secondary schools of the third grade.
c) низшія	Elementary schools.	

Въ Англіи экзамена на должность учителя средне-учебнаго заведенія не существуетъ. Директора при выборѣ учителей ограничиваются рекомендаціями извѣстныхъ имъ лицъ, особенно профессоровъ университетовъ. Въ большихъ школахъ, гдѣ должность учителя очень хорошо оплачивается, составъ преподавателей очень хорошъ; обыкновенно, занять вакантную должность является много желающихъ и директоръ имѣетъ возможность устроить нѣчто въ родѣ конкурса. Въ такихъ школахъ учителя обладаютъ вообще очень солидными познаніями по своей спеціальности; въ маленькихъ же школахъ, обставленныхъ матеріально плохо, составъ преподавателей обыкновенно бываетъ тоже плохъ. Это вполне понятно: правительство въ случаѣ старости или болѣзни не обезпечиваетъ, хотя-бы отчасти, учителя, такъ какъ пенсій ни самимъ учителямъ, ни ихъ семействамъ въ Англіи не существуетъ. Такимъ образомъ, способный и хорошо образованный человѣкъ согласится

заявлять должность преподавателя только при условии хорошаго вознагражденія, которое дало-бы ему возможность, кромѣ безбѣднаго существованія, обезпечить путемъ страхованія жизни семью свою на случай смерти. Вообще въ Англии, въ противоположность другимъ главнѣйшимъ государствамъ Европы, совершенно отсутствуютъ какая-бы то ни было организація учительскаго института, не существуетъ и никакихъ такихъ учреждений, которыя-бы давали педагогическую подготовку будущимъ учителямъ.

Система англійскаго воспитанія представляетъ очень много существенныхъ особенностей сравнительно съ системами другихъ государствъ Европы. Съ одной стороны, есть много такого, что очень не мѣшало-бы перенять другимъ государствамъ и чему дѣйствительно находится на континентѣ, особенно въ послѣднее время, много подражателей; съ другой стороны, до сихъ поръ сохранились въ Англии такіе приемы воспитанія, которые давно пора сдать въ архивъ. Къ свѣтлымъ сторонамъ воспитанія мы отнесемъ большую заботу англійской школы о физическомъ воспитаніи своихъ питомцевъ, развитіи въ нихъ увѣренности въ себѣ и въ своихъ силахъ, правдивости и прямоты. На ряду съ этимъ продолжаетъ существовать такъ-наз. *faging system*, устанавливающая между старшими и младшими воспитанниками самыя нелѣпыя отношенія, при которыхъ младшіе по отношенію къ старшимъ должны играть роль слугъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Палочная система продолжаетъ процвѣтать въ англійскихъ школахъ, при чемъ розги (*birch*) употребляются сравнительно рѣдко, трость же (*canoe*) является самымъ обычнымъ средствомъ расправы, притомъ не только со стороны учащихся, но и со стороны старшихъ воспитанниковъ по отношенію къ младшимъ.

Чрезвычайно характерною въ этомъ отношеніи является таблица распределенія классовъ въ одномъ изъ лучшихъ англійскихъ интернатовъ (*Rugby school*).

Старшее отдѣленіе.	$\left. \begin{array}{l} \text{VI-ый старшій} \\ \text{VI-ый младшій} \end{array} \right\}$	могутъ имѣть слугъ (<i>fags</i> *) изъ младшихъ воспитанниковъ.
		$\left. \begin{array}{l} \text{V-ый старшій} \\ \text{V-ый младшій} \end{array} \right\}$
Среднее отдѣленіе.	$\left. \begin{array}{l} \text{Старшій средній 1} \\ \text{Старшій средній 2} \\ \text{Младшій средній} \end{array} \right\}$	должны быть слугами (<i>fags</i>) старшихъ воспитанниковъ.

*) *fags*—собственно значить горемыка, мученикъ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Строй школы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ очень своеобразный, мало похожій на строй школъ европейскихъ государствъ, кромѣ развѣ Англїи. Низшую ступень образуютъ народные школы, слѣдующую за нею высшія школы (high schools) съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ въ большинствѣ школъ. Курсъ высшихъ школъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, среднимъ классамъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній. Затѣмъ идутъ колледжи, называемые иногда университетами. Курсъ колледжей представляетъ отчасти курсъ, соотвѣтствующій старшимъ классамъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній, отчасти-же нашимъ университетамъ.

Высшія школы въ Соединенныхъ Штатахъ Америки бываютъ 2-хъ родовъ: общественныя высшія школы (public high schools) и частныя, называемыя иногда академіями (private endowed academies).

Первыя содержатся на счетъ городовъ, обученіе въ нихъ дѣтей жителей своего города бесплатное; вторыя содержатся на счетъ различныхъ учреждений, сектъ и частныхъ лицъ. Въ учебномъ отношеніи общественныя высшія школы стоятъ значительно ниже частныхъ. Общественныя высшія школы, содержимыя на счетъ горожанъ, необходимо должны считаться съ ихъ взглядами и требованіями: они требуютъ отъ школы главнымъ образомъ подготовки къ практической жизни и часто довольствуются только посѣщеніемъ нѣсколькихъ первыхъ классовъ. Статистика показываетъ, что только 12% всего числа учениковъ общественныхъ школъ продолжаетъ образование въ колледжахъ или университетахъ и только 17% вообще оканчиваютъ курсъ. Большимъ недостаткомъ общественныхъ школъ является также и то обстоятельство, что дѣти обоего пола обучаются въ нихъ вмѣстѣ и классы являются черезчуръ многлюдными. Кромѣ того, общественнымъ школамъ часто приходится считаться съ различными политическими теченіями и партіями, что также должно вредно отзываться на ходѣ дѣла.

Составъ преподавателей въ общественныхъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, очень неудовлетворительный и постоянно мѣняющійся. Частныя высшія школы, какъ по составу преподавателей, такъ и по постановкѣ учебнаго дѣла стоятъ, какъ мы уже сказали, значительно выше общественныхъ. Классы въ нихъ гораздо малолюднѣе, такъ какъ при сравнительно высокой платѣ за обученіе въ частныя школы отдають дѣтей только состоятельные родители, которые имѣють достаточно средствъ, чтобы довести образование своихъ дѣтей до конца; поэтому изъ частныхъ школъ вдвое большій процентъ всего числа учениковъ поступають въ колледжи и уни-

верситеты, да и вообще оканчиваетъ курсъ значительно большій процентъ, чѣмъ въ общественныхъ школахъ.

Курсъ большинства высшихъ школъ, какъ мы сказали, 4-хъ-лѣтній, причемъ средній возрастъ поступающихъ въ высшія школы 14—15 лѣтъ. Главнѣйшіе предметы курса высшихъ школъ, имѣющіеся почти во всѣхъ школахъ, слѣдующіе: латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій языки, алгебра, геометрія, тригонометрія, физика, химія, всеобщая исторія, реторика, англійская литература и геологія; кромѣ этихъ предметовъ, существуютъ въ различныхъ школахъ нѣкоторыя другіе, да и въ каждой отдѣльной школѣ существуютъ нѣсколько плановъ обученія и такимъ образомъ учащемуся предоставляется значительная свобода въ выборѣ предметовъ.

Статистика показываетъ, что наибольшее число учащихся приходится на алгебру и латинскій языкъ и наименьшее, очень незначительное, на греческій языкъ, и то больше въ частныхъ школахъ.

Отсутствіе общихъ учебныхъ плановъ въ высшихъ школахъ представляетъ очень большое неудобство при переходѣ ученика изъ одной школы въ другую, который почти всегда сопровождается потерей времени.

Недостатки, являющіеся результатомъ отсутствія единства школы, замѣчаются очень хорошо самимъ обществомъ, и вотъ въ 1892 году національная ассоціація обученія (National Educational Association) образовала комиссію изъ десяти лучшихъ педагоговъ страны для выработки общаго плана высшей школы. По плану, выработанному этою комиссіею, курсъ высшей школы долженъ быть 4-хъ-летней и имѣть 4 подраздѣленія: 1) классическое, съ обоими древними языками, 2) латинское, съ однимъ латинскимъ языкомъ, 3) новыхъ языковъ и обязательнымъ обученіемъ нѣмецкому и французскому языку и 4) англійское, съ обязательнымъ изученіемъ одного изъ 3-хъ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго. Англійскій языкъ, математика, физика, химія, географія и исторія являются обязательными предметами во всѣхъ отдѣленіяхъ.

Этотъ планъ пѣликомъ не принятъ еще ни одною школою, но зато многія уже болѣе или менѣе къ нему примѣняются, и можно предполагать, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлается примѣрнымъ планомъ, съ которымъ будутъ сообразоваться всѣ школы.

Упомянутая выше неудовлетворительность педагогическаго персонала высшихъ школъ является результатомъ полного отсутствія единства требованій на право быть преподавателемъ высшей школы, такъ что, кромѣ небольшого числа дѣйствительно образованныхъ и хорошо подготовленныхъ преподавателей, большинство считаетъ вполне достаточнымъ мало-мальски знать тотъ предметъ, который

онъ преподаеть. Кромѣ того, многіе преподаватели высшихъ школъ смотрять на свое занятіе, какъ на временное, за неимѣніемъ лучшаго, и, по присканіи лучшаго, оставляють преподаваніе. Этимъ и объясняется постоянная смѣна преподавателей и переходъ ихъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Дѣло доходить до такого курьезнаго, съ нашей точки зрѣнія, факта, что учреждаются особыя учительскія агентства, которыя поставляють преподавателей для высшихъ школъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, обратили вниманіе и на этотъ вопросъ и принимаютъ уже мѣры къ упорядоченію и этой стороны учебно-воспитательнаго дѣла.

Указывая на отрицательныя стороны постановки учебнаго дѣла высшихъ американскихъ школъ, нельзя обойти и нѣкоторыя положительныя, касающіяся методической стороны. Такъ, въ Америкѣ обращаютъ несравненно больше, чѣмъ у насъ, вниманія на самостоятельность занятій учащихся, не заваливая ихъ излишне большимъ класснымъ матеріаломъ. При изученіи экспериментальныхъ наукъ, какъ физика и химія, не ограничиваются изученіемъ учебника, какъ это въ большинствѣ случаевъ дѣлается у насъ, а обязательно сопровождаютъ это изученіе самостоятельными занятіями въ лабораторіяхъ.

Послѣднюю ступень американской общеобразовательной школы представляютъ колледжи, называемые также университетами. Съ названіями «колледжъ» и «университетъ» не связано никакого вполне опредѣленнаго значенія. Болѣе старыя учрежденія такого рода носятъ по прежнему названіе колледжей, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ имъ по праву должно быть присвоено названіе университета въ томъ смыслѣ, какой это названіе имѣетъ въ Европѣ. Съ другой стороны, есть университеты, которые по своимъ программамъ и устройству скорѣе соотвѣтствуютъ нашимъ гимназіямъ. Собственно колледжъ представляетъ учебное заведеніе съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ общеобразовательнаго характера, окончаніе курса въ которомъ даетъ званіе бакалавра (bachelor of arts, bachelor of philosophy и bachelor of science). Степень бакалавра американскихъ колледжей значительно выше соотвѣтствующей степени во Франціи. Отличительною особенностью постановки учебнаго дѣла американскихъ колледжей является очень большая свобода выбора изучаемыхъ предметовъ. Курсъ почти всѣхъ колледжей 4-хъ-лѣтній и обыкновенно только первые два года учащіеся обязаны слѣдовать въ своихъ занятіяхъ опредѣленному плану, смотря по тому, ищутъ-ли они степень бакалавра искусствъ, философіи или наукъ. Послѣдніе-же два года учащимся предоставляется *полная свобода въ выборъ предметовъ*, такъ что эти годы они могутъ употреблять уже всецѣло или отчасти на изученіе той специальности, которой они намѣрены посвятить себя, полу-

чивъ степень бакалавра. Это особенно практикуется въ такихъ большихъ колледжахъ, которые имѣютъ университетское (съ нашей точки зрѣнія) отдѣленіе, а также и отдѣленіе, соответствующее нашимъ специальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Преподаватели колледжей и университетовъ носятъ названіе профессоровъ, причемъ маленькіе колледжи требуютъ, чтобы преподаватель имѣлъ, по крайней мѣрѣ, степень бакалавра; въ большихъ колледжахъ, соответствующихъ нашимъ университетамъ, требуется степень доктора. Колледжи учреждаются и содержатся на средства государства, религіозныхъ общинъ, отдѣльныхъ учреждений и частныхъ лицъ.

Говорить объ учебныхъ планахъ и программахъ колледжей очень мудро, такъ какъ общаго учебнаго плана не существуетъ; приводить же учебные планы 2-хъ, 3-хъ колледжей не стоитъ, потому что это даетъ слишкомъ мало матеріала для того, чтобы судить о программахъ и учебныхъ планахъ остальныхъ слишкомъ 400 колледжахъ. Въ заключеніе считаемъ не безынтереснымъ упомянуть, что право поступленія въ специальныя учебныя заведенія для изученія медицины, права и пр. вовсе не связано съ окончаніемъ курса въ колледжахъ и съ приобрѣтеніемъ званія бакалавра.

Приведенныя нами краткія историческія указанія даютъ ясное представленіе о томъ, какъ въ различныхъ государствахъ въ теченіе послѣдняго столѣтія постепенно мѣнялись взгляды на общую систему средняго образованія. Въ сущности, во всѣхъ государствахъ происходило одно и то же. Въ первой половинѣ XIX-го столѣтія царствуетъ классическая система, увлеченіе древними языками доходитъ до того, что отечественный языкъ изучается на переводахъ съ древнихъ языковъ, какъ это мы видѣли, на примѣръ, въ Баваріи. Во второй половинѣ нашего вѣка древніе языки начинаютъ постепенно терять свое преобладающее значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ съ классическими школами начинаютъ развиваться реальныя, а въ настоящее время во всѣхъ главнѣйшихъ государствахъ дѣло идетъ къ полному уравненію этихъ 2-хъ системъ, причемъ въ Германіи, Австріи, а также и у насъ реальная школа почти совершенно отказалась отъ изученія классическаго міра, во Франціи же она отказалась только отъ изученія древнихъ языковъ, не устраняя вовсе изученія греко-римской культуры, греческой и римской литературы.

Въ отношеніи общей организаціи среднихъ школъ разсмотрѣнныя нами государства можно раздѣлить на 3 группы:

Къ 1-й группѣ принадлежатъ Германія и Австрія (къ ней же надо отнести и Россію), гдѣ школа, давая своимъ ученикамъ общее образованіе и подготавливая ихъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, сама

вмѣстѣ съ тѣмъ и контролируетъ результаты занятій своихъ учениковъ, сама даетъ имъ и различныя права; это влечетъ за собою полное единообразіе всѣхъ школъ одного и того-же типа, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ.

Ко 2-й группѣ принадлежитъ Франція, гдѣ средняя школа только подготавливаетъ молодыхъ людей къ извѣстнаго рода экзаменамъ, которые производятся внѣ школы. Послѣдствіемъ этого является единообразіе въ учебныхъ планахъ и программахъ, въ отношеніи-же внутренняго устройства каждому учебному заведенію предоставляется извѣстная доля свободы.

Къ 3-й группѣ принадлежатъ Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Здѣсь каждая школа пользуется почти полной свободой какъ въ отношеніи внутренней организаціи, такъ и постановки учебнаго дѣла.

На тѣ-же три группы можно раздѣлить разсмотрѣнныя нами государства и въ отношеніи тѣхъ требованій, которыя предъявляются учительскому персоналу.

Въ Германіи и Австріи на теоретическую и практическую подготовку преподавателей обращено особенно большое вниманіе: отъ будущаго преподавателя требуется не только основательное знаніе того предмета, который онъ будетъ преподавать,—отъ него требуется также возможно болѣе широкое общее образованіе; кромѣ того, обращается вниманіе также и на то, чтобы начинающій преподаватель предварительно имѣлъ возможность практически ознакомиться съ дѣломъ преподаванія и обнаружить свои педагогическія способности.

Во Франціи (какъ и въ Россіи до настоящаго времени) преподаватель долженъ имѣть только извѣстный научный цензъ въ видѣ ученой степени, данной ему окончаніемъ курса въ университетѣ.

Въ Англіи и Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ не установлено никакого особаго научнаго ценза для преподавателей и относительно выбора ихъ каждой школѣ предоставлена полная свобода; вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, происходитъ то, что на-ряду съ прекрасными преподавателями въ богатыхъ учебныхъ заведеніяхъ можно видѣть очень плохихъ—въ бѣдныхъ.

Д. Цинзерлингъ.

О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія *).

I. Психологія и воспитаніе.

Какъ часто изъ устъ насъ — родителей и воспитателей—слышится такая фраза, обращенная къ провинившемуся ребенку:

— Какъ-же ты могъ это сдѣлать? — Развѣ ты этого не понимаешь?—Развѣ ты не знаешь, что этого нельзя дѣлать?

Произнося подобныя фразы, мы и правы, и не правы. Правы, потому что ребенокъ въ самомъ дѣлѣ понимаетъ свою ошибку и умѣетъ отличать дозволенное отъ недозволеннаго; но, съ другой стороны, мы и не правы, потому что не всегда на-ряду съ развитіемъ пониманія идетъ ростъ воли, и не всегда дѣти имѣютъ силу осуществить на дѣлѣ то, что желали-бы. Въ этомъ отношеніи они рѣшительно отличаются отъ взрослыхъ.

Столь-же нерѣдко случается, что дѣтямъ предлагаютъ требованія, не вполне доступныя ихъ уму, и на этомъ, между прочимъ, основывается ходячая практика требованія отъ дѣтей безусловнаго повинненія.

Не станемъ пояснять нашу мысль лишними и общеизвѣстными примѣрами, переходимъ прямо къ выводу. Мы нерѣдко незнакомы съ естественнымъ ходомъ психическаго развитія дѣтей и предлагаемъ имъ требованія, недоступныя ихъ уму, или волѣ, или чувству. Столь-же нерѣдко мы оставляемъ безъ отвѣта запросы дѣтской души—мы не всегда сознаемъ эти запросы. Необходимо знать дѣтскую душу!

*) Сообщение, сдѣланное почтеннымъ проф. И. А. Сикорскимъ 20-го января 1900 года въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и напечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для преподавателей и воспитателей означеннаго корпуса и нѣкоторыхъ другихъ военно-морскихъ учебныхъ заведеній, заслуживаетъ по нашему мнѣнію, самаго широкаго распространенія, и потому мы съ особеннымъ удовольствіемъ даемъ мѣсто этому сообщенію на страницахъ нашего журнала.

Въ примѣненіи къ вопросамъ школы обыкновенно руководятся чисто *педагогической* точкой зрѣнія, а въ послѣднія 10—15 лѣтъ стали придавать значеніе и *психической* точкѣ зрѣнія. Въ гораздо меньшей степени обращается вниманіе на данныя *психологии*; между тѣмъ психологія сдѣлала столь существенные успѣхи въ послѣднее время, что ея выводы могутъ разъяснить нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ проблемъ воспитанія.

Таково, между прочимъ, новѣйшее ученіе Флексига о трехъ ассоціативныхъ центрахъ въ головномъ мозгу. Ученіе это принято не только въ Германіи (отечествѣ Флексига), но также во Франціи, въ Англіи и нашемъ отечествѣ. Ассоціативными центрами Флексигъ называетъ тѣ части мозга, которые не связаны съ внѣшними органами чувствъ (глазомъ, ухомъ и пр.) и которые назначены для высшихъ психическихъ дѣятельностей именно для *переработки* полученныхъ человѣкомъ впечатлѣній. По изслѣдованіямъ Флексига, эти центры или территории мозга у человѣка развиты весьма сильно, составляя $\frac{2}{3}$ всей массы мозга, у животныхъ же они развиты чрезвычайно мало. Соответственно этому, животное мало думаетъ, мало перерабатываетъ свои впечатлѣнія. Тысячи этихъ впечатлѣній, тысячи пакетовъ, получаемыхъ ежечасно въ мозгу животного чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, вскрываются, записываются во входящій реестръ и этимъ, большею частью, все кончается; многіе пакеты остаются не вскрытыми: животное не обратило на нихъ вниманія. Совершенно не то въ мозгу человѣка: тамъ есть могучіе аппараты для переработки впечатлѣній, для дешифровки вскрытыхъ пакетовъ, для составленія по нимъ рѣшеній. Эта чисто *человѣческая работа* происходитъ въ высшихъ или ассоціативныхъ центрахъ, топографическое положеніе которыхъ въ мозгу опредѣлено Флексигомъ, сдѣлавшимъ это величайшее открытіе въ 1897 году.

Флексигъ нашелъ, что *высшіе центры* распадаются на три отдѣла, которымъ онъ даетъ слѣдующія названія, на основаніи ихъ локализациі: 1) *Большой* или затылочнотемянной ассоціативный центръ. 2) *Малый* или лобный ассоціативный центръ (въ лобной части мозга). 3) *Средній* или рѣчевой.

Въ *первомъ изъ этихъ центровъ* перерабатываются и сохраняются, въ формѣ памяти, всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ *внѣшняго міра* (чрезъ ухо, глазъ и др. внѣшніе органы чувствъ). Дѣятельность этого центра вноситъ въ нашу душу множество живыхъ образовъ. Въ этомъ заключается высокое воспитательное значеніе *наблюденія внѣшняго міра* и самаго умѣнья наблюдать. Развитіе и упражненіе этого центра придаетъ человѣку способность наблюдательности, точ-

ности, внимательности и на весь душевный строй кладетъ отпеча-токъ объективности.

Лобный ассоціативный центръ назначенъ для переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ всѣхъ внутреннихъ органовъ. Черезъ посредство этого центра человекъ *познаетъ самого себя*. Съ развитіемъ, упражненіемъ и дѣятельностью этого центра связано развитіе *чувства* и *воли* и вообще *личности* человека. Эстетическое, нравственное и даже религіозное развитіе человека связано съ этимъ центромъ. Его упражненіе придаетъ человеку *глубину* и *тонкость* и кладетъ на всю личность отпечатокъ *субъективности*.

Третій, *средній или рѣчевой*, ассоціативный центръ служитъ органомъ человеческой рѣчи. Развитіе этого центра имѣетъ высокое педагогическое значеніе. Онъ объединяетъ дѣятельность двухъ первыхъ центровъ и является, при посредствѣ условныхъ символическихъ движеній, матеріальнымъ выразителемъ процессовъ, совершающихся въ этихъ центрахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ центръ рѣчи служитъ передаточной станціей или проводникомъ, при помощи котораго работа изъ однихъ территорій мозга передается въ другія.

Сопоставляя и сравнивая взаимодѣйствіе и значеніе трехъ ассоціативныхъ центровъ, можемъ сказать, что два первые обогащаютъ нашу душу *реальными образами* внѣшняго и внутренняго міра; средній-же центръ, своимъ процессомъ слова, *напоминаетъ* намъ реальные образы, приводя въ ассоціативное возбужденіе два первые центра. Отсюда становится понятнымъ высокое жизненное значеніе изящной литературы и поэзіи: художественное слово, поэтическая или образная рѣчь возбуждаютъ важнѣйшіе центры мозга и приводятъ ихъ въ дѣйствіе. Слѣдовательно, одухотворенный, поэтический языкъ *животворитъ* человека не только въ переносномъ, но и буквальномъ значеніи этого слова.

Всѣ три ассоціативные центры мозга соединены между собою такимъ большимъ числомъ связей и проводовъ, что если-бы эти соединенія вытянуть въ одну непрерывную нить, то получилась-бы длина, способная изумить человеческое воображеніе, именно—длина многихъ десятковъ тысячъ верстъ. По всѣмъ этимъ путямъ идетъ постоянная работа, происходитъ безконечное нервное движеніе, совершается не прекращающійся обменъ силъ. Въ этомъ состоитъ физиологическая основа мысли.

Съ этими новыми научными фактами должна быть собразована человеческая практика: систему воспитанія нѣтъ надобности изобрѣтать, нужно только подражать природѣ, слѣдовать за природой и прислушиваться къ ея указаніямъ, потому что—*subtilitas naturae subtilitatem hominis multo praeferat*.

II. Основы средняго образованія.

Основываясь на указанныхъ фактахъ, можно сказать, что задача общаго образованія должна состоять въ томъ, чтобы изъ массы наукъ и знаній избрать *нѣчто немногое*, что наилучшимъ образомъ могло-бы содѣйствовать упражненію поименованныхъ трехъ ассоціативныхъ центровъ и развитію связанныхъ съ ними психическихъ дѣятельностей. Существеннымъ-же условіемъ умственнаго упражненія или умственной гимнастики должно быть стремленіе— призвать къ работѣ всѣ части и всѣ территоріи мозга, не оставляя ни одной безъ соотвѣтствующаго упражненія. Гимнастика ума, подобно гимнастикѣ тѣла, должна быть не *односторонней* или *частичной*, но *всеобщей*, которая обезпечивала-бы развитіе всѣхъ силъ и способностей.

Какими-же средствами можно достигнуть этой цѣли?

Предполагали, что существуютъ *универсальныя* средства или приемы, способные развивать *всѣ виды* умственной дѣятельности. Къ такимъ универсальнымъ средствамъ принадлежать, по мнѣнію однихъ, *древніе языки съ математикой*, по мнѣнію другихъ—*естествознаніе*, по мнѣнію третьихъ—науки гуманитарныя, обезпечивающія и умственное, и нравственное развитіе человѣка.

Съ точки зрѣнія современной *психологіи*, для развитія отдѣльныхъ *высшихъ духовныхъ дѣятельностей* должны быть примѣнены особыя для каждой изъ нихъ (или для cadaго мозгового центра), приемы или средства.

Для упражненій въ познаніи *внѣшняго міра* (или говоря фیزیологически—для развитія большаго ассоціативнаго центра мозга) наилучшимъ средствомъ представляются науки наблюдательныя, или естествознаніе.

Для упражненія въ познаніи *внутренняго міра* (т.-е. для развитія лобнаго ассоціативнаго центра) наилучшимъ средствомъ являются науки гуманитарныя (исторія, литература, физика, философія).

Для упражненія *рѣчсваго ассоціативнаго центра* лучшимъ средствомъ будетъ изученіе языковъ.

Такимъ образомъ, идеаломъ общеобразовательной школы должна быть такая система знаній, въ которую-бы входило *естествознаніе*, *языки* и *науки гуманитарныя*, какъ совершенно самостоятельныя равноправныя части одного цѣлаго, притомъ взятыя въ известномъ сочетаніи, рассчитанномъ на гармоническое развитіе *основныхъ* психическихъ дѣятельностей.

Въ эту основную схему не внесена *математика*, но она, по существу своему, съ психологической точки зрѣнія, примыкаетъ, по-

добно языку, къ группѣ промежуточныхъ умственныхъ операций, входящихъ, какъ часть, во всѣ психическіе акты.

III. Изученіе языковъ.

Въ вопросѣ о типѣ средней общеобразовательной школы наибольшія затрудненія зависѣли, какъ показало время и опытъ, отъ *не выясненнаго педагогическаго значенія языкознанія*. Одни чрезмерно возвышали, другіе умаляли значеніе языка, какъ предмета общаго образованія. Въ виду этого, *психологическое обоснованіе вопроса о языкѣ* представляется существенно необходимымъ.

Въ изученіи языка необходимо различать два послѣдовательныхъ психическихъ процесса, именно: 1) изученіе и усвоеніе звуковъ слова и самаго слова, 2) изученіе и усвоеніе смысла и значенія словъ.

Оба процесса различаются и по своей психологической сущности, и по своей локализациі въ мозгу и, наконецъ, по своему воспитательному значенію.

Процессъ усвоенія звуковъ и словъ наблюдается у дитяти въ періодъ дѣтскаго лепета, а у взрослого—при началѣ обученія иностранному языку. Съ научной точки зрѣнія этотъ процессъ разъясненъ проф. Эббингаузомъ, который взялъ на себя оригинальную психологическую задачу заучивать произвольно сгруппированные ряды слоговъ, не имѣющіе значенія словъ (*sinnlose Silbenreihen*). Въ этомъ случаѣ ученые психологъ повторяютъ, въ качествѣ эксперимента, работу дитяти, начинающаго лепетать слова, или работу взрослого, начинающаго знакомиться впервые съ неизвѣстнымъ до толѣ иностраннымъ языкомъ.

Заучиваніе звуковъ и словъ составляетъ простѣйшую психическую операцію, имѣющую мало педагогическаго значенія.

Высокое педагогическое значеніе для развитія ума имѣетъ дальнѣйшая операція, состоящая въ изученіи *языка*, т.-е. въ объединеніи или ассоціаціи знакомаго слова съ знакомымъ предметомъ. Слово играетъ роль посредствующаго звена въ цѣпи ассоціацій, и въ этомъ заключается его высокое воспитательное значеніе въ дѣлѣ развитія мысли. Объединяя путемъ физиологическихъ процессовъ дѣятельность нѣсколькихъ центровъ и участковъ мозга, слово является могучимъ орудіемъ, при посредствѣ котораго искра мысли, возникающая въ одной части мозга, разносится повсюду, разгораясь въ пламя идейной работы.

Какъ изучаются языки?

Изученіе языка, рассматриваемое съ психологической точки зрѣнія, происходитъ двоякимъ образомъ, а именно: 1) Черезъ посредство уха—изустная рѣчь. 2) Черезъ посредство зрѣнія—письменная рѣчь.

Первый путь естественнѣе, ближе, такъ сказать, къ природѣ. Онъ гораздо раньше развивается и доступенъ ребенку уже въ началѣ второго года жизни (дѣвочкѣ въ первой четверти второго года, мальчику—во второй).

Второй путь изученія рѣчи (черезъ глазъ) также естественъ человѣку по природѣ, потому что наука открыла въ мозгу центры, соответствующіе письму, или графической рѣчи. Правда, эти центры еще не имѣютъ за собой большой біологической давности, и, соответственно тому, самая способность письма еще носить въ себѣ много искусственного или культурнаго и еще далеко не въ такой степени закрѣплена наслѣдственностью, какъ изустная рѣчь: всѣ владѣютъ изустной рѣчью, а письменная дается только тѣмъ, кто этому специально обучается. Однакожъ для успѣховъ умственнаго развитія письменная рѣчь стала существеннымъ орудіемъ.

По самому строенію и развитію нервной системы, или, говоря обыкновеннымъ языкомъ — *по самой природѣ вещей*, способность письменной рѣчи развивается значительно позже изустной рѣчи. Въ ту пору, когда ребенокъ уже довольно свободно говоритъ и объясняется, онъ еще рѣшительно не въ состояніи обучиться читать и писать. Письменная рѣчь дается не раньше четвертаго или пятаго года жизни. Въ основаніи такого различія въ срокѣ обученія изустной рѣчи и письму лежитъ различіе въ локализациі этихъ отправленій въ головномъ мозгу и глубокія различія въ самомъ устройствѣ и способѣ дѣйствія нервно-психическихъ механизмовъ, завѣдующихъ рѣчью и письмомъ.

Эти основные факты психо-физиологіи необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи вопросовъ объ обученіи дѣтей языкамъ.

Раньше всего ребенокъ долженъ обучаться отечественному языку. Родная рѣчь болѣе естественна не только по нравственнымъ мотивамъ, но и въ силу наслѣдственнаго предрасположенія, которое, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаетъ родную рѣчь физиологически близкой и потому болѣе легкой для усвоенія. Для тѣхъ дѣтей, которыя, раньше отечественнаго, стали изучать иностранный языкъ, этотъ послѣдній становится для нихъ психологически отечественнымъ языкомъ, т.-е. ближайшимъ орудіемъ ихъ мысли.

Физиологическій срокъ, необходимый для прочнаго усвоенія языка, равенъ, приблизительно, десяти годамъ, судя по тому, что дѣти, оглохшія до 10 лѣтъ, становятся нѣмыми, т.-е. забываютъ говорить, оттого, что перестали слышать человѣческую рѣчь; но послѣ десяти лѣтъ языкъ не забывается съ потерей слуха. Этотъ фактъ указываетъ на тонкость и деликатность мозговыхъ центровъ, служащихъ орудіемъ *дара слова*, и на самую сложность функціи рѣчи.

Обученіе иностраннымъ языкамъ совершается или по способу *изустной рѣчи*, или по методу *письменной рѣчи*. Новые или живые языки изучаются, главнымъ образомъ, по первому способу, древніе или мертвые языки—по второму. Въ этомъ заключается существенная разница въ срокѣ, потребномъ для изученія языка и въ относительной трудности самаго изученія.

Въ отношеніи изученія языковъ по изустному способу авторъ этихъ строкъ можетъ указать на слѣдующія положенія, выведенныя изъ наблюденій,

1) Между началомъ изученія одного языка и слѣдующаго за нимъ должно пройти не менѣе двухъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ нарушается устойчивость и прочность предшествующаго языка, а при дальнѣйшемъ параллельномъ изученіи двухъ языковъ проявляется замедленіе и спутанность въ выраженіи мыслей, зависящая отъ того, что представленія или идеи связываются попеременно съ словесными образами того или иного языка, нарушая тѣмъ простоту и стройность процесса мысли. Подобный недостатокъ можетъ остаться на всю жизнь, въ качествѣ нѣкотораго порока мысли. Но если языки изучаются послѣдовательно, чрезъ два-три года одинъ за другимъ, то психо-физическая разница двухъ языковъ становится настолько рѣзкой, что существованіе ихъ въ умѣ уже не вызываетъ спутанности въ теченіи мыслей.

2) Для изученія языковъ по *изустному способу* наиболѣе естественнымъ срокомъ является возрастъ до 12 лѣтъ. Въ это время дѣтскій умъ еще мало способенъ къ усвоенію другихъ предметовъ, кромѣ изученія чиселъ, изученія языка и начальнаго ознакомленія съ природой. Изученіе языковъ въ дальнѣйшіе сроки представляется не экономнымъ употребленіемъ *психическихъ силъ* и отодвигаетъ въ ненадежную даль пользованіе языкомъ для *чтенія* на немъ.

Изученіе языка при помощи *письменной рѣчи* представляетъ собою совершенно иной психо-физическій процессъ, нежели обученіе изустной рѣчи. Обученіе происходитъ здѣсь, главнымъ образомъ, при посредствѣ глаза и идетъ по инымъ мозговымъ центрамъ и проводящимъ путямъ. Въ общемъ этотъ способъ труднѣе перваго и сложнѣе. Когда мы учимся писать, мы изучаемъ начертаніе письменъ и формы буквъ на подобіе художника, который запоминаетъ и передаетъ штрихи и черты изображаемыхъ предметовъ.

Но когда намъ приходится *писать слова*, или когда грамотный ребенокъ списываетъ съ книги, то при этомъ всегда вспоминаются мысленно соотвѣтствующіе звуки, т.-е. происходитъ ассоціація, или переводъ зрительныхъ впечатлѣній на звуковыя, и уже послѣднія передаются на движеніе руки (пишущей). Дѣти, списывающія съ

книги, нерѣдко диктуютъ себѣ вполголоса—*vorsagen*, какъ сказалъ-бы имѣть на своемъ выразительномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого дѣлаемая при списываніи ошибки являются ошибками выговора, т.-е. *изустной, а не письменной рѣчи*, даже въ томъ случаѣ, когда ребенокъ пишетъ молча и не шевеля губами: картавые и шепелявые дѣти пишутъ *какъ говорятъ*, не смотря на то, что передъ глазами у нихъ лежитъ книга. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ составъ письменной рѣчи мысленно входитъ изустная рѣчь. Это усложненіе работы дѣлаетъ ее болѣе трудной. Этимъ-же объясняется болѣе позднее усвоеніе письма въ дѣтствѣ, въ сравненіи съ изустной рѣчью. Въ среднемъ выводѣ дѣти могутъ начать изученіе письменной рѣчи на *шестомъ* году жизни, даже въ отношеніи отечественнаго языка.

Такъ какъ изученіе языка по *письменному способу* значительно сложнее и труднѣе, то понятно, что усвоеніе мертвыхъ языковъ (доступное только письменному способу) представляетъ вообще трудную и непріятную процедуру. Если приходится изучать живой иностранный языкъ по письменному способу, то дѣло въ сущности сводится какъ-бы къ изученію мертваго языка, со всѣми его трудностями. Однакоже для взрослога даже и такой способъ изученія языка значительно легче, чѣмъ для дѣтей, въ силу того, что взрослымъ уже хорошо усвоена родная письменная рѣчь (чтеніе и письмо) и благодаря этому уже имѣется готовая психологическая рамка, въ которую вкладывается изученіе чужого языка. Единственнымъ и, можно сказать, капитальнымъ облегченіемъ въ изученіи мертвыхъ языковъ было-бы первоначальное изученіе ихъ по типу *изустной рѣчи*, какъ это было въ старинныхъ школахъ.

Менѣе отвлеченные и стоящіе ближе къ природѣ вещей, практичные англичане предложили въ послѣднее время даже и для изученія живыхъ языковъ *облегчительный приемъ*, состоящій въ посылкѣ дѣтей на каникулярное время въ иностранныя семейства—въ обмѣнъ на соотвѣтственное гостепримство, предлагаемое иностраннымъ дѣтямъ въ англійскихъ семействахъ.

IV. Преподаваніе научныхъ предметовъ.

Порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ расположить различные предметы, преподаваемые въ средней школѣ, долженъ быть согласованъ съ самимъ ходомъ психическаго развитія въ дѣтствѣ и юности. Съ этой точки зрѣнія, педагогическія задачи, выпадающія на долю средней школы, особенно трудны, быть можетъ, труднѣе задачъ высшей школы.

Высшая школа имѣетъ дѣло съ опредѣлившимся и сложившимся

психическимъ возрастомъ — *юностью*, средняя-же школа должна вести дѣло умственнаго и нравственнаго развитія въ періодъ постепенной смѣны трехъ психическихъ возрастовъ — *старшаго дѣтства*, *промежуточнаго* или *переходнаго возраста* и наконецъ *юности*.

Можно сказать, безъ всякаго опасенія впасть въ преувеличеніе, что неуспѣхи средней школы зависятъ не только отъ ея неудовлетворительной организаціи, но гораздо болѣе отъ абсолютной и относительной трудности самихъ задачъ, которыя приходится осуществлять. Быть можетъ, даже и самая неустойчивость системъ средняго образованія вытекаетъ изъ этого-же источника.

Для правильной постановки дѣла средняго образованія необходимо руководиться не только *педагогическими соображеніями*, но въ не меньшей степени *данными психологіи и психической гігіены*.

Съ психологической точки зрѣнія школьный возрастъ совпадаетъ съ тремя періодами развитія, а именно: 1) возрастъ старшаго дѣтства съ 7 — 12 лѣтъ; 2) промежуточный возрастъ съ 12 — 15 лѣтъ; 3) юность съ 15 лѣтъ.

Возрастъ *старшаго дѣтства* или отрочества съ внѣшней стороны обозначается способностью изучать человѣческую рѣчь чрезъ органъ зрѣнія (т.-е. возможностью обучаться чтенію и письму); съ внутренней-же стороны этотъ возрастъ характеризуется способностью къ довольно совершенному исполненію простѣйшей умственной работы, при чемъ, однако-же, еще нѣтъ ни способности, ни умѣнья объединять отдѣльныя части изучаемаго. Вся умственная дѣятельность въ эти годы напоминаетъ этюды художника, которые въ будущемъ свяжутся въ общій планъ. Воля въ это время еще на столько слаба, что настойчивости въ трудѣ не можетъ быть, и умственное утомленіе наступаетъ легко, въ особенности при работѣ монотонной, или при занятіяхъ, лишенныхъ наглядности. Мѣриломъ силы воли въ этотъ періодъ можетъ служить еще относительно слабо развитая способность сдерживать душевныя волненія и слезы.

Въ этотъ періодъ жизни юное человѣческое существо способно съ успѣхомъ обучаться чтенію и письму и близкому къ языку въ психологическомъ отношеніи искусству счисленія; сверхъ того, изученію доступны и нѣкоторыя другія научныя знанія, изложенныя въ формѣ наглядныхъ, сопровождаемыхъ опытами, общихъ, не специализированныхъ курсовъ по физической географіи и по ознакомленію съ природой и пр.

Возрастъ *промежуточный* характеризуется *окрѣпшею волей* и впервые обозначившеюся способностью къ систематическому изученію предметовъ. Въ отношеніи развитія чувства замѣчается застой и кселебанія подъ вліяніемъ приближающагося или наступающаго

усиленія роста тѣла и спеціального физическаго развитія. Поведеніе въ эту пору также становится нерѣдко неустойчивымъ. При окрѣпшей волѣ и незрѣломъ умѣ, въ этомъ возрастѣ возможны, напр., проявленія недѣлаго ребяческаго героизма, въ родѣ предпринимаемыхъ побѣговъ изъ дому, плановъ путешествій въ отдаленныя страны и т. п., о чемъ время отъ времени читаемъ въ газетахъ.

Въ виду окрѣпшей воли и настойчивости, возможна установка вполнѣ правильныхъ систематическихъ курсовъ по разнымъ предметамъ: русской исторіи, географіи, естествознанію, математикѣ (арифметикѣ, алгебрѣ и геометріи) и особенно по мертвымъ и живымъ языкамъ, изученіе которыхъ, при неокрѣпшей волѣ предшествующаго періода, представлялось-бы особенно затруднительнымъ.

Не лишены существеннаго значенія тотъ фактъ, что въ эту пору еще нѣтъ способности къ оцѣнкѣ и критикѣ, къ сравненіямъ и обобщеніямъ, и потому воспитанникъ способенъ поддаваться дѣйствию всякихъ умственныхъ вліяній; но въ то-же время онъ способенъ въ такой-же степени усваивать преподаваемое, и притомъ усваивать съ тою точастью и въ томъ духѣ, въ какомъ направлено преподаваніе. Методически правильное преподаваніе и обученіе въ эту пору можетъ увѣнчаться наиболѣе полными успѣхами. Въ этомъ возрастѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, воспитатель и наставникъ могутъ сдѣлать ученика терпѣливымъ, настойчивымъ, исполнительнымъ, аккуратнымъ. Сравненіе человѣческаго ума съ *tabula rasa* или съ воскомъ наиболѣе примѣнимо къ этому возрасту.

Если, по какимъ-либо причинамъ, воспитанникъ въ этомъ именно возрастѣ, т.-е. до наступленія юности, оставляетъ школу, его умственная и нравственная подготовка могутъ быть признаны до извѣстной степени законченными съ пріобрѣтеніемъ возможной въ этомъ періодѣ устойчивой привычки къ труду.

Юность, съ психологической точки зрѣнія, характеризуется возбужденіемъ всѣхъ силъ души—чувства, ума и воли. Это возбужденіе носитъ характеръ глубокаго органическаго процесса, никогда болѣе не повторяющагося въ жизни. Въ этомъ кроется его важное психологическое и педагогическое значеніе.

Съ наступленіемъ юности чувства получаютъ печать необыкновенной глубины, искренности и идеальной чистоты.

Воля въ юности быстро наростаетъ и сообщаетъ всему душевному строю характеръ рѣшительности, смѣлости и независимости.

Но наиболѣе глубокія перемѣны происходятъ въ умственномъ строѣ. Основную черту умственнаго развитія юности составляетъ глубокое стремленіе освѣтить и объединить всю душу, связать въ

одно цѣлое всѣ впечатлѣнія, хранящіяся въ памяти, и установитъ единое цѣльное міросозерпаніе, примиривъ всѣ противорѣчія, разрѣшивъ для себя всѣ проблемы. Въ этомъ періодѣ рѣшается вопросъ о призваніи, начертывается планъ всей дальнѣйшей жизни. У молодыхъ дѣвицъ въ эту пору тактъ и нравственная чуткость достигаютъ истинной художественной высоты, придавая всему существу отпечатокъ возвышенныхъ, неземныхъ свойствъ.

Описанныя измѣненія, совершающіяся въ зрѣющей человѣческой душѣ, носятъ на себѣ типическую печать *идейнаго процесса*—съ широкими планами и смѣлымъ полетомъ мысли.

Чѣмъ правильнѣе идетъ психическая эволюція юности, тѣмъ болѣе въ юношѣ замѣчается сдержанность и тѣмъ отчетливѣе обозначается отсутствіе стремленія къ дѣйствию: великія дѣла, героическіе подвиги, борьба со зломъ—всѣ эти великодушныя порывы переживаются въ формѣ умственныхъ процессовъ. Жизнь еще не требуетъ отъ юности *дѣла*, предоставляя ей развиваться и зрѣть, вдумываться въ свое призваніе, расширять свои горизонты, организовать свою душу, создавать программы жизни. Истинная юность посвящена, главнымъ образомъ, этому: она вся въ будущемъ, она живетъ надеждами. Дѣйствуетъ старшее поколѣніе, пока въ помощь и на смѣну ему не приходитъ *зрѣлая* юность.

Внѣшнія условія имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ правильного развитія юности. Необходимо въ школѣ содѣйствовать этому процессу, отвѣчать всѣмъ запросамъ зрѣющей души, устранять съ пути всѣ помѣхи. Въ это время необходимо придать преподаваемымъ курсамъ характеръ *обобщающаго знанія*. Наиболѣе важными предметами должны быть въ это время: исторія, физика, географія и въ особенности литература и чтеніе или прикладныя науки того-же типа. Крайне важно было-бы ввести въ составъ курса исторію философіи: юношѣ необходимо показать всѣ горизонты, до которыхъ поднялась человѣческая мысль.

Если въ этотъ періодъ преподаваемые курсы будутъ лишены широкаго обобщающаго характера, или если программы *развивающихъ* предметовъ будутъ сужены (какъ это мы видимъ въ нашихъ школахъ въ отношеніи физики, литературы, исторіи и философіи), то такая неполнота и узость влечетъ за собою весьма неблагоприятныя послѣдствія. Юноши или сами должны искать недостающаго знанія за стѣнами школы, или, если они покорно слѣдуютъ за руководящимъ вліяніемъ школы, имъ предстоитъ опасность либо остаться *недоразвитыми*, либо впасть въ состояніе опасной умственной *узости* и *односторонности*, или, что еще ужаснѣе, перейти въ состояніе *умственного старчества*.

Умственная *недоразвитость* типически сказывается склонностью къ поступкамъ и дѣйствіямъ, характеризующимъ предшествующій возрастъ, т.-е. стремленіемъ къ фантастическому, къ чудовищнымъ планамъ, къ болѣзненному, нездоровому герсизму.

Примѣромъ умственной *узости* или *односторонности* развитія можетъ служить юноша, который считаетъ современнымъ Евангеліемъ—ученіе Карла Маркса о капиталѣ и который искренно убѣжденъ, что устройствомъ человѣческаго хозяйства достигается высшее счастье на землѣ. Какъ будто-бы за предѣлами политической экономіи уже ничего не остается, и нѣтъ ничего возвышеннаго въ мірѣ!

На опасность *умственного старчества*, вслѣдствіе *недостаточнаго упражненія ума въ юные годы*, указалъ профессоръ Ганземанъ (извѣстный авторъ посмертнаго изслѣдованія мозга Гельмгольца). Основной фактъ, характеризующій умственное старчество, состоитъ въ преждевременной утратѣ идеальной пылкости, въ нравственномъ охлажденіи еще юнаго человѣка, въ подчиненіи рутинѣ и грубому практицизму среды, въ общемъ нравственномъ пониженіи, съ отказомъ отъ идеаловъ жизни, даже тѣхъ, которые были дороги въ юности. Ганземанъ говоритъ, что отъ подобной умственной опасности вполне застрахованы всѣ талантливые люди, не перестающіе умственно работать. Но тѣ, кто въ юности мало упражнялъ свои умственные способности, можетъ легко впасть въ преждевременную умственную старость, именно—послѣ сорокалѣтняго возраста и позже, и лишь *изрѣдка* это печальное явленіе наступаетъ уже вслѣдъ за окончаніемъ юности, т.-е. послѣ двадцатыхъ годовъ.

Многими компетентными наблюдателями засвидѣтельствованъ фактъ ранняго и необыкновенно частаго появленія умственного старчества въ наше время. Безъ сомнѣнія, оно зависитъ отъ признанной всѣми, слабой постановки въ нашихъ, среднихъ школахъ такихъ предметовъ преподаванія, какъ физика съ географіей, въ особенности исторія и литература, и при полномъ отсутствіи философской пропедевтики, т.-е. тѣхъ именно предметовъ, которые составляютъ настоящую умственную пищу юной души.

Воспитательное значеніе названныхъ предметовъ такъ велико, что надлежало-бы даже расширить ихъ на счетъ языковъ, какъ предмета, обладающаго меньшей и слабѣйшей пропедевтической силой въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Съ классической-же литературой, имѣющей *высокое* воспитательное значеніе, возможно было-бы, какъ совѣтуетъ московскій профессоръ Стороженко, ознакомить воспитанниковъ по хорошимъ русскимъ переводамъ.

Другой причиной преждевременнаго старчества юношей является чрезмѣрная продолжительность средняго гимназическаго образова-

тельного курса и крупная просрочка во времени поступления въ высшія школы. Немногіе поступаютъ въ нихъ въ 17—18 лѣтъ, большая часть въ 20 лѣтъ и позже. Между тѣмъ, съ окончательнымъ переходомъ въ періодъ юности, т.-е. около 17-го—18-го года, умъ требуетъ иной пищи: среднее образованіе становится уже анахронизмомъ, и юношамъ надлежитъ давать высшее образованіе. Съ этой точки зрѣнія, ваше учебное заведеніе, мм. гг., поставлено счастливо: оно даетъ *вышія науки*—этотъ насущный хлѣбъ юности—своевременно, именно въ ту пѣру, когда наступаетъ реальная *психо-физическая*, а не учебная или программная зрѣлость. И благо вашимъ питомцамъ! Не даромъ человѣческой языкъ сравниваетъ ученіе съ питаніемъ, а науки—съ пищей, не даромъ среднему образованію даютъ названіе *молока*, а высшему *пищи*. Въ пищѣ, притомъ надлежащей, питательной пищѣ, нельзя отказывать, какъ только наступитъ голодъ.

Главная цѣль высшихъ классовъ средней школы состоитъ въ томъ, чтобы показать горизонты человѣческаго знанія въ пору умственного и нравственного расцвѣта юности. Дѣло не идетъ о большихъ подробностяхъ. Курсы можно сдѣлать наиболѣе краткими. Туристъ можетъ обозрѣть извѣтную мѣстность или городъ въ мѣсяцъ, въ десять дней, въ недѣлю и въ три дня. Подобное обозрѣніе можетъ быть то болѣе, то менѣе подробнымъ; но оно всегда будетъ *цѣльнымъ* и *плодотворнымъ*, если планъ его составленъ разумно и обдуманно. Въ средней школѣ дѣло идетъ не о специальномъ изученіи предмета, а объ ознакомленіи съ нимъ: *среднее образованіе* не преслѣдуетъ тѣхъ задачъ, какія свойственны *высшему*.

V. Воспитательное значеніе науки.

Важнѣйшей задачей всякаго рода школы должно быть всего болѣе—*воспитаніе чловѣка*. Сообщая воспитаннику спеціальныя знанія, развивая его технику, обогащая его умъ, школа должна также воспитать силу воли и характеръ, возрастить чувство, насадить убѣжденія.

Всѣ профессіи воспитываютъ чловѣка. Чтò могло-бы показаться болѣе прозаическимъ и сухимъ, какъ не *анатомія*? Между тѣмъ анатомическое изслѣдованіе мозга *Гамбетты*, *Тургенева* и *Гельмгольца* дало рядъ удивительныхъ фактовъ, наводящихъ на самыя глубокія размышленія, на самыя возвышенныя чувства! Изслѣдованіе каменныхъ орудій первобытнаго чловѣка,—какъ ни жалки эти орудія въ сравненіи съ удивительными современными машинами,—свидѣтельствуютъ вамъ о титаническихъ усиліяхъ ума первобытнаго чловѣка, прокладывавшаго первый путь къ позднѣйшей культурѣ.

Люди, недостаточно знакомые съ естествознаніемъ, склонны умалять его значеніе и въ то-же время преувеличивать значеніе языковъ и наукъ гуманитарныхъ; изъ устъ ихъ можно слышать иногда, что естественныя науки поработаютъ человѣка, принижатъ его къ землѣ, дѣлаютъ матеріалистомъ.

Право, во всемъ этомъ кроется глубокое недоразумѣніе. Ознакомившись съ небесной механикой, Ньютонъ обнажалъ голову, прозносся имя Божіе. Въ свою очередь, мы можемъ сказать, что когда врачу, въ качествѣ анатома, приходится изслѣдовать мозгъ человѣка и исчислять миллиарды содержащихся въ немъ нервныхъ клѣточекъ, когда приходится встрѣтиться съ изумительными фактами, показывающими, что общее число всѣхъ проводящихъ путей въ человѣческомъ мозгу превышаетъ десятки тысячъ верстъ, что эти тончайшія нити уложены въ полужидкую массу мозга и изолированы, точно морской кабель: то, истинно говорю вамъ, нельзя не испытать чувства безграничнаго благоговѣнія предъ Великимъ Механикомъ, устроившимъ такую удивительную машину мысли. О, какъ поучительна природа, если только намъ умѣютъ показать ее!

Если съ этой стороны взглянуть на вашу профессію, милостивые государи, то какіе широкіе горизонты открываетъ она для воспитанія юнаго моряка!

Море, эта бурная, коварная, непокорная стихія, развѣ она научаетъ человѣка коварству, озлобленію? Нѣтъ! Она воспитываетъ мужество и величіе духа; она дѣлаетъ человѣка терпѣливымъ, осторожнымъ, обдуманномъ, проникающимъ; постоянно грозя ему смертью, она воспитываетъ въ немъ безстрашіе, свободу, независимость духа; удаляя и уединяя его отъ земли, она дѣлаетъ его отзывчивымъ и чуткимъ. Она дѣлаетъ человѣка героемъ! Кто изъ насъ не преклоняется предъ величавымъ образомъ Корниловыхъ, Нахимовыхъ и многихъ другихъ—имена ихъ не перечестъ? На морскихъ волнахъ, среди грозныхъ бурь выросли эти великія сердца!

Безбрежное море, безконечный міръ звѣздъ—какая школа для воспитанія въ юномъ морякѣ философскаго духа! Вотъ какіе чудные дары даетъ вамъ море! Я съ удивленіемъ и съ жадной пылкостью слушалъ однажды рассказы о морѣ извѣстнаго художника Айвазовскаго. Бесѣдуя съ этимъ первокласснымъ маринистомъ о его картинахъ, я выразилъ удивленіе его знакомству съ моремъ. «Я зналъ море съ берега,—сказалъ онъ,—и только на 60-мъ году жизни впервые узналъ море во время переѣзда въ Америку. Оставляя материкъ, я волновался тысячами мелочей: тому визита не отдастъ, а съ тѣмъ не переговорилъ, такое-то порученіе не исполнилъ—я волновался... Но вотъ я въ безбрежномъ океанѣ. Никогда въ

жизни моей я не испытывалъ столь возвышенныхъ чувствъ; я впервые узналъ, что значить молитва, впервые почувствовать величіе духа.... Я вспомнилъ о мысляхъ, волновавшихъ меня на материкѣ, — я-ли это былъ, спросилъ я себя, въ моей-ли душѣ толпились столь мелкія мысли, столь ничтожныя заботы какъ не исполненное порученіе, не отданный визитъ. Прочь отъ меня, подальше, мелкая земля!.. И я всей широкой грудью, всѣмъ существомъ своимъ вдыхалъ величіе моря».

Таковы приблизительно были слова и мысль художника.

Вотъ какова стихія ваша, милостивые государи, какъ много она даетъ человѣку, какъ она воспитываетъ его!

Выражая вамъ мою глубочайшую благодарность за ваше вниманіе и честь, которой вы меня удостоили, давъ мнѣ случай бесѣдовать съ вами, я позволяю себѣ думать, что ваша благородная профессія, дѣлающая человѣка отзывчивымъ, не осталась безъ вліянія и на этотъ разъ. Быть можетъ, на-ряду съ вашими личными качествами, она явилась тѣмъ небольшимъ прибавочнымъ условіемъ, которое сблизило меня съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, по естественной ассоціаціи идей, мнѣ вспоминается эпизодъ, бывший 50 лѣтъ назадъ... Тогда жилъ великій человѣкъ, которому я недостойнъ развязать сапогъ—я говорю о Пироговѣ. То, что случилось съ нимъ, теперь случилось со мною. На его новыя идеи о воспитаніи и школѣ горячо отзывались моряки, и его капитальная статья «Вопросы жизни» была напечатана въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1856 году. Мои скромные труды по вопросамъ воспитанія встрѣчаютъ среди васъ такой живой, такой скорый откликъ, что нынѣшній день съ новой силой напоминаетъ мнѣ великіе завѣты Пирогова, и я снова вдумаюсь въ каждое слово великаго человѣка, педагогическія идеи котораго такъ живо и такъ благотворно отразились на постановкѣ воспитательнаго дѣла въ вашемъ вѣдомствѣ.

И. Сикорскій.

УМСТВЕННОЕ УТОМЛЕНИЕ И ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ.

По поводу книги А. Бине и В. Анри «Умственное Утомление».

Авторы этого интереснаго труда стоятъ во главѣ лабораторіи экспериментальной психологіи въ Парижѣ и пользуются вполне заслуженной извѣстностью въ этой нарождающейся наукѣ.

Какъ сами авторы указываютъ въ предисловіи къ своей книгѣ, они предприняли сложный и обширный трудъ—примѣнить научно-лабораторные приемы и методы изслѣдованія психической жизни человѣка къ спеціальному изученію явленій умственнаго утомленія въ школьномъ возрастѣ.

Поводомъ или толчкомъ къ этой работѣ послужила комиссія, назначенная Парижской медицинской академіей въ 1884 г. для разслѣдованія этого вопроса, въ послѣднѣе время сильно занимающаго общественное мнѣніе.

Авторы вполне справедливо выставляютъ на видъ бесплодность однихъ словесныхъ «преній» на тему объ умственной работѣ, усталости, о чрезмѣрномъ обремененіи учащихся непосильной работой и т. д. Они правы, говоря, что пора перейти въ этомъ вопросѣ отъ общихъ мѣстъ къ болѣе точнымъ изслѣдованіямъ. Началомъ такихъ изслѣдованій въ новомъ направленіи и при помощи новыхъ приемовъ и должна во Франціи служить настоящая работа. Авторы, впрочемъ, не претендуютъ на роль пионеровъ въ этомъ дѣлѣ. Имъ извѣстно, и они неоднократно указываютъ это въ своей книгѣ, что другія страны, особенно Германія, опередили въ этомъ отношеніи Францію. Въ Германіи, въ Гейдельбергской психіатрической лабораторіи проф. Крепелина, одного изъ учениковъ Вундта, уже давно производятся лабораторныя работы въ примѣненіи къ задачамъ педагогики. Выраженіе «экспериментальная педагогика» уже приобрѣло право гражданства въ германской научной литературѣ.

Въ нашемъ отечествѣ, именно въ Юрьевѣ, въ 1889 г. вышла весьма цѣнная работа Охина (Ochin *)), посвященная тщательному изслѣдова-

*) «Experimentstudien zur Individ.-psychologie», Dissert. 1889.

нію явленій запоминанія и воспроизведенія цифръ и отдѣльныхъ словъ. Профессоръ Сикорскій *), въ Кіевѣ, уже много лѣтъ назадъ произвелъ рядъ точныхъ наблюденій надъ утомленіемъ въ школѣ подъ вліяніемъ диктовки, при чемъ сама послѣдняя, т.-е. количество ошибокъ въ ней, служила указателемъ степени утомленія.

Французскіе авторы, приступая къ своей работѣ, имѣли уже и изрядную литературу по данному предмету, и рядъ намѣченныхъ, и отчасти уже разработанныхъ вопросовъ, а также не мало уже выработанныхъ методовъ и приѣмовъ для изслѣдованія.

Бине и Анри, приступая къ своимъ изслѣдованіямъ, произносятъ строгій, можно сказать, безпощадный приговоръ надъ старой, эмпирической педагогикой и высказываются рѣшительно за новое, экспериментальное направленіе. Вотъ что мы у нихъ читаемъ: «Не къ усовершенствованію старой педагогики нужно стремиться, а къ созданію вполнѣ новой. У старой педагогики есть отдѣльныя частныя хорошія стороны, но все-таки (?) она должна сойти со сцены, такъ какъ она страдаетъ коренными недостатками: она создана безъ достаточныхъ данныхъ, она является результатомъ предвзятыхъ идей, въ ней преобладаютъ произвольныя мнѣнія... Новая педагогика должна быть основана на наблюденіи и на опытѣ, она должна, *прежде всего*, быть экспериментальной...» Экспериментальное изслѣдованіе, въ научномъ смыслѣ слова, должно основываться на наблюденіяхъ, произведенныхъ методически и описанныхъ съ достаточными подробностями. «Психо-педагогическіе опыты могутъ быть раздѣлены на 2 группы: 1-ая—опыты, производимые въ психологическихъ лабораторіяхъ, и 2-я—опыты, производимые въ школахъ». Для педагогики особенно важны опыты второй группы. Но не *слѣдуетъ пренебрегать* и лабораторными опытами.

Признаться, намъ кажется не совсѣмъ безпристрастнымъ опредѣленіе и характеристика эмпирической педагогики. Недостаточность данныхъ не есть спеціальная особенность педагогики, да притомъ экспериментальная педагогика во всякомъ случаѣ, какъ зарождающаяся наука, еще бѣднѣе фактами. Почему эмпирическая педагогика, составляющая вѣтвь старой эмпирической психологіи, обречена страдать предвзятыми идеями, почему такія предвзятые идеи не могутъ воцариться и въ экспериментальной психологіи, этого авторы не объясняютъ. Съ другой стороны, «наблюденія, произведенныя методически и описанныя съ достаточною подробностью», еще не составляютъ «эксперимента». И эмпирическія наблюденія могутъ отличаться точ-

*) Сикорскій, «О вліяніи усталости» и пр. «Архивъ общественной гігіены», 1879 г.

ностью, подробностью и методичностью. Странно, что авторы, съ презрѣніемъ отвергающіе эмпирическія наблюденія въ области педагогики и провозглашающіе наступленіе новой эры—экспериментальной педагогики, не даютъ себѣ труда опредѣлить, въ чемъ-же суть того новаго направленія въ педагогикѣ; это тѣмъ необходимѣе въ давномъ случаѣ, что, какъ оказывается, по мнѣнію самихъ авторовъ, главную роль играютъ не лабораторные эксперименты, а наблюденія надъ дѣтьми въ школахъ. Читатель въ правѣ спросить, при чемъ-же тутъ экспериментальное направленіе, если дѣло въ концѣ-концовъ сводится къ «весьма быстрымъ» наблюденіямъ, производящимся надъ дѣтьми при помощи самыхъ простыхъ приборовъ (по словамъ самихъ авторовъ). Всѣ мы знаемъ, что экспериментъ рѣзко и по существу отличается отъ всякаго, даже самаго точнаго, методическаго наблюденія тѣмъ, что наблюденіе беретъ изучаемое явленіе въ его натуральномъ видѣ, какъ оно есть, какъ оно совершается при естественныхъ, обыкновенно довольно сложныхъ условіяхъ, тогда какъ опытъ или экспериментъ ставитъ данное явленіе въ искусственныя условія, для того, чтобы разложить сложное явленіе на его составныя элементы и тѣмъ добиться изученія этихъ послѣднихъ. Когда это достигнуто, тогда путемъ различныхъ комбинацій искусственныхъ условій эти элементы вновь сочетаются и изучаются въ состояніи взаимодействія. Постановка изучаемаго явленія въ искусственныя условія для полученія анализа и синтеза—вотъ сущность экспериментальнаго метода во всѣхъ наукахъ, а также и въ психологіи.

Примѣненіе физическихъ или физиологическихъ приборовъ является лишь средствомъ, съ помощью котораго достигаются искусственныя условія для изученія даннаго явленія. Сами-же по себѣ эти аппараты нисколько не характеризуютъ опытъ, и даже не всегда необходимы для него. Мы можемъ, напр., давать кому-нибудь пить опредѣленное количество спирта и слѣдить за перемѣной пульса—это будетъ настоящій опытъ, хотя мы при этомъ не употребляемъ никакихъ приборовъ, такъ какъ мы изучаемъ вліяніе одного фактора—алкоголя—на одинъ органъ—сердце. Съ другой стороны, мы можемъ на самыхъ сложныхъ приборахъ записывать колебанія пульса, происходящія у человѣка, сидящаго за столомъ въ веселой компаніи, когда онъ ѣстъ, пьетъ, бесѣдуетъ, слушаетъ музыку и жестикулируетъ. И полученная при этихъ условіяхъ кривая его пульса не будетъ имѣть значенія опыта, такъ какъ, вслѣдствіе сложности естественной обстановки, колебанія пульса представляють собою продуктъ стеченія многихъ условій и факторовъ.

Поэтому психологія вообще и педагогика въ частности дѣлаются

экспериментальными лишь съ того момента, когда подлежащія изученію явленія—школьныя умственные работы—ставятся въ искусственные условія.

И тутъ-то возникаетъ фундаментальный вопросъ, насколько въ дѣтскомъ возрастѣ и въ школьной обстановкѣ возможно вообще такое экспериментальное изученіе? На этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не находимъ у нашихъ авторовъ отвѣта.

Другое существенное отличіе эксперимента отъ наблюденія заключается въ томъ, что въ первомъ, т.-е. въ опытѣ, изслѣдованіе или оцѣнка производится по возможности точно, т.-е. съ помощью измѣренія; мѣра, вѣсъ и вообще объективное, физическое измѣреніе, приведеніе изучаемыхъ явленій къ одной объективной единицѣ—вотъ идеаль экспериментальной науки.

Физическіе измѣрительные приборы являются потому существеннымъ элементомъ всякаго опыта. Вотъ откуда то огромное значеніе, которое въ послѣднее время приобрѣла въ физиологіи графическая метода, т. е. записываніе хода явленій автоматическимъ путемъ. Благодаря этой методѣ, всякое изучаемое явленіе, напр., дѣятельность сердца, оставляетъ объективный слѣдъ и дѣлается доступнымъ точному измѣренію. Въ изученіи психическихъ явленій эти методы прямого объективнаго измѣренія до сихъ поръ еще не проложили себѣ дороги. Мы можемъ пока измѣрять и объективно, графическимъ способомъ уловить лишь физиологическія явленія, сопровождающія умственную и вообще духовную дѣятельность, сама-же послѣдняя пока еще не можетъ быть объектомъ ни измѣренія, ни сравненія, ни записыванія; мы еще не имѣемъ единицы психической работы даже въ самой элементарной области—въ воспріятіи впечатлѣній, т.-е. въ дѣятельности нашихъ органовъ чувствъ.

Далѣе, самая постановка вопроса объ изученіи утомленія въ школѣ, при современномъ состояніи экспериментальной психологіи и при самомъ зарожденіи научной педагогики не можетъ быть признана строго научной. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ сложный комплексъ фактовъ, который объемлетъ терминомъ умственное утомленіе, содержитъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ 4 группы явленій: 1) перемѣны, происходящія во время или послѣ умственной работы во всемъ организмѣ; 2) перемѣны въ самой психической и нервной сферѣ; 3) перемѣны, слѣдующія за работой или, точнѣе, отравленіемъ мозга, и, наконецъ 4) послѣдствія физическаго соучастія всего тѣла, какъ-то: напряженіе и расслабленіе мышцъ и т. д. Если къ тому еще прибавить, что слѣдуетъ различать утомленіе нервовъ отъ истощенія вещества самаго мозга, что къ влиянію утомленія присоединяется дѣйствіе одновременнаго отдыха тѣхъ органовъ и частей

мозга, которые не участвовали въ данной работѣ, то мы увидимъ, какъ сложна должна быть картина такъ называемаго утомленія.

Постановка вопроса о школьномъ утомленіи имѣетъ чисто эмпирической и чисто практической характеръ, такъ какъ утомленіе, какъ цѣлое, есть весьма сложное, но за-то натуральное явленіе. Говоря это, мы отнюдь вовсе не думаемъ этимъ умалить значеніе и заслуги эмпирической педагогики. Напротивъ того, мы думаемъ, что эмпирическая психологія и эмпирическая педагогика имѣютъ слишкомъ много серьезныхъ заслугъ за собою, и потому мы не имѣемъ право ихъ свысока третировать. Въ сущности всѣ основные элементы общей и педагогической психологіи—упражненіе и утомленіе, вниманіе и разсѣянность, интересъ и апатія, индивидуальность и т. д.—открыты и отчасти разработаны путемъ именно эмпирической, т.-е. наблюдательной, психологіи. Работа проф. Сикорскаго хотя и имѣетъ чисто наблюдательный, эмпирической характеръ, но по ясности постановки вопроса, по методичности и точности приѣмовъ, по постоянству полученныхъ результатовъ можетъ смѣло выдержать сравненіе съ хорошимъ экспериментальнымъ изслѣдованіемъ.

Въ своемъ пренебреженіи къ эмпирической психологіи гг. Бине и Анри пренебрегаютъ изслѣдованіями надъ школьнымъ утомленіемъ, произведенными такимъ авторитетнымъ наблюдателемъ, какъ знаменитый Гальтонъ. Этотъ ученый обратился ко многимъ англійскимъ преподавателямъ съ просьбой доставить ему ихъ наблюденія надъ утомленіемъ школьниковъ, въ видѣ отвѣтовъ на рядъ вопросовъ, выработанныхъ Гальтономъ. Сдѣлавъ сводку грудъ полученныхъ имъ отвѣтовъ, Гальтонъ сгруппировалъ результаты и получилъ рядъ весьма цѣнныхъ фактовъ относительно тѣхъ многообразныхъ явленій и формъ, въ которыхъ утомленіе проявляется въ школѣ.

Такъ, между многими интересными признаками утомленія англійскіе педагоги подмѣтили ослабленіе вниманія, наклонность путать слова, т.-е. разстройство въ дѣятельности центровъ, управляющихъ рѣчью, ошибки въ опредѣленіи цвѣтовъ и звуковъ, т.-е. пониженіе способности яснаго воспріятія, выпаденіе изъ памяти многихъ фактовъ, образовъ и чиселъ, неправильную ассоціацію представленій—больше по слуху, нежели по внутреннему смыслу, наклонность терять на мгновеніе сознаніе и т. п.

Можно только пожалѣть, что эти наблюденія не продолжаются въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ ихъ началъ Гальтонъ.

Если мы обратимся къ изслѣдованіямъ нашихъ французскихъ авторовъ, то мы у нихъ-же опять таки найдемъ новое доказательство живучести эмпиризма въ области психологіи и педагогики.

Книга ихъ посвящена изученію извѣстныхъ сторонъ и послѣд-

ствій умственного труда. Само такъ называемое утомленіе есть, лишь не болѣе, какъ особое состояніе или видовзмѣненіе умственной работоспособности. Читатель, поэтому, въ правѣ ожидать отъ ученыхъ, отвергающихъ эмпиризмъ и провозглашающихъ новое, единственное научное, по ихъ мнѣнію, направленіе, что они дадутъ научное опредѣленіе понятію объ умственномъ трудѣ.

На самомъ дѣлѣ вотъ что мы находимъ у нашихъ авторовъ. «Въ данной книгѣ мы не можемъ разсматривать вопросъ объ умственномъ трудѣ съ психологической точки зрѣнія, стараясь отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую роль играютъ въ процессѣ умственной работы различныя психическія функціи, какъ, напр., память, вниманіе и т. п. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы стоимъ на точкѣ зрѣнія педагогика, а потому будемъ здѣсь называть *умственнымъ трудомъ* всѣ виды работы учениковъ какъ во время уроковъ въ школѣ, такъ и во время подготовленія къ нимъ. Въ данномъ случаѣ умственный трудъ противопоставляется физическому, мускульному». «Можно указать много разновидностей умственного труда... Умственный трудъ можетъ быть или короткимъ, или продолжительнымъ... Для нормальнаго человѣка трудно, бодрствуя, долго не производить никакого умственного труда... вообще нашъ умъ постоянно работаетъ. Но такая работа далеко не походитъ на тотъ умственный трудъ, при которомъ человѣкъ сильно напрягаетъ вниманіе, чтобы уяснить себѣ трудный вопросъ... Школьныя занятія представляютъ собою переходную форму между упомянутыми двумя крайними ступенями труда».

Итакъ, гг. Бине и Анри берутъ понятіе объ умственномъ трудѣ въ самомъ житейскомъ, эмпирическомъ его значеніи, какъ оно понимается и трактуется въ той самой педагогикѣ, которую они такъ третируютъ. Авторы, къ сожалѣнію, не объясняютъ, почему они не могутъ разсматривать вопросъ объ умственномъ трудѣ съ психологической (слѣдовало-бы сказать: съ научной) точки зрѣнія и почему они не хотятъ «отдать себѣ отчетъ съ томъ, какую роль играютъ... память, вниманіе и т. д.».

Мѣриломъ умственного труда у авторовъ оказывается или механическое сидѣніе въ классѣ, т.-е. *время*, проведенное за занятіями, или результатъ этого занятія—число заученныхъ фразъ или чиселъ, количество исписанной бумаги. Неточность этого мѣрила бросается въ глаза, отъ такого мѣрила недалеко переходъ и къ отмѣткамъ.

Когда, напримѣръ, два рядомъ сидящихъ ученика рѣшаютъ одну и ту-же задачу, одинъ быстрѣе, другой медленнѣе, то отсюда еще довольно мудроно заключить о томъ, кто изъ нихъ совершилъ болѣе

значительную умственную работу въ итогѣ. Принявъ видѣнный результатъ за мѣрило, мы должны считать обѣ работы равными. Если-же измѣрять величину совершенной работы затраченнымъ на нее временемъ, то мы должны считать работу неодинаковой и признать ее болѣе значительной у того ученика, который затратилъ больше времени на рѣшеніе задачи.

Но трудность оцѣнки величины работы еще больше возрастаетъ, когда мы обратимъ вниманіе на внутреннія условія умственной работы. Во-первыхъ, одинъ изъ учениковъ могъ перепробовать въ головѣ нѣсколько различныхъ пріемовъ, прежде чѣмъ онъ напалъ на настоящій, правильный способъ рѣшенія задачи. Какъ-же измѣрить ту невидимую внутреннюю работу, если она не оставила слѣдовъ на бумагѣ? Точно также и самое рѣшеніе задачи можетъ пройти не одинъ и тотъ-же путь; разные способы и пріемы рѣшенія представляютъ въ то-же время и неодинаковой длины умственные пуги. Одни въ умѣ перескакиваютъ нѣкоторые промежуточные пункты, другіе дольше останавливаются на нихъ. Письменное изложеніе рѣшенія задачи не можетъ, поэтому, всею да, служить точнымъ указателемъ длины пройденнаго пути и величины затраченной ученикомъ умственной работы. Затѣмъ, въ самой послѣдней слѣдуетъ различать, по меньшей мѣрѣ, двѣ части: матеріалъ, служащій для рѣшенія задачи и средства, т.-е. логическія операціи, съ помощью которыхъ рѣшеніе совершается. Эти рѣшенія—теорема, законы, формулы и т. п. рычаги, съ помощью которыхъ матеріалъ обрабатывается, такъ сказать, передвигается въ головѣ ученика, при чемъ происходитъ постоянное приближеніе къ самому конечному выводу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи степени подвижности этихъ вспомогательныхъ орудій вычисленій, въ отношеніи легкости, съ которой мозгъ располагаетъ этими орудіями и въ нужный моментъ вспоминаетъ ихъ, существуютъ громадныя различія не только между учениками, но и въ различные моменты у одного и того-же ученика. Понятное дѣло, что различная подвижность этихъ орудій логическихъ операцій дѣлаетъ послѣднія то болѣе трудными, то болѣе легкими. Одному ученику требуется затратить значительно больше нервной и умственной энергіи, чѣмъ другому, для одной и той-же логической операціи. А между тѣмъ, при нынѣшнемъ состояніи психологии, мы лишены возможности имѣть какое-нибудь даже приближительное сужденіе объ этихъ различіяхъ и о внутреннемъ ходѣ логическихъ операцій. Оттого не можетъ быть пока и рѣчи объ измѣреніи величины совершаемой школьникомъ умственной работы.

Приведенный примѣръ показываетъ, какъ рискованно приступать къ изученію «умственнаго утомленія», не уяснивъ себѣ того,

что слѣдуетъ считать «умственнымъ трудомъ» или, по крайней мѣрѣ, не разложивъ этотъ сложный комплексъ на его такія составныя части, какъ память, вниманіе, узнаваніе, сужденіе, сравненіе, повтореніе, усвоеніе новаго и т. п. Прямое наблюденіе надъ учебными занятіями можетъ повести къ большимъ ошибкамъ при попыткѣ перенести полученные результаты на понятіе объ умственной работѣ.

Гг. Бине и Анри утверждаютъ, что «трудно не работать умственно». Можно, конечно, сказать, что непріятно состояніе продолжительнаго умственнаго покоя (да и то это составляетъ удѣлъ весьма немногихъ взрослыхъ людей), можно утверждать, что въ культивированныхъ умахъ вырабатывается такая-же фізіологическая потребность въ работѣ, какъ потребность дышать, двигаться и т. д. Но утверждать, что не работать трудно, по меньшей мѣрѣ странно.

Ислѣдованія и наблюденія, произведенныя гг. Бине и Анри надъ умственнымъ утомленіемъ, распадаются на двѣ категоріи опытовъ—лабораторныхъ и школьныхъ. Лабораторные опыты производились надъ взрослыми, а нѣкоторые надъ самими собой, т.-е. экспериментаторъ самъ-же служилъ объектомъ.

Авторы ислѣдовали вліяніе умственныхъ занятій (чтеніе философскаго трактата, геометрія, вычисленіе и т. п.) на дѣятельность сердца, на пульсъ, дыханіе, на мышечную силу рукъ, на температуру тѣла, наконецъ на обмѣнъ веществъ, при помощи анализа мочи.

Подобныя опыты уже давно произведены были другими фізіологами, особенно Моссо, итальянскимъ ученымъ, который много занимался изученіемъ усталости и кровообращенія въ мозгу.

Подъ вліяніемъ кратковременной работы (1—15 минутъ чтенія) авторы видѣли учащеніе ударовъ на 20 въ минуту; когда-же работа продолжается, пульсъ дѣлается снова рѣже, т.-е. возвращается къ нормѣ. Авторы замѣчаютъ, что при этомъ лица, служащая для опыта, обнаруживаютъ большое волненіе при опытѣ, особенно если это происходитъ при постороннихъ. Остается только пожалѣть, что авторы упустили изъ виду, что это волненіе, можетъ быть, и есть единственная причина тѣхъ перемѣнъ въ дѣятельности сердца и въ пульсѣ и дыханіи, такъ какъ такое вліяніе составляетъ фактъ давно доказанный, даже чисто рефлекторный и нервный, т.-е. отъ умственной работы независимый.

Волненіе это авторы подмѣтили въ формѣ страха неудачи въ вычисленіи или запоминаніи. Если-же, какъ это было въ нѣкоторыхъ опытахъ авторовъ, они сами служили объектомъ для опыта, то здѣсь была еще одна причина для волненія или, по крайней мѣрѣ, для усложненія психическаго состоянія, а именно самонаблюденіе и ожиданіе

того или другого результата, что неизбежно сопровождается известным душевным волнением или эмоцией. Мы поэтому не можем считать совершенно чистыми опыты гг. Бине и Анри, т. е. не видимъ въ нихъ наблюдений надъ изолированной умственной работой.

То-же относится и къ дыханію. То незначительное учащеніе дыханія, которое замѣчено было авторами въ началѣ умственныхъ операций, можетъ быть приписано тому состоянію волненія, ожиданія, или напряженія, которое сопровождаетъ всякое начало, т. е. всякій переходъ отъ одного душевнаго состоянія, бездѣтельнаго, къ другому—новому, дѣятельному. Въ самомъ дѣлѣ, иначе было-бы весьма трудно объяснить найденный нашими авторами фактъ, что при большей продолжительности умственныхъ занятій—болѣе 15 минутъ—дѣятельность сердца и дыханія выравнивается и восстанавливается на своей нормѣ, и даже немного повышается, пульсъ и дыханіе дѣлаются ровнѣе. Самое простое предположеніе, конечно, то, что сама умственная работа, разъ установившаяся въ однообразной и монотонной формѣ, влечетъ за собою известное физическое и физиологическое приспособленіе въ состояніи организма, устраняетъ нѣкоторыя рефлекторныя явленія въ сферѣ кровообращенія и дыханія, откуда болѣе однообразіе въ этихъ явленіяхъ и нѣкоторое замедленіе въ нихъ.

Авторы сами настолько осторожны, что даже не ставятъ вопроса о томъ, въ какой зависимости находится подмѣченная ими перемѣна въ состояніи кровообращенія, дыханія и температуры отъ умственной работы. Очевидно, авторы сами, какъ опытные физиологи, понимаютъ, что при такой эмпирической постановкѣ не можетъ быть рѣчи о научныхъ выводахъ изъ полученныхъ результатовъ. На нашъ взглядъ, наблюдаемая при умственныхъ занятіяхъ физиологическія перемѣны могутъ быть разсматриваемы какъ неизбежныя послѣдствія тѣхъ особенностей въ физиологической установкѣ и приспособленіи организма, которые необходимы при всякомъ занятіи—сидячее положеніе, неподвижность тѣла, отчего несомнѣнно происходитъ задержка дыханія и т. д. Можно поэтому по-истинѣ пожалѣть, что авторы не производили параллельныхъ наблюдений надъ результатами умственныхъ занятій при другой физиологической обстановкѣ, когда, напр., учащіяся жестикулируютъ свободно, мѣняютъ свое мѣсто, напѣваютъ. Невольно припоминается, что въ восточныхъ школахъ—мусульманской и еврейской—находимъ своеобразную методику преподаванія, сопровождающуюся ритмическимъ движеніемъ головы и тѣла, жестикуляціею и напѣваніемъ. Конечно, намъ эта метода преподаванія кажется смѣшною и мы даже ее считаемъ дикою, но было-бы, однакожъ, интересно, отбросивъ предрасудки, изслѣдовать, какъ идетъ

успѣшность умственной работы при такой физиологической обстановкѣ, и такъ-ли развиваются при этомъ такъ-называемые физиологическіе признаки умственного утомленія, какъ при условіяхъ преподаванія въ нынѣшней европейской школѣ.

Авторы также изслѣдовали степень расширенія сосудовъ кожи и ихъ состояніе кровенаполненія подъ вліяніемъ умственной работы. Для этихъ опытовъ служитъ аппаратъ Фика, усовершенствованный Моссо. Аппаратъ состоитъ изъ горизонтальнаго стекляннаго цилиндра, въ который вводится рука изслѣдуемаго. Посредствомъ каучуковаго рукава плотно обхватывается рука въ мѣстѣ ея выхода изъ цилиндра, такъ что послѣдній, обращенный дномъ впередъ, совершенно плотно закрытъ на обоихъ своихъ концахъ. Но на верхней его поверхности имѣются два отверстія, изъ которыхъ выходятъ двѣ трубочки. Черезъ одну короткую наливаютъ въ цилиндръ воды до наполненія, но такъ, чтобы уровень воды выходилъ за край, т.е. стоялъ-бы въ высокой трубчкѣ. Если теперь по какой-либо причинѣ произойдетъ приливъ или отливъ крови въ кожѣ руки, т.е. увеличится или уменьшится количество крови, содержащейся въ сосудахъ кожи, тогда и объемъ всей руки, лежащей въ цилиндрѣ, также долженъ увеличиться, отчего и уровень воды въ высокой трубчкѣ также долженъ подняться. И обратно, если сосуды кожи почему-либо сужаются, сократятся, количество содержащейся въ нихъ крови уменьшится, вся кожа, какъ выжатая губка, сдѣлается въ объемѣ меньше, рука также, тогда на мѣсто уменьшившагося объема руки потечетъ изъ высокой трубки немного воды обратно въ цилиндръ а уровень столбика воды въ цилиндрѣ, слѣдовательно, понизится.

Такимъ-то образомъ, благодаря этому простому прибору (плетисмографу), дана возможность наблюдать невидимыя простымъ глазомъ перемѣны въ кровенаполненіи кожи. Если мы теперь примемъ во вниманіе, что всякій приливъ крови къ головѣ, т.е. къ мозгу, долженъ, какъ полагаютъ, сопровождаться отливомъ отъ кожи, и обратно—всякій отливъ крови отъ мозга долженъ повлечь за собою увеличеніе содержанія крови въ кожѣ, то мы поймемъ, какое значеніе долженъ получить этотъ методъ для изученія отравленія мозга. Еслибъ, напр., было строго доказано, что, какъ нѣкоторые думаютъ, всякая умственная работа сопровождается приливомъ крови къ мозгу, а покой умственный сопровождается отливомъ, тогда мы имѣли бы въ плетисмографѣ простой и легкій способъ слѣдить за состояніемъ работы и покоя мозга: въ первомъ случаѣ всегда наблюдалось-бы пониженіе столбика воды въ аппаратѣ, во второмъ—повышеніе.

Къ сожалѣнію, дѣло не такъ просто въ дѣйствительности. Во-первыхъ, кровесодержаніе въ сосудахъ колеблется постоянно и

весьма правильно, подъ вліяніемъ періодическихъ толчковъ сердца: оттого въ совершенно спокойномъ состояніи человѣка, даже во время его сна, можно видѣть въ столбикѣ воды, выходящемъ изъ аппарата, правильныя колебанія, совпадающія съ пульсомъ, вслѣдствіе чего этотъ аппаратъ и служитъ также для записыванія и изученія пульса. Дыхательныя движенія болѣе рѣдкія, чѣмъ пульсовыя, также отражаются на столбикѣ воды. Даже сосуды въ кожѣ находятся подъ постояннымъ вліяніемъ раздраженія кожи. Достаточно притронуться къ кожѣ чѣмъ-либо холоднымъ или теплымъ, чтобы замѣтить даже простымъ глазомъ перемену въ кожѣ: въ первомъ случаѣ она блѣднѣетъ, т. е. количество крови въ ней уменьшается, и сосуды суживаются въ своемъ просвѣтѣ, во второмъ случаѣ, напротивъ, кожа краснѣетъ, т. е. количество крови въ ней увеличивается, сосуды расширяются; на аппаратѣ это также выразится въ колебаніи столбика воды даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ охлаждать или согрѣвать кожу не руки, находящейся въ цилиндрѣ, а другой части тѣла, напр., ноги. Это объясняется тѣмъ, что когда мы раздражаемъ какой-либо пунктъ на кожѣ, все равно, чѣмъ—холодомъ-ли, щипкомъ, уколомъ, или электрическимъ токомъ, раздраженіе распространяется чрезъ нервныя центры на всю кожу тѣла.

Но главная трудность еще впереди. Она заключается въ томъ, что не только содержаніе крови въ мозгу отражается на кровенаполненіи кожи, но послѣднее именно связано съ приливомъ и отливомъ крови, т. е. съ колебаніемъ кровообращенія во всѣхъ внутреннихъ органахъ—желудкѣ, печени, почкахъ и т. п. Когда мы констатируемъ колебанія столбика воды въ аппаратѣ, намъ, прежде чѣмъ приписывать эти колебанія переменѣ въ кровенаполненіи мозга, необходимо имѣть увѣренность, что въ то-же время не произошло приливовъ или отливовъ крови во внутреннихъ органахъ, отъ которыхъ могутъ зависѣть эти колебанія крови въ кожѣ.

Конечно, при большинствѣ чиселъ опытовъ надъ дѣятельностью мозга можно исключить это вліяніе внутреннихъ органовъ. И дѣйствительно, доказано, что при мозговой работѣ, напр., смотрѣніи, вслушиваніи, припоминаніи, ожиданіи, напряженномъ вниманіи, замѣчаются незначительныя колебанія столбика воды въ трубкѣ плетисмографа. Здѣсь, однакъ, снова повторяется то, что мы уже видѣли при другихъ физиологическихъ спутникахъ умственной работы, рѣзче всего и постояннѣе всего оно наблюдается подъ вліяніемъ волненій различнаго рода, какъ-то: неожиданность впечатлѣнія и, обратно—ожиданіе, страхъ, радость, пріятное и непріятное впечатлѣніе, боль и т. д.

Совершенно исключить участіе всѣхъ этихъ эмоциональныхъ фак-

торовъ изъ наблюденія надъ умственной дѣятельностью еще никому не удалось при этихъ опытахъ, такъ что въ сущности о вліяніи чистой, т.-е. неосложненной, умственной работы на кровенаполненіе мозга и особенно на кровообращеніе въ кожѣ мы еще не имѣемъ научныхъ данныхъ.

Такъ-же мало доказательны и наблюденія надъ колебаніями температуры тѣла во время и послѣ умственныхъ занятій.

Подведя итоги группѣ лабораторныхъ изслѣдованій гг. Бине и Анри, мы, конечно, отнюдь не отрицаемъ ихъ значенія, какъ матеріала для экспериментальной психологіи, но видѣтъ въ нихъ попытку разрѣшить задачу объ умственномъ утомленіи нельзя по той простой причинѣ, что самый основной пунктъ—умственный трудъ, какъ таковой—еще не выдѣленъ изъ ряда своихъ психическихъ и даже фізіологическихъ спутниковъ, что мѣрка и единица умственной работы еще не найдена, что постоянныхъ характерныхъ признаковъ чисто умственной усталости мы еще не знаемъ, что наконецъ мѣркой и единицей этой усталости мы еще не обладаемъ.

Мало того, если даже удовольствоваться наблюденіями надъ тѣмъ сложнымъ психо фізіологическимъ душевнымъ состояніемъ, которое представляютъ наши такъ называемыя умственныя занятія, то во всякомъ случаѣ требуется не мало предварительныхъ изслѣдованій, чтобы доказать существованіе связи между умственной работой и тѣми колебаніями въ дѣятельности сердца, сосудовъ и другихъ органовъ, какія наблюдаются. Пока эта связь не доказана, мы можемъ смотрѣть на эти фізіологическія перемѣны, какъ на явленія, сопутствующія умственной дѣятельности, но не вытекающія изъ нея, имѣемъ право считать ихъ лишь условіями, сопровождающими умственныя занятія.

2-я часть книги гг. Бине и Анри посвящена описанію опытовъ и наблюденій, произведенныхъ уже надъ «психическимъ вліяніемъ умственного труда», по выраженію авторовъ, точнѣе говоря—надъ психическими послѣдствіями умственныхъ занятій.

Какъ извѣстно, умственныя занятія, продолжаясь нѣкоторое время, начинаютъ идти уже не такъ успѣшно, какъ вначалѣ. Будетъ-ли это чтеніе, диктовка или вычисленіе, ученикъ начинаетъ чаще дѣлать ошибки, «путається», вниманіе ослабѣваетъ, появляется или возрастаетъ разсѣянность, способность заучивать или понять уменьшается и т. д.

Систематическія наблюденія надъ этими явленіями, при соблюденіи возможной точности въ условіяхъ наблюденія, т.-е. точной записи времени, выбора опредѣленныхъ, возможно болѣе простыхъ и удобныхъ для сравненія формъ занятій, возможнаго соблюденія

равенства другихъ, чисто физиологическихъ условий и т. д., и составляютъ такъ называемую педагогическую психологию, главный представитель которой въ Германіи—Крепелинъ, профессоръ психіатріи въ Гейдельбергѣ. Крепелинъ уже около 10 лѣтъ производитъ въ своей лабораторіи наблюденія надъ взрослыми.

Правда, Крепелинъ первоначально не имѣлъ въ виду педагогическихъ задачъ, а преслѣдовалъ цѣли обще-психологическія, но самый ходъ работы привелъ его къ основному вопросу педагогической психологіи объ умственномъ утомленіи.

При этихъ изслѣдованіяхъ предметомъ наблюденія дѣлается или сама совершаемая въ теченіе извѣстнаго времени, напр., часа, работа, какія переменны обнаруживаются въ ней самой, въ скорости, усталости, правильности ея выполненія, или-же предметомъ наблюденія дѣлается состояніе умственныхъ силъ работавшаго по окончаніи извѣстной работы, напр., опредѣленіе его способности къ заучиванію, различенію, къ ассоціаціи образцовъ или словъ. При этомъ наконецъ изслѣдуются и болѣе элементарныя психо-физиологическія способности индивида, напр., скорость или время, необходимое ему для того, чтобъ реагировать или отвѣтить какимъ-либо знакомъ, положимъ, двинуть пальцемъ, въ отвѣтъ на какой-нибудь условленный сигналъ, напр., на бой часовъ или искру и т. п. Это составляетъ такъ называемое время психо-физической или просто психической реакціи; время это измѣняется послѣ продолжительныхъ умственныхъ занятій, обыкновенно оно удлиняется, почему такое замедленіе реакціи и служитъ нѣкоторымъ указателемъ умственнаго утомленія.

Изложеніе относящихся сюда данныхъ составляетъ содержаніе второй половины труда гг. Бине и Анри—чисто компилятивной. Они знакомятъ читателей съ результатами, полученными главнымъ образомъ нѣмецкими изслѣдователями—Крепелиномъ, Эрномъ (Oehrn), Амбергомъ *), Риверсомъ **), Беттманномъ ***), учениками Крепелина, работавшими, кромѣ первыхъ, исключительно въ его лабораторіи.

Въ книгѣ излагается также работа нашихъ соотечественниковъ, проф. Сикорскаго, работы Бургерштейна ****). Эббингауза, Гризбаха и др.

Главные выводы изслѣдованій Крепелина и его школы сводятся къ слѣдующему:

*) «Ueber den Einfluss der Arbeitspausen» etc. (Psycholog. Arbeiten). I.

**) Rivers u. Kraepelin, «Ueber Ermüdung» etc., ibidem.

***) Bettmann, «Ueber die Beeinflussung» etc., ibidem.

****) Burgerstein, «Die Arbeitcurve», etc., Zeitschrift für «Schulgesundheitspflege».

При продолжительной умственной работѣ два фактора вліяютъ на быстроту ея выполнения—упражненіе и усталость: упражненіе увеличиваетъ успѣшность и быстроту работы, усталость, наоборотъ, уменьшаетъ ее. Упражненіе, въ свою очередь, распадается на два фактора—привычку и собственно упражненіе въ тѣсномъ смыслѣ. Подъ привычкой Крепелинъ понимаетъ приспособленіе къ работѣ; субъектъ, послѣ нѣкоторыхъ упражненій, знаетъ лучше, какъ взяться за дѣло. Собственно-же упражненіе вліяетъ на самый ходъ работы, ускоряетъ и облегчаетъ самые процессы, изъ которыхъ состоитъ умственный трудъ.

Очевидно, что то, что Крепелинъ называетъ непосредственно упражненіемъ, есть *установка* психическаго аппарата къ работѣ; нѣчто аналогичное мы видимъ и въ физическихъ приборахъ: прежде чѣмъ быть пущенными въ ходъ, они должны быть заведены. Если это паровой двигатель, въ немъ должны быть разведены пары, колеса должны быть смазаны и т. д. Эта рабочая готовность мозга сокращаетъ то *потерянное* время, которое всегда имѣется въ началѣ каждой умственной работы. Каждому изъ личнаго опыта извѣстно, какъ иногда трудно и медленно мы входимъ въ работу, даже помимо отвлеченія въ сторону какими-либо другими мыслями. Въ головѣ чувствуется какая-то неподвижность, мы говоримъ: «работа идетъ туго». Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь скрывается чисто физиологическій факторъ—родъ инерціи мозга. Физиологія насъ учитъ, что мышцы или нервы также не реагируютъ на раздраженіе въ тотъ самый моментъ, когда подѣйствуютъ на нихъ раздражитель, положимъ, электрический токъ, а лишь нѣкоторое время спустя—около $\frac{1}{10}$ секунды и больше. И доказано, что это скрытое или потерянное время замѣтно уменьшается при повтореніи. То, что Крепелинъ называетъ непосредственной привычкой, и соотвѣтствуетъ этому сокращенію потеряннаго времени подъ вліяніемъ повторенія. Кто изъ насъ не знаетъ, что когда мы часто повторяемъ извѣстную работу, то мы можемъ, прервавъ ее, потомъ во всякое время сразу вернуться къ ней, не теряя ни минуты на то, чтобы войти въ работу. И въ этомъ отношеніи замѣчается огромная разница между различными людьми.

Крепелинъ полагаетъ, что дѣйствіемъ этого момента—привычки или приспособленія—объясняется то обстоятельство, что успѣхи въ первое время дѣлаются гораздо быстрѣе, а затѣмъ уже медленнѣе. Мы-же полагаемъ, что это объясненіе Крепелина неудачно и что быстрое сначала, а затѣмъ болѣе слабое нарастаніе успѣшности работы обусловлено гораздо болѣе общимъ закономъ, въ силу котораго вообще всякое измѣненіе въ отправленіи нашей нервной системы и психики, т. е. всякое нервно-психическое приспособленіе

наростаёт сперва быстро, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ предѣлу возможнаго усовершенствованія, это приспособленіе дѣлается все труднѣе и меньше.

Амбергъ указалъ на довольно любопытный фактъ, что, если работа ученика или взрослого (сложеніе чиселъ) прерывалась правильно, черезъ нѣкоторое время на 5, 10 и 15 минутъ, то перерывъ въ 15 минутъ оказывалъ вредное вліяніе на быстроту и успѣшность послѣдующей за паузой работы, которая понижалась Амбергъ для объясненія этого любопытнаго факта, какъ бы противорѣчащаго понятію объ отдыхѣ, прибѣгаетъ къ весьма остроумному предположенію: онъ допускаетъ, что подъ вліяніемъ умственной работы—конечно, раньше наступленія усталости у работающаго развивается состояніе *возбужденія*, которое поддерживаетъ успѣшность работы на нѣкоторой высотѣ. Но разъ работа прервала, это возбужденіе падаетъ, отчего слѣдующее за паузой продолженіе работы совершается уже при меньшемъ напряженіи, и успѣшность работы понижается. Каждый, знакомый съ умственной работой по личному опыту, можетъ подтвердить мѣткость этого замѣчанія.

Эти факты, давно уже извѣстные изъ самонаблюденія и теперь болѣе точно констатированные Амбергомъ, дѣлаютъ вѣроятнымъ, что работа мозга, какъ и работа всякаго другаго фізіологическаго аппарата, идетъ нѣкоторое время *crescendo* въ своей интенсивности, пока не достигнетъ извѣстнаго уровня. Этотъ максимумъ интенсивности, по всей вѣроятности, и сопровождается тѣмъ хорошо знакомымъ людямъ, ведущимъ умственную жизнь, состояніемъ полувозбужденія, на которое Амбергъ указываетъ. Понятно, что разъ это состояніе искусственно прервано, слѣдующая работа должна снова начаться съ первыхъ стадій, прежде чѣмъ достигнуть прежней напряженности.

Работа Беттманна посвящена изслѣдованію того вліянія, которое умственныя и физическія занятія (вычисленіе и ходьба) оказываютъ на успѣшность и скорость простыхъ психическихъ актовъ (воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній, реакція на звуки и т. п.).

При этомъ оказалось, что и послѣ умственной работы, и послѣ ходьбы скорость простыхъ психическихъ актовъ падаетъ, что указываетъ, разумѣется, на усталость мозга. Но особенно любопытно то, что продолжительная прогулка, а слѣдовательно, и гимнастика производятъ довольно замѣтное пониженіе мозговой работы, и что нельзя поэтому, какъ то думаютъ нѣкоторые педагоги, смотрѣть на физическій трудъ какъ на совершенно равнозначущій полному отдыху въ отношеніи его вліянія на умственную дѣятельность.

Изложивъ содержаніе интересной и оригинальной работы профессора Сикорскаго о диктовкѣ и проявленіи въ ней усталости, авторы, въ заключеніе своей книги, знакомятъ читателя съ изслѣдованіями, произведенными въ школахъ г. Бреславля профессоромъ Эббингаузомъ. Онъ придумалъ новый методъ опредѣлять и измѣрять вниманіе учениковъ посредствомъ числа слоговъ, умышленно пропущенныхъ въ текстѣ. Для этого, слѣдовательно, готовится текстъ, писанный или печатный, съ пропускомъ вѣкоторыхъ слоговъ. Ученики, читая, обязаны заполнять эти недостающіе слоги. Это можно было-бы, по нашему мнѣнію, разсматривать какъ разновидность метода *корректур*. По числу заполненныхъ слоговъ можно измѣрять степень вниманія, а сравнивая уменьшеніе этого числа, можно судить о нарастаніи усталости.

Эти изслѣдованія уже показали, что ученики старшихъ классовъ не такъ быстро утомляются, какъ ученики младшихъ. Кромѣ того этотъ способъ даетъ возможность установить извѣстную скалу или группировку учениковъ по степени ихъ работоспособности, отдѣлать такъ называемыхъ первыхъ учениковъ отъ среднихъ и ниже среднихъ. Вообще этотъ методъ обѣщаетъ оказать большія услуги въ школьной психологіи.

Заключительная глава трактуетъ о курьезныхъ изслѣдованіяхъ гигиениста Гризбаха, который пытался изучать утомленіе въ школахъ посредствомъ испытанія перемѣнъ въ состояніи кожной чувствительности у дѣтей послѣ занятій. Какъ извѣстно, лучшимъ способомъ изученія пространственной осязательной чувствительности кожи служитъ по своей простотѣ циркуль Вебера, который состоитъ изъ двухъ раздвигающихся ножекъ. Опредѣляется то наименьшее разстояніе между ножками, которое замѣчается въ данномъ мѣстѣ кожи, т.-е. отмѣчается моментъ, когда приставленные къ кожѣ ножки циркуля раздвинуты до того разстоянія, что чувствуется уже не какъ одна ножка, а какъ двѣ. Это разстояніе называется порогомъ или началомъ кожной (пространственной) чувствительности. Величина эта не одинакова для различныхъ мѣстъ кожи. И тѣ мѣста, гдѣ мы узнаемъ двѣ ножки на близкомъ разстояніи, понятно, считаются болѣе чувствительными, нежели тѣ, гдѣ нужно раздвинуть гораздо больше ножки, чтобы ихъ замѣтить, какъ двѣ. Наибольшею чувствительностью обладаютъ кожа губъ и концовъ пальцевъ на рукахъ (1 мм.), наименьшею—спина и кожа ногъ (до 60 мм.).

Гризбахъ изслѣдовалъ у многихъ учащихся состояніе ихъ кожной пространственной чувствительности до и послѣ школьныхъ занятій и доказалъ, что эта чувствительность понижается послѣ занятій, и ученики узнаютъ послѣ занятій двойственность ножекъ при *больш*

шемъ расхожденіи ножекъ циркуля, нежели до занятій. Этотъ результатъ на первый взглядъ поражаетъ своей изюжданностью, такъ какъ связь между умственными занятіями и кожною чувствительностью представляется чѣмъ-то мало понятнымъ. Въ дѣйствительности, однакожь, эта связь весьма естественна. Всѣ наши ощущенія, равно кожныя, зрительныя или слуховыя и др., дѣлаются доступными намъ только пройдя черезъ сознаніе, а для вступленія въ сознаніе необходима помощь и работа вниманія (Вундтъ), которое и есть общее психическое условіе для всякой душевной дѣятельности, будь-ли это образование ощущеній, сужденій запоминанія и т. п.

Поэтому всякое утомленіе, сопровождаясь и ослабленіемъ вниманія, должно неизбѣжно отразиться на ослабленіи зашей способности воспринимать ощущенія, въ томъ числѣ и кожно-пространственныя. Оттого совершенно естественно, что утомленіе послѣ школьныхъ занятій влечетъ за собою пониженіе кожною чувствительности.

Познакомивъ читателя съ содержаніемъ работы гг. Анри и Бине, считаемъ умѣстнымъ съ своей стороны дать нѣкоторое освѣщеніе этому важному вопросу и охарактеризовать его положеніе въ настоящее время.

Вопросъ о переутомленіи выдвинуть въ послѣднее время съ особенною силой въ области школьнаго, и особенно такъ называемаго средняго, гимназическаго образованія. Впрочемъ, строго говоря, жалобы на переутомленіе учащихся не новы и раздаются въ Германіи, по крайней мѣрѣ, съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло было поставлено въ Пруссіи на ту высоту, на которой мы его видимъ теперь. Съ этого времени періодически появлялись протесты со стороны врачей, иногда педагоговъ, противъ чрезмѣрнаго обремененія учащихся умственной работой и указанія на вредныя послѣдствія въ сферѣ физическаго развитія подрастающаго поколѣнія.

Въ 1880 г. общее вниманіе ученаго міра и публики въ Германіи было снова привлечено къ этому вопросу, благодаря докладу д-ра Гассе на съѣздѣ германскихъ психіатровъ въ Эйзенахѣ. Въ этомъ докладѣ, основанномъ на личныхъ наблюденіяхъ автора надъ семью случаями душевнаго разстройства учениковъ гимназіи, особенно рѣзко были формулированы положенія о вредномъ вліяніи, которое германская школа оказываетъ на учащихся. Съѣздъ большинствомъ одного голоса присоединился къ выводамъ докладчика. Докладъ и резолюція произвели большую сенсацію. Прусское министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ двумъ корифеямъ германской науки, проф. Вирхову и Вестфалу, наиболѣе выдающемуся германскому психіатру, съ предложеніемъ представить за-

писку объ этомъ предметѣ. Эти лица, по тщательномъ изученіи отчетовъ многихъ германскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также по ознакомленіи съ отчетами нѣкоторыхъ домовъ для умалишенныхъ, пришли къ выводамъ, не вполне совпадающимъ съ тезисами д-ра Гассе.

Вирховъ и Вестфаль въ составленной ими запискѣ высказываютъ убѣжденіе, что «пока нѣтъ данныхъ для надлежащаго сужденія о распространеніи переутомленія среди учениковъ гимназій». Для такого сужденія прежде всего необходимо установить понятіе о среднемъ ученикѣ, въ смыслѣ единицы среднихъ учебныхъ способностей. Процентъ учениковъ, заболѣвающихъ душевными и нервными болѣзнями, оказывается менѣе средняго 0% заболѣвающихъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ.

Если и замѣчается среди учащихся увеличеніе числа самоубійствъ въ послѣднее время, то, по изслѣдованіямъ Вирхова и Вестфала, это увеличеніе менѣе значительно, чѣмъ общее возрастаніе 0% самоубійствъ, наблюдаемое въ большихъ городахъ Германіи.

Едва-ли не самое интересное и убѣдительное во всемъ докладѣ Вирхова и Вестфала—это сравнительное изслѣдованіе 0% годныхъ къ воинской повинности юношей, прошедшихъ гимназію и не проходившихъ ее. Авторы доклада, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, утверждаютъ, что «относительно годности къ воинской службѣ молодые люди, кончающіе курсъ въ гимназіяхъ, представляютъ несравненно болѣе благопріятные результаты, чѣмъ юноши этого же возраста, посвятившіе себя торговлѣ и ремесламъ». Этотъ докладъ и пренія, вызванныя по его поводу въ прусскомъ, саксонскомъ и другихъ нѣмецкихъ парламентахъ, привели къ нѣкоторому, хотя лишь временному, успокоенію общественнаго мнѣнія. Агитация, поднятая д-ромъ Гассе и германскими психіатрами, имѣла, однако, и практически полезныя послѣдствія, такъ какъ, по указанію Вирхова и Вестфала, въ германской школѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія въ системѣ распредѣленія занятій, чередованія отдыха, болѣе широкое развитіе физическихъ упражненій, обращено было большее вниманіе на школьную гигиену и т. п.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, по почину германскаго императора, созвана была конференція, въ которой приняли участіе корифеи германскаго педагогическаго и ученаго міра.

Въ конференціи и въ вызванномъ ею умственномъ движеніи приняли участіе такія свѣтила науки, какъ Гельмгольцъ, Людвигъ, Вундтъ и др. Какъ извѣстно, конференція не привела къ ожидаемой реформѣ. Одною изъ причинъ этой безрезультатности оказалась крайняя спутанность тѣхъ систематическихъ данныхъ, кото-

рыми располагаютъ педагоги, но больше всего выступило полное отсутствіе тѣхъ основныхъ психо-физиологическихъ понятій объ умственной работѣ, безъ которыхъ спорящія объ этомъ предметѣ стороны не въ состояніи не только сговориться, но даже понять другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, въ основаніи всѣхъ жалобъ на своевременную школьную систему лежитъ мысль о неправильномъ направленіи умственной работы учащихся и о чрезмѣрномъ напряженіи духовныхъ силъ учащейся молодежи въ ущербъ интересамъ ея всесторонняго развитія.

Люди, привыкшіе къ строго научному мышленію, не могутъ брать за основу своихъ разсужденій такія неопредѣленные понятія, какъ умственная работа, утомленіе, нормальный трудъ, среднія способности. Невольно возникаетъ рядъ вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: дѣйствительно-ли всякое умственное занятіе представляетъ собою въ одинаковой степени умственный трудъ, въ смыслѣ расхода чего-то, какой-то физической или духовной энергіи? Можно-ли найти мѣру умственнаго труда? Какую роль играетъ упражненіе въ экономіи умственной работы? Какъ отличить нормальное, т.-е. возстановимое, утомленіе отъ такъ называемаго переутомленія, т.-е. мало или вовсе не возстановимаго? Гдѣ кончается одно и начинается другое? Что такое средній ученикъ, какъ его опредѣлить, да и существуетъ-ли онъ? Дѣйствительно-ли заучиваніе наизусть, т.-е. работа памяти, представляетъ форму умственнаго труда, отличную отъ логической дѣятельности, и которая изъ нихъ труднѣе, т.-е. скорѣе влечетъ за собою утомленіе? Какъ отличить психическія явленія утомленія отъ физическихъ, непосредственныя и временныя послѣдствія усталости отъ отдаленныхъ и болѣе постоянныхъ? Какъ велики предѣлы колебаній индивидуальной работоспособности и утомляемости? Дѣйствительно-ли изученіе описательной естественной исторіи представляетъ собою умственную работу, отличную отъ изученія языковъ, работу болѣе логическаго характера? Эти и другіе, съ ними связанныя вопросы выступаютъ во всей грозной неприступности предъ умственнымъ судомъ каждаго, кто объективно и научно вздумаетъ подвергнуть критикѣ вопросъ о школьномъ образованіи.

И. Г. Оршанскій.

(Окончаніе будетъ).

Вопросъ о выборѣ профессій нашею молодежью.

«Сняла съ меня судьба въ жестокой этотъ вѣкъ
Великій страхъ и жгучую тревогу,—
И я, сравнительно, счастливый человекъ!
Нѣтъ сына у меня»...

А. Жемчужниковъ.

I.

Между всѣми «проклятыми вопросами», волнующими умы нашего современнаго юношества, едва-ли найдется другой такой мучительный, а вмѣстѣ и такой практически важный и неизбежный вопросъ. какъ вопросъ: «что дѣлать», какую дорогу, какой родъ профессиональнаго труда избрать для себя въ жизни?

Будущее, «даль жизни», всегда, конечно, представляло живой интересъ для людей,—объ этомъ всегда съ увлеченіемъ и тревогой думала и «гадала вѣтренная младость»; но въ доброе старое время она гадала у насъ о будущемъ лишь въ отношеніи, такъ сказать, мелочей, подробностей его; общая-же картина его, «профиль» предлагающаго жизненнаго пути, были для каждаго болѣе или менѣе ясны и опредѣленны. Выборъ такого пути не составлялъ для молодыхъ головъ прежняго времени особеннаго вопроса и ужъ во всякомъ случаѣ не могъ служить источникомъ долгаго и тревожнаго раздумья, такъ какъ для большинства представителей тогдашней молодежи путь этотъ роковымъ и неизмѣннымъ образомъ намѣчался самымъ фактомъ происхожденія ихъ, фактомъ принадлежности къ той или иной группѣ государственнаго населенія. Подростала, напр., нѣкоторая новая «юная отрасль» въ привилегированной дворянской или чиновничьей семьѣ: нужно-ли было думать, стоило-ли ломать какъ этой самой «отрасли», такъ и ея ближнимъ свои головы надъ вопросомъ—куда, къ чему, къ какой профессіи готовить юношу? Вопросъ этотъ предрѣшался самой жизнью, самой, такъ сказать, судьбой! Для члена такой семьи не могло быть иной жизненной дороги, кромѣ той, какую проторили ея предки, не предвидѣлось иной дѣя-

тельности, кромѣ «государственной службы» — то въ рядахъ войскъ, то въ одномъ изъ безчисленныхъ бюрократически-канцелярскихъ учрежденій имперіи. Въ подробностяхъ тутъ, конечно, могла быть разница. Юноша, смотря по степени его личной даровитости, по важности и силѣ его семейныхъ и общественныхъ связей, могъ мечтать и о генеральскихъ эполетахъ, пожалуй, о фельдмаршальскомъ жезлѣ, могъ разсчитывать «дослужиться» до поста губернатора, министра; могъ и ограничить свою служебную карьеру чиномъ корнета или губернскаго секретаря въ отставкѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ мирно доживать свой вѣкъ въ наслѣдственной деревнѣ въ роли сельскаго хозяина. Все это для взятаго нами въ примѣръ юноши могло такъ или иначе сложиться въ подробностяхъ, частностяхъ его «будущаго», но общій характеръ этого будущаго оставался для него неизмѣнно одинъ и тотъ-же. Единственнымъ жизненнымъ удѣломъ, который обязательно юноша долженъ былъ избрать, а общество и государство съ своей стороны всегда охотно и благожелательно было готово ему предоставить, — было все та-же «служба по опредѣленію и назначенію отъ правительства». Выбирать было не изъ чего и не для чего, а слѣдовательно, и думать, и тревожиться было не надъ чѣмъ и незачѣмъ.

То же самое нужно сказать о большинствѣ представителей молодежи и всѣхъ другихъ сословно-общественныхъ группъ нашего населенія. Передъ большинствомъ ихъ тоже никогда не возникала мудреная и тягостная задача о выборѣ профессіи, рода дѣятельности; этотъ *x* и для нихъ разрѣшался не усиліями ихъ личной мысли и воли, а опять-таки фатально опредѣлялся тою же случайностью ихъ происхожденія. Молодой купчикъ съ дѣтства свикался съ орудіями своего наслѣдственнаго промысла -- аршиномъ и торговыми вѣсами, съ юности осваивался со всѣми разнообразными приемами купли и продажи: его будущее неизбежно была торговля. Маленькій поповичъ съ раннихъ лѣтъ своей жизни безсознательно начиналъ развивать свои голосовыя средства, «накиривалъ» басъ или теноръ, такъ какъ о своемъ будущемъ онъ только и могъ сказать словами псалмопѣвца: «пою Богу моему дондеже есмь!» Жизненная карьера подростка-мѣщанина и крестьянина была predeterminedъ еще фатальнѣе и рѣшительнѣе. Для перваго не было и не могло быть инаго положенія въ жизни, кромѣ положенія мелочнаго торговца — «шибая», «прасола», или мастерового; для послѣдняго, т. е. крестьянина, — положенія землепашца, съ прибавленіемъ иногда случайнаго промысла какого-либо чернорабочаго, промысла грабаря, плотника, бурлака, извозчика и т. п. Сверхъ того, при нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, при несчастливо вынужтомъ «же-

ребѣ», какъ мѣщанину, такъ и крестьянину предстоялъ еще одинъ «крестный» жизненный путь—путь подъ «красную шапку», т.-е. въ военную службу въ качествѣ профессиональнаго, почти пожизненнаго солдата.

Позвольте... Не забыть-ли еще кто-либо нами? Не упущена-ли изъ виду какая-нибудь сословно-общественная группа, гдѣ-бы условія жизни молодыхъ поколѣній были нѣсколько иныя, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ помянутыхъ нами, гдѣ вопросъ о будущемъ, вопросъ—«что дѣлать», ужеи въ давно-минувшія времена представлялся-бы вопросомъ настойчивымъ и острымъ какъ для отцовъ, такъ и для дѣтей? Да, такая группа существовала; это была группа такъ называемыхъ по закону «разночинцевъ». Классъ «разночинцевъ» по времени своего образованія—ювѣйшій, а по своей численности былъ самый небольшой классъ сравнительно съ другими нашими сословно-общественными группами, но по уровню умственнаго и вообще культурнаго развитія отдѣльныхъ членовъ его, по степени ихъ предприимчивости, энергіи и даровитости онъ можетъ быть признанъ самымъ замѣтнымъ и передовымъ классомъ въ историческомъ процессѣ культурнаго развитія нашего общества за послѣднія 50—60 лѣтъ. Сословная грань, отдѣляющая этотъ классъ отъ другихъ сословій, мало рельефна и очень не опредѣлена. Ни положительный законъ, ни житейская практика не успѣли придать ей той рѣзкой очерченности и той прочности, какими обладали сословныя рамки всѣхъ остальныхъ общественныхъ группъ нашего народонаселенія. Высочайше учрежденная комиссія для введенія новаго городского Положенія (въ 1846г.) опредѣлила подъ «разночинцами» разумѣть «тѣхъ лицъ, которыя, не получивъ еще ни личнаго дворянства, ни почетнаго гражданства,— по своему положенію въ обществѣ могутъ считаться въ равной съ ними степени» *). Въ виду такого взгляда, и въ инструкціи городскому депутатскому собранію предписано къ «разночинцамъ» относить лицъ, не принадлежащихъ ни къ дворянамъ, ни къ почетнымъ граждавамъ: ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и т. п. **). Контингентъ сословія «разночинцевъ» комплектовался, слѣдовательно, то добровольными отщепенцами, то насильственными изгоями изъ нѣкоторыхъ другихъ классовъ общества; это были люди, по народной поговоркѣ, отъ своего берега отставшіе и ни къ какому чужому еще не приставшіе. При такой малоопредѣленности и неустойчивости сословнаго положенія, при той множественности и разнообразіи практическихъ занятій, какимъ по необходимости посвящали

*) Журн. комис. отъ 13-го апрѣля 1897 г.

**) Сборн. постановл. по С.-Петербургск. обществ. управл. Сводъ инстр., ст. 207—209.

свои силы и трудъ отдѣльные члены разсматриваемой общественной группы, само собою разумѣется, въ ней не могло образоваться и дѣйствительно никогда не создавалось какихъ-либо постоянныхъ, однородныхъ наследственныхъ профессій. Передъ глазами дѣтей «разночинца» не было прямой и открытой тропы, пробитой и утопанной стопами его предковъ. У cadaго изъ этихъ предковъ былъ свой жизненный путь, требовавшій и своей особенной сноровки, и своей специальной подготовки, а иногда—и своей исключительной духовной даровитости; такой путь, конечно, рѣдко можно было преемственно предназначать каждому изъ своихъ нисходящихъ потомковъ; а потому послѣднимъ, по большей части, приходилось облюбовывать и избирать себѣ все инья, новыя жизненныя дороги, сообразуясь съ своими личными вкусами, наклонностями и условіями своего экономическаго и семейнаго положенія. Послѣ этого неудивительно, что ни въ какой другой сословно-общественной средѣ у насъ не былъ такъ развитъ духъ личной инициативы, нигдѣ сословная изгородь и традиціи не ставили для отдѣльной личности такъ мало стѣсненій въ отношеніи выбора рода дѣятельности, какъ въ средѣ, которую законъ очень выразительно и характерно наименовалъ сословіемъ «разночинцевъ». Среда эта постоянно давала русскому обществу очень энергичныхъ и трудоспособныхъ работниковъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ сферахъ общественной дѣятельности, начиная съ науки, литературы, всевозможныхъ видовъ искусства и кончая скромными поприщами школьныхъ учителей, разнаго рода писарей, конторщиковъ и приказчиковъ при старыхъ барскихъ усадьбахъ и т. п. Между молодежью этого класса вопросъ о будущемъ, о выборѣ «рода жизни» и круга дѣятельности всегда поддерживалъ повышенное, напряженное настроеніе, и даже въ добрыя старыя времена онъ стоялъ передъ этою молодежью ребромъ. Большинство же юношества остальныхъ сословій оставалось въ эти времена въ отношеніи этого вопроса, повторяю, совершенно покойнымъ.

Объ отношеніяхъ къ разсматриваемому вопросу со стороны прекрасныхъ представительницъ нашихъ женскихъ юныхъ поколѣній прежняго времени, разумѣется, и говорить нечего. Вопросъ: «что дѣлать»—былъ не только пустымъ, празднымъ, дикимъ вопросомъ для всякой молодой женской головки; нѣтъ, онъ просто былъ вопросомъ, не вмѣщающимся въ ней! Какъ «что дѣлать»? Конечно, одно и единственное: «выходить замужъ!» Иного рѣшенія не было и не могло быть для прежней русской дѣвушки, къ какому-бы сословному классу она ни принадлежала, какими-бы личными физическими и нравственными качествами она ни обладала. Да, «замужъ, замужъ»—и ничего больше! При неблагоклонности, упорствѣ и непо-

датливости «старика-гименя» вся жизнь въ глазахъ прежней дѣвухи теряла свой разумный смыслъ, утрачивала свою естественную законную цѣль; приходилось записываться въ разрядъ старыхъ дѣвъ, «христовыхъ невѣстъ», «черничекъ» и коротать свой горькій вѣкъ то въ качествѣ приживалки въ семействахъ разныхъ братцевъ или сестрицъ, тетенецъ или дяденецъ; благодѣтелей и благодѣтельница, то въ роли инокини въ монастырѣ. О какомъ-нибудь самостоятельномъ общественномъ положеніи, о какой-либо профессіи, дающей это положеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и необходимыя средства къ существованію, русская дѣвушка не только никогда серьезно тогда не помыслила, но подобнаго положенія не могли рисовать ей даже ея капризные, своенравные дѣвическіе сны. Конечно, и въ старые годы бывали случаи, создаваемые роковымъ степеніемъ разныхъ обстоятельствъ, когда дѣвухѣ приходилось совершенно одной, самостоятельно, не опираясь ни на чью руку и не пользуясь никакой поддержкой родственниковъ и милостивцевъ, совершать свой жизненный путь и бороться за свое существованіе; но такіе случаи были единичными исключеніями, такіе пути были малочисленны и вполнѣ извѣстны. Для дѣвухи изъ низшихъ сословій, кромѣ ремесла пивей или положенія служанки, ничего иного въ жизни не предвидѣлось; горизонтъ-же рабочаго рынка для «интеллигентной» барышни былъ еще уже: изъ «образованныхъ» тамъ спрашивалась единственная профессиональная труженица—бѣдная гувернантка, то «съ музыкой», то «безъ музыки». Значить, и тутъ задумываться и мучиться надъ вопросомъ о выборѣ профессиональной дѣятельности было нечего. Впрочемъ, сами осужденныя на подобныя положенія никогда не относились къ нимъ серьезно. Каждая дѣвушка, сохранявшая хоть сколько-нибудь еще вѣры въ себя, въ свою «судьбу» и счастье, смотрѣла на такія положенія, какъ на нѣчто именно случайное и скоропреходящее. Это было временное испытаніе со стороны Провидѣнія, вѣшнія тучки на жизненномъ небосклонѣ, католическое «чистилище»; въ перспективѣ-же носился, все соблазнительно дразнилъ и манилъ «идеаль» другой жизни—жизни съ «суженымъ-ряженымъ», который непременно долженъ былъ придти, долженъ былъ прекратить это испытаніе, развѣять эти тучи и освободить изъ этого «чистилища». И дѣйствительно, какъ скоро таковой являлся, часто первый встрѣчный, дѣвица спѣшила ликвидировать всѣ дѣла по самостоятельной своей профессіи, какъ-бы сравнительно она ни была покойна и удобна, и... и выходила замужъ. Это былъ рокъ, «fatum»! При такомъ общемъ направленіи, царившемъ среди русскихъ дѣвушекъ, при такихъ отношеніяхъ ихъ къ жизни и пониманію ими смысла и цѣлей ея, само собою разумѣется, вопросъ «что дѣлать» былъ для нихъ

вопросомъ пустымъ и празднымъ. Ихъ «профессиональное дѣло» было намѣчено ясно, предрѣшено твердо: выходить замужъ, родить и выкармливать дѣтей и завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ! Всякое иное положеніе считалось ненормальнымъ, а потому думать о немъ, обсуждать его, заботиться о какой-бы то ни было подготовкѣ къ нему являлось вопіющей безсмыслицей.

Такъ бездумно жила, съ такимъ равнодушіемъ къ разсматриваемому вопросу относилась наша молодежь обоего пола до самой половины, даже больше, до 60-хъ годовъ нашего вѣка.

II.

Въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ во всѣхъ областяхъ жизни всѣхъ слоевъ и всѣхъ сословій нашего народонаселенія совершается чрезвычайно глубокой и, что всего важнѣе, необыкновенно быстрый, поистинѣ горячечный эволюціонный процессъ, разрушающій безъ остатка всѣ старыя нормы нашей социальной, экономической и нравственной жизни въ конецъ и безъ пощады разшатывающій всѣ прежніе устои и порядки ея. Оспаривать фактъ такого процесса нельзя, такъ какъ онъ совершался и совершается во-очію передъ нами. Если-бы въ отношеніи этого процесса умѣстно было употребить тотъ приемъ, какимъ часто пользуются врачи, руководствуясь показаніями температуры для нагляднаго, «графическаго» изображенія разныхъ физиологическихъ процессовъ, то у насъ получилась-бы такая изумительно-причудливая «кривая», предъ которой остановился и задумался-бы самый равнодушный и легкомысленный наблюдатель. Перешагнувъ за рубежъ исполнившагося тысячелѣтія своего историческаго существованія, русскій человѣкъ словно потерялъ тамъ, за этимъ рубежомъ, искони присущее его народному характеру свойство, именно свою общеславянскую медлительность и осторожность въ отношеніи измѣненія формъ и устоевъ своей жизни, словно забылъ тамъ старинный завѣтъ своей народной мудрости, завѣтъ «семь разъ отмѣрь и разъ отрѣжь!» Въ указанные годы онъ многое перекроилъ въ своей жизни,—перекроилъ съ нервной быстротой и спѣшностью, многое отрѣзалъ безъ всякаго аршина, просто на смѣлый глазомѣръ. Хорошъ или дуренъ, благодѣтеленъ или зловреденъ этотъ процессъ по своей сущности, полна-ли сладкихъ утѣшеній или обидной горечи картина его для нашего самолюбія и чувства народной гордости—это иные вопросы, которыхъ здѣсь не мѣсто касаться: я устанавливаю только фактъ, думаю,—безспорный

Указанный процессъ, какъ процессъ неестественно-быстрый, такъ сказать, лихорадочный, конечно, долженъ болѣзненно отзываться

на многихъ, да едва-ли не на всѣхъ и каждомъ изъ насъ; но ни на кого онъ не ложился и не ложится всею своею тяжестью, какъ на наши молодыя, подроставшія поколѣнія. Одинъ изъ нашихъ маститыхъ поэтовъ *) прекрасно и глубоко-справедливо замѣтилъ, что въ томъ и бѣда.

«О, какъ не весело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя!»

Да, дѣйствительно тяжело и невесело живетъ нашимъ юношамъ.

Лучшая, наиболѣе выдающаяся по богатству своихъ духовныхъ силъ и своему развитію часть ихъ, молодежь, напр., университетская, хоть и громко распѣваетъ по временамъ свою традиционную, жизнерадостную пѣсню «Gaudeamus igitur», но на дѣлѣ полного и истиннаго чувства этой молодой, беззабѣтной жизнерадостности она испытываетъ, кажется, немного. Сколько изъ среды этой юношей, продолжаю словами того же поэта, на жизненномъ пути—

Какъ-бы блуждающихъ средь мрака иль въ пустынѣ!
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?
Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ?
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?

Подъ гнеомъ такихъ мудреныхъ и сложныхъ вопросовъ радостный призывъ «gaudeamus!» едва-ли можетъ встрѣчать живой и непосредственный откликъ въ сердцахъ и нервахъ этого юношества!

Предъ большинствомъ-же ихъ, чуть не передъ всѣми поголовно, жизнь ставитъ ребромъ еще иной вопросъ, съ виду простой, но по существу не менѣе тревожный и грозный, а по обстоятельствамъ времени еще труднѣе разрѣшаемый—вопросъ «о родѣ жизни», практическомъ дѣлѣ, профессіи, съ чѣмъ неразрывно связанъ вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба, т.-е. иначе—о самомъ существованіи.

Огромному большинству современной молодежи приходится становиться въ ряды серьезныхъ, заправскихъ практическихъ работниковъ очень рано; иногда въ томъ еще возрастѣ, когда юноша прежняго времени считался, особенно въ зажиточныхъ и привилегированныхъ семьяхъ, совѣмъ «дитѣй», которому, кромѣ забавъ, развлеченій да, пожалуй, школьнаго ученья, ни о чемъ другомъ помышлять не полагалось. Теперь не то! Жизнь въ экономическомъ отношеніи дорожаетъ не по днямъ, а по часамъ, потребности ея растутъ, множатся и разнообразятся съ быстротой непомерной, и для удовлетворенія ихъ требуется такой усиленный трудъ,

*) А. Жемчужниковъ.

къ участию въ которомъ по необходимости привлекается всякая рабочая единица семьи или общества, иногда далеко еще не дозрѣвшая и недоразвившаяся до степени своей полной работоспособности. Право на существованіе вездѣ и всегда до нѣкоторой степени было связано съ обязанностью трудиться; библейская заповѣдь «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой» никогда не утрачивала для человѣчества своего обязательнаго значенія; но никогда и ни для кого въ нашемъ обществѣ ея голосъ не звучалъ такъ строго и внушительно, какъ именно въ наши дни и для cadaго изъ нашихъ новыхъ подростующихъ поколѣній.

Оглянемтесь, кликнемъ кличъ всѣмъ тѣмъ счастливымъ, которые и теперь еще пользуются возможностью существовать безъ личнаго труда, служить изъ-за-мундира, работать лишь при расположеніи и только изъ-за удовольствія, тратить время и деньги на разныя разности, безъ эхиднаго расчета, долго-ль-коротко-ль, близко-ли-далеко-ли, съ лихвой возвратитъ ихъ. Ахъ, какъ немного такихъ избранныхъ! Какъ малочисленны и неплотны ряды ихъ, да и какъ-же сѣро и хмуро смотрять ихъ фізіономіи, такъ ярко свѣтвившіяся прежде румянцемъ довольства и жизнерадостности! И съ каждымъ годомъ ряды ихъ рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, фізіономіи блѣднѣютъ и вытягиваются... «Службы! Работы!» Да, службы «не изъ-за чести», работы не для развлеченія, а серьезной, упорной; службы и работы какой ни-на-есть, тяжелой, хоть-бы даже и противной, но лишь-бы она бойко спрашивалась на рабочемъ рынкѣ, только-бы щедро и скоро тамъ она оплачивалась! Вотъ нынѣ болѣзненный вопль не одного нашего крестьянина, фабричнаго, мастерового; вѣтъ, это лозунгъ, это — громко заявляемая или съ трудомъ скрываемая потребность cadaго вступающаго въ самостоятельную жизнь нашего юноши, начиная съ разночинца, купца, поповича и кончая потомкомъ титулованной дворянской семьи. И каждымъ новымъ поколѣніемъ потребность эта сознается и чувствуется все яснѣе и ошутительнѣе и выражается все громче и рѣшительнѣе!

Что-же? Въ добрый часъ! «Работы въ жизни много, работы честной и святой», — такъ много, что ея вдосталь хватить на всѣхъ, кто ищетъ и требуетъ ея. Да, много! Но именно въ этомъ множествѣ, въ этомъ чрезвычайномъ разнообразіи родовъ и видовъ труда, какого требуетъ все усложняющаяся наша общественная и экономическая жизнь отъ cadaго отдѣльнаго члена общества, заключается новый источникъ мучительнаго раздумья для cadaго молодого, начинающаго работника. Разобраться въ этой множественности сортовъ практической дѣятельности, остановиться на томъ именно дѣлѣ, которое, съ одной стороны, наиболѣе соотвѣт-

ствоvalo-бы личнымъ вкусамъ, силамъ и интересамъ самого работника, а съ другой—отвѣчало-бы и желаніямъ работодателя, избрать для себя тотъ видъ труда, какой принесъ-бы наибольшую сумму выгодъ и пользы какъ лично трудящемуся, такъ и окружающимъ его ближнимъ,—это вопросы хитрые, задача не легкая! Тѣхъ прямыхъ и проторенныхъ путей, какими въ прежнее время сама жизнь веда нашу молодежь къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, болѣе не существуетъ; общественный эволюціонный процессъ, о которомъ мы говорили, одни изъ этихъ путей безслѣдно уничтожилъ, другіе—смѣшалъ и перепуталъ до неузнаваемости, и профессіи, преемственно отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку передаваемыя, могутъ встрѣчаться теперь лишь какъ рѣдчайшія исключенія. Высокія и крубікія стѣны, непроходимо когда-то раздѣлявшія между собою наши общественные классы, изветшали въ конецъ, изветшали настолько, что въ очень многихъ частяхъ своихъ представляютъ лишь ничтожную изгородь, чрезъ которую свободно шагаетъ каждый желающій, и очевидно, близокъ день, когда эти преграды рухнутъ окончательно. Личность въ каждомъ новомъ поколѣніи эмансипируется все болѣе и болѣе и то строитиво ропщетъ, то прямо дерзко и энергично протестуетъ противъ всѣхъ жизненныхъ положеній, фатально создаваемыхъ случайностями рожденія, сословно-традиціонными требованіями, волею родительскою и т. п., настаивая на своемъ безусловномъ правѣ устраивать эти положенія по своимъ только личнымъ вкусамъ и усмотрѣнію. Въ наши дни отцы относительно своихъ дѣтей сплошь и рядомъ оказывались и оказываются въ траги-комической роли той несчастной курицы, которая высидѣла въ своемъ лукошкѣ утатъ. Въ долгій и утомительно-скучный періодъ «высидиванья» она тѣшила себя, бѣдная, мечтами, какъ съ своимъ молодымъ выводкомъ будетъ гулять по тучно-уваженнымъ огородамъ, капустникамъ и огуменникамъ, полнымъ обильныхъ запасовъ всякаго лакомаго корма, и вдругъ — какая обида, какое разочарованіе! Ея странныя дѣтки съ первыхъ-же шаговъ своихъ рѣшительно не хотятъ знать ея милыхъ огородовъ и огуменниковъ и все рвутся и бѣгутъ въ чуждую и ненавистную для нея стихію—въ воду! Въ нашемъ современномъ обществѣ, во всѣхъ его классахъ и подклассахъ, вы ежедневно и чуть не на каждомъ шагу можете наблюдать печально-растерянные фигуры такихъ родителей и родительницъ, которые пережили или переживаютъ, испытали или испытываютъ всѣ муки сердечныхъ тревогъ, всю горечь слезъ, вызываемыхъ подобными-же «обманутыми ожиданіями» въ отношеніи судьбы своихъ дѣтей. Только, конечно, тутъ положеніе безъ сравненія серьезнѣе, роль не однихъ отцовъ, а и самихъ дѣтей

несоизмѣримо трагичнѣе. Утятя, убѣгающіе отъ высидѣнной ихъ «хохлатки» въ воду, бѣгутъ туда весело и радостно, смѣло и увѣренно, бѣгутъ на радость и счастье, такъ какъ сама мать-природа заранѣе позаботилась о приспособленіи ихъ къ условіямъ того существованія, куда влечетъ ихъ инстинктивное стремленіе ихъ; не такъ-то легко и удобно «людскимъ выводкамъ», молодымъ поколѣніямъ человѣчества, покидать свои наслѣдственные «огороды и капустники», разрывать разъ и навсегда опутывающую ихъ сѣтъ сословныхъ и общественныхъ связей, отречься отъ традиціонныхъ условій и порядковъ жизни и искать для себя новыхъ путей и горизонтовъ на вольномъ просторѣ открытаго житейскаго моря. Ихъ только и можно напутствовать благожеланіемъ, прекрасно выраженнымъ однимъ изъ нашихъ дорогихъ поэтовъ,—

«Храни Господь того, кто скажетъ:
«Простите мирныя поля!»
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большого корабля... *)»

Да, шагъ всѣхъ этихъ, навсегда «прощающихся съ родными, мирными полями», шагъ такой трудный и важный, путь всѣхъ, привязывающихъ свой утлый челнокъ къ кормѣ большого корабля, такой опасный, невѣрный и рискованный, что тутъ только и надежда именно на милость и охрану Господню.

Окончательный разрывъ всякихъ сословно-родовыхъ и семейныхъ связей, безповоротное отреченіе отъ традиціонныхъ нормъ и порядковъ жизни, чѣмъ-бы это ни вызывалось, отъ какихъ-бы причинъ ни зависѣло, всегда и для каждаго человѣка является актомъ глубоко печальнымъ, процессомъ мучительно-болѣзненнымъ, надламывающимъ силы, понижающимъ степень энергіи его: ну, а потомъ?.. За нимъ, за этимъ процессомъ что? Поиски иныхъ, новыхъ людей, встрѣчи и сближенія съ ними, плетеніе и укрѣпленіе новыхъ корпоративныхъ и семейныхъ связей и опять... все та-же неизбѣжная забота «о кускѣ хлѣба», о родѣ практической дѣятельности, обезпечивающей этотъ хлѣбъ, опять, значитъ, все тѣ-же «проклятые вопросы: что-же избрать, «куда идти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя пытатъ?» **)...

Замѣтивъ выше, что видовъ, въ количественномъ отношеніи. практическаго труда, спрашиваемаго на рабочемъ рынкѣ нашего общества, такъ много, что для представителей нашей молодежи пока нѣтъ ни малѣйшихъ опасеній переполнить этотъ рынокъ и предложеніемъ своихъ услугъ превысить спросъ, что, напротивъ, эта самая

*) Некрасовъ, «Несчастные».

**) Ibidem.

множественность и разнообразіе видовъ практической дѣятельности часто служатъ для начинающихъ работниковъ, для юныхъ общественныхъ дѣятелей источникомъ тревожнаго раздумья мысли и растерянности вовсе при вопросѣ: что-же именно избирать, чему посвятить непочатыя силы своихъ молодыхъ рукъ и головъ? Теперь взглянемъ, каковы требованія общества относительно внутреннихъ качествъ, добротности, такъ сказать, труда.

Наше современное общество переживаетъ, очевидно, одну изъ такъ называемыхъ «переходныхъ эпохъ» своего историческаго существованія. Такія времена всегда и у всѣхъ народовъ характеризуются съ одной стороны крайнею страстностью и прямолинейностью направленія общественной мысли, а съ другой—страшной поверхностью, неустойчивостью и измѣнчивостью ея. Что сегодня для такого общества идеально-прекрасно и желательно, то завтра никуда не годно, достойно всякаго осужденія, иногда даже и проклятій; одна часть общества горячо и громко исповѣдуетъ, что «истина» только у «Павла», другая не менѣе горячо протестуетъ, признавая ее единственно у «Петра», третья отрицаетъ ихъ обоихъ и ждетъ спасительныхъ откровеній исключительно отъ «Іоанна»!.. Такъ во всемъ, такъ въ частности и въ отношеніи требованій отъ своихъ работниковъ, дѣятелей во всѣхъ сферахъ общественнаго и культурно-экономическаго труда. Требования эти поражаютъ своимъ непостоянствомъ, шаткостью и разнообразіемъ. Школьная подготовка, личныя качества, степень работоспособности, вчера еще считаемыя совершенно достаточными и удовлетворительными для какого-либо, напр., офицера, чиновника, судьи, іерея, инженера, агронома и проч. и проч., завтра-же могутъ оказаться «не въ духѣ времени», «не въ курсѣ дѣла», и обладатели такихъ качествъ или прямо забраковываются и устраняются отъ дѣла, или если и оставляются, то на положеніи лишь «эле-эле терпимыхъ»!

Доказательства такого нашего общественнаго шатанія на-лицо. За послѣднія 30 лѣтъ всѣ наши государственныя вѣдомства преобразовывали свои среднія и высшія школы, эти питомники для вырощенія государственныхъ дѣятелей, общественныхъ работниковъ, по нѣскольку разъ преобразовывали то отъ верху до низу радикально, то въ отдѣльныхъ частяхъ ихъ—и все-таки нынѣ существующія школы мало кого удовлетворяютъ вполнѣ: требуются и совершаются все новыя поправки, новыя передѣлки то въ составѣ учебныхъ курсовъ, то въ организаціи воспитательной части ихъ. Военное Министерство и Министерство Народнаго Просвѣщенія переустроили свои школы за указанный періодъ времени, не считая разныхъ частныхъ, но очень существенныхъ измѣненій, двукратно. Ми-

нистерство Путей Сообщенія и Министерство Земледѣлія, не довольствуясь преобразованіями состоящихъ въ ихъ вѣдомствахъ учебныхъ заведеній, постоянно заняты разработкой плановъ устройства все новыхъ и новыхъ школъ, особенно среднихъ и низшихъ. Осторожнѣйшее изъ осторожныхъ, а потому медлительнѣйшее въ своихъ мѣропріятіяхъ, изъ всѣхъ нашихъ государственныхъ учреждений—Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ тоже въ теченіе указаннаго времени два раза обновлялъ свои академіи и семинаріи, и теперь, какъ слышно, готовитъ третью реформу ихъ. Съ задачами и планами устройства нашей народной школы сумятицы и разногласій было и есть еще больше. Наши народные педагоги 60-хъ и начала 70-хъ годовъ мечтали о такой школѣ для народа, которая могла-бы дать ему самый широкій кругъ теоретическихъ и практическихъ знаній; затѣмъ требованія отъ нея были значительно понижены, наконецъ теперь одни сводятъ эти требованія совсѣмъ къ нулю, другіе рядомъ поднимаютъ вопросъ объ устройствѣ для народа школъ чисто профессиональныхъ, сельско-хозяйственныхъ, напр., промышленныхъ, ремесленныхъ и проч.

Скажите, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти факты? Что выражаютъ собою эти дружныя усиленныя и... и все еще пока безплодныя, неудовлетворяющія общества заботы?

Отвѣтъ на эти вопросы такъ прямъ и простъ, что самъ, какъ говорится, просится съ языка. Въ нашемъ общественномъ сознаніи нѣтъ пока не только вполне ясной и отчетливой, но и ровно никакой мысли о томъ, какой именно цѣли должны служить и удовлетворять наши школы, т.-е., другими словами, въ нашихъ представленіяхъ совершенно отсутствуетъ положительный, вполне опредѣленный «идеалъ» человѣка-гражданина, крупнаго общественнаго дѣятеля, и маленькаго рядового работника, воплощеніе котораго мы желали-бы видѣть въ питомцахъ, выходящихъ изъ вѣдръ нашихъ общественныхъ школъ. Что-же удивительнаго, что наши частыя школьныя реформы оказываются неудовлетворительными.

III.

Наше старое, прежнее общество имѣло свои идеалы; были-ли они прекрасны или безобразны—это другой вопросъ, но они были и признавались всѣми и каждымъ съ полною ясностью и рельефностью. «Прекрасный человѣкъ», «умный помѣщикъ», «благонадежный крестьянинъ», «исполнительный чиновникъ», «бравый солдатъ», «образцовый офицеръ», «солидный коммерсантъ» и проч. и проч.—все это на языкѣ нашихъ отцовъ и дѣдовъ были не пустыя клички, не сословные

только или профессиональные ярлычки; нѣтъ, въ этихъ словахъ былъ свой смыслъ, съ ними соединялось живое и ясное и, что всего важнѣе, присущее всему обществу представленіе о суммѣ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ, носителемъ которыхъ являлся тотъ или другой изъ поименованныхъ представителей общества. Идеалы этихъ прежнихъ «прекрасныхъ людей», «исполнительныхъ чиновниковъ», «образцовыхъ офицеровъ» и т. п. нынѣ осуждены, развѣнчаны и типичнѣйшіе изъ дѣятелей, воплощавшихъ въ себѣ эти идеалы, одни уже ушли, другіе быстро сходятъ съ общественной и жизненной сцены: одни добровольно, тихо и незамѣтно; другіхъ выпроводили насильно, даже со «скандаломъ», подъ шиканье партера и подъ гамъ и свистъ глумящагося, бѣснующагося райка! Ну, ушли, или уходятъ... и аллахъ съ ними; скатертью имъ дорога! Кто-же вмѣсто нихъ? Гдѣ типы представителей новаго, современнаго общества, типы работниковъ и сотрудниковъ его, которыхъ оно считаетъ именно своими кровными, излюбленными и неизмѣнными? Такихъ нѣтъ, или, точнѣе, такихъ наше современное общество пока не знаетъ и знать не желаетъ!

Если встрѣчаются иногда общіе любимцы тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, кружковъ, корпорацій, пользующіеся тамъ значеніемъ «центральныхъ личностей», такъ называемыхъ «свѣтиль», то это положеніе ихъ почти никогда не обуславливается тѣмъ, что данный кружокъ усмотрѣлъ и призналъ въ нихъ воплощеніе тѣхъ именно свойствъ ума, характера и таланта и наличность тѣхъ именно знаній и практической дѣловитости, какія онъ считаетъ наилучшими и наиболѣе желательными для своихъ общественныхъ дѣятелей; нѣтъ, это сплошь-и-рядомъ зависитъ отъ иныхъ, совершенно случайныхъ, иногда чистовнѣшнихъ и пустыхъ обстоятельствъ. Оттого, понятно, и эти самыя общественныя симпатіи не отличаются ни особенной глубиной, ни прочностью: сегодня «центральная личность», «свѣтило», «кумиръ кружка»; завтра—жалкая посредственность, а то и совсѣмъ всѣми забытая ничтожность!

Согласитесь, всѣ эти явленія—явленія, не сочиненныя, не выдуманныя; ими полна до краевъ, а пожалуй, и чрезъ край наша общественная жизнь!

Представители нашихъ молодыхъ, преемственно одно за другимъ слѣдующихъ поколѣній, конечно, прекрасно знаютъ и видятъ все это: старшіе путемъ уже своихъ личныхъ наблюденій и опытовъ, младшіе изъ откровенныхъ разговоровъ и разсужденій окружающихъ ихъ ближнихъ. Какое гнетущее и деморализующее впечатлѣніе должна производить эта картина предстоящей имъ «самостоятельной жизни» на ихъ молодую, неокрѣпшую мысль, какое отра-

тительно-пессимистическое настроеніе она должна созавать въ ихъ, чуткихъ, воспріимчивыхъ сердцахъ! Во что вѣрить? Что считать опорой, надежнымъ базисомъ для этого «самостоятельнаго» и благоденственнаго своего существованія? Кредитъ школы, какъ истинной *almae matris*, какъ попечительной и умной подготовительницы къ практической жизни, въ глазахъ нашей молодежи поколебленъ давно и въ корнѣ. Чему и зачѣмъ серьезно учиться, когда знаніе всѣхъ этихъ «обязательныхъ и необязательныхъ» предметовъ школьныхъ курсовъ имѣеть свою безусловную цѣну лишь у экзаменаціоннаго стола стараго, придирчиваго учителя; въ жизни-же, въ практической дѣятельности можно отлично преуспѣвать и безъ этого школьнаго хлама! Вѣры въ плодотворность и спасительность труда тоже не существуетъ, да и откуда ей взяться и чѣмъ держаться, когда юноша каждый день видитъ или слышитъ, что въ сферѣ всякихъ родовъ практической дѣятельности вознаграждаемость труда зависитъ не отъ продуктивности и интенсивности его, а отъ условій совершенно постороннихъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ внутреннимъ качествамъ труда. Пятиминутные визиты моднаго врача, получасовая консультація по пустяшному дѣлу у «знаменитости» адвокатскаго міра, Богъ знаетъ какъ вопедшихъ въ моду и Богъ вѣсть чѣмъ стяжавшихъ себѣ извѣстность, — оплачиваются «сумасшедшими кушамы», а такой-же по существу, но болѣе внимательный и усердный трудъ скромнаго рядоваго врача, или безусловно дѣловаго, но не гоняющагося за «эффектами» присяжнаго повѣреннаго вознаграждается желтенькими, или много-много синенькими депозитками. Пройдоха комиссіонеръ за свою ловкую болтовню, за умѣнье показать товаръ лицомъ, изъ барышей съ рекламируемаго и сбываемаго имъ товара беретъ себѣ львиную долю, а мастеръ, усердный и искусный руки котораго создали и поставили этотъ товаръ, получаетъ изъ этой прибыли $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ °/о съ внушеніемъ—благодарить Бога и благодѣтеля-комиссіонера. Съумѣвшіе добиться «главенствующихъ» положеній, заглядывающіе лишь мимоходомъ, на 40—50 минутъ въ сутки, въ свои рабочіе кабинеты, пользуются многотысячными окладами, а ихъ секретари и докладчики, несущіе на своихъ плечахъ всю тяжесть существенныхъ служебныхъ обязанностей, отдающіе на это всѣ свои силы и время, довольствуются содержаніемъ, еле-еле застраховывающимъ ихъ отъ голодной смерти. Вотъ при такихъ условіяхъ и учись молодежь уважать и цѣнить трудъ самъ по себѣ! Запасъ довѣрія къ законѣрному, а тѣмъ менѣе къ нравственному порядку человеческой жизни тоже не можетъ быть великъ и обилень въ сердцахъ нашей молодежи. Краснорѣчивую проповѣдь о такихъ порядкахъ она

слышитъ иногда изъ устъ своихъ почтенныхъ профессоровъ, читаетъ въ разныхъ «хорошихъ книгахъ», а кругомъ, въ живой дѣйствительности, что видитъ она?

Чему-же мы иногда дивимся, что каждое новое поколѣніе представителей нашей молодежи вступаетъ на порогъ самостоятельной своей жизни съ настроеніемъ все болѣе и болѣе мрачнымъ, въ состояніи все болѣе и болѣе нервномъ и растерянномъ, что въ большинствѣ ихъ мало замѣчается бодрости и жизнерадостности, что интересы ихъ мелки, жизненные горизонты узки?! При существующемъ строѣ нашей соціальной и экономической жизни, при существующей системѣ общественнаго воспитанія, получаемого нашимъ юношествомъ, иныхъ результатовъ и ожидать невозможно! Важнѣйшіе вопросы молодежи—«что дѣлать, чему посвятить свою жизнь, какой путь-дорогу избрать въ ней»—стоятъ открытыми, остаются безъ твердыхъ, вполне успокоительныхъ отвѣтовъ. Дорогъ этихъ какъ будто и много, но на каждомъ изъ придорожныхъ столбовъ ихъ усматривается зловѣщее предупрежденіе: направо пойдешь—самъ пропадешь, нѣлѣво возьмешь—коня погубишь, средину избереши—безъ конца краю кружить будешь. Видовъ труда, профессій, сферъ дѣятельности, куда общество ищетъ и ждетъ молодыхъ и сильныхъ работниковъ, множество. Каждая изъ этихъ рабочихъ сферъ, профессій, разсматриваемая безотносительно, сами по себѣ, имѣютъ свой смыслъ, представляютъ свой интересъ, иногда и очень большой; но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, при оцѣнкѣ тѣхъ практическихъ, жизненныхъ условій, при которыхъ нужно вести то или иное дѣло, исполнять тѣ или другія профессиональныя обязанности,—смотришь, и смыслъ ихъ измѣняется къ худшему, и всякій интересъ ихъ исчезаетъ.

Запасъ профессій обильный,—профессій заманчивыхъ, благороднѣйшихъ, но только онѣ съ разными маленькими «но», «впрочемъ» и «ковечно»! И мятется, и волнуется наша бѣдная молодежь; хватается за первое попавшееся подъ руку дѣло,—хватается безъ вѣры въ себя, безъ всякаго сочувствія къ интересамъ дѣла, безъ надеждъ оставить въ немъ какой-нибудь слѣдъ, добиться какого-либо успѣха. Молодые люди, ищущіе высшаго образованія, избираютъ специальности, факультеты не на основаніи какихъ-либо строго разумныхъ мотивовъ, расчетовъ, а такъ... словно по какому-то наитію откуда-то извнѣ. Если приходится избирать такія учебныя заведенія, гдѣ требуются вступительные экзамены, то экзамены эти держатся обыкновенно въ нѣсколькихъ заведеніяхъ одновременно, съ тѣмъ единственнымъ расчетомъ «куда кривая не вывезетъ», самое-же заведеніе, слѣдовательно, горный-ли, технологическій или какой иной

институтъ, значенія для экзаменующагося имѣетъ немного. Избравъ специальность, факультетъ или просто какое-либо практическое дѣло, юноша относится къ нему равнодушно и холодно: при первой неудачѣ, при первомъ легкомъ соблазнѣ онъ бросаетъ его и мѣняетъ на другое. Не всё-ли-де равно?! А верѣдко бываетъ и хуже. Игой, удрученный сутолокой окружающей жизни, неудовлетворенный въ своихъ законнѣйшихъ желаніяхъ, обманутый въ своихъ лучшихъ упованіяхъ, то объявляетъ этому самому не удовлетворившему и обманувшему его обществу отчаянную войну въ незаконной формѣ: насилій и преступленій, то, махнувъ на все рукой, ищетъ преждевременнаго успокоенія при посредствѣ револьвера, ціанистаго кали или иного подобнаго «вѣрнаго средства». Да, правъ, стократно правъ поэтъ:

«Не весело быть юнымъ въ наше время!
 Не столько старости недужные года,
 Какъ молодость теперь есть тягостное бремя!»

IV.

Какъ-же быть? Неужели-же по вопросу, угнетающему и волнующему наше юношество, вопросу—«что дѣлать, къ чему стремиться въ жизни», мы такъ и не можемъ сказать ему ровно ничего ободряющаго, успокоивающаго? Открыть въ нашей жизни присутствіе такихъ благодатныхъ лучей свѣта, указать направленіе такихъ освѣжающихъ воздушныхъ волнъ, сказать этому юношеству что-либо безусловно обнадеживающее и успокаивающее пока трудно, очень трудно, и я, по крайней мѣрѣ, совѣтъ не претендую на это. Главное и рѣшительное средство, по моему, тутъ прежде всего—внесеніе въ строй нашей жизни разумныхъ и нравственныхъ началъ, которыя «теоретически» всѣ мы прекрасно сознаемъ и языкомъ громко исповѣдуемъ, но которымъ въ нашей практической жизни, въ нашихъ дѣловыхъ, взаимныхъ отношеніяхъ мы на каждомъ шагу открыто измѣняемъ; необходимо отреченіе отъ нашего дешевенькаго скептицизма, отъ этого несчастнаго «пилатовскаго» индиферентизма—«что есть истина?!» и особенно отъ его практическаго приема—«умываю руки!—не повиненъ»...; прямѣе и проще выражаемаго нашимъ роднымъ, излюбленнымъ правиломъ—«моя хата съ краю». Если-же боязно, не легко, убыточно, опасно отказаться отъ этого удобнаго и безопаснаго житейскаго правила, въ такомъ случаѣ отложимъ ужъ и всякое попеченіе о полномъ умиротвореніи и успокоеніи нашей мятущейся молодежи, отречемся отъ всякихъ претензій помочь ей разумно и счастливо устроить свою практическую жизнь и дѣятельность. Ограничимся пока просто двумя-тремя маленькими «Nota bene», подка-

зываемыми намъ самую жизнью, въ надеждѣ, что замѣчанія эти облегчатъ хоть сколько-нибудь и кому-нибудь изъ отдѣльныхъ представителей нашего юношества разрѣшеніе этой проклятой проблемы— «что дѣлать», чѣмъ руководиться при выборѣ рода «профессиональнаго труда»?

Первое «nota bene»... Это, конечно, — «терпѣть и терпѣть!» Ошибки дѣдовъ и отцовъ—«дѣло вѣковъ поправлять не легко!» *). Это требуетъ долгой и упорной работы, результаты которой всегда далеко впереди, всегда необязательны и не видны для самого работника, а только гадательны: ихъ нужно ждать и, слѣдовательно, терпѣть! Но терпѣть не рабски, терпѣть не унывая и безнадежно опуская руки, а неустанно трудясь, дѣятельно и мужественно отстаивая все, что мы считаемъ разумнымъ и справедливымъ, законнымъ и необходимымъ для нашего общаго благополучія.

При выборѣ того или иного вида профессиональнаго труда, современному юношѣ прежде всего и разъ навсегда слѣдуетъ отрѣшиться отъ вліяній нѣкоторыхъ изъ старыхъ заповѣдей по этому предмету, которыя, благодаря широтѣ, растяжимости и неопредѣленности своего смысла, упорно держатся въ нашемъ житейскомъ кодексѣ и вносятъ туманъ и путаницу понятій въ человѣскія головы и часто очень гибельно отзываются на жизненныхъ судьбахъ людей.

Между этими заповѣдями наиболѣе глубокимъ почетомъ и довѣріемъ въ общественномъ сознаніи пользуется требованіе—«избирать профессіи не иначе, какъ по призванію!» Юноши постоянно ссылаются на это требованіе, какъ на не подлежащее ни малѣйшему освариванію основаніе своихъ практическихъ рѣшеній и дѣйствій; умные и хорошіе старики любятъ проповѣдывать его въ назиданіе молодежи. Между тѣмъ едва-ли найдется хоть одинъ такой общественный кружокъ людей, по своему умственному образованію и общему духовному развитію очень близкихъ между собою, гдѣ-бы разсматриваемое слово, употребляемое часто и всѣми съ чувствомъ одинаковаго одушевленія, имѣло-бы въ то-же время въ устахъ всѣхъ и cadaго совершенно одинаковое внутреннее значеніе, безусловно тождественный логическій смыслъ. Насколько возможно уловить наиболѣе распространенное пониманіе и толкованіе этого слова, «призваніемъ» обыкновенно обозначаютъ совокупность прирожденныхъ физическому и духовному организму каждой личности нѣкоторыхъ особенныхъ, присущихъ именно этой личности свойствъ, способностей и потребностей, которыя, по мѣрѣ роста и развитія личности, должны громко

*) Некрасовъ, «Саша».

звать ее именно на одинъ, а не на какой другой жизненный путь, должны могущественно и властно влечь ее къ той, а не иной сферѣ практической дѣятельности. Данная формула [понятія «призванія»] кажется безошибочно и вполне соотвѣтствуетъ наиболѣе общему, ходячему разумѣнію его.

Разсматриваемая безотносительно, съ выспей, чисто-научной или, еще общее—философской точки зрѣнія, мысль о прирожденности каждой отдѣльной личности извѣстныхъ, присущихъ именно ей свойствъ, способностей и потребностей,—мысль, конечно, правильная. Такъ называемый «законъ наслѣдственности» достаточно твердо установленъ современной наукой и со стороны своихъ общихъ основъ почти не оспаривается. Въ силу этого закона, каждый «новый гость міра», каждый новый человѣческій индивидъ является въ этотъ самый міръ хоть крошечнымъ и голымъ, но уже обремененнымъ огромнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ наслѣдственнымъ багажомъ, которымъ снабдили его раса, племя, родъ, общество и наконецъ ближайшіе предки его личной семьи. Все это вѣрно, все это такъ, какъ и быть сему подобаетъ; но что-жъ изъ этого, къ какимъ практическимъ выводамъ должно привести насъ сознаніе этого, допустимъ—неизмѣнимаго и нереложнаго, біологическаго закона? Неужели къ тому, чтобы каждый изъ этихъ «новыхъ гостей міра», по мѣрѣ своей возмужалости, распаковывалъ бы свой громоздкій багажъ и пускалъ бы постепенно въ ходъ, въ житейскій оборотъ, всѣ наслѣдственно доставшіяся ему сокровища и средства? Но вѣдь въ этомъ «наслѣдственномъ богатѣ» каждой отдѣльной личности прежде всего хранится обильнѣйшій запасъ силъ, способностей, настроеній и потребностей, никому и ни на что теперь не нужныхъ. Въ свое время, соотвѣтственно извѣстнымъ условіямъ жизни, они зарождались, развивались и крѣпли въ психо-физическихъ организмахъ людей и имѣли тогда свой смыслъ и свою цѣнность, но съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ условій соціального и экономическаго быта людей, они потеряли этотъ смыслъ, утратили эту цѣнность, и подавить такія прирожденные потребности, атрофировать такія бесполезныя органическія силы есть задача и одна изъ конечныхъ цѣлей всякаго разумнаго воспитанія людей. Но этого еще мало. Между разсматриваемыми силами много еще такихъ, которыя не только излишни и бесполезны, но положительно вредны, безусловно опасны для общества, противъ которыхъ оно должно бороться всѣми располагаемыми имъ средствами самообороны, начиная отъ кроткихъ воздѣйствій церкви и школы и кончая суровыми репрессаліями уголовнаго суда. Цыганенокъ рождается страстнымъ бродягой; жиденку, по всей вѣроятности, еще въ дѣтской колыбелькѣ снятся всякіе лихвенные

проценты, всякіе законные и незаконные «гешефты»; страсть къ «барантѣ», къ воровству скота, въ крови, въ натурѣ у юнаго туркмена, киргиза или иного какого-либо степного кочевника,—неужели-же все это «профессиональныя призванія», которымъ обязательно нужно слѣдовать?!.. Зачѣмъ, впрочемъ, брать примѣры изъ такихъ исключительныхъ сферъ? Оглянемся кругомъ, всмотримся въ нравы юныхъ представителей нашей культурной среды, поговоримъ съ школьными учителями, врачами, юристами,—сколько они видѣли на своемъ вѣку «прирожденныхъ» «клептомановъ», «пиромановъ», «мономановъ», наслѣдственныхъ «алкоголиковъ» и проч. и проч. Это тоже все профессиональныя призванія?!

«Гдѣ чему,—скажутъ мнѣ,—такія крайности?» Путь подобнаго приѣма вѣдь не трудно самыя здравыя и резонныя нравственно-практическія требованія охаять и низвести въ разрядъ логическихъ нелѣпостей и несообразностей. Когда внушаютъ молодежи слѣдовать, при выборѣ профессиональныхъ занятій, своимъ природнымъ, внутреннимъ влеченіямъ—«призванію», то само собою разумѣется, что тутъ не имѣютъ въ виду этихъ отрицательныхъ природныхъ свойствъ данной личности, этихъ «дефектовъ» ея психо-физическаго организма. Рядомъ съ ними въ натурѣ каждой отдѣльной личности есть-же запасъ иныхъ силъ,—силъ благодѣтельныхъ, запасъ иныхъ способностей къ труду доброму и полезному, къ дѣятельности созидательной, а не пустой или разрушительной; угадать и подмѣтить эти послѣднія сизы и способности, помочь ихъ полному и разностороннему развитію и, соображаясь съ ихъ характеромъ, рѣшить вопросъ относительно главной жизненной роли обладателя или обладательницы этихъ духовныхъ и физическихъ дарованій—вотъ истинный смыслъ требованія «руководиться въ жизни» голосомъ призванія. Прекрасно. Будемъ разсматривать это требованіе подъ этимъ именно угломъ зрѣнія.

Что у каждой отдѣльной личности, не только выдающейся, или посредственной, но даже и совсѣмъ убогой и ничтожной, все-таки можетъ быть извѣстный запасъ такихъ или другихъ, природенныхъ ей, благодѣтельныхъ силъ, запасъ способностей къ тому или другому виду полезной и доброй практической работы, это, разумѣется, вѣтъ всякаго сора; но вотъ бѣда и затрудненіе: присутствіе этихъ силъ въ натурѣ каждой данной личности нужно угадать, характеръ ихъ нужно точно опредѣлить. На комъ-же лежитъ эта великая задача, отвѣтственная обязанность? Прежде всего, конечно, не на самой личности, обладающей этими силами и способностями, особенно личности въ пору ея дѣтства или ранней юности. Актъ полнаго самопознанія и всесторонней, безпристрастной самооцѣнки,

трудный актъ и для человѣка воплѣтъ зрѣлаго, для ребенка-же или юноши онъ совсѣмъ непосиленъ и невыполнимъ. Воображеніе и фантазія,—эти преобладающіе въ молодой головѣ способности,—плохіе агенты въ сложномъ процессѣ самопознанія; увлеченія, мечты, иллюзія, которыми такъ богатъ внутренній міръ ребенка и юноши,—обманчивыя призматическія стекла, совсѣмъ ненадежныя для получения вѣрныхъ отображеній какъ явленій внѣшняго міра, такъ и собственной персоны во весь ея ростъ, со всѣми достоинствами и недостатками ея. Большинство ребятъ и юношей въ собственныхъ своихъ глазахъ всегда,—Богъ имъ прости!—будущіе герои, выдающіеся дѣятели, и непременно въ исключительныхъ, рѣдкихъ сферахъ труда и въ самыхъ необыкновенныхъ жизненныхъ положеніяхъ... Гдѣ-же тутъ гарантія для правильнаго, основательнаго и благоразумнаго рѣшенія вопроса «о профессиональныхъ призваніяхъ»? Кому-же еще рѣшать его? Не тебѣ-ли, добрая, милая, страстно и нѣжно любящая, но,—извини за грубую прямоту и откровенность,—далеко еще не сильная мозгами, русская мать?! Или тебѣ, умный, серьезный, заботливый, но, къ сожалѣнію, всецѣло поглощенный—то обязанностями своей общественной или государственной службы, то личными дѣлами, то...—прости, выдаю головой,—часто затягивающимися партіями соблазнительнаго «винтишки», или дружескими, застольными бесѣдами,—родитель?! Или, нѣтъ! Кажется, безусловно тебѣ, нашъ мудрый, многоученный, школьный педагогъ?! Ты такой внимательный и прозорливый, ты ежегодно даешь такія мѣткія, такія обстоятельныя и рѣшительныя характеристики нашимъ юношамъ, ищущимъ высшаго спеціального образованія, тебѣ «и книги въ руки!» Ты одинъ можешь и долженъ властно и съ увѣренностью указать каждому изъ твоихъ питомцевъ приличную и соответствующую его личнымъ качествамъ жизненную дорогу. Рды-же намъ, *domine reverendissime*, свое вѣщее слово по интересующему насъ вопросу!.. О, старый, пустой болтунъ! Нѣтъ мочи слушать его! Онъ, а за нимъ, увлекаемые его профессорскимъ авторитетомъ, и нѣжная мать, и серьезный родитель, и толпа всякихъ дяденекъ и тетенокъ тянутъ все ту-же свою ветхую канитель о разныхъ выдающихся способностяхъ, преобладающихъ склонностяхъ, отлично якобы подмѣченныхъ, несомнѣнно угаданныхъ ими въ умахъ и характерахъ ихъ дорогихъ «Петенекъ», «Ваничекъ», «Катенекъ» и всякихъ иныхъ обитателей ихъ дѣтскихъ и классныхъ комнатъ. «Помните, какъ неподражаемо играла Катенька на послѣднемъ любительскомъ спектаклѣ?! Восторгъ, просто, восторгъ! Талантъ несомнѣнный, прирожденный: ей одна дорога—на сцену, на сцену, и никуда больше!» «А Петя-то каковъ?! Вчера изломалъ свою любимую скрипку, съ един-

ственнымъ желаніемъ изслѣдовать ея внутреннее устройство. Какова страсть къ анализу, а?! Его непременно нужно направить по ученой части... Онъ просто созданъ для ученаго кабинета, лабораторіи, кафедры!» «А изъ моего Вани я, право, ужъ и не знаю, что выйдетъ? Забіяка ужасный, проказникъ невозможный! По крышамъ и деревьямъ лазить, какъ кошка; на рѣкѣ—отчаянный; учится плоховато; впрочемъ, по математикѣ обнаруживаетъ способности недюжинныя: ни одна задачка не затрудняетъ его. Куда его,—не знаю!» «Помидуйте, его назначеніе ясно, какъ день! Забіяка, говорите, лазить всюду съ ловкостью кошки, на рѣкѣ—отчаянный и къ математикѣ склоненъ; въ моряки его, въ моряки! Это, очевидно, истинное призваніе его!»

Эхъ, господа, господа! Поостереглись-бы вы этихъ шаткихъ, часто положительно дживыхъ указаній; повоздержались-бы отъ этого неразумнаго пріема рѣшать будущность вашихъ дѣтей и питомцевъ, или повоздержались-бы, по крайней мѣрѣ, хоть отъ высказыванія вслухъ передъ ними вашихъ легкомысленныхъ рѣшеній! Сколько молодыхъ головъ затуманили, сколько юныхъ самолюбешекъ взвинтили, сколько воронъ въ павлиныя перья нарядили ваши бредни объ этомъ пресловутомъ «призваніи», и о сколькихъ изъ этихъ затуманенныхъ, взвинченныхъ и наряженныхъ пришлось потомъ сказать словами дѣдушки Крылова: «И вышли наши Матрены ни павы, ни вороны!»

Конечно, встрѣчаются избранныя натуры, въ фигурахъ которыхъ еще и въ ихъ дѣтскихъ курточкахъ, еще и на скамейкахъ начальной школы можно уже угадывать,—да и то, пожалуй, не намъ съ вами,—будущихъ Ломоносовыхъ, Пушкиныхъ, будущихъ Суворовыхъ, Сперанскихъ, Пржевальскихъ, будущихъ Филипповъ, Никоновъ, Филаретовъ и т. п., но вѣдь это единицы; это личности настолько исключительныя, что относительно ихъ будущаго намъ съ вами и рѣшать нечего.

«Кому судьба вѣнецъ готовитъ,
Того вопросъ: куда идти?
Не утратить, не остановить!» *)

Тотъ самъ по себѣ узнаетъ и найдетъ этотъ путь, самъ устранитъ и смететъ съ него всѣ препятствія и преграды. Мы говоримъ не о такихъ немногихъ, а говоримъ о громадномъ большинствѣ, о среднихъ людяхъ, говоримъ о тѣхъ,

«Кто ни Богомъ не отмѣченъ,
Ни даже любящей рукой
Не охраненъ, не обезпеченъ».

О тѣхъ, кто

«Долго бродитъ, какъ слѣпой:
Кипитъ, желаетъ, тратитъ силы,

*) Некрасовъ, «Несчастные».

И. поднимъ опытомъ богатъ,
Находитъ у дверей могилы
Невольныхъ заблужденій рядъ *)...

Вотъ этимъ-то какъ быть и жить, по какимъ звѣздамъ узнавать и находить свои жизненные пути-дороги, по какому компасу направлять курсъ своего жизненнаго корабля?..

Одна изъ особенностей натуры такъ называемыхъ «среднихъ» людей въ томъ именно и состоитъ, что въ ихъ умѣ, вкусахъ и характерѣ положительно отсутствуютъ какія-либо выдающіяся, рѣзко и ярко очерченныя силы и свойства и качества ихъ: они потому и «средніе» люди, что все у нихъ въ мѣру, все въ опредѣленной и, сравнительно, небольшой пропорціи. Строго говоря, такой человекъ, по запасу силъ и дарованій своего психо-физическаго организма и по свойствамъ ихъ, одинаково способенъ быть дѣльнымъ и полезнымъ, но «рядовымъ» работникомъ во всѣхъ безъ различія сферахъ практической дѣятельности: тутъ все дѣло зависитъ не отъ прирожденныхъ данной личности дарованій,—запасъ ихъ у нея всегда найдется для какого угодно рода трудовъ,—а отъ тѣхъ социальныхъ и экономическихъ условий жизни, среди которыхъ родилась и росла эта личность и, главнымъ образомъ, отъ умѣнья и искусства той школы, которая подготовляла ее къ той или иной дѣятельности.

Даже тѣ профессіи, на представителей которыхъ мы привыкли смотрѣть, какъ на какихъ-то особенныхъ «избранниковъ неба», носящихъ на своемъ челѣ печать «помазанія», и онѣ вполне доступны для этого «средняго» человѣка. Надѣнетъ-ли, скажемъ, онъ «рясу»; онъ, конечно, въ лицѣ своемъ не представитъ Златоуста, Василия Великаго не изобразитъ, но «пастыремъ добрымъ», умно, честно и «право правящимъ слово истины» онъ всегда можетъ быть. Посвятить-ли себя на служеніе тому или другому изъ-такъ называемыхъ «свободныхъ искусствъ», онъ опять-таки ни Рафаэля, ни Микеланджело, ни Тальмы, ни Байрона, ни другого подобнаго имъ генія въ своей особѣ не повторитъ; но положеніе знающаго и искуснаго техника-живописца, партія 1-й скрипки въ порядочномъ оркестрѣ могутъ быть для него вполне по плечу; можетъ съ успѣхомъ подвизаться на провинціальной сценѣ; честно, съ толкомъ и пользой работать въ печати можетъ быть тоже и для него по силамъ. Все, повторяю, зависитъ отъ разныхъ чисто внѣшнихъ условий, окружающихъ его, да отъ той школы, чрезъ руки которой пройдетъ онъ.

О какихъ-же «непобѣдимо влекущихъ профессиональныхъ призваніяхъ» послѣ этого умѣстно вести рѣчь?!

Нѣтъ, молодые друзья мои, оставьте, забудьте эту старую, неразумную тенденцію, обооснованную на обманчивыхъ внушеніяхъ

*) Тамъ-же.

нашихъ личныхъ самолюбіи, внушеній видѣть въ себѣ и въ лицѣ нашихъ близкихъ присутствіе все какихъ-то чрезвычайныхъ и исключительныхъ талантовъ, а то, пожалуй, и геніальности!

Впрочемъ, допустимъ даже, что въ натурѣ извѣстныхъ личностей мы ясно и несомнѣнно усматриваемъ ярко горящую искру такой исключительной талантливости: что-же изъ этого? Развѣ это исключаетъ возможность присутствія въ нихъ въ то-же время талантовъ другого рода, иного характера, которые, по внѣшнимъ условіямъ жизни, пока не могли, не успѣли ясно обнаружиться? Развѣ это можетъ, слѣдовательно, связывать имъ руки, лишать свободы въ выборѣ профессій, можетъ безусловно обязывать ихъ во что-бы то ни стало, вопреки всѣмъ здравымъ житейскимъ расчетамъ и требованіямъ, стремиться только къ той спеціальности, къ какой влекутъ ихъ симпатіи и обнаруженный талантъ? Помидуй Богъ отъ такой крайней узости мысли и отъ такого отчаяннаго безумія практическихъ рѣшеній! Нагляднымъ и краснорѣчивымъ опроверженіемъ подобнаго рода взглядовъ и рѣшеній служить одна черта изъ жизни двухъ выдающихся нашихъ спеціалистовъ и рѣдкихъ общественныхъ дѣятелей, сравнительно, недавно потерянныхъ Россіей, именно изъ жизни врачей С. П. Боткина и Н. А. Бѣлоголоваго. По окончаніи курса въ своей средней школѣ, они вышли оттуда съ большимъ запасомъ свѣдѣній по такъ называемымъ «гуманитарнымъ наукамъ» и съ глубоко-возбужденными симпатіями и интересомъ къ этимъ наукамъ. Способности того и другого къ успѣшной дѣятельности въ области этихъ наукъ были внѣ всякаго сомнѣнія. Соотвѣтственно всему этому, молодые люди и рѣшили свой университетскій курсъ посвятить изученію предметовъ тогдашняго «словеснаго факультета», а Бѣлоголовый, сверхъ сего, думалъ присоединить къ этому и науки юридическія. Въ этомъ рѣшеніи, очевидно, сказалось ихъ «призваніе»; но жизнь и судьба неожиданно противопоставили этому рѣшенію серьезное препятствіе. Въ годъ поступленія ихъ въ университетъ состоялось правительственное распоряженіе, въ силу котораго комплектъ студентовъ всѣхъ факультетовъ въ университетахъ, кромѣ медицинскаго, былъ ограниченъ и вообще поступленіе туда было обставлено многочисленными и разнообразными стѣсненіями. Для Боткина и Бѣлоголоваго поступленіе на избранный ими факультетъ представилось дѣломъ маловероятнымъ, почти безнадежнымъ. Что осталось дѣлать, что предпринять имъ? Слѣдуя этой заповѣди «о святости и обязательности призванія», имъ, конечно, необходимо было оставаться при своемъ первоначальномъ рѣшеніи, обязательно было какъ-бы то ни было, хотя-бы даже собственнымъ лбомъ, если бы это потребовалось, пробивать завѣтную дверь въ аудиторіи избраннаго факультета, а при

полной неудачѣ этого либо сложить у порога этой двери свои головы, либо искать, хотя-бы и безъ опредѣленной надежды найти, новыя средства для осуществленія своего первоначальнаго рѣшенія. Такъ иногда нѣкоторые и поступаютъ; но не такъ поступили наши юноши. Какъ люди умные, съ большой практической смѣлкой, съ огромнымъ запасомъ трудолюбія и силы характера, они, убѣдившись, что «плетью обуха не перешибить», рѣшили избрать иной жизненный путь, рассчитывая и на немъ добиться своего, рассчитывая и тутъ сослужить честную и полезную службу обществу и лично самимъ взять отъ жизни сумму всѣхъ тѣхъ благъ, какія она могла дать имъ. Они поступили на тотъ факультетъ, доступъ на который былъ вполне свободенъ, т.-е. на факультетъ медицинскій, хотя о спеціальности его никогда прежде они не помышляли, никакихъ особенныхъ симпатій къ ней не чувствовали, никакихъ выдающихся способностей къ этой дѣятельности ни они сами въ себѣ не подозрѣвали, ни ихъ ближніе не признавали за ними *). Господа защитники и проповѣдники «святости призваній», мечите-же свои громы и молніи въ этихъ измѣнниковъ «призванія», въ этихъ отступниковъ отъ исповѣдуемаго вами непогрѣшимаго нравственно-практическаго догмата!.. Что-же? Молчите? И не удивительно. Результаты этой измѣны такъ блестящи, такъ осязательно благотворны для общества, такъ полны смысла и выгоды лично «для измѣнниковъ», что, взвѣсивъ ихъ, невольно взмолишься: Боже правый! посылай нашей родинѣ побольше и почаще такихъ «непризванныхъ» специалистовъ и избавь ее хоть отъ половины тѣхъ «призванныхъ» профессиональныхъ дѣятелей, единственнымъ свидѣтельствомъ «призванія» которыхъ служитъ ихъ, всегда заботливо ими вывѣшиваемый, «нагрудный знакъ» да сшитый по всѣмъ правиламъ закона форменный фракъ или парадный мундиръ!

Мое первое «Nota bene», однако, затянулось... Увлечшись разоблаченіемъ несостоятельности этого вреднаго общественнаго предразсудка «о важности и святости профессиональныхъ призваній», я, незамѣтно для себя самого, посвятилъ этому вопросу чересчуръ много времени и удѣлил непропорціонально большую часть предоставленной въ мое распоряженіе площади журнальнаго листа. Теперь, по необходимости, изъ остальныхъ предположенныхъ мной «Nota bene» одни придется сократить до формы аптечнаго рецепта, другіе совсѣмъ отложить до временъ благопріятнѣйшихъ.

Кающійся энциклопедистъ.

(Окончаніе будетъ).

*) А. Н. Бѣлоголовый, «Воспоминанія».

Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы съ точки зрѣнія гигиены и тѣлеснаго воспитанія.

(Окончаніе).

Въ Абботсгольмской школѣ д-ра Ридди день дѣлится на три части: утро главнымъ образомъ посвящено умственнымъ занятіямъ; послѣ полудня—физическому труду и вечеръ (съ 6¹/₂ час.)—искусству, музыкѣ, развлеченіямъ въ семейной средѣ. Въ сутки приходится на умственныя занятія 5 часовъ, на тѣлесныя упражненія и физическій трудъ 4¹/₂ ч., на занятія искусствами и рекреации 2¹/₂ ч., на ѣду и полный отдыхъ 3 ч. и на сонъ 9 часовъ. Въ воскресенье занятій нѣтъ. Къ этому надо замѣтить, что первый урокъ (6³/₄—7¹/₂ ч. у.) продолжается ³/₄ ч., второй (8¹/₂—10³/₄)—2¹/₄ ч. и третій (11¹/₄—12³/₄)—1¹/₂ ч., и что между уроками этими слѣдуютъ завтракъ (въ 7³/₄ ч. у.), lunch (10³/₄ ч.) и кое-какія тѣлесныя упражненія. Отъ 1³/₄ до 4 ч. игры и занятія въ саду, отъ 4 до 6 час. вечера работа въ мастерскихъ; отъ 6¹/₂ до 8 ч. пѣніе, репетиціи по комедіямъ, по музыкѣ, концертамъ и т. д.

Братъ въ образецъ порядки Абботсгольмской школы едва-ли было бы цѣлесообразно. Школа эта, по мнѣнію директора ея Ридди, «имѣетъ цѣлью преслѣдованіе гармоническаго развитія всѣхъ способностей учащагося». Она должна быть, по словамъ его, «своего рода малымъ міромъ—реальнымъ; практическимъ, ставящимъ ребенка насколько возможно ближе къ природѣ и къ дѣйствительной жизни. Методъ обученія въ школѣ таковъ: ставить ученика въ настолько-же тѣсное отношеніе къ преподаваемымъ предметамъ, насколько и со словомъ, ихъ выражающимъ, т. е. слѣдовать отъ конкретнаго къ абстрактному. Слѣдуетъ воспитывать молодыхъ людей въ идеѣ утилизировать все, что имъ преподается, и въ стремленіи учиться лично для себя...»

Намъ кажется, что принципы, положенные д-ромъ Ридди въ основу его такъ называемой общеобразовательной школы, не поддерживаютъ строгой педагогической критики. Въ общеобразова-

тельной школѣ нѣтъ ни времени, ни мѣста для утилитарныхъ знаній. Званія эти пріобрѣтаются за предѣлами такой школы и скорѣе, и успѣшнѣе; школа-же даетъ только возможность развивать и упражнять умственные и тѣлесныя способности юношей, благодаря которымъ молодые люди, разставшись со школой, легко и свободно усваиваютъ уже всякіе приемы и навыки, необходимыя въ прикладныхъ, практическихъ отрасляхъ знанія. Къ этому, принципъ Ридди—учиться только для себя—слѣдуетъ назвать прямо не педагогичнымъ, хотя и отвѣчающимъ, пожалуй, духу и характеру англійской націи.

Правда, въ предметахъ научныхъ и утилитарныхъ означенной школы нельзя отрицать извѣстной доли общеобразовательнаго значенія, особенно если стать на точку зрѣнія тѣхъ педагоговъ, которые полагаютъ, что для развитія умственнаго можетъ служить любой учебный предметъ, если только онъ преподается въ определенной системѣ, строго методически. Однако при ближайшемъ ознакомленіи съ программой Ридди невольно поражаетъ чрезвычайной ея экстенсивностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интенсивностью. Чтобы въ теченіе 5 час. умственныхъ занятій и какихъ-нибудь 2 или 3 часовъ физической работы можно было справиться со всѣми основными и прикладными предметами средняго курса, да къ тому-же въ возрастѣ 9—15 л.; даѣе, чтобы при шестидневномъ порядкѣ жизненнаго режима, помимо школьныхъ занятій, посвящать цѣлые часы на игры, тѣлесныя упражненія, развлеченія, на экскурсіи, на разныя строительныя и хозяйственныя работы и пр. и пр.,—для всего этого потребовалось-бы не 12 ч. времени, какъ значитъ въ программѣ, но вдвое, если не втрое болѣе. Ясно, что курсъ всего преподаваемаго въ школѣ долженъ быть доведенъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ, если не допустить, что въ ней сообщаются только верхушки знаній. Ревизія, говорятъ, находила блестящіе результаты ученія въ Абботсгольмской школѣ, но надо замѣтить, что школа давно завоевала симпатіи общества и печати, и что ученики ея сильно подкупаютъ посѣтителя своей жизнерадостностью, свободою и непринужденностью обращенія, отсутствіемъ всякихъ слѣдовъ угнетенія, забитости, словомъ, поражаютъ тѣми качествами, какихъ не встрѣчается въ обычныхъ школахъ... Понятно, впечатлѣніе создается самое отрадное; а если при этомъ со стороны экзаменующагося ученика на скромные вопросы ревизора-джентльмена слѣдуетъ мало-мальски удовлетворительный отвѣтъ, то сила впечатлѣнія увеличивается въ геометрической прогрессіи

Вотъ то, что можно сказать по отношенію къ характеру занятій въ школѣ. Что касается распредѣленія времени и взаимныхъ отношеній занятій, то недоумѣніе наше возрастаетъ еще болѣе.

Ученикъ въ школѣ весь день занятъ; онъ почти непрерывно напряженъ. На работу нервной и мышечной системы уходитъ у него ровно полсутокъ. Такое посягательство на силы отрока напоминало-бы порядки жизни несчастныхъ французскихъ лицейстовъ, если-бы въ школѣ Абботсгольма ученики не проводили нѣсколькихъ часовъ на чистомъ воздухѣ и не пользовались обильной пищей (6 мѣтъ ѣды въ сутки), т.-е. не были обставлены неизмѣримо лучше въ гигиеническомъ отношеніи. Во всякомъ однако случаѣ, 12 часовъ работы въ сутки, при 9 часахъ сна, должно признать цыфрой максимальной и отнюдь не допустимой для отроковъ любой школы, кромѣ Абботсгольмской и ей подобныхъ,—не допустимой ни по силамъ дѣтей, ни по средствамъ большинства родителей и опекуновъ ихъ.

Въ школѣ весь порядокъ времяпрепровожденія разсчитанъ на одного средняго ученика, что противорѣчитъ требованіямъ и гигиены, и педагогики. Во-вторыхъ, не смотря на кажущееся необременительное распредѣленіе занятій на три періода, на дѣлѣ интэрнъ находится весь почти день (по крайней мѣрѣ, отъ 6½ ч.—7¼ ч. утра до 6½ ч. вечера) въ непрерывномъ тѣлесномъ и умственномъ напряженіи, такъ что самыя игры, кстати, перемежаемыя съ работами въ саду, едва-ли являются цѣлебными, строго гигиеническими. Въ-третьихъ, классныя занятія продолжаются по урокамъ слишкомъ долго для младшихъ учениковъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, такъ-называемыя развлеченія, состоящія въ репетиціяхъ къ театру, по музыкѣ, въ слушаніи шекспировскихъ драмъ,—развлеченія, разсчитанныя на умственный, да и тѣлесный отдыхъ, едва-ли отвѣчаютъ цѣли, но, пожалуй, тоже болѣе или менѣе значительно утомляютъ дѣтей. Вообще, весь режимъ Абботсгольмской школы если и не обременителенъ для интэрновъ, то, по всѣмъ соображеніямъ, въ силу отличнаго пищевого режима, частаго пребыванія на чистомъ воздухѣ, большого движенія, а главное—превосходнаго душевнаго настроенія учащихся и облегченныхъ методовъ обученія, если не сокращенности курса, но отнюдь не въ силу малыхъ сроковъ занятій и рациональнаго распредѣленія времени. Слѣдовательно, порядки эти отнюдь не заслуживаютъ подражанія, въ особенности для нашихъ учебныхъ заведеній. Насколько школа заслуживаетъ вниманія въ отношеніи педагогическомъ, говорить не будемъ, хотя укажемъ только на то, что школа, преслѣдующая принципъ развитія самодѣятельности творчества (продуктивности) со стороны учащихся и въ то-же время держащая ихъ постоянно подъ надзоромъ въ ихъ занятіяхъ, не удѣляя ни одинаго часа на самостоятельное чтеніе или на необязательныя занятія во внѣклассное время, едва-ли отвѣчаетъ намѣченнымъ ею самую цѣлямъ индивидуализированія и самообразованія учащихся.

Германъ Шиллеръ (бывшій директоръ Гиссенской гимназіи) распредѣлялъ день собственно на два отдѣла: до полудня на классныя уроки и послѣ полудня на отдыхъ и домашнія занятія. Игры и тѣлесныя упражненія допускаются раза три въ недѣлю, по часу. Вся работа учащихся собственно сосредоточивается въ школѣ. Вечернихъ занятій для младшихъ классовъ не полагается, для учениковъ-же старшихъ классовъ она допускается, но не въ цѣляхъ подготовленія уроковъ, а въ цѣляхъ самостоятельныхъ занятій (въ особенности чтенія). Шиллеръ стойтъ за концентрацію обученія, но не въ общеупотребительномъ смыслѣ, т.-е. не въ формѣ сосредоточенія преподаванія на той или другой отрасли знаній, а въ формѣ сосредоточенія нѣсколькихъ предметовъ (напр., всѣхъ физико-математическихъ или историко-филологическихъ предметовъ) въ рукахъ одного преподавателя.

«Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—говоритъ Шиллеръ,—долгое время забывали, что необходимо сообщать только основы знанія, и потому они превратились въ какіе-то университеты въ миниатюрѣ, въ которыхъ одинъ специалистъ не находилъ и нужнымъ считаться съ дѣятельностью другихъ специалистовъ». Противовѣсомъ такому злоупотребленію можетъ лучше всего служить правильно проводимая система упомянутой концентраціи.

Затѣмъ, Шиллеръ настаиваетъ, чтобы на всѣхъ урокахъ наглядность являлась основой или, по крайней мѣрѣ, неизбѣжнымъ вспомогательнымъ средствомъ преподаванія.

Касательно распредѣленія занятій Шиллеръ держится слѣдующаго порядка: «Практически было-бы лучше,—говоритъ онъ,—предоставить письменнымъ занятіямъ первый классный урокъ, поэтому на этотъ урокъ и могли-бы быть отнесены всѣ тѣ предметы, которые требуютъ такихъ занятій. Второй урокъ шелъ-бы преимущественно на Законъ Божій, родной языкъ, исторію, географію, рисованіе; третій—на математику и иностранныя языки; четвертый—главнымъ образомъ на иностранныя языки и пятый—на естественныя науки, рисованіе, чистописаніе, пѣніе, игры».

Однако Шиллеръ все-таки прибавляетъ, что такое распредѣленіе должно остаться полумѣрою, если самые методы преподаванія не будутъ руководствоваться указаніями психологіи, т.-е. принципами концентраціи и наглядности. Слѣдовательно, самому распредѣленію времени Шиллеръ придаетъ второстепенное значеніе.

Сроки классныхъ уроковъ въ лѣтній и зимній семестры выражались въ Гиссенской гимназіи во всѣхъ шести классахъ слѣдующимъ образомъ:

УРОКИ.	СЕМЕСТРЫ.	К Л А С С Ы.					
		VI	V	IV	III	II	I
		М И Н У Т Ы.					
Первый.....	Лѣтній съ 8 час. утра...	55	55	60	60	60	60
	Зимній съ 8 ¹ / ₂ час. утра...	50	50	55	55	55	55
	Рекреаціи.....	10	10	10	10	10	10
Второй.....	Лѣтній.....	48	48	53	53	53	53
	Зимній.....	50	50	50	50	50	50
	Рекреаціи.....	15	15	15	15	15	15
Третій.....	Лѣтній.....	47	47	47	47	47	47
	Зимній.....	50	50	50	50	50	50
	Рекреаціи.....	10	10	10	10	10	10
Четвертый.....	Лѣтній.....	50	50	50	50	50	50
	Зимній.....	45	45	45	45	45	45
	Рекреаціи.....	10	10	10	10	10	10
Пятый.....	Лѣтній.....	40	40	40	40	40	40
	Зимній.....	40	40	40	40	40	40
Всего лѣтомъ...	Классные уроки.....	4 часа.		4 часа 10 мин.			
	Рекреаціи.....	45 мин.		45 мин.			
	В с е г о.....	4 ч. 45 м.		4 часа 55 мин.			
Всего зимою...	Классные уроки.....	3 ч. 55 м.		4 часа.			
	Рекреаціи.....	45 мин.		45 мин.			
	В с е г о.....	4 ч. 40 м.		4 часа 45 мин.			

Съ гигиенической точки зрѣнія можно отнести къ сосредоточенію центра тяжести занятій на классное время сочувственно потому, что это даетъ учащимся возможность отдыхать отъ умственной работы въ вечерніе часы, въ кругу родныхъ или близкихъ вообще лицъ; однако такое сосредоточіе занятій въ классѣ, при строгомъ отношеніи къ нему со стороны учащихся, легко можетъ грозить слишкомъ сильнымъ напряженіемъ нервной системы и мозга, особенно, когда отъ всѣхъ учащихся (съ 9 до 18-лѣтняго возраста) требуется одинаковое число часовъ классныхъ занятій (отъ 4 ч. до 4³/₄ часовъ).

Вообще оказывается, что восхваляемое какъ Шиллеромъ, такъ и врачомъ гимназіи, д-ромъ Гиппелемъ, превосходное состояніе здоровья учащихся можно объяснить, по всѣмъ соображеніямъ, тѣми-

же благопріятными условіями заведенія, каковыя играютъ роль и въ Абботсгольмской школѣ, а именно: отличными условіями мѣстности гимназіи, частымъ пребываніемъ дѣтей на воздухѣ, хорошимъ ихъ душевнымъ настроеніемъ и гуманнымъ отношеніемъ къ нимъ начальства заведенія. Замѣтимъ еще, что Шиллеръ не указываетъ на подробности распредѣленія времени внѣкласснаго въ гимназіи и тѣмъ, конечно, лишаетъ читателя возможности ознакомиться со всею совокупностью санитарныхъ условій гимназическаго режима въ Гиссенѣ. Это составляетъ существенный пробѣлъ въ разработкѣ затронутого Шиллеромъ вопроса.

До послѣдняго времени распредѣленіе дня учащихся отличалось весьма крупными недостатками, главнымъ-же образомъ тѣмъ, что распредѣленіе это или слишкомъ мало, или совсѣмъ не отвѣчало физиологическимъ и психологическимъ требованіямъ возраста дѣтей, ихъ силамъ и способностямъ. Оно отвѣчало скорѣе требованіямъ людей взрослыхъ, нежели субъектовъ, находящихся въ порѣ наибольшаго роста и развитія. Самое большее, что въ этомъ отношеніи установили педагоги, это то, что приняли дѣленіе всего режима учебнаго заведенія по двумъ категоріямъ учащихся: отроковъ и юношей, и вотъ къ этимъ-то двумъ группамъ и подгоняли всѣ подробности распредѣленія времени. А между тѣмъ, если не по мѣсяцамъ жизни, то, по крайней мѣрѣ, по болѣе или менѣе непродолжительнымъ срокамъ (напр., 1—2 годовымъ) слѣдовало-бы распредѣлять какъ дѣтей въ школѣ, такъ и всѣ сроки занятій, отдыха, ѣды, сна и пр. Въ самомъ дѣлѣ, распредѣлить часы и минуты, соображаясь съ гигиеническими требованіями жизни учащихся, оказывается возможнымъ только при томъ условіи, когда мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми одновозрастными, т.-е. съ дѣтьми, разнящимися между собою въ предѣлахъ 12-ти или не болѣе 24 мѣсяцевъ.

На основаніи теоретическихъ соображеній и опыта большинства врачей, отчасти и педагоговъ и родителей учащихся средней школы (въ возрастѣ 9—18 л.) можно придти къ слѣдующимъ нормамъ относительно сроковъ сна, ѣды, занятій, отдыха и пр.

На сонъ	слѣдуетъ положить	отъ	8 ч. — м.	до 11 ч. — м.
» туалетъ	»	» около	1 » — »	» — » — »
» ѣду	»	» отъ	1 » 45 »	» 2 » — »
» классныя занятія	»	»	1 » 30 »	» 3 » 45 »
» внѣклассн. »	»	»	— » 45 »	» 2 » — »
» чтеніе	»	»	— » 30 »	» 1 » — »
» ручной трудъ	»	»	— » 45 »	» 1 » 30 »
» игры	»	»	1 » — »	» 2 » — »
» рекреациі	»	»	3 » 45 »	» 4 » 15 »

На умственныя занятія придется такимъ образомъ отъ 2 ч. 15 м., до 7 ч., а на физическія упражненія (т.-е. ручной трудъ, игры и

тѣлесныя упражненія) отъ 3 ч. 30 м. до 1 ч. 45 м. На время рекреаций могутъ быть отнесены занятія въ саду и огородѣ, хожденіе въ баню, плаваніе, танцы, устройство музыкально-литературныхъ развлеченій, репетиціи по музыкѣ, пѣнію, чтенію и т. п.

Болѣе подробно, по годамъ учащихся картина распредѣленія времени дня представится въ слѣдующемъ видѣ (см. таблицу 1-ю):

Таблица 1-я.

	9 л.	10 л.	11 л.	12 л.	13 л.	14 л.	15 л.	16 л.	17 л.	18 л.
	Ч а с о в ь.									
Сонъ	11	10 $\frac{3}{4}$	10 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{1}{4}$	10	9 $\frac{3}{4}$	9 $\frac{1}{2}$	9 $\frac{1}{4}$	9	8 $\frac{3}{4}$
Туалетъ	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Ѣда	2	2	2	2	2	2	2	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$
Классныя занятія	1 $\frac{1}{2}$	2 $\frac{3}{4}$	3	3	3	3 $\frac{1}{2}$	3 $\frac{1}{2}$	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$
Внѣклассныя занятія	—	—	1 $\frac{1}{4}$	1 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	2	2	2 $\frac{1}{4}$
Чтеніе	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Ручной трудъ	1 $\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Игры и тѣлесныя упражненія ..	2	2	1 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	1	1	1	1	1	1
Рекреаціи	4 $\frac{1}{4}$	4	4	4	4	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{3}{4}$
Итого на умств. занятія ..	2 $\frac{1}{4}$	3 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{1}{4}$	4 $\frac{1}{2}$	5 $\frac{1}{4}$	5 $\frac{3}{4}$	6	6 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{3}{4}$	7
На физическія упражненія	3 $\frac{1}{2}$	2 $\frac{3}{4}$	2 $\frac{1}{4}$	2 $\frac{1}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{3}{4}$
Вмѣстѣ	5 $\frac{3}{4}$	6 $\frac{1}{4}$	6 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{1}{2}$	7	7 $\frac{1}{2}$	7 $\frac{3}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{2}$	8 $\frac{3}{4}$

Таблица 2-я показываетъ распредѣленіе часовъ и минутъ на день, съ утра до вечера, по каждой сѣднѣ занятій, отдыха, ѣды и пр.

Таблица 2-я.

Н О Р М Ы.	9—10 л.		11—13 л.		14—15 л.		16—18 л.	
	час.	мин.	час.	мин.	час.	мин.	час.	мин.
Классныя занятія	3	—	3	30	3	45	3	45
Внѣклассныя занятія	1	30	1	30	2	15	2	30
Чтеніе	—	45	1	—	1	—	1	30
Ручной трудъ	1	—	1	—	1	—	1	—
Игры и тѣлесныя упражненія ..	2	—	1	—	1	—	1	—
Ѣда	1	15	1	15	1	15	1	15
Туалетъ	1	—	1	—	1	—	1	—
Рекреаціи	3	30	4	15	3	45	3	30
Сонъ	10	—	9	30	9	—	8	30

Но такъ какъ въ практическомъ отношеніи въ высшей степени затруднительно, если не сказать—невозможно, распредѣлить всѣ часы дня въ строго гигиеническомъ и педагогическомъ порядкѣ, и такъ какъ, небольшія уклоненія отъ указанной нормы, въ сущности, не могутъ нанести вреда учащимся, то послѣднихъ можно распредѣлять не по годамъ, а по періодамъ въ 2—3 года, соотвѣтственно чему должны быть измѣнены и самыя нормы распредѣленія дня учащихся. Во всякомъ случаѣ, однако, на установленныя во всѣхъ часовыхъ и минутныхъ деталяхъ нормы занятій, отдыха, ѣды, сна и пр. слѣдуетъ смотрѣть, какъ на минимальныя, т.-е. признать, что всякія уклоненія отъ нихъ должны вредно отзываться на здоровьѣ дѣтей. *Принятыя такимъ образомъ нормы распредѣленія суточного времени для учащихся, будутъ ли они экстерны или интерны, слѣдуетъ поставить въ числъ основныхъ требованій гигиеническаго режима раціональной средней школы.*

Воскресенье должно считаться днемъ полнаго отдыха. Этимъ днемъ допускается пользоваться для религіозныхъ, этическихъ, эстетическихъ цѣлей, равно для санитарныхъ экскурсій, прогулокъ, игръ и тѣлесныхъ упражненій, даже спорта.

Каникулярнымъ временемъ слѣдуетъ признать: 2½ мѣсяца лѣтнихъ вакацій (мѣняющихся по климатическимъ условіямъ мѣстности), 2 недѣли рождественскихъ и 2 недѣли пасхальныхъ вакацій.

Въ этотъ расчетъ не входятъ, впрочемъ, случайныя экскурсіи, предпринимаемая съ педагогическою цѣлью или по поводу особенныхъ торжествъ или знаменательныхъ событій.

Такимъ образомъ все вышеизложенное приводитъ насъ къ установленію слѣдующихъ положеній относительно реформъ средней школы съ гигиенической (resp. педагогической) точки зрѣнія:

А. 1. По отношенію къ школѣ и ученію, къ умственному и нравственному воспитанію.

а) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть упразднены *приготовительные классы.*

б) Необходимо ограниченіе и упрощеніе учебнаго матеріала, насколько это отвѣчаетъ цѣлямъ преподаванія.

с) Число научныхъ предметовъ не должно превышать 24 часа въ недѣлю.

д) Необходимо устраненіе послѣобѣденныхъ классныхъ занятій.

е) Ограниченіе домашнихъ письменныхъ работъ и заучиванія на память, равно подавленіе господствующей еще страсти къ вербализму.

ф) Упраздненіе всѣхъ переводныхъ экзаменовъ и перемычекъ, въ особенности-же такъ-называемаго выпускнаго экзамена на полученіе права на одноподчинную службу вольноопредѣляющихся.

г) Облегченіе выпускного экзамена отпымною устного испытанія въ случаѣ удовлетворительныхъ балловъ въ году и въ случаѣ удовлетворительнаго письменнаго испытанія.

h) Въ школьное время слѣдовало-бы для учащихся—будутъ-ли они экстерны или интерны—установить тотъ порядокъ распредѣленія суточного времени, какой нормированъ въ цифрахъ таблицъ 3-й и 4-й.

и) Воскресенье должно считаться днемъ полного отдыха. Этимъ днемъ допускается пользоваться для религіозныхъ, этическихъ и эстетическихъ цѣлей, равно для санитарныхъ экскурсій, прогулокъ, игръ и тѣлесныхъ упражненій, даже спорта.

к) Каникулярнымъ временемъ слѣдуетъ признать: $2\frac{1}{2}$ мѣсяца лѣтнихъ вакацій (лѣтяющихъ по климатическимъ условіямъ мѣстности). 2 недѣли рождественскихъ и 2 недѣли пасхальныхъ вакацій.

А. 2. а) Средняя школа, соответствующая 10—18-лѣтнему возрасту, должна быть съ перваго до послѣдняго класса общеобразовательною и отнюдь не преслѣдовать какихъ-либо практическихъ цѣлей.

б) Естественныя, словесныя и математическія науки служатъ основою умственнаго воспитанія, подъ тѣмъ однако условіемъ, что естественныя должны играть главную роль въ первые четыре года средней школы (отъ 10 до 14 л.), а вторыя—роль второстепенную, подчиненную, между тѣмъ какъ съ поры полового развитія, т.-е. во вторую половину курса средней школы, главную роль должны уже играть науки словесныя и математическія, естественныя-же роль второстепенную.

с) Первая половина (4 года) этой школы посвящается занятіямъ естественными, словесными и математическими предметами индуктивнаго типа, вторая-же—занятіямъ тѣми-же предметами типа дедуктивнаго.

д) Ежедневно должно быть отводимо по $\frac{3}{4}$ —1 часу и больше на свободное чтеніе книгъ, по выбору и указаніямъ наставниковъ, отчасти-же и по желанію самихъ учащихся.

е) Желательно допустить въ учебныя заведенія въ видѣ особаго обязательнаго предмета ручной трудъ, но только въ формѣ шведскаго слѣйда, а не въ формѣ тѣхъ или другихъ ремеселъ. Для дѣвушекъ полезно было-бы ознакомленіе съ основами кухоннаго искусства и домоводства, по преимуществу практическое. Руководья должны ограничиваться навыками и приемами, не посягающими особенно на органъ зрѣнія и на формы тѣла (близорукость и искривленіе позвоночника).

ф) Въ виду того, что ученіе должно состоять въ самой тѣсной связи съ воспитаніемъ, съ водвореніемъ въ дѣтяхъ нравственныхъ на-

чалъ, было-бы въ высшей степени важно, чтобы школа не ограничивалась однимъ обученіемъ разнымъ знаніямъ, но прививала учащимся и основы воспитанія воли и характера въ цѣляхъ подготовленія дѣтей къ будущимъ обязанностямъ ихъ по отношенію къ семьѣ, обществу и государству. Ради этого можно было-бы создать родъ полупинтернатовъ, въ стѣнахъ которыхъ въ теченіе полусутокъ учащійся жилъ-бы и работалъ-бы подъ наблюденіемъ и руководствомъ спеціалистовъ-учителей и педагоговъ, а на остальныя полусутки могъ-бы отправляться домой, на попеченіе родителей.

А. З. Лучшими, наиболее надежными мѣрами нравственнаго оздоровленія учащихся должно признать: а) недопущеніе со стороны старшихъ такихъ пріемовъ и мѣръ поведенія, которые, заподозривая въ дѣтяхъ все только дурное, тѣмъ самымъ наводятъ мысль ихъ на дурное и вовлекаютъ ихъ невольно въ безнравственные поступки и даже въ пороки и преступленія; б) надлежащее уваженіе и довѣріе къ личности ребенка и подъемъ его въ его-же собственныхъ глазахъ, равно и укрѣпленіе въ немъ сознанія ответственности за его поступки; в) избѣжаніе отвлеченныхъ бесѣдъ объ обязанностяхъ, но настойчивое проведеніе мѣръ къ воспитанію въ дѣтяхъ доброты, честныхъ, товарищескихъ отношеній, привычки къ порядку, аккуратности, правдивости, контролированію самихъ себя; г) устраненіе всякихъ поводовъ къ зависти, недоброжелательству, недовольству, озлобленію учащихся путемъ упраздненія системы балловъ, экзаменовъ, наказаній и наградъ; е) введеніе обязательныхъ тѣлесныхъ упражненій (особенно плаванія, гребли, катанія на конькахъ и на лыжахъ) и игра даже въ формѣ трезваго, осторожнаго спорта, отчасти-же и нѣкоторыхъ лучшихъ гимнастическихъ упражненій по шведской системѣ; ф) приученіе дѣтей къ перенесенію холода, переменъ температуры и вѣтра, тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ лишеній и невзгодъ.

Менѣе надежными, но не лишеными значенія средствами должно признать: примѣръ поведенія наставниковъ, чтенія біографій высоко-нравственныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, преимущественно родной земли, и бесѣды по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ этикѣ отдѣльныхъ личностей и народовъ.

Кромѣ того, въ цѣляхъ эстетическаго развитія дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ цѣляхъ нравственной и физическаго развитія слѣдовало-бы устраивать литературныя, музыкальныя и танцевальныя вечера 2 или 3 раза въ недѣлю.

В. По отношенію къ тѣлесному здоровью учащихся.

а) Необходимо введеніе 10—15-минутныхъ рекреаций въ свободныхъ (просторныхъ) помѣщеніяхъ послѣ каждаго урока.

б) Желательно въ каждую большую переменку, а по возможности

и въ малыхъ перемѣны выпускать учащихся на воздухъ для свободнаго упражненія въ бѣгъ, въ подвижныхъ играхъ, въ катаньи на конькахъ, съ горъ и проч.

с) Игры и тѣлесныя упражненія учащихся—мальчиковъ и дѣвочекъ—должны быть обязательными во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На нихъ должно быть предоставлено, по крайней мѣрѣ, по три часовыхъ урока въ недѣлю—два часа въ одну свободную отъ учебныхъ занятій половину дня (среду или четвергъ, отъ 2 до 4 или 3 до 5 час. пополудни). Игры эти и тѣлесныя упражненія должны быть ведены подъ руководствомъ учителей (геср. учительницъ).

д) Въ мѣсяцъ одинъ или два раза полезно было-бы устраивать больше или менше продолжительныя и отдаленныя прогулки или экскурсіи по группамъ отъ 50 до 100 человекъ подъ надзоромъ учителей и воспитателей, во всякое время года.

е) Каникулы слѣдовало-бы распределять такъ, чтобы въ жаркое время (іюнь, іюль, августъ) слѣдовало безъ перерывовъ полный отдыхъ.

ф) Въ школѣ должно заботиться о горячемъ завтракѣ учащихся (завтракъ изъ одного мясного блюда и молока или, при скудости средствъ, изъ порціи чая съ бутербродами).

г) Весьма желательна было-бы дать возможность учащимся пользоваться 1—2—3 раза въ недѣлю душами или-же—что еще лучше—плаваніемъ въ особыхъ специальныхъ бассейнахъ (въ родѣ парижскихъ), во всякое время года.

h) Необходимо введеніе преподаванія гііены въ старшихъ классахъ при посредствѣ школьныхъ врачей.

При чтеніи гііены, равно и на бесѣдахъ по гііенѣ слѣдовало-бы врачу особенное обращать вниманіе на пороки и недостатки, свойственныя большинству учащихся, какъ-то: на куреніе табаку, употребленіе спиртныхъ напитковъ, на половыя аномаліи (онанизмъ), и выяснять пагубное вліяніе ихъ на здоровье, на семейное и общественное благосостояніе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлой націи.

і) Въ цѣляхъ санитарныхъ должны состоять при учебныхъ заведеніяхъ специалисты—школьные врачи. Они должны наблюдать за всеми подробностями гііены учащихся, какъ тѣлесной, такъ умственной и нравственной; состоять членами педагогическаго Совѣта заведенія и имѣть рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ тѣлесному здоровью учащихся.

С. По отношенію къ обезпеченію здоровья учащихся и къ охраненію ихъ душевнаго спокойствія (хорошаго душевнаго настроенія) необходимо слѣдующія мѣры:

а) Нормальное число часовъ недѣльныхъ классныхъ уроковъ слѣдовало-бы устанавливать по годамъ служенія, максимально въ 16—18 часовъ.

b) Относительно числа учащихся въ классахъ должно признать нормою въ младшихъ классахъ 30 учениковъ, а максимумъ 40; въ среднихъ 25 (resp. 30) и въ старшихъ 20 (resp. 25).

c) Необходимо запретить пользоваться выпускнымъ экзаменомъ учениковъ какъ средствомъ къ испытанію дѣятельности ихъ учителей или-же самого учебнаго заведенія.

d) Относительно учителей слѣдуетъ признать необходимую спеціальную ихъ подготовку по вопросамъ обученія и воспитанія, и потому на будущее время безусловно требуется основаніе учительскихъ семинарій, устроеніе педагогическихъ кружковъ, обществъ и временныхъ съездовъ, словомъ, широкое споспѣшествованіе спеціальному образованію педагоговъ.

e) Прошедшіе университетскій курсъ учителя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по содержанию, по чинопроизводству, по служебнымъ отличіямъ и по титуламъ должны быть поставлены наравнѣ съ прочими правительственными чиновниками.

f) На будущее время слѣдовало-бы поставить правиломъ, чтобы учителя, имѣющіе высшій образовательный цензъ, призываемы были въ роли руководителей въ высшее школьное управленіе.

Докторъ А. Виреніусъ.

Къ вопросу о пересмотрѣ программъ.

(РУССКІЙ ЯЗЫКЪ СЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИМЪ И СЛОВЕСНОСТЬ).

(Окончаніе).

VI.

Изученіе нарѣчія представляетъ въ школѣ почти непреодолимую трудность, потому что ни объ одной части рѣчи не говорятъ столько несообразностей, какъ о нарѣчіи, о которомъ не только въ школьныхъ, но и научныхъ грамматикахъ существуетъ самое смутное понятіе. Наибольшее недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что рядомъ съ знаменательными нарѣчіями, образованными отъ знаменательныхъ частей рѣчи, ставятъ и нарѣчія, образованныя отъ мѣстоименій. Послѣднія по своему значенію рѣзко отличаются отъ первыхъ. Знаменательныя нарѣчія обозначаютъ признаки признаковъ (т.-е. признаки свойствъ и дѣйствій), напримѣръ, красиво писать, громко говорить, ослѣпительно бѣлый и т. д. Нарѣчія-же, образованныя отъ мѣстоименій, употребляются для замѣны знаменательныхъ нарѣчій и имѣютъ въ предложеніи по отношенію къ нимъ такое-же значеніе, какое мѣстоименія по отношенію къ именамъ. Эти нарѣчія лучше всего выдѣлить въ особую группу и назвать ихъ мѣстонарѣчіями, или раздѣлить нарѣчія на знаменательныя и служебныя. Мнѣ кажется болѣе удобнымъ выдѣлить ихъ въ особую группу.

Знаменательныя нарѣчія при прохожденіи этимологіи должно раздѣлить не по ихъ синтаксическому значенію, какъ это требуется программой, а по происхожденію, т.-е. на нарѣчія, образованныя отъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и глаголовъ.

Раздѣленіе нарѣчій по ихъ значенію въ предложеніи можно предложить во второмъ классѣ, послѣ изученія простого предложенія.

Изученіе мѣстонарѣчія должно отодвинуть къ третьему классу, когда будетъ пройдено сложное предложеніе. Здѣсь можно будетъ указать, что мѣстонарѣчія употребляются не только для замѣны знаменательныхъ нарѣчій, но что они служатъ также и словами,

соединяющими предложенія, и въ данномъ случаѣ являются скорѣе союзами, чѣмъ мѣстоименіями, такъ какъ теряютъ свое первоначальное значеніе замѣстителей нарѣчій и обращаются въ простыя соединительныя слова, которыя мы не считаемъ союзами только потому, что они употребляются и въ указанномъ раньше значеніи.

Изученіе союза должно перенести на третій классъ. Причина понятна.

Въ ученіе о междометіи слѣдуетъ внести значительныя поправки, рѣзко отдѣливъ звуки, выражающіе чувство человѣка, отъ звукоподражательныхъ словъ, которыя въ предложеніи имѣютъ такое-же значеніе, какъ существительныя и глаголы. Звукоподражательныя слова суть самыя образныя названія слуховыхъ впечатлѣній, передающихъ въ звукахъ то впечатлѣніе, которое воспринято. Вотъ еще разительное доказательство того, какъ мало интересуется наше мышленіе и особенно языкъ чисто слуховыми впечатлѣніями: языкъ настоящими словами назвалъ самыя общія звуковыя представленія; названія единичныхъ даже не позаботился одѣть въ приличную одежду—суффиксы и флексіи, и этимъ дать имъ право занимать равное мѣсто съ существительными. Звукоподражательныя слова: «бомъ», «ура», «хлопъ», «прыгъ» и т. п. такъ и остаются обозначенными корнями, и потому не знаешь, что съ ними дѣлать. Впрочемъ, въ настоящее время и въ литературномъ языкѣ попадаютъ слова: «охи», «ахи».

Изъ курса этимологіи требуется, между прочимъ, усвоеніе словъ, имѣющихъ въ корнѣ *н*. Не лучше-ли усвоеніе этихъ словъ перенести въ приготовительный, чтобы дать возможность дѣтямъ съ самаго начала обученія письму не дѣлать ошибокъ въ этихъ словахъ. Усвоеніе орфографіи словъ съ буквой *ѣ* для учениковъ приготовительнаго класса будетъ легче и полезнѣе, чѣмъ умѣнье различать всѣ части рѣчи.

По синтаксису требуется пройти простое и сложное предложеніе, главное и придаточное. О слитномъ предложеніи можно дать надлежащее понятіе только послѣ ознакомленія со сложнымъ соединительнымъ предложеніемъ. Слитныя предложенія образуются изъ сліянія тѣхъ соединительныхъ предложеній, въ которыхъ встрѣчаются одни и тѣ-же члены предложенія однородныя. Въ программѣ слѣдуетъ также оговорить, чтобы къ слитнымъ относить только такія предложенія, которыя имѣютъ по нѣсколько подлежащихъ и по нѣсколько сказуемыхъ.

Почти вся программа синтаксиса простого предложенія заслуживаетъ тщательнаго пересмотра. Прежде всего обращаетъ вниманіе обозначеніе одного и того-же понятія разными терминами. Въ

программѣ перваго класса сказано: «Ученіе о членахъ простаго предложенія». Здѣсь употреблено выраженіе: «части простаго предложенія». Нужно держаться какого-нибудь одного термина, чтобы не сбивать дѣтей. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать термину «члены простаго предложенія», потому что есть выраженіе «части рѣчи».

Какъ смотрѣть на члены предложенія, было уже сказано.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, опредѣленія съ опредѣляемымъ. Здѣсь, мнѣ кажется, слѣдуетъ ограничить требованіе только тѣми случаями, которые необходимы для орфографіи. Все остальное является излишнимъ, потому что для пониманія рѣчи ровно ничего не даетъ и введено въ грамматики родного языка изъ подражанія грамматикамъ иностранныхъ языковъ, гдѣ подробныя правила о согласованіи являются вполне умѣстными.

Странно, что разсмотрѣніе видовъ безличныхъ предложеній требуется, а о видахъ простаго предложенія ничего не говорится, между тѣмъ какъ само безличное предложеніе есть только видъ простаго предложенія, и о безличномъ предложеніи можно дать опредѣленное и ясное понятіе, если сравнить его съ личнымъ. Еще больше выяснится понятіе о безличномъ, когда оно будетъ сопоставлено съ полными и неполными предложеніями. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на раздѣленіе предложеній относительно сказуемаго, не имѣющаго отрицанія, имѣющаго отрицаніе, или слова, выражающія увѣренность или сомнѣніе (такъ называемыя вводныя слова). Слѣдуетъ также потребовать и раздѣленія предложеній на краткія и распространенныя. По моему, о всѣхъ указанныхъ видахъ предложенія нужно сказать для того, чтобы выяснить ихъ смысловое значеніе.

Раздѣленіе дополненія на прямое и косвенное считаю совершенно излишнимъ, ровно ничего не дающимъ для пониманія рѣчи. Родительный падежъ послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ и въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ считать прямымъ дополненіемъ тоже не годится. Это сдѣлано въ угоду латинскаго языка, гдѣ въ данномъ случаѣ ставится винительный падежъ безъ предлога, т.-е. прямое дополненіе.

Къ обстоятельствамъ отнесены обстоятельства: мѣста, времени, образа дѣйствія, причины и цѣли. Въ третьемъ классѣ ученики будутъ учить, что придаточныя предложенія замѣняютъ собою члены простаго предложенія, и, къ удивленію своему, между придаточными найдутъ условныя и уступительныя, хотя они раньше ничего не слышали объ условіи и уступленіи, какъ членахъ простаго предложенія. Слѣдуетъ въ число обстоятельствъ помѣстить и обстоятель-

ства условія и уступленія, какъ сдѣлалъ въ своемъ синтаксисѣ г. Преображенскій, и предложенія условія и уступленія считать придаточными, а не сочиненными, какъ это дѣлаетъ Кирпичниковъ, а за нимъ и составители программы.

О словахъ вводныхъ и вносныхъ лучше сказать при разсмотрѣннн простого предложенія. Что-же касается вносныхъ словъ, то это не что иное, какъ тѣ-же поясняющія слова, но взяты говорящимъ изъ рѣчи другого лица, а потому о нихъ нужно сказать при разсмотрѣннн членовъ простого предложенія.

О вносныхъ предложеніяхъ слѣдуетъ сказать послѣ изученія сложнаго предложенія по способу подчиненія. Вносныя предложенія вносятся въ рѣчь говорящаго или вмѣсто какого-нибудь члена предложенія, или вмѣсто какого-нибудь придаточнаго предложенія, главнымъ образомъ—дополнительнаго.

О вводныхъ предложеніяхъ можно дать понятіе послѣ разсмотрѣнн сложныхъ подчиненныхъ и сочиненныхъ.

Послѣдній пунктъ программы второго класса такой: «предложеніе главное и придаточное. Практическое ознакомленіе съ сложнымъ предложеніемъ. Виды придаточныхъ полныхъ и сокращенныхъ». Ознакомленіе со сложнымъ предложеніемъ поставлено послѣ ознакомленія съ предложеніемъ главнымъ и придаточнымъ. Но предложеніе, состоящее изъ главнаго и придаточнаго, есть видъ сложнаго предложенія; поэтому сначала слѣдуетъ дать понятіе о сложномъ предложеніи вообще, а потомъ перейти къ разсмотрѣнню сложнаго, состоящаго изъ главнаго и придаточнаго.

Третій классъ. Программа синтаксиса сложнаго предложенія непоятна. Она составлена по учебнику Кирпичникова, изложившаго синтаксисъ сложнаго предложенія крайне неудовлетворительно (см. мою статью: «Къ вопросу о сложномъ предложеніи» *).

Сложное предложеніе должно быть раздѣлено на два вида: сложное по способу подчиненія и сложное по способу сочиненія. Къ придаточнымъ должны быть отнесены условныя и уступительныя, какъ видъ обстоятельственныхъ **).

Къ сложнымъ сочиненнымъ должно отнести соединительныя, противительныя и раздѣлительныя.

Четвертый классъ. Программа грамматики древняго церковно-славянскаго языка.

Въ отдѣлѣ фонетики, кромѣ указаннаго программой, необходимо остановиться на чередованнн гласныхъ въ корняхъ и суффиксахъ и

*) «Филолог. Записки» 1897, № 1.

**) Тутъ-же должно упомянуть о вносныхъ предложеніяхъ. Вводныя должны быть выдѣлены въ отдѣльную группу.

на измѣненіи гласныхъ и согласныхъ, происходящемъ при стеченіи однѣхъ съ другими. Это крайне необходимо при изученіи морфологіи словъ. Но за-то не слѣдуетъ требовать заучиванія склоненій и спряженій: это настолько-же непосильный трудъ для учащихся, насколько бесполезный, потому что отъ нихъ никто не требуетъ примѣненія этихъ знаній на практикѣ, а текстъ на древне-церковно-славянскомъ языкѣ понятенъ и безъ заучиванія склоненій и спряженій.

Достаточно при чтеніи текста ограничиваться сравненіемъ формъ древняго церковно-славянскаго языка съ русскими, а это сравненіе можно дѣлать и безъ заучиванія склоненій и спряженій.

Четвертымъ классомъ заканчивается систематическое заучиваніе современнаго русскаго языка и древне-церковно-славянскаго съ грамматической стороны.

Въ старшихъ классахъ грамматическія свѣдѣнія пополняются при разборѣ произведеній русской литературы.

«Сущность грамматическаго разбора, — говорится въ объяснительной запискѣ, — должна состоять въ указаніи тѣхъ грамматическихъ, орфографическихъ и синтаксическихъ особенностей, которыми можетъ отличаться языкъ разбираемаго произведенія или отъ современной устной рѣчи образованнаго общества, или отъ современнаго литературнаго языка, или отъ языка древняго церковно-славянскаго, смотря по тому, къ какому времени относится изучаемое произведеніе, или къ какому разряду произведеній: устному или книжному и т. п.» Однимъ словомъ, отъ учащихся въ гимназіи требуется то, что можетъ выполнить профессоръ университета, специально занимающийся этими вопросами. Вѣроятно, эти требованія и были навязаны школѣ какимъ-нибудь специалистомъ-профессоромъ, въ своемъ увлеченіи не отдававшимъ отчета въ томъ, чего онъ хотѣлъ. Изъ самомъ дѣлѣ, какъ можно требовать отъ гимназистовъ пятаго класса, чтобы они обладали знаніемъ современной устной рѣчи образованнаго общества, если большая часть ихъ не вращается среди современнаго образованнаго общества. Какъ они могутъ быть знакомы съ современнымъ литературнымъ языкомъ, если на урокахъ русскаго языка учатъ правила по русской или древне-церковно-славянской грамматикѣ, а въ четвертомъ или пятомъ классѣ читаютъ произведенія XI, XII и XIII вѣковъ; дома книгъ читать некогда, а если и читаютъ, то не настолько еще вчитались, чтобы судить о современномъ литературномъ языкѣ. А какимъ знаніемъ древняго церковно-славянскаго языка должно обладать, чтобы указать на отличіе разбираемаго произведенія отъ названнаго языка въ этимологическомъ, орфографическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ.

Много-ли у насъ есть профессоры русскаго языка, которые удовлетворяютъ этому требованію *).

Къ теоретическимъ занятіямъ относятся ещя стилистическія и историко-литературныя: «Сущность стилистическаго разбора,—говоритъ объяснительная записка,—должна состоять въ указаніи лексическихъ особенностей, т.-е. въ характеристикѣ произведенія относительно чистоты, правильности, точности и изобразительности слога. Но при этомъ разборѣ учитель долженъ обращать особенное вниманіе учениковъ на различіе между поэтическимъ способомъ выраженіи мыслей и прозаическимъ». Согласимся, что эти свѣдѣнія вполне цѣлесообразны. Но подобный способъ пріобрѣтенія ихъ отнимаетъ очень много времени, а между тѣмъ учитель изъ трехъ недѣльныхъ уроковъ можетъ посвятить имъ не больше одного. Если ужъ такъ необходимы свѣдѣнія по стилистикѣ, то во всякомъ случаѣ гораздо практичнѣе ознакомить съ ними сначала систематически. При разборѣ словесныхъ произведеній пріобрѣтенныя знанія могутъ быть возобновлены, и путемъ повторенія укрѣпляемы въ памяти. Въ виду того, что съ пятаго класса ученики приступаютъ къ ученію словесныхъ произведеній, должны составлять описательныя, повѣствовательныя и судительныя сочиненія, послѣ стилистики слѣдуетъ ознакомить съ основными формами словесныхъ произведеній, т.-е. съ теоріей описаній, повѣствованій и разсужденій, а теорію поэзіи отнести къ восьмому классу, такъ какъ она для сочиненій не нужна и можетъ быть осмыслена только при знакомствѣ съ возможно большимъ числомъ поэтическихъ произведеній.

Нельзя признать цѣлесообразнымъ и требованіе разбора со стороны литературной формы, который долженъ главнымъ образомъ состоять «въ указаніи тѣхъ признаковъ или тѣхъ данныхъ, находящихся въ разбираемомъ произведеніи, по которымъ оно можетъ быть отнесено къ извѣстному какому-либо роду или виду прозаическихъ или поэтическихъ произведеній». Не цѣлесообразны эти разборы потому, что они дѣлаются безъ всякой системы. Время тратится непроизводительно. Тогда какъ въ восьмомъ классѣ, когда учащіяся и болѣе развиты, и знакомы съ достаточнымъ количествомъ словесныхъ произведеній, частная теорія словесности будетъ пройдена безъ особаго труда и вполне сознательно. Этихъ разборовъ до восьмого класса и потому еще не слѣдуетъ допускать, чтобы уничтожить ту калейдоскопичность разборовъ, которая существуетъ

*) Я зналъ одного очень добросовѣстнаго и знающаго преподавателя. Не имѣя возможности хоть сколько-нибудь удовлетворительно выполнить это требованіе, онъ испытывалъ такое мучительное состояніе, что хотѣлъ лишить себя жизни.

въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, какой хаосъ долженъ получиться въ головѣ учащагося, когда онъ каждое произведеніе разбираетъ съ грамматической, стилистической, литературной и логической *) (указаніе плана и идеи) стороны. Въ пятомъ классѣ можно обратить главное вниманіе на стилистическій и логическій разборъ; въ шестомъ и седьмомъ—главнымъ образомъ на логическій, дополняя его историко-литературными свѣдѣніями.

Въ восьмомъ классѣ изучается краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи. О программѣ этого курса можно сказать только то, что она приспособлена къ плохому учебнику теоріи словесности Бѣло-руссова.

Разсмотримъ еще объяснительную записку къ программѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности. Она (объяснительная записка) говоритъ относительно теоретическихъ и практическихъ занятій. Требованіе объяснительной записки, чтобы при преподаваніи грамматики въ трехъ низшихъ классахъ грамматическія свѣдѣнія были выводимы изъ примѣровъ или при помощи предлагаемыхъ учителемъ вопросовъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли, или изъ разбора какого-либо читаемаго по хрестоматіи произведенія, кажется, осталось пустымъ звукомъ для нашихъ гимназій по слѣдующимъ причинамъ. Такой способъ преподаванія грамматики требуетъ очень много времени, большого искусства со стороны преподавателя и полной приспособленности къ такому способу занятій учебника.

Такъ какъ въ трехъ низшихъ классахъ, въ виду необходимости выполнить другія требованія программы, на теоретическое преподаваніе грамматики преподаватель можетъ удѣлить только одну часть, то объ указанномъ выше совѣтѣ объяснительной записки ему и подумать некогда, а не то что заботиться о его выполненіи, тѣмъ болѣе, что учитель латинскаго языка постоянно торопитъ прохожденіемъ положеннаго курса русской грамматики и свои неуспѣхи по латинскому языку сваливаетъ на преподающаго русскую грамматику, ссылаясь на то, что нельзя-же успѣшно изучать латинскую грамматику, если ученики не знаютъ грамматики родного языка.

Въ настоящее время способъ наведенія при преподаваніи учебныхъ предметовъ пользуется большимъ сочувствіемъ и за нимъ однимъ признается образовательное значеніе.

Хотя я съ этимъ и не совсѣмъ согласенъ, но цѣликомъ принимаю это положеніе, потому что мнѣ нужно сказать только о его приложимости на практикѣ. Никто не станетъ отрицать, что индуктивный

*) Последній разборъ хотя въ объяснительной запискѣ и не называется этимъ именемъ, но треуется.

методъ наведенія труденъ и требуетъ большого умѣнья со стороны преподавателя. Если-же этимъ методомъ пользуются неумѣло, то онъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Составители объяснительной записки должны были имѣть это въ виду и не требовать, чтобы преподаватели гимназій, которые не имѣли возможности ознакомиться съ приемами этого метода ни теоретически, ни практически, непременно пользовались имъ. Хорошо подготовленный преподаватель и безъ объяснительной записки воспользуется имъ, гдѣ возможно. А неподготовленные берутся за непосильное дѣло и только мучатъ себя и учениковъ. Не даромъ въ послѣднее время слишкомъ стали бросаться въ глаза неподготовленность преподавателей гимназій, особенно русскаго языка и словесности. о чемъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа: «Въ заключеніе разсмотрѣнія вопроса о положеніи русскаго языка и словесности въ нашихъ гимназіяхъ, да и вообще въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ, считаю необходимымъ высказать мое твердое убѣжденіе въ необходимости правильной подготовки учителей по русскому языку и словесности. Теперь учителя сего предмета, за немногими исключеніями, вообще незнакомы съ дѣломъ преподаванія и воспитанія. Они въ первые годы своей педагогической дѣятельности производятъ педагогическіе эксперименты надъ дѣтьми, кончающіеся иногда плачевно для сихъ послѣднихъ». Понятно, почему? Преподаваніе роднаго языка, какъ учебнаго предмета, гораздо сложнѣе преподаванія другихъ предметовъ.

И, наконецъ, требованіе объяснительной записки будетъ преждевременнымъ до тѣхъ поръ, пока не явится у насъ учебника по грамматикѣ, дающаго такія опредѣленія, которыя представляютъ выводъ изъ наблюденія надъ формами языка и ихъ значеніемъ въ рѣчи. Попробуйте путемъ наведенія подойти къ опредѣленіямъ, что предложеніе есть сужденіе, выраженное словами; что подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи (или предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи, или главный предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи); что сказуемое есть то, что говорится о предметѣ; что опредѣленіе есть то, что опредѣляетъ, и т. д. При дедуктивномъ методѣ преподаванія несообразность этихъ опредѣленій не бросается дѣтямъ въ глаза, потому что заученное опредѣленіе остается въ сторонѣ, а путемъ разбора они сами доходятъ до умѣнья различать члены предложенія, и у нихъ такимъ образомъ о послѣднихъ составляется понятіе, не имѣющее ничего общаго съ выученными опредѣленіями. Поэтому пусть не покажется страннымъ, что я радъ за учащихся, что они учатъ грамматику не сознательно, потому что не дай Богъ, если-бы они сознали то, что учатъ: имъ тоже пришлось-

бы испытать то крайне мучительное состояніе, которое я испытывалъ, когда сталъ сознательно относиться къ изучаемымъ мной грамматикамъ.

«Хотя четвертымъ классомъ заканчивается систематическое прохожденіе грамматики русскаго и церковно-славянскаго (т.-е. древне-церковно-славянскаго), — говорится въ объяснительной запискѣ, — однако это не значить, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ заканчивались грамматическія занятія: напротивъ, они должны постоянно продолжаться и въ остальные четыре года, какъ для сообщенія, при случаѣ, новыхъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и для укрѣпленія практическаго знанія. При чтеніи литературныхъ образцовъ анализъ грамматическій попрежнему сохраняетъ за собою видное мѣсто. Любой памятникъ древней или новой литературы нашей представляетъ достаточный къ тому матеріалъ: всегда найдутся такія этимологическія и синтаксическія формы, которыя дадутъ преподавателю поводъ, съ одной стороны, повторить или полнѣе разъяснить пройденное, а съ другой — дополнить новыми фактами тѣ или другіе отдѣлы, тѣ или другія статьи грамматическаго курса». Это требованіе показываетъ, что составители объяснительной записки, хотя и говорятъ въ учебномъ планѣ, что русскій языкъ и словесность преподаются съ цѣлью научить правильно говорить и писать, но заботятся исключительно объ усвоеніи грамматики. Это особенно рѣзко сказывается въ слѣдующемъ мѣстѣ объяснительной записки: «Курсъ словесности VIII класса весьма важенъ для повторенія и для провѣрки всего пройденнаго, и потому примѣры для теоретическихъ положеній должны быть, по требованію учителя, приводимы самими учениками изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ произведеній русской словесности, какъ древней, такъ и новой, причемъ учитель всегда будетъ имѣть возможность по поводу того или другаго примѣра, взятаго изъ произведеній древней русской словесности, предложить ученику вопросъ и по грамматикѣ какъ русскаго, такъ и древняго церковно-славянскаго языка. И тутъ не забыли о грамматикѣ и совершенно нестати тревожатъ ее. Дѣло въ томъ, что къ пятому или шестому классу ученики настолько должны быть знакомы съ правильными формами русскаго языка и настолько должны уже владѣть правильнымъ письмомъ, что теоретическое изученіе грамматики является излишнимъ, а при разговорѣ и письмѣ они постоянно практически повторяютъ усвоенное. Слѣдовательно, ровно никакого смысла нѣтъ въ теоретическомъ повтореніи, которое между тѣмъ отнимаетъ и безъ того слишкомъ ограниченное время и, кромѣ того, является излишнимъ добавленіемъ къ стилистическому, теоретическому и логическому разборамъ.

«Отъ учителя требуется, — говоритъ объяснительная записка, —

чтобы онъ при чтеніи и разборѣ указанныхъ въ программѣ каждаго класса произведеній какъ древней, такъ и новой русской словесности не вдавался на урокахъ ни въ критику, ни въ излишнія историко-литературныя подробности. Съ послѣднимъ требованіемъ нельзя не согласиться; первое не совсѣмъ понятно. Критика есть разборъ, сужденіе о достоинствахъ или недостаткахъ какого-либо произведенія. Та-же объяснительная записка требуетъ, чтобы учитель разобралъ каждое произведеніе со стороны грамматической, стилистической, литературной и логической (плана и идеи). Разсматривая словесное произведеніе со стороны грамматической, стилистической и логической, учитель долженъ-же сказать, какія грамматическія формы въ разбираемомъ произведеніи правильныя и какія нѣтъ, долженъ оцѣнить и языкъ; долженъ сказать, выдержанъ-ли планъ или нѣтъ, и какъ выражена идея произведенія, словомъ, учитель долженъ разсмотрѣть достоинства и недостатки произведенія, т.-е. долженъ, по требованію объяснительной-же записки, вѣдаться въ его критику. Если учитель не сдѣлаетъ оцѣнки всему этому, то откуда-же знать ученикамъ, что хорошо и что дурно, чего нужно держаться и чего избѣгать. Очевидно, подъ словами «критика» составители записки разумѣютъ что-то другое, вѣроятно, ту субъективную критику, которая производилась не на основаніи общаго положенія, а на основаніи личныхъ вкусовъ, на основаніи главнымъ образомъ такого нелѣпаго критерія: въ этомъ произведеніи нѣтъ того-то и того, а потому оно никуда не годится. Учитель разбираетъ произведеніе на основаніи общаго положенія и такой критическій разборъ не изговяты должно изъ школы, а настоятельно требовать, чтобы дать настоящей критерій, котораго-бы ученики держались и по выходѣ изъ нея, и не легко поддавались вліянію всякихъ невѣжественныхъ, но бойкихъ на языкъ, такъ-называемыхъ, критиковъ.

Перейдемъ къ объяснительной запискѣ, касающейся практическихъ упражненій. Изъ устныхъ практическихъ упражненій къ общимъ упражненіямъ, т.-е. обязательнымъ для всѣхъ классовъ, записка относитъ: 1) выразительное чтеніе, 2) пересказъ прочитаннаго и 3) выразительное произношеніе выученныхъ наизусть произведеній отечественной словесности въ цѣломъ ихъ объемѣ, или въ отрывкахъ. Къ частнымъ устнымъ упражненіямъ она относитъ: чтеніе, упражненіе въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, разборы, составленіе примѣровъ. До 1890 года, кажется, съ 6-хъ годовъ въ гимназіяхъ на выразительность рѣчи не обращали ровно никакого вниманія; объяснительная записка 1890 г. выдвигаетъ выразительность, но какъ-то неумѣло. Такъ, она различаетъ выразительное чтеніе, выразительное произношеніе выученныхъ наизусть произведеній и чтеніе.

Выходитъ, что можно читать выразительно и не выразительно; выученныя наизусть произведенія нужно произносить выразительно, а невыученныя наизусть, вѣроятно, можно произносить и не выразительно. Думаю, что всякое чтеніе и всякое устное изложеніе должно быть выразительнымъ. О выразительности чтенія и разсказа должны заботиться всѣ преподаватели, а не только преподаватель русскаго языка. и притомъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Выразительному чтенію записка приписываетъ силу содѣйствовать развитію умственныхъ и эстетическихъ способностей, а о самомъ главномъ значеніи выразительнаго чтенія она совершенно умалчиваетъ. Дѣло въ томъ, что выразительное чтеніе, подобно тому, какъ музыка и пѣніе, прежде всего вліяетъ на чувство, а отсюда уже вытекаетъ его значеніе для ума.

Пересказъ прочитаннаго, безспорно, очень полезное упражненіе, но все-таки при извѣстныхъ условіяхъ. Если-бы въ каждомъ классѣ было не болѣе, какъ по десяти учениковъ, и если-бы на русскій языкъ было отведено въ два раза больше уроковъ, тогда, конечно, можно было-бы съ успѣхомъ практиковать это упражненіе. Но если въ классѣ даже больше сорока учениковъ (какъ теперь обыкновенно бываетъ), то каждому изъ нихъ врядъ-ли въ теченіе четверти придется разсказать хотя одинъ разъ. Слѣдовательно, практики въ пересказѣ ученики имѣть не могутъ, и въ то-же время они никогда не слышатъ образцоваго чтенія и образцовой живой рѣчи учителя, который долженъ только спрашивать и спрашивать безъ конца. По объяснительной запискѣ каждое прочитанное и разобранное въ классѣ произведеніе должно быть пересказано. Загляните въ списокъ словесныхъ произведеній, которыя необходимо прочесть и разобрать, и вы согласитесь, что такіе списки и записки можно составлять только въ кабинетѣ, но не въ школѣ. Кромѣ того, можно-ли и годится-ли пересказывать всѣ поэтическія произведенія? Какъ пересказывать произведенія?

«Ученику, выучившему наизусть какое-либо произведеніе.—говорить записка,—не трудно запомнить время его появленія въ русской литературѣ». Согласимся, что не трудно запомнить, но спрашивается, какой смыслъ этого запоминанія? Вѣдь заучивать наизусть нужно только такія произведенія, которыя имѣютъ общечеловѣческое значеніе, а не историко-литературное, а потому совершенно безразлично, когда оно появилось.—десять тысячъ лѣтъ тому назадъ или вчера.

Распредѣленіе подлежащихъ заучиванію наизусть стихотвореній предоставляется педагогическимъ Совѣтамъ.

Мнѣ кажется, что лучше распредѣлить стихотворенія по классамъ,

предоставитъ преподавателю право по своему усмотрѣнію, въ случаѣ надобности, переносить стихотворенія изъ одного класса въ другой. Неопытный преподаватель воспользуется указаніемъ программы, а опытный поступитъ такъ, какъ найдетъ болѣе цѣлесообразнымъ

Всѣ письменныя упражненія записка относитъ къ частнымъ упражненіямъ и дѣлитъ ихъ на грамматическія и стилистическія. Къ послѣднимъ отнесены даже сочиненія на тему, заданную учителемъ. Этимъ составители записки хотѣли показать, что и на самостоятельное сочиненіе учениковъ они смотрятъ только какъ на стилистическое упражненіе, и что забота о содержаніи сочиненія отодвигается на задній планъ. Такая исключительная забота о формѣ изложенія напоминаетъ схоластическія сочиненія и служитъ реакціей другого крайняго возрѣнія, которое совершенно пренебрегаетъ формой и цѣнитъ одно только содержаніе, не обращая вниманія на внѣшнее выраженіе. Нужно надѣяться, что коммиссія избѣжитъ этихъ крайностей и отдастъ должное и формѣ, и содержанію.

Всѣ письменныя работы, по требованію записки, должны производиться въ классѣ. Исключеніе сдѣлано и для трехъ высшихъ классовъ. Врядъ-ли это рационально. Письменныя работы много отнимаютъ класснаго времени, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ могли-бы быть выполнены дома, напр., списываніе съ книги, которое слѣдовало-бы предложить, какъ я уже говорилъ, не только для приготовительнаго, но и для трехъ низшихъ классовъ, и не въ классѣ, а дома, по пяти и больше строчекъ къ каждому уроку русскаго языка. Эта работа не обременитъ учащихъ и приучитъ ихъ правильно писать. Ежедневное переписываніе, кромѣ того, приучило-бы дѣтей выполнять письменныя работы чисто и аккуратно и естественнымъ образомъ охранить ихъ отъ небрежнаго исполненія письменныхъ работъ въ классѣ, за которое записка рекомендуетъ крайне антипедагогическое наказаніе — переписываніе на-бѣло дома. Съ понятіемъ о трудѣ не должно соединяться представленіе о наказаніи.

Между стилистическими письменными упражненіями названъ собственный разборъ литературныхъ произведеній относительно содержанія, плана, литературной формы, слога и идеи. За изложеніемъ плана произведенія долженъ слѣдовать выводъ идеи, и потомъ уже указаніе на литературную форму и слогъ.

Записка говоритъ, что «ученикъ можетъ совершенно теряться, коль скоро ему надлежитъ выразить не свою, ученическую, а чужую, болѣе глубокую и содержательную мысль въ ясной, точной и правильной передачѣ на литературный русскій языкъ. Для такой передачи нельзя ограничиваться первыми попавшимися фразами, а необходимо пользоваться всѣмъ разнообразнымъ богатствомъ рус-

скаго языка, дающимъ возможность выразить съ величайшею точностью самыя тонкіе оттѣнки мысли». Послѣ этого естественно надѣяться, что въ объяснительной запискѣ будетъ сказано о необходимости возможно лучшаго знакомства съ нашими образцовыми писателями, чтобы у нихъ научиться «богатству русскаго языка, дающему возможность выразить съ величайшей точностью самыя тонкіе оттѣнки мысли». Но она не оправдываетъ ожиданія и заявляетъ: «Для того, чтобы научить учениковъ пользоваться этимъ богатствомъ, иѣтъ лучшаго средства, какъ упражнять ихъ въ переводахъ классическихъ образцовъ древне-греческой и римской литературы на русскій языкъ». Какъ-же пользоваться тѣмъ богатствомъ, о которомъ говорятъ, но не даютъ руки: программа держитъ учащихся на теоріи грамматики, на грамматическихъ, стилистическихъ, логическихъ, литературныхъ разборахъ, на чтеніи произведеній XI, XII, XIII, XVI, XVII, XVIII вѣковъ въ томъ именно возрастѣ, когда легче всего усваивается языкъ, а разборами и языкомъ этихъ произведеній нельзя-же пользоваться при переводахъ классическихъ образцовъ...

Записка говоритъ: «Между упражненіями особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на классные переводы съ древнихъ языковъ на русскій; эти упражненія дадутъ преподавателю превосходное средство развить въ ученикахъ способность вполне владѣть родною рѣчью», и нѣсколько ниже: «упражненія въ точной и правильной передачѣ образцовыхъ произведеній классической литературы на русскій языкъ будутъ имѣть важное педагогическое значеніе, противодѣйствуя той небрежности, невнимательности и поверхностности учениковъ, устраненіе которыхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ гимназическаго воспитанія». Послѣ такого рѣшительнаго заявленія всѣ, не занимающіеся переводами «классическихъ образцовъ древне-греческой и римской литературы на русскій языкъ», должны впасть въ безнадежное состояніе, что они никогда не научатся «вполнѣ владѣть родною рѣчью» и никогда не избавятся отъ «небрежности, невнимательности и поверхностности».

Жалѣю, что не могу привести фактическаго доказательства—представленія сочиненій воспитанниковъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Будучи незнакомы ни съ древними, ни съ новыми языками, а только съ лучшими нашими писателями, они вполне владѣютъ родною рѣчью и не обнаруживаютъ въ своихъ сочиненіяхъ небрежности, невнимательности и поверхностности ни со стороны содержанія, ни со стороны языка.

Подведемъ итогъ и сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго.

По учебному плану и преподаваніе русскаго языка, и препода-

ваніе словесности предназначается для обученія устному и письменному языку; изученіе русскаго языка почти отождествляется съ изученіемъ русской грамматики, въ подмогу къ которой присоединена и грамматика древняго церковно-славянскаго языка; изученіе словесности предназначается частью для укрѣпленія старыхъ и пріобрѣтенія новыхъ грамматическихъ свѣдѣній, частью для пріобрѣтенія въ безсистемномъ порядкѣ знаній по исторіи и главнымъ образомъ по теоріи словесности.

Цѣль, поставленная преподаванію русскаго языка и словесности, достигается на неудачно выбранномъ матеріалѣ и не всегда удачными средствами.

Къ матеріалу отношу словесныя произведенія. О словесномъ матеріалѣ для упражненія въ русскомъ языкѣ въ низшихъ классахъ ничего не сказано, а словесный матеріалъ высшихъ классовъ пригоденъ для уразумѣнія—какъ исторически развивался русскій языкъ, но не для того, чтобы научиться образцовому прозаическому литературному языку, столь необходимому въ повседневной жизни. Языкъ поэтовъ для этой цѣли не годится, особенно тѣхъ поэтовъ, которые указаны въ программѣ, потому что тутъ названы или такіе, которые остаются образцовыми въ стихотворной рѣчи, или такіе, прозаическая рѣчь которыхъ (за исключеніемъ Лермонтова) врядъ-ли въ настоящее время можетъ считаться образцовой *). Проза Пушкина слишкомъ отрывочна, а потому не можетъ служить образцомъ для подражанія въ сочиненіяхъ, особенно судительныхъ, требующихъ періодической рѣчи. Кромѣ того, въ прозѣ Пушкина встрѣчается много архаическихъ выраженій для нашего времени. Языкъ Гоголя еще больше не можетъ быть признанъ образцовымъ для устной и письменной обиходной рѣчи **).

*) Чтобы достигнуть намѣченной въ планѣ цѣли, нужно было указать не на Крылова, Жуковскаго, Грибоѣдова, Пушкина, Кольцова, Гоголя, а на такихъ писателей, языку которыхъ учащіеся могли-бы подражать въ устной и письменной рѣчи. Кромѣ того, кто обращаетъ поэтическія произведенія въ средство обученія языку, унижаетъ великое назначеніе поэзіи.

**) Съ послѣднимъ мнѣніемъ многіе не согласятся. Хорошо было-бы доказать противное. По моему, юмористическій оттѣнокъ, красною нитью проходящій черезъ большую часть произведеній Гоголя, гиперболичность и какая-то восторженность въ «Тарасѣ Бульбѣ» и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ пригодны для того, чтобы производить на читателя болѣе сильное впечатлѣніе, но не для того, чтобы подражать этимъ свойствамъ въ нашей обыкновенной устной и особенно письменной рѣчи. Не думаю, чтобы преподаватель словесности былъ доволенъ, если ученикъ станетъ подражать въ своихъ описательныхъ сочиненіяхъ такъ называемому описанію Дидра, заучиваемому обыкновенно учащимися наизусть. «Дидра» Гоголя есть восторженное воспѣваніе возлюбленной авторомъ рѣки, а не описаніе ея. Отъ учащихся требуютъ точнаго изображенія

Къ средствамъ достиженія намѣченной въ планѣ цѣли преподаванія русскаго языка и словесности отношу теоретическія и практическія занятія, а также и способъ пользованія послѣдними.

Къ устнымъ теоретическимъ и практическимъ занятіямъ въ низшихъ классахъ при преподаваніи русскаго языка принадлежатъ: подробное изученіе русской и древне-церковно-славянской грамматики, грамматическіе разборы, упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; въ высшихъ классахъ—грамматическіе, стилистическіе, логическіе и литературные разборы словесныхъ произведеній, словомъ, такія занятія, которыя знакомятъ съ теоретической стороною языка, но не съ самимъ языкомъ. Къ устнымъ практическимъ занятіямъ относятся чтеніе, пересказъ, заучиваніе наизусть, составленіе примѣровъ на разныя грамматическія формы. Хотя эти упражненія, кромѣ послѣдняго, и ведутъ къ цѣли, но вслѣдствіе первой необходимости выполнить теоретическія занятія на нихъ удѣляется мало времени и они не могутъ принести существенной пользы поставленной цѣли.

Что касается практическихъ письменныхъ упражненій, то одни изъ нихъ ведутъ къ цѣли, другія удаляютъ отъ нея. Къ первымъ относятся—списываніе съ книги и предупредительная диктовка; ко вторымъ—писаніе выученнаго наизусть безъ книги, если это требуется въ приготовительномъ и первыхъ двухъ низшихъ классахъ, упражненія въ склоненіи и спряженіи, составленіе примѣровъ на предложенія и періоды, пересказы, если они даются, когда учащіеся не окрѣпли въ орѳографіи и устной рѣчи, и частыя провѣрочныя диктовки.

Стилистическія письменныя упражненія можно признать цѣлесообразными только въ томъ случаѣ, когда они слѣдуютъ за чтеніемъ такихъ произведеній, языку которыхъ можно подражать, а не за чтеніемъ такихъ, языку которыхъ нельзя подражать.

И, наконецъ, самымъ большимъ мѣстомъ нужно считать крайнюю разносторонность упражненій при достиженіи намѣченной цѣли. Не мало страдаетъ успѣхъ дѣла и отъ того, что въ одно и то-же время одно упражненіе быстро смѣняется другимъ: отъ разбора грамматическаго къ стилистическому, отъ стилистическаго къ логическому, отъ логическаго къ литературному, приправляемому сверхъ всего еще и историко-литературными свѣдѣніями. Мысль учащихся, поэтому, ни на чемъ долго не останавливается, быстро утомляется, не привыкаетъ къ сосредоточенности и устойчивости.

предметовъ, а не ихъ воспѣванія. Учащихся нужно учить правильному и ясному языку. Поэтическій языкъ дается самъ собою, когда этому благоприятствуютъ условія: природный даръ и воодушевленное настроеніе.

Если незнакомый съ этимъ читатель хочетъ составить представление о такого рода урокахъ, пусть заглянетъ въ методику Барсова представляющую въ этомъ отношеніи верхъ совершенства, апогей тѣхъ хаотическихъ воззрѣній, дѣло обученія которыхъ въ послѣднее время, къ сожалѣнію, стало находить очень многихъ сторонниковъ.

Будемъ надѣяться, что коммисія огнесетъ съ должнымъ вниманіемъ къ столь важнымъ въ школь учебнымъ предметамъ, какъ русскій языкъ и словесность, постарается выработать болѣе правильное воззрѣніе на русскій языкъ и словесность, какъ учебные предметы, преподаванію каждаго изъ нихъ поставитъ соответствующія цѣли *) и укажетъ подходящія средства достиженія ихъ.

М. Тростниковъ.

*) Преподаваніе русскаго языка должно преслѣдовать прежде всего практическую цѣль—научить выражаться и писать на родномъ языкѣ правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, но не должно пренебрегать и образовательной—дать надлежащее понятіе о его грамматическомъ строѣ и о логическомъ построеніи основныхъ формъ сочиненій. Разумѣю изученіе высшаго курса русской грамматики съ древней церковно-славянской, изученіе теоріи сочиненій въ связи съ логикой, особенно третьей частью послѣдней—методологіей.

Преподаваніе словесности должно прежде всего имѣть въ виду нравственно-воспитательную цѣль: изучать такіа произведенія и такъ, чтобы они обогащали учащихся возвышенными мыслями и благородными чувствами. Не лишне также преподаваніе словесности слѣлатъ и образовательнымъ: изучать теорію словесности общую и частную, главнымъ образомъ касающуюся поэтическихъ произведеній, и, наконецъ, исторію русской словесности.

Причины неуспѣшности преподаванія иностранныхъ языковъ.

Просматривая наши педагогическіе журналы за послѣднія шесть лѣтъ, встрѣчаешь очень мало статей по вопросу о преподаваніи иностранныхъ языковъ въ нашихъ школахъ. За всѣ шесть лѣтъ ихъ напечатано въ двухъ журналахъ «Образованіе» (ранѣе «Женское Образованіе») и въ «Русской Школѣ» всего лишь пять, не считая обзора иностранной литературы Мижужева.

Такъ, въ 1890 г. напечатаны двѣ статьи въ журналѣ «Русская Школа»: «1) Аналитико-синтетическій методъ обученія иностранныхъ языковъ и натуральный методъ Берлица». 2) «Цѣль преподаванія иностранныхъ языковъ и желательная постановка ихъ». *Мижужева*.

Въ 1892 году въ журналѣ «Образованіе» статья *Петерсона* «О практическомъ преподаваніи иностранныхъ языковъ» (на основаніи психологіи и фізіологіи языка Феликса Франка).

Въ 1894 г. въ журналѣ «Образованіе» статья *Фармаковскаго*: «Натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ», и въ 1896-мъ въ журналѣ «Образованіе» статья *Фену* «О преподаваніи иностранныхъ языковъ».

Во всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ даются совѣты и предлагаются методы для болѣе успѣшнаго преподаванія иностранныхъ языковъ. Всѣ знаютъ и много говорятъ о томъ, что въ нашихъ школахъ языки преподаются плохо, и дѣти, окончившія курсъ гимназій, не могутъ не только переводить съ русскаго на иностранный, но и съ иностраннаго переводятъ съ трудомъ и очень плохо.

Что-же причиною тому? Неужели шесть, семь и даже болѣе лѣтъ пребыванія въ школѣ могутъ давать такіе плохіе результаты? Неужели-же всѣ эти годы дѣтскаго труда, часто усидчиваго и страшно утомительнаго, въ результатѣ такъ бесплодны?!

А вѣдь это такъ, и всѣ знаютъ и постоянно убѣждаются въ этомъ. У всякаго, кто только близко стоитъ къ этому дѣлу, является вопросъ о причинахъ такого неуспѣха, является желаніе найти выходъ, то-есть, найти такой способъ преподаванія, который давалъ-бы желаемые, положительные результаты.

Стоя близко къ дѣтямъ, обучающимся въ школахъ, руководя ими въ качествѣ репетитора, мнѣ, какъ наблюдателю и дѣятелю со стороны, пришлось придти къ слѣдующему заключенію:

Вся неуспѣшность преподаванія въ школахъ иностранныхъ языковъ (и не только языковъ, но часто и другихъ предметовъ) происходитъ оттого, что иные преподаватели мало обращаютъ вниманія на тотъ сложный и крайне нѣжный механизмъ человѣка, который называется мышленіемъ, и на дѣятельность или, скорѣе, процессы этого механизма.

Приглядываясь даже къ самому простому ремеслу, мы увидимъ, что и въ немъ нужна послѣдовательность и знаніе, какъ управляться съ данными инструментами и матеріалами, а въ отношеніи дѣтей этого иногда совершенно не соблюдается.

Мышленіе человѣка совершается тоже по извѣстнымъ законамъ и въ извѣстной послѣдовательности. А между тѣмъ законы эти часто совѣтъ пренебрегаются.

Уже не разъ въ послѣднее время указывается на это въ печати. Такъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія двѣ статьи: 1) «О сознаніи сходства и различія въ процессахъ умственно-познавательной дѣятельности» *Зимницкаго* («Русская Школа», 1893 г.). 2) «Преподаваніе какъ средство развитія въ учащихся стремленія къ самостоятельной работѣ мысли» *Отто Штейнерна* («Вѣстникъ Воспитанія», 1896 г.).

Зимницкій доказываетъ, что всѣ процессы умственной дѣятельности человѣка, начиная съ простѣйшихъ и кончая сложными, въ основѣ своей сводятся къ тому, что «мы такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ, сознаемъ въ этомъ случаѣ *сходство и различіе* между тѣми предметами и свойствами, надъ которыми происходитъ умственная работа».

Перечисляя далѣе всѣ степени процессовъ умственной дѣятельности, онъ сводитъ всѣ ихъ къ одному и тому-же, то-есть: въ основѣ всякаго изъ процессовъ лежитъ чувство сходства и различіе. Онъ говоритъ: «чувство сходства и различія является въ нашей душѣ въ двухъ видахъ: первичныя, низшія, бессознательныя и затѣмъ высшія, культивированныя. Эти чувства, какъ чувства культивированныя, нуждаются у дѣтей въ надлежащемъ усовершенствованіи ихъ и въ правильномъ и внимательномъ уходѣ».

Отто Штейнеръ въ своей работѣ «Преподаваніе, какъ средство развитія въ учащихся стремленія къ самостоятельной работѣ мысли» говоритъ, что преподаваніе должно быть строго послѣдовательнымъ и связнымъ. «Присоединеніе новыхъ знаній есть не что иное, какъ присоединеніе вновь воспринимаемыхъ впечатлѣній къ цѣлому ряду

уже существующихъ въ дуплѣ аналогичныхъ. Успѣшное усвоеніе новыхъ впечатлѣній зависитъ отъ характера уже имѣющихся представленій. Если изъ запаса этихъ представленій на встрѣчу новымъ впечатлѣніямъ встаютъ изъ глубины сознанія достаточное количество ясныхъ представленій, то воспріятіе идетъ энергично, привлекая учениковъ къ предмету преподаванія. Если-же новыя впечатлѣнія, входя въ созваніе, встрѣчаютъ тамъ лишь смутныя представленія, то воспріятіе проходитъ вяло, не трогая ни ума, ни сердца».

Далѣе Отто Штейнеръ говоритъ: «Душа человѣка не удовлетворяется простымъ увеличеніемъ количества отдѣльныхъ представленій; она стремится, путемъ *сопоставленій* отдѣльныхъ представленій, возвысить каждое физически воспріятое впечатлѣніе до степени логическаго понятія. Мыслительный процессъ состоитъ въ томъ, что мы разбираемся въ представленіяхъ; разбираясь въ нихъ, мы ихъ *сравниваемъ*. Сравниваются представленія съ точки зрѣнія ихъ сходства и различія, ихъ соотношенія, какъ причины и слѣдствія ихъ взаимнаго соподчиненія».

Обѣ приведенныя статьи не касаются вопроса преподаванія иностранныхъ языковъ, но мнѣ кажется, что онѣ могутъ быть примѣнимы и къ нимъ, такъ какъ и при изученіи ихъ тоже требуется извѣстная гимнастика ума, или, скорѣе, требуется правильное и умѣлое руководство мышленіемъ человѣка.

Сознаніе сходства и различія играетъ громадную роль въ умственной дѣятельности ребенка. *Перэ* въ своей книгѣ «Первые три года жизни ребенка» говоритъ: «Ясное, живое и правильное сознаніе сходства и различія въ объектахъ, надъ которыми работаетъ умъ, дается людямъ весьма туго, хотя и лежитъ въ основѣ умственно познавательной дѣятельности. Ясное и отчетливое сознаніе сходства и различія между какими-бы то ни было предметами и признаками, служитъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ твердому и лучшему запоминанію». *Селли* говоритъ: «Характернымъ для человѣка надо считать вѣрнѣе то, когда у ребенка начинается появляться стремленіе къ сравненію. Вообще сравненіе играетъ большую роль въ умственной дѣятельности маленькихъ дѣтей. Путемъ сравненія съ цѣлю ихъ уразумѣнія, у ребенка вырабатывается то, что психологи называютъ классификаціей или обобщеніемъ» *). *Компэйрэ* говоритъ: «Мыслить въ дѣйствительности это есть то-же самое, что познавать и понимать: познавать, значитъ представлять какой-нибудь предметъ, понимать,—значитъ постигать отношеніе одного предмета къ другому» **), то-есть, сравнивать.

*) *Селли*, «Очерки психологіи ребенка». «Образованіе», 1890 г., октябрь.

**) *Компэйрэ*. «Основаніе элементарной психологіи», стр. 48.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какую важную роль въ умственномъ развитіи играетъ сознаніе сходства и различія. Память, на которую всё возлагаютъ такія большія надежды, тогда только и сильна, когда она подкрѣпляется и поддерживается, по словамъ Пере, «яснымъ и отчетливымъ сознаніемъ сходства и различія».

Для развивающагося и еще не окрѣпшаго мышленія ребенка необходимо со стороны учителя и воспитателя урражнять эту присущую ему способность. Между тѣмъ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ ведется такъ, что не только не развиваетъ этихъ способностей, а, напротивъ, подавляетъ ихъ. Въ особенности это ясно въ преподаваніи иностранныхъ языковъ. Найдите въ этомъ преподаваніи послѣдовательность. Просматривая употребляемые въ школахъ учебники, видишь, что всё они изложены очень несистематично. Напр., сегодня объясняется членъ, завтра настоящее время вспомогательнаго глагола, потомъ мѣстоименіе и т. д. Какъ и какимъ образомъ этотъ вишигреть усваивается дѣтьми? Положимъ, ему дается понятіе о глаголѣ *avoir*. Понятіе это, такъ сказать, въ сознаніи ищетъ прицѣпки и часто не находитъ и такъ безъ всякой связи запоминается. Примите еще во вниманіе, что въ тогъ-же день ребенокъ можетъ имѣть урокъ другого языка—латинскаго, гдѣ ему задано выучить исключеніе на склоненіе существительныхъ, а по-русски дѣепричастіе. Ученикъ изучаетъ сразу нѣсколько грамматикъ: свою родную, латинскую, греческую, французскую, нѣмецкую. Всё эти грамматики учить онъ врозь и къ тому-же каждую по параграфамъ, безъ всякой послѣдовательности. И каждую грамматику онъ учитъ, какъ отдѣльный учебный предметъ, то-есть: изучаетъ пять существительныхъ, пять *сказуемыхъ* и столько-же подлежащихъ и такъ далѣе. Учитъ онъ ихъ усердно, упорно, безъ всякой связи, единственно и беретъ все это только памятью, которая воспринимаетъ весь этотъ сумбуръ и затѣмъ, не переваривъ его, выбрасываетъ обратно.

По моему, вотъ первая изъ причинъ неуспѣхности преподаванія иностранныхъ языковъ.

Дѣйствительно, обращаютъ-ли вниманіе ученика на сходство и различія во всѣхъ изучаемыхъ имъ грамматикахъ и такимъ образомъ, развиваютъ-ли эту присущую ему способность, которая играетъ такую важную роль во всѣхъ процессахъ мышленія человѣка? Нѣтъ и нѣтъ. Много-ли такихъ преподавателей иностранныхъ языковъ, которые-бы облегчили непосильный и часто непроезводительный дѣтскій трудъ тѣмъ, что обобщили-бы тѣ знанія, которыя они должны усваивать? Нѣтъ, такихъ преподавателей почти нѣтъ, уже потому, что большинство изъ нихъ иностранцы, не знающіе русскаго языка и его грамматики. Занимаясь съ нашими школьниками, просто удивляешься

ихъ неразвитости. Оказывается, что драгоценнѣйшій даръ природы, сознание сходства и различія, отъ неупражнения совѣсьмъ притупляется. Дѣтей нужно учить правильно мыслить, упражняя въ нихъ всѣ стороны мышленія. Между тѣмъ, то, что сравнительно легко и самостоятельно совершается въ головѣ маленькаго ребенка, съ трудомъ совершается въ головѣ школьника. Напр., я до сихъ поръ не встрѣтила ни одного ученика, который-бы самъ заявилъ, что нѣмецкіе глаголы въ основѣ то-же, что и русскіе, а также французскіе глаголы то-же, что русскіе и нѣмецкіе. Нѣтъ, всѣ они искренно и усердно зубрятъ каждый въ отдѣльности, совершенно не пользуясь при этомъ способностью сознанія сходства и различія въ правилахъ спряженій глаголовъ. Да и не мудрено! Объяснили-ли ребенку, что всѣ люди мыслятъ и говорятъ по однимъ законамъ, что въ каждомъ языкѣ предложеніе состоитъ изъ подлежащаго, сказуемаго, дополненія, что въ каждомъ языкѣ все тѣ-же части рѣчи, что, узнавъ опредѣленіе существительнаго въ одномъ языкѣ, онъ уже знаетъ тѣмъ самымъ о существительномъ всѣхъ другихъ изучаемыхъ имъ языковъ. Объясняютъ-ли дѣтямъ, что образование словъ на всѣхъ языкахъ происходитъ отъ корня съ приставками и окончаніями, и учатъ ихъ самостоятельно образовывать ихъ. Затѣмъ, обобщивъ понятіе о грамматикѣ, о законахъ развитія рѣчи, указываютъ-ли дѣтямъ, учатъ-ли ихъ разбираться въ грамматическихъ правилахъ, указываютъ-ли имъ на сходства и различія въ этихъ правилахъ, въ конструкціи предложеній, и такимъ образомъ развиваютъ-ли у нихъ мышленіе и помогаютъ-ли запоминать уже разнообразное, ассоцированное, а значить и понятное?

Сѣлли говоритъ: «Воспитатель долженъ широко пользоваться законами ассоціацій. Онъ дѣлаетъ это двумя способами: 1) Стараюсь связать какъ можно лучше различныя части новаго предмета. 2) Связать новое знаніе со старымъ» *). «Понимать,—читаемъ мы у Компэйрэ,—значить постигать отношеніе одного предмета къ другому» **). Между тѣмъ въ школахъ дѣти учатся не понимать, а лишь запоминать.

Многіе придаютъ очень большое значеніе памяти, налегая на упражненіе лишь ея. Такъ, въ 1896 году въ «Revue de deux Mondes» напечатана статья Мелино (Camil Mélinaud) ***), въ которой авторъ отдаетъ особое предпочтеніе памяти и приписываетъ ей всю силу и всю тонкость умственныхъ процессовъ. Въ заключеніи своей

*) Сѣлли, «Основныя задачи психологіи», стр. 149.

**) Компэйрэ, «Основаніе элементарной психологіи», стр. 48.

***) «Revue de deux Mondes». Septembre. *Un préjugé contre la mémoire*. Camil Melinaud.

статьи онъ говоритъ: «Toute l'instruction pourrait se resumer en ces deux maximes: faire des volontés aussi fortes et aussi patientes,—faire des memoires aussi riches, aussi fideles et aussi promptes—que la plasticité du cerveau humain le permettra *)».

Но не надо забывать, что всякое новое воспріятіе легко и прочно усваивается лишь тогда, когда оно встрѣтитъ въ умѣ аналогичныя. Такъ, Отто Штейнертъ говоритъ: «всякое присоединеніе новыхъ знаній есть не что иное, какъ присоединеніе вновь воспринимаемыхъ впечатлѣній къ цѣлому ряду уже существующихъ».

Значитъ, всякое непослѣдовательное отрывочное преподаваніе, которое плохо ассоциируется и не анализируется—плохо запоминается. У г. Каптерева **) говорится: «Если-же представленіе не отличается ни новизною, ни возбуждаетъ интереса, а между тѣмъ намъ его почему-либо нужно запомнить, то мы можемъ усилить интеллектуальность дѣйствія, анализируя его, отчетливо наблюдая его свойства и части, различая его внимательно отъ другихъ подобныхъ представленій. Чѣмъ обстоятельнѣе сравнимъ мы его съ другими подобными представленіями и выдѣлимъ его изъ нихъ, тѣмъ дольше и лучше оно будетъ помниться».

Кромѣ того, преподаваніе, которое ведется такъ, что весь трудъ запоминанія (заучиванія) возлагается на память, страшно утомительно и нерѣдко бываетъ одною изъ причинъ умственного переутомленія, на которое теперь всѣ такъ жалуются. А разъ есть переутомленіе, усвоеніе идетъ еще медленнѣе и хуже. Въ сущности, что такое память? Рибо опредѣляетъ ее такъ: «Память составляетъ общую функцію нервной системы. Основаніемъ ея служить свойство элементовъ сохранять полученныя измѣненія и входить въ различныя соединенія другъ съ другомъ—ассоціаціи. Сохраненіе состояній обеспечивается питаніемъ, которое постепенно укрѣпляетъ эти состоянія, такъ какъ постоянно возобновляетъ ихъ» ***).

А разъ является переутомленіе, значитъ нарушается правильное питаніе и память слабѣетъ и все заученное легко забывается и съ трудомъ усваивается.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, приходишь къ убѣжденію, что тотъ способъ преподаванія иностранныхъ языковъ, который практикуется теперь, оттого и не идетъ успѣшно, что въ нихъ нѣтъ

*) Все образованіе должно заключаться въ двухъ правилахъ: создавать воли, настолько сильныя и настолько упорныя,—создавать памяти, настолько богатая, вѣрная и быстрая, насколько только позволитъ пластичность человеческого мозга.

**) Каптеревъ, «Педагогическая психологія», стр. 340.

***) Рибо, «Память въ ея нормальныхъ и болѣзненныхъ проявленіяхъ».

последовательности единства, а, главное, все преподаваніе идетъ наперекоръ законамъ развивающагося мышленія человѣка и въ результатѣ—нуль.

Иначе и быть не можетъ.

Разъ изученіе языковъ преподается безъ всякой системы, безъ последовательности, безъ обобщенія, т. е. не параллельно, то и успѣха быть не можетъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ настоящее время раздаются жалобы даже на то, что учащіяся дѣти и по-русски-то пишутъ съ ошибками. Это обыкновенно наблюдается у тѣхъ, кто сразу безъ всякой *связи* долженъ былъ изучать нѣсколько языковъ съ ихъ грамматиками, а въ результатѣ человѣкъ не выучиваетъ и не понимаетъ ни одной, даже и собственной.

Главное-же то, что все современное преподаваніе языковъ ведется такимъ образомъ, что оно не развиваетъ ума учащагося, напротивъ, притупляетъ, такъ какъ, дѣйствуя только лишь на память, подавляетъ другіе процессы мышленія. Кромѣ того, это преподаваніе настолько утомительно и трудно, что уничтожаетъ въ дѣтяхъ всякій интересъ, всякое стремленіе къ самоусовершенствованію, къ дальнѣйшему самообразованію.

Умѣло и правильно развитой умъ до преклонныхъ лѣтъ сохраняетъ способность и любовь къ приобрѣтенію новыхъ знаній. Методъ обученія имѣетъ для человѣка великое значеніе. Я знала одного господина, который читалъ и говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. На выраженное мною удивленіе, этотъ богатый знаніями человѣкъ, отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: «У меня былъ высоко-образованный воспитатель. Онъ научилъ меня, изучая предметы, запоминать ихъ, разобравъ ихъ и найдя въ нихъ сходства и различія. Способность эта развита у меня до тонкости. Знакомясь съ новымъ языкомъ (нарѣчіемъ), я только лишь два раза прочту грамматику, разберусь въ ея правилахъ, что въ нихъ общее съ правилами всѣхъ грамматикъ, внимательно перечитаю исключенія и уклоненія отъ общихъ правилъ. Еще внимательно просмотрю образованіе словъ отъ корня, приставки и окончанія, обобщу съ корнями другихъ языковъ и затѣмъ принимаюсь читать книгу».

Этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ образованнымъ и въ то-же время счастливымъ человѣкомъ, такъ какъ во всю его жизнь въ немъ не угасла способность приобрѣтать новыя знанія.

Въ настоящее время уже со всѣхъ сторонъ раздаются голоса о томъ, что преподаваніе иностранныхъ языковъ идетъ не такъ, что чего-то не хватаетъ.

Въ 1893 году въ американскомъ журналѣ «Педагогическое Обозрѣніе», профессоръ Зоненштейнъ въ своей статьѣ «Параллелизмъ

въ изученіи грамматикъ», говоритъ: «Ученикамъ при изученіи каждаго языка приходится знакомиться съ новыми терминами или же съ иными примѣненіями терминовъ, имъ уже знакомыхъ. Все это утомляетъ и производитъ путаницу въ головѣ учениковъ и они при-выкаютъ видѣть въ грамматическихъ терминахъ звуки безъ внутренняго смысла. Тогда, когда параллельное изученіе грамматикъ и согласованіе ихъ терминовъ заставило-бы ихъ вникать во внутренній смыслъ употребляемыхъ словъ, отчего обычная система ихъ отучаетъ» *).

И дѣйствительно, всякій, имѣвшій дѣло съ учащимися, убѣждается, что подобное преподаваніе не только не даетъ знаній, но, хуже, притупляетъ умственное развитіе дѣтей, какъ уже сказано выше.

Германъ Залькеръ въ своей статьѣ «Образованіе, а не ученость», говоритъ: «Школа должна давать сознательный и твердо-обоснованный взглядъ на жизнь и міръ, обязана развивать природный умъ, собственное мышленіе и сужденіе. При теперешнемъ-же преподаваніи личная способность мышленія скорѣе убивается, чѣмъ развивается. Въ нынѣшнее время молодой человекъ учится въ школѣ не разсуждать, а лишь заучивать» **).

Въ особенности слова эти могутъ быть отнесены къ преподаванію иностранныхъ языковъ, неуспѣшность котораго будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнена вся система.

Иностранная грамматика должна изучаться параллельно съ своей отечественной и на родномъ-же языкѣ. Въ сущности, существуетъ одна общая грамматика для всѣхъ языковъ, которая въ своихъ основахъ имѣетъ одни и тѣ-же правила и законы для образованія предложеній и частей рѣчи.

Изучая иностранную грамматику, при объясненіи всякаго правила нужно указать на подобное-же правило въ своей отечественной грамматикѣ и тогда только указать на тѣ особенности, которыми оно обладаетъ. Напр., объясняя существительное, которое во всѣхъ языкахъ есть одно и то-же, указать на членъ, какъ на особенность при опредѣленіи рода. Объясняя степени сравненія, необходимо указать на общій законъ ихъ образованія и затѣмъ на разницу измѣненій съ помощью члена въ сравнительной и превосходной степеняхъ и т. д.

Конечно, многіе найдутъ, что параллельное преподаваніе имѣетъ много несовершеннаго. Напр., многіе скажутъ, что такое преподаваніе можетъ только спутать ученика. Но это неправда. Умѣлое и сжатое объясненіе, которое помогаетъ понять и заучить, никогда не спутаетъ, да, наконецъ, если-бы учитель замѣтилъ это, то онъ мо-

*) «Обзоръ иностранной литературы»: Мижужева. «Русская Школа», 1895 г.

**) «Вѣстникъ воспитанія», январь, 1893 г.

желть оставить болѣе широкое обобщеніе и придерживаться болѣе узкаго. Напр., объясняя нѣмецкое склоненіе, связавъ его съ русскимъ, указавъ при этомъ на сходство и различіе, можно лишь слегка напомнить уже выученное и объясненное французское или-же и совсѣмъ обойтись безъ этого, и обратно. Такимъ образомъ, при изученіи каждаго новаго языка идетъ сжатое повтореніе уже выученнаго и разобраннаго по сходству и различію стараго, которое такимъ образомъ еще лучше усваивается. Еще болѣе необходимъ этотъ способъ при знакомствѣ съ синтаксисомъ, гдѣ постоянно приходится обращать вниманіе учениковъ на различіе и сходство въ конструкціи фразъ. Затѣмъ, вмѣсто скучнаго и разбросаннаго изученія каждой грамматики въ отдѣльности, съ разными иностранными терминами, изучается въ сущности одна общая, вся основанная лишь на *разборъ* сходства и различія между нѣкоторыми правилами.

Конечно, при изученіи дѣтьми каждаго языка и грамматики, преподаваніе должно идти, по возможности, сжато и обходиться тоже, по возможности, безъ исключеній, которыя только загромождаютъ память. Съ годами, въ старшемъ возрастѣ, всѣ эти исключенія совершенно свободно усвоятся практикою, т.-е. чтеніемъ, переводами, переложеніями и проч.

Главное—не нужно сразу объяснять нѣсколько правилъ. При такомъ методѣ преподаваніе и такъ очень упрощается и сокращается. По моему личному опыту, я убѣдилась, сколько времени сберегала я такимъ преподаваніемъ и, такимъ образомъ, могла обращать больше вниманія на практическое изученіе языковъ: диктантъ, переводы, рассказы...

Для болѣе успѣшнаго усвоенія лексическаго матеріала, кромѣ чтенія и переводовъ съ иностраннаго, я упражняла въ дѣтяхъ способность образовывать изъ корней словъ разныя части рѣчи. Къ сожалѣнію, у насъ на это обращаютъ мало вниманія. Даже въ своей отечественной грамматикѣ дѣти съ трудомъ и многіе очень не бойко образуютъ слова изъ корней. Между тѣмъ это имѣетъ большое развивающее значеніе. Такимъ образомъ ребенокъ учитъ эти слова не врозь по параграфамъ, а сразу: мало того, онъ пріучается такимъ образомъ производить слова самостоятельно, чѣмъ сокращается время и трудъ въ пріобрѣтеніи ихъ. Точно также полезно пріучить дѣтей образовывать съ помощью предлоговъ различныя части рѣчи и т. д.

Рѣшившись написать эту статью, я, конечно, сознавала, что ничего новаго, полнаго и законченнаго я не дамъ. Я лишь хотѣла подѣлиться моими наблюденіями и практическими результатами. Мнѣ приходилось шагъ за шагомъ бороться и идти часто оцупью, и написанная статья есть результатъ семнадцати лѣтъ работы. Не скажу

также, чтобы мнѣ приходилось заниматься съ множествомъ учениковъ: у меня ихъ было не особенно много. Но за-то всѣ они были признаны неспособными. По большей части это были тѣ несчастныя дѣти, которыя никогда не получаютъ больше единицы или двойки и которыя въ концѣ-концовъ изгоняются изъ школъ. Это были дѣти забитыя, усталыя, потерявшія вѣру въ себя и, что всего хуже, въ своихъ преподавателей. Прибавлю еще то, что мои ученики были изъ разныхъ учебныхъ заведеній: кадеты, классики, реалисты, гимназистки. Всѣ они, пробывъ по нѣскольку лѣтъ въ школѣ, ровно ничего не знали. Мало того, многіе прямо ненавидѣли иностранныя языки и считали ихъ недоступными для себя по трудности. Несмотря на это, результаты моихъ трудовъ были настолько успѣшны, что я рѣшилась написать эту статью. Въ общемъ, изъ всего выше изложеннаго можно вывести слѣдующее:

1) Преподаваніе новыхъ языковъ должно опираться на способности развивающагося мышленія человѣка, т.-е. не нужно подавлять сознаніе сходства и различія, а, напротивъ, постоянно прибѣгать къ нему, развивать его и заставлять запоминать дѣтей только то, что ими ясно понято, разобрано, ассоціировано. А изъ этого слѣдуетъ, что 2) должна быть составлена одна общая параллельная грамматика (соотвѣтствующая мышленію дѣтей), какъ руководство для учителей. *Учителя должны быть русскіе* или-же если и иностранцы, то знающіе основательно русскій языкъ. Тогда только можно ожидать, что дѣти, учащіяся въ школахъ, дѣйствительно будутъ знать то, что имъ тамъ преподаютъ.

М. Колоколова.

Успѣхи современнаго обученія глухонѣмыхъ.

Не такъ давно, на памяти многихъ, учили читать по складамъ, употребляя такъ много времени на бессмысленное заучиванье никому ненужныхъ «складовъ»: буки + азъ = ба, вѣди + азъ = ва; потомъ вра, дра; потомъ, уже гораздо позднѣе, перешли къ бе + а = ба, ве + а = ва, ве + еръ + а = вра. Это послѣднее было шагомъ впередъ, но очень небольшимъ: уменьшена была только работа языку. «Корень ученія горекъ», «Наука—мука»—были излюбленныя и правдивыя пословицы. Дѣйствительно, въ обученіи преобладали механическіе приемы, т.-е. повросту говоря, царствовала «зубрежка». Обучавшійся чтенію ребенокъ «сидѣлъ» годъ, часто два на «складахъ», отъ бессознательнаго ученія притуплялся мозгъ. Далеко не всякій постигалъ тайну чтенія по складамъ. Задачи школы были крайне узки: механическое чтеніе, четыре правила ариметики. Прошло двадцать съ небольшимъ лѣтъ, и картина совершенно измѣнилась. Современное обученіе «чтенію-письму» (раньше учили особо письму) это—чудо въ сравненіи съ результатами прежняго обученія. При господствующемъ во всѣхъ школахъ въ настоящее время «звукowymъ» методѣ обученія въ шесть мѣсяцевъ ребенокъ восьми лѣтъ научается безъ запинокъ, плавно,—хоть и медленно,—читать по любой книжкѣ. Есть и въ этой области, кстати сказать, фокусники, которые берутся обучить въ гораздо болѣе скорый срокъ; но это, какъ и вездѣ въ подсобныхъ случаяхъ, бываетъ или поддѣльно, или непрочно. Выгода во времени теперь уходитъ въ «объяснительное чтеніе», при которомъ ребенокъ научается сознательно относиться къ читаемому, почерпаетъ много необходимыхъ свѣдѣній о природѣ, людяхъ, научается понимать различные обороты рѣчи, правильно писать. Между ребенкомъ, окончившимъ трехъ-лѣтній курсъ современной начальной школы и таковымъ-же, учившимся лѣтъ 30 назадъ, пѣлая пропасть. Въ настоящее время школа не безосновательно ставитъ себѣ высокую задачу: научить сознательно пользоваться книгой. О такой задачѣ тридцать лѣтъ назадъ, конечно, и не помышляли.

Но особенно разительно выдѣляются успѣхи обученія ненормальныхъ дѣтей: слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Это—успѣхи прямо послѣднихъ двенадцатилѣтій. Не смотря на кажущееся противорѣчіе, надо признать, познакомившись съ умственной жизнью и слѣпыхъ, и глухонѣмыхъ, что лучше родиться слѣпымъ, чѣмъ глухонѣмымъ. Правда, физически слѣпые всегда слабѣе глухонѣмыхъ, но духовная жизнь послѣднихъ, даже при тщательномъ обученіи ихъ, очень слаба. Причина—отсутствіе рѣчи. Мысль другого лица глухонѣмой воспринимаетъ грубо, объ отдаленныхъ предметахъ онъ или совсѣмъ не имѣетъ понятія, или очень слабое. Обиѣнъ мысли при помощи знаковъ, мимики годится только въ тѣсномъ кругу, гдѣ глухонѣмой по одному намеку понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Воспринимать отвлеченныя понятія онъ не въ силахъ. Не то слѣпой: онъ можетъ говорить, а значитъ, непосредственно передавать свои мысли кому угодно; онъ слышитъ, а значитъ, можетъ понимать кого угодно. Правда, онъ не представляетъ себѣ цвѣтовъ и свѣта и тѣни, но вѣдь и глухонѣмому чуждъ цѣлый громадный міръ звуковъ. Что такое громко, тихо, шопотъ, шумъ, пѣніе—онъ не представляетъ, если только родился глухонѣмымъ. У него нѣтъ рѣчи—этого могущественнаго и незамѣнимаго орудія рѣчи, который не данъ и животному, но которое понимаетъ жесты—угрозу (если погрозить пальцемъ), приманку (если хлопать по ляжкѣ рукой) и т. п.

Скромная, но могучая «педагогія» и здѣсь пришла на помощь. Какъ это ни странно покажется незнающему, но уже дѣтъ 12 прошло, какъ и у насъ, въ Россіи, существуетъ обученіе глухонѣмыхъ устной рѣчи (иначе—разговору). Наука вернула мертвого члена въ общество людей, давъ ему рѣчь. Самъ не слыша своего голоса, глухонѣмой можетъ сказать все, что ему угодно. Значитъ, не нуждаясь въ знакахъ, мимикѣ, которую можетъ понимать только привыкшій, глухонѣмой передаетъ свою мысль кому угодно словами. Мало того, онъ, будучи лишень слуха, чего уже нельзя вернуть, можетъ понимать чужую разговорную рѣчь, переданную ему уже устно, а не письменно. Дадимъ нѣсколько объясненій, какихъ именно глухонѣмыхъ мы разумѣемъ. Часто въ повседневной жизни глухимъ называютъ тугого на ухо. Это не то. Такой глухой, хотя-бы при помощи слуховой трубы, можетъ понимать чужую рѣчь. Его обучить можно точно такъ-же, какъ и нормальнаго человѣка. Нѣмой, но слышанцій, тоже не составляетъ исключенія: его обучаютъ, какъ и нормальнаго. Онъ слышитъ и, значитъ, можетъ непосредственно понимать другое лицо. Мы говоримъ о такихъ нѣмыхъ, которые условно глухи, т.-е. такъ, что не услышатъ и пушечной пальбы. Они могутъ только *чувствовать* сильный звукъ и оборачиваться на него.

Они чувствуютъ въ такомъ случаѣ сотрясеніе воздуха, являющагося причиной звука. Но это—не слухъ. У «настоящаго» глухонѣмого нервъ, проводящій слуховыя ощущенія, парализованъ.

Глухонѣмой не говоритъ не потому, что у него не дѣйствуютъ органы рѣчи (языкъ, гортань, губы, зубы...) или они парализованы, а потому, что онъ глухъ: онъ не слышитъ и вслѣдствіе этого не производитъ звуковъ человѣческой рѣчи; безсвязные-же звуки, характерное мычанье глухонѣмого ясно показываютъ, что всѣ средства для рѣчи у него есть. Бывали единичные случаи, когда при абсолютной глухотѣ случалась парализація какого-либо органа рѣчи, что встрѣчается и у слышащихъ людей.

Итакъ, нѣмота есть (въ громадномъ большинствѣ случаевъ) послѣдствіе глухоты.

Открытіе секрета рѣчи, — основательное и точное изученіе ея механизма, — принесло обездоленнымъ судьбой глухонѣмымъ большое счастье. Наука изучила этотъ неуловимый механизмъ, и оставалось только на практикѣ примѣнить къ обученію глухонѣмыхъ.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности, необходимыя для уясненія сути дѣла.

Каждый произносимый нами звукъ рѣчи имѣетъ свой опредѣленный механизмъ (артикуляцію). Напр., для того, чтобы произнести звукъ *и*, мы смыкаемъ губы и носовой выходъ, и, собравъ нужный запасъ воздуха, выпираемъ его черезъ губное отверстіе рта, оказывая сопротивленіе струѣ воздуха, но не чрезмѣрное, а такое, чтобы воздухъ въ концѣ концовъ взрывчато, за одинъ пріемъ, былъ вытолкнутъ черезъ губы. Мы можемъ искусственно получить звукъ *и*, имѣя заторъ для воздуха и мягкое, но достаточно упругое смычное отверстіе (напр., изъ каучука). Вышеприведеннаго примѣра достаточно для того, чтобы понять, что можно показать *для глаза* и для ощущенія какъ именно производится звукъ. Слѣдовательно, и глухонѣмому, не могущему слышать, можно *показать* звукъ, не нуждаясь въ слухѣ обучаемаго.

Такимъ образомъ, глухонѣмого научаютъ произносить всѣ звуки врозь, затѣмъ и слитно, т.-е. научаютъ его говорить. Вмѣстѣ же съ этимъ глухонѣмой учится и *видѣть* звуки у другихъ, смотря на губы говорящаго съ нимъ, на его личные мускулы (которые слабо-уловимо мѣняются при произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ), носъ, языкъ, горло.

Само собой разумѣется, что это дѣло очень кропотливое, требующее со стороны обучающаго специальныхъ знаній и большого терпѣнія.

При конечномъ результатѣ «устнаго метода обученія глухонѣмыхъ» получается слѣдующее: глухой и нѣмой отъ рожденія послѣ известнаго курса обученія можетъ вслухъ читать любую книгу или

рукопись и говорить понятно для окружающихъ (само собою разумѣется, соответственно запасу словъ), а также—понимать слова и рѣчь, произносимую другимъ лицомъ, при непремѣнномъ, однако, условіи—видѣть губы собесѣдника. Недостатокъ устной рѣчи глухонѣмыхъ состоитъ въ нѣсколько неприятномъ сухомъ и какъ будто металлическомъ оттѣнкѣ звуковъ и ясно слышимомъ отчеканиваніи ихъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ нѣсколько понимать рѣчь глухонѣмого.

Въ Россіи введенъ устный методъ обученія глухонѣмыхъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ глухонѣмыхъ, Вѣдомства, учрежденій Императрицы Маріи, при директорѣ этого училища, извѣстномъ педагогѣ В. Д. Сиповскомъ, авторѣ «Родной Старины», нынѣ покойномъ, гдѣ уже двѣнадцать тому назадъ. Старый «мимическій» методъ хотя и остается, но понятно, всѣ преимущества на сторонѣ устнаго, который современемъ вытѣснитъ собой всѣ другіе до него существовавшіе методы.

Намъ извѣстны еще два училища—Московское и Варшавское, гдѣ съ успѣхомъ примѣняется устный методъ. Кстати сказать, изученіе механизма рѣчи можетъ основательно помочь при исправленіи механическихъ пороковъ рѣчи и у слышащихъ людей. Какъ стѣсняеть, а часто и вредитъ сюсюканье, шепелянье, укаканье, картавость и т. п. пороки, которые зависятъ отъ неумѣнья владѣть органами рѣчи. Причины нервныя,—какъ, напр., заиканье въ большинствѣ случаевъ,—можетъ лечить только врачъ; но вышеупомянутые механическіе пороки могутъ быть исправлены окончательно рядомъ плѣсообразныхъ упражненій подъ руководствомъ изучившаго механизмъ рѣчи. Легче всего это исправлять у дѣтей, у которыхъ еще не загрубѣли органы рѣчи. Намъ приходилось видѣть такіе результаты, гдѣ, напр., взрослый человѣкъ, «сюсюкавшій» всю жизнь, черезъ три сеанса, къ крайнему своему изумленію, совершенно освобожденъ отъ столь стѣснявшаго его порока рѣчи; или барыня, всегда произносившая *л* вмѣсто *р* и стѣснявшаяся дать расправляться у себя во рту сипателемъ, получая, однако, указанія словесно, а дома одна производя упражненія, черезъ мѣсяцъ стала произносить *р* такъ, какъ будто восприняла его съ колыбели.

С. Сидоровъ.

Организація книжної помощи народнымъ учителямъ.

(Окончаніе).

Въ интересахъ болѣе полного удовлетворенія потребности учащихся въ матеріалѣ для чтенія, полезно, конечно, считается и съ мнѣніями самихъ учителей народной школы. Въ виду этого желательно, безъ сомнѣнія, чтобы организація снабженія учителей книгами допускала возможность со стороны учителя, во многихъ случаяхъ могущаго и самостоятельно выбрать книгу, дѣлать заявленія о приобрѣтеніи бібліотекой того или другого нужнаго ему изданія. Можно, на примѣръ, предоставить учительскому персоналу извѣстнаго бібліотечнаго района указывать, какіе именно журналы желательно-бы получать, или какія новыя книги приобрѣсти въ соответствующемъ филиальномъ отдѣленіи на данный учебный годъ. Народныя бібліотеки-читальни—и тѣ имѣютъ обыкновенно особыя книги для записи «заявленій» публики о желаніи видѣть въ бібліотекѣ ту или другую книгу. Тѣмъ болѣе необходимо идти на встрѣчу сознательной потребности интеллигентнаго читателя, какимъ, безъ сомнѣнія, является народный учитель.

Въ ряду постановленій земскихъ собраній объ «учительскихъ бібліотекахъ» наиболѣе симпатичнымъ является недавнее постановленіе владимірскаго губернскаго земскаго собранія. Владимірское земство устраиваетъ 13 «передвижныхъ» учительскихъ бібліотекъ, по одной на уѣздъ. Каждая бібліотека состоитъ изъ 10 частей, распределяемыхъ по уѣзду въ различныхъ пунктахъ, наиболѣе удобныхъ для сношенія съ абонентами. По заранѣе выработанному плану, эти пункты мѣняются своими книгами. Перемѣщеніе бібліотекъ предполагается производить два раза въ годъ: весною, по окончаніи экзаменовъ, и въ срокъ 15—20-го декабря.

Интересенъ, конечно, и опытъ Нижегородскаго Общества грамотности, которое задалось цѣлью устраивать еще особый типъ бібліотекъ, которыя предназначаются вѣстѣ для учителей и народа. Бібліотеки эти передвижныя. Каждая такая бібліотека со-

стоитъ изъ четырехъ частей, распреѣленныхъ въ четырехъ различныхъ пунктахъ; по истеченіи нѣкотораго срока эти пункты мѣняются своими книгами. Одна изъ подобныхъ библиотекъ экспонировалась Обществомъ на Нижегородской выставкѣ.

Что касается до помощи учителямъ городскихъ начальныхъ школъ, то, разумѣется, огромному большинству нашихъ городовъ не подѣ силу учрежденіе спеціальныхъ «учительскихъ», хорошо организованныхъ библиотекъ. Да, надо замѣтить, города съ этимъ вопросомъ и не торопятся. Даже въ Москвѣ, въ которой, кажется, могли-бы найтись и средства на такое важное дѣло, какъ обезпеченіе книгами учащихся въ начальныхъ школахъ, и гдѣ нѣтъ недостатка въ лицахъ, сознающихъ нужду учителя въ средствахъ для самообразованія, до сихъ поръ нѣтъ еще «учительской библиотеки». Впрочемъ, вопросъ о ней поднимался еще въ 1891 году; проектъ объ открытіи библиотеки былъ встрѣченъ городской Думой сочувственно и ассигновано на открытіе ея 1.000 р.; но ужъ Богъ вѣдаетъ, почему она и до сихъ поръ еще не открыта. Москвѣ зазорно-бы въ этомъ случаѣ отставать отъ Петербурга; въ послѣднемъ «учительская библиотека» существуетъ уже около 15-ти лѣтъ. Роль городовъ, особенно тѣхъ, бюджеты которыхъ весьма ограничены, полагаемъ, должна выражаться главнымъ образомъ въ субсидированіи учительскихъ библиотекъ, содержимыхъ на средства земства. Такая субсидія обуславливала-бы для преподавателей училищъ, содержимыхъ на средства города, возможность пользоваться книгами изъ библиотеки наравнѣ съ учителями земскихъ школъ.

Отчего-бы также не войти съ ходатайствомъ въ подлежащія учрежденія о дозволеніи городскимъ начальнымъ учителямъ пользоваться книгами изъ фундаментальныхъ библиотекъ городскихъ по Положенію 1872 года училищъ, тѣмъ болѣе, что начальныя городскія школы часто являются въ роли пригготовительныхъ классовъ городскихъ училищъ. Во многихъ случаяхъ такія библиотеки, особенно въ четырехклассныхъ городскихъ училищахъ, довольно содержательны. Въ фундаментальной библиотекѣ Горбатовскаго (Нижег. губ.) городского училища, напримѣръ, кромѣ большинства русскихъ классиковъ и сочиненій особенно выдающихся иностранныхъ писателей, имѣется не мало пособій по различнымъ предметамъ курса, есть и педагогическія сочиненія, методическія руководства по преподаванію, выписываются 12 періодическихъ изданій (въ томъ числѣ всѣ лучшіе педагогическіе и дѣтскіе журналы); постановлено выписать даже такое цѣнное изданіе, какъ большой «Энциклопедическій Словаръ» Брокгауза и Ефрона. Небольшое пособие фундаментальной библиотекѣ со стороны города послужило-бы къ обоюдной выгодѣ какъ самой

библіотекъ, такъ и учителямъ начальныхъ городскихъ школъ, да было-бы и въ прямыхъ интересахъ города.

Кромѣ того, городскія управленія могутъ входить въ соглашеніе съ имѣющимися въ городѣ общественными, частными, клубскими или иными какими-либо бібліотеками, чтобы послѣднія за опредѣленную субсидію или какую-нибудь льготу со стороны города открывались для безвозмезднаго пользованія учителей мѣстныхъ начальныхъ училищъ. Большой, конечно, признательности заслуживаютъ тѣ городскія общественныя или иныя бібліотеки, которыя начальныхъ учителей объявляютъ своими бесплатными абонентами. Такъ, въ г. Романово-Борисоглѣбскѣ (Яросл. губ.) учителя начальныхъ городскихъ училищъ безвозмездно пользуются книгами изъ мѣстной общественной бібліотеки.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на существенную помощь, которую могутъ оказать разсматриваемому нами дѣлу общественныя и частныя бібліотеки, доступъ учителей въ специальную «учительскую» бібліотеку, земскую или городского училища, является наиболѣе желательнымъ. Такая бібліотека, кромѣ общеобразовательнаго матеріала, необходимо включаетъ въ свой каталогъ и болѣе или менѣе широкій специальный педагогическій отдѣлъ, пользованіе которымъ такъ важно для учителя.

Далѣе желательно, чтобы на ряду съ земствомъ и городами на помощь удовлетворенія потребности учителя въ самообразованіи выступили и тѣ Общества, которыя взяли на себя благую цѣль тѣми или иными средствами содѣйствовать просвѣщенію народа и чтобы тѣ изъ нихъ, которыя уже обратили вниманіе на удовлетвореніе духовныхъ запросовъ учителя, расширили свою дѣятельность въ этомъ отношеніи. Роль этихъ просвѣтительныхъ Обществъ отчасти указана уже нами выше. Здѣсь мы хотѣли-бы только указать еще на одну сторону вопроса, въ которой помощь указанныхъ учрежденій была-бы незамѣнима: хорошо-бы изыскать средства для льготнаго приобрѣтенія въ собственность книгъ народными учителями. Молодое педагогическое Общество при Московскомъ университетѣ сдѣлало уже добрый починъ въ этомъ отношеніи. Въ девятомъ засѣданіи Общества разсматривалось, между прочимъ, предложеніе состоящей при Обществѣ комиссіи по снабженію книгами лицъ, занимающихся учебною дѣятельностью, объ устройствѣ дѣла снабженія. Приобрѣтеніе книгъ въ провинціи связано съ большими неудобствами, такъ какъ мѣстные книжныя магазины снабжены книгами обыкновенно слабо, а выписывать книги изъ столицъ для отдѣльныхъ лицъ хлопотливо. Комиссія предложила свое посредничество между большими книжными складами съ одной стороны и членами педагогическаго Обще-

ства—съ другой, доставляя послѣднимъ книга съ тою скидкою, какою будетъ пользоваться сама комиссія, за вычетомъ лишь процента, необходимаго на веденіе дѣла. Предложеніе было принято Обществомъ. Было-бы очень отрадно, если-бы примѣръ педагогическаго Общества вызвалъ себѣ подражаніе и въ другихъ Обществахъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать школьному дѣлу въ Россіи; было-бы еще отраднѣе, если-бы содѣйствіе Обществъ въ отношеніи льготной покупки книгъ не ограничивалось одними только членами, но распространялось на всѣхъ учащихся вообще.

Думается намъ, что попытки народныхъ учителей къ самообразованію значительно выиграли-бы въ своей продуктивности, когда-бы какое-вибудь просвѣтительное Общество, на подобіе «Коммисіи домашнихъ чтеній», взяло на себя трудную, но зят-то и весьма полезную задачу руководить самообразованиемъ заброшеннаго въ глухой медвѣжій уголокъ народнаго учителя. Настоятельная нужда въ подобномъ Обществѣ, надо думать, необходимо вызоветъ появленіе его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ, конечно, лучше. Что-же касается самихъ народныхъ учителей, то они, безъ сомнѣнія, съ глубокой признательностью примутъ подобное содѣйствіе въ удовлетвореніи одной изъ насущнѣйшихъ своихъ духовныхъ потребностей—жаждѣ знанія.

Выше нами указывалось, что земскія «учительскія» бібліотеки съ большимъ успѣхомъ могутъ быть замѣняемы бібліотеками для «всѣхъ земскихъ служащихъ», что, въ видахъ обезпеченія учителей книгами, земства и города могутъ входить въ соглашеніе съ имѣющимися уже въ уѣздахъ бібліотеками частными, клубскими, различныхъ Обществъ и т. д. Такой порядокъ въ одномъ отношеніи имѣетъ даже огромное преимущество передъ устройствомъ специально «учительскихъ» бібліотекъ. Дѣйствительно, каталогъ «учительскихъ бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ» весьма ограниченъ: въ него входятъ лишь изданія, допущенныя къ обращенію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, въ народныхъ бібліотекахъ-читальняхъ и въ ученическихъ бібліотекахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, міросозерцаніе и духовные запросы учителя приравняются къ таковымъ-же школьника, едва грамотнаго крестьянина и гимназиста. Учитель чуть не совсѣмъ выключается изъ круга взрослыхъ развитыхъ читателей: чего добраго, онъ ихъ скомпрометируетъ или, еще того хуже, высокая умственная пища, позволительная для другихъ, послужитъ ко вреду самому учителю!.. Какъ это ни больно, а многіе думаютъ именно такъ. Однако Богъ не безъ милости, и есть на Руси лица и учрежденія, которыя позволяютъ себѣ понимать этотъ вопросъ иначе. Воронежское очередное губернскае собраніе 17-го декабря 1896 г. сдѣлало

слѣдующее постановленіе: «Для снабженія учителей начальныхъ школъ книгами для чтенія и образованія устраиваются библіотеки при уѣздныхъ управахъ, или-же это дѣло поручается уже существующимъ въ уѣздѣ частнымъ, общественнымъ (клубскимъ и т. п.), земскимъ и инымъ библіотекамъ». Воронежское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, согласно протесту губернатора, отмѣнило это постановленіе земскаго собранія. Мотивъ для отмѣны такого постановленія губернскимъ присутствіемъ усмотрѣнъ былъ въ противорѣчій постановленія собранія съ § 19 Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 г. инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, въ которомъ говорится объ устройствѣ учительскихъ библіотекъ при школахъ. Воронежское губернское земство однако обжаловало такое рѣшеніе дѣла въ Правительствующій Сенатъ, и послѣдній въ 1898 г. отмѣнилъ постановленіе губернскаго присутствія, разъяснивъ, что на земскія учрежденія возложено попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, что въ законѣ въ то-же время не указано какихъ-либо ограниченій объ устройствѣ библіотекъ или книгохранилищъ, имѣющихъ въ виду удовлетворять умственные запросы народныхъ учителей и учительницъ. Важное принципиальное значеніе такого рѣшенія вопроса очевидно само собою.

Весьма желательно также учрежденіе учительскихъ библіотекъ при «Обществахъ попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ начальныхъ школахъ», гдѣ таковыя Общества имѣются или могутъ возникнуть. Въ этомъ случаѣ примѣръ Московскаго Общества, дѣйствующаго на основаніи устава, утвержденаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, весьма важенъ. Всѣ остальные Общества въ своей дѣятельности руководствуются «нормальнымъ» уставомъ, утвержденнымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Уставъ Московскаго Общества вводитъ способы помощи, не предусмотрѣнные «нормальнымъ» уставомъ; въ то время какъ послѣднимъ попеченіе ограничивается одною лишь матеріальной помощью, § 2 устава Московскаго Общества предоставляетъ ему «устройство для учащихся библіотеки, музея и проч.». Указанный § имѣетъ примѣчаніе, гласящее слѣдующее: «Открытіе и дальнѣйшее существованіе библіотеки обуславливается Высочайше утвержденными 5-го января 1884 г. правилами объ открытіи и содержаніи публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія». Такимъ образомъ, библіотекѣ Общества предоставляется право «держатъ у себя и давать для чтенія всѣ не запрещенныя изданія, печатаемыя въ Россіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранномъ языкахъ, всѣ тѣ книги, которыя не значатся въ общемъ каталогѣ запрещенныхъ книгъ (Уст. о ценз. и печати, изд. 1890 г., ст. 179). Въ частности всѣ періодическія

изданія, виходяція въ Россіи, безпрепятственно могутъ выписываться въ бібліотеку.

Въ ряду желательныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ снабженія учащихся матеріаломъ для чтенія слѣдуетъ, намъ кажется, упомянуть также указанное въ прекрасномъ изданіи «Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ въ 1896 году, Отчетъ завѣдывающаго XIV отдѣломъ Е. Ковалевскаго», представляющемъ цѣлую программу улучшеній въ постановкѣ образованія въ Россіи: «Для помѣщенія текущихъ статистическихъ свѣдѣній, узаконеній и распоряженій правительства и всякаго рода сообщеній и статей по народному образованію желательно было-бы основаніе при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія журнала по народному образованію, доступнаго и интереснаго для учителей низшихъ учебныхъ заведеній». Мнѣніе такого компетентнаго лица, какъ г. Ковалевскій, да еще подкрѣпленное мнѣніями другихъ педагоговъ и дѣятелей по народному образованію, принимавшихъ участіе въ составленіи «Отчета», само говоритъ за себя.

Однако, какъ ни важны всѣ перечисленныя мѣропріятія, больше всего желательно развитіе въ обществѣ сознанія высокой полезности и необходимости учительскаго труда, какъ прогрессивно-цивилизующаго фактора, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанія, что продуктивность этого благотворнаго труда находится въ прямой зависимости отъ качества самого учителя, высоты его духа, стройности и цѣлостности міровоззрѣнія.

Заканчивая нашу статью, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь золотыя слова профессора Ге въ Лозаннѣ: «Безъ учителей не можетъ быть школъ, а безъ хорошихъ учителей не можетъ быть хорошихъ школъ. Росчеркомъ пера можно открыть много школъ, но онѣ сдѣлаются очагами нравственнаго воспитанія лишь тогда, когда въ нихъ будутъ учить люди, стоящіе на высотѣ своего призванія. Преподаваніе не можетъ улучшиться, если не улучшится образованіе учителей. Самые либеральные законы, самыя великолѣпныя программы ничего не сдѣлаютъ, если не будетъ хорошо подготовленныхъ учителей. Качество преподаванія зависитъ отъ развитія учительскаго персонала. Слѣдовательно, самое важное дѣло школьной организаціи—подготовка высокообразованныхъ учителей».

Когда общество глубоко проникнется такими идеями, скорѣе найдутся и средства помочь обездоленному учителю въ его духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ.

Михаиль Новиковъ.

Насущный вопросъ въ области народнаго образованія.

Всякій, кто близко изучалъ постановку у насъ дѣла такъ называемаго начальнаго народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ просвѣщенія народной среды, не могъ не замѣтить, что постановка имѣеть свои недостатки. Уже самое названіе *начальное народное образованіе*, т. е. образованіе, *исключительно* прижѣнимое для народной массы, говоритъ само за себя. Въ самомъ дѣлѣ, когда рѣчь идетъ объ образованіи населенія, во вниманіе принимается *только* начальное обученіе, какъ будто составляющее альфу и омегу его умственныхъ запросовъ. И «начальная народная школа» поставлена такъ, что она составляетъ нѣчто совершенно законченное, своего рода университетъ, изъ котораго дальше нѣтъ уже хода: въ «начальной народной школѣ» начинается и заканчивается *все* образованіе, оно не связано ни съ какими учебными заведеніями для тѣхъ, которые окончили курсъ въ ней, и потому безъ солидной подготовки изъ нея никуда не поступишь. Принимая-же во вниманіе, что, при наилучшихъ условіяхъ, «начальная народная школа» выпускаетъ лишь еле грамотныхъ, роль ея совершенно ничтожна и *сама по себѣ* она оказывается очень слабою въ борьбѣ съ невѣроятнымъ мракомъ и невѣжествомъ нашего населенія. Отсюда, повидимому, вытекаетъ, что слѣдуетъ поднять уровень школы, расширить ея программу, связавъ до извѣстной степени послѣднюю съ программами выше стоящихъ учебныхъ заведеній. Несомнѣнно, такого рода реформа начальной школы была-бы благодѣтельна, но въ концѣ, концовъ и такая школа сулила-бы очень мало, если-бы она не сопровождалась возможностью для населенія широкаго пользованія книгами и публичными народными чтеніями.

Дѣйствительно, присмотритесь нетолько къ полуграмотному сельскому школьнику, но даже къ гимназисту, болѣе того — къ студенту, которые питаются исключительно пищею учебнаго заведенія. Нерѣдко «блестящіе», «первые» ученики среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, пренебрегающіе чтеніемъ книгъ, помимо учебныхъ,

представляютъ собою въ смыслѣ умственнаго развитія такихъ жалкихъ субъектовъ, что по окончаніи ими курса учебныхъ заведеній лишь по аттестату узнаешь, что кто окончилъ курсъ гимназіи или даже университета,—такое изъ собесѣдованія съ ними получается впечатлѣніе умственнаго убожества и невѣроятно узкаго кругозора ихъ.

Если сплешь и рядомъ встрѣчаешь подобнаго рода господъ изъ воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, то что-же остается сказать объ окончившихъ курсъ въ начальной народной школѣ? На это могутъ отвѣтить, что никто не отрицаетъ важности устройства библиотекъ, организаціи народныхъ чтеній и т. д. Это совершенно справедливо, но фактическія данныя, въ общемъ, не соответствуютъ такому отвѣту.

Изъ «статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ», изданныхъ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1898 году *), мы видимъ слѣдующее:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число училищъ (начальныхъ) М. П. Пр.	Число народн. читаленъ по правиламъ 15 мая 1890 г.	Народныхъ чтеній въ пунктахъ.
С.-Петербургскій.....	2.283	81	227
Московскій.....	6.496	Свѣдѣній не имѣется (?)	
Харьковскій.....	3.527	108	157
Кіевскій.....	2.575	57	10
Одесскій.....	2.591	36	148
Казанскій.....	3.346	127	124
Оренбургскій.....	1.411	172	119
Виленскій.....	1.672	252	704
Варшавскій.....	3.026	7	318
Рижскій.....	2.690	28	5.
Кавказскій.....	1.125	18	12
Западно-Сибирскій.....	139	111	8
Восточно-Сибирскій.....	200	—	3
Туркестанскій.....	105	—	—
Приамурскій.....	408	—	—
Итого.....	32.593	997	1.835

Отсюда мы видимъ, что количество школъ громадно сравнительно съ числомъ народныхъ читаленъ и пунктовъ, въ которыхъ происходятъ народныя чтенія. Отсутствие свѣдѣній о Московскомъ учебномъ округѣ, конечно, мало измѣняетъ суть дѣла.

*) Къ слову сказать, въ данныхъ этихъ не мало ошибокъ въ подсчетѣ и разнорѣчивыхъ данныхъ по однимъ и тѣмъ-же предметамъ, и мы пользуемся ими лишь для нѣкотораго представленія по интересующему насъ вопросу.

Если мы возьмемъ однѣ земскія губерніи, картина не особенно измѣняется.

Земскія губерніи округовъ.	Число училищъ (начальныхъ) М. Н. Пр.	Число народн. читаленъ по правиламъ 15 мая 1890 г.	Народныхъ чтеній въ пунктахъ.
5 губ. С.-Петербургскаго округа	2.182	61	221
11 » Московскаго »	6.496	Нѣтъ свѣдѣній (?)	
5 » Харьковскаго »	2.952	105	152
2 » Кіевскаго »	1.420	48	10
4 » Одесскаго »	2.591	36	148
5 » Казанскаго »	3.214	127	109
2 » Оренбургскаго »	1.186	13	15
Итого »	20.041	390	655

Полагаемъ, что и въ земскихъ губерніяхъ число школъ, сравнительно съ количествомъ читаленъ и пунктами, гдѣ устраиваются народныя чтенія, не требуетъ особыхъ комментаріевъ.

Въ общемъ мы видимъ, что не только каждая школа не сопровождается читальнею и народными чтеніями, но послѣднія составляютъ скорѣе исключеніе, нежели общее правило.

Интересно, что въ просвѣтительныхъ стремленіяхъ русская общественная мысль лишь за самое послѣднее время обратила вниманіе на этотъ существеннѣйшій пробѣлъ, безъ котораго, какъ мы уже говорили, совершенно невозможно достигнуть мало-мальски сносныхъ результатовъ въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ. Въ то время, какъ относительно необходимости открытія начальныхъ училищъ заговорили уже тотчасъ по освобожденіи крестьянъ, въ 1861 г. вопросъ о доставленіи чтенія населенію возникаетъ только въ 80-хъ годахъ. Ясно, что не было еще сознанія безусловной необходимости сопровождать школу читальнею. Только съ 1894 года замѣтно назрѣваетъ мысль о распространеніи читаленъ. Горячимъ пионеромъ въ этомъ дѣлѣ явился, какъ извѣстно, бывший С.-Петербургскій Комитетъ грамотности. Въ собраніи 14-го декабря 1893 г. было принято рѣшеніе объ открытіи сбора пожертвованій на устройство 100 бесплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, на сумму въ 25.000 р. Въ іюнь 1894 г. Совѣтъ Комитета разослалъ на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній особый докладъ съ изложеніемъ условий содѣйствія открытію народныхъ библіотекъ. Многія уѣздныя земства воспользовались этимъ предложеніемъ, ассигнуя извѣстныя суммы; къ уѣзднымъ земствамъ въ этомъ вопросѣ стали присоединяться и сельскія общества. Въ 1895 и 1896 гг. въ дѣлѣ устройства народныхъ библіотекъ приняли участіе и губернскія земства, напр., саратовское, смоленское, новгородское (ассигновавшее 11.000 р.), пензен-

ское (3.600 р.), костромское (3.000 р.), черниговское, ассигнованшее 60.000 руб. на 4 года, пермское, вятское, херсонское и др. Наибольшее развитіе народныя библіотеки получили въ сѣверо-восточной и южной Россіи, наименѣе—въ средней. Результатъ открытаго С.-Петербургскимъ Комитетомъ сбора превзошелъ ожиданія: вмѣсто 25.000 руб., въ распоряженіи Совѣта 31-го декабря 1895 г. поступило 34.641 руб. *). На-ряду съ бывшимъ Комитетомъ грамотности работаетъ Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности, открывшее по настоящее время до 200 библіотекъ. При Харьковскомъ Обществѣ существуетъ особый комитетъ по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ. Этому комитету харьковское губернское земство въ 1898 г. ассигновало 11.500 руб., а въ 1899 г.—12.000 руб. Въ 1892 г. возникла коммиссія по устройству библіотекъ и читаленъ въ Москвѣ при Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, а также этимъ занимаются Московскій Комитетъ грамотности, въ Одессѣ—Славянское благотворительное Общество, въ С.-Петербургѣ—Невское Общество.

Но всего этого для громадной Россіи совершенно недостаточно. По нашему мнѣнію, *каждая вновь открытая школа должна влечь за собою учрежденіе библіотеки-читальни въ данномъ селеніи и организацию народныхъ чтеній*, въ противномъ случаѣ роль школы низводится къ нулю.

Громадную роль въ этомъ случаѣ можетъ оказать частная инициатива, что доказалъ бывший С.-Петербургскій Комитетъ и Харьковское Общество грамотности, о которомъ мы скажемъ ниже; тамъ же, гдѣ общественная дѣятельность недостаточно развита, намъ думается, на сцену должно выступить земство и съ такою-же энергіею открывать народныя библіотеки-читальни, какъ открываются школы, причеиъ лучше всего, если-бы руководящую роль въ этомъ дѣлѣ взяли именно губернскія земства, что повысило-бы за собою равномерное распредѣленіе народныхъ библіотекъ-читаленъ. Мы такого мнѣнія, что лучше немного меньше открыть школъ, но, повторяемъ, обязательно слѣдуетъ одновременно со школою открывать и библіотеку-читальню. Мы говоримъ *«немного меньше школъ»* потому что расходы на библіотеки-читальни далеко не велики и не повліяютъ слишкомъ замѣтно на ассигновки, предназначенныя на распространеніе училищъ. Для болѣе полнаго ознакомленія съ этимъ насущнѣйшимъ вопросомъ, мы позволимъ себѣ привести интересныя данныя изъ отчета за пятилѣтнюю дѣятельность Комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и читаленъ Харьковскаго Общества гра-

*) Брокгаузъ и Ефронъ—«Энцикл. Слов.».

мотности. Отчетъ этотъ представленъ былъ на усмотрѣніе послѣдняго очереднаго харьковскаго земскаго собранія.

24-го мая 1894 г. общимъ собраніемъ членовъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности былъ учрежденъ *Комитетъ по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ.*

Черезъ 4 дня послѣ утвержденія инструкціи, 28-го мая, состоялось первое засѣданіе Комитета, въ которомъ были формулированы планъ и программа будущей дѣятельности Комитета слѣдующимъ образомъ: Комитетъ, чрезъ посредство виѣгородскихъ членовъ, живущихъ среди сельскаго населенія, принимаетъ ближайшее участіе въ устройствѣ сельскихъ библиотекъ, для чего стремится къ привлеченію большаго числа иногороднихъ сотрудниковъ, преимущественно изъ среды народныхъ учителей, землевладѣльцевъ земскихъ дѣятелей и т. п.

Комитетъ принимаетъ на себя хлопоты по испрошенію разрѣшеній начальства на устройство и открытіе сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи. При этомъ прошенія должны исходить, по возможности, отъ земствъ, сельскихъ и волостныхъ обществъ, а также и отъ частныхъ лицъ. Въ случаѣ надобности, Комитетъ долженъ и отъ себя подавать прошенія надлежащему начальству съ приложеніемъ приговора сельскаго и волостного общества о желаніи имѣть въ селѣ своемъ библиотечку или читальню.

Комитетъ принимаетъ на себя доставленіе разнаго рода справокъ и свѣдѣній, а также и общую помощь и руководство по организаціи народныхъ библиотекъ повсемѣстно; если-же библиотечка предполагается къ открытію въ Харьковской губерніи, то, кромѣ того, входитъ въ сношенія съ начальственными лицами и разными учрежденіями.

Комитетъ принимаетъ на себя доставленіе книгъ для чтенія, составленіе каталоговъ, разнаго рода бланковъ и формъ инструкціи для библиотечкарей, правилъ для посѣтителей и подписчиковъ, а также доставленіе письменныхъ принадлежностей, книжныхъ шкафовъ и другого библиотечнаго имущества. Такая доставка предметовъ, необходимыхъ для библиотекъ, можетъ производиться по мѣрѣ средствъ Комитета и состоятельности учредителей библиотечки или безвозмездно на средства Комитета, или-же на средства учредителей при комиссіонерскомъ участіи и содѣйствіи Комитета. При этомъ было выражено особенное желаніе развить комиссіонерскую дѣятельность по доставкѣ удешевленныхъ книгъ, для чего постановлено войти въ переговоры съ издателями и книгопродавческими фирмами и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено приступить, когда окажется возможнымъ, къ устройству своего комитетскаго книжнаго склада для наи-

болѣе дешевой доставки книгъ народнымъ и пикольнымъ библіотекамъ.

Комитетъ принимаетъ на себя ходатайство передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи новыхъ книгъ для сельскихъ библіотекъ и читаленъ.

Комитетъ имѣетъ въ виду постоянно поддерживать сношеніе съ устраиваемыми при его содѣйствіи библіотеками, слѣдить по отчетамъ и письменнымъ сношеніямъ за ихъ дѣятельностью, содѣйствовать развитію библіотечнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ собирать матеріалы по народному чтенію.

Въ первое время своего возникновенія Комитетъ долженъ былъ особенно заботиться о распространеніи въ обществѣ и между крестьянами свѣдѣній какъ о его цѣляхъ и задачахъ, такъ и о пользѣ учрежденія сельскихъ библіотекъ, которыя могутъ быть открываемы по почину и на средства сельскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ; причѣмъ, зная, что наиболѣе вліятельные на сельскихъ сходахъ старики, вслѣдствіе новизны дѣла, могутъ отнестись, изъ опасенія необходимыхъ денежныхъ затратъ, нѣсколько недовѣрчиво къ учрежденію библіотекъ, Комитетъ постановилъ: принимать на свои средства значительную долю расходовъ и считать необходимымъ, чтобы былъ лишь постановленъ сходомъ общественный приговоръ о желаніи имѣть въ селѣ своемъ библіотеку, и чтобы приговоромъ тѣмъ дальнѣйшее существованіе ея было обезпечено.

При условіяхъ-же особенно уважительныхъ Комитетъ можетъ и всѣ первоначальныя затраты принимать, по мѣрѣ своихъ средствъ, на собственный счетъ, а равно, въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ,—обезпечивать дальнѣйшее существованіе библіотекъ ежегоднымъ ассигнованіемъ субсидіи изъ своихъ средствъ.

До возникновенія Комитета въ Харьковской губерніи существовала только одна сельская общественная библіотека—въ сл. Марковѣ, Лебединскаго уѣзда, устроенная по приговору схода кружкомъ лицъ при незначительной матеріальной поддержкѣ Общества грамотности. Одновременно съ Комитетомъ и независимо отъ него возникли библіотеки-читальни въ с. Рубежномъ, Волчанскаго уѣзда, и въ сл. Гороховаткѣ и Кременной, Купянскаго уѣзда.

Кромѣ того, въ семидесятыхъ годахъ были открыты Обществомъ грамотности три бесплатныя библіотеки, изъ которыхъ одна была въ сл. Липцахъ, Харьковскаго уѣзда. Такъ какъ библіотеки были предоставлены самимъ себѣ, то, напр., Липецкая уже въ семидесятыхъ годахъ не только не существовала, но даже и о долгомъ ея существованіи мало кто зналъ.

Что касается пункта 1-го программы дѣятельности (привлеченіе

возможно большаго числа иногороднихъ сотрудниковъ изъ среды сельской интеллигенціи), то, благодаря содѣйствію, главнымъ образомъ, труженниковъ—народныхъ учителей и учительницъ, Комитетъ могъ развить свою дѣятельность: половиной открытыхъ за пять лѣтъ (153 библіотекъ-читаленъ) завѣдуютъ учителя и учительницы, другая половина библіотекъ приходится на долю сельскаго духовенства, земскихъ дѣятелей, землевладѣльцевъ и сельскихъ писарей. Въ настоящее время Комитетъ имѣетъ 45 иногороднихъ членовъ-сотрудниковъ, изъ которыхъ 16, т.-е. $\frac{1}{3}$ —учителя и учительницы; 6, т.-е. $\frac{1}{7}$ —священниковъ; въ члены-сотрудники Комитетъ избираетъ тѣхъ лицъ, благодаря участию которыхъ устраиваются библіотеки.

2-й пунктъ программы (возбужденіе ходатайствъ передъ начальствомъ о разрѣшеніи библіотекъ въ селахъ) при развитіи дѣятельности измѣнился въ смыслѣ расширенія.

Въ виду того, что полученіе приговора даже только о желаніи имѣть библіотеку-читальню во многихъ случаяхъ затруднительно и только затягиваетъ дѣло, Комитетъ уже въ концѣ 1895 г., являясь вполне инициаторомъ дѣла, подавалъ отъ себя прошенія, имѣя только согласіе лицъ—ответственно завѣдующаго, наблюдающаго и дающаго помѣщеніе.

За эти 5 лѣтъ Комитетомъ возбуждены ходатайства объ открытіи библіотекъ-читаленъ въ 190 селеніяхъ, изъ которыхъ въ 138 селахъ разрѣшено открыть библіотеки-читальни, а 52 ходатайства находятся въ производствѣ; всѣхъ-же приговоровъ сельскихъ обществъ получено 81 (т.-е. 42%), причемъ во многихъ сказано, что желаютъ устройства библіотекъ-читаленъ на средства Комитета съ тѣмъ, чтобы сельское общество не имѣло никакихъ расходовъ на устройство библіотекъ-читаленъ.

Въ большей части селеній (58%) ходатайства начаты по указанію земскихъ управъ, учителей, священниковъ, частныхъ лицъ, земскихъ начальниковъ и по инициативѣ самого Комитета.

Такимъ образомъ на первыхъ порахъ возникъ вопросъ о средствахъ, которыхъ при организаціи Комитета было всего только 202 р., внесенныхъ съ публичной лекціи, прочитанной В. Я. Данилевскимъ въ пользу сельскихъ библіотекъ.

Во второмъ засѣданіи Комитетъ принялъ вполне правильное рѣшеніе, которое и обезпечило его дальнѣйшую дѣтельность; это рѣшеніе—обратиться къ губернскому земству съ просьбой о субсидіи въ размѣрѣ 1.000 руб. съ выдачей ихъ Комитету на случай, если у него не хватитъ своихъ средствъ на устройство библіотекъ-читаленъ.

Губернское земское собраніе постановило: выдать Комитету субсидію въ 1.000 руб. на устройство библіотекъ-читаленъ.

На ассигнованную субсидію Комитетъ устроилъ въ Харьковской губерніи 13 библиотекъ-читаленъ въ суммѣ 865 руб. и, кромѣ того, на эти библиотеки-читальни сельскимъ обществомъ и частными лицами было ассигновано 485 руб.; 2 библиотеки-читальни были устроены Комитетомъ на частныя средства, такъ что въ 1895 году было устроено 15 библиотекъ-читаленъ.

Въ октябрѣ 1895 г. Комитетъ представилъ отчетъ объ израсходованіи субсидіи и просьбу о новой субсидіи. По этой просьбѣ губернское земское собраніе, согласно заключенію управы, постановило выдать субсидію въ 1.000 руб. Въ ту-же сессію снова возникъ вопросъ о библиотекахъ-читальняхъ по поводу доклада С.-Петербургскаго Комитета грамотности, который, предлагая земству услуги по составленію библиотекъ-читаленъ, считалъ необходимымъ, чтобы на каждую библиотеку-читальню было ассигновано по 300 руб. Нѣкоторые гласные предложили выдать субсидію въ увеличенномъ размѣрѣ Харьковскому комитету, который, принимаетъ на себя полную организацію библиотекъ, начиная съ ходатайства, и слѣдитъ за дѣятельностью библиотекъ.

Земское собраніе постановило ассигновать новую субсидію въ 3.300 руб. (по 300 руб. на уѣздъ) Комитету сельскихъ библиотекъ, такъ что вся субсидія на 1896 г. равнялась 4.300 руб.

За счетъ этой субсидіи въ 1896 г. было открыто Комитетомъ 50 библиотекъ-читаленъ, на частныя средства 5 библиотекъ-читаленъ и 4 на средства харьковскаго уѣзднаго земства.

Въ докладѣ губернскому земскому собранію объ израсходованіи субсидіи на 1896 г. съ просьбой о новой субсидіи на 1897 г. Комитетъ оставилъ открытымъ вопросъ о размѣрѣ субсидіи, представивъ лишь данныя о числѣ намѣченныхъ къ открытію сельскихъ библиотекъ-читаленъ.

Вслѣдствіе чего нѣкоторые гласные въ земскомъ собраніи находили субсидію въ 4.300 р. недостаточной; но такъ какъ отъ Комитета никакихъ опредѣленныхъ указаній на размѣръ субсидіи не было, то собраніе оставило прежній размѣръ субсидіи въ 4.300 р. на 1897 годъ. Въ счетъ этой субсидіи было открыто въ 1898 г. 28 библиотекъ-читаленъ, а 13 библиотекъ-читаленъ, открытыхъ равше, были пополнены книгами, всего на сумму 400 руб.

Значительное уменьшеніе числа открытыхъ Комитетомъ библиотекъ-читаленъ въ 1897 г. объясняется тѣмъ, что за три года дѣятельности Комитета выяснилась недостаточность малыхъ библиотекъ-читаленъ, раньше открываемыхъ Комитетомъ. Комитетъ открывалъ библиотеки отъ 50 р. (на 50 р. высылалось около 230 небольшихъ книгъ).

Самыя большія бібліотеки были въ 150 руб., и въ такихъ очень часто не хватало книгъ для удовлетворенія всѣхъ желающихъ, и весьма часто бывали случаи отказа въ выдачѣ книгъ, такъ какъ всѣ были розданы.

Въ докладѣ объ израсходованіи этой субсидіи Комитетомъ было указано, что онъ, въ среднемъ, въ годъ открываетъ 40 библиотекъ-читаленъ, причемъ къ ноябрю 1897 г. Комитетъ имѣлъ заявленія о желаніи открыть бібліотеки-читальни въ 41 селѣ Харьковской губерніи; средній размѣръ библиотекъ-читаленъ Комитетъ опредѣлялъ въ 150—200 руб. Затѣмъ Комитетъ счелъ возможнымъ обратиться съ просьбой объ ассигнованіи одновременно 3.025 руб. на увеличеніе книжнаго инвентаря 55 библиотекъ, сообразно выяснившимся потребностямъ. Кромѣ того, Комитетъ обратился съ просьбой выдать на увеличеніе средствъ оборотнаго капитала сумму въ 2.000 р., за счетъ которой Комитетъ можетъ въ теченіе 4—5 лѣтъ открыть 10 библиотекъ, или, если собраніе признаетъ такое погашеніе неудобнымъ, выдать ссуду въ 2.000 р. за проценты съ погашеніемъ въ 5 лѣтъ частями. Губернское земское собраніе удовлетворило его первыя два ходатайства, ассигновавъ 7.175 р. на устройство новыхъ и 3.025 р. на пополненіе прежде открытыхъ библиотекъ; по третьему ходатайству губернское земское собраніе постановило выдать 2.000 р. на усиленіе оборотнаго капитала, какъ безвозвратное пособіе.

На эту субсидію Комитетомъ было устроено въ 1898 г. 32 библиотеки читальни и 11 библиотекъ при ремесленныхъ училищахъ губернскаго земства, а также пополненъ книжный инвентарь 55 библиотекъ-читаленъ. На 1899 г. губернское земство ассигновало 8.750 р. на устройство новыхъ библиотекъ и 2.750 р. на пополненіе прежнихъ; за счетъ этой субсидіи Комитетъ устроилъ 43 библиотеки-читальни и 2 открыты на частныя средства.

На 24-е мая 1899 г. въ Харьковской губ. было 138 библиотекъ-читаленъ, устроенныхъ исключительно самимъ Комитетомъ, 10 при его участіи и 3, которымъ поддержка оказана въ послѣднее время; всего 153 библиотеки-читальни.

Въ началѣ дѣятельности Комитетъ предполагалъ устраивать публичныя бібліотеки при школахъ, что представляетъ нѣкоторыя удобства по отношенію къ помѣщенію.

Публичныя бібліотеки при школахъ могутъ помѣщаться въ классныхъ комнатахъ и завѣдывать ими непременно должны учителя и учительницы. Комитетъ предпочиталъ устраивать библиотеки-читальни, а не публичныя бібліотеки въ школахъ, во-1-хъ, потому, что при послѣднихъ нельзя устраивать читаленъ, во-2-хъ, для

публичныхъ библіотекъ при школахъ нѣтъ опредѣленнаго каталога, а выборъ книгъ каждый разъ предоставляется на усмотрѣніе директора и инспектора народныхъ училищъ; наконецъ, обязательное для учителей и учительницъ завѣдываніе не всегда представляется удобнымъ, особенно тамъ, гдѣ много подписчиковъ; между тѣмъ какъ въ библіотекахъ-читальняхъ отвѣтственнымъ завѣдующимъ можетъ быть всякій желающій, послѣ утвержденія его губернаторомъ, и правленіе библіотеки можетъ назначить одного или нѣсколькихъ библіотечарей.

Въ виду этого Комитетъ рѣшилъ устраивать библіотеки-читальни и вмѣстѣ съ тѣмъ при всякой просьбѣ пополнять и устраивать школьныя библіотеки, которыя очень часто способствуютъ устройству библіотекъ-читаленъ.

III пунктъ программы дѣятельности Комитета (доставленіе всевозможныхъ свѣдѣній по организаціи библіотекъ повсемѣстно) черезъ годъ заставилъ его издать «Руководство къ устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ» въ 500 экземплярахъ, такъ много заказовъ было по поводу устройства библіотекъ.

Первое изданіе разошлось въ 8 мѣсяцевъ и второе изданіе было отпечатано осенью 1896 г. въ количествѣ 1.500 экзempl., причемъ каталогъ при руководствѣ мѣнялся два раза; отъ этого изданія «Руководства» къ дню доклада оставалось около 400 экземпляровъ. Вообще по поводу устройства библіотекъ-читаленъ Комитету пришлось вести большую переписку съ разными мѣстами нашего обширнаго отечества.

Большое развитіе получила дѣятельность Комитета по IV пункту программы дѣятельности (составленіе каталоговъ, сношенія съ книгопродавцами и снабженіе народныхъ библіотекъ книгами по дешевой цѣнѣ) и особенно коммисіонная дѣятельность по снабженію библіотекъ-читаленъ Харьковской и другихъ губерній книгами на льготныхъ условіяхъ.

Коммисіонныхъ заказовъ было исполнено въ 1894 г. на 23 р., въ 1895 г.—1.140 р., въ 1896 г.—5.420 р., въ 1897 г.—9.650 р., 1898 г.—18.688 р. и по 1-е мая 1899 г.—5.840 р., по 1 окт.—11.236 р., а общіе обороты склада возрастали такимъ образомъ: 1894 г.—84 р.; 1895 г.—3.900 р.; 1896 г.—12.475 р.; 1897 г.—18.092 р., 1898 г.—31.272 р. и на 1-е октября 1899 г.—18.944 р.

До осени 1896 г. работа въ складѣ исполнялась бесплатно членами Комитета; но понятно, что съ развитіемъ дѣла Комитетъ долженъ былъ перейти къ иному способу веденія дѣла и съ октября 1896 г. для завѣдыванія складомъ была приглашена за вознагражденіе постоянная завѣдующая, а въ февралѣ 1898 г. Комитетъ

долженъ былъ пригласить помощницу завѣдующей, и въ 1898 г. обороты склада увеличились почти вдвое противъ оборотовъ 1897 г.

Всѣ библіотеки составляются по каталогу Комитета, причемъ составленіемъ каталога Комитетъ занимается съ начала своей дѣятельности; какъ всѣ заказы, такъ и библіотеки для Харьковской губерніи составляются исключительно по каталогу Комитета.

Въ связи съ этой дѣятельностью Комитета находится и бесплатная разсылка книгъ въ библіотеки внѣ Харьковской губерніи. Обладая собственными скромными средствами, помимо земской субсидіи, Комитетъ не могъ развить эту дѣятельность подобно Петербургскому Комитету грамотности.

Кромѣ того, размѣры этой дѣятельности колебались въ зависимости отъ средствъ Комитета и отъ состоянія его оборотнаго капитала.

Къ этому-же отдѣлу дѣятельности относится и розничная продажа книгъ и картинъ въ селеніяхъ Харьковской губерніи; эта сторона дѣятельности Комитета развита слабо, отчасти и за недостатокъ средствъ, отчасти вслѣдствіе новизны самого дѣла.

Картинны, посылаемыя Комитетомъ, всѣ идутъ на-расхватъ; о продажѣ книгъ Комитетъ имѣетъ мало подробныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время продажа производится въ 40 селеніяхъ Харьковской губерніи. За 1898 г. было послано книгъ и картинъ на 1.025 р., продано на 279 р., по 1-е октября 1899 года послано на 1.023 руб., получено денегъ 184 р. 11 к.

По V пункту (возбужденіе ходатайствъ передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи новыхъ книгъ для сельскихъ библіотекъ) Комитетомъ сдѣлано не много: въ 1897 г. собиралась смѣшанная коммиссія изъ членовъ Комитета сельскихъ библіотекъ и комитетовъ городскихъ читаленъ для составленія списка книгъ, допущеніе которыхъ въ читальняхъ желательно.

Что касается V пункта программы (сношенія и переписка съ библіотеками) въ связи со 2-й частью III пункта, то здѣсь дѣятельность Комитета развилась широко; особенно правильно двинулась эта часть дѣятельности, когда была приглашена и для дѣлопроизводства постоянная завѣдующая за вознагражденіе; при безвозмездномъ веденіи переписки секретарями и при разбросанности по разнымъ мѣстамъ архива и канцеляріи сильно хромала правильность и аккуратность переписки, отчего часто страдало и дѣло.

Развитіе сношеній Комитета представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1895 г. было выпущено 500 писемъ (2 секретарями), въ 1896 г. 700 (2 секретарями), въ 1897 г.—900 (2 секретарями), въ 1898 г.—1.271 и въ 1899 г. по день доклада—1.111. Последніе два

года Комитетъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ переписки съ библиотечками, регулярно посылаетъ въ библиотеки просьбы о присылкѣ отчетовъ два раза въ годъ: въ январѣ для годового отчета и въ октябрѣ—для доклада губернскому земскому собранію.

При годовыхъ отчетахъ Комитетъ поставилъ рядъ вопросовъ, по которымъ можно судить о дѣятельности библиотекъ-читаленъ и о требованіи на книги.

Что касается дѣятельности библиотекъ-читаленъ, то она достаточно характеризуется слѣдующею таблицею.

Г о д ъ.	Число библиотекъ.		Число книгъ.		Число подписчиковъ
	Дѣйствовавш.	Приславшихъ отвѣты.	Въ библиотекъ.	Прочитанн.	
1896	33	26	10.556	39.157	6.759
1897	80	70	33.600	141.260	20.020
1898	110	91	54.720	205.915	24.692
1899	154	117	78.390	171.106	24.688
по 1-е октября.					

Число взрослыхъ подписчиковъ за 1898 г. колеблется отъ 25% до 50%, малолѣтнихъ до 12 лѣтъ отъ 10% до 25%, остальное приходится на подростковъ; въ 8-ми библиотекахъ совершенно нѣтъ женщинъ; въ остальныхъ библиотекахъ число женщинъ, берущихъ книги, колеблется, достигая въ очень рѣдкихъ (5) случаяхъ до 25% всего числа подписчиковъ.

Принимая сельское населеніе Харьковской губерніи (Хар. кал. 1899 г.) въ 2.289.000 человѣкъ, мы видимъ однако, что только немного болѣе 10% всего населенія пользовалось книгами изъ библиотекъ въ 1898 г. На 24-е мая 1899 г. библиотека-читальня приходилась на 22.000 человѣкъ и на 313 квадр. верстъ, а въ день доклада: 1 библиотека-читальня на 13.000 человѣкъ и на 270 квадр. верстъ.

Въ настоящее время число библиотекъ-читаленъ составляетъ 30% селеній, въ которыхъ существуютъ земскія школы (543).

Такимъ образомъ, при ничтожныхъ сравнительно затратахъ Харьковскій комитетъ за 5 лѣтъ устроилъ библиотеки-читальни въ 30% селеній, въ которыхъ существуютъ земскія школы. Такого рода результаты даютъ, съ одной стороны, надежду, что при немного

большихъ затратахъ въ Харьковской губ. скоро библиотеки-читальни догонять школы, а съ другой—примѣръ Харьковского комитета доказываетъ полную возможность достиженія такого рода устройствъ повсемѣстно.

Было-бы однако слишкомъ поспѣшно дѣлать выводъ, что такого рода библиотеки-читальни вполнѣ отвѣчаютъ своимъ задачамъ. Но здѣсь выступаютъ уже на сцену тѣ условія, въ которыя поставлено у насъ дѣло открытія библиотекъ-читаленъ. Въ давномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду вопросъ о выборѣ книгъ для библиотекъ.

По правиламъ 15-го мая 1890 года, нѣсколько упростившимъ открытiе библиотекъ, выборъ книгъ обставленъ такими условіями. По § 4 правилъ читальни могутъ имѣть у себя лишь слѣдующія книги: а) значащіяся въ издаваемыхъ Мин. Нар. Просв. каталогахъ книгъ для употребленія въ ученическихъ библиотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ учительскихъ библиотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній; б) книги, одобренныя названнымъ Министерствомъ къ обращенію въ читальняхъ; в) книги, указанныя Духовнымъ Ведомствомъ для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ и въ церковныхъ библиотекахъ; г) книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры; д) книги и журналы, издаваемые правительствомъ и е) изъ свѣтскихъ книгъ и журналовъ тѣ, кои будутъ указаны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Последнимъ въ 1892 году былъ изданъ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ обращенію въ народныхъ читальняхъ. Всего въ этомъ списокѣ значится 69 періодическихъ изданій, въ томъ числѣ спеціальнаго характера 38, дѣтскихъ—8, народныхъ—3, иллюстрированныхъ—7; на долю изданій общелитературнаго характера приходится только 10 газетъ и 3 журнала. Этотъ списокъ въ 1896 г. замѣненъ другимъ, допускающимъ въ народныхъ читальняхъ 88 журналовъ и газетъ. Общій характеръ списка, однако, не измѣнился такъ какъ всѣ вновь допущенныя 20 изданій принадлежатъ къ изданіямъ спеціальнаго характера. Изъ всей періодической провинціальной печати въ списокъ попалъ одинъ «Варшавскій Дневникъ». Всего допущено въ народныя читальни около 17% всѣхъ выходившихъ въ Россіи изданій. Количество книгъ, допущенныхъ въ народныя библиотеки-читальни по правиламъ 15-го мая 1890 г., равно 2½—3 тысячамъ, не считая духовнаго отдѣла, что составляетъ 3,3% всѣхъ существующихъ на русскомъ языкѣ книгъ (около 90.000). Въ 1896 г. выпущенъ Мин. Нар. Просв. «Каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ», но онъ не представляетъ полнаго свода всѣхъ допущенныхъ въ народныя библиотеки книгъ. Вообще, въ новомъ министерскомъ каталогѣ преобладаютъ такъ называемыя народныя

изданія, цѣною ниже 10 к. (18%) и изданія дорогія отъ 2 до 63 р. (43%). Главнымъ источникомъ для пріисканія книгъ, разрѣшенныхъ къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ, служатъ «Журналъ Мин. Нар. Просв.», въ которомъ отмѣчаются всѣ разрѣшенныя къ употребленію въ ученическихъ библіотекахъ книги.

Изъ этого видно, что разрѣшенныхъ и разрѣшаемыхъ для библіотекъ-читаленъ книгъ вообще недостаточно и, понятно, что необходимы настойчивыя ходатайства для повышенія количества и качества книгъ, предназначенныхъ для народныхъ библіотекъ-читаленъ. Это обстоятельство однако не должно служить препятствіемъ для открытія послѣднихъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ, при серьезномъ выборѣ, все-же и изъ разрѣшенныхъ книгъ можно кое-что выбрать пригодное, а затѣмъ пополнять вновь разрѣшаемыми. Во всякомъ случаѣ, тѣмъ или инымъ путемъ, книги должны сопровождать школу, въ противномъ случаѣ затраты на дѣло народнаго образованія утратятъ значительную долю своего значенія, не принесутъ ожидаемыхъ результатовъ.

И. Бѣлоконскій.

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ.

(Продолженіе).

Владимірское очередное губернское земское собраніе не мало времени посвятило обсужденію вопросовъ по народному образованію, благодаря тому обстоятельству, что въ прошломъ году правительствомъ уважено было ходатайство губернскаго земства о позаймствованіи изъ страхового капитала 200.000 р.,—срокомъ на 20 лѣтъ изъ 4% годовыхъ,—на нѣкоторыя нужды. Располагая такою суммою, владимірское собраніе 1899 г. постановило: израсходовать 10.000 р. на *школьныя библіотеки*; устроить въ каждомъ уѣздѣ *народныя чтенія*, ассигновавъ на это 2.000 р.; учредить 2 *учительскія библіотеки*; организовать во Владимірѣ въ 1900 году *педагогическіе курсы* для 150—200 учителей и учительницъ, издержавъ на это 5.000 руб. Далѣе, принимая во вниманіе, что въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями, дѣтскою смертною, сифилисомъ и другими бѣдствіями болѣе чѣмъ полезно распространеніе популярныя брошюръ, собраніе рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы для народныхъ библіотекъ-читаленъ и чтеній были допущены всѣ книги, спустя полгода послѣ ихъ выхода въ свѣтъ, если только въ теченіе этого срока данная книга не будетъ помѣщена правительствомъ въ особый запретительный списокъ, подобно тому, какъ это установлено для общественныхъ библіотекъ. Губернской управѣ собраніе поручило разработать вопросъ о причинахъ слабаго посѣщенія школъ женскимъ населеніемъ и представить слѣдующему губернскому собранію свои предположенія о мѣрахъ, способствующихъ сокращенію размѣровъ этого явленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить тому-же собранію докладъ объ организаци въ уѣздахъ *повторительныхъ вечернихъ и воскресныхъ классовъ*, главнымъ образомъ для лицъ, уже окончившихъ школьное образованіе.

Смоленское очередное губернское земское собраніе по народному образованію сдѣлало такія постановленія: ассигновать 1.250 руб. на устройство въ Вязьмѣ лѣтомъ 1900 г. *педагогическихъ курсовъ* для

народныхъ учителей и учительницъ; ассигновать 2.200 руб. на разработку и изданіе *статистическихъ данныхъ по народному образованію* во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Затѣмъ, утверждены правила, на основаніи которыхъ губернское земство должно оказывать пособіе вновь устраиваемымъ уѣзднымъ земствомъ народнымъ школамъ, бібліотекамъ и чтеніямъ. Съ цѣлью образованія особаго *школьнаго фонда* еще прошлагоднее собраніе постановило вносить ежегодно въ смѣту 15.000 руб., пока не составитъ капиталъ въ 150.000 р., проценты съ котораго, въ размѣрѣ 6.000 руб., будутъ ежегодно идти на помощь уѣздамъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Чтобы ускорить выдачу этихъ пособій, съ 1901 года будетъ вноситься въ смѣту особо 6.000 руб., которые и будутъ раздаваться уѣздамъ впредь до накопленія упомянутаго капитала. Основное условіе губернскихъ выдачъ то, что онѣ не должны быть больше уѣздной ассигновки и притомъ не больше 300 р. на постройку новой школы, 150 руб.—на устройство бібліотеки-читальни и 50 р.—народныхъ чтеній.

Ярославское губернское земство лишь недавно выступило активно въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Очередное собраніе 1899 г. сдѣлало рядъ постановленій, касающихся народной школы, и ассигновало особыя суммы какъ на дѣло образованія вообще, такъ и для школьной комиссіи и изслѣдованія состояніи начальнаго народнаго образованія въ губерніи. Съ цѣлью расширенія дѣятельности *книжнаго склада* губернскаго земства постановлено открыть филиальныя его отдѣленія. Помимо сказаннаго, ярославское земство дѣлаетъ попытки *издательства*. Въ прошломъ году имъ выпущена была въ свѣтъ для народа книга «О Пушкинѣ», а въ 1899 году земство объявило конкурсъ на составленіе книги для чтенія о Ярославской губерніи.

Любимовское, Ярослав. губ., земское собраніе потерпѣло фіаско въ симпатичномъ просвѣтительномъ начинаніи. Именно, очередное собраніе рѣшило открыть на земскій счетъ *публичную бібліотеку* и избрало бібліотечную комиссію. Но губернское начальство не утвердило бібліотечнаго устава, ссылаясь на то, что однимъ параграфомъ его предоставлено было бесплатное пользованіе книгами для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ. Этотъ параграфъ якобы противорѣчитъ Положенію о публичныхъ бібліотекахъ и превращаетъ ее въ бесплатную народную читальню. Поэтому, земству предложено или уничтожить указанный параграфъ, или открыть не публичную бібліотеку, а бесплатную читальню, т.-е. изъять изъ каталога тѣ книги, которыя допущены въ публичныхъ бібліотекахъ, но не допущены въ бесплатныхъ читальняхъ. Въ на-

стоящее время, не смотря на то, что земством собрано и выписано много книгъ, открытіе библіотеки затягивается на неопредѣленный срокъ.

Тверское очередное губернское земское собраніе не могло заслушать доклада новоторжскаго земства объ освобожденіи населенія отъ тѣлеснаго наказанія. Не допустилъ къ прочтенію этого доклада предсѣдатель собранія, М. В. Всеволожскій, признавъ его выходящимъ изъ круга вѣдѣнія земскаго собранія и заявивъ, что онъ уже получилъ отъ Правительствующаго Сената выговоръ (?) за допущеніе имъ, въ качествѣ новоторжскаго предводителя дворянства, обсужденія въ уѣздномъ собраніи вопроса о тѣлесномъ наказаніи. Не дозволилъ предсѣдатель заслушать и другого доклада—объ уравненіи правъ на высшее образованіе окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ и о приглашеніи представителей земства въ комиссію, образованную при Мин. Народнаго Просвѣщенія для обсужденія реформы средняго образованія.

Самарское очередное губернское земское собраніе, какъ и слѣдовало ожидать, ассигновало, между прочимъ, 20.000 руб. на открытіе *учительской семинаріи*, учрежденной въ с. Ровномъ, Новоузенскаго уѣзда. Не малый интересъ представляютъ также постановленія собранія о *реформѣ средней школы*. Вотъ они:

1) Ходатайствовать передъ правительствомъ объ уничтоженіи привилегій классическаго образованія и о расширеніи правъ реальной школы, которая-бы давала оканчивающимъ курсъ одинаковыя права на поступленіе какъ въ высшія спеціальныя техническія училища, такъ и въ университеты. 2) Ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы при реформѣ средней школы было обращено вниманіе: а) на установленіе необходимой связи низшей школы съ среднеобразовательной, т.-е. на введеніе концентрической системы расположенія всѣхъ школъ; б) на сокращеніе обязательнаго учебнаго времени и на сообщеніе учащимся полезныхъ знаній вышешкольными научными чтеніями, научными бесѣдами и занятіями; в) на улучшеніе физическаго воспитанія; г) на необходимость организаціи разумныхъ развлеченій для учащихся; д) наконецъ, на необходимость установленія связи школъ съ семьей путемъ устройства педагогическихъ Обществъ, родительскихъ кружковъ, а также на допущеніе въ педагогическія Совѣты членовъ тѣхъ Обществъ и учрежденій, на средства коихъ сооружены школы. Кромѣ того, собраніе постановило, чтобы изученіе древнихъ языковъ въ реформированной средней школѣ было необязательнымъ, за исключеніемъ латинскаго, который можетъ быть обязателенъ лишь для поступающихъ на филологическій и юридическій факультеты.

Въ *саратовскомъ* губернскомъ собраніи поставленный въ перечень очередныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію губернскаго земскаго собранія, докладъ губернской управы о реформѣ средней школы, по распоряженію предсѣдателя собранія, былъ снятъ съ очереди. Губернская управа предлагала ходатайствовать предъ правительствомъ о допущеніи въ правительственную комиссію по реформѣ средней школы представителя отъ саратовскаго губернскаго земства, по избранію губернскаго собранія.

Такимъ образомъ, то, чтó въ одномъ собраніи было признано законнымъ, въ другомъ таковымъ не признано. Въ самарскомъ, курскомъ, рязанскомъ, орловскомъ собраніяхъ вопросъ о реформѣ средней школы проходитъ совершенно благополучно, а въ саратовскомъ его снимаютъ съ очереди! Подобно тому, какъ въ саратовскомъ земскомъ собраніи поступилъ предводитель дворянства г. Кривскій, въ харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи поступилъ графъ Капвистъ, снявшій съ очереди вопросъ *объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянскаго населенія* на томъ основаніи, что, якобы, этотъ вопросъ не составляетъ «мѣстныхъ нуждъ и пользъ». Ходатайствовать *объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія* постановили старобѣльское и змѣевское уѣздныя земскія собранія. Такъ какъ, по Положенію 1890 года, всякаго рода ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній должны проходить чрезъ губернское, то Харьковская губернская земская управа не имѣла даже права не войти съ докладомъ въ собраніе. И она представила такого содержанія докладъ:

Въ старобѣльское очередное земское собраніе гласнымъ Е. Р. Клевезалемъ былъ внесенъ докладъ слѣдующаго содержанія:

За послѣдніе годы цѣлый рядъ земствъ возбудилъ ходатайства *объ отмѣнѣ законодательнымъ путемъ тѣлеснаго наказанія для лицъ крестьянскаго населенія*. Изъ 24 губернскихъ земствъ до 1995 года такого рода ходатайства были отъ 17 земствъ или 50% общаго числа, но затѣмъ примкнулъ еще рядъ земскихъ собраній, такъ что въ настоящее время не ходатайствовавшія земства по этому первостепенной важности вопросу составляютъ исключеніе. Къ глубокому сожалѣнію, въ такомъ исключительномъ положеніи находятся и харьковскія какъ уѣздныя, такъ и губернское земства, не смотря на то, что послѣднимъ возбужденъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Быть можетъ, у кого-либо изъ господъ гласныхъ возникнетъ вопросъ — какое отношеніе всеобщее обученіе имѣетъ къ тѣлесному наказанію и обратно?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ, — очень большое, болѣе того: мыслимо ли просвѣщеніе населенія, въ которомъ не признается человѣческаго достоинства? Вотъ что по этому поводу на смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1894 г. говорилъ гласный К. И. Рачинскій: «Въ числѣ ходатайствъ уѣздныхъ земствъ, поддержанныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по вопросу о народномъ образованіи, я, къ своему изумленію, не вижу ходатайства, которое съ логическою необходимостью должно быть также возбуждено, равъ земства считаютъ необходимою проектировать рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью оказать со-

дѣйствіе къ поднятію умственнаго уровня нашего народа и къ насажденію въ немъ просвѣщенія, а именно ходатайство объ окончательномъ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія, ибо эти наказанія, между прочимъ, имѣютъ прискорбное вліяніе на здоровье; они содѣйствуютъ огрубѣнію нравовъ и уничтоженію чувства стыдливости, и карательная сторона ихъ зависитъ не отъ закона, а отъ произвола исполнителя или палача» (общ. часть уголовного права Н. А. Неклюдова). Такъ смотрѣлъ 24 года тому назадъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ и обер-прокуроръ кассационныхъ и перваго департаментовъ Сената на это позорное наслѣдіе до-реформенныхъ временъ.

При разсмотрѣніи проекта устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, при обсужденіи статьи 1-й устава, былъ возбужденъ вопросъ: представится-ли на практикѣ возможность дѣйствительнаго исполненія наказаній, указанныхъ въ ст. 1-й, и потому не слѣдуетъ-ли помѣстить въ уставѣ особое правило о замѣнѣ ихъ другими взыска-ніями въ случаѣ неимѣнія мѣстъ въ тюрьмахъ и другихъ исправительныхъ заведеніяхъ?

По сему вопросу предложено было: предоставить мировымъ судьямъ право замѣнять въ случаѣ необходимости арестъ другими наказаніями; при чемъ было замѣчено, что замѣна ареста въ крайнихъ случаяхъ наказаніемъ розгами, на точномъ основаніи VIII пункта указа 17-го апрѣля 1863 года, будетъ лишь мѣрою временною, допущеніе которой необходимо только до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточнаго числа мѣстъ заключенія.

Предложеніе сіе (большинствомъ 17 членовъ противъ 6) не принято по слѣдующимъ причинамъ:

Наказаніе розгами, опредѣляемое въ замѣнъ другихъ низшихъ исправительныхъ наказаній, вовсе не соответствуетъ своей цѣли, ибо, будучи лишено жестокости совершенно отмѣненныхъ уже шпицрутеновъ и плетей, оно для большинства нашего народа, привыкшаго съ малолѣтства къ грубому со всѣхъ сторонъ обращенію, весьма маловажно и не только не возбуждаетъ, говоря вообще, особеннаго между виновными страха, но, напротивъ, весьма часто предпочитается лишенію свободы, уплатѣ денежныхъ взысканій или отдачѣ въ общественныя работы. Изъ опыта извѣстно, что наказаніе это представляетъ, въ сущности, даже почти безнаказанность, ибо виновный, получивъ извѣстное число ударовъ, отпущается на свободу и имѣетъ всю возможность къ дальнѣйшему удовлетворенію могущихъ быть у него порочныхъ склонностей. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служитъ еще болѣе вѣрною охраною общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовного преслѣдованія.

При существованіи другихъ способовъ къ исполненію судебныхъ приговоровъ не представляется никакой необходимости устанавливать въ новомъ законѣ наказаніе розгами, признаваемое всѣми въ высшей степени позорнымъ и не соответствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества. Сохраненіе этого вида тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ не можетъ служить убѣдительнымъ къ тому доводомъ, ибо при общей отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ имѣлось, въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ въ виду не колебать силы только что изданнаго тогда закона 19-го февраля 1861 года. Предоставленіе нашимъ мировымъ судьямъ приговаривать виновныхъ къ наказанію розгами было-бы тѣмъ болѣе неудобно, что, за силою Высочайшаго указа 30-го августа 1864 года, тѣлесныя наказанія уже совершенно отмѣнены для Царства Польскаго (Журн. общ. собр. 30-го сент. 1864 года, стр. 1—7).

Въ настоящее время, когда устойчивость реформы даже въ сознаниі и темной массы уже не можетъ быть подвергнута сомнѣнію, когда жестокое самоуправство отходить все болѣе въ область преданія, когда успѣхи просвѣщенія настолько пробудили среди крестьянскаго населенія чувство человѣческаго достоинства, что приговоръ къ тѣлесному наказанію подчасъ становится приговоромъ къ смертной казни *).—въ настоящее время нѣтъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя заставляли-бы опасаться вычеркнуть изъ уголовного кодекса этотъ переломъ крѣпостнаго права, порожденный чувствомъ преврѣтн и недовѣрія господъ къ своимъ рабамъ!

Насильственно оголить части человѣческаго тѣла, которыя примитивная стыдливость, родившаяся съ человѣкомъ, заставляла прикрывать нашихъ праотцовъ, бить по нимъ тонкими хлыстами, бить больнѣе, до крови, безъ всякаго сопротивленія со стороны приговореннаго,—отвратительнѣе и поворнѣ этой картины врядъ-ли можетъ представить себѣ даже больное воображеніе обитателя дома умалишенныхъ.

Ходатайства большей части земской Россіи, ученые разсужденія наиболѣе блестящихъ представителей науки и мнѣніе высоко-авторитетнаго высшаго государственнаго учрежденія сходятся въ оцѣнкѣ значенія тѣлеснаго наказанія. Несомнѣнно, что только отсутствіе права инициативы въ законодательной дѣятельности Государственнаго Совѣта служить причиной противорѣчія между его мнѣніемъ и дѣйствующимъ въ волостныхъ судахъ уставомъ о наказаніяхъ, и при данномъ положеніи вещей воспользоваться правомъ, предоставленнымъ 63 ст. Под. о зем. уч.—прямой долгъ земскихъ учреждений, и губернская управа, поздравляя старобѣльское и змѣевское земскія собранія, вполне присоединяется къ ихъ пожеланіямъ и убѣдительно проситъ губернское земское собраніе поддержать ихъ ходатайство, распространивъ его на всю губернію.

Теперь, въ виду недопущенія приведеннаго доклада, является вопросъ: какъ-же поступить съ ходатайствомъ старобѣльскаго и змѣевскаго земскихъ собраній, *не опротестованныхъ* начальствомъ? И далѣе, почему въ глухихъ городишкахъ Старобѣльскѣ и Змѣевѣ

*) «Земскій Сборникъ» Черниговской губ. приводитъ слѣдующіе факты о тѣлесномъ наказаніи и отношеніи къ нему крестьянъ. Въ послѣднія пять лѣтъ въ Сосницкомъ уѣздѣ совсѣмъ не было приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи: «лучше въ острогъ,—говорятъ сосницкіе крестьяне,—чѣмъ быть выдранымъ». Авторъ статьи присутствовалъ въ селѣ, въ которомъ должно было состояться наказаніе розгами парней. «Казалось,—пишетъ онъ.—въ воздухѣ носилось что-то такое, отъ чего тоской отдавало; грустно было и тягостно въ душѣ. Мужики ходили, какъ приговоренные къ смерти, тоскливые, мрачные; нѣкоторые изъ женщинъ плакали... На упрекъ автора, зачѣмъ не настаиваютъ на добро своихъ дѣтей, одинъ изъ мужиковъ сказалъ: «лучше-бы у острогъ посадили, або якъ ише пострадали, теперь на всю жисть»... Авторъ не дослышалъ словъ мужика; когда онъ взглянулъ на него, то увидѣлъ, что по морщинистымъ щекамъ его текли слезы: это былъ отецъ одного изъ подмежанщихъ наказанію!

Одинъ случай присужденія мужика Степана къ 10 ударамъ розги кончился трагически. Наканунѣ исполненія приговора Степанъ исчезъ. Онъ убѣжалъ въ лѣсъ и пропалъ 5—6 дней, но голодъ заставилъ его возвратиться домой. Ночью онъ потихоньку вошелъ въ хату, взялъ ножъ, спустился въ погребъ и перерѣзалъ себѣ горло. Но ножъ-ли былъ тупой, рука-ли дрогнула,—онъ остался живъ и былъ найденъ своей женой, пошедшей въ погребъ за провизіей. Изнемогающаго, истекающаго кровью, его отправили въ больницу; тамъ ему спасли жизнь, но по выздоровленіи должны были отправить въ Черниговъ, въ психіатрическое отдѣленіе... Въдѣ розги, по убѣжденію сосницкихъ крестьянъ, наказываютъ «на всю жисть»: это наказаніе, послѣ котораго нѣтъ реабилитаціи...

ходатайства объ отми́нѣнїи тѣлеснаго наказанія для крестьянъ считаются законными, а «въ университетскомъ» Харьковѣ объ этомъ нельзя даже говорить?...

При такихъ харьковскихъ «вѣяніяхъ» удивительно, что благополучно прошли хотя нѣкоторыя постановленія, касающіяся дѣла народнаго образованія, а именно постановлено: 1) учредить при губернской управѣ органъ для разработки статистическаго матеріала, съ ежегоднымъ отпускомъ въ распоряженіе управы на этотъ предметъ 1.500 руб. изъ суммъ, ассигнованныхъ на низшее народное образованіе. Благодаря этому постановленію, при Харьковской управѣ организуется *текущая школьная статистика*. 2) Разрѣшеніе управы выдавать пособія изъ ассигновокъ 1899 и 1900 годовъ (изъ ежегодно ассигнуемыхъ 200.000 руб.) *на устройство новыхъ школъ* въ размѣрѣ до $\frac{3}{4}$ стоимости зданій и 5 руб. на ученика на обзаведеніе, а также до $\frac{2}{3}$ на расширеніе старыхъ школъ, а на обзаведеніе—по 5 р. на ученика, въ зависимости отъ того, на какое число учениковъ школа увеличивается. Приведенныя постановленія сдѣланы были послѣ горячихъ преній противниковъ и защитниковъ народнаго образованія и сторонниковъ руководящей роли губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Поклонники уѣздной инициативы явились оппонентами въ вопросѣ ежегоднаго ассигнованія со стороны губернскаго земства 200.000 руб. на школы, ссылаясь при этомъ на прошлогодній протестъ со стороны губернатора. Въ виду этого, считаемъ небезынтереснымъ привести отзывъ того-же губернатора въ приложеніи ко всеподданнѣйшему отчету за 1898 годъ о дѣятельности харьковскаго земства по народному образованію: «Нельзя не упомянуть о томъ участіи,—говорится въ приложеніи,—какое принимаютъ въ дѣлѣ распространенія грамотности земство и городскія общества. Какъ и въ предшествующіе годы, земству принадлежитъ преимущественное значеніе въ народномъ образованіи: оно принимаетъ самое живое участіе и находитъ возможнымъ и справедливымъ заносить въ свои смѣты значительныя суммы на это дѣло, давая такимъ образомъ хорошій примѣръ тѣмъ сельскимъ обществамъ, гдѣ сочувствіе народному образованію не сдѣлалось еще принадлежностью большинства. Отношеніе же городскихъ общественныхъ управленій къ начальному народному образованію не вездѣ одинаково. Нѣкоторыя городскія общества совершенно равнодушно смотрятъ на существованіе въ этихъ городахъ начальныхъ училищъ, жалкая матеріальная обстановка которыхъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ безпредѣльной терпимости въ этомъ случаѣ городскихъ обществъ».

Помимо приведенныхъ постановленій, харьковское собраніе, оза-

бочиваясь повышеіемъ уровня учителей, постановило ежегодно устраивать *педагогическіе курсы*, разбивъ губернію на 4 района, именно курсы будутъ въ Сумахъ, Волчанскѣ, Славянскѣ и Богодуховѣ. Принимая во вниманіе, что всѣхъ народныхъ учителей въ Харьковской губерніи 264, а учительницъ 389, на каждый курсовой районъ въ среднемъ приходится по 164 слушателя *). На курсы ежегодно будетъ ассигновываться по 4.000 руб., причемъ первые курсы будутъ организованы въ г. Сумахъ. Заслуживаетъ еще вниманія сочувственное отношеніе земства къ полезной дѣятельности харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности, такъ какъ «при посредствѣ Обществъ увеличивается контингентъ общественныхъ дѣятелей, слишкомъ уменьшенный Положеніемъ 1890 г.». Комитету сельскихъ библіотекъ Общества собраніе ассигновало на устройство *народныхъ библіотекъ* 11.500 руб. и 500 р. на осмотръ этихъ библіотекъ; *комиссіи народныхъ чтеній* ассигновано 1.400 руб. и *издательскому комитету* 1.800 р., а всего Обществу ассигновано 15.200 руб. Наконецъ, принимая во вниманіе, что для развитія школьнаго дѣла въ губерніи необходимо предоставить сельскимъ обществамъ прибѣгать къ помощи губернскаго земства, такъ какъ они, при всемъ желаніи устроить школьныя зданія, зачастую стѣсняются произвести крупную одновременную затрату на собственные средства,—собраніе, согласно доклада школьной комиссіи, постановило: на 1900 г. открыть обществамъ кредитъ на устройство школьныхъ зданій, увеличивъ размѣръ его на 50.000 руб.

И. Бѣлоконскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Курсы, какъ таковыя, необходимы, конечно, лишь для нѣкоторыхъ начальныхъ учителей и учительницъ. Для значительнаго числа ихъ полезнѣе было-бы устроить разрѣшенные нынѣ сѣзды.

ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

(Изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя).

(Продолженіе).

У меня подъ руками отчетъ одного изъ инспекторовъ начальныхъ училищъ. Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, говорится:

«При первомъ-же моемъ осмотрѣ начальныхъ училищъ, какъ въ городѣ, такъ и въ селеніяхъ оказалось, что въ школахъ по одному и тому-же предмету практикуются самыя разнообразныя учебники, напр., по объяснительному чтенію въ 1-хъ училищахъ читаютъ книжки Толстого, въ другихъ Ушинскаго, въ 3-хъ Баранова, въ 4-хъ Бунакова и т. д.; по ариметикѣ въ однихъ школахъ проходится (sic) задачникъ Евтушевскаго, въ другихъ Вишневаго и т. п. Такое разнообразіе учебниковъ въ школахъ одной мѣстности, съ однимъ и тѣмъ-же курсомъ, въ высшей степени неудобно, какъ по причинамъ педагогическимъ, такъ и по снабженію школъ этими учебниками,—помимо уже того, что не всѣ упомянутыя учебники одинаково хороши и пригодны для нашихъ школъ».

Въ другомъ мѣстѣ этого не особенно складнаго образца канцелярской литературы находится и объясненіе такого разнообразія въ учебникахъ:

«Такой беспорядокъ въ распредѣленіи учебниковъ я объясняю тѣмъ, что для лица, завѣдывающаго (вѣроятно, завѣдывавшаго) учебною частью было безразлично: что и какъ и почему учать, *каждый учитель и учительница избирали себѣ по сердцу учебникъ*, просили управу о выпискѣ, управа выписывала и высылала».

Итакъ, въ школахъ, ввѣренныхъ этому инспектору, царилъ беспорядокъ, заведенный, по моему толкованію, лицомъ, «завѣдывавшимъ» (а не «завѣдывающимъ», какъ сказано въ отчетѣ) учебною частью, т.-е., по-просту, предшественникомъ этого инспектора. Авторъ-же цитированныхъ строкъ принялъ мѣры къ уничтоженію беспорядка («нынѣ этотъ беспорядокъ прекращается», скромно говорится въ отчетѣ) и перекомендовалъ земству ввести однихъ и тѣхъ-же учебники (Баранова и Вишневаго) во всѣ школы.

Въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ отчета обращаютъ вниманіе слова: «каждый учитель и учительница избирали себѣ по

сердцу учебникъ». Можетъ быть, это иронія, а можетъ быть, констатированіе факта. Вѣроятно-же всего, ироническое констатированіе факта, подмѣченнаго, но не продуманнаго, г. инспекторомъ. Иронизировать-же, собственно говоря, не надъ чѣмъ.

Для учителя нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ преподавать по тяжелому и не нравящемуся ему учебнику. Въ этомъ случаѣ онъ работаетъ, что называется, изъ-подъ палки и радъ-радеконекъ, когда найдеть руководство «по-сердцу», а обстоятельства не помѣшаютъ вести дѣло по «симпатичному» ему учебнику. Цитированный мною инспекторъ для изгнанія «разнообразія» и водворенія «однообразія» ввелъ (какъ я уже упомянулъ) Баранова и Вишневскаго, т.-е. именно то, что не безъ основанія избѣгалось нѣкоторыми учителями, какъ тяжелое и неудобопонятное. О г. Барановѣ много уже говорилось въ нашей періодической печати, такъ что этотъ составитель едва-ли можетъ найти серьезныхъ защитниковъ своей книги. Методика и задачникъ г. Вишневскаго, написанныя ялидарнымъ слогомъ и не безъ серьезныхъ погрѣшностей, то-же не могутъ претендовать на благосклонность педагогической критики.

Повторяю, что учитель, лишенный возможности хоть изрѣдка освѣжиться на другихъ учебникахъ, будетъ вести дѣло механически, не вкладывая въ него души, что такъ необходимо для школы. Объ ученикахъ и говорить нечего. Сами они тѣмъ-же Барановымъ увлечься не могутъ, а не расположенный къ учебнику учитель не вдохнетъ любви къ нему и въ школьникамъ. И будетъ вестись дѣло изо дня въ день, «отселева и доселева», безъ всякаго къ нему интереса. Школа будетъ прозябать, живая учительская дѣятельность превратится въ «поденщину», что, конечно, не помѣшаетъ иному учителю и его ученикамъ отличатся на ревизіяхъ. Книжка «по-сердцу», даже и хрестоматія, много значить. У меня подъ руками кромѣ обязательныхъ Баранова и Ушинскаго («Родное Слово» ч. 2), были еще и «Нашъ другъ» бар. Корфа, и «Первая пчелка» Поливанова (по одному экземпляру). Время отъ времени мы читали и эти книги.

Такое параллельное чтеніе расширяло кругозоръ моихъ школьникомъ *).

Иногда я, чтобы провѣрить вкусъ и критическое чутье моихъ учениковъ, задавалъ имъ вопросы: «А какая изъ этихъ хрестоматій вамъ больше нравится?» Относительно Ушинскаго и бар. Корфа возникало еще сомнѣніе, кому изъ нихъ отдать пальму первенства.

*) Министерскія программы, какъ извѣстно, даже рекомендуютъ чтеніе подходящихся въ школьной библіотекѣ книгъ, доступныхъ дѣтскому пониманію.

Баранову-же всё безусловно отводили послѣднее мѣсто. Бывало и такъ, что ученики старшаго отдѣленія, въ которомъ полагается читать «книгу для класснаго чтенія» Баранова, просили меня читать съ ними «Родное Слово». Замѣчу, что самъ я отъ высказыванія мнѣнія о книгѣ Баранова воздерживался.

Думается, что книгъ «не по сердцу» рекомендовать не слѣдуетъ, и тотъ, кто вводитъ учебники, интересные для учениковъ и учителя, оказываетъ хорошую услугу школьному дѣлу. Но можетъ-ли инспекція быть всегда компетентнымъ судьей въ дѣлѣ назначенія руководства? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Инспектора, за немногими исключеніями, не знакомы съ деревенскою жизнью такъ, какъ знакомы съ ней, напр., сельскіе учителя; многіе изъ нихъ не занимались ни теоретически, ни практически педагогикой, большой процентъ инспекторскаго персонала не знаетъ и условій мѣстной жизни, для которой они сплошь и рядомъ люди новые, пришлые. Слѣдовательно, если признать за правильное, что во всѣхъ областяхъ обширной Россійской Имперіи нельзя достигнуть однообразія въ учебникахъ, съ одной стороны, и что это однообразіе прямо-таки необходимо по многимъ причинамъ для каждой области въ отдѣльности—съ другой, то спрашивается, кому-же предоставить выборъ руководства и пособій? Я думаю, что только учительскіе съѣзды могли-бы выполнить это дѣло съ успѣхомъ. Учитель, который въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени «протираетъ» и глазами, и руками тѣ или другіе учебники, знаетъ ихъ достоинства и недостатки навѣрное лучше самихъ авторовъ, изъ которыхъ большинство помнитъ содержаніе своихъ книгъ только въ общихъ чертахъ, совершенно не подозревая того, что въ какой-нибудь Коршуновкѣ или Ястребовкѣ есть учителя и ученики, цитирующіе ихъ хрестоматіи на память. На съѣздѣ учителя путемъ обмена мнѣній придутъ къ болѣе или менѣе единообразному рѣшенію вопроса о томъ, какой изъ учебниковъ считать наиболее подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ. Выбравъ такой учебникъ, они уже навѣрное не будутъ такъ часто кидаться отъ Баранова къ Толстому и отъ Ушинскаго къ Бунакову. И не для одного только «однообразія въ учебникахъ» нужны учительскіе съѣзды. Они необходимы вообще для введенія всякаго «однообразія» и для уничтоженія всякаго «разнообразія», парящаго въ нашихъ школахъ. Учительскіе съѣзды выработали бы нѣкоторое «однообразіе» и въ педагогическихъ пріемахъ, и въ дисциплинарныхъ мѣрахъ и въ порядкѣ отчетности. Я уже не говорю о томъ образовательномъ и воспитательномъ значеніи, которое могутъ имѣть для учителей съѣзды. Не касаюсь также и другого вопроса, насколько эти съѣзды поднимутъ такъ часто падающую энергію нашихъ деревенскихъ пе-

дагоговъ. Все это ясно и понятно каждому. Кто-то сказалъ: «вещи познаются по сравненію». Отсюда можно вывести такое заключеніе: «внѣ сравненія внѣтъ познанія». Когда я представляю себѣ нашего земскаго учителя (да и не его одного), то убѣждаюсь въ справедливости сдѣланнаго вывода. Наши учителя не знаютъ своихъ школъ: они не могутъ судить объ ихъ программѣ, такъ какъ не сравниваютъ своихъ школъ съ другими. Я лично замѣтилъ отсутствіе такого знанія на себѣ и провѣрилъ на товарищахъ. Никто изъ насъ не сопоставлялъ своихъ школъ. «Какъ успѣхи вашей школы?» спросишь, бывало, какого-нибудь учителя. — «А я почему знаю? Я въ своемъ дѣлѣ не судья?» А между тѣмъ можно и должно быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Каждый сапожникъ, каждый портной лично производитъ оцѣнку своей работы. Онъ знаетъ по сравненію ея достоинства и недостатки. И школьное дѣло не судебный процессъ. Учитель путемъ сравненія своей школы съ другими могъ-бы судить объ ея успѣхахъ. Когда я убѣдился, что не могу вполне правильно оцѣнить достоинства и недостатковъ своей школы, то первою мыслью, пришедшей мнѣ въ голову, было: сравнить степень подготовки своихъ учениковъ съ уровнемъ познаній воспитанниковъ сосѣднихъ школъ. Весною, когда сообщеніе становится болѣе удобнымъ (въ той мѣстности), я съ своими учениками посѣтилъ два или три сосѣднія земскія училища. Ущербъ школьному дѣлу отъ этого не произошло ровно никакого. Учителя, которые сами приглашали меня произвести, такъ сказать, сравнительную оцѣнку, занимались одновременно и съ своими, и съ моими учениками, спрашивали тѣхъ и другихъ. Занимался подобнымъ образомъ и я самъ. Потомъ мы сравнивали и производили оцѣнку. Помимо того, что такой способъ даетъ возможность сравнивать и судить, онъ хорошъ еще и тѣмъ, что сближаетъ учениковъ разныхъ школъ, которыя сплошь и рядомъ бываютъ настолько отчуждены, что становятся прямо во враждебныя отношенія. Учителямъ подобное «взаимное» обученіе также приноситъ пользу: каждый изъ нихъ на преподаваніи другого провѣряетъ достоинства и недостатки собственныхъ педагогическихъ приемовъ. Здѣсь у мѣста сказать и о благородномъ соревнованіи, которое можетъ возникнуть у учителей и у ихъ учениковъ. Словомъ, получаютъ въ нѣкоторомъ родѣ съѣзды въ миниатюрѣ.

Я началъ свои настоящія замѣтки выдержками объ учебныхъ пособіяхъ. Не лишнимъ считаю еще поговорить и о нихъ.

Почему-бы въ наши низшія школы не ввести въ качествѣ учебнаго пособія волшебнаго фонаря? Наглядность, какъ извѣстно, проповѣдуется всѣми методиками. Представленія образуются раньше понятій. Картины сильно запечатлѣваются въ дѣтскомъ умѣ, и

дѣти любятъ картины. Все поэтому говорить за волшебный фонарь. Всякому законоучителю (особенно въ инородческихъ селеніяхъ) извѣстно, какъ трудно усваивается деревенскими мальчиками священная исторія. При помощи-же волшебнаго фонаря этотъ трудъ облегчился-бы. Батюшка, рассказывая ученикамъ о томъ или другомъ событіи изъ священной исторіи, одновременно съ этимъ показывалъ-бы имъ картины. У учениковъ была-бы передъ глазами картина, которая, запечатлѣвшись, вызывала-бы ассоціацію и о рассказѣ, и обратно—намекъ на рассказъ вызывалъ-бы представление о запечатлѣвшейся картинѣ. Я останавливаюсь прежде всего на Законѣ Божіемъ въ виду его важности (особенно для инородцевъ) и въ виду трудности, съ какою онъ усваивается (особенно инородцами). Но никто не станетъ отрицать пользы волшебнаго фонаря и при преподаваніи другихъ предметовъ. О томъ-же, сколько жизни вноситъ въ школу волшебный фонарь, мнѣ нечего распространяться: объ этомъ много говорилось и писалось. Что касается осуществимости этой мысли, то, думается, постепенно каждое земство могло-бы завести въ своихъ школахъ волшебные фонари. Не мѣшало-бы ввести въ наши школы и досечки съ надписями: «не убивай и не разоряй гнѣздъ такой-то птицы или животнаго потому-то», какъ это практикуется въ Германіи. А то не мало полезныхъ животныхъ уничтожается беззаботными деревенскими дѣтьми. Таблицы-же съ изображеніемъ того или другого «друга» земледѣльца, съ объяснительнымъ текстомъ подъ запрещеніемъ уничтожать подобное животное, произвести, конечно, извѣстное впечатлѣніе на учениковъ.

Отъ волшебнаго фонаря и другихъ предметовъ, я перейду къ одной вещицѣ, о которой, повидимому, совсѣмъ не думаютъ и которая между тѣмъ имѣетъ громадное значеніе. Я имѣю въ виду медицинскій термометръ. Очень немногія, сравнительно, училища находятся тамъ, гдѣ имѣются врачебный и фельдшерскій пункты, между тѣмъ какъ учителю очень нерѣдко приходится имѣть дѣло съ больными. На глазъ и на ошупь очень трудно опредѣлить степень опасности начавшейся болѣзни. Когда-же у учителя имѣется въ рукахъ термометръ, эта затруднительность значительно облегчается. Болѣе или менѣе сильное отклоненіе ртутнаго столба отъ нормы укажетъ ему, насколько необходима врачебная помощь. Объективное показаніе термометра дастъ учителю нравственное право вызвать немедленно врача или фельдшера, которые нерѣдко (и не безъ основанія) обижаются, когда ихъ тревожатъ по пустякамъ, представлявшимся, однако, требовавшему ихъ учителю серьезной опасностью. Земскія управы при помощи своихъ врачей легко могутъ составить инструкціи для учителей, объясняющія, при какихъ

показаніяхъ термометра они должны немедленно вызвать врача. При тѣхъ большихъ оптовыхъ закупкахъ, какія дѣлаются нашими земствами, расходъ на термометры (небольшой и самъ по себѣ) будетъ очень не великъ. Учителя-же термометръ избавитъ отъ крайностей «преувеличенія» и «преуменьшенія» опасности болѣзни. Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ объективное измѣреніе температуры можетъ сыграть огромную роль: показанія термометра помогутъ, можетъ статься, предупредить развитіе нѣкоторыхъ эпидемическихъ болѣзней. Нужно только, чтобы учитель не забывалъ, зачѣмъ ему приславъ термометръ и какое значеніе имѣютъ его показанія.

У меня былъ собственный термометръ, и я имъ пользовался. Помню такой случай. Услышалъ я, что боленъ одинъ изъ моихъ учениковъ. Я сейчасъ-же бѣгу къ нему, захвативъ свой «градусникъ». Мальчикъ лежитъ безъ памяти. Ставлю ему подъ мышку термометръ; температура 40°. Немедленно пишу записку къ фельдшеру и, упомянувъ о степени жара, прошу его поскорѣе прибыть къ больному. Отецъ больного не хотѣлъ сначала посылать за фельдшеромъ, полагаясь на «Осподню волю». Я постарался убѣдить его, что Богъ велитъ заботиться о своемъ и чужомъ здоровьѣ и что «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ». Мужикъ оказался стоворчивымъ и послалъ за фельдшеромъ лошадь. Фельдшеръ скоро пріѣхалъ и нашелъ у больного оспу, противъ которой постарался принять мѣры. И это не единственный случай въ моей «практикѣ», когда термометръ давалъ мнѣ право требовать немедленной врачебной помощи. О маленькихъ вещахъ очень часто забываютъ, что онѣ важны: такова судьба всего скромнаго. Такъ, вѣроятно, случилось и съ термометромъ, объ отсутствіи котораго въ нашихъ школахъ забываютъ даже земства, организующія для своихъ учителей курсы по гигиенѣ, и врачи, читающіе лекціи на этихъ курсахъ. О необходимости комнатнаго термометра я уже не говорю, а между тѣмъ не во всякой школѣ имѣется и этотъ приборъ. Да, о многихъ «важныхъ» мелочахъ намъ еще надлежитъ позаботиться...

Дидо.

Опытъ психологіи грамоты съ главнѣйшими дидактическими изъ нея выводами.

(Продолженіе).

IV.

Остается освѣтить послѣдній изъ намѣченныхъ вопросовъ—привести выдѣленные предшествовавшимъ анализомъ психическія образованія, составляющія процессы чтенія и письма, въ связь съ физиологической нашей организаціей и показать ихъ возможность со стороны этой послѣдней. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ общими психологическими взглядами на память и локализацию психическихъ образованій и, во избѣжаніе неясностей и повтореній, вынуждаемся сдѣлать еще небольшое отступленіе въ область общей психологіи.

Въ настоящее время вопросъ о природѣ памяти можно считать принципиально разрѣшеннымъ; всѣ соглашаются о томъ, что память не есть какая-либо спеціальная психическая функція или «способность», по прежней терминологіи; она есть общее свойство всѣхъ психическихъ образованій обнаруживать склонность къ повторенію не только освѣщаемыхъ сознаниемъ, но и находящихся за его предѣлами, безсознательныхъ, и въ этомъ смыслѣ она представляетъ въ основѣ своей явленіе нервное, физиологическое, опирающееся на общее свойство нервной матеріи—сохранять наклонность возбуждаться вновь такимъ-же образомъ, какимъ она была возбуждена ранѣе, и развивать въ своей средѣ безчисленные и безконечно разнообразныя динамическія ассоціаціи. Разнообразныя впечатлѣнія, дѣйствующія на человѣка со-внѣ, черезъ органы внѣшнихъ чувствъ, и изнутри, черезъ внутренніе органы питанія и жизни, воспринимаются соотвѣтствующими периферическими развѣтвленіями нервовъ и при помощи нервныхъ проводниковъ передаются центральному нервному органу—органу сознательной психической дѣятельности—головному мозгу, гдѣ также вызываютъ соотвѣтствующее молекулярное измѣненіе: психическая реакція на него и будетъ явленіемъ сознанія,

актомъ мысли, аффекта или чувства. Но нервныя измѣненія, разъ испытанныя подѣ въліянiемъ внѣшняго или внутренняго стимула, не исчезаютъ послѣ этого безслѣдно, но оставляютъ послѣ себя въ нервныхъ центрахъ нѣкоторые слѣды (Nachbilder)—въ формѣ-ли простой наклонности къ такому возбужденію, или въ иномъ, болѣе конкретномъ видѣ. Уже съ самаго начала, въ самомъ актѣ воспріятія, слѣды эти вступаютъ въ разнообразныя динамическія соединенія, ассоціаціи, какъ между собою, такъ и со слѣдами прежде бывшихъ психическихъ состояній. Отъ повторенія испытанныхъ впечатлѣній оставленные ими слѣды усиливаются, взаимная связь ихъ крѣпнѣетъ и разнообразится, они вступаютъ въ новыя и новыя ассоціаціи, такъ какъ ни одно душевное состояніе не повторяется въ совершенно тождественной съ прежнею обстановкѣ. Эти динамическія образованія въ сферѣ нервныхъ центровъ, которымъ въ области психическихъ образованій соотвѣтствуютъ процессы «слияній» и «ассоціацій» и ихъ продукты, въ свою очередь сами вступаютъ въ многочисленныя ассоціаціи между собою, болѣе сложныя и высшія по соотвѣтствующимъ имъ психическимъ реакціямъ, а эти дѣлаются составными частями еще болѣе сложныхъ и высокыхъ ассоціацій. Такъ слагается органическая основа памяти.

Память, по словамъ Герберта Спенсера, относится къ тому классу психическихъ состояній, которыя находятся въ процесѣ организаціи: она является тогда, когда усложненіе связей между психическими состояніями дѣлаетъ ихъ послѣдовательность несовершенно автоматичною, продолжается до тѣхъ поръ, пока продолжается организація этихъ состояній, и исчезаетъ, какъ только организація эта закончилась и достигла совершенства, такъ что «память есть зачаточный инстинктъ и инстинктъ есть организованная память» *). Эту, въ своей основѣ вѣрную, мысль Спенсера другой извѣстный психологъ эмпирическаго направленія (Рибо) развиваетъ слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, говоритъ онъ, что мы припоминаемъ одинъ или два раза какое-нибудь новое приобрѣтеніе нашего ума. Подобныя воспоминанія представляютъ самыя непрочныя элементы памяти,—непрочныя до того, что многіе изъ нихъ вскорѣ совершенно исчезаютъ: къ этой группѣ можетъ быть отнесена большая часть фактовъ совершающихся ежедневно и ежечасно. Организація ихъ всегда очень слаба даже въ томъ случаѣ, когда они отличаются ясностью и отчетливостью. Но чѣмъ чаще они возвращаются, произвольно или непроизвольно, тѣмъ дѣлаются прочнѣе и стремленіе ихъ къ организаціи выражается рѣзче. За этой группой воспоминаній,

*) Спенсеръ, «Основанія психологіи», т. II, стр. 168, 175.

вполнѣ сознательныхъ и неорганизованныхъ, слѣдуетъ группа состояній сознательныхъ и полуорганизованныхъ: сюда можно отнести представленія, касающіяся языка, только что нами изучаемаго, или научной теоріи, наконецъ, ремесла, которыми мы владѣемъ только наполовину. Здѣсь становится незамѣтнымъ индивидуальный характеръ первой группы, воспоминаніе дѣлается все болѣе и болѣе безличнымъ; оно объективируется. Но положимъ, что мое знаніе науки, языка или искусства растетъ; тогда оно мало-по-малу выходитъ изъ сферы сознательной и уже походить больше на память органическую. Примѣръ подобнаго явленія мы можемъ видѣть въ памяти родного языка для взрослого и—добавимъ отъ себя—въ установившихся навыкахъ грамоты. Слѣдуя дальше, мы находимъ память совершенно организованную и почти безсознательную, какъ-то: память музыкальной игры у талантливаго артиста, память ремесла у опытнаго работника, отчасти память навыковъ грамоты. Однако все это когда-то представляло память вполнѣ сознательную. Можно идти еще дальше: работа каждаго изъ нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ уже требуетъ памяти вполнѣ организованной, и послѣдняя такъ воплощается въ насъ, что большинству изъ насъ даже не приходится въ голову вопросъ о томъ, насколько здѣсь пріобрѣтеннаго нами и насколько врожденнаго *). Такимъ образомъ, то, что обыкновенно называютъ собирательнымъ именемъ памяти, представляетъ ряды состояній, обладающихъ всѣми степенями организациі, объективируемой въ особыхъ состояніяхъ нервныхъ элементовъ и динамическихъ ассоціаціяхъ между ними. При такой точкѣ зрѣнія становятся понятными для насъ многочисленныя наблюденія въ области болѣзненныхъ состояній памяти, психическимъ выраженіемъ которыхъ могутъ служить такіе факты, какъ забвеніе какого-нибудь языка, музыкальныхъ знаковъ, навыковъ грамоты и проч., вслѣдствіе удара палкою по головѣ, ушиба, сотрясенія, какого-либо болѣзненнаго процесса и проч. **).

Въ тѣсной связи съ такимъ взглядомъ на память стоитъ и другой взглядъ современныхъ ученыхъ—на локализацию психическихъ состояній въ корковомъ слоѣ головного мозга. По этому взгляду, при различныхъ психическихъ состояніяхъ обнаруживаетъ дѣятель-

*) *Рибо*, «Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ». Спб. 1894 г. стр. 68 и сл.

***) Объ этомъ можно читать на русскомъ языкѣ у *Тэна*, «Объ умѣ и познаниі». Спб. 1872, т. I, стр. 94 и сл.; у *Рибо*, «Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ». Спб. 1894, стр. 147—191; «Болѣзни личности». Спб. 1896, стр. 97 и сл., 120 и сл.; у *Фейнберга*, «Къ діагнозу и локализациі растройства звуковой и письменной рѣчи». Спб. 1890, стр. 34—40, 53—63 и др.

ность не весь головной мозгъ и не вся поверхность его верхняго слоя, а только нѣкоторыя его сферы, именно тѣ, гдѣ локализованы ихъ нервныя слѣды или, выражаясь грубѣе, «заложены ихъ нервныя центры». Положимъ, что взгляды этотъ не всѣми учеными раздѣляется въ одинаковой мѣрѣ и нуждается еще во многихъ разъясненіяхъ и подтвержденіяхъ; но если отбросить черезчуръ грубыя физиологическія представленія тѣхъ, которые каждое воспріятіе, каждое представленіе готовы размѣщать по особенымъ кѣткамъ мозговой корки, что прямо противорѣчитъ и даннымъ психологическаго анализа этихъ образованій, то въ болѣе смягченной своей формѣ гипотеза эта имѣетъ за себя весьма много фактовъ и соображеній. Во всякомъ случаѣ относительно функций рѣчи, которыя и занимаютъ насъ въ настоящемъ случаѣ, съ точностью установлено, что онѣ локализируются въ опредѣленныхъ частяхъ лѣвой височной доли мозговой корки, а именно: звуковыя ощущенія и представленія рѣчи локализируются въ первой и второй височныхъ извилинахъ, моторныя-же ощущенія, производимыя артикуляціею рѣчи, локализируются въ задней части третьей лобной извилины, ближе къ Сильвиевой бороздѣ; зрительныя ощущенія письменной рѣчи локализируются въ общей зрительной сферѣ, полагаемой въ области затылочныхъ долей, а моторная сфера письма, управляющая координаціей движеній ручной кисти, полагается въ центральныхъ извилинахъ и нижней темянной долѣ *). Какъ совершается эта локалізація многочисленныхъ психическихъ образованій, составляющихъ содержаніе понятія устной и письменной рѣчи, точно указать, конечно, нѣтъ возможности и едва-ли когда-либо наука будетъ въ состояніи это сдѣлать; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что весьма важную роль при этомъ играютъ тѣ многочисленные и разнообразныя ассоціаціонныя пути, которые пролегаютъ между нервными элементами (кѣтками) и служатъ для передачи возбужденія отъ одного элемента къ другому. Полагаютъ, что эта радіація нервныхъ центровъ играетъ выдающуюся роль въ психической жизни: богатство и разнообразіе памяти ставится въ зависимость не только отъ количества сохранившихся нервныхъ слѣдовъ, но и отъ разнообразія установившихся между ними динамическихъ ассоціацій.

Возвратимся теперь къ главному предмету нашей рѣчи—къ навыкамъ грамоты. Представляется-ли возможнымъ данныя психологическаго анализа этихъ навыковъ поставить въ соотвѣтственную связь съ физиологическими условіями психической дѣятельности?

*) Кроме наблюденій Брокка (Broca), давшихъ начало этому взгляду, п опытовъ Рише (надъ сомнабулами), взглядъ этотъ подтверждается многочисленными клиническими наблюденіями и изслѣдованіями.

Намъ кажется, что на основаніи уже того, что сказано было сейчасъ о памяти и локализациі психическихъ функций звуковой и письменной рѣчи, можно съ достовѣрностью предположить, что для составляющихъ процессы чтенія и письма психическихъ образованій имѣются на-лицо всѣ необходимыя фізіологическія условія, въ видѣ нервныхъ центровъ и ассоціаціонныхъ путей между ними. Но это апріорное предположеніе находитъ себѣ самое полное подтвержденіе и въ данныхъ опыта, именно въ наблюденіяхъ надъ болѣзненными нарушеніями функций устной и письменной рѣчи, извѣстными подъ общимъ названіемъ «афазіи». Патологическіе случаи весьма часто представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для психологическихъ наблюденій и выводовъ: болѣзнь разъединяетъ то, что въ здоровомъ состояніи имѣетъ видъ одного нераздѣльнаго акта; она выдвигаетъ впередъ и даетъ замѣтить такіе процессы, которые въ здоровомъ состояніи заслонены или видоизмѣнены присутствіемъ другихъ процессовъ, показываетъ, какіе изъ нихъ связаны и какіе независимы другъ отъ друга, и пр. Такимъ именно драгоцѣннымъ матеріаломъ являются упомянутыя расстройства отправленій рѣчи; анализируя и сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, мы получаемъ цѣлую картину этихъ отправленій, освѣщенную притомъ одновременно съ двухъ точекъ зрѣнія — психической и фізіологической. Поэтому ознакомиться съ этими явленіями въ общихъ чертахъ будетъ для насъ не бесполезно.

Случаи афазіи или амнезіи знаковь, бывшіе предметомъ наблюденія и клиническаго изученія, вообще многочисленны и разнообразны, описаніе даже наиболѣе типичныхъ изъ нихъ, само по себѣ весьма интересное и поучительное, заняло-бы много мѣста и времени. Къ сожалѣнію, всѣ они наблюдались и изучались съ точки зрѣнія медицинской и фізіологической и наблюдатели вообще не задавались вопросами психологическими, а тѣмъ болѣе—педагогическими, или психологическую точку зрѣнія отождествляли съ фізіологической. Но и того, что мы имѣемъ, достаточно, чтобы намѣтить организацію рѣчи и навыковъ грамоты въ существенныхъ чертахъ.

Различаютъ два главныхъ вида афазіи: атактическую или двигательную и амнестическую или чувственную; изъ нихъ первая обусловливается расстройствомъ двигательныхъ центровъ рѣчи, а вторая—чувственныхъ; та и другая можетъ касаться какъ организаціи рѣчи устной, звуковой, такъ и письменной, навыковъ грамоты. Отличительною чертою афазіи атактической, при разнообразіи другихъ сопровождающихъ ее признаковъ, является: въ области рѣчи звуковой—полное сохраненіе большимъ способностіи понимать рѣчь другихъ, безъ возможности самому владѣть ею, а въ области рѣчи

письменной—сохраненіе способности чтенія и утрата способности письма, не въ смыслѣ только разстройства установившейся координаціи движеній ручной кисти, но и вслѣдствіе разстройства функціи звукового анализа. При афазіи-же амнестической въ первомъ случаѣ способность произвольной рѣчи сохраняется, но утрачивается пониманіе рѣчи другихъ, а во второмъ—утрачивается способность чтенія, но сохраняются навыки письма. Но бываютъ еще случаи смѣшаннаго, сравнительно съ двумя предъидущими категоріями, характера, когда больной можетъ владѣть рѣчью и читаетъ, но рѣчи другихъ не понимаетъ, равно какъ не понимаетъ и читаемаго, или-же наоборотъ—теряетъ способность рѣчи и письма, но понимаетъ рѣчь другихъ и можетъ повторять слова, произносимыя другими, а равно сохраняетъ и навыки чтенія. Мы имѣемъ передъ собою попытку классифицировать разнообразныя разстройства звуковой и письменной рѣчи съ точки зрѣнія физиологической, принадлежащую д-ру Фейнбергу, старшему врачу Ковенской городской больницы *). Авторъ на основаніи собственныхъ и иныхъ клиническихъ наблюденій классифицируетъ разстройства рѣчи по локализаци болѣзненнаго процесса, въ зависимости отъ того, будутъ-ли разрушены центробѣжныя и центростремительныя нервныя пути—въ кортикальномъ слое мозга, подъ коркою или «надъ коркою» (центръ идей). Соотвѣтственно этому, у него получаются слѣдующія *шесть форм* афазіи, характеризующихся каждая своимъ особымъ комплексомъ психическихъ признаковъ. I. Афазіи въ сферѣ устной рѣчи: 1) моторная (атактическая) кортикальная (потеряна способность: произвольной рѣчи, повторенія сказаннаго, писанія по диктовкѣ, произвольнаго письма, чтенія, обозначенія въ словѣ числа буквъ **); сохранена способность: пониманія рѣчи другихъ, переписыванія); 2) моторная (атактическая) субкортикальная (потеряна способность: произвольной рѣчи, повторенія произносимыхъ другими словъ; сохранена способность: чтенія, письма—по диктовкѣ и произвольнаго, переписыванія, обозначенія въ словѣ числа гласныхъ) (?); 3) моторная (атактическая) транскортикальная (потеряна способность: произвольной рѣчи и произвольнаго письма; повторенія произносимыхъ другими словъ, чтенія, списыванія, письма по диктовкѣ); 4) сенсорная (амнестическая) кортикальная (потеряна способность: пониманія рѣчи другихъ, повторенія сказанныхъ другими словъ, чтенія, письма по диктовкѣ и произвольнаго; сохранена

*) См. Фейнбергъ, «Къ діагнозу и локализаци разстройствъ звуковой и письменной рѣчи». Спб. 1890.

**) Авторъ имѣетъ въ виду, конечно, звуки, а не буквы, и разумѣетъ здѣсь утрату функціи звукового анализа.

способность: списыванія, произвольной рѣчи съ параафазією*); 5) сенсорная (амнестическая) субкортикальная (потеряна способность: пониманія рѣчи другихъ, повторенія сказанныхъ другимъ словъ; сохранена способность: произвольной рѣчи безъ параафазіи, чтенія, списыванія, произвольнаго писанія); 6) сенсорная транскортикальная (потеряна способность: пониманія рѣчи другихъ, пониманія читаемаго; сохранена способность: повторенія сказанныхъ словъ безъ пониманія ихъ смысла, чтенія безъ пониманія, копированія, писанія по диктовкѣ и произвольнаго, произвольной рѣчи); наконецъ, есть еще одна форма афазіи — *седьмая*, вслѣдствіе нарушенія ассоціаціоннаго пути между сенсорнымъ и моторнымъ центромъ рѣчи (Leitungsaphasie), характеризуемая явленіями параафазіи.

II. Афазіи специально въ сферѣ письменной рѣчи, или навыковъ грамоты: 1) кортикальная алексія (потеряна способность: чтенія, произвольнаго письма, письма по диктовкѣ и копированія); 2) субкортикальная алексія (потеряна способность: чтенія, переписыванія; сохранена способность: письма произвольнаго и по диктовкѣ); 3) транскортикальная алексія (потеряна способность: чтенія, письма произвольнаго и по диктовкѣ; сохранена способность механическаго копированія); 4) кортикальная аграфія (потеряна способность: письма произвольнаго, по диктовкѣ и копированія; сохранена способность чтенія); 5) субкортикальная аграфія (явленія одинаковыя).

Физиологическая картина иннервацій звуковой и письменной рѣчи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Звуковыя впечатлѣнія рѣчи, воспринимаемыя органомъ слуха (*A*), передаются въ слуховой центръ рѣчи *B* (см. фиг. 2), соединенный при помощи системы ассоціаціонныхъ путей съ моторнымъ центромъ рѣчи *D*, и въ обоихъ центрахъ происходитъ соотвѣтствующая иннервація, вызывающая въ сознаніи (*C*) соотвѣтственный образъ представленія или понятія. Процессъ произвольной рѣчи начинается отъ центра *C*, гдѣ возникаетъ представленіе или понятіе; послѣднее одновременно иннервируетъ центры *B* и *D*, вызывая въ нихъ иннервацію соотвѣтственнаго словеснаго образа, которая уже воплощается въ координаціи движеній артикуляціи (*F*). Иннерваціонная система письменной рѣчи примыкаетъ къ системѣ рѣчи устной. Процессъ чтенія происходитъ въ слѣдующемъ видѣ: зрительныя впечатлѣнія буквенныхъ фигуръ, дѣйствуя на органъ зрѣнія (*E*), передаются въ нервный центръ зрительныхъ ощущеній письма (*G*), соединенный ассоціаціоннымъ пу-

*). Терминомъ этимъ обозначаются расстройства рѣчи, сопровождаемыя замѣною однихъ словъ другими. Приведенный подъ настоящей рубрикою видъ афазіи называется обыкновенно «словесною глухотою» (Worttaubheit).

дочетъ стоитъ въ прямой зависимости отъ того обстоятельства, что сознание и высшіе психическіе процессы, какъ убѣждаютъ наблюденія, повидимому, не стоятъ въ связи съ дѣятельностью какой-либо опредѣленной сферы головного мозга и значительныя разрушенія послѣдней не нарушаютъ цѣлости мышленія; но несомнѣнно, что и то, что полагается изложенною классификаціею «выше», за предѣлами мозговой сферы, на самомъ дѣлѣ находится по крайней мѣрѣ отчасти въ ея предѣлахъ, такъ какъ, по имѣющимся наблюденіямъ, явленія афазіи, обозначенныя рубрикою «транскортикальныхъ», всегда бываютъ слѣдствіемъ физическихъ болѣзненныхъ процессовъ, и тогда они излечивались. Второй недочетъ, касающійся основныхъ функцій письменной рѣчи — анализа и синтеза (функцій апперцепціи) простителенъ для фізіолога, а въ терапіи, вѣроятно, и совсѣмъ не играетъ никакой роли, ровно ничего не прибавляя къ діагнозу и леченію; но для психолога и тѣмъ болѣе для педагога эти функціи имѣютъ первостепенную важность. Поэтому, задавшись цѣлю поставить въ связь данныя психологическаго анализа процессовъ чтенія и письма съ данными фізіологическими, мы не имѣемъ права пренебрегать такими существенными психическими функціями, какъ функціи звуковаго анализа и синтеза. И несмотря на то, что явленія афазіи не изучались съ психологической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего утраченъ весьма цѣнный психологическій матеріалъ, мы имѣемъ однако и въ томъ, что дошло до насъ, несомнѣнныя данныя существованія у грамотныхъ этихъ функцій и ихъ фізіологическаго субстрата. Такъ, напр., пациентъ д-ра Фейнберга, у котораго послѣдній констатировалъ кортикальную моторную афазію, былъ лишенъ способности произвольной рѣчи, не могъ читать ни печатнаго, ни рукописнаго, но разбиралъ и читалъ каждую букву въ отдѣльности; точно также онъ «не въ состояніи написать ни одного слова, но пишетъ каждую букву въ отдѣльности, сочетать-же ихъ въ слова ему не удается. Ему приказываютъ писать слово «перо», онъ, долго размышляя, дѣлаетъ несоотвѣтственные штрихи, затѣмъ бросаетъ перо, сознавая невозможность исполнить данное ему порученіе. Приказаніе писать отдѣльные буквы: п' е' р' о' онъ тотчасъ исполняетъ, но все-таки слово перо произнести не можетъ». «Больной читаетъ произвольно и по диктовкѣ лишь буквы, сочетаніе-же ихъ въ слово для него невозможно». Другой пациентъ того-же д-ра Фейнберга, лишившійся сначала, вслѣдствіе парализа правой стороны, способности рѣчи, впослѣдствіи значительно оправился: онъ «владѣетъ полнымъ запасомъ словъ, понимаетъ рѣчь другихъ, самъ бесѣдуетъ обо всемъ, но довольно часто замѣняетъ одно слово другимъ, причѣмъ, замѣчая свою ошибку, скоро находитъ соотвѣтственное слово и продол-

жаеть разговоръ. Но читать онъ не можетъ, писать тоже не можетъ ни произвольно, ни подъ диктовку. Произвольно онъ пишетъ всѣ буквы алфавита; ему приказываютъ избрать подходящія буквы для слова «перо»; онъ послѣ долгаго размысленія нерѣшительно пишетъ слово «ножъ». Ему приказываютъ написать слово «ножъ», и онъ пишетъ «ночь». Числа больной пишетъ до 9, сложныя—20, 40 и т. д. ему не удаются» *).

Интересно остановиться на этихъ фактахъ и выяснить: почему больные д-ра Фейнберга, страдавшіе атактической афазіей, могли писать всѣ буквы *въ отдѣльности*, но не въ состояніи были написать ни одного комплекса, ни одного слова, а написавъ какое-либо слово подъ диктовку отдѣльныхъ буквъ, не могли прочесть, произнести его? Слуховые центры рѣчи у нихъ, безъ сомнѣнія, были въ сохранности, потому что они хорошо слышали произносимыя другими слова, понимали чужую рѣчь, а одинъ изъ нихъ даже и самъ хорошо владѣлъ ею и имѣлъ достаточный запасъ словъ. Мало того, у нихъ сохранились и оба центра письменной рѣчи—зрительный и моторный, такъ какъ они имѣли представленіе объ отдѣльныхъ звуковыхъ элементахъ, различали печатныя буквы и сами могли писать подъ диктовку всѣ буквы алфавита; и тѣмъ не менѣе навыки грамоты были ими утрачены совершенно, они не могли ни прочесть слова, ни написать его, не могли произнести его даже и въ томъ случаѣ, когда сами-же записали подъ диктовку всѣ его звуки. Чего-же имъ не доставало? Очевидно, не доставало имъ того-же самаго, чего недостаетъ и всякому неграмотному человѣку, который хорошо слышитъ произносимыя ему слова, можетъ заучить и отдѣльные звуки и буквы, и все-таки отъ этого не сдѣлается грамотнымъ, такъ какъ недостаточно еще заучить алфавитъ, чтобы сдѣлаться грамотнымъ. Въ навыкахъ грамоты, какъ мы видѣли, существенную роль играютъ функціи звукового анализа и звукового синтеза: нужно умѣть анализировать звуковой составъ слова на составные элементы, и тогда только можно записывать его буквами, тогда только будутъ имѣть надлежащее приложеніе навыки письменной артикуляціи; равнымъ образомъ, нужно не только знать, какимъ звукамъ соотвѣтствуютъ данныя буквы, но еще и въ какой звуковой комплексъ сольются эти звуки, взятыя въ извѣстной послѣдовательности, и тогда только можно прочесть изображенное этими буквами слово. Эта аналитико-синтетическая работа, какъ мы видѣли выше, составляетъ функцію процесса адперцепціи, а приведенныя сейчасъ наблюденія д-ра Фейнберга наглядно удостовѣряютъ,

*) Тамъ-же, стр. 36, 37, 39.

что эта психическая функция въ области навыковъ грамоты имѣетъ и свой специальный нервный субстратъ, свой особый нервный центръ. Хотя это будетъ въ значительной мѣрѣ априорное соображеніе, но мы не станемъ въ разногласіе съ фактами, если допустимъ, что при обученіи грамотѣ, въ связи съ прежними слухо-моторными центрами звуковой рѣчи, организуются вновь, при каждомъ изъ нихъ, еще два новыхъ центра, или, вѣрнѣе—полуцентра, аналитическій и синтетическій. Какъ организовавшіеся гораздо позднѣе центровъ устной рѣчи, въ періодъ организаціи функцийъ рѣчи письменной, и несравненно менѣе прочно, эти полуцентры естественно не обнаруживаютъ такой устойчивости, какъ организація рѣчи звуковой, и разрушаются скорѣе послѣдней. То обстоятельство, что эти полуцентры, въ приведенныхъ двухъ наблюденіяхъ д-ра Фейнберга, подверглись разрушенію вслѣдствіе болѣзненного процесса, локализовавшагося въ области нервныхъ центровъ устной рѣчи, заставляетъ и ихъ предполагать въ той-же сферѣ, а сохраненіе при этомъ специальныхъ центровъ письменной рѣчи (зрительнаго и двигательнаго) еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе. Но это уже вопросъ анатоміи, а не психологіи.

Итакъ, приведенная д-ромъ Фейнбергомъ схема локализаціи отправления устной и письменной рѣчи должна быть дополнена четырьмя добавочными полуцентрами: двумя (аналитическій—*a* и синтетическій—*b*) при слуховомъ центрѣ рѣчи (*B*) и двумя (*a* и *b*)—при моторномъ (*D*). Тогда схема эта совершенно совпадаетъ съ тою, которою фиксировали мы анализъ психологическій (см. фиг. 1).

Такимъ образомъ, результаты анализа навыковъ грамоты психологическаго и фізіологическаго оказались вполне согласными между собою, и это служитъ новымъ подтвержденіемъ ихъ правильности.

Функции анализа и синтеза въ организаціи навыковъ грамоты ускользали отъ вниманія не однихъ только естествовѣдцовъ. Просмотрѣлъ ихъ и покойный I. И. Паульсонъ, которому принадлежитъ единственная, до сего времени, въ нашей педагогической литературѣ попытка поставить методику грамоты въ связь съ психо-фізіологическими данными относительно навыковъ грамоты. Не установивъ и не приведя послѣдовательно различія между психологическою и фізіологическою точкою зрѣнія, онъ прямо отнесъ аналитическіе и синтетическіе моменты въ процессахъ чтенія и письма къ функциямъ нервныхъ центровъ звуковой рѣчи—слухового и двигательнаго *). Отъ этого значеніе и роль этихъ моментовъ остались у него невыясненными, затѣненными, вслѣдствіе чего и въ дидактическихъ

*) «Методика грамоты», ч. II, стр. 29 и сл.

выводахъ его оказалось много искусственнаго и неправильнаго: не методика выводилась изъ психологіи, а психологія пригонялась къ методикѣ.

Соединяя данныя обоихъ анализовъ—психологическаго и физиологическаго, мы должны въ слѣдующемъ видѣ представлять себѣ процессы чтенія и письма. Впечатлѣніе зрительнаго комплекса напечатаннаго или написаннаго слова, дѣйствуя на глазную сѣтчатку, передается въ зрительный центръ письменной рѣчи, иннервируетъ его и реагируется въ сознаніи, какъ воспріятіе; на основаніи прежде бывшихъ воспріятій другихъ буквенныхъ комплексовъ и отдѣльныхъ буквъ оно анализируется нами на отдѣльныя буквы, если не все, то его начальная часть, и вниманіе наше сосредоточивается на первой буквенной фигурѣ; впечатлѣніе послѣдней, иннервируя зрительный центръ рѣчи, вызываетъ воспріятіе ея и въ то-же время иннервация распространяется на остальные члены ассоціативнаго комплекса, и психической реакціей ея является сознаніе или воспроизведеніе въ сознаніи остальныхъ членовъ психической компликаціи, именно—образа воспоминанія соотвѣтственнаго звукового элемента (психическая реакція на иннервацию слухового центра), соединеннаго съ представленіемъ звуковой артикуляціи и ея результата (психическая реакція на иннервацию моторнаго центра), т.-е. съ элементами импульса; новое впечатлѣніе отъ слѣдующей буквы стимулируетъ точно такимъ-же образомъ и въ результатѣ приводитъ къ такому-же психическому образованію; послѣдній, становясь, по мѣрѣ своего появленія, предметомъ вниманія, апперципируются и подвергаются функціи синтеза, соединяясь, на почвѣ добавочныхъ синтезирующихъ полуцентровъ (слухового и моторнаго), въ образъ элементарнаго звукового комплекса, или слога, съ подобными-же прежнимъ элементами импульса звуковой артикуляціи (по реакціи на иннервацию моторнаго полуцентра), и если этотъ импульсъ не встрѣтитъ себѣ какого-либо препятствія (напр., желаніе артикулировать слово сразу, по окончаніи процесса чтенія), то онъ разрѣшается соотвѣтственно артикуляціи (чтеніе по слогамъ), въ противномъ-же случаѣ онъ ослабляется и не переходитъ въ волевое обнаруженіе, а процессъ чтенія продолжаетъ идти прежнимъ порядкомъ; по мѣрѣ образованія представленій новыхъ слоговъ, они, въ свою очередь, становятся предметомъ апперцепціи и синтезируются постепенно, на почвѣ иннервации тѣхъ-же полуцентровъ, въ образъ болѣе сложнаго звукового комплекса, соединеннаго съ соотвѣтственными элементами импульса артикуляціи и т. д. Если импульсы артикуляціи слоговъ и соединеній слоговъ ослаблялись задерживающею идеею и не переходили сряду-же въ волевое дѣйствіе, то по окончаніи

чтенія, когда возникнетъ образъ послѣдняго слога и синтезируется съ образовавшимся ранѣе образомъ комплекса (сумма прочитанныхъ слоговъ), образовавшійся импульсъ артикуляціи всего уже слова, не встрѣчая болѣе задерживающихъ препятствій, не замедлитъ разрешиться соотвѣтствующимъ волевымъ дѣйствіемъ, т.-е. артикуляціею слова. Одновременно съ тѣмъ иннервація полуцентровъ, стимулируя основные центры рѣчи, иннервируетъ въ нихъ соотвѣтствующіе динамическіе комплексы и вызываетъ въ сознаніе соотвѣтственный словесный образъ понятія или представленія, съ которымъ (образомъ) немедленно и ассимилируется вновь прочитанное слово, или-же не находитъ въ немъ себѣ отзвука и сознается, какъ слово непонятное, ранѣе не воспринимавшееся и никакому наличному нашему психическому образованию не соотвѣтствующее, воспринимается какъ простое *flatus vocis*.

Въ процессѣ письма, въ формѣ письменной фиксаціи мысли, мы исходимъ отъ понятія или представленія, сосредоточиваемъ свое вниманіе на словесномъ его образѣ и дѣлаемъ его предметомъ продолжительной апперцепціи, подвергая его, на почвѣ иннерваціи дополнительныхъ анализирующихъ полуцентровъ, постепенному расчлененію на части—сперва болѣе крупныя (слоги), потомъ элементарныя (слоги); каждый образъ воспоминанія звука вызываетъ соотвѣтственную иннервацію въ сферѣ дифференцирующихъ полуцентровъ (слухового и моторнаго), отъ которыхъ она передается по ассоціативнымъ путямъ въ центры письменной рѣчи, вызывая психическую реакцію въ формѣ образа воспоминанія соотвѣтственной буквенной фигуры (реакція по иннерваціи зрительнаго центра) въ связи съ элементами импульса письменной артикуляціи (реакція по иннерваціи моторнаго центра); послѣдній здѣсь не встрѣчаетъ задержекъ, какъ при чтеніи, и достигши необходимой силы—разрѣшается соотвѣтственною координаціею движеній ручной кисти. Такимъ путемъ словесный образъ представленія или понятія постепенно расчленяется на элементарныя части, которыя и фиксируются соотвѣтственнымъ рядомъ буквенныхъ фигуръ. Изображаемыя буквы, будучи предметомъ нашего активнаго вниманія, дѣйствуютъ опять, какъ внѣшніе стимулы, воспринимаются сознаніемъ и вызываютъ къ дѣятельности функціи процесса чтенія, которымъ мы и проверяемъ свое письмо.

Кл. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв.

Едва-ли надобно доказывать, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть преподаваемы, по всѣмъ предметамъ курса ихъ, лишь такія свѣдѣнія, которыя имѣютъ значеніе установившихся, общепризнаваемыхъ научныхъ положеній. Преподаваніе учебнаго матеріала сомнительной точности, не принося существенной пользы учащимся, можетъ вести и къ ослабленію учительскаго авторитета. Къ числу педагогическихъ дисциплинъ, отличающихся сравнительно большею достовѣрностью содержанія, слѣдуетъ отнести, во-1-хъ, *педагогическую психологію*. во-2-хъ, *дидактику* въ связи съ *логикой* и, въ-3-хъ, *исторію педагогики*. Эти дисциплины и могутъ быть съ пользой преподаваемы въ женскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв.

Педагогическая психологія должна получить значеніе обязательнаго для всѣхъ воспитанницъ VII класса гимназій учебнаго предмета и замѣнить преподаваемую въ упомянутомъ классѣ общую педагогику, изученіе которой доселѣ остается не общеобязательнымъ.

Въ курсъ общей педагогики, преподаваемой теперь въ VII классѣ входятъ свѣдѣнія по гигиенѣ или физическому воспитанію ребенка, по общей психологіи, логикѣ и теоріи воспитанія. Большое практическое значеніе въ этомъ курсѣ имѣютъ для воспитанницъ гимназій свѣдѣнія по гигиенѣ. Но такъ какъ изученіе этого предмета можетъ имѣть надлежащую цѣну лишь въ связи хотя-бы съ краткимъ курсомъ анатоміи и фізіологіи челоуѣка, а также химіи, съ которыми, само собою разумѣется, учитель долженъ быть знакомъ обстоятельно, то преподаваніе гигиены, по выцѣленіи ея изъ курса общей педагогики, необходимо предоставить врачу, какъ специалисту, который съ большой основательностью и въ связи съ общей гигиеной ребенка можетъ преподавать воспитанницамъ и гигиену школьную.

Свѣдѣнія по логикѣ также могутъ быть выдѣлены изъ курса общей педагогики и поставлены въ связь съ дидактикой, составивъ съ нею одинъ учебный предметъ, преподаваніе котораго слѣдуетъ отнести на VIII классъ. Соединеніе логики съ дидактикой вызывается тѣмъ соображеніемъ, что дидактика, представляя собою тео-

рію умственного воспитанія, является какъ-бы прикладною частью логики, такъ какъ въ своихъ постулатахъ опирается на общую теорію знанія, на тѣ правила его достиженія, опредѣленіе которыхъ составляетъ прямую задачу логики. При этомъ нельзя не принимать во вниманіе и того обстоятельства, что изученіе логики, столь затруднительное для воспитанницъ VII класса, должно пойти легче и успѣшнѣе въ VIII классѣ, когда онѣ будутъ уже нѣсколько подготовлены къ прохожденію логики изученіемъ психологіи въ VII классѣ.

Такимъ образомъ, курсъ педагогики въ VII классѣ женскихъ гимназій составятъ психологія и вытекающія изъ нея педагогическія примѣненія, или теорія воспитанія. При такой постановкѣ дѣла главное вниманіе воспитанницъ будетъ обращено на психологію и представится возможность глубже обосновать въ ихъ сознаніи педагогическія правила данными этой науки, т.-е. психологіи, а безъ пониманія ея, внѣ связи съ нею, не можетъ имѣть силы знаніе даже полнаго кодекса этихъ правилъ: недостаточно мотивированныя и слабо укрѣпленныя психологическими основаніями, они, эти правила, обыкновенно представляются лишенными твердой почвы и объективнаго характера.

Педагогическая психологія въ VII классѣ женскихъ гимназій, при двухъ урокахъ въ недѣлю, можетъ быть пройдена лишь въ главнѣйшихъ частяхъ своего содержанія, наиболѣе необходимыхъ для пониманія условій успѣшнаго воспитательнаго воздѣйствія на учащихся. При ознакомленіи съ психологіей прежде всего необходимо упражнять воспитанницъ въ самонаблюденіи или въ анализѣ явленій ихъ собственной психики, а затѣмъ въ наблюденіи или анализѣ душевной жизни и другихъ людей. Изъ фактовъ такого наблюденія должны вытекать всѣ психологическія обобщенія, схемы и опредѣленія. Прикладною частью указаннаго изученія психологіи должна быть теорія воспитанія, или канонъ педагогическихъ правилъ, освѣщенныхъ разъясненіемъ, что практическое примѣненіе ихъ всегда должно находиться въ зависимости какъ отъ общихъ свойствъ воспитываемыхъ дѣтей, такъ и отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Психическая жизнь можетъ быть изучаема съ наибольшимъ удобствомъ въ порядкѣ постепеннаго ея развитія. Съ этой точки зрѣнія прежде всего должны быть разъяснены рефлексы, инстинкты и привычки; затѣмъ—явленія физическаго (низшаго) чувства: удовольствія и страданія, потребности и влеченія; потомъ—явленія интеллектуальныя: сознаніе и вниманіе, ощущеніе и представленіе, ассоціація идей, память и воображеніе, образованіе понятій, сужденій и умозаключеній, разумъ и высшія истины; далѣе—эмоціи: эгои-

стическія, альтруистическія и абстрактныя, чувства эстетическое, нравственное и религіозное, ихъ воспитаніе; наконецъ—явленія волевыя, ихъ общій анализъ, темпераментъ и характеръ, свобода и детерминизмъ.

По мѣрѣ того какъ въ сознаніи вослиганицъ, путемъ самонаблюденія, руководимаго указаніями учителя, будутъ устанавливаться психологическіе факты и ихъ теорія,—отъ нихъ всякій разъ слѣдуетъ дѣлать, въ формѣ вывода, прямой переходъ къ опредѣленію общихъ условій успѣшнаго педагогическаго вліянія на учащихся, или къ установленію теоріи воспитанія.

Изъ учебныхъ руководствъ по психологіи, болѣе пригодныхъ и доступныхъ для начальнаго изученія этого предмета, а по содержанію достаточно научныхъ, обращаетъ на себя вниманіе книга *Компьерэ*, «Основанія элементарной психологіи», перев. съ франц. подъ редакціей Челпанова. Спб. 1896 г. Ц. 80 к. Хорошимъ дополненіемъ къ этому руководству, особенно для выясненія педагогическихъ примѣненій къ воспитанію, можетъ служить книга *Джемса Сѣлли* «Основныя начала психологіи и ея примѣненія къ воспитанію». Спб. 1888 г. Въ качествѣ пособій для учителя рекомендуются сочиненія: Ушинскаго—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» и Каптерева—«Педагогическая психологія».

Въ VIII классѣ женскихъ гимназій, въ виду спеціальнаго его назначенія, изъ педагогическихъ дисциплинъ слѣдуетъ изучать, во-1-хъ, дидактику съ основаніями логики и, во-2-хъ, краткую исторію педагогики. На прохожденіе этихъ предметовъ, при годовомъ курсѣ класса, необходимо не менѣе трехъ уроковъ въ недѣлю, изъ коихъ два посвящаются изученію дидактики съ логикой и одинъ—краткой исторіи педагогики.

Изъ указанныхъ предметовъ сначала изучается логика, а потомъ дидактика, исторію-же педагогики можно проходить одновременно съ тою и другою.

Логика, какъ наука о законахъ мышленія и объ условіяхъ приобрѣтенія истиннаго знанія, служитъ основаніемъ дидактики, которая въ указаніи методовъ и формъ умственнаго воспитанія руководится общей логической теоріей знанія. Умъ воспитываемыхъ есть одинъ изъ главныхъ объектовъ, на который направляется дѣятельность воспитателя, а логика указываетъ нормы и пути, по которымъ идетъ и должна идти жизнь ума. На этомъ основаніи педагогу необходимо знать указанные нормы, такъ какъ заботы его должны направляться не только на обогащеніе воспитываемыхъ знаніями, но и на развитіе у нихъ способности правильнаго и самостоятельнаго мышленія. Тому, кто не знаетъ процессовъ и условій нормальной дѣя-

тельности ума, невозможно научить другихъ мыслить здраво, послѣдовательно и точно.

При изученіи логики, въ отдѣлѣ о понятіяхъ особенное вниманіе воспитанницъ слѣдуетъ останавливать на выясненіи объема и содержанія понятій, на условіяхъ логическаго опредѣленія и классификаціи, а также на сущности анализа и синтеза, при изученіи сужденій—на формалъ и сущности умозаключеній и доказательствъ дедуктивнаго и индуктивнаго.

При изученіи дидактики прежде всего устанавливается разница между методами научнымъ и дидактическимъ. Отъ изученія методовъ прямой переходъ къ формамъ и способамъ обученія, его системамъ и расположенію, затѣмъ—къ принципамъ дидактической его постановки. Далѣе умѣстно изложить ученіе о составѣ общеобразовательнаго курса и познакомить воспитанницъ съ министерскою программой для начальныхъ народныхъ училищъ. Наконецъ, должны быть преподавы свѣдѣнія о личности учителя, его нравственныхъ и умственныхъ качествахъ и о дисциплинѣ.

Изъ учебныхъ руководствъ по логикѣ предпочтительнаго употребленія въ гимназіяхъ заслуживаетъ книжка *Ламе, Н.* «Учебникъ логики», Одесса, 1898 г. Ц. 1 р., а лучшимъ изъ сочиненій по дидактикѣ должны быть признаны «Дидактическіе очерки» П. Каптерева; съ нѣкоторыми сокращеніями и исправленіями могутъ быть употребляемы также учебники *Скворцова* и *Ельницкаго*.

Исторія педагогики должна представить учащимся важнѣйшіе моменты воспитательныхъ теорій и учреждений,—моменты прогрессивнаго развитія педагогическихъ идей. Съ этой точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено ознакомленіе учащихся съ воспитаніемъ у грековъ и римлянъ, изъ которыхъ первые стремились достигнуть гармоническаго сочетанія въ человѣкѣ красоты тѣлесной съ внутренней добротой (калокагатія), а вторые имѣли въ виду достиженіе пѣлей исключительно практическихъ, государственныхъ. Далѣе необходимо выяснитъ основы и всемірно-историческое значеніе христіанскаго воспитанія. Въ объясненіе видоизмѣненій послѣдняго подъ вліяніемъ историческихъ условій, полезно познакомить учащихся съ воспитаніемъ монашескимъ (схоластическимъ) и рыцарскимъ. Затѣмъ, заслуживаютъ изученія школьныя системы гуманистовъ и реалистовъ, изъ которыхъ первые установили педагогическую важность изученія языковъ и литературы, а вторые—окружающей дѣйствительности. Воспитаніе у иезуитовъ представляетъ интересную попытку сдѣлать школу, посредствомъ возможно лучшей постановки въ ней обученія, сильнымъ орудіемъ для распространенія католицизма и расширенія папской власти. Ознакомленіе съ

педагогической системой Амоса Коменскаго должно уяснить учащимся идею воспитывающаго обученія, основные принципы разумной его постановки въ семьѣ и школѣ и относительное значеніе образованія формальнаго и матеріальнаго. Воспитательные взгляды Фенелона представлять для ученицъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что выяснять имъ важность семейнаго воспитанія дѣвицъ. Педагогическія идеи Локка должны способствовать пониманію важности физическаго воспитанія, а идеи Руссо—естественнаго или природообразнаго воспитанія. Дѣятельность Базедова познакомить учащихся съ организаціей обученія въ школахъ филантропистовъ. Принципіальную важность нагляднаго обученія, необходимость школьной дисциплины и соціальное значеніе школы должна указать педагогическая система Песталотци. Осуществленіе идеи послѣдовательно-нагляднаго обученія воспитанницы найдутъ въ теоріи Фребеля. Дистервегъ укажетъ имъ условія учебно-воспитательной организаціи нѣмецкой народной школы. Гербартъ выяснитъ значеніе интереснаго и разумнаго обученія, какъ одного изъ средствъ къ достиженію нравственныхъ цѣлей, а Спенсеръ—высокую важность образованія научнаго.

Изъ исторіи русской педагогики предпочтительнаго изученія заслуживаютъ педагогическія воззрѣнія Ушинскаго и Пирогова, которые стремились установить общіе принципы обученія и воспитанія, а затѣмъ—Ильминскаго и Рачинскаго, какъ устроителей начальной школы въ духъ лучшихъ завѣтовъ отечественной исторіи и идеальныхъ воззрѣній народа.

Учебниками по исторіи педагогики могутъ служить книги Ельницкаго, Шютце и Евстафьева, а пособіями для преподавателей—труды Модзалевскаго, Раумера, Паротца и Шмидта. Воспитанницамъ полезно предлагать для внѣкласснаго чтенія имѣющіяся въ переводѣ сочиненія выдающихся иностранныхъ педагоговъ, а равно и важнѣйшіе труды русскихъ педагоговъ, особенно поименованныхъ выше.

Программа педагогики въ женскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв.

VII классъ, 2 урока въ недѣлю.

А. Педагогическая психологія.

Психологія, ея предметъ и отношеніе къ педагогикѣ. Явленія физическія и душевныя. Самонаблюденіе и наблюденіе, какъ источники психологіи.

Рефлексы, инстинкты, привычки.

Физическія чувства: удовольствія и страданія, потребности и влеченія.

Познавательныя явленія; ихъ раздѣленіе на функціи пріобрѣтенія, сохраненія и переработки.

Сознаніе и вниманіе.

Ощущенія. Образование и локалізація оцущеній. Содержаніе, интенсивность и тонъ оцущеній.

Органическія оцущенія и оцущенія органовъ виѣшнихъ чувствъ: зрительныя, слуховыя, осязательныя, мускульныя, обонятельныя и вкусовыя. Воспитаніе виѣшнихъ чувствъ.

Представленія. Ихъ образование и отличіе отъ оцущеній. Законы ассоціаціи идей и педагогическія приложенія этихъ законовъ. Память. Ея значеніе. Качества хорошей памяти. Припоминаніе и забвеніе. Воспитаніе памяти.

Воображеніе и его формы (репродуктивное и конструктивное или творческое). Значеніе воображенія. Условія правильного его воспитанія.

Образование понятій, сужденій и умозаклученій. Дедукція и индукція.

Разумъ и высшія истины.

Языкъ и его отношеніе къ мысли.

Эмоціи. Ихъ образование, выраженія и раздѣленіе на эгоистическія, альтруистическія (соціальныя) и абстрактныя.

Чувства гнѣва, страха, стыда и скуки.

Чувства симпатіи, дружбы и состраданія.

Чувство эстетическое и его воспитаніе.

Чувство интеллектуальное и его воспитаніе.

Нравственное и религіозное чувства; ихъ воспитаніе.

Воля. Анализъ волевого акта. Наклонности и страсти. Темпераментъ и характеръ. Воспитаніе характера.

VIII классъ. 3 урока въ недѣлю.

Б. *Логика и дидактика.*

Понятіе о логикѣ и ея предметъ.

Образование понятій изъ представленій.

Характеристика логическихъ понятій.

Объемъ и содержаніе понятій. Анализъ и синтезъ. Опредѣленіе и классификація.

Сужденіе; его составъ и формы. Сужденія простыя. Логическій законъ тождества.

Сужденія утвердительныя и отрицательныя. Логическіе законы противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Сложныя (множественныя) сужденія.

Сужденія по модальности. Законъ логическаго основанія. Сужденія условныя и раздѣлительныя.

Теорія выводовъ. Условный и категорическій выводы.

Термины, посылки и заключенія, модусы и фигуры силлогизма.

Дедуктивные методы и доказательства.

Индукція. Ея теорія и приемы. Аналогія и гипотезы.

Предметъ дидактики. Отношеніе обученія къ воспитанію. Методы научный и дидактический.

Формы обученія—акроаматическая и эротематическая.

Системы обученія—предметная и классная. Расположеніе учебнаго матеріала поступательное и концентрическое.

Обученіе массовое, взаимное и одиночное.

Основные дидактическіе принципы: природосообразность и наглядность обученія; возбужденіе самодѣятельности учащихся, ихъ вниманія и интереса; идея обученія воспитывающаго.

Общія условія хорошаго урока. Продолжительность и распределеніе уроковъ.

Составъ общеобразовательнаго курса.

Программа начальной школы.

Личность учителя; его нравственныя и умственныя качества.

Школьная дисциплина. Наказанія и награды.

V. Исторія педагогики (краткій курсъ), одинъ урокъ въ недѣлю.

Воспитаніе у древнихъ грековъ. Сократъ.

Воспитаніе у римлянъ. Квинтиліанъ.

Основы и всемірно-историческое значеніе христіанскаго воспитанія.

Монашеское и рыцарское воспитаніе.

Школы гуманистовъ и реалистовъ.

Школы іезуитовъ и янсенистовъ.

Жизнь и педагогическая дѣятельность Амоса Коменскаго.

Воспитательная теорія Фенелона.

Локкъ и Руссо.

Базедовъ и школы филантропистовъ.

Жизнь и педагогическая система Песталотци.

Фребель, его дары (игры) и сады.

Дистервегъ, какъ организаторъ нѣмецкой народной школы.

Гербартъ; его педагогическая система.

Спенсеръ; его воззрѣнія на значеніе научнаго образованія.

Ушинскій и Пироговъ.

Ильминскій и Рачинскій.

Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера.

Въ № 12-мъ «Русской Школы» за 1898 годъ, въ чрезвычайно интересной статьѣ г. Исакова *), содержащей много горькой правды по вопросу о томъ, что дають и что должны-бы давать курсы для учителей народныхъ школъ, затронуть, между прочимъ, и вопросъ о такъ называемыхъ «задачахъ алгебраическаго характера». Въ русской учебной литературѣ терминъ этотъ употребленъ впервые, кажется, А. И. Гольденбергомъ въ его «Методикѣ», и къ рѣшенію вопроса объ истинномъ значеніи задачъ этого рода для обученія дѣтей ариѳметикѣ осмѣлился обратиться пишущій эти строки. Сразу его разрѣшить мнѣ, конечно, не удалось, вслѣдствіе чего г. Исаковымъ, въ упомянутой выше статьѣ, по адресу моему направлень упрекъ, вполне мною заслуженный, въ томъ, что въ двухъ книжкахъ своихъ, изъ которыхъ одна вышла въ свѣтъ въ 1886, а другая — въ 1888 году, я одну и ту-же задачу разъ отнесъ къ числу задачъ чисто-ариѳметическихъ, а другой разъ — къ числу задачъ алгебраическаго характера. Въ той-же статьѣ замѣчено что ни Гольденбергъ, ни я не указываемъ *основаній* раздѣленія задачъ на классы: чисто-ариѳметическихъ и алгебраическаго характера. Все это совершенно справедливо.

Но изъ того, что почтенный А. И. Гольденбергъ въ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ 15 лѣтъ тому назадъ и не подвергавшейся (по не зависящимъ отъ почтеннаго автора обстоятельствамъ) съ тѣхъ поръ ни улучшеніямъ, ни измѣненіямъ, не установилъ рѣзкой границы между задачами чисто-ариѳметическими и задачами алгебраическаго характера, и изъ того, что это не сдѣлано и мною и что я допустилъ ту или иную ошибку въ своихъ книжкахъ, г. Исаковъ дѣлаетъ слишкомъ серьезный выводъ. А именно (стр. 167) онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что «основанія для раздѣленія задачъ на задачи алгебраическаго характера и на задачи чисто-ариѳметическія» *шатки*, — выводъ, по моему мнѣнію, неправильный. Я могъ ошибиться въ свое время, и на эту ошибку указалъ не одинъ г. Иса-

*) «Къ вопросу объ учительскихъ курсахъ-сѣздахъ», стр. 153—182.

ковъ, но и г. Егоровъ въ своей «Методицѣ ариѦметики» *). Но изъ моей ошибки выводить общее заключеніе о невѣрности классификаціи не слѣдуетъ. Въ послѣднемъ (шестомъ) изданіи ч. I-ой «Методики ариѦметики» я стараюсь, не прибѣгая къ алгебраическимъ приѦмамъ, приблизиться къ посильному разрѣшенію занимающаго насъ вопроса, крайне важнаго для построенія правильныхъ методическихъ взглядовъ на такъ называемыя «ариѦметическія» задачи различнаго рода. Въ настоящей замѣткѣ я постараюсь поближе подойти къ этому рѣшенію, и надѣюсь, что интересующіеся этимъ вопросомъ читатели «Русской Школы» не посѣтуютъ на меня за то, что я подѣлюсь съ ними добытыми мною результатами, вѣроятно, еще нуждающимися въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ.

Начнемъ съ задачъ простыхъ, т.-е. требующихъ, для своего разрѣшенія, одного только дѣйствія. Если предложена задача, требующая производства одного изъ ариѦметическихъ дѣйствій надъ данными числами a и b , то при этомъ, какъ извѣстно, могутъ встрѣтиться (пока мы вращаемся въ сферѣ этихъ четырехъ ариѦметическихъ дѣйствій) только слѣдующіе случаи:

- 1) $x = a + b$; 2) $x = a - b$; 3) $x = a \cdot b$; 4) $x = a : b$; 5) $x + a = b$;
 6) $x - a = b$; 7) $x \cdot a = b$; 8) $x : a = b$; 9) $a + x = b$; 10) $a - x = b$;
 11) $a \cdot x = b$; 12) $a : x = b$.

Въ первыхъ четырехъ случаяхъ самая задача формулирована такъ, что надъ искомымъ числомъ (надъ *иксомъ*) не приходится совершать никакого дѣйствія. Въ остальныхъ-же задачахъ условія формулированы иначе, а именно: прежде чѣмъ добратъся до дѣйствія надъ *данными* числами, мы, составляя (хотя-бы даже только мысленно) уравненіе, совершаемъ (хотя-бы тоже только мысленно) нѣкоторое дѣйствіе надъ *искомымъ* числомъ. Само собою, при одномъ взглядѣ на уравненія, вытекаетъ, что случаи 5-ый и 9-ый тождественны, равно какъ и случаи 7-ой и 11-ый, такъ какъ

$$x + a = a + x, \text{ и } a \cdot x = x \cdot a.$$

Кромѣ того, надо замѣтить, что изъ всѣхъ этихъ двѣнадцати уравненій послѣднія восемь сводятся какъ съ точки зрѣнія алгебраической, такъ и съ ариѦметической точки зрѣнія къ рѣшенію задачъ, выраженныхъ въ уравненіяхъ подъ №№ 1—4.

Пока у насъ даны два числа (т.-е. два условія), бѣда еще не велика: всѣ задачи этого рода *должно* называть задачами чисто-ариѦметическими, потому что нахожденіе третьяго числа по даннымъ

*) Тотъ-же упрекъ сдѣланъ пишущему эти строки и г. Успенскимъ въ его книгѣ подъ заглавіемъ «Русская и нѣмецкая методика ариѦметики въ XIX столѣтіи» (Спб. 1899 г.).

двумъ числамъ. когда извѣстна взаимная ихъ, притомъ ариѳметическая, зависимость, прямо входитъ въ область ариѳметическихъ дѣйствій и составляетъ истинный и главнѣйшій предметъ ариѳметики. Стало бытъ, производится-ли надъ искомымъ, какъ въ задачахъ подъ №№ 5—12, дѣйствіе, или-же оно, какъ въ задачахъ подъ №№ 1—4, надъ искомымъ не производится,—задачи, приводящія къ этимъ уравненіямъ (ибо и №№ 1—4—тоже уравненія), *должны* называться задачами чисто-ариѳметическими.

Нѣсколько труднѣе обслѣдованіе случаевъ, когда дано нѣсколько чиселъ и извѣстно, что искомое число зависитъ отъ этихъ чиселъ и что для его отысканія требуется надъ послѣдними произвести рядъ дѣйствій. Задачи такого рода извѣстны подъ именемъ сложныхъ. Всякая сложная задача распадается на нѣсколько простыхъ; но, несмотря на это общее ихъ свойство, мы, примѣняя къ ихъ рѣшенію составленіе сравненія, можемъ различать слѣдующіе случаи:

1) Надъ искомымъ числомъ иногда совѣтъ не приходится (по самымъ условіямъ задачи) совершать какія-либо дѣйствія; это—задачи чисто-ариѳметическія. Для того, чтобы задачу этого рода облечь въ уравненіе, гдѣ надъ искомымъ совершается одно или нѣсколько дѣйствій, надо, если можно такъ выразиться, «вывихнуть» свое сужденіе; такова, напр., задача. гласящая такъ: «у одного человѣка 500 р., у другого—800 р., а у третьяго—700 руб.; сколько у нихъ всего денегъ?» Конечно, человѣкъ, склонный къ ариѳметическому остроумію особаго рода, или любитель «вывиховъ» сужденія во чтѣ-бы то ни стало можетъ заявить, что никто не мѣшаетъ искомую сумму обозначить буквою и затѣмъ написать слѣдующее уравненіе:

$$(x - 500) - 800 = 700.$$

Но гораздо согласнѣе со здравымъ смысломъ (а права здраваго смысла неотъемлемы) ту-же задачу облечь въ уравненіе:

$$x = 500 + 800 + 700,$$

гдѣ надъ искомымъ, по самому смыслу условій и вопроса, не надо производить дѣйствій. Такая задача, которая не требуетъ, при составленіи уравненія, никакихъ дѣйствій надъ искомымъ, тоже, безспорно, принадлежитъ къ числу чисто-ариѳметическихъ. Таковы всѣ задачи на сложеніе нѣсколькихъ чиселъ и на перемноженіе нѣсколькихъ сомножителей,—самыя легкія задачи этого рода.

2) Надъ искомымъ числомъ иногда приходится (при составленіи уравненія) совершить одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя предусмотрены выше въ №№ 5—12; но роль буквъ *a* и *b* исполняютъ результаты, полученные отъ предварительныхъ дѣйствій надъ дан-

ными намъ числамн. Если, при этомъ, упомянутыя предварительныя дѣйствія вытекаютъ прямо изъ условій задачи, то всѣ такія задачи, точно такъ-же, какъ и задачи, разсмотрѣнныя въ пунктѣ 1-мъ, принадлежатъ къ числу чисто-ариметическихъ, хотя и сложныхъ. Кто предпочитаетъ символическія алгебраическія обозначенія, тотъ можетъ всѣ задачи этого типа символизировать въ уравненія слѣдующаго вида:

$$x \smile f = F \text{ или } f \smile x = F,$$

гдѣ знакъ \smile обозначаетъ любое изъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій, а буквы f и F —результаты нѣкоторыхъ, также ариметическихъ, вытекающихъ изъ условій задачи, дѣйствій надъ данными числами.

3) Но иногда, при составленіи уравненія, надъ искомымъ числомъ приходится совершить нѣкоторое дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы затѣмъ надъ полученнымъ результатомъ совершить то-же или иное ариметическое дѣйствіе, а потомъ — надъ вновь полученнымъ результатомъ опять совершить нѣкоторое дѣйствіе, и т. д. При этомъ въ результатѣ всѣхъ этихъ дѣйствій можетъ, по условіямъ задачи, получиться: а) либо одно изъ данныхъ чиселъ, б) либо результатъ дѣйствія надъ нѣкоторыми или всѣми данными числами, в) либо искомое число, г) либо, наконецъ, новое выраженіе, тоже зависящее отъ искомага числа. Символически выраженныя, эти уравненія таковы:

$$\Phi(x) = a; \Phi(x) = F; \Phi(x) = x \text{ и } \Phi(x) = f(x),$$

гдѣ $\Phi(x)$ въ первыхъ трехъ уравненіяхъ обозначаетъ выраженіе, зависящее отъ x , буква a обозначаетъ одно изъ данныхъ чиселъ, буква F —результатъ дѣйствій надъ нѣкоторыми или всѣми данными числами, а символы $\Phi(x)$ и $f(x)$ обозначаютъ два различныхъ по виду своему выраженія, зависящія отъ x (на это различіе указываетъ различіе буквъ Φ и f), но равныя между собою при нѣкоторомъ, а именно при искомомъ, значеніи буквы x (на какое равенство указываетъ знакъ равенства). Всѣ задачи этихъ четырехъ родовъ—задачи алгебраическаго характера. Изъ нихъ только весьма немногія не принадлежатъ къ числу задачъ, болѣе или менѣе замысловатыхъ *). Не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе о замысло-

*) Къ числу не замысловатыхъ (сравнительно говоря) задачъ алгебраическаго характера принадлежатъ задачи-загадки (задумано число, къ нему прибавлено столько-то, полученное помножено на столько-то, и т. д., и въ концѣ концовъ получилось столько-то), а къ числу легчайшихъ этого рода принадлежатъ задачи, приводящія къ уравненію такого рода:

$$x + m \div n + p = q.$$

Но сравнительная прозрачность этихъ задачъ не исключаетъ ихъ принадлежности къ классу задачъ алгебраическаго характера.

ватости задачи принадлежит къ числу понятій относительныхъ, но, конечно, не подлежитъ также сомнѣнію и то, что эта относительность понятія о *замысловатости* не вліяетъ на точность установленнаго выше понятія объ алгебраическомъ характерѣ задачъ, разсматриваемыхъ въ этомъ пунктѣ.

4) Къ числу задачъ алгебраическаго характера безспорно принадлежатъ также тѣ, въ которыхъ отыскиваются значенія двухъ или болѣе искомымъ чиселъ, находящихся, по условіямъ задачи, во взаимной одно отъ другого зависимости *). Задачи этого рода приводятъ, при составленіи уравненій, къ такъ называемой «системѣ совмѣстныхъ уравненій». Къ числу наичаще и обязательно во всѣхъ ариѳметическихъ задачникахъ встрѣчающихся задачъ этого рода, конечно, принадлежатъ задачи на отысканіе двухъ чиселъ по суммѣ и разности ихъ, далѣе—по суммѣ и отношенію ихъ, по разности и отношенію ихъ, и т. п. Рискаю встрѣтить весьма мало сочувствія среди специалистовъ-учителей, я все-таки осмѣливаюсь утверждать, вопреки установившихся на эти задачи взглядовъ, что какъ-разъ эти задачи алгебраическаго характера принадлежатъ къ числу особенно и бесполезно трудныхъ, къ числу наименѣе подходящихъ для развитія учениковъ въ направленіи математическаго мышленія и къ числу безспорно замысловатыхъ для средняго ученика.

Существуютъ-ли такія задачи, которыя не могли-бы быть подведены ни подъ одну изъ выше разсмотрѣнныхъ категорій? Понятіе объ уравненіи незыблемо: вся классификація, предложенная выше, зиждется исключительно на тѣхъ формахъ, которыя можетъ принять уравненіе, когда задача облечена въ таковое. Стало быть, критерій для сужденія о томъ—принадлежитъ-ли задача къ тому или иному алгебраическому или чисто-ариѳметическому типу, существуетъ, притомъ критерій вполнѣ надежный. Ариѳметически, т. е. безъ помощи понятія объ уравненіи, критерій этотъ устанавливается съ большимъ трудомъ, что и понятно. Если классификація эта ранѣе не изложена мною ни въ одной изъ моихъ посильныхъ работъ по предмету методики ариѳметики, то по слѣдующимъ двумъ причинамъ: 1) въ книгахъ, предназначенныхъ для учителей народныхъ школъ, я боялся слишкомъ углубляться въ алгебраическія точки зрѣнія, и 2) въ своемъ, нынѣ уже устарѣломъ, «Опытѣ методики ариѳметики для учителей среднихъ учебныхъ заведеній», вышедшемъ въ свѣтъ

*) Къ числу подобныхъ задачъ, конечно, не можетъ быть отнесена задача, требующая отысканія двухъ или болѣе неизвѣстныхъ чиселъ, когда, будучи облечена въ уравненія, она приводитъ къ двумъ или болѣе отдѣльнымъ уравненіямъ, изъ которыхъ каждое можетъ содержать въ-себѣ только одну изъ искомымъ величинъ.

въ 1888 г., я не могъ этого разобрать столь-же подробно, какъ это сдѣлано теперь, потому что для меня самого все это не было еще такъ ясно, какъ теперь, хотя я и тогда питалъ полную увѣренность въ возможности точной классификаціи задачъ, обыкновенно предлагаемыхъ въ такъ называемыхъ ариметическихъ задачникахъ.

Можно-ли вкратцѣ формулировать различіе между задачами чисто-ариметическими и алгебраическаго характера? Можно, если не избѣгать алгебраическаго языка и алгебраическихъ-же символовъ. При рѣшеніи задачъ съ помощью уравненія возможны слѣдующіе случаи:

1) $x = a \cup b$	Здѣсь a и b обозначаютъ данныя числа, x —число искомое, буквы f и F , не сопровождаемыя буквою x въ скобкахъ, результатъ дѣйствій надъ данными числами, знакъ \cup обозначаетъ любое изъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій, символъ $\Phi(x)$ —выраженіе, зависящее отъ x , а $f(x)$ —другое выраженіе, зависящее отъ x , и равное выраженію $\Phi(x)$ только въ случаѣ, когда вмѣсто x взято числовое значеніе искомага числа. Задачи, сводящіяся, при составленіи уравненія, къ уравненіямъ
2) $x \cup a = b$ или
$a \cup x = b$	
3) $x = F$	
4) $x \cup f = F$ или
$f \cup x = F$	
5) $\Phi(x) = a$	
6) $\Phi(x) = F$	
7) $\Phi(x) = x$	
8) $\Phi(x) = f(x)$	

первыхъ четырехъ видовъ, принадлежатъ къ числу чисто-ариметическихъ; задача-же, сводящаяся къ одному изъ остальныхъ четырехъ видовъ или къ системѣ совмѣстныхъ уравненій, принадлежитъ къ числу ариметическихъ задачъ алгебраическаго характера.

Терминъ «задача алгебраическаго характера» не мною и не г. Гольденбергомъ (въ нашей учебной литературѣ, кажется, впервые употребившимъ его) изобрѣтенъ. Онъ сллошь и рядомъ встрѣчается и у Дистервега, и у Гентшеля и у другихъ нѣмецкихъ педагоговъ, писавшихъ по вопросамъ преподаванія ариметики. Правда, нигдѣ (сколько я знаю) не встрѣчается болѣе или менѣе точнаго опредѣленія этого термина, но это, какъ мы видимъ, не мѣшаетъ существованію надежнаго критерія для отнесенія данной задачи къ типу задачъ алгебраическаго характера. Къ сожалѣнію, не только гг. Исаковъ, Егоровъ и мн. др., но, кажется, и самъ г. Гольденбергъ высказались (послѣдній—на одномъ изъ засѣданій Московскаго кружка учителей математики, нѣсколько лѣтъ тому назадъ) въ томъ смыслѣ, что такого критерія нѣтъ. Они, очевидно, ошибаются.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, обратимся къ вопросу болѣе значительной, прямо громадной практической важности. Предположимъ, что, не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о томъ, какія задачи можно считать слишкомъ замысловатыми, мы исключили-бы всякія задачи алгебраическаго характера изъ курса ариметики. Сильно-ли отъ этого пострадалъ-бы курсъ ариметики, какъ таковой, или нѣтъ?

Я думаю, что нѣтъ; я лично задачи алгебраическаго характера считаю вообще неумѣстными ни въ какомъ курсѣ ариометики, ни тѣмъ болѣе—въ краткомъ курсѣ ариометики, подлежащемъ усвоенію въ русской начальной одноклассной, при одномъ учителѣ, школѣ съ трехгодовымъ курсомъ. Но этотъ взглядъ, конечно, не принадлежитъ къ числу безспорныхъ; поэтому позволю себѣ въ его оправданіе привести хотя-бы только три соображенія: а) ни алгебраическія задачи ариометикѣ, ни ариометика—алгебраическимъ задачамъ существенныхъ услугъ не оказываютъ; б) такъ называемое «развивательное» значеніе рѣшенія задачъ этого рода блѣднѣетъ предъ истинно развивательнымъ усвоеніемъ дѣтми ариометики, какъ таковой, и в) искать развивательныхъ моментовъ при усвоеніи ариометики непремѣнно въ рѣшеніи задачъ алгебраическаго характера нѣтъ никакой *настоятельной* необходимости и основанія.

Адольфъ Дистервергъ задачамъ алгебраическаго характера придавалъ значеніе «орѣха», который полезно иногда предлагать ученикамъ для того, чтобы тѣ его *раскусили* («eine Nuss zu knacken»). Не говоря уже о томъ, что не всегда раскусываніе орѣховъ полезно и цѣлесообразно, аналогія эта страдаетъ еще и въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) ядро твердаго «орѣха», извѣстнаго подъ именемъ задачи алгебраическаго характера, рѣдко приходится по вкусу и силамъ учениковъ, знающихъ одну только ариометику (а мы имѣемъ въ виду именно такихъ учениковъ, говоря объ этихъ задачахъ въ курсѣ ариометики), и 2) большому сомнѣнію подлежитъ наше право предлагать дѣтямъ «орѣхи» *алгебраическаго* характера, когда дѣти нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ *ариометическаго* уразумѣнія четырехъ дѣйствій надъ числами. Не лучше-ли золотое время, затрачиваемое на дрессировку дѣтей въ рѣшеніи задачъ алгебраическаго характера, часто къ тому-же крайне замысловатыхъ, употребить на курсъ начатковъ геометрическаго черченія и элементарнаго-же рисованія, или-же на углубленіе содержанія курса другихъ учебныхъ предметовъ? Въ послѣднемъ, шестомъ, исправленномъ и дополненномъ, лишенномъ всякихъ приложений и увеличенномъ изданіи первой части моей «Методики ариометики» (Спб., 1900) благосклонный читатель найдетъ подробности, которыя, можетъ быть, убѣдятъ его въ справедливости этого взгляда на роль задачъ въ ариометикѣ вообще и на истинное значеніе задачъ алгебраическаго характера въ частности. Еще больше мѣста отведено мною задачамъ алгебраическаго характера во *второй части* моей «Методики ариометики», предназначенной для учителей всякихъ учебныхъ заведеній съ болѣе или менѣе полнымъ курсомъ ариометики.

Но, не желая становиться на слишкомъ отвлеченную точку зрѣнія,

я долженъ признать, что нашу школу долго еще будетъ заѣдать, рядомъ съ грамматическою схоластикю, также схоластика ариѳметическая, и что задачамъ алгебраическаго характера не только кабинетные авторы разныхъ задачникѣвъ и методикѣ, но и практикучителя будутъ придавать не подобающее этимъ задачамъ значеніе. Исходя изъ этого, я долженъ признать крайне для школы важными посильныя указанія относительно того, какихъ именно задачъ алгебраическаго характера слѣдуетъ *особенно* остерегаться при обученіи ариѳметикѣ въ начальной народной школѣ и даже въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Къ числу таковыхъ, по моему мнѣнію, принадлежать: а) задачи, не обладающія никакимъ практическимъ примѣненіемъ, напр., задачи о бассейнахъ (къ тому-же, иногда сильно грѣшащія противъ законовъ гидравлики объ истеченіи жидкостей), о курьерахъ, о лѣтахъ отца и сына, о стрѣлкахъ часовъ, и т. п.; б) задачи со слишкомъ отвлеченными условіями, напр., о неизвѣстномъ числѣ, опредѣляемомъ уравненіемъ вида:

$$ax + b = cx + d,$$

гдѣ a , b , c и d представляютъ собою цѣлыя (положительныя и отрицательныя) числа; в) задачи на интересныя только въ теоретическомъ отношеніи процентныя вычисленія, относящіяся до времени или до процентной таксы, г) многія задачи, приводящія къ системѣ уравненій съ двумя и болѣе неизвѣстными, даже не запутаннаго вида; наконецъ, д) задачи, въ которыхъ требуется непосильная для дѣтей работа не чисто-арифметическаго, а скорѣе математическаго воображенія. Такихъ задачъ много. Не знаю, встрѣчалась-ли читателю когда-либо такая задача: «младшій братъ спросилъ старшаго, сколько этому послѣднему лѣтъ; тотъ отвѣтилъ ему: когда мнѣ было столько лѣтъ, сколько тебѣ теперь, то я былъ вдвое старше тебя; когда-же тебѣ будетъ столько лѣтъ, сколько мнѣ теперь, то сумма моихъ и твоихъ лѣтъ будетъ равна 49». Если читателю неизвѣстенъ способъ рѣшенія этой задачи не-алгебраическимъ путемъ, то для него и его школы будетъ очень полезно поработать надъ ея разрѣшеніемъ... Эта работа, вѣроятно, убѣдитъ его въ томъ, насколько могутъ быть непосильны для средняго ученика тѣ трудности, которыя послѣднему приходится преодолевать при рѣшеніи, можетъ быть громаднѣйшаго большинства задачъ алгебраическаго характера...

Мы забываемъ сплошь и рядомъ, что съ задачами этими мы сроднились, сжились, что и сами-то мы научились ихъ рѣшенію только уча другихъ и что нашимъ ученикамъ-малышамъ неоткуда, негдѣ взять и пріобрѣсти тѣ особенныя навыки рѣшенія, которые мы себѣ пріобрѣли уже въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ, *уча* малолѣтнихъ...

Какъ готовить къ рѣшенію замысловатыхъ задачъ алгебраическаго характера различныхъ типовъ—здѣсь излагать, конечно, не мѣсто. Позволяю себѣ отослать опять-таки къ 6-му изданію первой части и ко второй части «Методики ариѳметики», а также ко второму выпуску «Ариѳметическаго задачника для учителей» (предназначенному для учебныхъ заведеній съ болѣе или менѣе полнымъ курсомъ ариѳметики), въ которыхъ читатель найдетъ относящіяся до этого вопроса взгляды развитыми настолько, насколько я здѣсь ихъ развивать не рѣшаюсь, боясь выйти далеко за предѣлы журнальной статьи. Не сочувствуя вообще задачамъ алгебраическаго характера, въ особенности—задачамъ сколько-нибудь замысловатымъ, я въ поименованныхъ выше книжкахъ моихъ счелъ себя обязаннымъ этимъ задачамъ посвятить часть своего вниманія, такъ какъ знаю—сколько утомительнаго и бесполезнаго труда учителя и учительницы, особенно изъ числа начинающихъ, затрачиваютъ на преодоленіе методическихъ трудностей, представляющихся при рѣшеніи задачъ этого рода.

Во избѣжаніе однако-же всяческихъ недоразумѣній, долженъ заявить, что, говоря о «типахъ» и «родахъ» задачъ, я этимъ отнюдь не желаю выразить своего сочувствія тому раздѣленію ариѳметическихъ задачъ на типы, которое принято у нѣкоторыхъ составителей ариѳметическихъ задачниковъ (напр., у г. Комарова или у г. Терешкевича). Такому раздѣленію, не освѣщенному алгебраической точкою зрѣнія, я не сочувствую и возможности его не признаю. Группировка задачъ алгебраическаго характера можетъ основываться только на алгебраическихъ-же точкахъ зрѣнія.

Если-же эта группировка для учителя и для учениковъ не освѣщена съ чисто-алгебраическихъ точекъ зрѣнія, то максимумъ пользы, которая можетъ быть принесена этими «группировками», «систематизаціей» и «классификаціей» задачъ, къ тому-же страдающихъ подчасъ и грубыми ошибками, сводится къ нѣкоторой лишь возможности выдрессированія учениковъ въ направленіи рѣшенія задачъ извѣстныхъ типовъ... Наблюденія при этомъ показываютъ, что ученики очень скоро забываютъ всѣ усвоенные ими искусственные, не-алгебраическіе по виду и алгебраическіе по существу, приемы рѣшенія и—что хуже всего—не извлекаютъ изъ всего своего египетскаго труда надъ этими задачами никакой образовательной пользы и никакого добраго плода.

Конечно, никто не можетъ мнѣ или другому любителю ариѳметическихъ систематизацій распредѣлить задачи на будто-бы исчерпывающіе ихъ 37 или 58 «типовъ». Но всѣ эти «типы» не многимъ и, притомъ, не особенно выгодно отличаются отъ устанавливаемыхъ

(притомъ самостоятельно) самими учениками типовъ. А устанавливаемые самими учениками типы, какъ извѣстно, очень для нихъ выразительны: «вотъ эта задача, — говоритъ мальчуганъ, — въ родѣ какъ на полушубки»... Другая задача оказывается: «какъ на синее и красное сукно», третья—«какъ на отца и сына» или «какъ на колокола». Но даже и эти, по существу своему весьма живописныя, характеристики задачъ алгебраическаго характера и разнаго содержанія, какъ извѣстно, не спасаютъ средняго ученика отъ смертельной тоски при рѣшеніи и въ особенности *при объясненіи* задачи. Онѣ не спасаютъ и учителя отъ неудовлетворенности достигнутыми по ариметикѣ результатами, а школу, въ особенности начальную, — отъ невознаградивой потери столь дорогого въ ней, по-истинѣ золотого, времени... Пора, давно пора отдѣлаться отъ этого «пережитка» устарѣвшей ариметической схоластики и отъ болѣе чѣмъ страннаго преклоненія предъ нимъ, какъ предъ единственнымъ, будто-бы, развивательнымъ элементомъ, имѣющимъ на-лицо въ курсѣ нашей школьной ариметики!

С. Шохорь-Троцкій.

О преподаваніи земледѣлія въ среднихъ сельско - хозяйственныхъ школахъ.

(Окончаніе).

Вышеприведеннымъ обзоромъ учебныхъ пособій при преподаваніи теоретическаго курса земледѣлія не исчерпывается, конечно, все то, что должно служить средствомъ для правильной постановки учебнаго метода и достиженія цѣли преподаванія этого предмета. Весьма многое здѣсь зависитъ отъ знаній и опытности самого преподавателя, отъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи, отъ времени, отводимаго на занятія, и т. д. Но кромѣ всего этого изученіе земледѣлія въ среднихъ школахъ должно сопровождаться полевыми практическими занятіями учащихся, которыя вводятся въ систему ихъ образованія какъ до теоретическаго изученія курса, такъ въ особенности въ связи съ нимъ, и даже послѣ усвоенія всѣхъ основныхъ положеній культуры растений. Организация практической стороны обученія земледѣлію должна быть направлена къ ознакомленію учениковъ съ техническими приемами исполненія различныхъ полевыхъ работъ и съ употребленіемъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, причемъ учащіеся должны ясно понимать всѣ необходимыя условія для успѣшнаго выполненія каждой сельско-хозяйственной работы и тѣ научныя данныя, на которыхъ основано правильное выполненіе этихъ послѣднихъ. Въ учебномъ смыслѣ самое важное заключается въ такой постановкѣ практическихъ занятій по культурѣ растений, при которой можетъ быть выяснена связь научныхъ данныхъ съ практическими приемами, для того, чтобы эти послѣдніе были возможно болѣе осмысленными и правильно освѣщенными, словомъ, что при этомъ теорія дополняла практику, а не наоборотъ. Если учащіеся овладѣютъ всѣмъ этимъ, то цѣль ихъ практическаго образованія будетъ достигнута; приготовленіе же изъ нихъ техникумовъ-исполнителей отдѣльныхъ работъ, напр., образцовыхъ пахарей, косцовъ и

т. п. не можетъ составлять задачъ средней сельско-хозяйственной школы, ибо, съ одной стороны, степень совершенства въ технику работы пріобрѣтается долгимъ временемъ, какимъ школа не располагаетъ и располагать не можетъ, а съ другой стороны, учащіяся средней школы готовятся не въ опытные рабочіе, а по преимуществу для веденія сельскаго хозяйства, или для обученія ему; слѣдовательно, къ такой дѣятельности, которая требуетъ собственно знанія основаній практическихъ пріемовъ и умѣнья показать ихъ другимъ. Поэтому обученіе техническимъ пріемамъ земледѣлія и должно идти въ соотвѣтствіи съ такими задачами. Для обученія этимъ пріемамъ земледѣлія каждая школа должна располагать хозяйственными угодьями (полями, лугами и пр.), которыя могли-бы служить, во-первыхъ, для разведенія возможно полной коллекціи полевыхъ растений, производства опытовъ надъ ними съ учебною цѣлью и для систематическаго ознакомленія со всѣми культурными пріемами земледѣлія, необходимыми для рациональнаго воздѣлыванія растений; во-вторыхъ, для ознакомленія съ тѣмъ значеніемъ и отношеніемъ, которое должно имѣть полевое хозяйство (какъ и всякая другая отрасль) въ правильно устроенномъ имѣніи; слѣдовательно, здѣсь должны быть показаны практическіе пріемы организациі какъ хозяйственныхъ отраслей, такъ и всего хозяйства въ совокупности.

Практическія занятія по земледѣлію могутъ быть подготовительными въ низшихъ классахъ и систематическими въ высшихъ классахъ, послѣ того какъ было пройдено общее и частное земледѣліе. По существу дѣла занятія по культурѣ растений должны производиться въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная съ весны и въ теченіе всего лѣтняго періода; слѣдовательно, съ подготовки почвы подъ посѣвъ и оканчивая работами по уборкѣ и полученію тѣхъ частей (плодовъ, сѣмянъ, стеблей, корней и пр.), ради которыхъ они воздѣлываются. Для того, чтобы такія практическія занятія могли принести пользу учащимся въ смыслѣ расширенія сельско-хозяйственнаго кругозора и пріобрѣтенія извѣстнаго технического умѣнья въ различныхъ культурныхъ пріемахъ полевого хозяйства, необходимо, чтобы учащіяся были достаточно ознакомлены, во-первыхъ, съ особенностями развитія самихъ культурныхъ растений на мѣстѣ ихъ произрастанія, а во-вторыхъ, со всѣми тѣми работами, которыми можно содѣйствовать этому развитію, наконецъ, въ-третьихъ, все это необходимо поставить въ тѣсную связь съ положеніями науки, доказать ихъ на дѣлѣ съ каковою цѣлью надо отвести надлежащее мѣсто различнымъ полевымъ опытамъ. Въ виду такихъ требованій на учебномъ полѣ долженъ находиться полный и разнообразный матеріалъ въ видѣ коллекціи культурныхъ растений изъ всѣхъ

хозяйственныхъ группъ, а именно: хлѣбныхъ, масличныхъ, прядильныхъ, корнеплодныхъ, кормовыхъ и т. п.; далѣе, долженъ быть установленъ извѣстный сѣвооборотъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, въ которомъ смѣна растений давала-бы возможность ознакомиться на практикѣ со всѣми техническими приѣмами по разведенію растений, наконецъ необходимо, имѣть разнообразную коллекцію ручныхъ и конныхъ орудій и машинъ, требующихся при работахъ.

Разнообразіе воздѣлываемыхъ растений дастъ возможность ознакомить учениковъ съ культурными видами и ихъ развитіемъ въ естественныхъ условіяхъ, а при достаточно полномъ инвентарѣ можно ознакомить со всѣми практическими способами культуры. Путемъ самостоятельныхъ наблюдений за постепеннымъ развитіемъ растений, сопровождаемыхъ отъ времени до времени демонстративными объясненіями преподавателя, ученики могутъ вполне познакомиться съ особенностями развитія отдѣльныхъ растений. При этомъ большимъ подспорьемъ можетъ служить составленіе коллекцій (въ видѣ небольшихъ гербаріевъ) разводимыхъ растений, по возможности, въ разные стадіи ихъ развитія, напр., въ состояніи всходовъ, въ періодъ кущенія, колошенія и пр., составленіе коллекцій изъ важнѣйшихъ сорныхъ травъ, однолѣтнихъ и многолѣтнихъ, съ указаніями относительно времени и мѣста развитія; собраніе образцовъ болѣзненныхъ поврежденій (паразитными грибами, насѣкомыми и пр.). Весьма важнымъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ практически, надо считать ознакомленіе съ особенностями развитія корневой системы, по крайней мѣрѣ, у главнѣйшихъ растений, а именно: ржи, пшеницы, овса, проса, гречихи, кукурузы, гороха, льна, конопли, картофеля и др., для чего необходимо демонстрировать ученикамъ корни означенныхъ растений, во время экскурсіи, въ три періода вегетативной дѣятельности растений: въ состояніи всходовъ, во время полного кущенія и во время цвѣтенія. Полезно также обращать вниманіе на особенности въ развитіи стеблевыхъ органовъ (напр., степень кущенія, высоту стебля, число междоузлій, листьевъ и т. п.); на сколько возможно, надо дѣлать указанія на особенности и значеніе сортовыхъ отличій у нѣкоторыхъ растений и т. п. Все это, вмѣстѣ взятое, дастъ учащимся болѣе или менѣе ясное и полное понятіе о различіи въ свойствахъ культурныхъ растений въ ихъ естественномъ видѣ. Культурные приемы изучаются при исполненіи всѣхъ работъ, въ порядкѣ ихъ слѣдованія, при подготовкѣ почвы подъ яровыя и озимыя растенія, при посѣвѣ, уходѣ и уборкѣ разводимыхъ растений, при чемъ разнообразіе послѣднихъ доставитъ возможность обратить вниманіе на выполненіе какъ общераспространенныхъ въ практикѣ культурныхъ приѣмовъ, такъ равно и такихъ, которые срав-

нительно рѣже примѣняются именно въ русской сельско-хозяйственной практикѣ; при этомъ возможно произвести сравнительную практическую оцѣнку различныхъ приѣмовъ, съ указаніемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ. При такихъ работахъ необходимо различать общіе культурные приѣмы, примѣняемые ко всѣмъ растеніямъ, безъ отношенія къ цѣли ихъ воздѣлыванія, отъ спеціальныхъ приѣмовъ, употребительныхъ лишь при культурѣ извѣстныхъ видовъ и находящихся въ прямой зависимости отъ хозяйственнаго назначенія послѣднихъ. Съ учебной точки зрѣнія полезно поручать спеціальныя работы преимущественно лишь послѣ приобрѣтенія нѣкотораго навыка въ общихъ приѣмахъ. Учащіеся, производя различныя работы по разведенію растеній, упражняются сначала въ болѣе простыхъ, не требующихъ особаго изощренія въ технику исполненія, а затѣмъ переходятъ къ работамъ болѣе сложнымъ, требующихъ предварительныхъ свѣдѣній по общему земледѣлію и нѣкотораго изощренія наблюдательности и сообразительности. Этимъ путемъ будетъ достигаться извѣстная послѣдовательность въ обученіи практикѣ земледѣлія. Для развитія въ учащихся сознательнаго отношенія при примѣненіи различныхъ культурныхъ приѣмовъ, необходимо эти послѣдніе поставить въ тѣсную связь съ теоретическимъ курсомъ, указывать основанія для каждой работы и вести послѣднія такъ, чтобы онѣ обнимали возможно полнѣе пройденное въ классѣ. Съ этою цѣлью нужно, чтобы во время практическихъ занятій ученики продѣлывали, примѣрно, слѣдующій рядъ работъ, вызываемыхъ послѣдовательностью культурныхъ приѣмовъ при разведеніи растеній. По удобренію почвы—вывозка навоза на поле, складываніе его въ кучи (опредѣленіе количества навоза на десятину), разбивка по полю, запахиваніе на извѣстную глубину; способы удобренія искусственными туками (селитрою, золою, стассфуртскими солями, суперфосфатами, фосфоритною мукою, гипсомъ, известью и т. п.), примѣненіе жидкихъ туковъ, компостнаго удобренія и т. п. По обработкѣ почвы—вспашка обыкновенная и глубокая, возметъ жнивья и дернины (лученіе), паханіе почвоуглубителемъ, сохами и косулями; двоеніе и троеніе многокорпусными плугами и скоронашками (примѣненіе груббера, экстирпатора и шведской бороны), боронованіе и укатываніе поля, паровая обработка. По посѣву—приготовленіе сѣмянъ къ посѣву (очистка и сортировка сѣмянъ, намачиваніе, проращиваніе и протравливаніе), распределеніе сѣмянъ руками, разбросными и рядовыми сѣялками, производство гнѣздового посѣва, задѣлка сѣмянъ запашниками, плугомъ, сохою, боровами и т. п., укатываніе посѣва, выращиваніе рассады и высадка ея на мѣсто. По уходу за растеніями—боронованіе поля до и послѣ появленія всходовъ, укатываніе,

мотыженіе, окучиваніе ручными и конными орудіями, прорѣживаніе, полотье, пасынкованіе, переніе, поливка растений и т. п. По уборкѣ растений—теребленіе и срѣзываніе растений (серпомъ, косою, сѣнокосилками и жнейками), вязка въ снопы и сушка растений на воздухѣ (сгребаніе, кладка въ копны, въ бабки, крестцы, суслоны, шатры и пр.), возка растений съ поля, кладка въ одонья, скирды, метаніе стоговъ. Молотьба растений ручнымъ и машиннымъ способами (вальками, цѣпами, молотилками, терками), раздѣлка вороха (вѣяніе и т. п.), сушка и сортировка зеренъ. Опредѣленіе количества и качества урожая (взвѣшиваніе и вычисленіе), пробный умолотъ, опредѣленіе натуры зерна, опредѣленіе качествъ клубней, корней и пр.

Конечно, подобною программю можетъ быть опредѣленъ только самый существенный кругъ тѣхъ работъ, которыя должны быть выполняемы вообще при культурѣ растений. Но на практикѣ надо ознакомить учениковъ и съ нѣкоторыми частными культурными приѣмами, касающимися только извѣстныхъ растений. Такіе приѣмы ученики должны изучать, напр., при примѣрномъ разведеніи табака, въ небольшомъ учебномъ хмельникѣ, при воздѣлываніи кормовыхъ травъ.

Самый способъ веденія практическихъ занятія долженъ состоять въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ педагогическомъ отношеніи весьма важно не только научить учащихся различнымъ практическимъ приѣмамъ земледѣлія, но въ особенности приучить ихъ къ сознательному, цѣлесообразному труду, то въ этихъ видахъ работы по земледѣлію должны производиться въ извѣстной постепенности, которая состоитъ именно въ томъ, чтобы сначала исполнялись болѣе легкія и простыя по существу работы, а затѣмъ болѣе трудныя и сложныя. Въ этихъ видахъ земледѣльческая практика должна распредѣляться на два періода: подготовительный и систематическій. Въ первомъ періодѣ практикою занимаются преимущественно ученики низшихъ классовъ, а во второмъ періодѣ — ученики высшихъ классовъ, прослушавшіе общій курсъ земледѣлія. Въ I и II классахъ ученики исполняютъ общія работы, болѣе простыя и легкія, требующія примѣненія, главнымъ образомъ, ручныхъ орудій. Въ III классѣ (отчасти и во II) ученики должны быть приучаемы къ исполненію работъ пахотными орудіями (плугами, сохами, боронами и т. п.), сѣяльными машинами и пр.; къ числу полевыхъ занятій этого класса надо отнести также работы по опредѣленію мощности залеганія и свойствъ почвенныхъ слоевъ (составленіе почвеннаго профиля), уровня грунтовой воды, свойствъ растительнаго покрова и т. п. Посредствомъ тѣхъ и другихъ работъ учащіеся будутъ приобрѣтать свѣдѣнія, служащія, съ одной стороны, подготовительными для лучшаго усвоенія теоретиче-

скаго курса общаго земледѣлія, а съ другой—для ознакомленія съ приѣмами практическихъ изслѣдованій полевой почвы. Послѣ изученія курса общаго земледѣлія (въ IV классѣ) ученикамъ могутъ быть поручаемы работы болѣе спеціальнаго характера, требующія по своему содержанію предварительныхъ теоретическихъ свѣдѣній и нѣкотораго умѣнья въ исполненіи. Такъ, напр., такія работы, какъ полоть, мотыженіе, посадка картофеля, жатва хлѣбовъ, косьба травъ, и т. п., производятся преимущественно учениками визшихъ классовъ, въ работахъ-же сохами, плугами, запашниками, боровами, косилкою, жатвенною машиною, молотилкою, вѣялкою, сортировкою и пр. должны участвовать ученики старшихъ классовъ; работы-же болѣе спеціальнаго характера, напр., выращиваніе табачной разсады и дальнѣйшія работы по культурѣ табака, уходъ за хмелемъ, полученіе сѣмянъ кормовыхъ травъ, силосованіе, опредѣленіе качествъ урожая и т. п. производятся предпочтительно учениками старшаго класса. Тѣ работы, которыя по своей сущности и значенію не могутъ повторяться (напр., посѣвъ, работа косилкою и жатвенною машинами и др.), производятся демонстративно предъ всѣми учениками даннаго класса, причѣмъ они по-очередно участвуютъ въ ихъ исполненіи. Но такое распредѣленіе работъ можетъ быть достигнуто не вполне, потому что ученики старшихъ классовъ въ лѣтній періодъ имѣютъ и другія занятія (по животноводству, садоводству, геодезіи и пр.), вслѣдствіе чего текущія, срочныя работы исполняются учениками какого-либо одного класса; но при этомъ все-таки необходимо заблаговременно назначать на работы по земледѣлію тѣ именно классы, которые по существу дѣла могутъ быть въ данное время болѣе пригодными. Вообще практическимъ работамъ по земледѣлію должно быть отдаваемо предпочтеніе предъ другими занятіями, на томъ основаніи, что, по ходу дѣла, здѣсь бывають весьма важныя работы, которыя не могутъ повторяться, а съ другой стороны—въ русскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ *ceteris paribus* земледѣліе имѣетъ первенствующее значеніе среди другихъ предметовъ преподаванія. Методическая сторона обученія поэтому и должна быть основана на означенныхъ задачахъ пракческаго преподаванія, вслѣдствіе которыхъ при производствѣ всякой, простой или сложной, работы прежде всего необходимо объяснить ученикамъ ея сущность и цѣль, показать употребленіе того или другаго орудія и условія цѣлесообразной работы имъ постепенно, а затѣмъ упражнять учащихся въ производствѣ данной работы до тѣхъ поръ, пока они болѣе или менѣе не освоятся съ ея практическимъ выполненіемъ. При этомъ на тяжелыя работы (напр., вспашку плугомъ, сохою и т. п.) надо назначать по два ученика, такъ какъ въ теченіе 8-ми-часовой работы нельзя раз-

считывать на ея производительность въ томъ-же смыслѣ, какъ у взрослого рабочаго, и совершенно несостоятельно то мнѣніе, по которому трудъ ученика расцѣнивается примѣнительно къ труду настоящаго рабочаго; надо помнитъ, что работа ученика есть обученіе, а не эксплуатація физической силы, каковой у юношей и не можетъ быть столько, какъ у взрослого человѣка. При повтореніи работъ полезно предоставлять учащимся извѣстную самостоятельность въ данной сферѣ, отъ самаго начала работы и оканчивая всѣми тѣми приемами, съ которыми связано приготовленіе, исполненіе и завершеніе данной работы. Только при такихъ условіяхъ является полная возможность лично вникнуть во всѣ тѣ мелочи и второстепенныя подробности производства работъ, которыя не всегда могутъ быть разъяснены на словахъ, но знаніе коихъ составляетъ *conditio sine qua* non всякаго практическаго дѣла. Подобное детальное отношеніе къ работамъ вообще служить, между прочимъ, средствомъ для развитія въ учащихся хозяйственной смѣтки и предусмотрительности, которыя весьма необходимы для будущихъ сельско-хозяйственныхъ дѣятелей и задатки которыхъ могутъ быть пріобрѣтены еще во время школьныхъ занятій. Эта сторона, такъ сказать, сельско-хозяйственнаго воспитанія или технической дисциплинировки составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ весьма существенныхъ задачъ практическаго обученія въ школахъ, гдѣ нельзя приготовить мастера-агронома, но можно воспитать сельскаго хозяина для практической жизни. И если существующія среднія школы не всегда достигаютъ осуществленія послѣдней задачи, то это объясняется только тѣмъ, что самая организація этихъ школъ еще не вполне закончена и совершенна.

Для того, чтобы ученики относились къ производимымъ работамъ внимательнѣе и самостоятельнѣе, весьма полезно въ педагогическомъ смыслѣ заставлятъ ихъ вести подробную отчетность всему тому, что имъ приходится наблюдать и исполнять во время практическихъ занятій. Съ этою цѣлью каждый ученикъ получаетъ планъ полевыхъ участковъ, книжку для различныхъ записей и листъ бумаги, разграфленный имъ самимъ по указанной формѣ. На планѣ ученики отмѣчаютъ расположеніе посѣвовъ въ текущемъ году, съ обозначеніемъ (по масштабу) пространства, занятаго каждымъ растеніемъ; листъ бумаги, въ формѣ вѣдомости о посѣвѣ и урожайности различныхъ растений, служить для выраженія числами результатовъ произведенныхъ работъ, а книжка представляетъ дневникъ всѣхъ наблюденій и работъ, исполненныхъ въ теченіе весны, лѣта и осени текущаго года. Данныя для этихъ обозначеній будутъ имѣть отчасти общій характеръ, отчасти-же укажутъ на извѣстную степень самостоятельнаго отношенія учениковъ къ практическимъ занятіямъ; такъ, обо-

значеніе пространства для растеній на планѣ получается изъ непосредственныхъ измѣреній полевыхъ участковъ, но при этомъ каждый ученикъ долженъ лично составить ситуацію такихъ участковъ по данному масштабу; изготовленіе вѣдомости о посѣвахъ и урожаяхъ, хотя и производится по общимъ рубрикамъ, но при этомъ каждый ученикъ вычисляетъ, на основаніи полученныхъ данныхъ, результаты воздѣлыванія извѣстнаго растенія, начиная съ опредѣленій густоты посѣва, продолжительности произрастанія и оканчивая процентнымъ расчисленіемъ составныхъ частей урожая каждаго отдѣльнаго растенія; кромѣ того, здѣсь-же отмѣчаются результаты опытовъ, производившихся въ текущемъ году, вліяніе различныхъ климатическихъ факторовъ, болѣзненныхъ поврежденій и т. п. Несомнѣнно, всѣ подобныя данныя, заносимыя каждымъ ученикомъ въ вѣдомость, имѣютъ ближайшее значеніе въ смыслѣ наглядности изображенія результатовъ всѣхъ произведенныхъ работъ. Наконецъ, что касается дневниковъ, то польза отъ нихъ въ методическомъ смыслѣ можетъ быть ощутима лишь тогда, когда веденіе подобныхъ записей находится подъ руководствомъ и контролемъ преподавателя. При правильной постановкѣ этого дѣла, которая должна заключаться именно въ томъ, чтобы ученики заносили въ дневники производимыя ими наблюденія и работы въ извѣстной системѣ, разъясненіе которой дѣлается преподавателемъ, подобныя изложенія учениками своихъ впечатлѣній на бумагѣ могутъ служить хорошимъ средствомъ въ учебномъ смыслѣ для того, чтобы всякія практическія сельско-хозяйственныя занятія получили надлежащее освѣщеніе и усвоились учащимися. Такъ какъ при началѣ практическихъ работъ и при самомъ ихъ исполненіи преподаватель разъясняетъ ученикамъ сущность и ихъ значеніе, указываетъ связь практическихъ пріемовъ съ положеніями земледѣльской науки, а во время демонстративныхъ экскурсій показывается и объясняется все то, что въ данное время имѣетъ отношеніе къ воздѣлываемымъ растеніямъ: то вслѣдствіе всего этого ученики получаютъ не только обширный матеріалъ, который должны лично переработать для того, чтобы изложить въ дневникѣ въ извѣстной системѣ необходимыя данныя, но, благодаря всему этому, они пріобрѣтаютъ практическимъ путемъ существенныя свѣдѣнія по полевой культурѣ, которыя затѣмъ будутъ систематизированы и дополнены въ курсѣ этого предмета. При внимательномъ отношеніи и интересѣ къ дѣлу, при аккуратномъ занесеніи практическихъ данныхъ, подобные дневники являются для самихъ учениковъ извѣстнаго рода учебными пособіями, которыми они дорожатъ и многіе изъ нихъ уносятъ съ собою подобные дневники по окончаніи курса въ школѣ. Такіе дневники могутъ быть ведены учениками лишь послѣ того, какъ они

ознакомятся съ общимъ земледѣіемъ, слѣдовательно, когда практика пріобрѣтаетъ характеръ систематическій, ибо до этого, пока ученики занимаются подготовительною практикою (въ низшихъ классахъ), за недостаткомъ нужныхъ теоретическихъ свѣдѣній по общему земледѣію, они не могутъ въ техническомъ отношеніи систематично изложить своихъ наблюденій и работъ по воздѣлыванію растений. Въ теченіе лѣта подобныя дневники, отъ времени до времени, просматриваются преподавателемъ въ присутствіи всего класса, при чемъ дѣлаются необходимыя дополненія и разъясненія. Дѣло это не столь сложно и затруднительно, какъ нѣкоторые полагаютъ, а съ учебной точки зрѣнія весьма полезно, потому что каждый ученикъ, въ зависимости отъ познаній, сообразительности и внимательности къ практическимъ занятіямъ, непременно обнаружитъ въ своихъ записяхъ степень интереса и пониманія дѣла.

Практическія занятія по земледѣію заканчиваются обыкновенно испытаніями, которыя производятся въ полѣ и вообще на мѣстѣ работъ. При этихъ испытаніяхъ отъ учениковъ требуется не только устное объясненіе сдѣланныхъ наблюденій и исполненныхъ работъ, а равно состояніе отчетности, но и степень пріобрѣтеннаго ими умѣнья въ производствѣ различныхъ полевыхъ работъ. Конечно, такіе практическіе экзамены не могутъ по существу дать полнаго, всесторонняго понятія о степени пріобрѣтеннаго тѣмъ или другимъ ученикомъ навыка и сноровки въ практическихъ пріемахъ, ибо такое понятіе выводится изъ ежедневныхъ наблюденій преподавателя за отношеніемъ къ дѣлу и рвеніемъ въ исполненіи работъ. Практическія испытанія надо считать лишь одною изъ педагогическихъ мѣръ въ томъ смыслѣ, что они служатъ средствомъ для возбужденія прилежанія и внимательности учащихся къ практическимъ занятіямъ и этимъ они отличаются вообще отъ всякихъ другихъ экзаменовъ.

Но, кромѣ этой мѣры, съ педагогической точки зрѣнія могутъ быть полезными въ болѣе широкомъ смыслѣ и многія другія мѣры, служащія къ развитію въ учащихся не только усердія и интереса къ ученію, но и извѣстной самодѣятельности и нѣкотораго, такъ сказать, профессиональнаго усовершенствованія. Сюда надо отнести различныя соревнованія между учениками, въ видѣ конкурентныхъ работъ, состязательныхъ испытаній въ практическихъ сельско-хозяйственныхъ пріемахъ и т. п. Эта сторона пракческаго образованія не получила еще надлежащаго развитія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, но полезное ея значеніе не можетъ подлежать сомнѣнію. Во многихъ техническихъ школахъ практикуются почти ежегодно выставки произведеній ученическаго труда, по которымъ можно сдѣлать нѣкоторое заключеніе какъ объ успѣхахъ, достигае-

мыхъ школою при обученіи учащихся, такъ часто и о методахъ этого послѣдняго. Если подобныя продукты ученическаго труда, являющіеся въ качествѣ экспонатовъ, какъ часто бываетъ, не служатъ точными выразителями ежедневныхъ систематическихъ занятій учащихся, а нарочно, съ нѣкоторымъ напряженіемъ учебныхъ средствъ, создаются для такихъ выставокъ, то все-таки эти послѣднія даютъ данныя для сужденія о томъ, чего вообще представляемая школа можетъ достигнуть при условіяхъ ея существованія, выражаютъ, такъ сказать, максимальные результаты ея учебной дѣятельности. Съ другой стороны, подобныя ученическія выставки въ педагогическомъ отношеніи полезны для самихъ учениковъ не въ смыслѣ развитія въ нихъ какихъ-либо тщеславныхъ стимуловъ, а для соревнованія въ искусствѣ въ той или другой части техническаго обученія, и нельзя не признать, что подобное соревнованіе между учащимися весьма важно для ихъ умственнаго и физическаго развитія и усовершенствованія въ своемъ дѣлѣ.

Всѣ эти соображенія могутъ быть вполне приложимы и къ сельскохозяйственнымъ школамъ, въ которыхъ техническія соревнованія учащихся возможно поставить шире, нежели въ другихъ профессиональныхъ школахъ, ибо здѣсь могутъ быть осуществлены не только ученическія выставки, но и непосредственныя состязанія учащихся въ исполненіи различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, въ особенности по земледѣлю, напр., работы пахотными орудіями при обработкѣ почвы, при посѣвѣ, уходѣ за растеніями, уборкѣ ихъ и т. п. Уставомъ земледѣльческихъ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предусматриваются подобныя состязательныя испытанія учениковъ въ уходѣ за сельско-хозяйственными растеніями и въ исполненіи разныхъ другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ *), а по уставу среднихъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по окончаніи учебнаго года, въ теченіе не менѣе двухъ дней, выставляются для обозрѣнія публики рисунки, чертежи и другія работы и издѣлія воспитанниковъ училища **). Конечно, всѣ подобныя состязательныя испытанія должны быть обусловлены извѣстными основаніями, выработанными педагогическими Совѣтами, сообразно задачамъ данной школы и тѣмъ профессиональнымъ требованіямъ, которыя можно, въ соотвѣтствіи съ этими задачами, предъявлять къ оканчивающимъ въ ней курсъ ученія. Само собою очевидно, что результаты такихъ соревнователь-

*) Уставъ земледѣльческихъ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, С.-Петербургъ, 1888 г., § 17.

**) Уставъ среднихъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г., § 19.

ныхъ работъ учащихся должны быть оцѣниваемы примѣнительно къ условіямъ ученическаго труда, а не работы мастера или опытнаго рабочаго, ибо никакая техническая школа таковыхъ не образуетъ, иначе говоря, смыслъ соревновательныхъ работъ учениковъ долженъ быть преимущественно педагогическимъ, а не исключительно техническимъ.

Вышеуказанная постановка теоретическаго и практическаго преподаванія земледѣлія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ требуетъ для своего осуществленія соотвѣтствующихъ средствъ, которыя заключаются какъ въ обеспеченіи школы надлежащею количественною и качественною обстановкою въ отношеніи учебныхъ пособій, такъ въ особенности хорошо подготовленнымъ учебнымъ персоналомъ; при наличности перваго условія, все направленіе и ходъ обученія собственно зависитъ отъ втораго, при отсутствіи-же какихъ-либо пособій—самому образцовому преподавателю весьма затруднительно достигнуть цѣлесообразной постановки преподаванія предмета.

Что касается учебныхъ пособій, необходимыхъ для правильной постановки обученія земледѣлію, то, по существу дѣла, здѣсь требуется, даже и для средней сельско-хозяйственной школы, весьма многое. Въ уставахъ нашихъ школъ не указано подробно, какія именно учебныя пособія должны быть въ нихъ для того, чтобы теоретическое и практическое обученіе сельскому хозяйству, а слѣдовательно, и земледѣлію, достигало той полноты и цѣлесообразности, какія вытекаютъ изъ содержанія учебныхъ программъ и задачъ самой школы. Такъ, въ уставѣ земледѣльческихъ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ вообще сказано, что каждый ученикъ, кромѣ теоретическаго прохожденія курса, въ теченіе пребыванія своего въ училищѣ долженъ научиться отчетливо производить всѣ сельско-хозяйственныя работы и затѣмъ, насколько возможно, практически ознакомиться какъ съ устройствомъ имѣній, такъ и съ управленіемъ ими. Техническою и вообще хозяйственною практикою ученики занимаются въ огородѣ, въ саду и на практическомъ полѣ училища, а также на поляхъ и лугахъ и въ лѣсной рошѣ (гдѣ таковая имѣется), на находящейся при училищѣ сельско-хозяйственной фермѣ и въ мастерскихъ оной; практикою-же по устройству хозяйствъ, счетоводству и управленію какъ отдѣльными частями, такъ и цѣлымъ хозяйствомъ, во всей его совокупности, на фермѣ и въ частныхъ хозяйствахъ, находящихся не въ дальнемъ разстояніи отъ училища *). Вообще здѣсь идетъ рѣчь о практическомъ обученіи полевому хо-

*) Уставъ земледѣльческихъ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, С.-Петербургъ, 1888 г., §§ 13 и 15.

зайству и организаціи имѣній. Въ среднихъ техническихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по уставу, должны быть всѣ необходимыя учебныя пособія, собразно той спеціальности, для изученія которой сіи училища предназначены. Сверхъ того, при сихъ училищахъ должны быть надлежащія приспособленія для практическихъ занятій воспитанниковъ (лабораторіи, учебныя мастерскія, фермы и т. п.). При отсутствіи-же таковыхъ приспособленій практическія занятія должны быть обезпечены въ постороннихъ промышленныхъ учрежденіяхъ *). По штату земледѣльческихъ училищъ на учебныя пособія (библіотеку, кабинеты и коллекціи, химическую лабораторію, на содержаніе практическаго поля, сада и огорода) полагается всего до 3.500 руб., а по штатамъ промышленныхъ училищъ для средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища положено (на приготовленіе опытовъ, учебныя пособія, матеріалы и инструменты, наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и на дѣтнія занятія учениковъ) всего 3.270 руб., при чемъ замѣчено, что въ случаѣ недостаточности средствъ, опредѣленныхъ по штатамъ на матеріалы и инструменты, недостающая сумма вносится въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія и распределяется между отдѣльными училищами Министромъ Народнаго Просвѣщенія сообразно дѣйствительной потребности. Такимъ образомъ, ни въ уставахъ, ни въ штатахъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ не опредѣлено точно, какими учебными пособиями должно быть обставлено преподаваніе земледѣлія, а между тѣмъ эта обстановка въ значительной степени вліяетъ на цѣлесообразность этого дѣла.

Земледѣліе, какъ наука, представляетъ такую прикладную отрасль знаній, которая вытекаетъ изъ данныхъ и выводовъ различныхъ частей естествознанія, а такъ какъ раціональное изученіе послѣдняго возможно лишь путемъ опыта и наблюденія, то и всѣ прикладныя дисциплины, покоящіяся на положеніяхъ естественныхъ наукъ, могутъ быть понимаемы лишь при примѣненіи къ ихъ изученію экспериментальнаго метода. Земледѣліе, имѣющее своимъ объектомъ культуру растений, можетъ поэтому изучаться только параллельно съ опытами и наблюденіями надъ условіями, опредѣляющими цѣлесообразность такой культуры. Для правильнаго пониманія почвенныхъ явленій и основанныхъ на нихъ культурныхъ пріемовъ, называемыхъ механическою обработкою и удобреніемъ почвы, требуется изучить эти явленія непосредственно на опытѣ, ибо въ противномъ случаѣ самыя пріемы будутъ произвольны и непроизводительны, что самое главное то, что здѣсь невозможно цѣлесообразное видоизмѣненіе этихъ

*) Уставъ среднихъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г., § 21.

приемовъ въ зависимости отъ наличности данныхъ условій. Такая цѣлесообразность является болѣе или менѣе достижимою лишь тогда, когда извѣстны ясно происходящіе въ почвѣ процессы, ходъ которыхъ можно опредѣлить только экспериментальнымъ путемъ. Для пониманія отношеній разводимыхъ растений къ почвѣ, въ свою очередь, требуется точное знаніе не только свойствъ самихъ культурныхъ растений и особенностей ихъ развитія, но и тѣхъ явленій, которыя возникаютъ въ связи съ послѣдними при произрастаніи того или иного растенія на почвѣ, хорошо или дурно обработанной, плодородной или бесплодной, удобренной или оставленной безъ удобренія, сухой или влажной, чистой отъ сорныхъ травъ или засоренной. Приемы посѣва, ухода за растеніями, мѣры защиты отъ вредныхъ вліяній и т. п. основаны на точномъ знаніи всѣхъ тѣхъ вліяній и особенностей растеній, которыми опредѣляется ихъ развитіе и, слѣдовательно, надлежащая культурная продуктивность. Такъ какъ такое знакомство составляетъ непосредственный выводъ изъ опытовъ и наблюденій, то очевидно, что изученіе всего этого возможно лишь экспериментальнымъ путемъ. Но если даже ограничить примѣненіе опытнаго метода при изученіи почвы и растенія рамками лабораторныхъ изслѣдованій, чего по существу дѣла еще недостаточно, то во всякомъ случаѣ это касается учебной обстановки собственно теоретическаго преподаванія земледѣлія. Для изученія практическихъ приемовъ культуры растений и всего того, что къ ней относится, необходимо, очевидно, умѣнье примѣнить полученныя (свѣдѣнія къ дѣлу; отсюда вытекаютъ практическія занятія на полевыхъ, луговыхъ и др. угодьяхъ съ цѣлью приобрѣтенія извѣстнаго искусства въ выполненіи техническихъ приемовъ земледѣлія и умѣнья согласовать ихъ съ полученными теоретическими свѣдѣніями. Словомъ, для нормальной постановки преподаванія земледѣлія въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ требуются два рода учебныхъ пособій: одни служатъ для нагляднаго ознакомленія съ тѣми положеніями и выводами земледѣльческой науки, которые изучаются въ классѣ и неразрывно связаны съ объемомъ и содержаніемъ излагаемаго курса, другія служатъ для пракческаго ознакомленія съ техникою земледѣлія и могутъ отчасти предшествовать курсу предмета, отчасти сопутствовать ему, наконецъ могутъ являться заключительными при изученіи земледѣлія, какъ учебнаго предмета и какъ самостоятельной отрасли хозяйства.

Къ учебнымъ пособіямъ перваго рода долженъ быть прежде всего отнесенъ кабинетъ земледѣлія, или собраніе коллекцій, моделей, приборовъ, растеній, препаратовъ, рисунковъ и др. предметовъ, назначенныхъ только для демонстрированія излагаемыхъ въ классѣ частей

предмета. Составъ подобныхъ коллекцій и наглядныхъ пособій кабинета указать выше, при разсмотрѣніи опытовъ и демонстрацій при преподаваніи земледѣлія. Далѣе весьма важнымъ пособіемъ должна служить земледѣльческая лабораторія или рабочая комната, со всѣми приспособленіями для производства опытовъ и наблюденій, имѣющихъ цѣлью, съ одной стороны, доказать и развить теоретическія положенія земледѣльческой науки, а съ другой—показать учащимся такіе приемы техническихъ изслѣдованій въ области земледѣлія, какіе необходимы какъ для правильнаго отношенія къ почвеннымъ явленіямъ и культурнымъ растеніямъ, такъ и для развитія самостоятельной инициативы въ производствѣ экспериментальныхъ изслѣдованій. Земледѣльческой и рабочей кабинеты могутъ составлять одно учебное учрежденіе и такое единство представляетъ удобство какъ въ цѣляхъ преподаванія, такъ и въ видахъ сокращенія расходовъ, сопряженныхъ съ устройствомъ и содержаніемъ этого рода учебныхъ пособій. Подобный рабочей кабинетъ имѣется въ виду устроить при земледѣльческихъ училищахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ подъ названіемъ агрономическаго кабинета, какъ объ этомъ сообщалось въ текущей печати. Нельзя, между прочимъ, не замѣтить, что предполагаемое устройство такого кабинета, послѣ многолѣтняго существованія земледѣльческихъ училищъ, является весьма запоздалымъ и показываетъ, какъ еще недостаточно обставлены въ учебномъ отношеніи наши сельско-хозяйственные школы. Такой кабинетъ, снабженный необходимыми лабораторными приспособленіями, долженъ быть существенно необходимымъ учебнымъ пособіемъ при преподаваніи земледѣлія не только потому, что онъ является средствомъ для лучшей постановки демонстративной стороны преподаванія, но еще и потому, что можетъ быть средствомъ для развитія самостоятельности учениковъ путемъ личнаго ихъ ознакомленія съ важнѣйшими практическими приемами изслѣдованія механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствъ почвы или вообще ея улучшенія, съ простѣйшими приемами изслѣдованія удобреній, сѣмянъ (культурныхъ и сорныхъ растеній), а также съ методами наблюденій и изслѣдованій самыхъ растеній и получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ. Подобныя самостоятельныя занятія, производимыя по опредѣленной программѣ, подъ руководствомъ преподавателя земледѣлія, какъ въ зимнее время, такъ отчасти и въ лѣтній періодъ ведутся съ учениками двухъ послѣднихъ классовъ и представляются весьма важными въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, при такихъ занятіяхъ учащіеся будутъ сознательнѣе относиться къ излагаемымъ въ курсѣ земледѣлія положеніямъ и выводамъ, а слѣдовательно, будутъ основательнѣе приобрѣтать спеціальныя знанія, ибо

въ сельскомъ хозяйствѣ, вообще, многое познается эмпирически, посредствомъ наблюденій и изслѣдованій, изъ которыхъ затѣмъ можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣрныя заключенія; а во-вторыхъ, подобныя экспериментальныя занятія учащихся въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ вызываются непосредственными требованіями, предъявляемыми тою дѣятельностью, какая ожидаетъ ихъ по окончаніи курса. Въ послѣднее время многіе изъ учениковъ такихъ школъ поступаютъ на должности учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, уѣздныхъ агрономовъ и техниковъ земской службы, помощниковъ завѣдывающихъ и наблюдателей въ разныхъ опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ и т. п. Едва-ли нужно разъяснять, насколько важно во всѣхъ такихъ родахъ дѣятельности прочное специальное образованіе и что одни книжныя знанія недостаточны для успѣшности означенной дѣятельности. А потому очевидно, что обученіе сельскому хозяйству лицъ, готовящихся къ практической дѣятельности, должно быть направлено, помимо всего прочаго, къ развитію въ нихъ личной инициативы, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы дать имъ возможность въ случаѣ надобности сразу приняться за дѣло. Наконецъ, устройство агрономическаго кабинета должно быть таково, чтобы въ немъ были возможны самостоятельныя занятія самихъ преподавателей, весьма необходимыя какъ въ учебныхъ цѣляхъ, такъ и въ видахъ научнаго совершенствованія и развитія самодѣятельности, для которой, кстати сказать, при настоящихъ условіяхъ въ нашихъ школахъ нѣтъ ни времени, ни мѣста.

Для достиженія всѣхъ означенныхъ цѣлей агрономической кабинеты долженъ имѣть отдѣльное помѣщеніе, состоящее, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ помѣщаются коллекціи, приборы и другіе предметы, относящіеся къ преподаванію земледѣлія и необходимыя при занятіяхъ преподавателя, а другая должна служить для работъ учениковъ (не менѣе, какъ на 20 мѣстъ) по изслѣдованію почвъ, удобреній, сѣмянъ, растений и т. п., поэтому здѣсь должны находиться всѣ необходимыя для такихъ изслѣдованій приспособленія (рабочіе столы, вытяжной шкафъ, песчаная баня, реактивы и т. п.).

Для пріобрѣтенія инвентаря и матеріаловъ, необходимыхъ при занятіяхъ, агрономической кабинетъ долженъ имѣть опредѣленные средства, для чего въ бюджетѣ школъ назначается извѣстная сумма. Первоначальныя затраты на кабинетъ, при готовомъ помѣщеніи, по расчету на 20 человекъ и не сложной программѣ работъ, могутъ быть исчислены до 1.000 рублей, а ежегодный расходъ не превышаетъ 150—200 рублей, въ томъ числѣ и на пріобрѣтеніе коллекцій и другихъ пособій для преподаванія, не считая, конечно, общихъ

расходовъ по освѣщенію, ремонту мебели, найму прислуги и т. п. Завѣдываніе агрономическимъ кабинетомъ должно быть поручено преподавателю земледѣлія, который вмѣстѣ съ этимъ завѣдываетъ и учебнымъ полемъ, такъ какъ назначеніе кабинета и спеціальныя цѣли занятій требуютъ такого совмѣщенія и нельзя раздѣлять эти цѣли, какъ это, напримѣръ, указано въ программахъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ земледѣльческихъ училищахъ, между различными предметами *), ибо занятія по земледѣлію имѣютъ прикладное значеніе, а потому и направленіе ихъ должно быть сообразовано съ спеціальными требованіями техники земледѣлія. Поэтому для продуктивности подобныхъ занятій руководство ими должно быть поручено преподавателю земледѣлія, а не химіи (какъ указано въ программахъ), ибо послѣдній часто не имѣетъ агрономическаго образованія.

Для практическихъ занятій учащихся по полевому хозяйству необходимы два учебныхъ пособія: учебное поле и учебное хозяйство, или даже одно учебно-практическое хозяйство. Учебное поле представляетъ участокъ земли въ 15—20 десятинъ и назначено для ознакомленія учащихся съ культурными растеніями и особенностями ихъ развитія въ зависимости отъ разныхъ условій, а затѣмъ съ тѣми техническими приѣмами, которые должны бытъ примѣняемы для ихъ воздѣлыванія. Слѣдовательно, это поле служитъ исключительно учебнымъ цѣлямъ и поэтому какъ въ обстановкѣ его, такъ и въ способахъ веденія культуръ должна быть исключена всякая мысль о доходности. Учебное поле не имѣетъ коммерческаго направленія, это—только учебное пособіе при изученіи земледѣлія. Для достиженія такой цѣли на учебномъ полѣ должна разводиться возможно полная коллекція сельско-хозяйственныхъ растеній (полевыхъ, луговыхъ, огородныхъ), долженъ быть опредѣленный порядокъ въ ихъ разведеніи (сѣвооборотъ), наконецъ достаточно полный и разнообразный инвентарь ручныхъ и конныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, не только для производства всѣхъ текущихъ работъ, но и для ознакомленія учащихся съ конструкціею и значеніемъ ихъ для обработки почвы, посѣва, ухода и уборки растеній путемъ разборки, сборки и установки различныхъ машинъ и орудій.

При вышеуказанномъ планѣ и методѣ практическихъ занятій на учебномъ полѣ возможно достигнуть ознакомленія съ техническими приѣмами культуры, но въ учебныхъ-же видахъ весьма полезно отводить здѣсь надлежащее мѣсто и различнымъ полевымъ опытамъ надъ вліяніемъ культурныхъ факторовъ на развитіе и производи-

*) Программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ земледѣльческихъ училищахъ М. Г. Им. С.-Петербургъ. 1880 г., стр. 82.

тельность тѣхъ или другихъ растений. Исслѣдуя такія вліянія въ вегетативный періодъ развитія растений и лабораторными испытаніями полученныхъ отъ нихъ продуктовъ, учащіеся могутъ видѣть результатъ дѣйствія и значеніе тѣхъ или иныхъ условій, въ которыхъ производился полевой опытъ. Поэтому учебному полю необходимо придать характеръ не только практической, но отчасти и научный, для того, чтобы рельефнѣе выразилась связь между положеніями теоріи и ихъ примѣненіемъ къ культурѣ растений. Само собою разумѣется, что руководство занятіями и завѣдываніе учебнымъ полемъ требуютъ достаточныхъ средствъ, а именно: на содержаніе одного рабочаго, ремонтъ и пополненіе инвентаря не менѣе 1.000 рублей, на приобрѣтеніе удобреній и сѣмянъ, на обстановку опытовъ не менѣе 300 рублей, наемъ поденныхъ рабочихъ (въ то время, когда ученики заняты классными работами) и мелкіе текущіе расходы до 200 рублей, а всего на содержаніе учебнаго поля потребно не менѣе 1.500 рублей ежегодно, не считая вознагражденія завѣдующему полемъ и агрономическимъ кабинетомъ за руководство практическими занятіями учениковъ въ лѣтній и зимній періоды.

Учебное хозяйство можетъ представлять другое учрежденіе, служащее для воспособленія практическому обученію по земледѣлію, но въ нѣсколько иномъ отношеніи, нежели на учебномъ полѣ. Въ учебномъ хозяйствѣ учащіеся знакомятся съ значеніемъ полевого хозяйства, какъ отрасли, имѣющей опредѣленное положеніе въ общемъ строѣ всего хозяйства. Поэтому учебное хозяйство должно быть организовано во всемъ объемѣ, т.-е. съ разными отраслями (земледѣліемъ, скотоводствомъ, садоводствомъ, лѣсоводствомъ, техническими производствами и т. п.). Такъ какъ всѣ части такого хозяйства служатъ преимущественно учебнымъ цѣлямъ, то само собою ясно, что такое учебно-практическое хозяйство не можетъ имѣть свойствъ коммерческаго предпріятія. Обученіе всякому дѣлу не предполагаетъ доходовъ и совмѣстить оба направленія, учебное и коммерческое, въ такомъ хозяйствѣ невозможно, какъ это достаточно подтверждается примѣромъ существованія сельско-хозяйственныхъ фермъ при земледѣльческихъ училищахъ, которыя приносили и приносятъ въ экономическомъ смыслѣ чистый убытокъ, мало достигая, при настоящей своей организаціи, учебныхъ цѣлей, хотя по существу дѣла главное назначеніе сельско-хозяйственныхъ фермъ должно состоять именно въ доставленіи учащимся возможности полной практики въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ. Учебное хозяйство по своему назначенію является учрежденіемъ, въ которомъ практика учениковъ производится во всей полнотѣ, а потому оно должно одинаково служить цѣлямъ обученія всѣмъ сельско-хозяй-

ственнымъ предметамъ, земледѣлію, животноводству, сельско-хозяйственной экономіи и счетоводству, и уже поэтому оно не можетъ быть разсматриваемо какъ учебное пособіе только по земледѣлію; однако-же для цѣлей послѣдняго такое хозяйство существенно необходимо именно потому, что на учебномъ полѣ учащіеся знакомятся только съ техникою земледѣлія, какъ такового, а въ учебномъ хозяйствѣ, продолжая совершенствоваться въ этой техникѣ, они изучаютъ ее по отношенію и въ связи со всѣми остальными составными частями хозяйства. Поэтому здѣсь обученіе происходитъ въ смыслѣ развитія практическихъ знаній, тогда какъ задачи учебнаго поля болѣе элементарны и состоятъ преимущественно въ практическомъ воспроизведеніи и изученіи всего того, что преподано въ курсѣ земледѣлія, иначе говоря, учебное поле представляетъ полевою лабораторію для подтвержденія и развитія научныхъ положеній и ихъ практическаго примѣненія, а учебное хозяйство служитъ мѣстомъ для приобрѣтенія практическихъ основаній и приѣмовъ, необходимыхъ для дѣйствія въ цѣлой системѣ хозяйственныхъ отраслей въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу.

Такъ какъ учебное поле и учебное хозяйство въ основахъ своего устройства имѣютъ чисто учебныя цѣли, то одно можетъ относиться къ другому, какъ часть къ цѣлому, т.-е. въ учебномъ хозяйствѣ можетъ быть выдѣлена часть пахотной земли (15—20 дес.) подъ учебное поле, преслѣдующее вышеуказанныя цѣли; въ такомъ случаѣ образуется одно учебно-практическое хозяйство, служащее вообще для изученія техники сельскаго хозяйства; въ немъ можетъ быть и учебное поле, и учебный скотный дворъ, и учебная молочная, садъ, огородъ, пасѣка и т. п. Словомъ, въ такомъ учебно-практическомъ хозяйствѣ ученики обучаются приѣмамъ работъ по земледѣлію, скотоводству, молочному хозяйству, садоводству, огородничеству и пр. При этомъ организація такого учебнаго пособія должна находиться въ совершенной зависимости отъ задачъ и требованій соответственныхъ отраслей сельскаго хозяйства, т.-е. здѣсь для каждой отрасли должны быть опредѣлены всѣ нужныя средства и способы ея веденія, такъ чтобы ими возможно полнѣе достигались техническія цѣли обученія. Само собою разумѣется, при этомъ нельзя стремиться къ полученію доходовъ, но очевидно, что и при учебномъ направленіи такого хозяйства возможны нѣкоторые матеріальныя доходы отъ каждой отрасли, которые вслѣдствіе этого будутъ и должны быть между собою связаны, и при самой ихъ организаціи это необходимо имѣть въ виду: напримѣръ, количество потребнаго для учебныхъ цѣлей скота всякаго рода должно быть сообразовано съ пространствомъ естественныхъ и искусственныхъ луговъ

и выгоновъ, отношеніе между зерновыми, кормовыми, техническими растеніями и т. д. должно быть болѣе или менѣе опредѣленное, то-же относится къ садоводству, лѣсоводству и т. п. Словомъ, организація каждой отдѣльной отрасли и всего учебно-практическаго хозяйства должна быть такова, чтобы въ ней не было ничего лишняго, а было-бы только необходимое и практически важное въ учебномъ отношеніи, а потому и результаты подобнаго хозяйства могутъ не выражаться коммерческими расчетами (чистымъ доходомъ), а собственно суммою тѣхъ учебныхъ послѣдствій, которыя были достигнуты цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ и состояніемъ отраслей учебнаго хозяйства.

Этими соображеніями можно было-бы заключить разсмотрѣніе вопроса о тѣхъ учебныхъ пособіяхъ, которыя необходимы для правильной постановки практическаго обученія земледѣлію въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Но вопросъ этотъ заключаетъ, кромѣ технической, еще другую, не менѣе важную, экономическую сторону, хотя и не относящуюся исключительно къ одному земледѣлію. Дѣло въ томъ, что въ задачи обученія сельскому хозяйству входитъ не только ознакомленіе съ техникою какой-либо культуры, или какой-либо отрасли скотоводства и т. п., но и съ умѣньемъ согласовать эти культуры и отрасли съ данными условіями. Отсюда вытекаетъ обученіе приѣмамъ организаціи и учета всякихъ хозяйственныхъ отраслей, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ наиболѣе доходными. Обученіе организаціи хозяйства и разнымъ учетамъ основывается на данныхъ сельско-хозяйственной экономіи и счетоводства, на основаніи которыхъ вырабатываются практическіе приемы того и другого дѣла. Ознакомленіе съ подобными приѣмами можетъ быть производимо на примѣрахъ реального или фиктивнаго хозяйства. Но для всесторонняго представленія и уясненія всѣхъ практическихъ условій организаціи и управленія хозяйственныхъ отраслей въ отдѣльности и во всей совокупности, такіе экономическіе приемы должны быть изучаемы только на такомъ образцѣ имѣнія, существованіе котораго обусловливается, при данныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, еще также экономическими. Задача такого хозяйства состоитъ въ примѣненіи только такихъ техническихъ приемовъ и къ такимъ хозяйственнымъ отраслямъ, которыя будутъ при данныхъ условіяхъ наиболѣе выгодными. Словомъ, такое образцовое хозяйство представляетъ промышленное предпріятіе, въ которомъ затраты на разведеніе растеній, животныхъ и т. п. оплачиваются достаточнымъ чистымъ доходомъ. Поэтому, кромѣ обученія техникѣ земледѣлія и всего сельскаго хозяйства, ученики среднихъ школъ должны быть ознакомлены съ

практическими приемами организаци и управленія хозяйствомъ во всемъ его объемѣ. Такое коммерческое хозяйство можетъ находиться или при школѣ, или внѣ ея, но оно должно быть непременно устроено по типу хозяйствъ окружающаго его района и должно быть организовано самостоятельно, независимо отъ учебно-практическаго хозяйства; его учебное значеніе будетъ состоять только въ томъ, чтобы ознакомить учениковъ-практикантовъ, находящихся въ немъ, съ приемами учетовъ и организациею какъ отдѣльныхъ отраслей, такъ и всего хозяйства въ цѣломъ, показать имъ зависимость вліянія техническихъ и экономическихъ факторовъ на веденіе и доходность хозяйства при данныхъ условіяхъ.

Необходимость въ такомъ коммерческомъ хозяйствѣ для обученія слѣдуетъ изъ того, что цѣль практическаго образованія учащихся средняго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія заключается въ усвоеніи ими какъ техники, такъ и хозяйственной экономіи; безъ этихъ двухъ условій практической дѣятель въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ быть правоспособнымъ и самостоятельнымъ. Само собою разумѣется, что средняя сельско-хозяйственная школа, даже наилучшимъ образомъ обставленная въ отношеніи практическихъ учебныхъ пособій, не можетъ создать образцовыхъ техниковъ и хозяйственныхъ практиковъ, мастеровъ своего дѣла, да и никакое учебное заведеніе этого осуществить не можетъ. Но средняя сельско-хозяйственная школа вполнѣ можетъ и должна научить своихъ воспитанниковъ основаніямъ хозяйственной практики, дать средства для того, чтобы окончившіе въ ней курсъ могли ориентироваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и примѣнить свои теоретическія и практическія познанія сообразно условіямъ мѣста и времени. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать учрежденіе учебнаго и коммерческаго хозяйства при среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.

Но успѣхъ теоретическаго и пракческаго преподаванія земледѣлія въ сельско-хозяйственныхъ школахъ, кромѣ учебныхъ пособій, опредѣляется въ значительной степени учебнымъ персоналомъ. При настоящемъ положеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ нашихъ школахъ педагогическая цѣлесообразность этого дѣла почти всецѣло обуславливается качествами лицъ, его ведущихъ. Въ преподаваніи сельско-хозяйственныхъ знаній даже болѣе, чѣмъ въ другихъ прикладныхъ наукахъ, педагогическая опытность и научная подготовка преподавателей имѣетъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ обученія. При благоприятномъ сочетаніи вышнихъ условій, напр., учебныхъ пособій, матеріальныхъ средствъ, учебнаго времени и пр., требуется умѣлое педагогическое руководство для того, чтобы сельско-хозяйственныя знанія, весьма сложныя по существу, сдѣлать наи-

болѣе доступными пониманію учащихся и въ особенности закрѣпить въ ихъ сознаніи практическое примѣненіе научныхъ данныхъ къ дѣйствительности. Въ особенности все это надо отвести къ земледѣлю, какъ самой обширной и сложной сельско-хозяйственной дисциплинѣ и важной отрасли. Для разъясненія всего только что сказаннаго прежде всего необходимо принять въ соображеніе тѣ требованія, какія можно вообще предъявлять къ преподаванію сельскаго хозяйства въ русскихъ школахъ и возможность удовлетворить этимъ требованіямъ при той организаціи и средствахъ, коими сельско-хозяйственныя школы располагають.

При настоящихъ условіяхъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ требованія, предъявляемыя къ преподаванію спеціальныхъ предметовъ, весьма сложны и разнообразны, а обстановка, при которой совершается это преподаваніе, въ значительной степени неудобна. Это обусловливается весьма разнообразными причинами какъ общаго, такъ и частнаго свойства. Прежде всего сельско-хозяйственныя науки вообще представляютъ отрасли знаній сравнительно молодыя, лишь недавно принявшія свойства наукъ, хотя и прикладныхъ, по своему внутреннему содержанію основанныхъ непосредственно на опытѣ и наблюденіи и всего менѣе на умозрительныхъ обобщеніяхъ; въ предѣлахъ этихъ знаній заключаются какъ теоретическія данныя, или собственно наука, такъ и практическое ихъ примѣненіе, или искусство, оба тѣсно связанныя и взаимно дополняющія другъ друга. Кромѣ того, мы не можемъ утвердительно сказать, что до настоящаго времени объемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, входящихъ въ кругъ трехъ главнѣйшихъ дисциплинъ—земледѣлія, зоотехніи и сельско-хозяйственной экономіи—совершенно установился, подобно, напр., тому, что мы имѣемъ въ ближайшихъ къ нимъ естественныхъ наукахъ, служащихъ своими данными главнымъ основаніемъ для сельско-хозяйственной теоріи. Затѣмъ, опыты и наблюденія надъ сельско-хозяйственными явленіями у насъ въ Россіи еще только зарождаются, спеціально русскихъ данныхъ, могущихъ служить объясненіемъ и дополненіемъ основныхъ положеній сельско-хозяйственной науки, пока еще весьма мало; русская сельско-хозяйственная литература весьма ограничена и скудна по содержанію; разработка агрономическихъ вопросовъ на почвѣ научнаго метода составляетъ у насъ сравнительно рѣдкое явленіе, и въ то время, какъ мы имѣемъ европейски извѣстныхъ ученыхъ въ области естествознанія, юриспруденціи, языкознанія и пр., въ области агрономіи таковыя не выдаются; высшее научное образованіе и до сихъ поръ находится еще въ періодѣ формировація, у насъ все еще возникаютъ вопросы о томъ, чему должно удовлетворять сельско-хозяйственное

образование, тогда какъ, по существу дѣла, эти вопросы давно должны быть разрѣшены и прочно обоснованы. Переходя въ частности къ преподаванію сельско-хозяйственныхъ знаній въ среднихъ (и низшихъ) школахъ, каковыхъ существуетъ очень мало, надо установить, да это отчасти уже признано, что программы преподаванія сельско-хозяйственныхъ наукъ требуютъ большой опредѣлительности въ объемѣ и содержаніи, что учебныя пособия, служащія для теоретическаго и практическаго обученія, нуждаются еще въ дальнѣйшемъ развитіи и укрѣпленіи, что времени на преподаваніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ нашихъ школахъ отводится весьма мало, сравнительно съ преподаваніемъ общихъ и вспомогательныхъ предметовъ, что распредѣленіе основныхъ и специальныхъ предметовъ требуетъ большей послѣдовательности и соответствія; наконецъ, методика преподаванія сельскаго хозяйства слишкомъ мало разработана, хотя для этого долженъ уже быть нѣкоторый матеріалъ и опытъ; руководство и учебниковъ по специальнымъ предметамъ имѣется очень мало и при томъ почти не приспособленныхъ къ требованіямъ учебнаго метода и состоянію уровня лицъ, составляющихъ контингентъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.

Принявъ все это во вниманіе, станетъ яснымъ, что положеніе преподавателя специальныхъ предметовъ въ русскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ весьма затруднительно, а слѣдовательно и требованія, коимъ онъ долженъ удовлетворять, даже только какъ специалистъ-агрономъ, весьма сложны, не говоря о томъ, что этотъ преподаватель, какъ таковой, долженъ быть также педагогомъ. Если онъ такъ или иначе получилъ основательную агрономическую подготовку если вполнѣ овладѣлъ всеми теоретическими и практическими данными своего дѣла, то педагогическія познанія онъ можетъ получить лишь со временемъ, самостоятельно ознакомясь съ общей педагогикою и методикою преподаванія, ибо въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, откуда получается контингентъ учителей для среднихъ школъ, какъ извѣстно, ни педагогики, ни методики преподаванія сельскаго хозяйства не преподается, да задача высшей специальной школы и не состоитъ исключительно въ приготовленіи учителей. Такимъ образомъ, преподаватель сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и земледѣлія, при настоящихъ условіяхъ, долженъ вырабатывать изъ себя учителя самъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, кромѣ собственнаго желанія и преданности дѣлу, у преподавателей сельско-хозяйственныхъ школъ почти не было никакихъ другихъ побужденій къ развитію педагогическихъ познаній. Поступая со школьной скамьи прямо въ сельско-хозяйственную школу, не имѣя предъ собою опыта, не умѣя ориентироваться въ самомъ пред-

метѣ, преподаватель находится въ первое время въ крайне затруднительномъ положеніи и, прежде чѣмъ выйти изъ него, долженъ произвести рядъ болѣе или менѣе удачно поставленныхъ педагогическихъ опытовъ, и нельзя не сознаться, что во время этого, такъ сказать, инкубационнаго періода въ педагогической дѣятельности формирующагося учителя, положеніе учениковъ, подвергающихся такимъ опытамъ, весьма незавидное. Дѣло усложняется еще вслѣдствіе отсутствія систематическихъ пособій и руководствъ, которыя давали-бы полное понятіе о предметѣ, указывали-бы способъ его преподаванія и лучшую постановку въ школѣ. При такихъ условіяхъ преподаватель сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія долженъ начинать съ ознакомленія себя съ положеніемъ этого дѣла вообще (притомъ болшею частью по иностраннымъ источникамъ), ознакомиться съ подготовкою своихъ учениковъ по основнымъ предметамъ, далѣе—составить опредѣленный и послѣдовательный планъ преподаванія предмета, согласовать его строжайшимъ образомъ съ имѣющимся учебнымъ временемъ и, наконецъ, передать учащимся сельско-хозяйственныя свѣдѣнія кратко, ясно и систематично, причемъ, для подкрѣпленія сообщаемыхъ положеній и выводовъ, учитель долженъ еще сдумать сдѣлать ихъ болѣе наглядными и вразумительными для учениковъ посредствомъ простѣйшихъ опытовъ и демонстрацій въ классѣ и въ полѣ, а кромѣ всего этого, въ руководство ученикамъ по земледѣлію должны быть даны какія-либо записки, составленныя и проверенныя преподавателемъ. Но этимъ еще не оканчивается дѣятельность преподавателя-спеціалиста въ средней школѣ. Если предположить, что преподаваніе предмета болѣе или менѣе выработано, приложено и ведется съ заранѣе извѣстною точностью, то никакъ нельзя допустить, по смыслу дѣла, что такой преподаватель земледѣльческихъ знаній, а часто и другихъ, близкихъ къ нимъ, наукъ (ботаники, минералогіи и т. п.), уже совершенно закончилъ всѣ свои занятія въ этомъ направленіи. Онъ долженъ слѣдить за литературою своего предмета (по крайней мѣрѣ, на нѣмецкомъ языкѣ), онъ долженъ совершенствоваться и въ своихъ знаніяхъ, и въ методикѣ преподаванія, ибо сельско-хозяйственныя знанія развиваются параллельно съ развитіемъ естествознанія, слѣдовательно, здѣсь вырабатываются новыя данныя, новыя объясненія, съ которыми преподавателю агрономіи надо быть знакомымъ, чтобы не сдѣлаться рутинеромъ и не сообщать ученикамъ фактическихъ свѣдѣній, ставшихъ, быть можетъ, уже анахронизмами. Ёще болѣе требуется вниманія и совершенствованія въ методикѣ преподаванія сельскаго хозяйства, которая еще очень мало разработана, а между тѣмъ здѣсь много надо знать, чтобы учебный методъ получилъ над-

лежащую цѣлесообразность и значить само обученіе давало-бы осязательные результаты въ практическомъ смыслѣ. Кромѣ того, преподаватель земледѣлія обязанъ еще руководить практическими занятіями учащихся. Эти занятія производятся во все время, весною и лѣтомъ, въ порядкѣ слѣдованія текущихъ полевыхъ работъ. По сущности самихъ занятій это руководство требуетъ большой напряженности относительно организациі занятій и веденія ихъ въ извѣстной послѣдовательности, такъ, чтобы, съ одной стороны, показать ученикамъ культурные приемы при воздѣлываніи растений, а съ другой стороны привести въ соотвѣтствіе практическія данныя съ тѣми положеніями земледѣльческой науки, которыя или изучались учениками, или еще будутъ изучаться; словомъ, занятія эти должны вестись такъ, чтобы практика восполняла теорію и находилась съ нею въ неразрывной связи. Сюда-же входятъ различныя практическія занятія демонстративнаго свойства, напр., по опредѣленію свойствъ, залеганія и мощности почвенныхъ слоевъ, исторіи развитія растений, ихъ культурныхъ особенностей, получаемыхъ продуктовъ, т.-е. все то, что, по недостатку времени, не могло быть показано въ классѣ. За всѣмъ тѣмъ, преподаватель земледѣлія имѣетъ еще занятія по другимъ предметамъ (напр., по ботаникѣ, минералогіи и пр.), которыя производятся обязательно или лѣтомъ, или въ классный періодъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что за руководство практическими занятіями и завѣдываніе учебнымъ полемъ, напр., въ земледѣльческихъ училищахъ, полагается весьма ничтожное вознагражденіе (по штату за всякія лѣтнія занятія положено всего 400 рублей для каждаго училища) сравнительно съ тою грудою работы, которую несутъ преподаватели растениеводства, животноводства и естественныхъ наукъ. Притомъ это ничтожное вознагражденіе полагается только за лѣтнія занятія, зимнія-же не оплачиваются совсѣмъ. По уставу среднихъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за часы занятій учителей и руководителей практическими занятіями полагается добавочное вознагражденіе отъ 36 до 60 рублей за каждый часъ руководства. Наконецъ, преподаватель земледѣлія не имѣетъ (кромѣ рождественскихъ и пасхальныхъ недѣль) вакаціоннаго времени въ теченіе круглаго года и такимъ образомъ лишенъ фактической возможности бывать гдѣ-либо для усовершенствованія въ своей спеціальности, а тѣмъ болѣе заниматься какими-либо самостоятельными изслѣдованіями.

Все это, съ одной стороны, усложняетъ дѣло, а съ другой—ставить преподаваніе предмета съ педагогической точки зрѣнія въ весьма затруднительное положеніе. А потому учитель-специалистъ въ

средней сельско-хозяйственной школѣ, при подобныхъ условіяхъ своей дѣятельности, долженъ употреблять бездну труда и времени для того, чтобы сдѣлаться пригоднымъ для боѣ или менѣ правильной педагогической дѣятельности, если только онъ желаетъ достигнуть какихъ-либо существенныхъ результатовъ, а не одного лишь формальнаго отношенія къ возложеннымъ на него обязанностямъ. Во всемъ этомъ, несомнѣнно, кроются ближайшія причины сравнительно частой перемѣны (очень вредной для учебнаго дѣла) преподавателей въ сельско-хозяйственныхъ школахъ, а равно и того, что постановку преподаванія сельскаго хозяйства въ нашихъ школахъ нельзя признать въ настоящее время соответствующей сущности этой отрасли знаній, той цѣли, для которой они преподаются въ этихъ заведеніяхъ, и, наконецъ, тому положенію, какое должны занимать среднія сельско-хозяйственныя школы въ циклѣ агрономическаго образованія вообще и русскаго въ особенности. Чтобы выйти изъ подобныхъ сложныхъ и затруднительныхъ условій, въ которыхъ находится среднее сельско-хозяйственное образованіе, очевидно, необходимо измѣнить его организацію, но измѣнить такъ, чтобы при этомъ улучшилось учебное дѣло, какъ въ отношеніи количества времени, отводимаго на специальное преподаваніе, правильности распредѣленія предметовъ и ихъ соответствія другъ другу, такъ и въ отношеніи количества и состава учебныхъ пособій, служащихъ для преподаванія, улучшенія способовъ обученія, введенія систематическихъ и научно-составленныхъ учебниковъ и руководствъ, наконецъ, въ отношеніи обезпеченія на будущее время среднихъ школъ учебнымъ персоналомъ.

Если относительно измѣненія организаціи среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ уже поднятъ вопросъ и даже выработаны основы такой организаціи въ будущемъ *), то относительно методики преподаванія, руководствъ и руководителей сдѣлано очень мало, а между тѣмъ въ этомъ и находится центръ тяжести учебнаго дѣла. Правда, возбужденъ вопросъ и о подготовленіи учителей специальныхъ предметовъ для среднихъ земледѣльческихъ училищъ въ связи съ вопросомъ объ учрежденіи должностей помощниковъ учителей и распредѣленіи предметовъ между преподавателями, но здѣсь намѣчены лишь главныя основанія этого дѣла **), относительно же подробностей такой подготовки все еще остается много невыясненнаго. Несомнѣнно, что правильная организація подготовки учителей спе-

*) См. «Труды особаго совѣщанія по организаціи средняго сельско-хозяйственнаго образованія, созваннаго при Департаментѣ Земледѣлія въ сентябрѣ 1895 г.» С.-Петербургъ. 1896 г., стр. 12—25.

**) Ibidem, стр. 160—179.

ціальныхъ предметовъ для среднихъ школъ имѣть существенное значеніе для успѣха самаго спеціального обученія въ нихъ, но весь вопросъ и состоитъ именно въ томъ, какъ подобную подготовку организовать. Въ настоящее время мы не имѣемъ такихъ педагогическихъ учреждений, въ которыхъ могли-бы подготовляться преподаватели сельско-хозяйственныхъ предметовъ, получившіе высшее агрономическое образованіе; слѣдовательно, остается или создать подобныя учреждения, или, быть можетъ, организовать подготовку учителей при существующихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденияхъ, напримѣръ, при среднихъ школахъ *). Учрежденіями перваго рода могутъ быть педагогическіе институты, курсы и т. п., на подобіе существующихъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Могутъ-ли, при настоящемъ положеніи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи и наличности матеріальныхъ и интеллектуальныхъ средствъ, возникнуть такіе спеціальныя институты и курсы—вопросъ другой, требующій подробнаго изслѣдованія, но несомнѣнно, что для рациональной постановки учебнаго дѣла въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ такія средства должны быть. Если же почему-либо затруднительно устройство указанныхъ педагогическихъ учреждений, то, можетъ быть, болѣе достижимой будетъ организація подготовки учебнаго персонала при существующихъ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ. Само собою ясно, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ также необходимы достаточныя средства для того, чтобы задачи означенной организаціи были болѣе или менѣе выполнены, можетъ быть, окажется, что при этомъ возможно проще и дешевле достигнуть намѣченной цѣли. Такими учебными заведеніями въ настоящее время являются лишь среднія земледѣльческія училища, при которыхъ и предполагается организовать подготовку кандидатовъ на учительскія должности **). Сущность этой организаціи должна состоять въ томъ, что кандидаты на учительскія должности, получивъ высшее сельско-хозяйственное образованіе и ознакомившись съ хозяйствомъ, по крайней мѣрѣ, двухъ районовъ путемъ продолжительнаго пребыванія въ нихъ и съ хозяйствомъ другихъ районовъ, путемъ объѣзда, на что должно быть употреблено не менѣе двухъ лѣтъ, должны получать затѣмъ подготовку въ одной изъ образцово обставленныхъ по отношенію учительскаго персонала и учебныхъ пособій среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, гдѣ

*) Для подготовки учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ Министерствомъ Земледѣлія уже сдѣланъ опытъ въ видѣ устройства съ 1896 года педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ.

**) См. «Труды особаго совѣщанія по среднему сельско-хозяйственному образованію», стр. 37—39.

они должны провести не менѣ двухъ лѣтъ, занимаясь, подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ учителей-спеціалистовъ, преподаваніемъ какой-либо части предмета. Имъ долженъ быть прочитанъ курсъ общей педагогики и методики преподаванія сельскаго хозяйства. На одного учителя-спеціалиста полагается не болѣ трехъ кандидатовъ. Кромѣ того, проектируется посылать такихъ кандидатовъ для ознакомленія съ преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ въ другія училища, устройство педагогическихъ сѣздовъ, а также командировокъ въ русскія и заграничныя хозяйства, на сельско-хозяйственные сѣзды и выставки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ эти предположенія заслуживаютъ полнаго сочувствія, но насколько осуществима въ настоящее время организація подготовки преподавателей спеціальныхъ предметовъ при образцово обставленныхъ земледѣльческихъ школахъ и въ чемъ должна выразаться такая подготовка, затѣмъ, насколько удобно въ практическомъ смыслѣ возложеніе предполагаемаго дѣла на отдѣльныхъ учителей-спеціалистовъ, безъ ущерба прямому дѣлу преподаванія сельскаго хозяйства въ школахъ и въ связи съ громаднымъ количествомъ труда, возлагаемаго на тѣхъ-же учителей-спеціалистовъ въ земледѣльческихъ училищахъ въ настоящее время, наконецъ, не нужно-ли прежде всего начать это дѣло съ кореннаго измѣненія условій и организаціи среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ—все это вопросы первостепенной важности, подробный разборъ коихъ [выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, но, можетъ быть, составитъ предметъ особаго разсмотрѣнія, ибо все это касается не только постановки преподаванія земледѣлія въ среднихъ школахъ, но вообще тѣхъ условій, въ которыхъ должно находиться учебное дѣло въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ въ будущемъ.

И. Б.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Прогрессъ эволюціи человѣка. Генри Дарвинъ. Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента И. А. Иванцова. Москва. Ц. 2 р. 25 к.

Въ предисловіи авторъ скромно называетъ свой трудъ только «попыткой ясно передать немногое изъ того, что извѣстно въ наукѣ о прогрессѣ первобытнаго человѣка». Эта попытка, по нашему мнѣнію, очень удачна: приводимые имъ факты онъ излагаетъ въ стройной системѣ, хотя и оговаривается, что «нить», связывающая эти факты, представляетъ лишь «гипотезу». Но подобная оговорка едва-ли необходима: всѣ науки о природѣ и ея разнообразныхъ явленіяхъ въ основѣ своей имѣли гипотезы, которыя, благодаря упорнымъ, настойчивымъ трудамъ ученыхъ, приобрѣтали фактическую достовѣрность. И гипотеза почтеннаго автора «объ индивидуальномъ прогрессѣ человѣка въ теченіе раннихъ стадій его развитія» настолько логична и согласна съ научными данными до-человѣческой эпохи исторіи органическаго міра, что она можетъ быть признана фактически вѣрной. «Настоящая книга,—говоритъ авторъ,—представляетъ изученіе зародышей, зачатковъ, первыхъ вступленій во владѣніе; сценой является первобытный лѣсъ; время—заря міра».

Многимъ памятно время появленія на русскомъ языкѣ сочиненіе Дарвина «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора родичей»; памятна и та тревога, какую подняла въ нашемъ обществѣ часть печали, враждебно относящаяся ко всякимъ новымъ научнымъ идеямъ. Печать эта авторитетно заявляла тогда, что чтеніе книги Дарвина можетъ поколебать религію, нравственность и даже потрясти основы общественной жизни. Совершенно естественно, что наше тогдашнее общество, начавшее было интересоваться естественно-историческими сочиненіями, не могло настолько обстоятельно ознакомиться съ трудомъ Дарвина (для чего необходима основательная подготовка), чтобы судить, справедливъ-ли приговоръ «Московскихъ Вѣдомостей», авторитетъ которыхъ въ то время (1864 г.) достигъ своего апогея. Неподготовленное научно къ чтенію такого серьезнаго труда, общество повѣрило столпамъ тогдашняго газетнаго міра и отвернулось отъ естественно-истори-

ческихъ знаній, а о Дарвинѣ составилось понятіе, какъ объ ученомъ, доказывающемъ, что человекъ происходитъ отъ обезьяны. Это понятіе соединилось и со словомъ *эволюція*. Съ того достопамятнаго времени и до сегодня съ этимъ словомъ огромное большинство публики соединяетъ понятіе о научной доктринѣ, признающей человека усовершенствованной обезьяной и проповѣдующей *безпощадную «борьбу за существованіе»*. Такое пониманіе эволюціи не чуждо, впрочемъ, и европейскому, болѣе просвѣщенному обществу. Такъ какъ авторъ на первой-же страницѣ своей книги говоритъ: «Хотя точкой отправленія этой книги является эволюція, а ея предметомъ—человекъ, но она (книга) не задается цѣлью доказать, что человекъ имѣетъ унизительныя или какія-либо иныя отношенія къ животнымъ».

Ограничивая область своего изслѣдованія только индивидуальнымъ развитіемъ первобытнаго человека, авторъ выѣстъ съ тѣмъ замѣчаетъ, что природа (характеръ) эволюціи была ошибочно понята: въ основу ея былъ положенъ одинъ факторъ «борьба за существованіе», а другой, не менѣе могучій, факторъ былъ просмотрѣнъ Дарвиномъ и его послѣдователями. И цѣль его книги заключается именно въ томъ, чтобы пополнить этотъ просмотръ, или, какъ онъ выражается «исправить удареніе» (т.-е. односторонній взглядъ Дарвина). Это исправленіе мы считаемъ очень важнымъ; оно совершенно измѣняетъ понятіе объ эволюціи и создаетъ новое ученіе, примиряющее его и съ христіанствомъ, и съ нравственностью. Прочтавъ внимательно книгу Друмонда, враги эволюціи сложатъ свое оружіе и перейдутъ на сторону ея друзей.

Хотя «эволюція» въ буквальномъ переводѣ значитъ *«развитіе»*, но это слово понимается учеными различно. Знаменитый біологъ Гексли подъ этимъ словомъ понимаетъ общее названіе «для тѣхъ шаговъ, путемъ которыхъ какое-либо существо пріобрѣло отличающія его морфологическія (внѣшнія) и фізіологическія (внутреннія) особенности». Уоллесъ признаетъ, что эволюція есть порядокъ, въ которомъ создавался органическій міръ. Генри Друмондъ подъ эволюціею разумѣетъ исторію постепеннаго совершенствованія органическаго міра, или, говоря его словами, исторію тѣхъ шаговъ, «путемъ которыхъ міръ сталъ тѣмъ, что онъ есть». «Правда,—говоритъ авторъ далѣе,—еще столѣтія должны пройти прежде, чѣмъ эта исторія можетъ быть вполне рассказана». И хотя «въ настоящее время нѣтъ ни одной главы, совершенно законченной, но уже и теперь начинается выясненіе очертаніе непрерывной исторіи».

Какія-же есть данныя для исторіи органическаго міра, жизнь котораго началась, быть можетъ, за милліоны лѣтъ до появленія на землѣ первобытнаго человека?—спросить насъ читатель. На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ словами автора: «Наука въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій посвящала себя собиранію фактовъ и изученію явленій природы. Каждый работникъ трудился на своемъ собственномъ небольшомъ мѣстечкѣ: геологъ—въ каме-

ноломнѣ; ботаникъ—въ своемъ саду; біологъ—въ своей лабораторіи; астрономъ—на своей обсерваторіи; историкъ—въ своей бібліотекѣ; археологъ—въ своемъ музеѣ». Результатомъ трудовъ всѣхъ этихъ и другихъ ученыхъ было открытіе законовъ природы, въ силу которыхъ, въ числѣ безконечнаго множества другихъ міровъ вселенной, образовалась и наша земля, и обитавшій на ней органическій міръ, оставившій множество памятниковъ своего существованія въ видѣ окаменѣлостей. Вотъ эти-то окаменѣлыя кости, покровы и другіе органы животныхъ, когда-то населявшихъ землю, и служатъ данными для исторіи органическаго міра; и эта исторія должна начинаться, по мнѣнію автора, съ окончательнаго результата эволюціоннаго процесса—съ *человѣка*.

«Какъ въ инженерной мастерской,—говоритъ авторъ,—оконченная машина объясняетъ значеніе каждой отдѣльной ея части, такъ и эволюція человѣка, завершающая всѣ другія формы эволюціи, выясняетъ превращенія животныхъ, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій постепенно измѣнявшихъ свое строеніе и принявшихъ окончательно ту форму, въ которой они существуютъ въ настоящее время. Только съ такой высоты открывается полный видъ, вѣрная перспектива, связанный міръ. Вся ошибка натуралистовъ состояла въ объясненіи природы съ точки зрѣнія атома, съ изученія механизма, движущаго этотъ великій міръ (земной). При этомъ забывалось, что корабль имѣетъ пассажировъ, пассажиры—капитана, а капитанъ—взвѣстный курсъ. Съ другой стороны, если для теолога большая ошибка отдѣлять корабль отъ пассажировъ, то для натуралиста такая-же ошибка отдѣлять пассажировъ отъ корабля... Тотъ, кто не можетъ включить человѣка въ звенья эволюціи, всего болѣе долженъ бояться теоріи развитія. Въ своемъ рвеніи за религію, которая кажется ему выше науки, онъ лишаетъ одновременно религію ея раціональной основы и науку ея законнаго вѣнца, забывая, что, поступая такимъ образомъ, онъ предлагаетъ міру религію не естественную и науку не человѣческую... Если умъ теолога призывается къ такому расширенію (взгляда), то для мужа науки ставится требованіемъ расширить свой взглядъ въ другомъ направленіи. Если онъ включаетъ человѣка въ свою эволюціонную схему, то долженъ думать о томъ, что дѣло идетъ о включеніи *всего* *человѣка* и всего, что есть въ человѣкѣ, и всѣхъ дѣлъ его, и мыслей, и жизни, и стремленій».

Такъ смотритъ авторъ на эволюцію человѣка, и его взглядъ совершенно отличается отъ существующаго о ней понятія въ ученомъ мірѣ, который до сихъ поръ имѣлъ дѣло съ эволюціей человѣческаго тѣла и совершенно не обращалъ вниманія на его духовную природу. Еще рѣзче сказывается это различіе взглядовъ въ вопросѣ объ основномъ дарвинскомъ принципѣ «борьбы за существованіе». Въ ученомъ мірѣ этотъ принципъ произвелъ совершенный переворотъ; всѣ явленія органическаго міра, для объясненія которыхъ прежде не находилось достаточной причины, были разгаданы: «борьба за существованіе» стала «ключемъ», которымъ отпирались всѣ тайны жизни.

Въ пылу увлеченія этою дѣйствительно великою мыслью, такіе серьезныя ученые, какъ Гексли, Спенсеръ, написали страшную картину, которая, по удачному выраженію автора, «могла бы служить вызовомъ самому Творцу; неразрѣшимой проблемой философіи, постояннымъ оскорбленіемъ нравственной природы человѣка». На этой мрачной картинѣ зритель видитъ только груды труповъ, неустанную битву, агонію предсмертныхъ мукъ... Картина, дѣйствительно, потрясающая, но, къ счастью, она совершенно фантастична и нарисована подъ вліяніемъ увлеченія новой идеей.

Самое поверхностное знакомство съ жизнью органическаго міра, съ его прогрессивнымъ развитіемъ, убѣждаетъ каждаго наблюдателя въ томъ, что въ немъ вмѣстѣ со смертію и истребленіемъ, ради «подбора», наблюдается множество явленій совершенно противоположнаго характера: материнство съ его самопожертвованіемъ, содружество, взаимопомощь, замѣчаемая даже у низшихъ животныхъ, напр., у насѣкомыхъ. Подобныя явленія ясно свидѣлствуютъ, что природа одарила ихъ *стремленіемъ помогать другъ другу* въ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ. И чѣмъ выше животное по своей организаціи, тѣмъ интенсивнѣе проявляется въ немъ это стремленіе, а въ человѣкѣ, этомъ высшемъ существѣ, оно становится могучимъ чувствомъ любви къ другимъ людямъ, становится *альтруизмомъ*.

Естественная исторія животныхъ представляетъ много самыхъ поразительныхъ примѣровъ появленія у нихъ альтруистическихъ чувствъ, и читатель можетъ ознакомиться съ ними въ сочиненіяхъ, указанныхъ въ примѣчаніи *).

Альтруистическія чувства въ большей или меньшей степени врождены каждому существу; они проявлялись съ самаго начала жизни на землѣ и смягчали губительное дѣйствіе «борьбы за существованіе». Въдѣ если-бы природа, въ цѣляхъ совершенствованія животныхъ, руководилась только однимъ факторомъ борьбы за существованіе и выживали-бы только сильнѣйшіе индивидуумы, то въ концѣ концовъ они погибли-бы во взаимной борьбѣ и земля превратилась-бы въ безжизненную пустыню.

Между тѣмъ извѣстно, что органическій міръ постоянно развивался, и съ каждой эпохой существованія земли проявлялись все новыя и новыя формы растений и животныхъ. Последнею совершеннѣйшею формою явился человѣкъ. И нельзя не удивляться, что такой глубокой ученый и мыслитель, какъ Дарвинъ, увлекшись своимъ открытіемъ «происхожденія видовъ путемъ подбора», вызывающимъ «борьбу за существованіе», просмотрѣлъ другой противоположный факторъ — «борьбу за жизнь другихъ». Только взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ факторовъ и могъ такъ роскошно развиться органическій міръ. Указаніе на этотъ второй факторъ природы на «борьбу за жизнь

*) См. «Жизнь животныхъ» Брема, «Жизнь насѣкомыхъ» Керби и Спенси, «Пчелы, муравьи и осы» сэра Джона Леббока, «Гнѣзда, пещеры и логовища» Вуда, «На берегу моря» Льюиса, «Умъ животныхъ» Ромэнса и мн. др.

другихъ» составляетъ заслугу Г. Друмонда, который скромно заявляетъ, что онъ только желалъ «исправить удареніе».

Установивъ такимъ образомъ взаимодействіе двухъ факторовъ природы: «борьбы за существованіе» (принципъ эгоистическій) и «борьбу за жизнь другихъ» (принципъ альтруистическій), авторъ задается весьма интереснымъ вопросомъ: почему для мірового процесса избрана эволюція? Если она представляетъ способъ «творчества», «то почему избранъ такой необыкновенный способъ? Мгновенное (*tout d'un coup*) творчество могло-бы произвести тотъ-же самый результатъ; мгновенный актъ и вѣками длившійся процессъ дали-бы намъ вѣдь тотъ-же самый міръ, какъ онъ есть? Отвѣтъ современной теологіи былъ тотъ, что эволюціонный способъ является безконечно болѣе достойнымъ. Мгновенный актъ отзывается волшебствомъ; какъ простое проявленіе силы, онъ указываетъ на низшую природу; между тѣмъ какъ процессъ роста внушаетъ разуму представленіе о работѣ интеллигентнаго ума».

Это выраженіе мы считаемъ слишкомъ слабымъ; мы думаемъ, что эволюціонный процессъ созданія міра свидѣтельствуемъ не объ обыкновенномъ «интеллигентномъ» умѣ, а о такой величайшей премудрости, глубину которой мы своимъ ограниченнымъ умомъ и постигнуть не можемъ. Съ другой стороны, «мгновенный» актъ созданія не только земного міра, но и безчисленнаго множества другихъ міровъ безпредѣльной вселенной былъ-бы совсѣмъ намъ непонятенъ; самое могучее «волшебство» не могло-бы съ такою ясностью раскрыть намъ величіе Творца, какъ оно открывается эволюціоннымъ процессомъ.

Раскрывая передъ нами порядокъ творенія и планъ его, эволюціонный процессъ знакомитъ насъ съ тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что къ выполненію «плана» служили тѣ-же самыя средства, которыми обуславливается и сама жизнь, а именно: *питаніе* и *размноженіе*.

Для питанія необходима пища, которую надо добыть; добываніе ея вызываетъ столкновеніе между животными, изъ которыхъ каждое стремится овладѣть ею; изъ этихъ стремленій возникаетъ «борьба» за обладаніе пищею, отъ которой зависитъ и самая жизнь; иначе говоря, «борьба за существованіе».

И до тѣхъ поръ, пока представителями затеплившейся на землѣ жизни были существа бесполоя *), единственнымъ факторомъ эволюціи была эта борьба за личную жизнь. Но настало время, когда, вслѣдствіе выживанія сильнѣйшихъ, болѣе приспособленныхъ существъ, организація ихъ усложнилась; явилось раздѣленіе половъ, на сцену выступила *мать*, и эволюція въ лицѣ ея приобрѣла могучаго фактора, охраняющаго животный міръ отъ истребленія. Борьба «за жизнь другихъ» внесла въ міръ попеченіе, охраненіе, защиту всѣхъ слабыхъ, немощныхъ и беззащитныхъ.

*) Не говоря уже о микроскопическихъ животныхъ, большинство которыхъ бесполоя, укажемъ на *рабочихъ пчелъ, муравьевъ*, также бесполоыхъ.

«Наблюдайте какое-либо высшее животное въ наиболѣе критическій моментъ изъ всѣхъ часовъ его жизни и для него самаго и для его вида, въ часъ, когда оно производитъ на свѣтъ другое существо, подобное себѣ. Оставьте въ сторонѣ чисто фізіологическіе процессы рожденія; обратите вниманіе на поведеніе животнаго-матери въ присутствіи новой, безпомощной, трепещущей передъ нею жизни. Вотъ лежатъ оно, дрожащее между жизнью и смертью; его мучаетъ голодъ; ему угрожаетъ холодъ; его осаждаетъ опасность; его слѣбное существованіе виситъ на ниточкѣ. Вотъ удобный моментъ для эволюціи. *Это лазейка въ физическомъ строѣ, предназначенная для введенія въ него строа нравственнаго.* Если въ природѣ есть нѣчто большее, чѣмъ себялюбивая борьба за жизнь, то тайна эта теперь можетъ быть открыта. До сихъ поръ міръ принадлежалъ снискателю пропитанія, эгоисту, борцу за жизнь, отцу. Теперь часъ матери. И хотя она и животное, она поднимается до высоты своей задачи. И этотъ часъ, когда она приходитъ на помощь своему дѣтенышу, становится для міра часомъ его самаго святаго рожденія. Симпатія, нѣжность, отсутствіе эгоизма и длинный перечень добродѣтелей, берущихъ свое начало изъ альтруизма, являются прямымъ слѣдствіемъ и естественною причиною воспроизводительнаго процесса».

Такимъ образомъ, охраняя свое потомство, защищая его отъ истребленія, мать воспитывала его, въ то-же время помогая ему приспособиться къ условіямъ данной среды. Преслѣдуя ту-же цѣль въ цѣломъ рядѣ поколѣній, материнство безсознательно содѣйствовало совершенствованію организаціи каждаго типа животныхъ, вслѣдствіе чего вырабатывались всѣ высшія и низшія формы.

По мѣрѣ того какъ усложнялась организація животныхъ и появлялись болѣе совершенныя формы, развивались и альтруистическія чувства, благодаря которымъ животный міръ постепенно распространялся и достигъ своего апогея въ лицѣ человѣка, представляющаго самую высшую и совершеннѣйшую форму. Но вмѣстѣ съ тѣлеснымъ его строеніемъ и альтруистическія чувства получили полное развитіе. То, что у животныхъ, даже высшихъ типовъ, было въ зачаточномъ состояніи и проявлялось инстинктивно, то у человѣка достигло полнаго расцвѣта и стало сознательнымъ. Изъ этого очевиднаго факта почтенный авторъ выводитъ совершенно вѣрное заключеніе, «что эволюція имѣла въ виду преслѣдованіе моральной цѣли».

Придя къ такому неизбѣжному выводу, авторъ спрашиваетъ: «Неужели мы не можемъ усмотрѣть никакого высокаго умысла въ выборѣ этого частнаго средства (т.-е. эволюціи), никакого достойнаго этического результата, который оправдалъ идею такъ хорошо, какъ это выполнила эволюція?»

Хотя этотъ вопросъ и вызываетъ въ авторѣ сомнѣніе, «не зашелъ-ли онъ слишкомъ далеко» (за предѣлы опытнаго познанія), тѣмъ не менѣе онъ «смѣло» отвѣчаетъ на него, потому что отвѣтъ напрашивается самъ

собой. Когда планъ творенія былъ составленъ, должно было предвидѣть, что нѣкогда управленіе частью хода эволюціи перейдетъ въ руки человѣка.

Какая-же это часть? Изъ дальнѣйшаго изложенія узнаемъ, что исключительное дѣло эволюціи закончилось развитіемъ высшей и совершеннѣйшей формы животнаго міра—развитіемъ человѣческаго тѣла; развитіе-же его духовной природы возложено на обязанность самого человѣка; эволюція только помогаетъ его усиліямъ въ этомъ направленіи.

Но первобытные люди были слишкомъ грубы и невѣжественны, чтобы понимать свое назначеніе; они были безучастными зрителями совершавшихся передъ ними жизненныхъ «драмъ» въ силу «борьбы за существованіе»; они такъ-же не понимали даже того, что совершавшееся на ихъ глазахъ—«драма», какъ не понимаютъ этого и современные намъ дикари о—въ Тихаго Океана, Австраліи, Южной Африки и многихъ другихъ странъ. Надо было пройти нѣсколькимъ тысячелѣтіямъ, въ теченіе которыхъ человѣкъ, знакомясь съ окружающимъ его міромъ, наблюдая совершающіяся въ немъ явленія, постоянно обогащалъ свой умъ познаніями, содѣйствовавшими его умственному развитію.

Въ странахъ, которыя представляли благопріятныя для того условія, человѣкъ пересталъ играть роль безучастнаго зрителя драмы; она получила въ глазахъ его настоящій смыслъ и значеніе; «надъ его головою,—по выраженію автора,—разразилось открытіе, что природа предназначила ему сдѣлаться участникомъ въ ея дѣлѣ и раздѣлить отвѣтственность за совершающіеся факты». Это открытіе заставило его убѣдиться, что дальнѣйшая судьба зависитъ всецѣло отъ него самого, что онъ долженъ создавать такой социальный строй жизни, при которомъ нравственныя цѣли эволюціи достигались бы всѣми членами свободно.

Но пониманіе назначенія человѣка зависитъ отъ умственного развитія, которое дается только образованіемъ, а потому въ культурныхъ странахъ главнѣйшее вниманіе правительствъ обращено на распространеніе образованія во всѣхъ классахъ общества, и такія счастливыя страны покрыты школами, а школьное образованіе для всѣхъ обязательно.

Свобода совѣсти, печати, участіе общества въ лицѣ избранныхъ имъ членовъ въ управленіи государственными дѣлами—всѣ эти благопріятныя условія общественной жизни въ такихъ странахъ довершаютъ дѣло школы, и человѣкъ, исполнѣ свободный въ своихъ поступкахъ, становится по справедливости отвѣтственнымъ за нихъ *).

Подобно тому, какъ постепенно развивался интеллектъ первобытныхъ людей, развивались въ нихъ и альтруистическія чувства, съ тою, однако, раз-

*) Впрочемъ, высказывая это положеніе, я упустилъ изъ вида могучее вліяніе среды, воспитавшей человѣка и привившей ему тѣ или другія нравственныя понятія, которыя изрѣдка руководятъ его поступками, отвѣтственность за которые падаетъ на среду.

ницею, что развитіе ихъ совершалось быстрѣе и интенсивнѣе. Поэтому-то за много вѣковъ до того времени, какъ надъ человѣкомъ «разразилось» открытіе, что онъ долженъ продолжать дѣло эволюціи, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ являлись люди съ добрымъ сердцемъ, отзывчивымъ къ людскимъ бѣдствіямъ и страданіямъ; они устранивали благотворительныя общества, призрѣвавшія больныхъ, слабыхъ, беспомощныхъ. Благодаря распространенію образованія, усвоенію евангельской проповѣди, во всѣхъ культурныхъ странахъ гуманныя идеи проникали въ массу и вызывали организацію подобныхъ обществъ. И истекающій XIX-й вѣкъ можетъ гордиться обширными побѣдами на полѣ бѣдствій и людскихъ страданій.

Рекомендуя читателю ознакомиться съ 4-ю главою «Введенія», трагующею объ отношеніи «эволюціи къ социологій» и имѣющей полемическій характеръ, мы переходимъ къ содержанию книги.

Въ ней 10 главъ, очень интересныхъ по содержанию, на что указываетъ самое названіе ихъ. Главы эти слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Эволюція тѣла. 2) Остатки прежнихъ структуръ въ тѣлѣ человѣка. 3) Прекращеніе тѣлеснаго развитія. 4) Разсвѣтъ ума. 5) Эволюція языка. 6) Борьба за жизнь (личную). 7) Борьба за жизнь другихъ. 8) Эволюція матери. 9) Эволюція отца. 10) Инволюція.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе содержания каждой главы, мы ограничимся указаніемъ на самое существенное нѣкоторыхъ изъ нихъ, начавъ съ эволюція тѣла.

Едва-ли найдется какой-либо другой вопросъ, менѣе всего интересующій человѣка, какъ вопросъ о развитіи самого человѣка въ тѣлѣ матери. Безчисленные милліоны людей рождалось на свѣтъ, рождаются они и теперь ежедневно (по вычисленію статистиковъ, въ каждую секунду рождается одинъ человѣкъ), и едва-ли кому приходитъ въ голову вопросъ: какимъ образомъ изъ половыхъ отношеній мужчины съ женщиной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появляется на свѣтъ новый человѣкъ?

Такое отсутствіе вниманія къ этому важному вопросу объясняется тѣмъ, что процессъ развитія ребенка совершается таинственно въ тѣлѣ матери и недоступенъ непосредственнымъ наблюденіямъ. Надо было пройти милліонамъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ умственное развитіе человѣка достигло высокой степени изобрѣтательности во всѣхъ отрасляхъ знаній. И когда былъ изобрѣтенъ *микроскопъ*, человѣкъ воспользовался этимъ полезнѣйшимъ инструментомъ и разоблачилъ множество таинственныхъ процессовъ природы, между которыми развитіе человѣческаго зародыша занимаетъ первое мѣсто. Въ настоящее время *эмбриологія*—наука о развитіи зародышей животныхъ и растений—рисуетъ намъ полную картину таинственной жизни *новаго челоотка* съ перваго момента его существованія.

Въ этотъ первый моментъ, *на первой стадіи развитія* человѣческой зародышъ представляетъ на простой, невооруженный микроскопомъ, глазъ *мел-*

кую точку, которая, при разсматриваніи въ микроскопъ, имѣетъ видъ шарика или клеточки съ ядрышкомъ внутри. На этой стадіи онъ ничѣмъ не отличается отъ клеточекъ (зародышей) растительныхъ и животныхъ.

Въ слѣдующей стадіи зародышевый шарикъ покрывается прозрачною, какъ стекло, оболочкою, а внутри его появляется круглое, блестящее пятнышко... Въ такомъ видѣ онъ совершенно похожъ на зародышъ *млекопитающихъ* животныхъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи строеніе его все болѣе и болѣе усложняется; онъ мѣняетъ свой внѣшній видъ, иначе говоря—*превращается*.

Вотъ какъ описываетъ нашъ авторъ эти превращенія.

«Между первоначальной клеточкой и вполне образованнымъ тѣломъ младенца обыкновенный наблюдатель видитъ небогатый событіями переходъ въ нѣсколько мѣсяцевъ», а «для эволюціониста въ этихъ немногихъ мѣсяцахъ сосредоточивается трудъ и прогрессъ неисчисленныхъ вѣковъ. Здѣсь передъ нимъ все протяженіе времени съ тѣхъ поръ, какъ забрезжилась жизнь. Наблюдая, какъ рождающійся организмъ двигается къ зрѣлости, онъ дѣлается свидѣтелемъ зрѣлица, которое, по своей странности и своему величію, стоитъ особнякомъ въ области біологическихъ изысканій. То, что онъ видитъ, не прѣстая лѣпка или ваеніе человѣка. Человѣческая форма получаетъ свое начало не какъ не человѣческая форма: она начинается какъ животное, и долгое время спустя въ ней нѣтъ ничего, имѣющаго самое отдаленное сходство съ человѣкомъ... Онъ видитъ предъ собою длинную вереницу низшихъ формъ жизни; смѣну странныхъ, нечеловѣческихъ созданий, возникающихъ изъ другихъ, еще болѣе странныхъ и еще болѣе нечеловѣческихъ созданий; и только послѣ длиннаго ряда превращеній слагаются они въ нѣкоторое слабое подобіе человѣка.

«До сихъ поръ насъ учили искать погребенныя жизни земного прошлаго въ ископаемыхъ остаткахъ, находимыхъ въ различныхъ пластахъ земной коры». «Но эмбриологія всполюшила свѣтъ, объявивъ, что прѣжняя жизнь не угасла. Она воскресла; она существуетъ въ зародышахъ живущихъ въ настоящее время существъ, и нѣкоторые изъ самыхъ архаическихъ типовъ находятъ свое воскресеніе и жизнь въ образѣ самого человѣка. Это изумительная и невѣроятная исторія.

«Дѣло не въ томъ только, что человѣкъ начинаетъ свое существованіе похъ видомъ зародыша низшаго животнаго, а въ томъ, что въ послѣдовательныхъ превращеніяхъ человѣческаго зародыша воспроизводится передъ нашими глазами видимое, дѣйствительное, физическое изображеніе части жизненной исторіи міра». «Тѣ-же самые процессы развитія, для совершенія которыхъ потребовались нѣкогда тысячи лѣтъ, здѣсь сжаты, сокращены, сконцентрированы въ нѣсколько недѣль.

«При созданіи человѣка поразительно то, что природа вводитъ всѣ эти болѣе ранніе типы, распредѣляя каждый сырой образецъ отдѣльно, прежде чѣмъ включить его въ окончательное произведеніе.

«Человѣческой зародышъ, беря другую метафору, есть утонченная фантазмагорія, живой театръ, въ которомъ исполняется сцена съ превращеніями и гдѣ дѣйствуютъ безчисленные странныя и причудливыя лица. По мѣрѣ развитія человѣка, эти актеры-животныя одинъ за другимъ выходятъ на сцену, проходятъ вереницей въ прозрачной процессіи, сбрасываютъ свои покровы и превращаются въ нѣчто совершенно иное.

«Однако, послѣ своего исчезновенія, каждый изъ нихъ оставляетъ въ наслѣдіе расы какую-либо жизненную частичку самого себя, какое-либо характерное напоминаніе о себѣ, что-либо имъ самимъ приобрѣтенное—*кость, мускулъ, ганглий* (нервный узелъ) или зубъ. И только послѣ того, какъ всѣ сыиграли свою роль и сдѣлали свои приношенія, начинаетъ различаться среди нихъ человѣческая форма, сложившаяся изъ всего предшествующаго...» *).

Эта картина превращеній, которымъ подвергается человѣкъ до рожденія на свѣтъ, тѣсно связываетъ его съ животнымъ міромъ кровною связью и не только не унижаетъ человѣка, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, а напротивъ—ставитъ его неизмѣримо выше всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ каждое отдаетъ человѣку часть самого себя, и весь животный міръ стремится создать *вѣнецъ творенія*—человѣка.

Если тѣло человѣческое является на свѣтъ, претерпѣвъ въ короткій промежутокъ времени длинный рядъ самыхъ изумительныхъ превращеній, то самъ собою возникаетъ вопросъ: не происходитъ-ли подобнаго-же постепеннаго развитія и ума человѣческаго?

На этотъ вопросъ нашъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно, посвятивъ разрѣшенію его IV главу книги, удачно озаглавивъ ее «Разсвѣтъ ума». Указывая на всѣмъ извѣстный фактъ постепеннаго развитія дѣтскаго ума, авторъ замѣчаетъ, что умственное развитіе ребенка представляетъ самый древній и самый интересный предметъ для изученія эволюціи...

Какъ всякому извѣстно, у новорожденнаго ребенка нѣтъ ни малѣйшаго *сознанія*; онъ смотритъ на предметъ и не различаетъ его; слышитъ говоръ и разные звуки, и ни чѣмъ не выражаетъ впечатлѣнія ихъ; и только чувство осязанія является единственнымъ показателемъ его воспріимчивости къ вѣшнему міру: всякое неосторожное прикосновеніе къ его нѣжной, въ высшей степени чувствительной кожѣ раздражаетъ его и заставляетъ кричать. Но проходитъ нѣкоторое время—взглядъ его становится осмысленнымъ: видя надъ собой постоянно лицо матери, онъ даритъ ей свою первую улыбку. Съ этого момента его умственное развитіе подвигается быстро... «Къ тремъ недѣлямъ въ ребенкѣ замѣтно проявляется боязнь. Когда онъ достигнетъ семинедѣльнаго возраста, (въ немъ) начинаютъ обнаруживаться социальныя склонности. Къ двѣнадцати недѣлямъ возникаетъ ревность съ ея спутникомъ гнѣвомъ. Симпатія появляется послѣ 3-хъ мѣсяцевъ; гордость, злопамятство,

*) Стр. 75, 76, 78—съ сокращеніями.

любовь къ украшенію—послѣ восьми; стыдъ, угрызеніе совѣсти и чувство смѣшного—послѣ пятнадцати. Эти числа не обозначаютъ, конечно, какимъ-либо механическимъ путемъ дней рожденія душевныхъ движеній: они представляютъ собой скорѣе стадіи безконечно постепеннаго умственнаго совершенствованія».

Такая послѣдовательность развитія душевныхъ силъ ребенка совершенно аналогична наблюденіямъ знаменитаго англійскаго ученаго Ромэнса, который, какъ отличный зоологъ, задался цѣлью изслѣдовать научнымъ путемъ, «существуютъ-ли какія-либо соотношенія между умомъ животныхъ и умомъ человѣка?» Для рѣшенія этого вопроса, «онъ приступилъ къ старательному изученію животнаго міра». И результатъ его изслѣдованій былъ поразителенъ. Во-первыхъ, у животныхъ «были найдены обильные слѣды ума»; во-вторыхъ, всѣ тѣ душевныя волненія, которыя испытываетъ каждый человѣкъ, проявляются и у животныхъ именно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ и у ребенка. Въ существахъ, стоящихъ очень низко на жизненной лѣстницѣ (напр., у кольчатыхъ червей), Ромэнсъ различаетъ одно изъ самыхъ раннихъ душевныхъ движеній «боязнь», т.-е. то чувство, какое проявляется, какъ сказано выше, у 3-хъ-недѣльнаго ребенка. У слѣдующаго высшаго класса—у насѣкомыхъ—этотъ ученый наблюдатель замѣтилъ «соціальные чувства, какъ, напр., трудолюбіе, драчливость, любопытство». Всѣ эти соціальные чувства проявляются и у семинедѣльнаго ребенка. «Ревность родилась въ мірѣ, какъ кажется, съ рыбами»; у ребенка она вмѣстѣ съ гнѣвомъ замѣчается къ 12-ти недѣлямъ; птицы внесли съ собою въ міръ симпатію, дружелюбіе, взаимопомощь, т.-е. тѣ чувства, которыя проявляются у ребенка «послѣ пяти мѣсяцевъ». Съ хищными животными, организациія которыхъ требуетъ кровавыхъ жертвъ, появились въ мірѣ коварство, жестокость, ненависть. Хотя у большинства дѣтей не замѣчается подобныхъ душевныхъ качествъ, но не рѣдко у нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ возрастѣ 8—9 мѣсяцевъ, замѣчается склонность къ истребленію игрушекъ, куколъ, которыя прежде ихъ радовали; спустя годъ и болѣе, такія дѣти съ удовольствіемъ мучатъ любимыхъ ими животныхъ (котятъ, щенковъ), совершенно равнодушно отрываютъ крылья у бабочекъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ; съ наслаженіемъ смотрятъ на пойманную и запертую въ клетку птичку, какъ она бьется въ ней и тщетно старается освободиться изъ тюрьмы... Злопамятство, гордость также свойственны дѣтямъ этого возраста.

Высшая группа животныхъ—человѣкообразныя обезьяны—проявляютъ чувства: жалости, стыда, смѣшного, обмана, и тѣ-же чувства волнуютъ и 15-ти мѣсячнаго ребенка.

Такое постепенное возникновеніе душевныхъ движеній, аналогичное съ проявленіями ихъ у животныхъ, какъ нельзя нагляднѣе доказываетъ, что духовная природа человѣка развивается вмѣстѣ съ его организмомъ.

«Если мы обратимся от эмоционального (чувственного) развития ребенка к интеллектуальному, то очерчивается та же параллельность, хотя гораздо более слабая. И тут мы находимъ списокъ интеллектуальныхъ продуктовъ, общихъ животному и человѣку, и приблизительно тотъ-же порядокъ ихъ. Правда, умственное развитіе человѣка далѣе высшей точки, достигнутой какимъ-либо животнымъ, почти безконечно. Рациональное сужденіе составляетъ цѣликомъ его монополию». Ребенокъ въ первые годы жизни живетъ исключительно подъ вліяніемъ своихъ чувствъ; проблески ума, проявляющіеся и въ этомъ возрастѣ, заглушаются чувствами, волнующими его впечатлительную природу. Но съ каждымъ прожитымъ годомъ умъ его крѣпнетъ все болѣе и болѣе и въ извѣстномъ возрастѣ во многихъ случаяхъ беретъ перевѣсъ надъ чувствами. Зрѣлый возрастъ многихъ людей обходится вовсе безъ чувствъ; человѣкъ живетъ исключительно умомъ.

Съ приближеніемъ старости начинается регрессъ духовной природы человѣка въ обратномъ порядкѣ его прогрессу. Прежде всего ослабляются вниманіе и память—главнѣйшія умственные способности; ихъ замѣняетъ разсѣянность, забывчивость: притупляются зрѣніе, слухъ; словомъ, самыя высшія чувства интеллектуальной жизни уступаютъ мѣсто функціямъ чувствительной и растительной жизни. Когда-то человѣкъ съ обширнымъ, всеобъемлющимъ умомъ, по мѣрѣ приближенія рокового конца становится такимъ-же безпомощнымъ ребенкомъ, какимъ онъ былъ въ раннемъ дѣтствѣ...

Такимъ образомъ, человѣческой умъ, развиваясь позже всѣхъ духовныхъ способностей, въ старости страдаетъ ранѣе всѣхъ. То-же замѣчается и при психическихъ болѣзняхъ, когда «можно шагъ за шагомъ слѣдить за его постепеннымъ упадкомъ», и притомъ «въ опредѣленномъ порядкѣ». «Поразительно то, что это тотъ самый порядокъ, въ которомъ зданіе, вѣроятно, было возведено». «Способность, которая во многихъ случаяхъ цѣлительства уходитъ первой, есть та, которая пришла послѣдней; затѣмъ поражается ближайшая слѣдующая; цѣлое разлагается въ томъ порядкѣ и направленіи, въ которомъ оно, какъ можно предполагать, было составлено».

«Что высшая часть человѣка должна пошатнуться первой, этого можно было ожидать уже по теоріи умственной эволюціи». «Высшая часть» присоединилась «послѣдней»; она поэтому «наименѣе прочная». «Какъ послѣдній пришлецъ, она еще не дома; ей не было времени прочно укорениться» (въ мозгу); «соревнованіе болѣе равныхъ способностей направлено противъ нея; сила воли надъ нею слаба и прерывиста; право ея на владѣнія не надежно, и ей часто грозитъ опасность».

Всѣ эти факты, сконцентрированные нами болѣе систематично и въ сжатомъ видѣ, нежели въ книгѣ Друмонда, неопровержимо доказываютъ, что умъ человѣческой эволюционируетъ, а не является вдругъ какъ даръ «небесъ».

Предвидя, что такой выводъ встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны мыслителей и ученыхъ, авторъ становится на точку зрѣнія оппонентовъ и

говорить: «Разумъ есть такой богоподобный даръ, а сознание такая чудесная вещь, что связывать ихъ съ животнымъ міромъ кажется издѣвательствомъ надъ глубочайшими отличіями во вселенной. Однако соединять эти сверхчувственные вещи съ животными не значитъ отождествлять ихъ съ животными. Электричество связано съ металлическими прутьями, но изъ этого не слѣдуетъ, что оно металлическое. Жизнь стоитъ въ связи съ протоплазмой, но изъ этого не слѣдуетъ, что она бѣлковинная. Инстинктъ связанъ съ матеріей, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ матеріаленъ; интеллектъ связанъ съ «сложной нервной системой», но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ матеріаленъ. По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ природы, мы встрѣчаемъ новые разряды явленій: матерію, жизнь, умъ; каждый—выше непосредственно передъ нимъ стоящаго, совершенно и навсегда отличенъ отъ другихъ, однако каждый пользуется ниже его стоящимъ, какъ пьедесталомъ для своего дальнѣйшаго развитія. Развѣ элементы будущаго разума не могли съ самаго ранняго начала быть соединены съ животной матеріей,—соединены такъ, какъ на то не начали еще указывать ни психологія, ни физиологія, ни матеріализмъ, ни спиритуализмъ? Развѣ обширныя аналогіи природы не дѣлаютъ указаній, достойныхъ, по крайней мѣрѣ, изслѣдованія?»

Ставя эти вопросы, авторъ разрѣшаетъ ихъ удовлетворительно фактами, сгруппированными нами выше.

Есть-ли, однако, какіе-либо историческіе памятники постепеннаго развитія человѣческаго ума? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ указываетъ на остатки до-историческаго человѣка, которые, благодаря антропологическимъ изслѣдованіямъ, собраны въ музеяхъ образованныхъ странъ. Эти остатки знакомятъ насъ съ умственнымъ развитіемъ человѣчества каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. По этимъ остаткамъ можно шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ ума, сила и изобрѣтательность которыхъ росли тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ человѣчество ближе и ближе подвигалось къ настоящему вѣку, превзошедшему всѣ предшествующіе вѣка своими изумительными открытіями и изобрѣтеніями, благодаря поразительнымъ успѣхамъ точныхъ наукъ и тщательному изученію силъ и законовъ природы.

С. Бобровскій.

И. Городенскій. Объ основныхъ тоновыхъ модуляціяхъ рѣчи примѣнительно къ выразительному чтенію. Тифлисъ, 1899 г.

Авторъ брошюры указываетъ на громадное значеніе хорошаго чтенія не только въ школѣ, но и въ домашнемъ кругу, и справедливо сѣтуетъ на то, что у насъ нѣтъ порядочныхъ чтецовъ, отчего не мало теряетъ наша школа, а въ семьѣ и обществѣ всѣ читаютъ про себя, и, кромѣ чтенія со сцены, очень рѣдко услышишь громкое чтеніе сообща въ кругу близкихъ или знакомыхъ людей: не многимъ пріятно слышать скрипучее и безтолковое чтеніе

вслухъ, и общество, собравшееся провести время, всегда предпочтетъ про-
 скучать нѣсколько часовъ за пустыми разговорами, чѣмъ предаться такому
 полезному и разумному, но раздражающему и утомительному развлеченію.
 Г. Городенскій со своими соображеніями, высказанными въ упомянутой бро-
 шюрѣ, желаетъ придти на помощь правильной постановкѣ вопроса о выра-
 зительномъ чтеніи. По его мнѣнію, дѣло это трудное, но не безнадежное,
 «и если наша школа въ отношенія обученія чтенію не даетъ успѣшныхъ
 результатовъ, то это объясняется несовершенствомъ *теоріи* выразительнаго
 чтенія и связаннымъ съ нимъ отсутствіемъ въ насъ должнаго интереса къ
 одной изъ весьма важныхъ дисциплинъ, отсутствіемъ, происходящимъ отъ
 недовѣрія къ возможности оцутительнаго успѣха». Г. Городенскій, правда,
 съ оговорками, предполагаетъ предложить вниманію читателей опытъ та-
 кой теоріи, именно *теорію художественнаго* выразительнаго чтенія, такъ
 какъ самъ авторъ указываетъ на то, что механическая часть обученія чтенію
 представляется удовлетворительно разработанною, и труды настолько въ этомъ
 отношеніи удовлетворяютъ назначенію, что могутъ служить надежнымъ ру-
 ководствомъ для всякаго учителя. Но далеко нельзя сказать того-же отно-
 сительно художественной части. Въ этомъ отношеніи существенную роль
 играетъ правильность тонированія словъ и предложеній, или такъ называе-
 мыя тоновыя модуляціи рѣчи, соотвѣтствующія ея внутреннему смыслу
 (стр. 5). Этотъ вопросъ, по словамъ автора, совершенно не разработанный,
 онъ и предполагаетъ двинуть нѣсколько впередъ, опираясь на свои, хотя и
 немногія наблюденія и соображенія.

Г. Городенскій ссылается, главнымъ образомъ, на книгу Гельмгольца:
 «Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологической основѣ для теоріи
 музыки» и приходитъ къ мысли, что существуетъ общность основныхъ за-
 коновъ музыки и тоновой стороны рѣчи человѣческой, которые въ отношеніи
 послѣдней и составляютъ главнѣйшее условіе ея выразительности (стр. 17),
 слѣдовательно, «пользованіе законами въ тоновыхъ измѣненіяхъ рѣчи не
 только возможно, но и необходимо, какъ средство ея выразительности».
 Авторъ, напомнивъ основные музыкальные принципы, приводитъ цѣлый рядъ
 схемъ, пользуется нотнымъ обозначеніемъ для передачи тоновыхъ измѣненій
 человѣческой рѣчи, чтобы примѣнить ихъ къ выразительному чтенію. Но
 вся эта схематизація оказывается достаточно бесплодною, такъ какъ нотное
 обозначеніе примѣнительно къ рѣчи носить характеръ только условности,
 не имѣющей опредѣленной мѣры. Найти желательную «золотую середину»—
 дѣло весьма трудное; она лежитъ въ природѣ человѣка и берется чутьемъ
 (стр. 75). Найти эту желательную золотую середину автору не удалось, не
 смотря на такъ называемый *средній тонъ* словъ и рѣчи, самъ по себѣ ни-
 чего устойчиваго и опредѣленнаго не представляющій. Не имѣя никакой
 опоры, г. Городенскій и не смогъ построить никакой теоріи художественно-
 выразительнаго чтенія, и ему пришлось въ концѣ брошюры отказаться отъ

того, что онъ обѣщалъ въ началѣ ея; авторъ вполне добросовѣстно сознается въ заключеніе, что, подойдя со своими выраженіями «къ границамъ художественнаго чтенія», считаетъ идти дальше невозможнымъ, такъ какъ будто бы онъ «имѣлъ въ виду лишь элементарное чтеніе» (см. выше нѣчто иное), которое и заключилъ въ границы основныхъ тоновыхъ модуляцій живой рѣчи, извлекая немногія правила путемъ наблюденія надъ разговорною рѣчью (стр. 79). А за этими границами, сознается авторъ, открывается широкое поле художественнаго чтенія, которое, давая просторъ непосредственному творчеству, едва-ли можетъ уложиться въ рамки теоретической доктрины. «Лучшій чтець—лучшій учитель». Такъ и не удалось г. Городевскому при всемъ его стараніи усовершенствовать теорію художественно-выразительнаго чтенія, о чемъ можемъ только сожалѣть, тѣмъ болѣе, что многія соображенія и наблюденія автора надъ музыкальностью живой человѣческой рѣчи весьма поучительны и свидѣтельствуютъ о большой любви автора къ данному вопросу и добрыхъ его намѣреніяхъ, очевидно, не вполне достаточныхъ для правильной постановки сложнаго дѣла о выразительномъ чтеніи хотя-бы только въ нашей школѣ.

Послѣднія слова брошюры г. Городевскаго невольно заставили насъ задуматься. Да, «лучшій чтець—лучшій учитель». И припоминаются намъ многочисленныя требованія, предъявляемыя къ этому «лучшему», да и, пожалуй, ко всякому учителю. Вотъ авторъ указанной брошюры несомнѣнно считаетъ необходимымъ для порядочнаго учителя нѣкоторое музыкальное образованіе и достаточно развитый слухъ, такъ какъ иначе «дурныя привычки» учителя безъ музыкальнаго слуха и пониманія, съ «фальшивой тонаціей словъ» невольно отразятся на ученикахъ и вкоренятся въ ихъ пріемахъ и манерахъ произношенія словъ. Логически продолжая разсужденіе дальше, мы придемъ къ выводу, что несомнѣнно учитель долженъ обладать изящными пластическими манерами. Всѣ науки и искусства, даже отчасти ремесла и такія занятія, какъ огородничество и садоводство, должны быть въ извѣстной степени усвоены порядочнымъ учителемъ,—къ этому, въ общемъ, сводятся многочисленныя требованія, предъявляемыя ему. И, надо сказать, требованія эти съ идеальной точки зрѣнія вполне справедливы. Но для того, чтобы учителя могли хоть нѣсколько приблизиться къ подобному идеалу нужны: достаточный досугъ, широкое образованіе, уравновѣшенное, жизнерадостное настроеніе и талантливость разъ, талантливость два, три таланта. Первымъ, вторымъ и третьимъ учителя весьма не обладаютъ, а талантливые люди въ значительной степени избѣгаютъ учительства. какъ дѣла, такъ не высоко поставленнаго нынѣ и не обезпеченнаго...

И. Ж.

Подробный конспект истории русской литературы. Составилъ Н. К. Шахновскій, учитель русскаго языка. Изданіе 2-е, испр. и доп. Сиб. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. 1898 г. Ц. 50 коп.

На обложкѣ «конспекта» напечатано слѣдующее заявленіе: «Для облегченія труда учащихся, картографическимъ заведеніемъ А. Ильина предпринято изданіе краткихъ повторительныхъ курсовъ, составленныхъ по программамъ, принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Курсы эти, служа дополненіемъ къ учебникамъ, составятъ краткую энциклопедію какъ военныхъ, такъ и общихъ наукъ; цѣль ихъ—напомнить ученику главныя основанія извѣстной науки, но не замѣнить учебникъ».

Цѣль благая, и составителямъ конспектовъ, а въ томъ числѣ г. Шахновскому, она, безъ сомнѣнія, была извѣстна. Желая добросовѣстно выполнить возложенную на него задачу по составленію конспекта истории русской литературы, г. Шахновскій обратился къ историко-литературнымъ трудамъ, откуда онъ заимствовалъ тѣ или другія свѣдѣнія. На послѣдней, 210-й, страницѣ «учебника» (такъ называетъ г. Шахновскій свое произведеніе) перечислены эти пособія: 1) «Исторія русской литературы въ біографіяхъ и очеркахъ» Н. Полевого. 2) «Исторія русской литературы» Галахова. 3) «Курсъ истории литературы» Орлова. 4) «Курсъ истории русской литературы» К. Петрова. 5) «Новая литература въ образцахъ и разборахъ» (вѣроятно: «Новая русская литература») Водовозова. 6) «Исторія русской словесности» Попова (вѣроятно: «Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы» Андр. Попова). 7) Статьи Бѣлинскаго и Добролюбова и «Исторія новѣйшей русской литературы» Скабичевскаго.

Одни имена Бѣлинскаго и Добролюбова могутъ уже возымѣть свое дѣйствіе на покупателя; а если прибавить къ нимъ имена Водовозова, Галахова, Полевого и Скабичевскаго, оставивъ безъ вниманія компиляторовъ гг. Орлова и Петрова, то покажется вполне естественнымъ желаніе ученика приобрести за 50 коп. книгу, которая можетъ «напомнить ему главныя основанія науки»—истории русской литературы.

Въ своемъ конспектѣ г. Шахновскій представилъ обзоръ устной и книжной русской словесности. Изъ произведеній народной словесности упомянуты загадки, пословицы и поговорки, заговоры, былины и историческія шѣвни. О сказкахъ ни слова. Это I-я глава. Во II-й главѣ идетъ уже рѣчь о началѣ письменности на Руси, а въ послѣдней (XIX-й) помѣщены краткіе, разумѣется, очерки литературной дѣятельности писателей: Григоровича, Даля, Писемскаго, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Л. Толстого и Достоевскаго.

Всякій согласится съ тѣмъ, что составить хорошій конспектъ истории русской литературы, гдѣ толково, вразумительно и притомъ сжато (на 210 страницахъ) было бы изложено все существенное по данному предмету, дѣло не легкое. Поэтому предъявлять г-ну учителю русскаго языка Шахновскому большія требованія никто и не станетъ. Сообщите ученику біо-

графическія свѣдѣнія о писателѣ, передайте литературнымъ языкомъ содержаніе его лучшихъ произведеній, представьте хотя-бы и не полную, но толковую характеристику дѣйствующихъ лицъ, скажите 2—3 слова, во дѣльныхъ слѣва, о значеніи писателя въ исторіи литературы—и этого достаточно: ученикъ, если ужъ онъ не можетъ обойтись безъ такихъ пособій, останется доволенъ конспектомъ.

Для того, чтобы судить, какъ г. Шахновскій справился со своей задачей, приведемъ изъ его «учебника» нѣсколько выдержекъ. Среди нихъ читатель найдетъ «перлы» художественной критики, какіе врядъ-ли можно найти даже въ указанныхъ выше компилятивныхъ трудахъ. Видно, что автору хотѣлось внести нѣчто свое въ составленный имъ конспектъ.

Для перваго знакомства съ манерою г. Шахновскаго пользоваться пособиями, позволимъ себѣ привести цѣликомъ сообщаемыя имъ на 162 и 163 стр. конспекта біографическія свѣдѣнія и Гоголь.

«Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился 19-го марта 1809 года въ Полтавской губ., въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Отецъ его былъ сынъ полкового писаря (одно (одва?) изъ почетныхъ должностей при запорожскомъ войскѣ). Дѣдъ Гоголя былъ живымъ представителемъ минувшаго казачьяго поколѣнія и не даромъ онъ не разъ упоминаетъ о немъ въ «Вечерахъ на хуторѣ»; ему онъ былъ обязанъ половиною своихъ малороссійскихъ разсказовъ. Грамотѣ Гоголь выучился отъ наемнаго семинариста. Въ 1821 году Гоголь поступилъ въ только-что открывшуюся гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ (Безбородко). Кромѣ рисованія, Гоголь въ гимназій высшихъ наукъ ничему не научился, зато онъ много читалъ и уже на школьной скамьѣ ознакомился со всѣми русскими поэтами. Въ 1828 году Гоголь окончилъ курсъ, а въ 1829 году пріѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ на службу въ какую-то канцелярію писцомъ, но вскоре ее оставивъ, уѣхалъ за-границу, прожилъ около мѣсяца въ Любекѣ и, возвратившись въ Петербургъ, опять сталъ искать мѣста. Просился въ актеры; былъ подвергнутъ испытанію, послѣ котораго его и забраковали. Былъ и преподавателемъ русской словесности, даже профессоромъ исторіи, но неудачно и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что посвятилъ себя исключительно литературѣ. Умеръ въ 1852 году отъ тяжелой болѣзни».

Въ такомъ-же духѣ, съ допущеніемъ фактическихъ промаховъ, составлены г. Шахновскимъ біографическіе очерки и другихъ писателей. По книжкѣ г. Шахновскаго ученики врядъ-ли будутъ въ состояніи представить себѣ жизненные обстоятельства, при какихъ развивался талантъ того или другаго поэта; мы не говоримъ уже о невозможности «уловить», читая конспектъ г. Шахновскаго, важнѣйшіе моменты въ развитіи литературной дѣятельности писателя въ зависимости отъ характера его міросозерцанія. Нельзя также назвать удачною передачу г. Шахновскимъ содержанія лучшихъ произведеній нашей литературы. Приведемъ примѣръ.

«Мѣдный всадникъ»,—читаемъ мы на-стр. 144,—изображаетъ жалкую судьбу бѣднаго чиновника Евгенія, который, во время наводненія въ Петербургѣ, въ 1824 году, лишился своей невѣсты; потрясенный этимъ до глубины души, онъ сошелъ съ ума; ему все мерещилось, что его преслѣдуетъ конная статуя Пе-

тра I, предъ нею онъ произноситъ дерзкія слова противъ основателя Петербурга».

О поэмахъ Лермонтова «Демонъ» и «Мцыри» имѣется только небольшая замѣтка на стр. 159-й, а именно: «Въ основаніи его замѣчательной поэмы «Демонъ» лежитъ идея отрпцанія. Поэма «Мцыри» являетъ другую сторону байронизма — сочувствіе къ природѣ». И больше ничего! Не удостоивъ особеннымъ вниманіемъ лермонтовскія поэмы, нашъ авторъ въ то-же время находитъ возможнымъ говорить довольно подробно о сатирѣ поэта екатерининской эпохи Петрова: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго». Изъ нея онъ приводитъ рядъ выдержекъ, заканчивая ихъ слѣдующими словами Густава, обращенными къ тѣни Карла XII (стр. 75-я):

«Ты первый на утекъ (послѣ Полтавской битвы) всѣмъ махомъ побѣжалъ
И чуть штаны

На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ».

Но свое умѣнье г. Шахновскій особенно проявилъ въ составленіи характеристикъ дѣйствующихъ лицъ. Обычный приѣмъ его слѣдующій: онъ выпиываетъ изъ того или другого пособия, преимущественно изъ книги Водовозова, соотвѣтствующее мѣсто, при чемъ, не задумываясь, дѣлаетъ различныя добавленія или сокращенія, мало заботясь о томъ, что представленныя имъ характеристики плохо выясняютъ суть разбираемыхъ произведеній: «Швабринъ,—говорится на стр. 144 и 145 конспекта,—обыкновенный типъ романтическаго злодѣя, для котораго въ жизни нѣтъ другой цѣли, какъ терзать Марью Ивановну, дѣвушку во всѣхъ отношеніяхъ нравственную и скромную» *). «Гриневъ—благородный любовникъ, рыцарь безъ страха и упрека. ему все сходить съ рукъ благополучно». «Въ личности Пугачева народныя черты выведены слабо и поверхностно» **). «Скалозубъ—выгодный женихъ, да и то потому, что полковникъ (?!); круглый невѣжда, но умѣющій блюсти свои выгоды на службѣ; не далеко ушелъ даже въ своей специальности» (?!) (стр. 154).

Данныя характеристики приведены нами изъ конспекта цѣликомъ. Изъ другихъ характеристикъ, болѣе полныхъ, мы заимствуемъ только нѣкоторыя выраженія, свидѣтельствующія о томъ, съ какою «необыкновенною легкостью въ мысляхъ» г. Шахновскій писалъ свой учебникъ.

«Хлестаковъ—это широкая натура, но, продувшись въ карты, онъ вдругъ присмирѣлъ, попритихъ: терпѣливо сноситъ грубости своего слуги Осипа, боязливо проситъ его сходить въ буфетъ похлопотать, чтобы еще разъ дали

*) Ср. Водовозовъ «Нов. русск. лит.» Спб. 1886 г., стр. 207.

***) За характеристикю героевъ пушкинскаго романа мы посоветовали-бы г. Шахновскому обратиться не къ Водовозову, а къ г. Черняеву, автору историко-критическаго этюда, посвященнаго разбору «Капитанской дочки». Ознакомленіе съ прекраснымъ трудомъ г. Черняева («Капитанская дочка Пушкина». Москва. 1897 г.) дало-бы возможность г. Шахновскому высказать правильное сужденіе о личностяхъ Швабринна, Гринева и Пугачева.

въ долгъ пообѣдать*). Его обычныя думы, какъ-бы еще разъ сразиться съ пѣхотнымъ капитаномъ, подѣхать къ дому какого-нибудь помѣщика въ юхимовской каретѣ, а Осина одѣтъ въ ливрею,—даже въ отчаянномъ положеніи прорываются въ Хлестаковъ» (Стиль!) (стр. 171—172).

«Онѣгинъ проникнутъ идеями Байрона, которая частью вычитаны изъ его сочиненій, а больше, конечно, слышалъ въ обществѣ (стиль!), гдѣ онъ бывалъ болѣе, нежели дома. Человѣкъ онъ воспріимчивый, увлекся идеями, которыхъ не могъ примирить съ жизнью, влѣдствіе чего (?) слѣдлался лѣнивъ и постоянно хандрилъ» (139 стр.).

«Ленскій влюбляется въ Ольгу, сестру Татьяны, гуляетъ съ нею по саду, улыбается, смотря на луну и звѣзды (sic!), и читаетъ Шиллера» (140 стр.).

Впрочемъ, не самъ-ли Пушкинъ виноватъ въ томъ, что герои его романа г. Шахновскій надѣляются странными чертами?! Въдъ, по мнѣнію автора конспекта**), въ «Евгеніи Онѣгинъ» не видно «внутренняго развитія характеровъ, зависящаго отъ вліянія среды, въ которой они дѣйствуютъ» (142 стр.).

При такомъ условіи трудно разобраться въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ и поневолѣ приходится «сочинять» характеристики.

О значеніи литературной дѣятельности писателей г. Шахновскій говоритъ немного, но и это немногое оставляетъ желать многого.

Такъ, заслуги Пушкина, родоначальника новѣйшей русской литературы, заключаются, по мнѣнію г. Шахновскаго, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ, вполне усвоивъ нашу живую народную рѣчь, «съ гениальнымъ искусствомъ примѣнилъ ее къ выраженію самыхъ разнообразныхъ вѣчатлнй, самыхъ утонченныхъ движеній чувства и такимъ образомъ обогатилъ нашъ литературный языкъ» (стр. 145).

Чѣмъ былъ русскій языкъ до Пушкина, авторъ конспекта не считаетъ нужнымъ говорить. Равнымъ образомъ ни слова не сказано о томъ, что со времени Пушкина литература наша приняла національно-художественное направленіе, что Пушкинъ создалъ читателей на Руси, что своими произведениями онъ содѣйствовалъ пробужденію самосознанія въ русскомъ обществѣ.

Правда, слѣзать болѣе или менѣе обстоятельную оцѣнку художественныхъ произведеній и выяснить значеніе дѣятельности писателей было не по силамъ г. Шахновекому, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ-бы позаботиться о томъ, чтобы «учебникъ» его былъ свободенъ отъ фактическихъ промаховъ и логическихъ несообразностей. На самомъ дѣлѣ и этого нѣтъ. Ученикъ, принявшійся за чтеніе конспекта съ цѣлью возобновить въ своей памяти курсъ литературы, узнаетъ много новаго, что онъ никогда не слыхивалъ отъ своихъ учителей. Напр.: 1) Характеръ лирики Ломоносова выразился въ его двухъ трагедіяхъ: «Тамарь(а) и Селимъ» и «Демофонтъ» (66 стр.). 2) Ода «Фелица» была написана въ подражаніе (?) сказкѣ о

*) Ср. Водовозовъ. «Нов. русск. литерат.», стр. 359.

**) Мнѣніе это авторъ заимствовалъ у Водовозова, см. «Нов. русск. лит.», стр. 186.

царевичъ Хлорѣ, отыскивавшемъ, по приказанію своего отца, киргизскаго хана (?!), розу безъ шиповъ» (84—85 стр.). 3) «На историческомъ пути нашемъ онъ (Карамзинъ) различаетъ три періода: 1) Россія основалась единоначаліемъ, 2) гибла отъ разногласія и 3) спаслась самодержавіемъ» (1-е изд., 106 стр., 2-е изд., 105 стр.). Слѣдовало сказать: «отъ разно-властія», какъ сказано у Карамзина въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» (Галаховъ, «Ист. русск. слов.» т. II, стр. 98). 4) «Озеровъ способствовалъ окончательному изгнанію съ нашей сцены ложноклассическихъ идеаловъ и драматическихъ произведеній, построенныхъ по правиламъ теоріи» (107 стр.). 5) «Иліада вмѣстѣ съ «Одиссеей» важна не только для знакомства съ пластическимъ взглядомъ грековъ, но и представляетъ богатый матеріалъ для изученія нравовъ» и т. д. (119 стр.). Трудно догадаться, о какомъ «пластическомъ взглядѣ грековъ» идетъ здѣсь рѣчь. 6) «Дермонтаву пришлось ѣхать на Кавказъ въ третій разъ за дуэль съ барономъ де-Баранта (французскій историкъ и посланникъ при нашемъ дворѣ)» (158 стр.). Слѣдовало бы сказать: «сыномъ посланника» *).

Мы долго не кончили-бы съ выписками изъ книжки г. Шахновскаго, если-бы думали дочерпнуть оттуда все плоды авторскаго воображенія. Бросается еще въ глаза грубая опечатка (вѣроятно), вкравшаяся въ 1-е и 2-е изданіе конспекта: «Тонъ его («Письма Ломоносова о правилахъ русскаго стихотворства») политической» (67-я стр.).

Что касается языка конспекта, то и тутъ, какъ уже могъ замѣтить читатель, не все обстоитъ благополучно. Главнѣйшимъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи является отсутствіе правильности и точности. На стр. 11-й конспекта извѣстный писатель Авенаріусъ названъ: «нашъ знаменитый Авенаріусъ». На стр. 66-й читаемъ: «Другое важное значеніе ломоносовской оды—это очищеніе русскаго литературнаго языка отъ излишнихъ церковно-славянскихъ формъ, удержавъ только нѣкоторыя причастныя формы». На стр. 89-й сообщаются біографическія свѣдѣнія о Хемницерѣ: «Большую часть дня занятый службою, ему оставалось очень мало свободнаго времени». На стр. 110-й сказано: «Озеровъ вналъ въ тихое упомѣшательство (опечатка: умопомѣшательство), отъ котораго и умеръ». На стр. 156-й идетъ

*) Кстати отмѣтимъ еще одну подробность, заимствованную г. Шахновскимъ изъ «Исторіи словесности» Галахова или изъ «Ист. русск. лит.». Полевого. На стр. 113-й конспекта, гдѣ идетъ рѣчь о Жуковскомъ, сказано: «Жуковскій опредѣленъ въ Тульское народное училище, въ которомъ старшимъ учителемъ былъ докторъ философіи Покровскій». Имѣлъ-ли Покровскій ученую степень доктора философіи? Ни у Зейдлица, ни у Загарина (Л. Поливанова) мы не нашли отвѣта на этотъ вопросъ. Проф. Тихонравовъ счелъ «необходимымъ возстановить истинныя черты этого филантропа и педагога-писателя, исключившаго Жуковскаго изъ высш. народн. училища» (Соч. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 395). Судя по біографич. даннымъ, извлеченнымъ Тихонравовымъ изъ формулярнаго списка Покровскаго, первый наставникъ Жуковскаго не былъ докторомъ философіи.

рѣчь о Чацкомъ. «Его стремленія совершенно противоположны фамусовскимъ и репетитовскимъ. Чтобы молодежь получала не поверхностное энциклопедическое образованіе—требованіе». Почему энциклопедическое образованіе признается поверхностнымъ—Аллахъ вѣдаетъ! «Что общественные интересы заключаются только въ картахъ, сплетняхъ, танцахъ, да пустыхъ разговорахъ—его огорчаетъ». На страницѣ 171-й встрѣчается такая фраза: «Грубость его характера (говорится о личности городничаго) хорошо выражена въ мѣстахъ, какъ онъ будетъ жить, получивши генеральскій чинъ».

Ознакомясь съ характеромъ «сочинительской» дѣятельности г. Шахновскаго, можно догадаться, какая участь постигла въ его «учебникѣ» нашихъ новѣйшихъ первоклассныхъ писателей: Тургенева, Гончарова, гр. Л. Толстого и Достоевскаго.

Въ 1886 году книжка г. Шахновскаго впервые увидѣла свѣтъ. Черезъ 12 лѣтъ она вышла вторымъ изданіемъ, уже въ исправленномъ видѣ, и, если не ошибаемся, отпечатана въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Очевидно, находятся покупатели подобныхъ конспектовъ: не было-бы спроса, не было-бы и предложенія. Приобрѣтаютъ ее легкомысленные воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній въ надеждѣ передъ экзаменами «пробѣжать» пройденный ими въ теченіе учебнаго года курсъ литературы. Съ какими позваніями явятся они на экзаменъ послѣ такой подготовки, всякій легко можетъ себѣ представить. Къ сожалѣнію, бываютъ случаи, что молодые люди даже къ серьезному испытанію зрѣлости по русскому языку готовятся по книжкѣ г. Шахновскаго. Особенно часто прибѣгаютъ къ ней постороннія лица, имѣющія намѣреніе подвергнуться испытанію зрѣлости въ правительственной гимназій.

Большую частью это—лица, прошедшія курсъ пяти, шести классовъ средняго учебнаго заведенія, и потому не удивительно, что они сами не могутъ разобраться въ учебникахъ. На подготовку къ другимъ предметамъ гимназическаго курса у нихъ уходитъ много времени, съ «русскимъ языкомъ» поневолѣ приходится торопиться, и вотъ покупаютъ они первый попавшійся подъ руку конспектъ—благо, составилъ его «учитель» русскаго языка, издатель—фирма, извѣстная всей Россіи изготовленіемъ географическихъ картъ, и къ тому-же на первомъ листѣ конспекта красуется изображеніе государственнаго герба. О томъ, что ожидаетъ этихъ молодыхъ людей на экзаменѣ, говорить не приходится.

А. Суровцевъ.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Томъ II. Жители Сѣвера. Съ 26 рисунками худ. Васнецова и Панова. Изданіе 4-е, совершенно переработанное. С.-Петербургъ. 1899 г. Стр. XI + 521. Цѣна 3 р. 75 коп.

Со времени перваго появленія въ печати извѣстнаго труда Е. Н. Водовозовой «Жизнь европейскихъ народовъ» прошло болѣе двадцати лѣтъ.

Для книги, содержаніемъ которой служить текущая жизнь европейцевъ, такой срокъ является вполне достаточнымъ, чтобы устарѣть. Европейская жизнь за это время успѣла, конечно, нѣсколько измѣнить свой характеръ, этнографія западной Европы обогатилась множествомъ новыхъ трудовъ, извѣстныхъ русской читающей публикѣ, но, несмотря на все это, на книгу г-жи Водовозовой очевидно есть спросъ, и она появляется 4-мъ изданіемъ. Такой необычный у насъ успѣхъ дорогой и объемистой книги является вполне заслуженнымъ. Новѣйшая этнографическая литература касается преимущественно разныхъ частныхъ сторонъ европейскаго быта, тогда какъ «Жизнь европейскихъ народовъ» знакомитъ, хотя тоже въ видѣ частныхъ описаній, со многими наиболѣе характерными сторонами жизни европейскихъ народовъ и до извѣстной степени можетъ замѣнить собою цѣлую библиотечку книгъ о Западной Европѣ. При исполненіи своего труда авторъ проявилъ замѣчательное трудолюбіе, изучивъ такое множество многотомныхъ общихъ и специальныхъ изслѣдованій, путешествій, статей, замѣтокъ и т. п., что перечень ихъ для одного только второго тома занимаетъ шесть страницъ большого формата.

Въ такомъ обширномъ трудѣ, конечно, неизбѣжны разнаго рода ошибки, но ихъ врядъ-ли много, да и зависятъ онѣ не столько отъ автора, сколько отъ невозможности строгой критической повѣрки сообщаемыхъ различными источниками свѣдѣній. Изъ содержанія книги и перечня источниковъ видно, что авторъ положилъ въ основу своего труда наиболѣе цѣнные произведенія русской и иностранной литературы. Для 4-го изданія онъ воспользовался многими сочиненіями, появившимися въ послѣднее десятилѣтіе, до 1898 года включительно, при чемъ значительная часть очерковъ была имъ переработана на основаніи свѣжихъ матеріаловъ, а нѣкоторые написаны совершенно заново. Въ новомъ изданіи книга несомнѣнно приобрѣла достоинства свѣжести и современности своего содержанія, но, къ сожалѣнію, удержала одинъ недостатокъ, на который уже давно и совершенно справедливо указывала критика. Недостатокъ этотъ заключается въ совершенно бессистемномъ расположеніи матеріала, мѣшающемъ цѣльности впечатлѣнія. Какъ въ прежнихъ изданіяхъ, такъ и въ новомъ, описанія различныхъ сторонъ народнаго быта не находятся ни въ какой зависимости другъ отъ друга и располагаются совершенно случайно. Конечно, строгая систематизація обширнаго и разнообразнаго матеріала, заключающагося въ разбираемой книгѣ, представляетъ очень трудную задачу, но авторъ, повидимому, совершенно не интересуется ея разрѣшеніемъ и настолько мало придаетъ значенія системѣ, что послѣ англійскихъ университетовъ говоритъ о духовенствѣ, а затѣмъ о матросахъ. Даже однородныя по своему содержанію главы (напр., касающіяся образованія) авторъ безъ всякаго основанія отдѣляетъ другъ отъ друга и превращаетъ такимъ образомъ свою книгу въ сборникъ статей, которыя можно читать въ какомъ угодно порядкѣ.

Во II-мъ т. «Жизни европейскихъ народовъ» описываются обитатели Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Голландіи, Бельгіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи. Изъ предисловія къ книгѣ видно, что авторъ намѣтилъ для описанія наиболѣе характерныя черты быта и нравовъ современныхъ обитателей Западной Европы. Такъ, наприм., въ Англіи, по мнѣнію автора, поражаютъ прежде всего блестящее развитіе промышленности и торговли, склонность англичанъ къ всевозможнымъ организаціямъ и атлетическимъ забавамъ, англійское воспитаніе, направленное на развитіе физической силы и выработку характера, государственное устройство, и рѣзкіе контрасты въ складѣ характера и во всѣхъ сферахъ жизни англичанъ. Далѣе г-жа Водовозова отводитъ видное мѣсто жизни фабричнаго и сельскаго люда, быстрому распространенію грамотности и подъему умственныхъ интересовъ среди англійскаго простонародія, демократизаціи высшихъ классовъ англійскаго общества и перемѣнъ его взглядовъ на свои общественныя задачи. Въ описаніи Ирландіи г-жи Водовозова знакомятъ сперва съ природой страны, затѣмъ съ прошлымъ ирландцевъ, въ которомъ коренятся причины ихъ ужасающей бѣдности и непримиримой вражды къ англичанамъ, далѣе — съ современнымъ бытомъ Ирландіи и ея отношеніями къ Англіи, выразившимися въ реформахъ послѣдняго десятилѣтія.

На содержаніи другихъ очерковъ II-го т. намъ нѣтъ надобности останавливаться, такъ какъ книга г-жи Водовозовой достаточно извѣстна русской читающей публикѣ. Будучи единственной въ своемъ родѣ, отличаюсь содержательностью, живостью, занимательностью, стремленіемъ къ объективности, эта книга, несмотря на нѣкоторые недостатки, имѣетъ полное право рассчитывать на успѣхъ и многому можетъ научить своихъ читателей.

Я. Р.

Владиміръ Львовъ. Народная школа. Книга для чтенія для воскресныхъ и начальныхъ школъ. М. 1899.

Съ чисто-практической точки зрѣнія, при первомъ-же взглядѣ на вышеназванную книжку возникаетъ недоумѣніе: составитель даетъ только *первую* часть, цѣною все-же *въ 70 коп.*, и въ предисловіи общается и слѣдующую, «которая будетъ заключать въ себѣ описаніе физическихъ явленій природы и отдѣльные очерки по географіи Россіи». Не будетъ-ли это для народной школы нѣсколько дороговато? Затѣмъ, въ предисловіи г. Львовъ заявляетъ: «Составленная мною книга для чтенія имѣетъ ту *особенность* въ сравненіи съ другими книгами для чтенія и хрестоматіями, что, какъ по содержанію статей, такъ и по ихъ изложенію, она приноровлена къ интересамъ *взрослаго* читателя». Въ такомъ случаѣ, для чего-же составитель пишетъ, что онъ предназначаетъ свой трудъ также и для «начальныхъ школъ»? Конечно, такое смѣшеніе «аудиторій» у насъ дѣлалось не однажды, но всегда выходило какъ-то такъ, что погоня за двумя зайцами ни къ чему полезному

не приводила. А вѣдь нынѣ все болѣе и болѣе склоняется къ истинѣ, что взрослый, даже самый невѣжественный, обладает своею духовной *личностью*, что онъ вовсе не ребенокъ. По существу своему содержаніе труда г. Львова не представляет ничего безусловно *новаго*. Г. составитель пользовался сочиненіями М. Богданова и г. Кайгородова, г. Вагнера и Поля Вара, подбиралъ матеріалъ изъ того-же Брэма и Фогта, выписывалъ изъ книгъ Бутлерова (о пчелѣ), гг. Сабанѣева (о рыбахъ), Бородина, Иверсена, Келлера («Жизнь моря») и пр. Такимъ образомъ у него получился въ общемъ не дурной сборникъ популярныхъ статей, изложенныхъ, въ большинствѣ случаевъ, толково и складно. Г. Львовъ «счелъ излишнимъ помѣщать въ своей книгѣ отдѣльный литературный отдѣлъ, чтобы не увеличивать ее чрезмѣрно и тѣмъ не удорожить ее, тѣмъ болѣе, что преподаватели какъ воскресныхъ, такъ и начальныхъ школъ найдутъ *достаточно* литературныхъ образцовъ во всѣхъ, имѣющихся подъ рукою, хрестоматіяхъ». Какъ видитъ читатель, г. Львовъ не всегда помнитъ объ «особенности» своей книги для чтенія. Настоящею *новинкою*, разумеется, и былъ-бы *литературный* сборникъ для *взрослыхъ*, не получившихъ даже элементарнаго образованія. Далѣе въ предисловіи г. Львова читаемъ: «Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ казалось кстати помѣстить нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ, которые въ поэтической формѣ иллюстрируютъ только что изложенное въ статьяхъ научнаго содержанія». Составитель не безъ успѣха «иллюстрируетъ» научный текстъ отрывками изъ произведеній С. Аксакова, Тургенева, Пушкина, Некрасова, Крылова, Лермонтова, Л. Толстого, Майкова, Полонскаго, Мамина-Сибиряка, Засодимскаго и др. Послѣ статей о каменномъ углѣ въ высшей степени умѣстно предложенъ передѣланный по книгѣ Конради очеркъ «Рудокопъ Гоуфенъ». Словомъ, хрестоматія г. Львова, книга дѣльная и дѣйствительно общедоступная, потребовавшая отъ составителя не мало труда. Тѣмъ не менѣе, помимо общаго указанного выше недостатка — смѣшенія цѣлей, трудъ этотъ не лишенъ и другихъ недостатковъ. Такъ, не мѣшало-бы внести болѣе научную систематичность въ распорядокъ статей, а то въ отдѣлѣ, посвященномъ животнымъ, начинается рѣчь съ «копытныхъ млекопитающихъ», а затѣмъ идутъ грызуны и обезьяны, далѣе «хищныя животныя» и летучія мыши и китъ и пр. Сообщая свѣдѣнія о растеніяхъ, составитель сначала занимается нѣкоторыми *цвѣтковымими*, потомъ безцвѣтковыми, т.-е. злаками, «овоцями» и т. д. Если хрестоматія г. Львова не есть специальное *школьное* пособіе для несовершеннолѣтнихъ, тѣмъ *важнѣе* тутъ планомѣрность... Не примиряешься какъ-то и съ тѣмъ, что изъ 373 *страницъ* книги собственно «неорганическому» міру удѣлено менѣе пятидесяти. Опять-таки думается, что и «непросвѣщенный» *взрослый* знаетъ у насъ, на Руси, кое-что и о животныхъ, и растеніяхъ безъ всякихъ книгъ, и что по преимуществу «минеральное царство» не поддается наблюдательности необразованнаго. На стр. 85-й читаемъ: «Заднихъ конечностей у кита нѣтъ вовсе,

а переднія конечности имѣють форму плавниковъ». Мы полагаемъ, что здѣсь слѣдовало-бы сдѣлать извѣстныя добавочныя поясненія, иначе читатели получатъ превратное понятіе о китовомъ *скелетѣ*, во всякомъ случаѣ отвѣчающемъ нѣкоторой зоологической *нормѣ*. На стр. 147-й сказано: «Петли этихъ сѣтей (для селедокъ) имѣють опредѣленную величину. Въ нѣкоторыхъ странахъ величина петлей точно опредѣлена *законами*». На стр. 157-й помѣщенъ отрывокъ изъ статьи С. Т. Аксакова, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что бабочка—«это милое, чистое созданіе. никому не дѣлающее *вредъ*, питающееся сокомъ цвѣтовъ!» Очень неловко читать это на ряду съ очерками, толкующими о громадномъ *вредѣ* гусеницъ. На 192-й стр. статья о губкахъ начинается словами: *они «растутъ»* и т. д. Дальше, конечно, выяснено, что губки не растенія; но... лучше быть вполне точнымъ и въ популярномъ пересказѣ научныхъ свѣдѣній. Въ ст. «Правда и трудъ человѣка» (нѣсколько, пожалуй, и вообще банальной) находимъ утвержденіе, что «люди вырубаютъ непроходимые лѣса и на мѣстѣ ихъ разводять полезныя растенія»,—тутъ умѣстно было-бы указать и на факты изъ жизни въ иномъ родѣ и т. д.

Въ книгѣ г. Львова 212 рисунковъ, обыкновенно являющихся большимъ мѣстомъ въ подобнаго рода изданіяхъ. Въ общемъ рисунки въ книгѣ г. Львова не бесполезны для дѣла обученія, но есть и тутъ промахи. На рисункѣ 12-мъ отмѣчено не все то, что названо въ текстѣ. На рис. 13-мъ читаемъ, что «дальше видно, какъ устроено внутреннее ухо»—на дѣлѣ изображеніе тутъ страдаетъ туманностью. Не удался и рисунокъ 23-й (желудокъ коровы) и пр. Жаль также, что въ *русской* «начальной школѣ» и «червоводня», и «мялка для льна» и «разчесываніе льна» и др. представлены французскія.

А. Налимовъ.

Гречушкины, С. и В. Практическій курсъ русской грамматики для начальныхъ, двухклассныхъ и для 1-го и 2-го класса городскихъ училищъ. М. 1900 г. Стр. IV и 156. Ц. 30 коп.

Въ этомъ курсѣ грамматики три отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ помѣщены общія элементарныя правила, во второмъ—этимологія съ краткими свѣдѣніями изъ фонетики и въ третьемъ—синтаксисъ съ главнѣйшими правилами объ употребленіи знаковъ препинанія. Грамматическаго матеріала дано въ учебникѣ столько, сколько обыкновенно проходитъ въ трехъ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв. Для того, чтобы судить, какой матеріалъ по качеству предлагаютъ ученикамъ гг. составители, приведемъ нѣсколько образчиковъ. «Къ *первому* спряженію,—говорятъ гг. составители,—относятся глаголы, имющіе во *второмъ* лицѣ единственнаго числа настоящаго или будущаго времени окончаніе *ешь*, а въ *третьемъ* лицѣ множественнаго числа того-же времени—*уть* или *ють*. Ко *второму* спряженію относятся гла-

голы, имѣющіе во второмъ лицѣ единственнаго числа настоящаго или будущаго времени окончаніе *ишь*, и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа того-же времени *ать* или *ятъ*». Или: «*Междометіе* есть такая неизмѣняемая часть рѣчи, которая служитъ для выраженія различныхъ чувствъ чловѣка». Неужели: мяу! динь-динь-динь! гамъ-гамъ! (несклоняемая междометія) служатъ для выраженія чувствъ чловѣка?! Въ методическомъ отношеніи учебникъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: сначала сообщается какое-нибудь правило, за которымъ слѣдуетъ правда, значительное число упражненій съ пропускомъ той или другой буквы. Очевидно, гг. составители забыли въ то время, когда составляли учебникъ, что языкъ — живой организмъ и что наблюденія учениковъ надъ этимъ организмомъ—значительная и существенная часть при обученіи. Требования, предъявляемые къ ученикамъ гг. составителями, очень серьезны. Напр., въ упражненіи 78 требуется разставить знаки препинанія въ извѣстномъ отрывкѣ «Чудень Двѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно»... Сказанное позволяетъ намъ заключить, что «Практическій курсъ русской грамматики» гг. Гречушкиныхъ не только не пригоденъ для начальныхъ школъ, но и ни для какого иного типа школъ.

Н. З.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакцію членовъ Совѣта бывшаго С.-Петербургскаго Комитета трамтности Г. Фальборна и В. Чарнолускаго. Томъ первый. Статистическія таблицы по уѣзднымъ и городскимъ поселеніямъ и селеніямъ Имперіи. 20+407 стр. in folio. Цѣна 6 руб. С.-Петербургъ. 1900.

Девяностые годы истекающаго столѣтія составляютъ самостоятельную эпоху въ жизни Россіи. Несмотря на различныя неблагоприятныя условія, общество и земство, преодолевая множество препятствій, активно выступили въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія и увлекли за собою многихъ дѣятелей изъ сферы правительственной и духовенства. Нельзя сказать, чтобы и раньше замѣчался индиферентизмъ къ просвѣщенію народныхъ массъ, но никогда работа эта не проявлялась такъ энергично, какъ именно въ девяностые годы. Объясняется это, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что къ этому времени, на основаніи всесторонняго изученія народной жизни, всѣ во-очію убѣдились въ ужасномъ невѣжествѣ населенія, при каковомъ условіи совершенно немыслимо поступательное движеніе Россіи въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Повидимому, такого рода общественному движенію слѣдовало-бы не только глубоко сочувствовать, но и поддержать его всѣми силами. Къ глубокому сожалѣнію, общество и земство встрѣтило не мало препятствій, о чемъ мы выше упомянули, а за послѣднее время иногда замѣчается стремленіе совершенно устранить и то, и другое отъ дѣла народнаго образованія, направивъ послѣднее въ старое русло, давшее такъ

мало утѣшительныхъ результатовъ въ прошедшемъ. Будемъ-ли мы свидѣтелями этого печальнѣйшаго явленія, или, быть можетъ, общегосударственные интересы превьсятъ сословныя вождѣлнія, несомнѣнно только одно: общество и земство оставляютъ, какъ глубокіе слѣды своей дѣятельности, превосходные труды по изслѣдованію начального народнаго образованія, которые и будутъ имъ служить «памятникомъ перукотворнымъ». А среди этихъ трудовъ, несомнѣнно, первое мѣсто займетъ трудъ, названіе котораго приведено въ началѣ. Мы будемъ не далеки отъ истины, если скажемъ, что интеллигентная Россія слышала уже объ этой грандіозной работѣ и ждала выхода ея въ свѣтъ съ неослабѣвающимъ интересомъ, потому что она является единственною въ своемъ родѣ и совершенно необходимою для болѣе или менѣе правильной постановки вопроса о всеобщемъ обученіи въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, *чтобы знать, что слѣдуетъ дѣлать* въ этомъ направленіи, конечно, необходимо быть совершенно освѣдомленнымъ въ томъ, *что-же у насъ есть сейчасъ?* И названный кропотливый и сложный трудъ, который составитъ 8 томовъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ всесторонне. Рассматриваемый-же первый томъ заключаетъ въ себѣ статистическія таблицы по уѣздамъ, селеніямъ и городскимъ поселеніямъ имперіи: о числѣ низшихъ училищъ, о числѣ учащихся, учащихся, окончившихъ курсъ и годовъ открытія училищъ. Превосходно изданная книга эта является необходимѣйшимъ пособіемъ не только для учреждений и обществъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ народному образованію, но и для частныхъ лицъ. Цѣну перваго тома, принимая во вниманіе объемъ его и множество данныхъ, далеко нельзя назвать высокою.

И. Б—сній.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослого населенія. Составлено подъ редакцію В. С. Костроминой. Выпускъ I. Цѣна 1 рубль. 354 стр. Москва. 1900 г.

Внѣшкольное образованіе является у насъ насущнѣйшимъ вопросомъ, отъ того или иного разрѣшенія котораго зависятъ судьбы просвѣщенія народа. Дѣйствительно, народная школа, сама по себѣ, безъ внѣшкольнаго образованія, играетъ весьма ничтожную роль въ дѣлѣ подъема умственнаго уровня населенія. Изъ начальныхъ училищъ у насъ выходятъ дѣти 11—12 лѣтъ и весьма часто въ теченіе всей остальной своей жизни уже не имѣютъ возможности не только продолжать образованіе, но даже *видѣть* книгу. Само собою разумѣется, что такого рода положеніе дѣлъ совершенно не выдерживаетъ критики: черезъ самое короткое время окончившіе курсъ въ школѣ превращаются въ безграмотныхъ или, въ лучшемъ случаѣ, въ полуграмотныхъ. Однимъ изъ средствъ для устраненія этого страшнаго зла является внѣшкольное образованіе для взрослого населенія. Не говоря уже о томъ, что оно даетъ возможность совершенствоваться грамотнымъ, при посредствѣ

внѣшкольнаго обученія могутъ получить то или иное образованіе и лица, не имѣвшія возможности попасть въ школу. Вотъ почему книга, заглавіе которой нами приведено, заслуживаетъ большого вниманія. Она, главнымъ образомъ, группируетъ матеріалъ о воскресныхъ школахъ, играющихъ видную роль во внѣшкольномъ образованіи. Въ настоящее время у насъ замѣчается широкое общественное движеніе въ пользу просвѣщенія населенія, но нерѣдко большимъ препятствіемъ къ осуществленію различнаго рода просвѣдительныхъ организацій служитъ отсутствіе свѣдѣній о томъ, какъ-же слѣдуетъ принятыя за дѣло. «Общее дѣло» даетъ богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи по устройству воскресныхъ школъ и веденію ихъ. Книга издана хорошо и цѣна назначена ей недорогая.

Не можемъ не замѣтить въ концѣ, что насъ немного удивило «предисловіе» къ труду, совершенно, по нашему мнѣнію, не идущее къ дѣлу. Какъ-то не вяжется вопросъ «о классовыхъ экономическихъ интересахъ» съ воскресными школами... Затѣмъ, уже очень идеализируются отношенія «богатыхъ людей», «женъ губернаторовъ» и супруговъ «предсѣдателей палатъ» съ «бѣдными учительницами». Что засѣдаютъ онѣ иногда совмѣстно—это вѣрно, но не всегда при этомъ замѣчается «простота отношеній»... Вообще, мы не понимаемъ, *зачѣмъ* написано такого рода предисловіе...

И. Б—скій.

О чемъ рассказывалъ вѣтеръ. Повѣсти и рассказы В. *Немировича-Данченка* *). Изданіе журнала «Дѣтское чтеніе». Москва 1899 г.

Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ шесть рассказовъ, не связанныхъ никакой общей идеей. Всѣ рассказы полны интереса по содержанію, болѣе или менѣе значительны по мысли и написаны яркимъ, живымъ языкомъ, мѣстами въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Но этотъ приподнятый тонъ, который иногда заставляетъ взрослыхъ относиться съ сомнѣніемъ къ полной правдивости описываемаго, не служитъ помѣхой для силы впечатлѣнія, производимаго имъ на дѣтей. Къ тому-же такимъ тономъ написаны полу-фантастическія произведенія. Рассказовъ изъ реальной жизни въ книгѣ три: «Наша сестра», «Счастье» и «Затерянные въ океанѣ». Въ первомъ изображается сестра милосердія—ангелъ-утѣшитель жертвъ войны, типъ самоотверженной женщины, такъ охотно и съ такой теплотой постоянно рисуемый авторомъ, причѣмъ рассказы производятъ всегда впечатлѣніе дѣйствительно видѣннаго, пережитого. На этотъ разъ героиня—простая, молодая, но уже изстрадавшаяся дѣвушка, полуграмотная крестьянка; но эта «маленькая женщина съ большимъ сердцемъ» умѣетъ любить, страдать за другихъ, отдавать свои силы, здоровье; она дѣлаетъ свое дѣло безъ фразъ, даже безъ сознанія

*) Объ этихъ рассказахъ уже было кратко упомянуто въ библиографической замѣткѣ г. Тулузова объ изданіяхъ «Дѣтскаго чтенія», помѣщенной въ № 12, 1899 г. «Русск. Шк.».

величія своего подвига. «Счастье» — лучший рассказ во всем сборникѣ. Герой его — бѣглый бродяга Иванъ Прощай, скрываясь въ сибирскихъ лѣсахъ, нашелъ свое счастье — маленькую безпомощную дѣвочку у трупа матери. Завбота о ребенкѣ, его довѣріе и ласка растопили сердце озлобленнаго жизнью бродяги и заставили его впервые познать счастье. Но прошло лѣто, а съ нимъ окончилась идиллія въ лѣсу: позднею осенью, медвѣдь, поднятый охотниками съ берлоги, напалъ на бродягу и помялъ его. Пришлось послать дѣвочку въ деревню за помощью. Когда ребенокъ, не понимавшій опасности, которой подвергалъ своего друга, привелъ къ логовищу бродяги людей, давно разыскивавшихъ его слѣдъ, они нашли Ивана уже безъ движенія на снѣгу. Старый бродяга умеръ во-время, на волѣ. Образъ суроваго на видъ бродяги, преступника въ глазахъ общества, но мягкаго и нѣжнаго сердцемъ, «дѣдушки» для покинутаго ребенка, въ высшей степени симпатиченъ. Сильное впечатлѣніе производитъ и рассказъ «Затерянные въ океанѣ», хотя впечатлѣніе это слишкомъ тягостное. Описаніе мученій людей плывущихъ на льдинѣ, отчаяніе, озлобленіе, гибель всѣхъ, кромѣ одного, — все это врядъ-ли желательно въ дѣтской книжкѣ.

Изъ фантастическихъ рассказовъ лучший «Дѣти Конунга». Умирая, Конунгъ завѣщаетъ одному изъ своихъ дѣтей — югъ, другому — сѣверъ, а младшему — царство пѣсенъ, весь міръ. Старшій, грозный покоритель изнѣженныхъ народовъ юга, презирающій покоренныхъ, деспотически властвуетъ надъ ними, пока тяжесть ига не пробуждаетъ въ нихъ любви къ свободѣ; возставшіе во имя ея народы свергаютъ его, и сынъ Конунга гибнетъ въ борьбѣ. Второй научилъ свой народъ труду, перековалъ мечи на плуги. Оба остались жить въ сказаніяхъ народовъ. Но выше всѣхъ и дороже всѣхъ для народа былъ младшій — великій поэтъ, пѣвецъ, смягчавшій горе и своей правдивой пѣснью бичевавшій угнетателей и дававшій надежду угнетеннымъ. «Его любили дѣти и боялись короли». Рассказъ очень поэтиченъ и написанъ въ возвышенномъ тонѣ; можетъ быть, бытовыя подробности въ немъ и не совсѣмъ точны, но отъ него вѣетъ особеннымъ духомъ бодрости и вѣры, и впечатлѣніе онъ оставляетъ сильное и желательное.

Легенда «Гнѣвъ Аллаха» тоже производитъ сильное впечатлѣніе, но врядъ-ли тема ея уместна въ рассказѣ для дѣтей. Аллахъ прогнѣвался на жителей благословенной патріархальной восточной страны за то, что они впустили къ себѣ чужеземцевъ, которые, вмѣстѣ со всѣми благами культуры, принесли и все зло, которое она порождаетъ: неравенство, власть сильнаго и богатаго надъ бѣднымъ и слабымъ. Когда несправедливость и насиліе дошли до послѣдней степени, Аллахъ послалъ кару въ лицѣ несчастной старухи, у которой продали въ рабство внука и внучку. Не найдя правосудія, она взывала о возмездіи къ небу. Аллахъ далъ ей силу взглядомъ убивать людей; и она, черная смерть, ходитъ по странѣ, ища своихъ милыхъ, заглядывая людямъ въ лицо и убивая всѣхъ. Жители перемерли,

страна погибла, зданія разрушились, поля и сады засыпалъ песокъ... Слишкомъ мраченъ по характеру и не совсѣмъ пригоденъ для дѣтей по мысли этотъ ярко написанный разсказъ.

Еще менѣе подходящъ для дѣтскаго чтенія разсказъ «Змѣиный дѣлъ», гдѣ повѣствуется объ одномъ странномъ братствѣ, живущемъ въ Марокко и обладающемъ силою новелѣвать змѣями и творить чудеса. Одно изъ этихъ чудесъ, а именно воскрешеніе начальникомъ ордена, «Змѣинымъ дѣдомъ», юноши, умершаго отъ укушенія змѣи, происходитъ на глазахъ автора. Тайны восточныхъ мудрецовъ—вещь глубоко интересная сама по себѣ и взрослымъ людямъ, которымъ, въ особенности при склонности къ разсудочному отношенію ко всему, важно напоминать, что «есть многое на свѣтѣ, что и не свидѣлось мудрецамъ», но для дѣтей подобная смѣсь реального съ фантастичнымъ вредна, такъ какъ спутываетъ ихъ еще не установившіяся понятія.

Несмотря на не совсѣмъ удачныя темы этихъ двухъ разсказовъ, сборникъ въ общемъ все-же принадлежитъ къ числу выдающихся книгъ для дѣтскаго чтенія. Всѣ разсказы съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ читаются и взрослыми, что можно сказать лишь о немногихъ дѣтскихъ книгахъ; идея всѣхъ разсказовъ прекрасная, большинство оставляетъ сильное впечатлѣніе, которое можетъ быть произведено только талантливымъ писателемъ. Конечно, книжка можетъ быть дана только дѣтямъ старшаго возраста.

Э. Гранстремъ. Любочины отчего и оттого. Составилъ по Дэбо и Уле Э. Гранстремъ. Съ 80 рисунками.

Имя автора, выпустившаго въ свѣтъ не мало хорошихъ дѣтскихъ книгъ, заставляло ожидать отъ этой книги совершенно не того, что она собою представляетъ. Содержаніе книги, какъ видно и по заглавію, составляютъ свѣдѣнія объ окружающемъ мірѣ, сообщаемыя въ формѣ отвѣтовъ на вопросы. И какихъ-то, какихъ свѣдѣній ни собрано въ этой книгѣ: и по физикѣ—снѣгъ, холодъ и тепло, огонь, электричество, громъ, молнія, телеграфъ и т. д. и т. д., и по космографіи—движеніе земли, солнце, луна, кометы, составъ кометы и т. д., и по анатоміи—устройство гортани, устройство глаза и т. д., и по физиологіи—отчего смѣхъ, отчего слезы? и т. д., и т. д. Обо всемъ понемногу, вскозь—на столько, на сколько можно отвѣтить мимоходомъ на такіе разнообразныя и сложные вопросы.

Въ книгѣ вопросы Любочки тянутся въ протяженіи всей ея дѣтской жизни, до того возраста, когда она сама отвѣчаетъ на многіе вопросы своей воспитанницѣ; но читатель будетъ читать книгу не годы, а дни, такъ что тѣ, для которыхъ интересно объясненіе о происхожденіи дождя и снѣга, не въ состояніи будутъ понять многихъ космографическихъ объясненій (какъ ни старается авторъ представить ихъ наглядно), а тѣмъ болѣе такихъ сложныхъ явленій, какъ рефлекторныя движенія, и, наоборотъ, кому изъ читателей будутъ доступны такого рода сложные вопросы, тѣмъ нисколько не

интересны будутъ разговоры о снѣгѣ, парѣ и т. п. относительно простыхъ явленіяхъ. Авторъ, повидимому, и самъ чувствуетъ это и старается привлечь вниманіе читателя совершенно искусственно нанизанными романтическими приключеніями и столкновеніями, ничего общаго съ научнымъ содержаніемъ книги не имѣющими...

Героиня повѣсти Любочка—существо необыкновенное по умѣнью вездѣ поспѣть и все устроить ко благу ближнихъ. Замѣтивъ, что старшій братъ влюбленъ въ одну дѣвицу—Вѣрочку, Любочка подстраиваетъ все такъ, чтобы братъ женился на Вѣрочкѣ. Тотъ дѣлаетъ предложеніе, всѣ въ восторгѣ; но вдругъ оказывается, что свадьба невозможна: отецъ жениха когда-то въ молодости убилъ на дуэли отца невѣсты. Всѣ подавлены, но Любочка не унываетъ: отъ какого-то отставнаго солдата она узнаетъ, что отецъ невѣсты умеръ не отъ раны, полученной на дуэли, а погибъ въ сраженіи. Свадьба устривается, и всѣ превозносятъ Любочку. Это первая часть.

Во 2-ой части совсѣмъ другого рода приключенія: отецъ Любочки во время плаванія на военномъ суднѣ у береговъ Африки спасаетъ отъ дикарей молоденькую дѣвочку, отецъ которой убитъ дикарями, а мать отведена въ рабство. Дѣвочка эта (Адалла) поручается Любочкѣ, которая ее учитъ, воспитываетъ и развиваетъ. Дѣвочка привязывается къ Любочкѣ, но не можетъ забыть матери. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ отецъ Любочки беретъ Адаллу и Любочку съ собою въ плаваніе; ѣдутъ въ Африку, и тамъ, конечно, опять благодаря Любочкѣ, разыскиваютъ мать Адаллы. Вотъ какимъ наборомъ приключеній думаетъ авторъ привлечь вниманіе юнаго читателя и заставить его незамѣтно проглотить всѣ тѣ многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія, которыми наполнена книга. Но расчеты автора очень ошибочны: дѣти прочтутъ романическія приключенія, пропустивъ всѣ «ученые» разговоры, и не вынесутъ изъ книги ничего, кромѣ крайне вредной привычки искать въ чтеніи только внѣшней занимательности.

Отъ автора книги «Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи» и другихъ настоящихъ, серьезныхъ дѣтскихъ книгъ нельзя было ожидать такого болѣе чѣмъ несерьезнаго отношенія къ дѣтскому чтенію..

№ 17. «Юный читатель». 1899 г. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. *Е. Колтоновской*. С.-Петербургъ. 1899 г.

Не отличаясь особой зркостью изложенія, очеркъ тѣмъ не менѣе даетъ довольно ясное представленіе о личности великаго поэта, главнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни и творчества. Написанъ очеркъ чрезвычайно просто и доступно дѣтскому пониманію и заключается слѣдующими словами: «По-желаемъ-же въ память великаго поэта, чтобы на его родинѣ не было ни одного человѣка, не знающаго его имени и не читавшаго его безсмертныхъ произведеній».

«Вешніе всходы». Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школахъ и семьѣ. Годы 1, 2 и 3-й. Составилъ *Д. И. Тихомировъ* *).

Книга 1-го года раздѣляется на два отдѣла: I—Среди людей и II—Среди природы и людей. Первый отдѣлъ имѣетъ три подъ-отдѣла: «Въ родной семьѣ», «Среди чужихъ» и «Самъ съ собою».

Первый-же рассказъ г. Д. Тихомирова «Богъ на помощь» неприятно поражаетъ своей нравоучительностью и дѣтямъ не интересенъ. Сущность этого рассказа состоитъ въ томъ, что каждый человѣкъ долженъ трудиться и каждому въ его трудѣ помогаетъ Богъ. Далѣе въ этомъ подъ-отдѣлѣ приведено нѣсколько рассказовъ, выясняющихъ отношеніе членовъ семьи другъ къ другу, и въ двухъ неудачныхъ рассказахъ выставлено тяжелое положеніе сироты. Такъ, въ рассказѣ «Сиротка» дѣвочка-сиротка довольна тѣмъ, что она разговлялась у священника, и хвастается этимъ передъ болѣе счастливыми подругами. Рассказъ «Своя и чужая сторона» состоитъ всего изъ трехъ строкъ и изображаетъ тяжелое положеніе сироты въ своей сторонѣ, и все-же ея любовь въ послѣдней. Оба эти рассказа совершенно непонятны дѣтямъ младшаго возраста.

Второй подъ-отдѣлъ «Въ чужихъ людяхъ» можно прямо назвать неудачнымъ. Онъ весь состоитъ изъ пересказа басенъ и рассказовъ, причемъ какъ тѣ, такъ и другіе взяты изъ жизни животныхъ. Всѣ они, за исключеніемъ четырехъ рассказовъ, подобраны такъ, что знакомятъ лишь съ недостатками людей и животныхъ. Напримѣръ, «Два товарища», «Лиса и заяцъ» (сказка), «Мужикъ и мелвѣдь» (сказка), «Волки и овцы» (басня), «Волки и собаки» (басня), «Лисица и слонъ» (басня), «Волкъ и левъ» (басня), «Конь и олень» (басня) и т. д. Такимъ образомъ дѣти знакомятся съ слѣдующими недостатками: хитростью, лукавствомъ, коварствомъ, ложью, обманомъ и т. д. Ни одной изъ этихъ басенъ, конечно, ребенокъ безъ разъясненія учительницы понять не можетъ; гораздо понятнѣе были-бы ему простые рассказы изъ жизни людей и животныхъ. Басни-же, кромѣ трудности для дѣтей по содержанію, въ пересказѣ теряютъ свой живой образный языкъ и знакомятъ ребенка, и такъ-то плохо владѣющаго языкомъ, съ отрывистою и неизящною рѣчью. Кромѣ того, едва-ли умѣстно знакомить семи-восьмилѣтняго ребенка только съ недостатками людей и животныхъ. Вѣдь цѣль школы—внушить любовь къ людямъ и животнымъ, а не обратно. Исключеніе, какъ мы сказали, составляютъ только четыре рассказа: «Другъ за дружку», «Двѣ обезьяны», «Двѣ козы» и «Не все только для себя». Въ этихъ рассказахъ проявляются также и чувства общности.

Третій подъ-отдѣлъ называется «Самъ съ собою». Здѣсь опять состави-

*) Рецензія составлена кружкомъ учительницъ и обсуждалась на собраніи учительницъ Спб. городскихъ начальныхъ училищъ, при чемъ большинство согласилось съ отзывомъ.

тель знакомить ребенка только съ недостатками ближнихъ, причеъ пере- сказанные басни и рассказы взяты опять исключительно изъ жизни живот- ныхъ и растений, люди выведены только въ баснѣ «Садовникъ и сыновья» да въ сказкѣ «Кладъ». Въ этомъ подѣ-отдѣлѣ выставлены слѣдующіе не- достатки людей: гордость, зависть, жадность, лѣность, спесь и т. д. Въ баснѣ «Садовникъ и сыновья» и въ сказкѣ «Кладъ» показано важное зна- ченіе труда въ жизни.

Второй большой отдѣлъ хотя и называется «Среди природы и людей», но лю- дямъ и здѣсь отведено очень немного мѣста, животныя-же заняли цѣлыхъ 45 страницъ, а растенія 20; затѣмъ идутъ подѣ-отдѣлы: «Вода»—4 стран., «Времена года и дня»—23 стран. и наконецъ «Божьи законы»—2 стран.

Рассказы о животныхъ, правда, хороши по простотѣ изложенія и безле- тристической формѣ, напримѣръ, «Гвѣдко», «Киска», «Споръ животныхъ», «Нерѣшенный вопросъ» и т. д. Многіе рассказы способны вызвать гуманное чувство; особенно хороши въ этомъ отношеніи: «Глухарка», гдѣ выставлена самоотверженная любовь матери, и «Сторожъ-воробей», гдѣ выставлено само- отверженное служеніе цѣлому обществу. Но попадаются рассказы и неудач- ные, изложенные сухо и представляющіе лишь готовые обобщенія, напри- мѣръ: «Млекопитающія и птицы», «Пресмыкающіяся», «Рыбы». Въ подѣ- отдѣлѣ «Растенія» рассказъ «Тунеядцы-паразиты», начиная съ самаго за- главія, не понятенъ дѣтямъ младшаго возраста. Почти каждое слово въ этомъ рассказѣ должно быть разъяснено учителемъ.

Подѣ-отдѣлъ «Времена года» кратко знакомитъ дѣтей съ временами года, дня и ночи, конечно, только съ помощью разъясненій преподающаго. Въ подѣ-отдѣлѣ помѣщено нѣсколько хорошихъ рассказовъ, относящихся къ сельскимъ работамъ.

Подѣ-отдѣлъ «Божьи законы» содержитъ слѣдующія статьи: «Земля», «Вода», «Воздухъ», «Солнце» и наконецъ «Природа и человѣкъ». И все это на двухъ страницахъ. Изъ такихъ коротенькихъ рассказовъ дѣти, конечно, не могутъ вынести никакого представленія о круговоротѣ явленій, да и слиш- комъ преждевременно въ младшемъ отдѣленіи давать такіа свѣдѣнія.

Закончена книжка отдѣломъ церковно-славянскаго чтенія, въ которомъ приведены отрывки изъ Евангелія.

Итакъ, рассмотрѣвъ всю книжку для первого года обученія мы не нашли въ ней, несмотря на ея тенденціозность въ смыслѣ правоучительности, ни одного художественнаго рассказа изъ жизни людей. Чему приписать такой важный и странный пробѣлъ? Ни въ одной дѣтской книжкѣ не встрѣчалось до сихъ поръ ничего подобнаго. Какъ уже было сказано, самое видное мѣсто въ книгѣ уде- лено животнымъ и растениямъ, человѣку-же отведено всего 20 стран. изъ 140 страницъ всей книги. Очевидно, «человѣкъ» у составителя книжки очутился на заднемъ планѣ. Къ тому-же, человѣкъ, въ изображеніи составителя, не вну- шаетъ симпатіи, такъ какъ на первый планъ выдвинуты только его недостатки.

Перейдемъ къ стихотвореніямъ. Стихотворенія подобраны недурно, многія отличаются художественностью и составляютъ пріятное исключеніе въ книгѣ тѣмъ, что рисуютъ человѣка и съ хорошеі стороны. Нельзя не сказать, что стихотвореній (ихъ 91) слишкомъ много для книжки. Стихи дѣтямъ младшаго отдѣленія трудны для чтенія, гораздо лучше было-бы замѣнить ихъ рассказами. Попадаютъ, впрочемъ, и неудачныя стихотворенія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Къ такимъ относится особенно ибсня «Сладко лѣлъ душа-соловушка». Неудачны также слишкомъ коротенькіе отрывки, строчки въ четыре. Такихъ отрывковъ очень много; иногда даны вмѣстѣ отрывка 3 или 4 изъ разныхъ стихотвореній и надъ ними, вмѣсто заглавія, стоитъ вопросъ: когда, гдѣ и что было? Часто надъ стихотвореніемъ, вмѣсто заглавія, поставленъ вопросъ: Какъ озаглавить?

Въ общемъ, какъ уже было сказано, стихи подобраны недурно; особенно хороши относящіяся къ природѣ и сельскимъ работамъ, напримѣръ: «Осеннія работы» Некрасова, «Зимнія забавы» его-же, «Посѣвъ и молотба» его-же, «Соха» Никитина, «Солнце и мѣсяцъ» Полонскаго, «Весна» Плещеева, «Нива» Жадовской и т. д.; хорошихъ стиховъ вообще много и принадлежать они Некрасову, Никитину, Пушкину, Плещееву, имѣются также стихотворенія Майкова, Фета, Полонскаго, Сурикова, Жадовской, Аксакова, Козлова и Тютчева. Есть нѣсколько и просто рюмованныхъ рассказовъ: «Шаловливыя ручевки» Плещеева, «Няня» его-же, «Нищій» и т. д. Нельзя не замѣтить, что басень въ стихотворной формѣ (7) слишкомъ много для книжки, тѣмъ болѣе, что ихъ очень много уже помѣщено въ ней въ видѣ пересказа. Подобраны басни не такъ удачно, какъ стихи. Напримѣръ, «Осель невѣжа» Хемницера совсѣмъ не можетъ быть понята дѣтьми; «Лошадь и собака» тоже трудна дѣтямъ младшаго возраста.

Къ достоинству книги можно отнести то, что въ концѣ почти каждой статьи стоятъ краткіе вопросы, на которые дѣти должны отвѣтить. Иногда подъ рассказомъ стоятъ и выводы изъ него, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ неудачные. Такъ, напримѣръ, подъ басней «Лисица и слонъ» напечатаны слѣдующіе выводы: дружескій договоръ, лукавство, измѣна, предательство, довѣрчивость, коварство, казнь. Къ чему все это? Дѣти 7—8-лѣтняго возраста не поймутъ этихъ словъ, да и трудно имъ ихъ разъяснить, напримѣръ презрѣніе, предательство. Вообще говоря, книга эта не соотвѣтствуетъ своему заглавію: «Первая послѣ азбука». Дѣти, только начинающія читать, едва разбирающія слова, конечно, не справятся съ ней. Въ ней нѣтъ ни одного рассказа, который дѣти могли-бы самостоятельно, безъ помощи учителя, прочесть и рассказать. Она можетъ быть употреблена для слабаго средняго отдѣленія или для младшаго, но уже читающаго. Языкъ книги, за исключеніемъ стихотвореній, не отличается изяществомъ, что составляетъ важный недостатокъ школьной книги. съ помощью которой дѣти главнымъ образомъ выучиваются правильно говорить по-русски.

Моральная тенденціозность, которую проникнута вся книга, не способствует развитію нравственнаго чувства у дѣтей, напротивъ — надобѣаетъ дѣтямъ и можетъ привести къ нежелательнымъ результатамъ.

Множество опечатокъ, которыми отличается эта книжка, тоже составляетъ большой недостатокъ ея, особенно въ младшемъ отдѣленіи.

Вторая книга «Вешнихъ всходовъ» имѣетъ, какъ и первая, два главныхъ отдѣла: 1) «Среди природы» и 2) «Среди природы и людей». Указанныя выше подраздѣленія въ первомъ отдѣлѣ нѣсколько измѣняются, такъ какъ составитель дополняетъ этотъ отдѣлъ разсказами изъ жизни первыхъ людей и изъ жизни древнихъ славянъ. Подраздѣленія во 2-мъ отдѣлѣ остаются тѣ-же, что и въ первой книгѣ.

Первые три под-отдѣла: 1) «Среди людей», 2) «Межъ своими и чужими» и 3) «Трудъ и знаніе» содержать въ себѣ разсказы изъ жизни людей, затѣмъ стихотворенія и басни, причѣмъ стихотворенія сильно преобладаютъ надъ прозой; такъ, въ под-отдѣлѣ первомъ на 27 стихотвореній приходится всего 8 прозаическихъ статей; въ под-отдѣлѣ второмъ 18 стихотвореній, 14 басенъ и только 14 прозаическихъ статей; въ под-отдѣлѣ третьемъ 15 стихотвореній, 6 басенъ и всего 5 разсказовъ. При этомъ нельзя сказать, чтобы разсказы были всегда длиннѣе стихотвореній. Часто за стихотвореніемъ, занимающимъ страницу и болѣе, идетъ разсказъ въ полстраницы и даже въ нѣсколько строчекъ. Вообще изъ 245 страницъ, составляющихъ 2-й годъ книги, на разсказы изъ жизни людей и ихъ отношеній между собою или, другими словами, художественной прозѣ отведено всего 22 страницы, на которыхъ помѣщается 27 разсказовъ, тогда какъ на стихотворенія и басни приходится 62 страницы, на разсказы-же изъ жизни животныхъ—76 страницъ, т.-е. въ 3½ раза больше, нежели на разсказы изъ жизни людей. Выходитъ, что составитель какъ-бы отдастъ предпочтеніе животнымъ передъ людьми.

Помимо бѣдности въ количествѣ разсказовъ изъ жизни людей, этотъ отдѣлъ бѣденъ и по качеству ихъ. Изъ 27-ми разсказовъ только развѣ десятокъ, какъ, напримѣръ, «Марта», «Два брата», «За что я брата люблю», «Дорогая копѣчка», «Чужое добро», «Наслѣдство», «Камень», «Наводненіе», написаны вполнѣ литературнымъ и, вмѣстѣ, простымъ, доступнымъ дѣтямъ средняго отдѣленія народпой школы языкомъ, хороши по идеѣ и по тому доброму чувству, которое они могутъ пробудить въ душѣ ребенка. Остальные разсказы или тенденціозны (какъ, напр., «Сынъ», «Дочь», «Уступчивость», «За трудъ и пища»), или написаны сухо, не художественно, тяжелымъ языкомъ (какъ, напр., «Семья», «Долги», «Благоразумныя рѣчи» и т. д.), или-же состоятъ изъ нѣсколькихъ строчекъ, содержащихъ въ себѣ только рядъ нравоученій (какъ, напр., «Моя примѣта», «Несчастные»). Вообще отдѣлъ художественной прозы самый бѣдный и самый неудачный

отдѣлъ въ книгѣ. Правоучительный характеръ большинства разсказовъ дѣлаетъ его скучнымъ и неинтереснымъ. Сухая, узкая мораль не свойственна дѣтскому возрасту и никогда не приносила пользы. Прекрасные примѣры изъ жизни людей, художественно выраженные въ живыхъ, яркихъ образахъ и картинахъ, вотъ что запечатлѣвается въ воспримчивой душѣ ребенка, дѣйствуетъ на его чувство и воображеніе, вызываетъ желаніе слѣдовать этимъ примѣрамъ. Побольше такихъ разсказовъ—и воспитательная цѣль книги будетъ достигнута; выводъ же изъ такихъ разсказовъ дѣти сдѣлаютъ сами.

Итакъ, количественная бѣдность отдѣла художественной прозы составляетъ большое неудобство при употребленіи книги «Вешніе всходы» годъ 2-й. Разсказы изъ жизни людей, какъ болѣе интересные и доступные для дѣтей, проучившихся въ школѣ только одинъ годъ, конечно, чаще другихъ служатъ матеріаломъ для чтенія, и потому эти небольшіе 27 разсказовъ, которые имѣются въ книгѣ, прочитываются уже въ первые 1½ мѣсяца учебнаго года всѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые, какъ не стоющіе вниманія, еще и пропускаются, и затѣмъ на весь годъ остается только чтеніе изъ міра животныхъ, растений, явленій природы. Какъ-бы интересно ни были составлены эти отдѣлы (чего однако нельзя сказать про всѣ эти отдѣлы въ «Вешнихъ всходахъ»), все-таки по своей серьезности и однообразію своихъ разсказовъ они должны наскучить дѣтямъ, пробывшимъ въ школѣ только одинъ годъ. Кромѣ того, большинство разсказовъ остальныхъ отдѣловъ не могутъ по своей серьезности и трудности языка служить матеріаломъ для самостоятельнаго чтенія, а должны быть предварительно подробно разработаны, что, при недостаткѣ времени въ 3-хъ-отдѣленной школѣ, составляетъ также большое неудобство при пользованіи этою книгой.

Стихотвореніями и баснями, какъ уже было упомянуто выше, вторая книга «Вешнихъ всходовъ» очень богата. Въ ней имѣется 76 стихотвореній и 21 басня. При такомъ обиліи, конечно, можно отмѣтить болѣе половины прекрасныхъ, истинно-художественныхъ произведеній, вполне доступныхъ дѣтямъ средняго отдѣленія и по содержанію, и по формѣ; остальные же составляютъ въ книгѣ или балластъ, или устарѣли, или трудны для дѣтей этого возраста, или не годятся по своему содержанію.

Изъ 76-ти стихотвореній только 3 принадлежатъ Пушкину, 1—Лермонтову, 3—Майкову, по 4—Некрасову и Кольцову, 9—Никитину, 16—Плещееву; остальные стихотворенія принадлежатъ Ладыженскому, Сурикову, Жадовской, Бергу, Круглову, Гербелю, Цыганову и Хомякову. Единственное стихотвореніе Лермонтова «Утѣсь» совершенно недоступно дѣтямъ въ возрастѣ начальной школы. Неудачно выбрано одно изъ 3-хъ стихотвореній Майкова «У кого искать помощи?» Иронія, проникающая стихотвореніе, совершенно ускользаетъ отъ дѣтскаго пониманія. Стихотвореніе можетъ лишь внушить высококѣрную мысль, что не должно надѣяться также на помощь ближняго, а полагаться лишь на свои силы. Далеко не одинаковой цѣн-

ности всѣ помѣщенные стихотворенія Плещеева. Нѣкоторыя, какъ «Возвращеніе изъ школы», «Солдаты», «Елка», представляютъ собою просто рѣмованные рассказы. Стихотвореніе «Радость и горе» прекрасно, но ему не мѣсто въ дѣтской хрестоматіи. Зачѣмъ выяснять ребенку, что вѣтъ горя, которое-бы не забывалось, что время—лучшій дѣлитель горя? Подобныя мысли, говорящія о несовершенствѣ человѣческой природы, всегда возмущаютъ молодую душу. Въ стихотвореніи Жадовской «Для милыхъ» дѣтямъ будетъ непонятна идея, какимъ образомъ страданія одного человѣка могутъ искупать страданія другого. Самопожертвованіе, не приуроченное къ какому-либо наглядному случаю, покажется безцѣльнымъ.

Во 2-мъ подъ-отдѣлѣ «Межъ своими и чужими» помѣщены басня Жуковского «Дубъ и плющъ» и стихотвореніе Батюшкова «Яворъ къ прохожему». Оба произведенія восхваляютъ дружбу, но содержаніе ихъ аллегорично, и потому непонятно дѣтямъ. Языкъ устарѣлъ, особенно въ стихотвореніи Батюшкова. Въ баснѣ, занимающей 4 строчки, попадаются выраженія: «лежалъ на прахѣ», «перунами разбитый», «плющъ, обвитый вокругъ дуба». Въ этомъ-же отдѣлѣ слабы стихи Жадовской «Молитва» и «Кто мнѣ родня» и «Святель» Жуковского. Въ первомъ изложена стихами молитва къ Божіей Матери. И содержаніе, и языкъ его недоступны дѣтямъ. Въ стихотвореніи «Кто мнѣ родня?» изложена притча о милосердномъ самарянинѣ. Въ Евангеліи этотъ рассказъ выраженъ гораздо понятнѣе, проще и сильнѣе дѣйствуетъ на душу. То-же можно сказать и о стихотвореніи Жемчужникова, содержаніе котораго составляетъ притча о святелѣ, хотя стихи его красивѣе. Въ стихотвореніямъ, составляющимъ, какъ уже раньше было сказано, балластъ въ книгѣ и лишь напрасно занимающимъ мѣсто, которое могло-бы съ бѣльшей пользой быть удѣлено прозаическимъ статьямъ, могутъ быть причислены: «Въ разлукѣ съ матерью», «Ласточка», «Вдова», «День св. Георгія», «Что сильнѣе» и нѣкоторыя другія. Нѣкоторыя стихотворенія прекрасны, но трудны для дѣтскаго средняго отдѣленія и обыкновенно помѣщаются въ книгахъ для старшаго отдѣленія, напр.: «Цвѣтокъ въ тюрьмѣ» Плещеева, «Зимній путь» Полонскаго, «Утро» и «Степь весной» Никитина.

Въ отдѣлахъ «Межъ своими и чужими» и «Трудъ и знаніе» помѣщено 20 басенъ. Изъ нихъ, кромѣ басни «Дубъ и плющъ» Жуковского, неудачны также «Друзья» Крылова и «Друзья» Хемницера. Изъ басни Крылова приходится дѣлать выводъ, что собака болѣе способна къ дружбѣ и самопожертвованію, нежели человѣкъ. Содержаніе басни Хемницера слѣдующее: съ крестьяниномъ случилась бѣда. Его близкіе друзья и односельчане не помогли ему, а помогли посторонніе мужики. Поведеніе тѣхъ и другихъ мужиковъ ничѣмъ не мотивировано.

Отдѣлъ, посвященный животнымъ, самый богатый (54 рассказа на 76 стр.) и, вмѣстѣ, самый интереснѣйшій. Это лучшій отдѣлъ въ книгѣ. Авторъ въ удачно подобранныхъ и въ большинствѣ интересно изложенныхъ рассказахъ

старается познакомить съ жизнью животныхъ, съ ихъ радостями и невзгодами, съ пользою и вредомъ, который они приносятъ человѣку. Особенно симпатична мысль пробудить любовь къ тѣмъ животнымъ, которыя не очень красивы съ виду и къ которымъ люди часто относятся несправедливо, какъ, напр., ежь, кротъ, летучая мышь, воробей. Къ недостаткамъ этого отдѣла можно причислить только нѣкоторую односторонность въ разсказахъ изъ жизни птицъ. Въ большинствѣ изъ нихъ обращается исключительное вниманіе на пользу, приносимую птицей человѣку, и даже не вообще человѣку, а сельскому хозяину, и сообразно величинѣ этой пользы и производится ей надлежащая оцѣнка. Даже въ такомъ хорошенкомъ разсказѣ, какъ «Покорми птичекъ зимою», автору недостаточно было только чувства жалости, которое должно пробудиться въ душѣ каждаго человѣка при видѣ умирающихъ съ голоду птичекъ,—нѣтъ, онъ говоритъ еще, что надо и хорошо покормить птичекъ зимою потому, что весною и лѣтомъ онѣ отплатятъ за это сторицею. Зачѣмъ такое ужъ слишкомъ утилитарное направленіе въ дѣтской книгѣ! Не заронить-ли оно въ восприимчивую душу ребенка дурного начала потомъ и въ жизни дѣлать узкую, одностороннюю оцѣнку людей—только по той непосредственной пользѣ, которую они будутъ приносить лично имъ?! Развѣ нельзя освѣтить этотъ міръ и съ другой стороны? Развѣ птицы своей красотой, своимъ пѣніемъ не вносятъ радости въ жизнь человѣка, не скрашиваютъ ее? Развѣ своею смысленностью, умѣнемъ устраивать свою жизнь, цѣлесообразностью своихъ поступковъ не могутъ онѣ пробудить интереса къ себѣ?!

Затѣмъ, въ этомъ отдѣлѣ совсѣмъ не упоминаются животныя жаркаго пояса. Къ чему такъ суживать кругозоръ ребенка, тѣмъ болѣе, что деревенскія дѣти съ большинствомъ изъ животныхъ, упомянутыхъ въ книгѣ, знакомы непосредственно, а разсказы о жизни совсѣмъ незнакомыхъ животныхъ дадутъ новую пищу и уму ихъ, и воображенію.

Къ неудачнымъ разсказамъ въ отдѣлѣ животныхъ, которые безъ всякаго ущерба для книги могли-бы быть и выпущены, надо причислить: 1) «Жители лѣса», 2) «Польза отъ насѣкомоядныхъ птицъ». Изложены они сухо, не интересно и содержатъ только перечень всевозможныхъ свѣдѣній, иногда очень гадательнаго свойства; такъ, въ статьѣ «Польза отъ насѣкомоядныхъ птицъ» перечислено, сколько та или другая птица съестъ насѣкомыхъ въ день и въ цѣлый годъ. Затѣмъ неудачныя статьи: 3) «Кровь у животныхъ», 4) «Дыханіе у животныхъ» и 5) «Какъ обновляется тѣло», какъ дающія рядъ готовыхъ выводовъ, недоступныхъ для пониманія дѣтей безъ цѣлаго ряда предварительныхъ работъ, для которыхъ еще не время въ среднемъ отдѣленіи. Въ послѣднихъ статьяхъ есть и неудачныя опредѣленія: такъ, въ статьѣ «Кровь у животныхъ» говорится: «сердце похоже на полый мѣшокъ» и въ статьѣ «Дыханіе животныхъ»: «легкія похожи

на два полыхъ мѣшка». Изъ такихъ опредѣленій можно сдѣлать совсѣмъ невѣрный выводъ, что сердце и легкія схожи между собою.

Изъ 11-ти разсказовъ въ отдѣлѣ растений хотя и не всѣ съ одинаковою полнотою знакомятъ съ даннымъ растеніемъ, но всѣ переданы интересно, простымъ, яснымъ, а нѣкоторые и очень изящнымъ языкомъ. Къ лучшимъ разсказамъ въ этомъ отдѣлѣ надо причислить «Яблоню» и «Красавицу елку». Последний разсказъ, впрочемъ, много теряетъ въ своей красотѣ отъ передѣлки, не дѣлающей его однако ни проще, ни доступнѣе для дѣтей. Трудно представить себѣ болѣе художественный разсказъ, нежели оригиналь его у Кайгородова,—разсказъ, въ которомъ съ такою полнотою передается долгая жизнь красавицы елки, передается такъ тепло и задушевно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ просто и поэтично. То, что у Кайгородова разсказъ ведется отъ лица самой елки, придаетъ ему еще больше жизненности и интереса. Въ передѣлкѣ разсказъ переданъ въ 3-мъ лицѣ... Изъ недостатковъ этого отдѣла можно отмѣтить одно не вполне точное и вѣрное опредѣленіе въ разсказѣ «Кора у деревьевъ». Тамъ сказано такъ: «кора у деревьевъ то-же, что жилы у человѣка: *черезъ жилы* кровь расходится по всему тѣлу и питаетъ его и *черезъ* кору сокъ ходитъ по дереву и питаетъ вѣтки, листья и цвѣты. 1) Замѣна слова «но» словомъ «черезъ» можетъ повести къ невѣрному представленію и 2) сокъ отъ корней поднимается не по корѣ, а по древесинѣ, а спускается подъ корой по лубу. Въ этомъ-же разсказѣ общепотребительный терминъ «почки» замѣненъ почему-то словомъ «*распуколки*», а «*лепестки*» названы «*цвѣтными листьями*». Къ чему дѣлать дѣтямъ лишнее затрудненіе при чтеніи, не приносящее, къ тому-же, никакой пользы? Затѣмъ, стихотвореніе Яхонтова «о льнѣ» съ большей пользой для книги могло-бы быть замѣнено прекраснымъ разсказомъ о льнѣ изъ «Родного Слова» годъ 2-й «Какъ рубашка въ полѣ выросла».

Отдѣлъ «Земля, вода и воздухъ» состоитъ изъ 12-ти крошечныхъ разсказовъ на 8^{1/2} страницахъ, изъ которыхъ 11 говорятъ о водѣ и воздухѣ и только одинъ, въ полстраницы, и самый неудачный подъ заглавіемъ «Камни и земля», говоритъ, или, вѣрнѣе, ничего не говоритъ ни о камняхъ, ни о землѣ. Этотъ разсказъ совсѣмъ недоступенъ для пониманія дѣтей, изложенъ сухо, непонятно, требуетъ чуть не для каждой своей фразы отдѣльнаго предметнаго урока. Чтобы не быть голословными, возьмемъ для примѣра хотъ слѣдующее выраженіе: «*вокругъ расплавленной внутренности земли лежатъ каменные пласты, будто черепъ земли*». Остальные 11 разсказовъ всѣ, кромѣ статьи «Куда текутъ русскія рѣки» (дающей только одни названія русскихъ рѣкъ и морей), написаны просто и ясно, хотя нѣсколько сжато и отрывисто.

Разсказы о жизни древнихъ славянъ (11 разсказовъ на 8^{1/2} страниц.) изложены довольно просто и интересно, только въ первыхъ двухъ разсказахъ: 1) «Откуда пришли славяне» и 2) «Мѣста первыхъ поселеній» встрѣ-

чается очень много географических названий, напр., Азія, Европа, Дунай, Дніпръ, болгары, сербы, чехи, поляки, Западная Двина, Волга, Ока, Волховъ, Ильмень, такъ что эти двѣ крошечныя статейки безъ предварительнаго знакомства съ отечественной географіей читать очень трудно. И вообще эти историческіе рассказы съ болѣею пользой для дѣла могли-бы быть помѣщены въ книгѣ для старшаго отдѣленія, такъ какъ начинать знакомство съ исторіей въ среднемъ отдѣленіи еще рано. Въ первыхъ изданіяхъ эти рассказы и были отнесены на третій годъ. Чѣмъ руководствовался составитель книги при измѣненіи первоначальнаго плана—непонятно.

Отдѣлы: 1) «Общественныя потребности», 2) «Изъ жизни первыхъ людей», 3) «Времена года въ Россіи» нужно отнести къ вполне неудачнымъ отдѣламъ. Почти всѣ рассказы этихъ отдѣловъ даютъ только сухой перечень всевозможныхъ свѣдѣній, готовыхъ выводовъ и правоченій, написаны тяжелымъ языкомъ и вполне недоступны дѣтямъ средняго отдѣленія. Если-же и встрѣчаются въ этихъ отдѣлахъ недурные рассказы, какъ, напр., «Времена года въ степи», «Въ средней Россіи», «На тундрѣ», то опять-таки для пониманія этихъ статей нужно предварительное знакомство съ географіей Россіи, и потому онѣ были-бы болѣе умѣстны въ книгѣ для старшаго отдѣленія. Кромѣ того, въ рассказахъ этихъ отдѣловъ встрѣчается много странныхъ, невѣрныхъ и неточныхъ выраженій. Для примѣра возьмемъ нѣсколько: «*Россія кормитъ хлѣбомъ весь (!) крещеный міръ*» (въ статьѣ: «Гдѣ и чѣмъ промысляютъ»); «*Непроходимыя сѣверныя лѣса наполнены, какъ садокъ рыбой, разными зверями и всякой дичиной*» (въ статьѣ: «Гдѣ какія животныя водятся»). Между тѣмъ, въ этой-же книгѣ, въ статьѣ «Охота на бѣлку въ сѣверныхъ лѣсахъ» (въ отдѣлѣ животныхъ) говорится, что охотнику приходится выходить въ день верстъ тридцать и больше и все-таки вернуться къ ночи въ лѣсную избушку чуть не съ пустыми руками, чего-бы, конечно, не могло быть при такомъ огромномъ количествѣ звѣрей и птицъ. Въ статьѣ «Гдѣ и какія животныя водятся», встрѣчается слѣдующее выраженіе: «въ остальной Россіи, т.-е. южнѣе лѣсной стороны, *народъ сплошь (!) живетъ*». Въ статьѣ «Времена года на тундрѣ» говорится, что *эскимосы* строятъ себѣ потому жилище изъ снѣгу, что деревья не растутъ въ ихъ краю, а готовить себѣ *куртичей изъ камня (!)* они не умѣютъ».

Къ недостаткамъ, общимъ всей книгѣ, надо причислить множество грубѣйшихъ опечатокъ, встрѣчающихся чуть не на каждой страницѣ, — опечатокъ, грѣшащихъ и противъ правилъ орфографіи, а иногда даже и противъ здраваго смысла. Такъ, напр., въ статьѣ «Времена года на тундрѣ» говорится: «студеная зима свирѣцствуетъ здѣсь цѣлыхъ *десять мѣсяцевъ*», и затѣмъ далѣе, въ той-же статьѣ, сказано: «коротко сѣверное лѣто: только три мѣсяца», такъ что, благодаря опечаткѣ, выходитъ, что годъ на сѣверѣ имѣетъ тринадцать мѣсяцевъ. Такихъ грубыхъ и многочисленныхъ опечатокъ не

должно встрѣчаться въ книгѣ для класснаго чтенія, къ тому-же самимъ авторомъ назначенной еще и для письменныхъ упражненій.

Языкъ въ книгѣ тоже оставляетъ желать многого. Большая часть статей передана не изящнымъ, тяжелымъ языкомъ, съ замѣтной поддѣлкой подъ народную рѣчь. Слова: промежь собой, кажется, промышляеть, испоконь-вѣку, потайной, на потребу, кѣшко, прижилась къ человѣку—встрѣчаются очень часто.

Въ книгѣ, назначенной научить и послужить образцомъ хорошаго литературнаго языка, всѣ статьи должны быть переданы просто, но вмѣстѣ и хорошимъ литературнымъ языкомъ. Съ народною-же рѣчью, мѣткой и красной, лучше всего знакомить на пословицахъ, поговоркахъ и загадкахъ, которыя почему-то совсѣмъ отсутствуютъ въ книгѣ. Во всей книгѣ только и встрѣчаются три пословицы: одна *«какъ аукнется, такъ и откликнется»* послѣ разказа *«Ось и чека»* и двѣ — *«дружно—не грузно, а врозь—хоть брось»* и *«двѣ головы и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на заметку ложнется»* послѣ *«Притчи о дубовой бочкѣ»*.

Отсутствуютъ также совсѣмъ описанія нашихъ праздниковъ, которыя такъ хороши въ *«Родномъ Словѣ»* годъ 2-й и которыя такъ сближаютъ ребенка съ его родиной.

Снабжена книга очень небольшимъ количествомъ картинокъ, да и то не высокаго достоинства, и совсѣмъ не знакомить съ планомъ.

Къ достоинству книги могутъ быть отнесены вопросы для устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, помѣщенные въ концѣ почти каждой статьи. Хотя эти вопросы и не всегда удачны, но все-таки составитель книги дѣлаетъ ими хорошій починъ. Хорошо также и то, что при каждомъ стихотвореніи и баснѣ помѣщено имя автора, такъ что дѣти легко могутъ запомнить имена нашихъ лучшихъ писателей.

Какой-же общій выводъ можно сдѣлать о второй книгѣ *«Вешнихъ всходовъ»*? Существеннѣйшимъ недостаткомъ въ книгѣ является бѣдность или, вѣрнѣе, почти отсутствіе отдѣла художественной прозы, — отдѣла самаго важнаго для дѣтей средняго отдѣленія, такъ какъ на разказахъ этого отдѣла главнымъ образомъ развивается любовь и интересъ къ чтенію, вырабатывается вкусъ, развивается языкъ, привычка вдумываться въ главную мысль разказа, въ характеры выведенныхъ лицъ. На хорошемъ подборѣ этихъ разказовъ развиваются и воспитываются добрыя, благородныя чувства ребенка. Напротивъ, вмѣсто такого рода разказовъ книга преподноситъ только цѣлую груду всевозможныхъ свѣдѣній. Составитель книги точно забываетъ, что переварить такую уйму свѣдѣній ребенку, на второй годъ его обученія, когда онъ только-что выучился читать, прямо невозможно. А все, что не можетъ быть вполнѣ усвоено, то и бесполезно. Красной нитью проходитъ черезъ всю книгу сильное, но одностороннее желаніе составителя во что-бы то ни стало сообщить ребенку какъ можно больше различныхъ свѣдѣній,

точно количество свѣдѣній развиваетъ любовь и интересъ къ знанію; навязать ему побольше нравственныхъ правилъ, точно прописная мораль можетъ воспитать хорошаго человѣка. Приходится пожалѣть, что составитель книги чрезчуръ увлекся утилитарнымъ направленіемъ, такъ какъ, при наличности хорошихъ отдѣловъ о животныхъ, растеніяхъ, стихотвореній, рассказовъ о воздухѣ, будь такой-же хорошій и богатый отдѣлъ художественной прозы, книга составила-бы цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу. Цѣна книги не увеличилась-бы, такъ какъ отдѣлъ художественной прозы можно-бы расширить на счетъ нѣкоторыхъ изъ лишнихъ въ книгѣ статей историческихъ и географическихъ, рассказовъ о жизни первыхъ людей, отдѣла «общественныя потребности», неудачныхъ стихотвореній и т. д.

Въ настоящемъ-же своемъ видѣ книга не отвѣчаетъ самымъ главнымъ цѣлямъ, которыя требуются отъ классной книги въ начальной школѣ, а именно: она не сможетъ заинтересовать ребенка, заставить его полюбить книгу и имѣть на него хорошее воспитательное вліяніе, потому что большинство ея рассказовъ тенденціозны, трудны, сухи и безжизненны; не сможетъ пробудить въ немъ пылливости, потому что даетъ множество готовыхъ выводовъ; не сможетъ, наконецъ, научить его хорошему языку и развить его рѣчь, потому что большинство рассказовъ написаны не литературнымъ, тяжелымъ языкомъ и трудны для передачи.

Третья книга г. Тихомирова, предназначенная для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: художественнаго и научнаго. Художественный отдѣлъ занимаетъ 154 страницы, включаетъ въ себѣ статьи въ прозаической формѣ, басни и стихотворенія. Научный отдѣлъ занимаетъ 220 стр. и распадается на три под-отдѣла: историческій, географическій и еще отдѣлъ безъ названія, содержащій 17 статей, который ближе всего можетъ быть отнесенъ къ отдѣлу міровѣдѣнія.

Отдѣлъ художественной прозы состоитъ изъ 60-ти рассказовъ. Онъ раздѣленъ на три под-отдѣла, безъ заглавій. Чѣмъ руководился составитель при дѣленіи на эти под-отдѣлы, не выясняется, такъ какъ всѣ статьи слѣдуютъ одна за другой безъ всякой связи по своему содержанію.

Большинство статей доступны учащимся по содержанію и изложенію, знакомятъ дѣтей съ литературнымъ языкомъ, сообщаютъ нравственныя понятія, содѣйствуя тѣмъ достиженію воспитательныхъ цѣлей школы и даютъ достаточно матеріала для устныхъ и письменныхъ изложеній. Матеріаломъ для чтенія служатъ частью отрывки изъ произведеній художественной литературы: такъ, есть рассказы Тургенева, Григоровича, Потѣхина, Печерскаго, Немировича-Данченка и др. Къ сожалѣнію, составитель книги совершенно не знакомитъ дѣтей съ такими именами, какъ Гончаровъ, Толстой, Аксаковъ; въ книгѣ нѣтъ ни одного отрывка изъ произведеній этихъ писателей-

художниковъ. Между тѣмъ отрывки изъ ихъ произведеній легко можно было бы подобрать, что и сдѣлано такъ удачно въ прекрасномъ отдѣлѣ художественной литературы хрестоматіи Воскресенскаго. Дѣтство Обломова, рассказы изъ дѣтскихъ воспоминаній Толстого и Аксакова вполне доступны дѣтямъ по содержанію и художественны по языку и съ большою пользою для книги могли-бы замѣнить нѣкоторыя статьи, которыя не даютъ воспитывающаго содержанія или неудобны по изложенію.

Впрочемъ, большинство статей можно считать удачными. Къ лучшимъ статьямъ слѣдуетъ отнести слѣдующія: «Дядя Антонъ», «Трудовая жизнь», «Порука», «Кусокъ хлѣба», «Фролъ Силинъ», «Лукерья», «Сосна», «Пасторъ Оберлейнъ», «Кормчій», «Рулевой», «Сестра милосердія», «Сестра Раевская», «Военный докторъ» и др. Всѣ онѣ хороши по содержанію: любовь къ ближнему, состраданіе къ чужому горю, самопожертваніе на пользу другихъ, бодрое, терпѣливое отношеніе къ своей бѣдѣ, высокой образъ беззавѣтнаго служенія другимъ. Эти рассказы способны возбудить въ дѣтяхъ хорошее чувство, повліять на развитіе ихъ нравственнаго кругозора, а потому и желательны въ книгѣ для чтенія.

Но есть и такія статьи, которыя заставляютъ желать лучшаго и по языку, и по содержанію. Такъ, «Марта», «Два кольца», конецъ рассказа о «Сироткѣ Грунѣ» затрагиваютъ отношенія мужа и жены и неумѣстны въ дѣтской книгѣ. «Сиротка Груня» хотя и помѣщена во многихъ книгахъ, но всегда въ пересказѣ. Удивленіе отца Груни при ея рѣшеніи выйти замужъ за старика не понятно дѣтямъ, какъ не понятно имъ и ея самопожертваніе ради дѣтей сдѣлаться женою старика. Древнее сказаніе грековъ «Два пути жизни» также не можетъ быть понятно дѣтямъ. Наслажденіе и трудъ представлены въ образѣ двухъ женщинъ: одна — красавица, въ роскошной одеждѣ, съ плѣнительной улыбкой на предестныхъ устахъ, съ очаровательнымъ блескомъ глазъ (подлинныя выраженія рассказа), другая — скромная, степенная. Вообще авторъ не одинъ разъ какъ-бы забываетъ, для кого составляетъ книгу, и часто предлагаетъ дѣтямъ совсѣмъ неумѣстныя выраженія. Это встрѣчается не только въ отдѣлѣ художественной прозы, но и въ другихъ отдѣлахъ. Къ неудачнымъ статьямъ еще слѣдуетъ отнести: «Отчего бываетъ бѣдность и горе», «Сила человѣка», «Колдовство», «Добромъ поминай родителей», «Что легко нажито, то легко и прожито», «Бѣлое перо». Всѣ онѣ бѣдны по содержанію и написаны тяжелымъ и непонятнымъ для дѣтей языкомъ. Рассказъ «Бирюкъ» хотя и принадлежитъ перу Тургенева и дышитъ глубокой художественной правдой, но фигура Бирюка не симпатична по своей грубости; добрый поступокъ онъ совершаетъ въ такой грубой формѣ, что производитъ непріятное впечатлѣніе и юные читатели не всегда могутъ въ немъ сразу разобраться, а потому можно было-бы и не помѣщать этого рассказа.

Къ винѣ составителя книги можно еще отнести, что онъ не далъ ни

одного образца литературнаго произведенія въ разговорной формѣ, въ видѣ отрывка какой-нибудь комедіи или драмы. Слѣдовало-бы познакомить дѣтей и съ этой формой литературнаго произведенія, тѣмъ болѣе, что она такъ удобна при упражненіяхъ въ выразительномъ чтеніи.

Не смотря на вышеуказанные недостатки; въ общемъ отдѣлѣ художественной прозы въ 3-й книгѣ можно считать удачнымъ. Большинство статей хороши по содержанію, могутъ способствовать нравственному развитію учащихся, возбудить любовь и интересъ къ чтенію и обогатить языкъ дѣтей новыми словами и оборотами.

Выбирая стихотворенія для III кн., составитель очевидно задавался цѣлью избѣгать стихотвореній, обыкновенно встрѣчающихся въ книгахъ для чтенія. Всего въ книгѣ 113 стихотвореній. Изъ нихъ 14 принадлежатъ Пушкину, 7 Лермонтову и Кольцову, по 5-ти Майкову и Некрасову, 4 Никитину, по два, по одному стихотворенію—Плещееву, Языкову, Хомякову, Жадовской, Минскому, Сурикову, Немировичу-Данченку и др. Ознакомленіе дѣтей съ возможно большимъ числомъ родныхъ писателей желательно въ начальной школѣ, но необходимо, чтобы стихотворенія въ книгѣ для чтенія были хороши по содержанію и по формѣ. доступны дѣтямъ и удобны для заучиванія наизусть, т.-е. не слишкомъ длинны и трудны по языку. А это не всегда можно сказать о стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ III кн. «Вѣшнихъ всходовъ». Въ числѣ 113 стихотвореній встрѣчается много совсѣмъ недоступныхъ пониманію дѣтей 11—12 л. возраста, какъ, напр., стихотвореніе «Молитва Божіей Матери» Жадовской, «По прочтеніи псалма» и «Подражаніе псалму» Хомякова, «Изъ Апокалипсиса», «Искусство» Майкова, «Ко гробу Кутузова» и нѣкоторые другія. Многія изъ стихотвореній, встрѣчающихся въ другихъ хрестоматіяхъ въ сокращеніи, здѣсь приведены цѣликомъ, отчего они теряютъ въ смыслѣ доступности для дѣтей, а иногда дѣлаются совсѣмъ неудобными и нежелательными въ книгѣ для чтенія. Къ числу такихъ стихотвореній относятся «Слѣпорожденный» Мея, приведенный цѣликомъ, «Косарь» Кольцова, который берется обыкновенно съ выпускомъ строкъ, относящихся къ сватовству. Есть стихотворенія, слишкомъ ужъ отдающія правоученіемъ, какъ, напр., стихотвореніе «Не унывай», «Не осуждай». Есть наконецъ такія стихотворенія, которыя прямо нежелательны въ дѣтской книгѣ, какъ, напр., первая и вторая пѣснь Лихача-Кудрявича и др., какъ не подходящія по содержанію и требующія большихъ объясненій.

Отличительной чертой отдѣла стихотвореній III кн. служитъ еще то, что, при большомъ количествѣ стихотвореній, очень немногія изъ нихъ удобны для заучиванія наизусть: изъ 113 стихотвореній едва-ли 20 съ небольшимъ могутъ быть выучены наизусть, остальные или слишкомъ длинны, или если и интересны по содержанію и удобны для чтенія и объясненія, то недостаточно художественны для того, чтобы ихъ заучивать. Басенъ въ книгѣ всего 7: шесть басенъ Крылова, одна, и очень неудобная басня «Чистая

дорога» Плещеева. Расположены стихотворенія по отдѣламъ въ строгой системѣ, большинство изъ нихъ звучитъ въ тонъ прозаическимъ статьямъ и отвѣчаетъ общей тенденціи книги. Большинство стихотвореній расположено въ отдѣлѣ, состоящемъ изъ беллетристическихъ статей, но и исторія и географическій отдѣлъ иллюстрированы стихотвореніями. Такъ, въ географическомъ отдѣлѣ 19 стихотвореній, изъ которыхъ большинство, не говоря уже о стихотвореніяхъ Пушкина и Лермонтова, даютъ картину природы и очень оживляютъ прозаическія статьи.

Просматривая географическій отдѣлъ 3-й части «Вешнихъ всходовъ», нельзя не обратить вниманія на богатство и разнообразіе матеріала этого отдѣла. Всѣ географическія статьи расположены въ системѣ бассейновъ: центральнымъ бассейномъ взяты Каспійскій: Волга, Волжскій край, великоруссы, Уральскій край. Затѣмъ слѣдуетъ Черноморскій бассейнъ: Днѣпръ, Малороссія, малороссы, Полясье — бѣлоруссы, Черноморская степь, Крымъ, Кавказъ. Далѣе Балтійскій бассейнъ: литва, Прибалтійскій край — эсты и латыши, Финляндія — финны, Озерный край, стихотвореніе «Наводненіе». Бассейнъ сѣвернаго Ледовитаго океана: Архангельская, Вологодская губерніи, Сибирь и инородцы (тунгусы, алеуты). Въ концѣ отдѣла помещено нѣсколько статей, которыя прямо къ этому отдѣлу не относятся: «Хлѣбопашество», «Крестьянскій огородъ и садъ», «Деревня и городъ». Всѣ эти статьи не носятъ характера географическихъ статей, а сообщаютъ общія свѣдѣнія о цѣляхъ разведенія садовъ и огородовъ, о необходимости улучшенія земледѣльческаго хозяйства, о возникновеніи городовъ.

Самое большое мѣсто отведено Каспійскому бассейну, т.-е. собственно рѣкѣ Волгѣ и ея обитателямъ — великоруссамъ. Рѣка Волга обрисовывается въ семи статьяхъ (не считая двухъ о лѣсѣ) точно, полно и ясно. Получается полное географическое знакомство, не лишенное поэтического колорита, благодаря статьямъ Григоровича «На луговомъ берегу Оки въ сѣнокосъ» и статьи Печерекаго «Нагорная сторона Волги». Много мѣста отведено лѣсу (всего шесть статей): «Лѣсныя воды», «Лѣсныя насѣкомыя», «Зимнія работы въ лѣсу», «Ночлегъ въ лѣсу», а ниже — «Сборъ кедровыхъ орѣховъ», «Въ лѣсахъ Архангельской губерніи». Составитель былъ правъ до нѣкоторой степени, отводя столько мѣста лѣсу, такъ какъ Россія богата лѣсами, жаль только, что въ начальной школѣ время очень ограничено и приходится сильно дорожить имъ и экономить, а между тѣмъ почти всѣ статьи, кромѣ «Ночлегъ въ лѣсу», требуютъ разработки въ классѣ и не могутъ быть даны для самостоятельнаго чтенія.

Замѣчается нѣкоторая неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала. Такъ, на долю моря во всемъ отдѣлѣ отведено только двѣ статьи: «Базакъ Деряновъ» и «На тюленей». Последняя представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ знакомитъ читателя съ морскимъ приливомъ и отливомъ. Начальной статьёй Черноморскаго бассейна служить «Полясье». Эта статья

очень не велика по объему, но рисуетъ мѣстность довольно опредѣленно, къ тому-же удовлетворительно знакомить съ бытомъ и промысломъ блжоруссовъ. Черноморскому бассейну отведено, по количеству статей, меньшее мѣсто. да и не всѣ статьи безусловно отвѣчаютъ своему назначенію. Хорошими статьями можно назвать «Малороссію», просто и вѣрно рисующую самую Малороссію и малороссовъ; не дурна и интересна статьи «Днѣпровскіе пороги», гдѣ можно познакомиться съ особымъ родомъ промысла «*лоцмана*», создавашагося благодаря трудности перехода черезъ пороги. Иллюстраціей къ Малороссіи служатъ стихотворенія: «Украинская ночь» и «Днѣпръ» Гоголя. Въ статьѣ «Богатство Черноморскихъ степей» вскользь проводится мысль о томъ, какимъ богатствомъ могъ-бы пользоваться русскій человѣкъ при умѣньѣ и научной подготовкѣ. О степныхъ бѣдствіяхъ говорится не много: упоминается о засухѣ, сказано нѣсколько словъ о саранчѣ, и затѣмъ приведена статья «Степной буранъ», содержаніе которой ясно по заглавію. Статья эта довольно большая по объему и обстоятельная по содержанию. Попутно встрѣчается стихотвореніе «Цыганскій таборъ», вѣроятно, для того, чтобы дать намекъ о существованіи бродячихъ народовъ въ этомъ краѣ. Для знакомства съ цыганами этого совершенно достаточно. Слабое мѣсто Черноморскаго бассейна составляетъ «Крымъ» и «Кавказъ». О Крымѣ помѣщена только одна статья «Ночь въ облакахъ» Маркова; этого мало, а главное, статья эта не даетъ вѣрнаго понятія о Крымѣ, рисуя только вершину Чатырдага. Отъ статьи остается впечатлѣніе сырости, холода, опасности отъ трудности подъема въ обществѣ пастуховъ и злыхъ собакъ. О красотѣ и роскоши природы, о прекрасномъ, чудодѣйствующемъ климатѣ, о виноградномъ промыслѣ — составитель совершенно не упоминаетъ. Нельзя сказать, чтобы книга лучше знакомила и съ Кавказомъ. Хотя статей приведено и больше, но всѣ онѣ сводятся къ описанію трудностей перехода черезъ горы. Лучшими изъ нихъ могутъ считаться: «Въ аулѣ» и «Народный праздникъ въ Грузіи» Маркова; тутъ, по крайней мѣрѣ, приводятся нѣкоторыя бытовые черты изъ жизни горцевъ. Съ природой Кавказа можно развѣ познакомиться изъ стихотвореній: «Споръ», «Кавказъ», «Картины Кавказа», «Обвалъ», «Черкесская пѣсня». Но роскошь природы не развертывается передъ учащимся, и богатства, скрытыя въ нѣдрахъ горъ, остаются скрытыми также и для читателя.

Заключительными статьями этого отдѣла служатъ три статьи: «Киргизская песчаная пустыня» «Колодцы въ пустынѣ», «Родникъ въ пустынѣ». Всѣ три статьи очень коротки, но содержательны. Первая довольно точно знакомитъ съ пустыней, вторая интересна, благодаря хорошему описанію гигантскихъ сооружений колодцевъ, которые замѣняютъ оазисы и служатъ одновременно убѣжищемъ и маяками для путниковъ. Третья хотя и очень коротка, но даетъ красивое, граціозное описаніе родника въ пустынѣ.

Балтійскій бассейнъ начинается статью «Литва», и эта статья даетъ нѣ-

которое представленіе объ одномъ изъ не славянскихъ народовъ. Жаль только, что удѣлено больше мѣста исторіи народа, нежели описанію бытовой его стороны. Изъ статьи «Прибалтійскій край» можно довольно подробно познакомиться съ вѣстами и латышами. Слѣдующая за нею «Слезы деревьевъ» попала, вѣроятно, по недоразумѣнію, такъ какъ тяжела и недоступна какъ по языку, такъ и по содержанію (трактуетъ о происхожденіи янтаря). Указанныя три статьи могутъ считаться слабыми, за-то остальные, касающіяся Финляндіи, прекрасны: онѣ даютъ полное вѣрное представленіе о суровой природѣ Финляндіи, знакомятъ съ домашней трудовой жизнью финновъ и съ относительно высокой культурой ихъ; рисуютъ и трудности, которыя приходится претерпѣвать земледѣльцу; упорную борьбу съ природой за свое существованіе, которое оставалось-бы жалкимъ, если-бы не трудолюбіе, выносливость и терпѣніе финна.

Бассейнъ Сѣвернаго Ледовитаго океана не оставляетъ желать ничего лучшаго; тутъ всѣ статьи одинаково хороши. «Въ лѣсахъ Архангельской губерніи» очень подробно, занимательно и, должно быть, вѣрно, рисуется положеніе охотника въ сѣверныхъ лѣсахъ, его сборы на охоту и ночевку въ лѣсу. «На тюленей» — прекрасный трогательный, рассказъ крестьянина. «Сорока» (прозвище крестьянина), побуждаемый нуждой, охотится на тюленей, подвергается страшной опасности быть застигнутымъ отливомъ; трогательно, какъ онъ въ минуту опасности припоминаетъ свои прегрѣшенія и кается въ обманѣ самоѣда. Эти статьи особенно цѣнны потому, что въ интересномъ изложеніи рисуютъ трудовую, сопряженную съ ежедневными лишениями, жизнь сѣверныхъ народовъ. «Сборъ кедровыхъ орѣховъ» занимательна уже тѣмъ, что знакомитъ съ способомъ сбора орѣховъ, до сихъ поръ мало извѣстномъ, хороша по изложенію. Прекрасна статья «Тунгусы и алеуты», ясно представляющая жизнь полудикихъ инородцевъ, которыхъ цивилизація почти не коснулась. Всѣ статьи, относящіяся къ бассейну Сѣвернаго Ледовитаго океана, очень интересны по содержанію и написаны такимъ доступнымъ языкомъ, что могутъ служить для самостоятельнаго чтенія.

Теперь остается сказать о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ всего географическаго отдѣла. Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ этого отдѣла можно считать блѣдное знакомство съ Крымомъ и Кавказомъ, да слишкомъ большое количество статей, отведенныхъ лѣсу, къ тому-же переполненныхъ лишними трудностями, благодаря которымъ ихъ нельзя давать ученикамъ безъ предварительной разработки въ классѣ. Но отрицательныя стороны этого отдѣла съ избыткомъ искупаются его крупными достоинствами. Результатомъ прохожденія этого отдѣла получаютъ реальныя знанія: знакомство съ Волгой, Днѣпромъ, Сѣвернымъ океаномъ, съ непроходимыми лѣсами, болотами, обширными степями, съ богатствомъ Уральскихъ горъ, съ жизнью, промысломъ и бытомъ великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ и др., со степенью культуры инородцевъ. Полнота, разнообра-

зіе и богатство матеріала, систематичность плана—все вмѣстѣ способствуетъ полному и вѣрному представленію о родинѣ. Намъ остается сказать объ одной отрицательной сторонѣ книги, о которой не упомянуто выше, а именно указать на отсутствие статей по міровѣдѣнію, а онѣ желательны, и вотъ почему. Признавая, что въ начальной школѣ въ основаніи географическаго отдѣла должно лежать знакомство съ родиной, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ довольствоваться этимъ, а должно стремиться дать толчокъ любознательности, открыть кругозоръ, показать, что за предѣлами родины существуетъ нѣчто бѣльшее, необъятное—вселенная. Скажутъ, что тогда количество матеріала, и безъ того обширнаго, еще расширится, но чтобы избѣжать увеличенія объема географическаго отдѣла, можно нѣсколько статей исключить совершенно, какъ, напр., статьи «Объ огородѣ и садѣ», «О деревнѣ и городѣ», «О хлѣбопашествѣ», «Слезы деревьевъ» и нѣкоторыя статьи изъ описаній Кавказа и зѣса.

Историческій отдѣлъ знакомитъ съ важнѣйшими событіями изъ исторіи русскаго государства и съ замѣчательными историческими личностями. Начинается этотъ отдѣлъ разсказомъ о призваніи князей и кончается реформами Александра II.

Первая статья этого отдѣла «Призваніе князей» изложена очень сухо, отрывисто, начинается слѣдующими словами: «Варяги наложили дань на ильменскихъ славянъ, на кривичей и на сосѣднія финскія племена и властвовали, какъ хотѣли. Тяжело показалось славянамъ и прогнази они варяговъ». Очевидно, что, прежде чтенія этой статьи, надо познакомить дѣтей со славянами, что составитель этой книги дѣлалъ въ прежнихъ двухъ изданіяхъ. Почему въ третьемъ изданіи онъ перенесъ статьи, знакомящія съ бытомъ, нравами и религіей славянъ во 2-й годъ «Вешнихъ всходовъ», — непонятно. Начинать исторію въ среднемъ отдѣленіи еще рано, а отсутствие этихъ статей въ 3-й книгѣ составляетъ существенный пробѣлъ въ историческомъ отдѣлѣ этой книги, тѣмъ болѣе, что не всѣ, которые пожелають пользоваться 3-мъ голомъ «Вешнихъ всходовъ», введутъ у себя и 2-й годъ. За «Призваніемъ князей» идутъ статьи «Вѣщій Олегъ» и «Княгиня Ольга», также изложенныя сухо, отрывисто, тяжелымъ языкомъ. Ужъ если знакомить дѣтей съ такими легендарными личностями, какъ Олегъ и Ольга, то и надо представить ихъ живо и ярко, со всѣми сказаніями, какія сохранились о нихъ, иначе они будутъ не характерны и не интересны для дѣтей.

Въ книгѣ «Вешніе всходы» Ольга изображена только, какъ христіанка, отчего получается очень тусклый образъ. Какъ христіанка, Ольга можетъ быть оцѣнена только тогда, если въ параллель ей предпослать жестокій образъ Ольги-язычницы, съ ея кровавой местию древлянамъ. Въ статью «Князь Владиміръ» вставленъ совершенно лишній для дѣтской книги эпизодъ о расправѣ князя Владиміра съ полоцкимъ княземъ, о томъ, какъ онъ силой взялъ себѣ въ жены его дочь, красавицу Рогнеду, и затѣмъ ее

прогналъ,—и ни слова не говорится о томъ, какъ задумалъ Владиміръ перемѣнить вѣру, какъ приходили къ нему послы изъ разныхъ странъ съ предложеніемъ своей вѣры и какъ онъ посылалъ старѣйшинъ узнавать, какая вѣра лучше. Статья «Татарскій погромъ» даетъ также очень блѣдную картинку этого страшнаго бѣдствія, обрушившагося на Россію. Разсказъ сухъ, отрывоченъ, похожъ на конспектъ. Такого-же характера статья «Мининъ и Пожарскій» и «Избраніе Михаила Оеодоровича». Последняя статья, хотя и содержательна, но изложена очень труднымъ, совсѣмъ лѣтописнымъ языкомъ. Объ Иванѣ Сусанинѣ не упоминается совсѣмъ, между тѣмъ какъ разсказъ о немъ всегда читается дѣтьми съ любовью и большимъ интересомъ.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, касающихся трудности и сухости изложенія, нѣкоторыя статьи страдаютъ еще и неполнотою изложенія и отсутствіемъ связи съ предыдущими статьями. Такъ, послѣ статей «Расколъ въ православной церкви» и «Темнота и просвѣщеніе» (кстати сказать: очень хорошей по мысли, но также трудной по изложенію: въ ней приводятся причины темноты въ древней Руси и указывается начало просвѣщенія) идетъ статья «Сборы за границу», начинающаяся такъ: «Видѣлъ Петръ, какъ много накопилось всякаго неотложнаго дѣла въ Россіи: нужно строить флотъ по новому, устранивать войско и т. д.» Какой Петръ, кто такой онъ—изъ предыдущаго неизвѣстно. Отчего его не назвать царь Петръ Алексѣевичъ, чтобы хоть нѣсколько связать эту статью со статьей о расколѣ, гдѣ вспоминается про царя Алексѣя Михайловича?... Такого-же рода неполнотою и отсутствіемъ связи съ предыдущимъ страдаютъ статьи «Александръ Невскій» и «Освобожденіе крестьянъ» (последняя помѣщена вслѣдъ за войной 12-го года) и нѣкоторыя другія. Эта неполнота въ изложеніи лишаетъ возможности дать дѣтямъ нѣкоторыя, даже и доступныя по содержанію, статьи для самостоятельнаго чтенія... Не понятно, почему составитель книги не счелъ нужнымъ ни слова упомянуть о дѣтствѣ Петра, такомъ интересномъ и такъ много уясняющемъ въ характерѣ этого великаго государя, тогда какъ реформамъ Петра отводитъ ужъ слишкомъ много, для дѣтской книги, мѣста, упоминая даже объ устройствѣ суда и управленія и церковномъ устройствѣ. Статьи «Устройство суда и управленія» и «Церковное устройство» по своему содержанію совсѣмъ недоступны дѣтямъ возраста начальной школы, и безъ всякаго ущерба для книги могли-бы быть выпущены. Легко могла-бы обойтись книга и безъ статьи «Наказъ Екатерины II», также совсѣмъ недоступной дѣтямъ, и безъ длиннаго и труднаго разсказа «О митрополитѣ Петрѣ и Иванѣ Калитѣ». О последнемъ, какъ о первомъ собирателѣ земли русской, достаточно было-бы сказать нѣсколько словъ въ статьѣ о Димитріи Донскомъ. Далѣе, не стоитъ упоминанія и «Тушинскій воръ», излишняя статья о присоединеніи Малороссіи, въ которой надо прежде разсказывать о томъ, какъ Малороссія отпала отъ Россіи, такъ какъ изъ предшествую-

щихъ разсказовъ это событіе остается неизвѣстнымъ дѣтямъ. Излишни въ книгѣ для начальной школы и такого характера статьи, какъ «князь Меншиковъ» и «Екатерина I» (послѣдняя подъ страннымъ заглавіемъ: «Отъ хижины до императорскаго дома»). Чему хорошему можетъ научить дѣтей статья о Меншиковѣ, въ которой трактуется только о слѣпомъ счастьѣ, выпавшемъ на его долю и доводящемъ его до перваго мѣста въ государствѣ, безъ особенныхъ достоинствъ и заслугъ съ его стороны. И онъ сохраняетъ это мѣсто до смерти Петра I и Екатерины I, не смотря на свои великіе пороки (подлинное выраженіе разсказа, съ перечисленіемъ пороковъ). Статья заканчивается паденіемъ Меншикова и его ссылкой, причемъ о его нравственномъ перерожденіи въ ссылкѣ, которое могло-бы хоть нѣсколько примирить съ его личностью, упоминается только вскользь. Тотъ-же слѣпой случай играетъ главную роль и въ разсказѣ объ Екатеринѣ I. Въ этой статьѣ слишкомъ много говорится о красотѣ Екатерины, о любви къ ней Петра, объ исключительномъ вліяніи ея на Петра, а такіа выраженія, какъ «Петръ засыпалъ на груди супруги часа на три и просыпался бодрымъ и свѣжимъ», или «Екатерина была любимое дитя его сердца», и совсѣмъ неумѣстны въ дѣтской книгѣ для класснаго чтенія.

Вообще непонятно, чѣмъ руководился въ своемъ планѣ составитель книги, упоминая объ Иванѣ Калитѣ и Тушинскомъ ворѣ, но ни слова не говоря объ Иванѣ III и уничтоженіи татарскаго ига, или, повѣствуя объ Ольгѣ, Олегѣ, Мовомахѣ, о церковномъ устроеніи Петра I и—пропуская совсѣмъ о Николаѣ I и севастопольской оборонѣ, или, наконецъ, подробно разсказывая объ Екатеринѣ I и Меншиковѣ, вспоминая даже объ ихъ дѣтствѣ, и—ни словомъ не вспоминая о дѣтствѣ Петра I и Александра II.

Къ упомянутымъ выше недостаткамъ надо еще отнести и вообще трудную форму изложенія во многихъ и изъ остальныхъ разсказовъ. Составитель книги какъ-бы забываетъ степень развитія и возрастъ тѣхъ дѣтей, для которыхъ назначается его книга, и допускаетъ иногда выраженія, доступныя только взрослымъ, какъ, напр.: «Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю (?) святымъ крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словесами сердца людей крещеныхъ», или другое: «Всю свою жизнь Потемкинъ мечталъ сокрушить мусульманскій міръ на востокѣ Европы и воскресить къ новой жизни племена христіанскія».

Жаль также, что этотъ отдѣлъ, какъ и географическій, совсѣмъ не иллюстрированъ. Картины или даже портреты историческихъ личностей вносятъ много оживленія и облегчаютъ работу. Самыя лучшія описанія не дадутъ юнымъ читателямъ нагляднаго представленія, если ихъ не будутъ сопровождать рисунки.

Не смотря на отмѣченные недостатки, все-таки историческій отдѣлъ, хотя и выраженный слабѣе другихъ отдѣловъ этой книги, имѣетъ много достоинствъ: онъ богатъ (56 статей на 95 стр.), сравнительно систематиченъ,

имѣеть много прекрасныхъ статей, интересныхъ по содержанію, простыхъ и живыхъ по изложенію и вполне знакомящихъ съ тѣми событіями и личностями, о которыхъ въ нихъ упоминается. Къ такого рода статьямъ можно отнести слѣдующія: «Преподобный Сергій Радонежскій», «Мамаево побоище», «Св. митрополитъ Филиппъ», «Гражданскія доблести Троицкой Лавры», «Завоеваніе береговъ Балтійскаго моря», «Отечественная война» и многія другія. А такія статьи, какъ «Просвѣщеніе и нравственность», «Начало книгопечатанія въ Москвѣ», «Діаконъ Иванъ Федоровъ», «Расколъ въ православной церкви», «Прикрѣпленіе сословій», «Освобожденіе крестьянъ», «Великій долгъ», и положительно хороши и, можно сказать, оригинальны, такъ какъ въ другихъ книгахъ подобнаго рода статей не встрѣчается. Всѣ онѣ изложены живо, интересно и съ достаточной полнотой знакомятъ съ важнѣйшими событіями нашей исторіи, которыя такъ сильно отразились въ нашей народной жизни. Статьи же «Просвѣщеніе и нравственность» и «Великій долгъ», кромѣ того, очень хороши и по идеѣ: въ первой изъ нихъ говорится о великой силѣ и великомъ благѣ, которыя несетъ за собою просвѣщеніе, а во второй—о «великомъ долгѣ» передъ родиной, о которомъ долженъ помнить каждый человѣкъ и выплачивать этотъ долгъ, по мѣрѣ своихъ силъ, трудомъ на пользу родины, на пользу будущихъ поколѣній. Статьею «Великій долгъ» и заканчивается историческій отдѣлъ этой книги и, какъ заключительная статья историческаго отдѣла, она тѣмъ болѣе хороша и важна по идеѣ.

Цѣль историческаго отдѣла въ начальной школѣ—не только познакомить дѣтей, насколько возможно и доступно въ ихъ возрастѣ, съ исторіей ихъ отечества, но и заинтересовать ихъ этой исторіей, заставить полюбить истинной, дѣятельной любовью свою родину, т. е. такую любовь, которая побуждала-бы человѣка что-нибудь сдѣлать для блага своей родины. Съ этою цѣлью приводится рядъ личностей, которые всю жизнь трудились на пользу родины, а иные даже не жалѣли своей жизни, чтобы сдѣлать свое отечество болѣе сильнымъ, славнымъ, просвѣщеннымъ, свободнымъ. Но,—скажутъ дѣти, знакомясь съ этими личностями,—вѣдь это все были государи, князья, митрополиты, у нихъ были власть, сила, деньги, имъ не трудно было быть полезными родинѣ, а какъ и чѣмъ мы-то, бѣдные, не знатные, можемъ доказать и проявить любовь свою къ родинѣ?! Вотъ въ статьѣ «Великій долгъ» и проводится мысль, что всякій человѣкъ, какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ и слабъ, можетъ быть полезенъ своей родинѣ, что всякій, получившій какое-нибудь знаніе и научившій этому другого совѣтъ темнаго человѣка, уже приноситъ пользу своей родинѣ, всякій, познакомившійся въ школѣ съ другимъ, болѣе честнымъ, мягкимъ, гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ и старающійся внести эти взгляды въ свою среду, уже исполняетъ свой долгъ передъ отечествомъ. Такія идеи школа должна развивать въ дѣтяхъ, въ такихъ идеяхъ ея сила.

Последній отдѣлъ въ книгѣ не имѣеть названія, но по содержанію статей, какъ уже было сказано раньше, можетъ быть причисленъ къ отдѣлу міровѣдѣнія. Въ немъ помѣщены рассказы изъ міра животныхъ, растеній, о воздухѣ, объ источникахъ тепла и даже о микробахъ или живыхъ пылинкахъ. Статьи въ этомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 26-ти стран., хотя и расположены безъ системы, но почти всѣ хороши и интересны. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., «Годъ изъ жизни дерева», «Съятеля лѣса» и др., могутъ служить повторительными для тѣхъ, кто велъ преподаваніе въ среднемъ отдѣленіи по «Вешнимъ всходамъ» годъ 2-й, другія-же, какъ, напр., «Живыя пылинки», «Шмели и клеверъ», «Торфяное болото» и др., даютъ совершенно новыя свѣдѣнія. Заканчивается этотъ отдѣлъ слѣдующими интересными обобщающими статьями: «Силы природы и силы человѣка», гдѣ инстинкту животныхъ противоплагается разумъ человѣка. и «Вѣковѣчное движеніе», въ которой проводится мысль, что жизнь состоитъ въ вѣчномъ обновленіи, въ постоянномъ движеніи впередъ, и что, напротивъ, покой, бездѣйствіе ведутъ къ смерти, физической и нравственной.

По степени трудности статей встрѣчается большая непослѣдовательность въ расположеніи матеріала: такъ, послѣ трудныхъ и очень серьезныхъ статей, какъ «Съятеля лѣса», «Торфяное болото», идутъ такія легкія, какъ «Шуба грѣетъ человѣка», «Дурной воздухъ» и другія статьи Л. Толстого, доступныя дѣтямъ и средняго отдѣленія.

Какой-же общій выводъ можно сдѣлать о третьей книгѣ «Вешнихъ всходовъ»? Эта книга, какъ по богатству, достоинству и разнообразію своего матеріала, такъ и по направленію, не преслѣдующему узко-утилитарныхъ цѣлей и не дающему готовой морали, можетъ быть названа лучшей изъ 3-хъ книгъ «Вешнихъ всходовъ» и составляетъ цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу. Она доступна для дѣтей старшаго отдѣленія начальной школы, хотя и потребуетъ усиленной работы, такъ какъ рассчитана скорѣе на два года, а не на одинъ.

Чтобы еще больше увеличить достоинство книги, необходимо иллюстрировать ея историческій и географическій отдѣлы картами и картинами на счетъ отмѣченныхъ статей, составляющихъ или балластъ, или прямо нежелательныхъ по своему содержанію, затѣмъ, упростить языкъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ географическаго и особенно историческаго отдѣловъ, наконецъ, уничтожить многочисленныя печатки.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ.

1) Необходимость улучшенія подготовки учителя.—2) Лѣтніе курсы при университетѣ Гены.—3) Программы лѣтнихъ курсовъ для учителей въ Грейфсвальдѣ и Боннѣ и каникулярные курсы французскаго языка въ Женевѣ.

Возрастающее значеніе роли народнаго учителя, измѣненіе социальнаго положенія народной массы, развитіе стремленія къ знанію въ рабочемъ классѣ—все эти условія современной жизни заставляютъ все повышать требованія, предъявляемыя къ народному учителю и вмѣстѣ съ тѣмъ требованія къ улучшенію его подготовки, какъ общеобразовательной, такъ и специальной.

Вопросъ о недостаточной подготовкѣ народныхъ учителей и о необходимости реорганизациі современныхъ учительскихъ семинарій выдвинутъ въ Германіи,—въ странѣ, гдѣ «школьный учитель» давно уже признается важнымъ общественнымъ дѣятелемъ, имѣющимъ вліяніе на жизнь страны, до побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ включительно.

На общегерманскомъ учительскомъ съѣздѣ въ Бреславлѣ былъ внесенъ профессоромъ Рейномъ рефератъ о необходимости измѣненія и улучшенія способа подготовки народныхъ учителей. Въ «Neue Bahnen» за январь и февраль 1899 года и въ «Revue pedag.» за апрѣль приведенъ отчетъ о засѣданіи, на которомъ обсуждался этотъ вопросъ. Указавъ на то, что за 25 лѣтъ въ дѣлѣ подготовки учителей не было сдѣлано ни шага впередъ, тогда какъ за эти четверть вѣка въ социальномъ и экономическомъ отношеніи страна все развивалась, развивались и запросы народа; напомнивъ, что народное образованіе должно идти рука-объ-руку съ образованіемъ учителя,—референтъ доказывалъ, что образованіе, получаемое народнымъ учителемъ, уже не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Въ протестантскихъ странахъ чѣмъ болѣе народъ выходитъ изъ подъ вліянія духовенства, тѣмъ болѣе учителю приходится замѣнять пастыря, имѣть нравственное вліяніе и значеніе. Но этого значенія учителя, болѣею частью, имѣть не могутъ, получая только полуобразованіе. Для того, чтобы учитель могъ занять подобающее мѣсто, необходимо, во-1-хъ, улучшить его матеріальное положеніе, а во-2-хъ, повысить его образованіе. Первымъ условіемъ для достиженія послѣдней цѣли Рейнъ ставитъ отдѣленіе общаго образованія отъ специально-педагогическаго, которое одно только и должно даваться въ учительскихъ семинаріяхъ. Необходимо требовать отъ будущаго учителя, кромѣ прохожденія 8-ми-лѣтняго курса народнаго школы, еще окон-

чавія курса въ высшемъ реальномъ училищѣ, при которомъ для желающихъ поступить въ семинарію должны быть устроены подготовительные трехлѣтніе курсы. Подготовительныя къ семинаріи училища, существующія въ настоящее время, должны быть преобразованы въ 4-хъ-классныя высшія городскія, въ которыя могли-бы поступать ученики, окончившіе курсъ въ сельскихъ школахъ Референтъ особенно настаиваетъ на желательности рекрутирования народныхъ учителей изъ крестьянской среды.

Улучшивъ общеобразовательную подготовку вступающихъ въ учительскія семинаріи, возможно будетъ придать этимъ институтамъ болѣе серьезный, специально педагогическій характеръ, ввести болѣе широкое изученіе педагогическихъ наукъ, освободивъ семинаріи отъ того балласта, которымъ они теперь нагружены въ видахъ пополненія общаго образованія учениковъ. Въ настоящее время въ учительскихъ семинаріяхъ Пруссіи, напр., на общеобразовательные предметы отводится 28 часовъ въ недѣлю въ третьемъ классѣ, 27—во второмъ и 16—въ первомъ; тогда какъ педагогикѣ удѣляется 2 часа въ третьемъ классѣ, 3 часа—во 2-мъ и 7—въ первомъ.

Собраніе согласилось съ главными положеніями реферата и признала, во-1-хъ, необходимость реформы въ дѣлѣ образованія учителей и, во-2-хъ, необходимость отдѣленія общеобразовательныхъ курсовъ отъ специально-педагогическихъ, причемъ предлагались различныя мѣры для примѣненія на практикѣ послѣдняго положенія.

Пока, однако, состоится реформа, желательно, чтобы учителя имѣли возможность пополнять свое общее образованіе. Рейнгъ предлагаетъ, чтобы учителя были допущены къ слушанію лекцій въ университетѣ, какъ это уже и ведется въ Саксоніи. Пока-же въ Берлинѣ для пополненія образованія нар. учителя организованы дополнительные курсы—«Fortbildungskursen», которые предназначаются для учителей, «особенно успѣвающихъ въ исполненіи своихъ обязанностей и выражающихъ желаніе пополнить свое образованіе». Эти курсы были организованы въ 1896—1897 учебномъ году; первый сезонъ продолжался только четыре мѣсяца, причемъ слушателей на курсахъ было только 24; въ настоящее время число слушателей возрасло до 40, а продолжительность курсовъ увеличилась до 6-ти мѣсяцевъ. Слушатели выбираютъ между лучшими учителями всего государства, отправляются на казенный счетъ и получаютъ стипендію, не менѣе 125 марокъ въ мѣсяцъ. Предметы преподаванія на курсахъ слѣдующіе: педагогика, исторія, гигиена и физика. Подобныя курсы были учреждены и при университетахъ Іены, Марбурга и Грейфсвальда. При этихъ университетскихъ городахъ организуются лѣтніе курсы, на которые желающіе—не только нѣмцы, но и иностранцы имѣютъ свободный доступъ; главный контингентъ слушателей этихъ курсовъ составляютъ народные учителя и учительницы.

Въ «Journal of Education» помѣщена интересная статья, посвященная лѣтнимъ курсамъ при Іенскомъ университетѣ. Английскій слушатель курсовъ, какъ иностранецъ, конечно, съ большимъ интересомъ относится ко всѣмъ подробностямъ жизни учрежденія и съ большимъ увлеченіемъ говоритъ о курсахъ. Онъ удивляется, что его соотечественники, такъ любящіе путешествовать, сравнительно мало посѣщаютъ лѣтніе курсы, устраиваемые въ различныхъ университетскихъ городахъ Франціи и Германіи.

Даже человѣку, путешествующему просто съ цѣлью познакомиться съ чужой страной, шесть недѣль, проведенныя въ городѣ, представляющемъ одинъ изъ умственныхъ центровъ, дадутъ больше, нежели бѣглый осмотръ многихъ го-

родовъ и мѣстечекъ съ краткими остановками въ отеляхъ. Для человѣка-же, желающаго пополнить свое образованіе, подобныя вполнѣ систематическіе курсы, на которыхъ читаютъ лучшіе профессора университета, представляютъ громадный интересъ и значеніе. Особенно интересны курсы при университетѣ Гены, одномъ изъ главныхъ образовательныхъ центровъ.

Громаднымъ удобствомъ для небогатыхъ слушателей является дешевизна жизни въ этомъ университетскомъ городѣ,—дешевизна, по мнѣнію англичанина «невѣроятная»: мѣсячное содержаніе, т.-е. помѣщеніе на полномъ пансіонѣ, обходится менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ.

Лекціи ведутся подъ наблюденіемъ педагогической семинаріи, директоромъ которой состоитъ профессоръ Рейнъ, такъ ратующій за расширеніе образованія учителя. Курсы предназначаются преимущественно для учителей, какъ начальныхъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но представляютъ собою интересъ и не для спеціалистовъ. Для школьныхъ-же учителей курсы представляютъ особенный интересъ еще тѣмъ, что привлекаютъ къ себѣ представителей ихъ профессіи изъ самыхъ различныхъ странъ. Такъ, въ описываемый годъ слушатели по національностямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: нѣмцы—46 мужч. и 17 женщ.; англичане—15 мужч. и 11 женщ.; американцы—3 мужч. и 11 женщ.; шведы—3 мужч. и 16 женщ.; норвежцы—4 мужч. и 2 женщ.; финляндцы—2 мужч. и 3 женщ.; голландцы—3 мужч. и 1 женщ.; венгры—3 мужч.; румыны—2 мужч.; одна русская, одинъ итальянецъ, одинъ швейцарецъ и два слушателя изъ Гавайи. Самое интересное смѣшеніе народностей и возрастовъ! Какъ и всегда въ такой обстановкѣ, завязывались дружескія отношенія, происходилъ горячій обмѣнъ мыслей, тѣмъ болѣе, что, кромѣ лекцій, способствуютъ такому сближенію всевозможныя собранія—конференціи, концерты и т. п. По воскреснымъ днямъ совершаются общія прогулки по окрестностямъ, посѣщенія школъ и другихъ учрежденій города. Профессора, ихъ жены и дочери принимаютъ усердное участіе въ устройствѣ этихъ развлеченій и много способствуютъ сближенію разнородныхъ слушателей.

Несмотря на разнообразныя развлеченія, работа на курсахъ идетъ серьезная и занятій много. Большинство слушало ежедневно отъ 5-ти до 6-ти лекцій. Лекціи распадалась на 3 группы: 1) научный курсъ для учителей этихъ предметовъ въ высшихъ школахъ; 2) спеціально-педагогическій курсъ для лицъ, интересующихся вопросами воспитанія вообще и 3) общеобразовательный курсъ, включавшій лекціи по религіознымъ, философскимъ и литературнымъ вопросамъ, трактованнымъ широко и вмѣстѣ съ тѣмъ доступно. Кромѣ того, организовались еще курсы нѣмецкаго языка для лицъ, не достаточно владѣющихъ этимъ языкомъ и затруднявшихся при слушаніи лекцій на этомъ языкѣ.

Самыми значительными и представлявшими наибольшій интересъ авторъ считаетъ лекціи самого профессора Рейна по педагогикѣ. Онъ съ увлеченіемъ отзывался о лекторѣ, какъ о широко-образованномъ и гуманномъ человѣкѣ, педагогическія теоріи котораго поражаютъ своей полнотой и систематичностью, при полномъ отсутствіи какъ фразы, такъ и педантизма. Единственнымъ недостаткомъ представляется автору статьи необыкновенный оптимизмъ профессора, его увѣренность въ возможности достиженія громадныхъ результатовъ посредствомъ вліянія школы на человѣчество.

Подобныя лѣтніе курсы для учащихъ устраиваются во многихъ городахъ Германіи. Въ майской книжкѣ «Weibliche Zeitung» помѣщена про-

грамма курсовъ въ Грейфсвальдѣ и Боннѣ. Грейфсвальдскіе курсы продолжаются отъ 10-го до 28-го іюля. Къ слушанію лекцій допускаются и мужчины, и женщины, преимущественно учителя и учительницы, желающіе пополнить или возобновить свои познанія. На эти курсы допускаются также и иностранцы. Лекціи читаются ежедневно, и только до обѣда, чтобы удѣлить время на малочисленные практическія упражненія. Программа курсовъ этого года была слѣдующая:

1) Строеіе и дѣятельность органовъ рѣчи. 2) Основанія фонетики и ученіе о произношеніи въ связи съ практическими упражненіями. 3) Отдѣлъ ново-нѣмецкаго синтаксиса (предлоги). 4) Гете (до 1775 г.). 5) Баллады Шиллера. 6) Обзоръ новѣйшей нѣмецкой литературы. 7) Упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для иностранцевъ. 8) Взглядъ на исторію англійскаго языка. 9) Прежнее и современное направленіе въ англійской литературѣ. 10) Лирическая поэзія во Франціи въ XIX вѣкѣ. II. Упражненія въ разговорномъ французскомъ языкѣ. 12) О притчахъ Христа. 13) Педагогика. 14) Мѣсто, которое должна занимать исторія культуры и народнаго хозяйства въ наукѣ и въ преподаваніи. 15) Время Августовъ. 16) Исторія развитія Пруссіи. 17) Избранные отдѣлы физической географіи. Географическія экскурсіи. 18) Чтенія по электричеству и магнетизму, сопровождаемыя опытами. 19) Упражненія въ употребленіи физическихъ приборовъ для производства опытовъ при обученіи. 20) Внутреннее строеіе растенія съ микроскопическими демонстраціями. 21) Замѣчательныя явленія въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Отдѣльные занятія нѣмецкимъ языкомъ для иностранцевъ.

Кромѣ лекцій, слушатели имѣютъ право посѣщать университетскіе музеи, различные институты. Лекціи читаются профессорами университета. Билетъ на посѣщеніе всѣхъ курсовъ и практическихъ упражненій стоитъ 20 марокъ, плата за входъ на отдѣльную лекцію—3 марки. За комнату съ полнымъ пансіономъ платится отъ 18 до 25 марокъ въ недѣлю. Адресоваться желающіе могутъ прямо на курсы, именно: «Fereinkursen Greifswald».

Эти курсы предназначаются для слушателей обоюго пола; курсы-же въ Боннѣ, продолжающіеся отъ 7-го до 19-го августа допускаютъ исключительно учительницъ. Вотъ программа этихъ послѣднихъ курсовъ:

1. Профессоръ Эрманиъ. 10 лекцій. Введеніе въ современную философію. Понятіе о философіи. Историческія условія развитія философіи съ 1830 г. Характеристика направленія современной философіи.

2. Профессоръ Готхейнъ. 10 лекцій. Объ эпохѣ возрожденія въ Италіи.

3. Профессоръ Лешке. 6 лекцій. О нѣмецкихъ художникахъ (Ванъ-Эйкъ, Альбрехтъ Дюреръ, Гансъ Гольбейнъ и Рембрандтъ). Обзоръ художественныхъ произведеній для небольшого кружка наиболѣе образованныхъ учительницъ.

4. Профессоръ Нолль. 10 лекцій по ботаникѣ.

5. Профессоръ Райфъ. 10 лекцій. Введеніе въ исторію земли.

Издѣсь, какъ въ Грейфсвальдѣ, устраиваются экскурсіи по окрестностямъ. Плата за слушаніе та-же самая; полный пансіонъ—отъ 3-хъ до 4-хъ марокъ ежедневно.

Въ февральской книжкѣ «Revue internationale» помѣщена статья о курсахъ французскаго языка для иностранцевъ при Женевскомъ университетѣ. Курсы эти были основаны въ 1892 году; по примѣру ихъ, въ 1894 году обществомъ «Alliance française» были организованы подобныя-же курсы въ Парижѣ, затѣмъ, въ 1895 году, въ Лозаннѣ, въ 1896 году въ Нанси, Невшателѣ и Греноблѣ. Женевскіе курсы отличаются отъ парижскихъ тѣмъ,

что въ число слушателей допускаются не всѣ желающіе, а только слѣдующія лица: 1) студенты какого-либо университета, 2) директора и учителя общественныхъ школъ, 3) учительницы какихъ-либо общественныхъ школъ, рекомендованныя школьнымъ начальствомъ. Въ этомъ году на курсахъ было 222 слушателя, въ томъ числѣ 100 женщинъ. По роду занятій они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній—47, начальныхъ школъ—35, студентовъ—40, учительницъ—88, студентокъ—12. Что-же касается до національностей, то больше всего было нѣмцевъ—144, затѣмъ швейцарцевъ—16. Русскихъ на курсахъ было 9 человекъ. Затѣмъ были представители различныхъ государствъ Европы, 8 американцевъ и 1 египтянинъ. Плата за полный курсъ (66 уроковъ и, кромѣ того, конференціи)—40 франковъ. За отдѣльныя занятія—исправление письменныхъ работъ, уроки разговорнаго языка—прибавляется по 5 франковъ, такъ что и съ этими добавочными занятіями плата не превышаетъ 50-ти франковъ. Что-же касается до условій жизни, то можно устроиться въ приданномъ пансіонѣ за 100 или 120 франковъ. Курсы продолжаются 6 недель, съ 16-го іюля по конецъ августа,—время, очень удобное для слушателей, на которое разсчитаны курсы, такъ какъ это время повсюду ваканціи. Директоромъ курсовъ состоитъ профессоръ Bernard Bouvier, который руководить общимъ ходомъ дѣла и самъ читаетъ лекціи; кромѣ него, на курсахъ читаютъ 6 приватъ-доцентовъ. Чтеніе лекцій происходитъ ежедневно, отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра. Это распредѣленіе часовъ слушатели находятъ чрезвычайно удобнымъ, такъ какъ у нихъ остается свободнымъ весь день послѣ 12-ти часовъ для самостоятельныхъ занятій, прогулокъ, посѣщенія достопримѣчательностей. Только особыя конференціи назначаются иногда въ 4 ч. Въ субботу лекцій не бываетъ; въ этотъ день большею частью устраиваются общія экскурсіи съ географическими, историческими и другими научными цѣлями. Подобныя экскурсіи обыкновенно устраиваются очень экономно и доставляютъ вмѣстѣ съ пользой большое удовольствіе.

Занятія состоятъ изъ чтенія лекцій и практическихъ упражненій. Распредѣлены занятія слѣдующимъ образомъ:

Уроки французской литературы.....	12 часовъ.
Чтеніе съ объясненіями.....	6 >
Методика преподаванія французскаго языка.....	12 >
Импровизаціи и бесѣды.....	12 >
Стилистика.....	6 >
Синтаксисъ.....	6 >
Уроки произношенія и дикціи.....	12 >

Итого... 66 часовъ.

Характеръ преподаванія практической; особенно много вниманія обращается на бесѣды, причѣмъ одинъ изъ слушателей представляетъ нѣчто въ родѣ реферата, который обсуждается его товарищами.

Кромѣ этихъ обязательныхъ курсовъ, иногда читаются случайныя лекціи; такъ, въ прошломъ году одинъ профессоръ читалъ лекціи по физикѣ и естественной исторіи; другой, по желанію слушателей, познакомилъ ихъ съ французскимъ историкомъ Мишле.

Кромѣ серьезныхъ конференцій, съ обсужденіемъ рефератовъ на опредѣленныя темы, бывають еще собранія для бесѣдъ—seances de conversation. Небольшая группа въ 10—12 человекъ собирается у руководителя кур-

совъ для упражненій въ простомъ разговорномъ языкѣ. По словамъ автора, курсы имѣютъ громаднѣй успѣхъ, который объясняется дешевизной. дающей возможность пользоваться слушаніемъ лекцій и небогатымъ учащимся, а также практическимъ характеромъ преподаванія, въ которомъ отводится большая доля для активнаго участія курсистовъ, и тѣсными связями, возникающими между руководителями курсовъ и учащимися, благодаря дѣленію послѣднихъ на небольшія группы.

Такіе лѣтніе курсы имѣютъ большое значеніе для учителей и учительницъ, такъ какъ даютъ имъ возможность, при сравнительно небольшихъ издержкахъ, пріятно провести каникулярное время, набраться новыхъ впечатлѣній, обмѣняться мыслями со своими собратьями по дѣлу не только изъ разныхъ государствъ Европы, но даже и другихъ частей свѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить свое образованіе, прослушавъ серьезный, болѣе или менѣе систематическій курсъ лекцій, читаемыхъ профессорами университета.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Изъ школьной жизни внѣ-земскихъ мѣстностей: министерская и церковно-приходская школы въ Юго-западномъ краѣ.—Изъ дѣятельности частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія: екатеринославская коммиссія народныхъ чтеній; Курское Общество содѣйствія народному образованію и его отдѣленіе въ Суджѣ; Ярославское Общество для содѣйствія народному образованію. — Изъ постановленій нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраній.

Недавно получилъ разрѣшеніе чрезвычайно любопытный вопросъ, касающійся собственно положенія народнаго образованія въ одной Волинской губерніи, но имѣющей важное принципиальное значеніе для всѣхъ мѣстностей, лишенныхъ до сихъ поръ земскихъ учрежденій. Какъ извѣстно, въ большинствѣ такихъ мѣстностей преобладаетъ населеніе инородческое и инновѣрческое. Между тѣмъ въ не-земскихъ губерніяхъ въ послѣднее десятилѣтіе принимались самыя широкія мѣропріятія къ распространенію школъ церковно-приходскаго типа, и въ то-же время число школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, оставалось или неподвижнымъ, или увеличивалось лишь крайне медленно. Уже не разъ въ официальныхъ документахъ, исходявшихъ отъ губернаторовъ, генераль-губернаторовъ и попечителей округовъ, указывалось на то, что инородческое и инновѣрческое населеніе обѣгаетъ церковно-приходскія школы, опасаясь ихъ нѣровноповѣднаго характера, и, за недостаткомъ свѣтскихъ школъ, вынуждено оставлять своихъ дѣтей безъ образованія, почему и возникаетъ настоятельная необходимость возможнаго увеличенія числа школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Особенно настоятельно проводили эту точку зрѣнія представители учебной и общей администраціи въ Юго-западномъ краѣ. Наибольшую энергію въ данномъ отношеніи проявило губернское начальство въ Волинской губерніи, между прочимъ признавшее необходимымъ внести въ губернскую земскую смѣту на трехлѣтіе съ 1899 года ежегодный кредитъ въ 46.760 руб. на учрежденіе и содержаніе 48 новыхъ министерскихъ училищъ. Къ соображеніямъ волинскаго губернскаго начальства по данному вопросу присоединились генераль-губернаторъ Юго-западнаго края и попечитель Киевскаго учебнаго округа. Однако особое совѣщаніе при Министерствѣ Финан-

совъ, разсматривавшее составленные губернскими начальствами не-земскихъ губерній проекты земскихъ смѣтъ, признало испрашиваемый кредитъ на новыя министерскія школы въ Волынской губерніи подлежащимъ исключенію изъ смѣты. Съ этимъ не согласилось Министерство Народнаго Просвѣщенія и продолжало настаивать на отпускѣ упомянутой суммы на открытіе новыхъ министерскихъ школъ въ Волынской губерніи. Дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній между двумя названными вѣдомствами привелъ къ тому, что и Министерство Финансовъ признало необходимымъ увеличить число министерскихъ школъ въ Волынской губерніи въ виду значительной численности инородческаго и инновѣрческаго населенія въ этой губерніи, причемъ, однако, расходъ на этотъ предметъ было рѣшено отнести не на земскія смѣты, а на общій государственный бюджетъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что положеніе, въ которомъ находится Волынская губернія и которое побудило принять на государственный счетъ расходъ на открытіе значительнаго числа новыхъ министерскихъ школъ, отнюдь не исключительное. Въ совершенно аналогичномъ положеніи находится большинство не-земскихъ губерній, такъ какъ въ большинствѣ ихъ населеніе инновѣрческое и инородческое, почему и содѣйствіе дѣлу народнаго образованія можетъ быть достигнуто только увеличеніемъ числа министерскихъ школъ. Соудѣйствіе въ этомъ отношеніи со стороны государственнаго казначейства въ одинаковой степени желательно какъ для Кавказа, такъ и для остальныхъ губерній Юго-западнаго края, какъ для губерній сѣверо-западныхъ, такъ и для восточныхъ не-земскихъ губерній и областей. Будемъ питать надежду, что разрѣшеніе даннаго вопроса для Волынской губерніи есть только первый шагъ въ разрѣшеніи общаго вопроса объ увеличеніи числа школъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ не-земскихъ мѣстностяхъ за счетъ государственнаго казначейства.

Въ нашемъ отечествѣ, къ чести нашей интеллигенціи, все большее и большее значеніе въ дѣлѣ распространенія въ средѣ народа просвѣщенія играетъ частная инициатива, почему мы такъ часто и отмѣчаемъ проявленія этой инициативы въ нашихъ хроникахъ. И на этотъ разъ мы остановимся на дѣятельности нѣсколькихъ просвѣдительныхъ обществъ, пользуясь ихъ недавно вышедшими отчетами. Начнемъ съ екатеринославской Комиссіи народныхъ чтеній, которая работаетъ уже 17-й годъ и мало-по-малу развила свою дѣятельность до весьма почтенныхъ размѣровъ. Комиссія эта возникла въ 1883 году при Екатеринославскомъ Обществѣ попеченія о женскомъ образованіи. Комиссія пережила въ первые годы своего существованія много тяжелыхъ минутъ. Средства были первоначально крайне ограничены; число лицъ, принимавшихъ участіе въ трудахъ Комиссіи, одно время упало ровно до двухъ и дѣятельность ея встрѣчала всякаго рода совершенно неожиданныя и ничѣмъ неоправдываемыя препятствія. Однако живое дѣло пережило всѣ испытанія, и мало-по-малу Комиссія стала на ноги и приобрѣла значительное число участниковъ. Въ 1889 году она стала въ сущности уже не придаткомъ къ Обществу попеченія о женскомъ образованіи, а самостоятельнымъ учрежденіемъ, и съ этого времени число ея членовъ стало быстро расти. Въ 1889 году въ составѣ Комиссіи насчитывалось всего 21 человекъ, въ 1891 году число членовъ возрасло до 100, въ 1895 г. ихъ было 318 и въ настоящее время до 600 (членомъ можетъ быть всякій, вносящій на нужды Комиссіи по 1 рублю). Съ увеличеніемъ числа членовъ увеличились и средства Комиссіи и расширилась ея дѣятельность. Въ 1895 году она владѣла уже ка-

питатомъ въ 9 тыс. рублей и могла приступить къ постройкѣ собственнаго зданія для народной аудиторіи. Полагаясь на сочувствіе общества, Коммиссія рѣшила приступить къ постройкѣ зданія, стоимость котораго во много разъ превосходила наличныя средства Коммиссіи. И дѣйствительно, она не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: городское управленіе отвело подъ аудиторію безплатно землю въ центрѣ города, а общество снабдило пожертвованіями, которыя дали возможность выстроить зданіе стоимостью въ 45 тыс. рублей,—прекрасную аудиторію, съ полнымъ устройствомъ сцены для народнаго театра, съ мебелировкой и электрическимъ освѣщеніемъ. Чтобы дать понятіе о самой дѣятельности Коммиссіи въ области постановки народныхъ чтеній и другихъ просвѣтительныхъ начинаній, приведемъ слѣдующія цифры, характеризующія эту дѣятельность въ послѣднемъ отчетномъ (1898—1899) году. Въ этомъ году Коммиссія располагала тремя аудиторіями—въ собственномъ домѣ въ центрѣ города и на двухъ окраинахъ—близъ желѣзнодорожнаго вокзала и возлѣ Брянскаго завода. Во всѣхъ трехъ аудиторіяхъ было въ теченіе сезона поставлено 63 чтенія, на которыхъ прочтаны 102 брошюры. На чтеніяхъ перебувало 18 тыс. взрослыхъ слушателей и 5 тыс. дѣтей. Въ среднемъ на каждомъ чтеніи присутствовало до 400 слушателей, а въ окраинныхъ аудиторіяхъ—даже 500 слушателей. На окраинныхъ чтеніяхъ присутствуютъ преимущественно желѣзнодорожныя и заводскія рабочіе, тогда какъ въ центральной аудиторіи—прислуга, ремесленники и ученики начальныхъ школѣ. Кромѣ народныхъ чтеній, Коммиссія устраивала публичныя лекціи и народные и школьныя спектакли. Лѣтомъ она организовала въ городскомъ саду показываніе на открытомъ воздухѣ туманныхъ картинъ съ объясненіями; на это зрѣлище стекались зрители тысячами. Затѣмъ, Коммиссія, имѣя въ своемъ распоряженіи до 3.000 картинъ, разсылала ихъ въ 29 пунктовъ виѣ Екатеринослава, взявъ лишь на покрытіе расходовъ на пересылку отъ 5 до 10 коп. за картину и снабжая народныя школы своими картинами безплатно. Наконецъ, Коммиссія имѣетъ еще народную библіотеку, о которой мы сообщаемъ свѣдѣнія въ хроникѣ народныхъ библіотекъ.

Какъ видно изъ передачи видовъ дѣятельности Екатеринославской коммиссіи народныхъ чтеній, она собственно уже переросла первоначальную программу своей дѣятельности, такъ что ей пора преобразоваться въ Общество для содѣйствія народному просвѣщенію вообще. Именно такое преобразование, къ выгодѣ для дѣла, произошло съ курскою коммиссіею народныхъ чтеній, которая въ маѣ 1898 года преобразована въ Общество содѣйствія народному образованію въ Курской губерніи. Общество это продолжаетъ завѣщанную ему Коммиссіею народныхъ чтеній дѣятельность по устройству послѣднихъ, и въ 1898—1899 году имѣло три собственныхъ аудиторіи въ Курскѣ и, кромѣ того, снабжало картинами для волшебнаго фонаря до 50 аудиторій и школѣ въ разныхъ уѣздахъ Курской губерніи. Въ настоящее время Общество возбуждено ходатайство о разрѣшеніи ему открыть собственныя аудиторіи въ 22 пунктахъ губерніи. Но въ настоящее время устройство народныхъ чтеній—только одна сторона дѣятельности Курскаго общества. Оно открыло недавно двѣ воскресныхъ школы—въ самомъ Курскѣ и въ слободѣ Ямской, Курскаго уѣзда. Затѣмъ Общество поставило себѣ цѣлью содѣйствовать возможно болѣе широкому распространенію народныхъ библіотекъ въ Курской губерніи и уже успѣло открыть до десятка такихъ библіотекъ. Далѣе Общество положило начало общедоступнымъ спектаклямъ въ Курскѣ, устраивало «дѣтскія утра», организовало въ Курскѣ публичныя лекціи. Обществомъ-же возбуждено хо-

датыйство о разрѣшеніи ему устроить книжныя склады въ Курскѣ и Бѣлгородѣ и организовать разносную книжную торговлю въ Курскѣ.

Курское Общество содѣйствія народному образованію имѣетъ право открывать въ уѣздахъ губерніи свои отдѣленія. Первое такое отдѣленіе недавно открыто въ Суджѣ. Отдѣленіе это уже успѣло устроить въ Суджѣ нѣсколько общедоступныхъ спектаклей, нѣсколько бесплатныхъ спектаклей для народа въ селеніяхъ, концертъ въ пользу бібліотеки мѣстной женской прогимназіи, спектакль въ пользу бесплатной народной бібліотеки-читальни при воскресной школѣ и, кромѣ того, оказать содѣйствіе устройству елокъ на Святкахъ для учениковъ начальныхъ школъ.

Остановимся еще на одномъ частномъ просвѣтительномъ Обществѣ — Обществѣ для содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи. Къ сожалѣнію, это Общество принадлежитъ къ новому, нарождающемуся у насъ типу просвѣтительныхъ обществъ, которыя собственно весьма мало имѣютъ права считаться проявленіемъ частной самодѣятельности общества, а скорѣе представляютъ собою родъ особыхъ бюрократическихъ учрежденій. Неудивительно, что, существуя уже три года, Ярославское Общество очень мало проявило свою дѣятельность. Оно успѣло открыть лишь народную бібліотеку, воскресную школу да плохо поставленную аудиторію народныхъ чтеній, причѣмъ всѣ эти учрежденія существуютъ въ Ярославлѣ, вѣдь котораго, во всей губерніи, пока Обществомъ не сдѣлано ничего. Чтобы понять эту скудость дѣятельности Общества, нужно имѣть въ виду слѣдующее. По уставу Общества, предсѣдателемъ общихъ собраній его членовъ является губернаторъ. Дѣлами Общества вѣдаетъ Совѣтъ, состоящій изъ семи избранныхъ общимъ собраніемъ членовъ и одного представителя учебнаго вѣдомства. По установившемуся обычаю, члены Совѣта назначаются не закрытой баллотировкой, какъ этого требуетъ уставъ Общества, а открытымъ указаніемъ предсѣдателя общихъ собраній на лицъ почетныхъ по положенію въ городѣ — генераловъ, архимандритовъ и т. п. Эти лица, будучи заняты своими многочисленными обязанностями и не имѣя возможности удѣлять должное вниманіе Обществу, не являясь даже на засѣданія и обыкновенно засѣданія общихъ собраній и Совѣта отминаятся за неприбытіемъ членовъ, отчего всѣ дѣла Общества и стоятъ совершенно неподвижно. Эготъ примѣръ лишній разъ показываетъ, до какой степени вредно для дѣла всякое стѣсненіе самодѣятельности Общества въ той области, гдѣ все только и можетъ быть основано на даровомъ трудѣ участниковъ и ихъ преданности избранному дѣлу.

До сихъ поръ въ ряду факторовъ, оказывающихъ вліяніе на ходъ народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, на первомъ планѣ стоитъ земская дѣятельность. Этой дѣятельности въ «Русской Школѣ» посвящаются обыкновенно ежегодно особые сборы, составляемые П. П. Бѣлоконскимъ, а потому здѣсь мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ земствъ.

Такъ, напр., изъ постановленій *ярославскаго* губернскаго земскаго собранія отмѣтимъ крайне оригинальное и пока единственное въ данномъ родѣ постановленіе о конкурсѣ на составленіе книги для чтенія, которая должна представлять въ связномъ разсказѣ описаніе прошлаго и настоящаго Ярославской губерніи. Главная премія назначена въ 400 р., и кромѣ того, могутъ быть выданы меньшія преміи, на что ассигновано 250 р. Книга должна содержать свѣдѣнія по географіи, исторіи, статистикѣ губерніи, давать понятіе объ естественныхъ богатствахъ края, о его торговлѣ и промыш-

ленности, о сельскомъ хозяйствѣ губерніи, о мѣстныхъ органахъ административнаго, земскаго и сословнаго управленія и т. и. Объемъ книги—отъ 5-ти до 8-ми печатныхъ листовъ. Книга должна быть по изложенію доступна каждому порядочно грамотному человѣку. Такимъ образомъ, ярославское губернское земство впервые пытается доставить населенію возможность ознакомиться съ своею ближайшею родиною—губерніею, и мысль эту нельзя не признать въ высшей степени счастливою.

Пермскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ принято постановленіе о возбужденіи ходатайства по вопросу, имѣющему въ высшей степени важное значеніе для дѣятельности всѣхъ земствъ въ области народнаго образованія. Дѣло въ томъ что земскія учрежденія не могутъ ограничиваться одними расходами на народное образованіе; ихъ естественно интересуютъ и тѣ результаты, которые достигаются путемъ этихъ расходованій земскихъ средствъ. Мало того, чтобы знать, въ какихъ размѣрахъ и на какіе предметы земства должны расходовать свои средства въ области народнаго образованія, имъ необходимо быть постоянно знакомыми съ положеніемъ народно-образовательнаго дѣла въ данной мѣстности. Отсюда необходимость изслѣдованія школьнаго и вообще народно-просвѣтительнаго дѣла въ губерніи или уѣздѣ. Какъ извѣстно, такія изслѣдованія уже производились многими земствами и нѣкоторыми даже неоднократно, и до сихъ поръ никто не сомнѣвался ни въ цѣлесообразности и даже необходимости, ни въ правѣ земства производить такія изслѣдованія. Мало того, до сихъ поръ такого рода изслѣдованія всегда и всѣми ставились въ особую заслугу земскимъ учрежденіямъ, такъ какъ эти изслѣдованія знакомили и общество, и правительство съ истиннымъ положеніемъ народно-образовательнаго дѣла и его насущнѣйшими нуждами, и, такимъ образомъ, общественное и государственное значеніе такихъ изслѣдованій было для всѣхъ очевидно. И вотъ, въ Пермской губерніи впервые оказалось, что земство не правомочно изслѣдовать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ сторонъ народно-образовательнаго дѣла.

Пермское губернское земское собраніе 1898 года поручило управѣ составить «Сборникъ свѣдѣній о положеніи начальнаго народнаго образованія въ Пермской губерніи». Управа созвала особое совѣщаніе для выработки программы изслѣдованія, данныя котораго должны были войти въ означенный сборникъ. Въ совѣщаніи участвовалъ и исполнявшій обязанности директора народныхъ училищъ Пермской губерніи г. Дмитріевъ. Программы были выработаны и затѣмъ разосланы во всѣ начальныя училища губерніи. Попечитель Оренбургскаго округа, ознакомившись съ программами, не разрѣшилъ завѣдывающимъ начальными училищами въдомства Министерсва Народнаго Просвѣщенія (значить, и содержимыми на средства земства) давать отвѣты на нѣкоторые вопросы, находя, что вопросы эти касаются учебно-воспитательной стороны школьнаго дѣла, а потому не могутъ предлагаться земскою программю, такъ какъ учебно-воспитательная сторона школъ изъята изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

По этому поводу губернская управа и внесла въ губернское земское собраніе нынѣшней сессіи особый докладъ, съ которымъ настаиваетъ на правѣ земствъ интересоваться тѣми результатами въ области народнаго образованія, какіе достигаются на средства, отпускаемыя тѣмъ-же земствомъ. Управа развивала тотъ взглядъ, что вмѣшательство въ учебно-воспитательную сторону школьнаго дѣла и изученіе послѣдняго—вещи совершенно различныя. Если земства лишены права узнавать, въ какомъ положеніи стоитъ учебно-

воспитательная сторона дѣла, то тогда незаконными должны-бы являться и факты представленія въ земскія собранія отчетовъ о состояніи школьнаго дѣла со стороны членовъ училищныхъ Совѣтовъ отъ земства или инспекторовъ народныхъ училищъ, а такіе факты—совершенно обыкновенны. Къ тому-же, каждый родитель знаетъ и можетъ знать, въ какомъ положеніи находится учебно-воспитательная сторона дѣла въ учебномъ заведеніи, такъ какъ она не составляетъ и не можетъ составлять тайны; между тѣмъ земство оказывается лишеннымъ права узнавать то, что могутъ знать всѣ. Наконецъ, если-бы даже земства были лишены права знакомиться съ учебною и воспитательною стороною дѣла въ содержимыхъ ими школахъ, какимъ образомъ можно отнести къ учебно-воспитательной сторонѣ дѣла такіе вопросы, какъ вопросъ о матеріальномъ положеніи учителей и средствахъ улучшенія этого положенія, на каковыя вопросы попечитель Оренбургскаго учебнаго округа также воспретилъ учителямъ давать отвѣты земству? Въ виду всего этого управа предложила возбудить ходатайство предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ отмѣнѣ распоряженія попечителя Оренбургскаго округа, и земское собраніе единогласно приняло это предложеніе.

Воронежское губернское земское собраніе, между прочимъ, рѣшило поддержать ходатайства бобровскаго уѣзднаго земства относительно учрежденія должности земскаго инспектора народныхъ училищъ, съ предоставленіемъ земству права рекомендовать своихъ кандидатовъ на эту должность, и землянскаго—объ открытіи въ Воронежской губерніи женской учительской семинаріи. Поднимался въ воронежскомъ земскомъ собраніи также весьма важный вопросъ, какъ извѣстно, впервые поднятій и обстоятельно разработанный владимірскимъ земствомъ,—о замѣнѣ единоличныхъ школьныхъ попечителей коллективными попечительствами. Вопросъ этотъ, однако, не былъ рѣшенъ воронежскимъ собраніемъ и переданъ на предварительное обсужденіе уѣздныхъ собраній. Былъ поднятъ въ воронежскомъ собраніи еще одинъ важный принципиальный вопросъ—объ участіи земства въ содержаніи средне-учебныхъ заведеній. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ ходатайствомъ директора Воронежской мужской гимназіи объ ассигнованіи изъ земскихъ средствъ ежегоднаго пособія на содержаніе параллельныхъ отдѣленій при первыхъ трехъ классахъ гимназіи. Надо замѣтить, что воронежское земское собраніе уже не разъ и прежде высказывалось въ томъ смыслѣ, что въ дѣлѣ народнаго образованія задача земства состоитъ, главнымъ образомъ, въ развитіи низшаго образованія. И на этотъ разъ земское собраніе осталось при ранѣе высказанномъ взглядѣ и отклонило ходатайство директора гимназіи.

Московское губернское земское собраніе давно уже извѣстно своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу народнаго образованія. Оно всегда принимало на себя инициативу въ дѣлѣ расширенія и улучшенія дѣла народнаго просвѣщенія въ губерніи, чему именно прежде всего эта губернія и обязана высокимъ уровнемъ народно-образовательнаго дѣла. Въ этомъ случаѣ московское губернское земство шло всегда рука-объ-руку съ уѣздными земствами губерніи, побуждая ихъ двигаться впередъ, приходя къ нимъ на помощь и исправляя дефекты въ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ. Московское губернское земское собраніе нынѣшней сессіи (въ январѣ) также шло по тому-же пути широкаго содѣйствія дѣлу народнаго просвѣщенія. Между другими его постановленіями по народному образованію здѣсь отмѣтимъ одобренныя собраніемъ новыя правила о приплатахъ изъ средствъ губернскаго земства учителямъ и учительницамъ въ пополненіе получаемаго ими содер-

жаниа отъ городовъ и земствъ. Правила эти очень раціональны и могутъ быть рекомендованы другимъ губернскимъ земствамъ, которыя считаютъ необходимымъ заботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія народныхъ учителей. Сущность этихъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ. Приплаты производятся только тѣмъ учащимъ, которые получаютъ изъ мѣстныхъ средствъ жалованье не менѣе 200 р. и которые имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса въ учительскихъ семинаріяхъ, мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, дающихъ права домашней учительницы, и въ духовныхъ семинаріяхъ, и тѣмъ, кто получилъ званіе домашнихъ учителей и учительницъ по спеціальному для того экзамену по русскому языку и ариметикѣ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ службы учащихся приплата губернскаго земства производится въ размѣрѣ 25% жалованья; къ жалованью-же, превышающему 240 р., приплата производится лишь въ размѣрѣ, необходимомъ для возвышенія суммы содержанія до 300 р. Начиная съ четвертаго года службы учителей и учительницъ, приплата губернскаго земства производится въ размѣрѣ 50% жалованья; къ жалованью-же, превышающему 240 р., приплата производится лишь въ размѣрѣ, необходимомъ для возвышенія суммы содержанія до 360 р. Начиная съ седьмого года службы учащихся, приплата продолжаетъ выдаваться въ прежнемъ размѣрѣ, независимо отъ могущаго быть увеличенія жалованья изъ мѣстныхъ средствъ, однако не свыше того, сколько можетъ быть потребно для возвышенія всего оклада содержанія до 420 р. Учителямъ и учительницамъ, прослужившимъ десять лѣтъ, сохраняются въ слѣдующіе годы ихъ службы выслуженныя ими приплаты и надбавки изъ средствъ губернскаго земства, въ зависимости отъ дальнѣйшаго возвышенія жалованья, которое можетъ послѣдовать изъ мѣстныхъ средствъ. Учителямъ и учительницамъ, переходящимъ на службу въ земскія и городскія училища изъ школъ другихъ кагегорій (церковно-приходскихъ, частныхъ и т. п.), удовлетворяющимъ указаннымъ выше требованіямъ относительно образовательнаго ценза, для установленія ихъ правъ на приплаты и надбавки изъ губернскихъ средствъ, засчитывается время, проведенное ими на службѣ въ школахъ Московской губерніи. Особо выдающіеся учителя и учительницы, не удовлетворяющіе приведеннымъ выше требованіямъ относительно образовательнаго ценза, могутъ, послѣ 6-ти лѣтъ службы въ одномъ и томъ-же уѣздѣ или городѣ, получать права на полученіе приплатъ и надбавокъ изъ губернскихъ средствъ, если о томъ будутъ ходатайствовать земскія уѣздныя собранія или городскія думы. Эти правила, такимъ образомъ, весьма раціонально устанавливаютъ серьезную поддержку учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ изъ губернскихъ средствъ, при недостаточности содержанія изъ мѣстныхъ уѣздныхъ или городскихъ средствъ. Насколько эта поддержка серьезна, всего лучше видно изъ того, что ассигновано на этотъ предметъ губернскимъ земскимъ собраніемъ на 1900 годъ 72.300 р.

Въ томъ-же московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ доложенъ общій обзоръ хода дѣла по осуществленію всеобщаго обученія въ Московской губерніи. Когда въ 1896 году было рѣшено губернскимъ собраніемъ оказать содѣйствіе осуществленію всеобщаго обученія въ губерніи, въ ней было 578 земскихъ школъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ ней уже 780 земскихъ школъ. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ было открыто болѣе 200 земскихъ школъ. Кромѣ того, въ текущемъ учебномъ году еще должны были открыться 20 новыхъ училищъ, послѣ чего земству, для завершенія на-

мѣченной сѣти школъ, останется открытъ еще только 60 школъ. Всѣхъ-же школъ въ губерніи, считая церковно-приходскія, частныя, фабричныя и т. п., въ настоящее время 1.110, и такимъ образомъ для завершенія плана введенія всеобщаго обученія остается открытъ еще лишь $\frac{1}{18}$ часть всѣхъ существующихъ въ губерніи школъ. Московскія школы, однако, на этомъ успѣхѣ,—на разрѣшеніи вопроса о всеобщемъ обученіи,—не останавливаются, и теперь уже ставится на очередь вопросъ объ открытіи такихъ школъ, въ которыхъ окончившіе курсъ начальнаго училища получали-бы дальнѣйшее образованіе. Вопросъ этотъ уже возбужденъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ московскомъ, дмитровскомъ и клинскомъ. Въ свою очередь, губернская управа поручила разработать тотъ-же вопросъ существующему при ней совѣщанію по народному образованію; такимъ образомъ, въ будущемъ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи могутъ быть уже проецированы практическія мѣропріятія для разрѣшенія этого важнаго вопроса.

Приведенный нами перечень нѣкоторыхъ постановленій губернскихъ земскихъ собраній заслуживаетъ нашего вниманія по своей оригинальности, своему важному значенію или новизнѣ; онъ свидѣтельствуетъ, что дѣятельность этихъ собраній въ истекшую сессію была весьма плодотворна и неизбежно отразится дальнѣйшимъ ростомъ нашего народно-образовательнаго дѣла.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библиотекъ.

Исслѣдованіе народно-библиотечнаго дѣла въ Ярославской губерніи.—Народныя библиотеки въ Ярославлѣ, Екатеринославѣ, Вѣломѣ, Кременчугѣ, Якутскѣ.—Библиотека-читальня для служащихъ на Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ.—Неудачныя попытки устроить дешевую библиотеку въ Борисоглебскѣ и бесплатный абонементъ для учителей въ Любимѣ.

Ярославское губернское земство обратило вниманіе на народныя библиотеки всего лишь съ 1896 года, когда впервые губернское земское собраніе ассигновало по 300 р. на уѣздъ для выдачи безвозвратныхъ пособій на открытіе народныхъ библиотекъ. Такая-же ассигновка была повторена ярославскимъ губ. земскимъ собраніемъ и въ слѣдующемъ 1897 году и тогда-же губернское собраніе поручило управѣ произвести изслѣдованіе положенія народно-библиотечнаго дѣла въ Ярославской губерніи. Исслѣдованіе это затѣмъ и было произведено, причѣмъ результаты этого изслѣдованія опубликованы лишь недавно. Хотя названное изслѣдованіе изображаетъ положеніе библиотечнаго дѣла въ Ярославской губерніи въ 1897 году, тѣмъ не менѣе собранныя данныя представляютъ собою несомнѣнный выдающійся интересъ, такъ какъ ярославское изслѣдованіе народныхъ библиотекъ является первымъ въ своемъ родѣ.

Всѣхъ народныхъ библиотекъ въ селахъ Ярославской губерніи изслѣдованіе насчитало 54. Такимъ образомъ, Ярославская губ. значительно уступаетъ по числу народныхъ библиотекъ такимъ губерніямъ, какъ Вятская, Харьковская, Тамбовская, Пермская и Саратовская, въ которыхъ число народныхъ библиотекъ въ каждой губерніи больше 100, а въ нѣкоторыхъ и болѣе 200. Но вмѣстѣ съ тѣмъ по числу народныхъ библиотекъ Ярославская губ. стоитъ выше такихъ, какъ Смоленская, Калужская, Бессарабская и др., въ которыхъ число народныхъ библиотекъ до сихъ поръ совершенно

ничтожно. Ярославская губ., такимъ образомъ, по развитію народно-библіотечнаго дѣла является среднею земскою губерніею. Какъ ни скромно число народныхъ библіотекъ въ Ярославской губ., оно является довольно внушительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что народныя библіотеки стали возникать въ названной губерніи всего лишь съ 1892 года, т. е. лишь за пять лѣтъ до обследованія. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что изъ существующихъ въ губерніи 54 народныхъ библіотекъ только двѣ возникли ранѣе 1892 года, именно одна въ 1884 г. и другая—въ 1889 г. Затѣмъ, начавъ возникать, народныя библіотеки уже умножаются въ числѣ съ поразительною быстрою, и, такимъ образомъ, уже въ 1897 году ихъ возникло вдвое болѣе, чѣмъ въ два предшествующіе года. Очевидно, къ настоящему времени число народныхъ библіотекъ въ губерніи должно быть значительно большимъ, чѣмъ это показано въ изслѣдованіи, относящемся къ 1897 году.

Любопытно, что народныя библіотеки въ Ярославской губерніи сосредоточены не въ болѣе крупныхъ центрахъ, а по преимуществу въ болѣе глухихъ селеніяхъ, что очевидно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что народныя библіотеки—по преимуществу созданіе частной инициативы и возникновеніе библіотеки въ той или другой мѣстности зависитъ по преимуществу отъ наличности въ ней одной или нѣсколькихъ личностей, интересующихся дѣломъ народныхъ библіотекъ. Непремѣннымъ условіемъ возникновенія библіотеки является наличность школы, такъ какъ безъ нея не могъ бы создаться контингентъ читателей.

Крайне любопытны свѣдѣнія о средствахъ народныхъ библіотекъ. Оказывается, что эти просвѣтительныя учрежденія, предназначенныя играть выдающуюся роль въ дѣлѣ умственнаго подъема нашего народа, имѣютъ въ своемъ распоряженіи гроши, въ самомъ буквальныйшемъ смыслѣ этого слова. Въ годъ изслѣдованія средней приходный бюджетъ народной библіотеки Ярославской губ. составлялъ всего 157 р., а расходный—даже только 91 р. Средства эти на одну треть образуются изъ ассигновокъ уѣздныхъ и губернскаго земства, половина образуется изъ мѣстныхъ средствъ (ассигновки сельскихъ обществъ, членскіе взносы и частныя пожертвованія) и остальное поступаетъ изъ разныхъ другихъ источниковъ. Большая часть расхода (83⁰/₁₀₀) падаетъ на покупку книгъ и лишь самый ничтожный процентъ (6⁰/₁₀₀) на жалованье библіотекарямъ.

Уже послѣдняя цифра показываетъ, что народныя библіотеки поддерживаются по преимуществу бесплатнымъ трудомъ. Лишь въ шести библіотекахъ библіотекари получаютъ содержаніе (совершенно ничтожное—въ размѣрѣ отъ 18 до 36 р. въ годъ), а всѣ остальные библіотекари работаютъ совершенно безкорыстно. Кто же эти безкорыстные труженики, отдающіе безылатно свое время и свои силы работѣ въ народныхъ библіотекахъ? Прежде всего, это все тѣ-же учителя и учительницы земскихъ школъ, безъ которыхъ не обходится ни одно культурное дѣло въ деревнѣ и которыя выносятъ всецѣло на своихъ илечахъ умственный и культурный подъемъ нашей народной массы. Затѣмъ, часто народными библіотекарями являются волостные писаря. Наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ числѣ библіотекарей встрѣчаются волостные старшины, мѣстные землевладѣльцы, крестьяне и псаломщики.

Безылатность труда библіотекарей является, при указанномъ выше среднемъ бюджетѣ народной библіотеки, пока неизбѣжнымъ условіемъ возможности существованія народныхъ библіотекъ. Но, само собою разумется, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста сознанія важности народныхъ библіотекъ,

какъ средства культурнаго воздѣйствія на народную среду, съ воспитаніемъ привычки въ населеніи къ пользованію библіотекою, это печальное положеніе народныхъ библіотекарей будетъ измѣняться, и найдутся средства для оплаты ихъ труда, что отразится благотворно и на дѣятельности библіотекъ. Установленіе платности труда библіотекарей приведетъ къ тому, что народныя библіотеки будутъ открыты большее число дней въ недѣлю и большее число часовъ въ день, нежели это можетъ быть теперь и точно также библіотекари будутъ имѣть возможность удѣлять больше вниманія и труда своимъ обязанностямъ. Точно также современемъ, безъ сомнѣнія, народныя библіотеки будутъ имѣть собственные помѣщенія, вполне приспособленныя для нуждъ библіотекъ и ихъ читаленъ. Въ настоящее время изъ обследованныхъ библіотекъ Ярославской губ. имѣетъ собственное помѣщеніе только одна, тогда какъ всѣ остальные помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ, училищахъ и т. п., имѣя крайне неудобныя во всѣхъ отношеніяхъ помѣщенія.

Пользованіе книгами изъ народныхъ библіотекъ Ярославской губ., конечно, бесплатное. Однако въ четырехъ библіотекахъ, принадлежащихъ волостямъ, для лицъ, не принадлежащихъ къ составу крестьянскихъ обществъ данной волости, установлена небольшая плата за пользованіе книгами. Залоговъ не установлено ни въ одной библіотекѣ.

Книжный составъ библіотекъ очень не богатъ. На среднюю библіотеку приходится всего 346 названій и 414 томовъ книгъ. Стоимость средней книжки—51 коп., а средней библіотеки—211 р. Свыше 1.000 названій книгъ имѣла только одна библіотека, за-то въ двухъ библіотекахъ имѣлось менѣе 100 названій и въ 4—отъ 100 до 200. 43% книгъ во всѣхъ библіотекахъ составляютъ книги по беллетристикѣ, 20,9%—книги духовно-нравственнаго содержанія, остальные 36%—книги научнаго и практическаго содержанія. Периодическихъ изданій библіотеками получается крайне ничтожное число: именно всѣ библіотеки получали въ годъ обследования всего 8 газетъ въ 32 экземплярахъ и 32 журнала въ 82 экземплярахъ.

Свѣдѣнія о читателяхъ имѣются только для 32 библіотекъ. Въ нихъ въ 1897 году перебивало 5.412 читателей, т.-е. на среднюю библіотеку по 172 читателя. Для сельской библіотеки приведенную среднюю цифру нельзя не признать довольно внушительною, ясно свидѣтельствующею о томъ, что потребность въ чтеніи въ народѣ уже достаточно созрѣла. Однако по отдѣльнымъ мѣстностямъ проявляется весьма неодинаковый спросъ на книги, что, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ должно зависѣть и отъ большаго или меньшаго обезпеченія библіотекъ книгами. Такимъ образомъ, въ то время, какъ одна библіотека имѣла 1.641 подписчика, т.-е. почти въ десять разъ больше указанной средней цифры, въ 13 библіотекахъ число читателей не достигало и ста. Всего больше приходится читателей на подростковъ старше 15 лѣтъ и на взрослыхъ (71%); въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ было 25% всѣхъ читателей, остальные были дѣти ниже 10 лѣтъ. Женщинъ было среди читателей всего одна пятая часть. Наибольшій процентъ читателей (70%) приходится на окончившихъ полный курсъ начальной школы; не обучавшіеся или не окончившіе курса школы составляютъ всего 13%, и, наконецъ, учащіеся еще въ школахъ—17%. Пользуются книгами какъ жители тѣхъ селеній, въ которыхъ находится библіотека, такъ и сосѣднихъ, причемъ послѣднихъ приходится ровно половина всѣхъ читателей. Приходить и прѣзжаютъ за книгами иногда изъ отдаленныхъ селе-

вій—до 44 верстъ отъ библіотеки, но замѣчено, что 10 верстъ вообще составляютъ крайній предѣлъ вліянія библіотеки.

Какъ ни неполно переданное обстоятельство народныхъ библіотекъ въ Ярославской губерніи, оно, однако, рисуетъ яркими красками одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ современной жизни нашей деревни. Оказывается, что въ деревнѣ уже настоятельно говорить новая потребность,—потребность въ книгѣ, въ чтеніи, въ исканіи разрѣшенія всякаго рода вопросовъ, возникающихъ въ деревенскихъ умахъ, при помощи книги. Потребность эта вызываетъ существованіе библіотекъ, и каждая новая библіотека, какъ-бы она ни была скудна, немедленно-же находитъ значительное число читателей. А если народная библіотека случайно оказывается болѣе или менѣе сносно снабженною книгами, она привлекаетъ сотни и тысячи читателей.

То-же повторяется, конечно, и въ городѣ. Въ народныхъ библіотеки, открываемыя въ городахъ, немедленно-же привлекаютъ сотни читателей, берущихъ книги на-расхватъ. Не выходя за предѣлы той-же Ярославской губерніи, укажемъ на народную библіотеку, открытую въ октябрѣ 1899 года мѣстнымъ Обществомъ для содѣйствія народному образованію въ г. Ярославѣ. Библіотека эта, черезъ три мѣсяца по своемъ открытіи, въ январѣ 1900 года, уже имѣла около 1.300 подписчиковъ. Налывъ читателей оказался такъ великъ, что, несмотря на то, что библіотека имѣетъ наиболѣе ходовыя книги въ двухъ и трехъ экземплярахъ, она не въ состояніи удовлетворить спроса и вынуждена бываетъ часто отказывать въ выдачѣ книгъ, какъ такихъ, которыя не могутъ находиться въ народныхъ библіотекахъ, не будучи внесены въ спеціальнй каталогъ, такъ и потому, что имѣющіяся книги оказываются постоянно взятыми другими читателями. Также успѣшно работаетъ и народная библіотека-читальня, открытая въ 1898 году мѣстною комиссіею народныхъ чтеній въ Екатеринославѣ. Библіотека эта имѣетъ всего 700 названій книгъ, а уже имѣла въ первый-же годъ своей дѣятельности до 14 тысячъ посѣщеній читателями. Не менѣе успѣшно работаютъ и народныя библіотеки, открытыя въ уѣздныхъ городахъ. Напр., въ Кременчугѣ 26-го сентября прошлаго года была открыта народная библіотека на средства уѣзднаго попечительства о народной трезвости и на пожертвованія. Библіотека эта, не смотря на то, что она открыта только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, имѣла съ 26-го сентября 1899 г. по 1-е января 1900 года болѣе 600 подписчиковъ, бравшихъ книги на домъ, да, кромѣ того, читальню при библіотекѣ посѣтило за указанное время болѣе 400 читателей. Успѣхъ дѣла побудилъ мѣстное городское управленіе ассигновать библіотекѣ ежегодное пособіе въ сто рублѣй. Еще любопытнѣе данныя, характеризующія дѣятельность народной библіотеки въ маленькомъ городѣ Бѣломѣ, Смоленской губерніи (7 тыс. жителей). Здѣсь библіотека открыта мѣстнымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Число читающихъ книги было въ прошломъ году 900. Изъ нихъ было 847 мѣстныхъ жителей г. Бѣлаго и 53 крестьянина изъ сосѣднихъ волостей. Всѣхъ книгъ было взято 15.425, т.-е. такое число, какое бываетъ выдаваемо публичными библіотеками, предназначенными для интеллигентныхъ читателей, лишь въ наиболѣе крупныхъ губернскихъ городахъ. Даже въ такомъ отдаленнѣйшемъ и, казалось-бы, глухомъ городѣ, какъ Якутскъ, существующая тамъ народная библіотека, оказывается, работаетъ много лучше, нежели тамошняя публичная городская библіотека. Именно, Якутская народная библіотека имѣетъ свыше 500 читателей.

Роль, аналогичную роли народных библиотек, играют и дешевыя библиотеки, которыя все чаще и чаще начинают возникать у насъ въ разныхъ мѣстахъ. Правда, дешевыя библиотеки рассчитаны уже на болѣе ограниченный кругъ читателей, такъ какъ большинство нашего народа еще не привыкло платить за чтеніе, да часто и не можетъ позволить себѣ такой роскоши, какъ плата за пользованіе книгами. Однако и дешевыя библиотеки даютъ возможность пользоваться книгами значительно болѣе широкимъ кругамъ читателей, нежели существующія у насъ частныя платныя библиотеки и такъ-называемыя «публичныя», имѣющія обыкновенно весьма дорогой абонементъ. Любопытно, что инициатива дешевыхъ библиотекъ, какъ и бесплатныхъ народныхъ, начинается теперь не рѣдко идти именно отъ тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ такія библиотеки должны возникать. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій фактъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года служащіе на Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ обратились къ начальнику дороги съ просьбою объ учрежденіи желѣзнодорожной библиотеки. Къ просьбѣ приложенъ и уставъ библиотеки, въ которые пункты котораго представляютъ особый интересъ. Предполагается, что библиотекою будутъ пользоваться не одни желѣзнодорожные служащіе, но и пассажиры. Станціоннымъ служащимъ книги разсылаются немедленно по полученіи отъ нихъ требованій съ обыкновенными пассажирскими поѣздами. О днѣ прихода на станцію вагона-библиотеки должно быть заранее даваемо знать по линии. Для удовлетворенія потребности пассажировъ въ чтеніи при пассажирскихъ поѣздахъ организуются и передаются въ вѣдѣніе главнаго кондуктора небольшія библиотеки изъ книгъ и періодическихъ изданій. Средства библиотеки образуются: 1) изъ одновременныхъ и постоянныхъ пособій желѣзной дороги, 2) постоянныхъ взносовъ служащихъ, 3) платы за чтеніе, 4) пожертвованій и 5) выручки отъ спектаклей и концертовъ, устраиваемыхъ любителями музыки и драматическаго искусства изъ числа желѣзнодорожныхъ служащихъ и постороннихъ лицъ. Подписная плата взимается по двумъ разрядамъ: по первому—за двѣ книги 25 коп. въ мѣсяцъ и по второму—за одну книгу 10 коп. Залоговъ не устанавливается. Плата съ пассажировъ—2 коп. за каждый номеръ газеты и 5 коп. за книгу или за журналъ.

Было-бы желательнo, чтобы заявленіе служащихъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги не постигла та-же участь, какая выпала на долю ходатайства членовъ Борисоглѣбской общественной библиотеки объ открытіи филиальнаго отдѣленія библиотеки на окраинѣ города съ удешевленнымъ абонементомъ, въ виду того, что обитатели этой окраины не могутъ платить высокую подписную плату, какая существуетъ въ общественной библиотекѣ. Именно, общее собраніе членовъ Борисоглѣбской общественной библиотеки проектировало для филиальнаго отдѣленія плату по разрядамъ отъ 1 р. до 1 р. 50 коп. въ годъ. Въ отвѣтъ на ходатайство объ открытіи на указанныхъ началахъ филиальнаго отдѣленія библиотеки, г. тамбовскій губернаторъ сообщалъ, что дешевая плата за чтеніе предполагаетъ конгингентъ читателей изъ низшаго класса, а потому онъ можетъ разрѣшить комитету библиотеки открыть филиальное отдѣленіе лишь подъ условіемъ неперемѣннаго подчиненія его «Правиламъ о бесплатныхъ библиотекахъ-читальняхъ» 15-го мая 1890 года. При томъ-же убѣжденіи остался губернаторъ и послѣ того, какъ въ общее собраніе членовъ библиотеки поступило заявленіе 73 интеллигентныхъ жителей желѣзнодорожной окраины Борисоглѣбска о необходимости

филиального отдѣленія библіотеки въ этой мѣстности, въ виду отдаленности ея отъ центральной библіотеки и трудности сообщенія съ нею въ весеннюю и осеннюю распутицу. Послѣ вторичнаго отказа губернатора разрѣшить филиальное отдѣленіе съ такимъ-же каталогомъ книгъ, какой имѣетъ центральная библіотека, общее собраніе членовъ библіотеки, въ свою очередь, нашло безцѣльнымъ открытіе читальни на предложенныхъ губернаторомъ началахъ.

Нѣчто въ томъ-же родѣ, что было въ Борисоглѣбскѣ, произошло недавно и въ Любимѣ, Ярославской губерніи. Здѣсь земское собраніе рѣшило открыть на земскій счетъ публичную библіотеку. Для выработки устава и выписки книгъ была избрана особая библіотечная коммиссія. Выработанный послѣдней уставъ библіотеки не былъ утвержденъ ярославскимъ губернаторомъ на томъ основаніи, что по одному изъ параграфовъ этого устава предоставлено бесплатное пользованіе книгами учителямъ и учителямъ народныхъ школъ уѣзда; такой параграфъ, по мнѣнію губернатора, противорѣчитъ узаконеніямъ о публичныхъ библіотекахъ, хотя въ этихъ узаконеніяхъ нигдѣ не говорится объ обязательности платы за чтеніе, и превращаетъ будто-бы публичную библіотеку въ бесплатную народную читальню. Въ виду этого губернскимъ начальствомъ предлагается или уничтожить помянутой параграфъ устава, или открыть не публичную библіотеку, а народную читальню, т.-е. изъять изъ каталога тѣ книги, которыя не разрѣшены для народныхъ читаленъ. Такимъ образомъ, не смотря на то, что книги для библіотеки уже выписаны, открытіе ея откладывается на неопредѣленное время.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

О составленіи «Книги взрослых».

Каждый занимающійся въ воскресной школѣ со взрослыми не можетъ не чувствовать недостатка въ книгѣ для класснаго чтенія; это до такой степени неизбежно и вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что почти не требуетъ особыхъ поясненій. И въ самомъ дѣлѣ, какой матеріалъ для чтенія предложите вы взрослому человѣку послѣ того, какъ онъ научится читать, технически выражаясь, пройдетъ алфавитъ, или что вы дадите вашему малограмотному взрослому учащемуся? Всѣ существующія классные книги для чтенія, хрестоматіи, сборники — всѣ они имѣютъ въ виду малолѣтняго ученика, приспособлены къ его вкусамъ и потребностямъ; въ нихъ вы съ первыхъ-же страницъ непременно встрѣтите легкую сказочку, басенку, незатѣйливые стишки, матеріалъ для объясненій или предметнаго урока, касающійся понятій и предметовъ, которые новы и интересны для ребенка, но которыхъ нельзя предложить взрослому. Подобный матеріалъ неминуемо будетъ встрѣченъ взрослымъ человѣкомъ недоброжелательно, вызоветъ въ немъ недовѣріе къ преподающему и разочарованіе на тему, такъ вотъ для чего онъ побѣждалъ трудности букваря. И вы поневолѣ становитесь втупкѣ, недоумѣваете, что-же вамъ дѣлать? Особенно затруднительно бываетъ ваше положе-

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція проситъ доставлять въ Харьковъ. Христинѣ Даниловнѣ Алчевской или Маріи Николаевнѣ Салтыковой.

не, если вы имѣете дѣло съ малограмотнымъ ученикомъ; тутъ выборъ изъ существующихъ дѣтскихъ книгъ особенно труденъ, такъ какъ вамъ необходимо матеріалъ самый простой по изложенію и по формѣ, и вы наталкиваетесь на тѣ статьи, которыя рассчитаны на дѣтей 8—10 лѣтъ; кромѣ нѣкоторыхъ статей, тщательно выбранныхъ изъ классныхъ книгъ для чтенія Л. Н. Толстого, вамъ взять рѣшительно нечего. Чѣмъ грамотнѣе вашъ взрослый ученикъ, тѣмъ положеніе ваше легче; тутъ вы обращаетесь къ матеріалу, рассчитанному для болѣе или менѣе развитыхъ подростковъ, примѣрно третьяго отдѣленія народной школы, тутъ вы имѣете, наконецъ, литературный матеріалъ, предлагаемый хрестоматіями для учащихся средне-учебныхъ заведеній. Но вы встрѣчаете другое затрудненіе, и не малое, именно — цѣликомъ какую-либо книгу вы взять, конечно, не можете, такъ какъ на ряду съ болѣе или менѣе серьезными отрывками вы непременно встрѣтите статью въ такой обработкѣ, съ такимъ изложеніемъ, что вы не рѣшитесь дать ее взрослому человѣку. И вотъ вы должны подбирать матеріалъ изъ цѣлаго ряда книгъ. Неудобство такого порядка само собой очевидно; иногда же это не только неудобно, но и совершенно невозможно, какъ, напр. въ тѣхъ многихъ случаяхъ, когда воскресная школа не располагаетъ значительными средствами, которыя необходимы для большого подбора различныхъ учебниковъ. Впрочемъ, все сказанное здѣсь выясняетъ положеніе для людей, стоящихъ болѣе или менѣе далеко отъ дѣла воскресныхъ школъ; тотъ же, кто принимаетъ въ немъ непосредственное участіе, слишкомъ хорошо знаетъ, какъ велико неудобство отъ отсутствія классной книги для чтенія взрослыхъ.

Поэтому неудивительно, что цѣлый рядъ воскресныхъ школъ уже съ давнихъ поръ задался вопросомъ о составленіи такой книги; мы знаемъ, что мысль о ней возникала и въ петербургскихъ воскресныхъ школахъ, и въ московскихъ, и въ Тифлисѣ, и въ Харьковской мужской школѣ. Возникла она неминуемо и въ Харьковской частной женской воскресной школѣ, которая, постоянно занимаясь вопросами о преподаваніи въ воскресной школѣ, не могла не натолкнуться на этотъ, скажемъ прямо, вопиющій вопросъ.

Рѣшивъ взяться за это дѣло, мы прежде всего задались вопросомъ, какимъ образомъ пойдутъ у насъ работы, точнѣе—кто будетъ работать надъ составленіемъ книги. Отвѣтомъ было рѣшеніе сдѣлать этотъ трудъ коллективнымъ, привлечь къ нему участниковъ разныхъ воскресныхъ школъ, специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія. За коллективную форму труда въ данномъ случаѣ можно, пожалуй, сказать столько же, сколько и противъ нея. Съ одной стороны, она несомнѣнно въ значительной степени гарантируетъ отъ всевозможныхъ ошибокъ, промаховъ, несовершенствъ; въ каждомъ вопросѣ, начиная отъ коренныхъ для дѣла и кончая самыми мелкими, техническими, вы заслушиваете цѣлый рядъ мнѣній, обсужденіе которыхъ приводитъ къ выводу, имѣющему за собой много данныхъ за то, что онъ наиболѣе правильный; каждая статья проходитъ черезъ критику многихъ лицъ,—то, что остается незамѣченнымъ однимъ, исправляется другимъ, третьимъ, десятымъ членомъ общаго дѣла: наконецъ, работа распределяется между многими лицами сообразно ихъ способностямъ и подготовкѣ, и вы можете почти быть гарантированы, что всякій отдѣлъ будетъ устроенъ наилучшимъ образомъ. Гдѣ вы найдете одного человѣка, который соединялъ-бы въ себѣ всѣ тѣ качества, которыя требуются отъ составителя классной книги для чтенія, этого своего рода энциклопедіи? Какъ соединить въ одномъ человѣкѣ и

искуснаго популяризатора по многимъ отраслямъ знанія, и знатока по всѣмъ этимъ отраслямъ, и тонкаго педагога. По имѣющимся класснымъ книгамъ мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ это трудно, и изъ цѣлаго длиннаго ряда ихъ мы едва-ли наберемъ нѣсколько удовлетворяющихъ требованіямъ, которыя мы должны поставить классной книгѣ, и это будутъ такія имена, какъ Л. Н. Толстой, Ушинскій.

Вотъ доводы, которые склонили насъ къ коллективной формѣ труда въ задуманномъ намъ дѣлѣ. Но, съ другой стороны, намъ пришлось считаться и съ цѣлымъ рядомъ трудностей, часто такихъ, которыхъ заранѣе нельзя было и предвидѣть и которыя во всей своей силѣ сказались только въ теченіе самой работы. Если оказалось возможнымъ договориться до одного общаго взгляда относительно задачъ и цѣлей книги, общаго ея построения, общаго характера статей и т. п. вопросовъ, то какъ трудно, почти невозможно было достигнуть единства въ самой обработкѣ матеріала. Каждый авторъ имѣлъ свои приемы и способы изложенія, и приходилось опасаться, какъ-бы книга не вышла пестрой по изложенію; отсюда особенная трудность общаго редактированія книги, которое, съ одной стороны, должно было дать извѣстное единство фیزیономіи книги, съ другой—предстояла опасность обезличить матеріалъ, достоинствомъ котораго часто являлась именно его колоритность. Затѣмъ, при работѣ многихъ авторовъ являлись повторенія, матеріалъ одной статьи сталкивался съ матеріаломъ, затронутымъ уже въ другой,—отсюда многократныя переработки, передѣлки. Не говоримъ уже о самой организаціи коллективной работы, установить и провести которую было не такъ-то легко: вѣдь каждый вопросъ, какъ общій, такъ и частный, каждая статья должны пройти черезъ цѣлый Совѣтъ, и вотъ этотъ-то Совѣтъ долженъ быть созванъ, быть всегда на-готовѣ, такъ какъ ни одинъ шагъ, ни одно рѣшеніе не можетъ быть принято единолично. Такой порядокъ несомнѣнно затягиваетъ работу, что еще болѣе выяснится ниже, когда мы будемъ подробнѣе говорить о ходѣ работы. Но, такъ или иначе, нами были приняты и положены въ основу нашего труда съ самаго начала принципы строгой коллективности, который, давъ намъ цѣлый рядъ трудностей, въ то-же время помогъ довести до конца наше дѣло.

Приступая къ вопросу о томъ, чѣмъ-же собственно должна быть книга для классаго чтенія взрослыхъ, какія задачи поставить себѣ, какія цѣли преслѣдовать, коммиссія по составленію книги для чтенія взрослыхъ (такъ назывался нашъ кружокъ) ознакомилась со взглядами на этотъ счетъ другихъ воскресныхъ школъ, задававшихся тѣмъ-же вопросомъ; въ распоряженіи нашемъ были планы книгъ, составленные московскими школами, Тифлисской, Харьковской мужской. Тщательное ознакомленіе съ этими планами и сравненіе ихъ другъ съ другомъ не дали возможности принять какой-либо изъ нихъ цѣликомъ, однако способствовали коммиссіи выяснитъ собственные взгляды. Книга для чтенія въ воскресной школѣ имѣетъ огромное значеніе: она является какъ-бы центромъ всего преподаванія, на ней и въ связи съ ней построена вся сумма тѣхъ знаній, которыя вы хотите передать учащемуся, тѣхъ взглядовъ, которые вы хотите развить въ немъ, тѣхъ впечатлѣній и движеній, возбудить которыя въ немъ вы считаете полезнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, малое количество учебнаго времени, съ другой—ограниченіе воскресной школы весьма узкими программами, въ большинствѣ случаевъ сосредоточиваютъ все вниманіе преподающаго на урокъ чтенія; въ этотъ одинъ, рѣдко два часа въ недѣлю вамъ, помимо того, что

надо научить ученика читать, хочется сообщить ему наиболее существенныя знания, пробудить его мысль, дать ей правильное направлѣніе, затропутъ его чувство, натолкнуть его на многое, многое; вамъ хочется, чтобы даже при недолгомъ пребываніи въ школѣ, какъ это часто бываетъ, ученикъ увесъ изъ нея что-либо положительное, цѣнное, что не улетучилось бы вскорѣ, а послужило зерномъ къ дальнѣйшей самостоятельной работѣ его мысли и чувства. Какъ-же тщательно долженъ быть подобранъ вашъ матеріалъ, какъ внимательно долженъ онъ быть профильтрованъ со стороны его значенія, какъ щепетильно должно быть отброшено въ сторону все второстепенное, незначущее! Комиссія старалась особенно устойчиво опредѣлять такой именно взглядъ на классную книгу для чтенія и на важность самаго строгаго выбора матеріала для нея. Поэтому она употребила не мало времени и усилій на то, чтобы окончательно установить свои цѣли и задачи и выработать планъ книги, переживъ при этомъ рядъ колебаній, что, пожалуй, имѣло только благотворное значеніе, заставивъ всесторонне взглянуть на предметъ, не сдѣлать скороспѣлаго вывода. Въ одномъ изъ протоколовъ комиссіи мы находимъ слѣдующую формулировку взглядовъ комиссіи на цѣль книги, основанныхъ на вышеприведенныхъ соображеніяхъ: «Общею составляемой книги должно быть подготовленіе учащихся къ самостоятельному ученію по оставленіи школы; поэтому книга должна ввести ученика въ кругъ понятій, необходимыхъ для пониманія книгъ, по возможности, всѣхъ отраслей знанія; подобная книга не можетъ заключать въ себѣ систематическаго курса ни одного изъ учебныхъ предметовъ, но она необходимо должна дать статьи, въ которыхъ были-бы изложены основныя понятія о предметѣ, указана суть того, что надо знать начинающему читателю; статьи эти должны возбудить интересъ къ предмету и любознательность учащихся. Другою цѣлью книги является нравственное развитіе учащихся». Обѣ эти цѣли могутъ, конечно, преслѣдоваться параллельно во всѣхъ отдѣлахъ книги, но несомнѣнно, что для второй цѣли болѣе простора является въ такихъ отдѣлахъ, какъ историческій, біографическій и особенно литературный, тогда какъ отдѣлы естественно-историческіе представляютъ, главнымъ образомъ, поле для сообщенія знаній.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, цѣли книги, комиссія намѣтила слѣдующіе отдѣлы, которые должны были войти въ книгу: религіозно-нравственный, церковно-славянскій, литературный, историческій, біографическій, географія, зоологія, ботаника, физика, химія, технологія, гигиена, азбука законовѣднія. Заголовки эти, конечно, звучатъ слишкомъ громко, если принять во вниманіе тѣ болѣе, чѣмъ скромныя начатки знанія, которые даетъ каждый изъ этихъ отдѣловъ; но не слѣдуетъ забывать по-истинѣ минимальное учебное время, которое имѣеть въ своемъ распоряженіи воскресная школа:—вѣдь это не болѣе, какъ 35—40 учебныхъ дней въ году. При такомъ незначительномъ количествѣ учебнаго времени нельзя, конечно, и задаваться цѣлью дать обширныя и полныя свѣдѣнія, да еще по цѣлому ряду отдѣловъ.

Какъ мы упомянули выше, взгляды комиссіи на то, чѣмъ должна быть составляемая нами книга, выработалась не сразу: не мало было колебаній, переобсужденій уже равнѣ рѣшеннаго, пока наконецъ не были приняты окончательныя рѣшенія. Мы остановимся здѣсь на одномъ изъ такихъ моментовъ въ нашей работѣ, такъ какъ онъ касается кореннаго измѣненія уже выработаннаго плана книги; хотя это измѣненіе и не было принято, но ознакомленіе съ происшедшими по этому поводу преніями ближе выяснитъ

здѣсь, при какихъ-же положеніяхъ и основаніяхъ остался нашъ кружокъ.. Въ то время было уже болѣе или менѣе подробно разработаны программы всѣхъ отдѣловъ; дѣло началось съ того, что иными членами было обращено вниманіе на то, что, слѣдую этимъ программамъ, книга выйдетъ слишкомъ объемистой: именно, въ то время программы давали 275 статей, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое того количества, которое можетъ быть использовано въ три учебныхъ года, считая отъ 35 до 40 воскресеній въ году. (На самомъ дѣлѣ при окончаніи работы статей оказалось даже 457). Тутъ, естественно, натолкнулись на вопросъ о томъ, должна-ли книга представлять широкій выборъ матеріала на усмотрѣніе преподающаго, или, напротивъ, заставлять его слѣдовать себѣ безъ права выбора; иные стояли за послѣднее, ссылаясь на то, что книга должна имѣть руководящую роль и представлять идеаль того матеріала, который, по мнѣнію составителей, и долженъ быть использованъ весь въ теченіе трехлѣтняго обученія въ воскресной школѣ. Лица противоположнаго взгляда говорили, что книга должна удовлетворять потребностямъ всѣхъ воскресныхъ школъ, требованія которыхъ относительно матеріала для чтенія могутъ быть разнообразны; поэтому нужна свобода выбора и для отдѣльныхъ школъ, и даже для отдѣльныхъ преподающихъ; не бѣда, если книга на практикѣ не будетъ утилизироваться въ каждомъ случаѣ вся цѣликомъ; пусть это будетъ хорошо обоснованная книга съ «запасомъ», бѣды не чинящемъ». Что еще важнѣе, указывалось, что при значительномъ сокращеніи программъ нельзя будетъ осуществить одну изъ замѣченныхъ цѣлей книги—дать начатки знаній по разнымъ отраслямъ, поэтому сокращать выработанныя программы нельзя, такъ какъ онѣ представляютъ наименьшее того, что желательно дать учащемуся по каждой отрасли знанія. Если-же непремѣнно стоять за сокращеніе размѣровъ книги, то необходимо вообще отказаться отъ программъ по отдѣльнымъ предметамъ, а выработать общую программу книги, которая состояла-бы тогда изъ статей, знакомящихъ съ кругомъ понятій наиболее важныхъ, интересныхъ и удобоизложенныхъ для читателя, не заботясь о полнотѣ и систематичности даваемыхъ свѣдѣній, другими словами — дать чтеніе интересное и развивающее. Очевидно, такое пониманіе книги съузило-бы ея задачи и противорѣчило-бы первоначальнымъ взглядамъ кружка на цѣль книги; поэтому, оставаясь вѣрнымъ имъ, кружокъ высказался значительнымъ большинствомъ противъ сокращенія программъ или уничтоженія отдѣловъ, признавъ, такимъ образомъ, за книгою болѣе широкое значеніе—давать основной матеріалъ по разнымъ отраслямъ знанія взрослому читателю вообще, будь то въ школѣ, или внѣ школы; примѣненіе-же книги для класснаго члена предоставляется или усмотрѣнію преподающаго, или можетъ быть оговорено въ руководствѣ къ книгѣ, желательность котораго признавалась съ самаго начала работы. Обсуждая вопросъ о системѣ построенія книги, коммиссія прежде всего остановилась на концентрической системѣ, казалось-бы, осуществимой въ книгѣ, предположенной въ трехъ выпускахъ, на три года обученія. За концентрическую систему изложенія высказывалось слѣдующее: цѣль книги — подготовка къ самостоятельному ученію и развитіе любознательности въ учащихся—наилучше достигается при концентрической системѣ изложенія: большинство учащихся посѣщаетъ воскресную школу одинъ-два года; при послѣдовательномъ распределеніи отдѣловъ такіе учащіеся выйдутъ изъ школы не заинтересованными и не подготовленными къ чтенію по нѣкоторымъ отдѣламъ, такъ какъ не успѣютъ получить по нимъ никакихъ свѣдѣній. Именно концентрической

системой это неудобство избѣгается, такъ какъ учащіеся изъ cadaго года обученія выносятъ тогда нѣкоторыя свѣдѣнія по разнаго рода предметамъ, при чемъ объемъ ихъ въ каждомъ выпускѣ постепенно расширяется. Справедливости этого нельзя было не признать, и симпатии комиссіи клонились къ концентрической системѣ изложенія, но неосуществимость ея весьма скоро сказалась на практикѣ: дѣло въ томъ, что пришлось-бы въ выпускѣ cadaго года, при 12-ти намѣченныхъ отдѣлахъ, коснуться столь разнообразнаго матеріала, что для осуществленія этого несомнѣнно потребовалось-бы значительно больше мѣста, нежели возможно было дать для cadaго учебного года; тогда каждый выпускъ разросся-бы, потребовалъ-бы для прочтенія значительно больше времени, чѣмъ одинъ учебный годъ, и такимъ образомъ концентрическая система была-бы, все равно, нарушена. Пришлось признать, что столь симпатичная въ принципѣ система была-бы развѣ осуществима при пользованіи книгой въ ежедневныхъ занятіяхъ, и система эта съ сожалѣніемъ была оставлена, а принято распределеніе матеріала по отдѣламъ. Во второмъ и третьемъ выпускахъ такое распределеніе проведено довольно строго, лишь съ немногими отступленіями; первый-же выпускъ книги даетъ смѣшанный матеріалъ. Впрочемъ, на вопросъ о распределеніи матеріала намъ еще придется подробно остановиться ниже; здѣсь-же отмѣтимъ нѣкоторыя общія основанія, на которыхъ производились работы по всѣмъ вообще отдѣламъ.

Прежде всего изъ содержанія книги по существу была изгнана всякая предвзятость идей; книга не должна носить той или иной окраски; она должна быть свободна отъ всякой тенденціи. Это являлось неперемѣннымъ условіемъ работы, и всѣ статьи, нарушавшія его, безпощадно отвергались. Съ другой стороны, ни одинъ изъ отдѣловъ не долженъ носить утилитарнаго характера, который могъ-бы придать статьямъ справочный оттѣнокъ, пригодный при непосредственномъ практическомъ примѣненіи той или другой статьи, а не при объяснительномъ чтеніи ея въ классѣ. Однимъ словомъ, книга имѣеть цѣлью расширить умственный и нравственный кругозоръ ученика, давая ему, съ одной стороны, общеобразовательныя, а не прикладныя знанія, съ другой—идеалы добра и правды.

Книга въ равной мѣрѣ должна служить и мужскимъ, и женскимъ школамъ, поэтому не можетъ отдавать предпочтенія вопросамъ болѣе близкимъ и интереснымъ для тѣхъ или другихъ; такъ, было обращено вниманіе на то, что нельзя отвести въ книгѣ специальное мѣсто вопросамъ женской жизни, женскаго труда и т. п., хотя возбужденіе такихъ вопросовъ въ женской школѣ и очень желательно; съ другой стороны, книга не должна избѣгать тѣхъ знаній, которыя, не будучи узко специальными, все-же встрѣтятся, надо полагать, болѣе сочувствія въ мужской школѣ: таковы, напр., нѣкоторыя техническія темы. Книга можетъ употребляться какъ въ городской школѣ, такъ и въ сельской, но она не должна приспособляться къ требованіямъ послѣдней, такъ какъ это шло-бы въ ущербъ городскому читателю, котораго книга, пожалуй, имѣеть раньше въ виду, такъ какъ должна считаться съ потребностями большинства учащихся воскресныхъ школъ, которое придется, если не ошибаемся, на городскія воскресныя школы.

Вотъ еще нѣкоторыя общія соображенія относительно характера самаго изложенія и статей. На первый планъ было поставлено то положеніе, что участники работы, въ чемъ-бы она ни заключалась, должны никогда не упускать изъ вида, что книга предназначается для взрослоа учащагося.

Это условіе должно неизмѣнно стоять на виду и при выборѣ матеріала, и при обработкѣ его. Поэтому и самый матеріалъ, и изложеніе его должны быть неизмѣнно серьезны, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, хотя и мало подготовленнымъ, не обладающимъ знаніями, если хотите—часто мало развитымъ съ нашей точки зрѣнія, но все-таки человѣкомъ взрослымъ, имѣющимъ за собой опытъ жизни, и мы должны подойти къ нему серьезно,—правда, просто и доступно, но безъ всякихъ стараній искусственно привлечь его вниманіе, поддержать интересъ; мы знаемъ, что передъ нами человѣкъ, добровольно пришедшій въ школу, въ его готовности идти намъ навстрѣчу мы не сомнѣваемся, и наше дѣло—лишь предложить ему матеріалъ, но существу нужный и интересный ему, и притомъ въ формѣ, доступной его пониманію. А такой формой будетъ простое, ясное, сколь возможно, конкретное изложеніе, въ живыхъ и яркихъ образахъ, безъ отвлеченныхъ разсужденій и туманныхъ описаній. Задача далеко не легкая, какъ выяснилось при нашей работѣ, когда много, много разъ браковались статьи за непригодностью изложенія, то подымавшася до безусловной отвлеченности, то, вслѣдствіе стремленія къ простотѣ, слишкомъ блѣднаго, обезличивающаго предмета. Самый языкъ статей долженъ быть доступенъ для пониманія, долженъ избѣгать трудныхъ выраженій и оборотовъ. Однако было признано желательнымъ постепенно вводить въ языкъ книги новыя выраженія, расширяя такимъ образомъ запасъ словъ у ученика и дѣлая для него болѣе доступнымъ дальнѣйшее самостоятельное чтеніе. Это постепенное знакомство съ новыми выраженіями касается какъ тѣхъ или другихъ литературныхъ оборотовъ, такъ и научныхъ терминовъ, конечно, наиболѣе существенныхъ въ каждой отрасли знанія. Вначалѣ было признано желательнымъ, чтобы всѣ статьи, кромѣ обсужденія въ комиссіи, перечитывались въ школѣ съ учащимися, что вполнѣ наглядно показывало-бы, насколько та или другая статья интересна, доступна и вообще цѣлесообразна для помѣщенія въ книгѣ. Впослѣдствіи оказалось, что провѣрка всѣхъ статей значительно затянула-бы работу, и она производилась только въ случаяхъ, возбуждавшихъ какія-либо сомнѣнія; такъ, были провѣрены многія дѣловые статьи, доступность которыхъ учащимся вызывала противорѣчивыя сужденія—однимъ статья казалась понятной, другіе признавали ее трудной для учениковъ,—въ такихъ случаяхъ рѣшалъ опытъ. Чаще всего провѣрка производилась относительно литературныхъ произведеній, гдѣ являлось гораздо больше поводовъ для разногласій на тему объ ихъ доступности; въ дѣловыхъ статьяхъ можно было разъ навсегда установить, какое содержаніе и какая форма понятны читателю; другое дѣло въ литературномъ матеріалѣ съ его разнообразіемъ содержанія и изложенія. Такимъ образомъ было произведено 30 провѣрокъ дѣловыхъ статей и 104—литературныхъ.

Съ самаго начала работъ комиссія задалась вопросомъ о размѣрѣ статей, единодушно сойдясь на томъ, что каждая статья должна, по возможности, давать матеріалъ не больше, какъ на одинъ часъ чтенія, представляя собою законченное цѣлое; это имѣетъ большое значеніе въ виду условій воскресной школы, гдѣ уроки отдѣлены одинъ отъ другого неплѣннымъ промежуткомъ и гдѣ учащіеся далеко не каждое воскресенье имѣютъ возможность посѣщать занятія; при такихъ условіяхъ нежелательно разбивать чтеніе одной статьи на два или болѣе воскресеній; мало того, каждая статья, являясь звеномъ всего отдѣла, въ то-же время должна быть возможно законченной, такъ чтобы чтеніе ея само по себѣ давало уже ученику опре-

дѣлениа дѣльныя свѣдѣнія. Однако оба эти требованія оказались при практическомъ осуществленіи весьма трудно исполнимыми, и мы вынуждены были нѣкоторыя статьи, слишкомъ обширныя по темѣ (какъ, напр., статьи: «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты», «Петръ Великій», «Железныя дороги») разбить на нѣсколько воскресеній; съ другой стороны, въ иныхъ отдѣлахъ для усвоенія новыхъ понятій необходимо знакомство съ дѣлымъ рядомъ полженій, изложенныхъ въ предыдущихъ статьяхъ; тутъ нельзя было построить статьи такъ, чтобы возможно было чтение ихъ безъ предварительнаго напоминанія того, что было сообщено выше; не всегда возможно было все нужное кратко повторить въ самой статьѣ. Въ большинствѣ случаевъ коммиссія все-же, по возможности, держалась заранѣе определенныхъ размѣровъ статей, примѣрно такихъ: до 1½ стр. для перваго выпуска, 3—4 стр. для втораго и до 5, въ крайнемъ случаѣ 6 стр. для третьяго. Для литературнаго отдѣла было безусловно рѣшено заимствовать отрывки или цѣлыя произведенія только изъ лучшихъ авторовъ; въ научныхъ-же отдѣлахъ признано возможнымъ какъ заимствовать статьи, такъ и составлять ихъ самостоятельно: на практикѣ оказалось, что значительно преобладалъ второй способъ, такъ какъ готоваго матеріала, пригоднаго для взрослыхъ, по причинамъ, изложеннымъ выше, было очень мало, и на 282 статьи всѣхъ отдѣловъ, кромѣ литературнаго, заимствованныхъ во всѣхъ трехъ книгахъ оказалось всего 7.

Какъ скоро были опредѣлены общія руководящія положенія въ задуманномъ трудѣ, коммиссія разбилась на отдѣльные кружки (подкоммиссіи)—по отдѣламъ въ книгѣ, сначала для выработки программъ, а затѣмъ для осуществленія ихъ. Въ то-же время и общая коммиссія до самаго конца работъ не прекращала своего существованія; на ея заключеніе представлялись программы, выработанныя въ подкоммиссіяхъ; въ ней-же обсуждались болѣе общіе вопросы, не перестававшіе возникать въ теченіе всей работы. Такимъ образомъ, все время было, такъ сказать, двѣ инстанціи: низшая—подкоммиссія по отдѣламъ и высшая—общая коммиссія, состоявшая изъ членовъ всѣхъ подкоммиссій. Послѣднихъ было 5: по литературному отдѣлу, по исторіи, по географіи и ботаникѣ вмѣстѣ, въ виду одного предсѣателя, по зоологіи и гигиенѣ вмѣстѣ, по той-же причинѣ, по физикѣ, химіи и технологіи; отдѣлы религіозно-нравственный и церковно-славянскій, біографическій и азбука законовѣднія составлены отдѣльными лицами, и авторы ихъ представляли свои программы и статьи непосредственно въ общую коммиссію.

Послѣ выработки программъ работа была двоякая: съ одной стороны, составленіе статей, съ другой—критика ихъ. Сказанное не касается лишь литературнаго отдѣла, гдѣ статьи заимствовались и коммиссія лишь обсуждала и рѣшала, принять или отвергнуть тотъ или иной литературный отрывокъ, предлагаемый однимъ изъ членовъ. Въ виду этой двойственности работы, и было обращено вниманіе на то, чтобы въ составѣ каждой подкоммиссій были члены, обладающіе даромъ популяризаціи, для составленія статей, и члены, настолько компетентные, чтобы гарантировать научную фактическую правильность работъ. Такимъ образомъ, во главѣ подкоммиссій стоялъ человекъ науки—профессоръ университета, предсѣдательствовавшій во всѣхъ засѣданіяхъ; въ составѣ-же подкоммиссій, по возможности, входило еще нѣсколько членовъ съ спеціальной подготовкой и учительницы воскресныхъ школъ, несомнѣнно ближе всего знакомыя съ тѣмъ составомъ учащихся, которому должна была служить книга; онѣ могли критиковать пред-

ставленные статьи особенно со стороны ихъ доступности учащимся; ими-же составлена большая часть статей, такъ какъ лица, бывшія во всеоружіи знаній, спеціалисты, далеко не всегда обладали даромъ популярнаго изложенья, и не разъ случалось, что попытки ихъ составлять статьи оказывались неудачными, тогда какъ работы учительницъ, не лишеныя часто фактическихъ погрѣшностей, легко исправимыхъ, со стороны изложения удовлетворяли требованія комиссіи, а многія признавались даже образцовыми.

Всѣхъ членовъ комиссіи по составленію книги за все время работъ было 84, но составъ комиссій былъ довольно подвиженъ; однако число членовъ, принимавшихъ участіе въ продолженіи всей работы, длившейся 6 лѣтъ, доходить до 38; остальные 46 или принимали временное участіе въ составленіи книги, или являлись лишь авторами отдѣльныхъ статей, не имѣя возможности посѣщать засѣданія и принимать болѣе близкое участіе въ работѣ. Мы считаемъ небезынтереснымъ подробнѣе остановиться на вопросѣ о составѣ комиссій, такъ какъ характеристика этого состава несомнѣнно явится до нѣкоторой степени характеристикой самой работы. Итакъ, изъ 84 членовъ комиссіи было 40 человѣкъ, такъ сказать, людей науки,—профессоровъ, учителей гимназій, врачей и т. п., и 44 человѣка практика, т.-е. учительницы воскресныхъ школъ. Въ виду того, что мы съ первыхъ-же шаговъ признали полезнымъ привлечь къ дѣлу и иногороднихъ участниковъ (последнихъ оказалось 17 человѣкъ—10 учительницъ воскресныхъ школъ и 7 другихъ лицъ); конечно, ихъ участіе сказалося лишь въ составленіи статей. Хотя сношенія съ иногородними участниками еще больше осложняли, а главное—затягивали работу (корреспонденція по дѣлу книги достигла значительныхъ размѣровъ), тѣмъ не менѣе мы не сожалѣемъ о привлеченіи иногороднихъ сотрудниковъ, такъ какъ ихъ трудами созданы такія капитальныя части книги, какъ цѣлыя отдѣлы—религіозно-нравственный и церковно-славянскій, біографическій и азбука законовѣднія, помимо 36 статей по другимъ отдѣламъ. Изъ 84 членовъ комиссіи 65 человѣкъ непосредственно работали надъ составленіемъ книги, т.-е. или писали статьи, или выбирали ихъ изъ имѣющагося матеріала, или редактировали статьи, остальные 19 принимали лишь участіе въ обсужденіи статей и другихъ вопросовъ.

Составленіе статей распредѣляется между участниками слѣдующимъ образомъ:

М. И. Экземплярская-Бучинская	35	статей (религіозно-нравственный и церковно-славянскій отдѣлы).
Н. А. Власенко	32	»
Э. О. Кислинская-Вахтерова	26	» (біографич. отдѣлъ).
Профессоръ А. Н. Красновъ	18	»
Е. А. Бекетова	16	»
А. И. Хатисовъ	13	»
Е. А. Алчевская	12	»
Р. Б. Хавкина	12	»
В. П. Кондратьева	9	»
Н. П. Дружининъ	6	» (азбука законовѣд.)
Проф. В. Ѳ. Тимофеевъ	6	»
А. А. Бекетова	5	»
П. Н. Пенго	5	»
О. И. Рогова	5	»
М. Н. Салтыкова	5	»

В. А. Волжинъ	4	статьи
Т. И. Грищенко	4	»
Л. Г. Загурская	4	»
С. Н. Каменскій	4	»
В. В. Рудневъ	4	»
А. Н. Быковъ	3	»
Е. В. Грузова	3	»
Проф. И. П. Скворцовъ	3	»
А. М. Астрова	2	»
А. Н. Ачкасовъ	2	»
Акад. Н. Н. Бекетовъ	2	»
Д. М. Васильевъ	2	»
Н. П. Дашкевичъ	2	»
В. Н. Джонсъ	2	»
Н. А. Жуковскій	2	»
С. П. Мечъ	2	»
В. П. Пашковъ	2	»
Е. А. Реформатская	2	»
В. И. Смирновъ	2	»
А. И. Шкоде	2	»
А. И. Яшновъ	2	»
М. Н. Алчевская	1	»
А. П. Еленева	1	»
В. Ф. Кириллова	1	»
С. А. Клягина	1	»
Я. И. Ковальскій	1	»
В. С. Костромина	1	»
Д. Б. Педаевъ	1	»
О. Ф. Русинова	1	»
Е. А. Соловьева	1	»
М. И. Шульцъ	1	»
Г-нъ Шустовъ	1	»

Для литературнаго отдѣла отрывки и произведенія выбирались 28 лицами, предложившими 583 статьи; изъ нихъ принято было 175; распредѣляются онѣ такимъ образомъ:

Х. Д. Алчевская	64	статьи	изъ 145	предложенныхъ
О. В. Кайданова	10	»	»	72
Т. И. Грищенко	13	»	»	43
А. И. Хатисовъ	13	»	»	38
Л. Г. Загурская	8	»	»	31
Н. А. Чекановъ	6	»	»	26
М. Н. Салтыкова	16	»	»	23
А. Н. Новицкая	2	»	»	23
Тифлис. воск. школа	5	»	»	19
З. Пв. Дашкевичъ	5	»	»	18
А. П. Грищенко	2	»	»	17
М. П. Вруцевичъ	4	»	»	15
З. Ир. Дашкевичъ	1	»	»	15
О. Ф. Русинова	1	»	»	15
Л. Е. Ефимовичъ	7	»	»	13

Остальные 19 статей приняты изъ 70, предложенныхъ 14-ю лицами.

Ходъ работъ по составленію статей былъ слѣдующій: всѣ статьи представлялись авторами въ соответствующую подкоммиссію; здѣсь онѣ перечитывались и подвергались критикѣ; если въ статьѣ требовались незначительныя измѣненія, а главное, если они касались лишь внѣшней стороны, то статья принималась съ перваго чтенія; если же требовались поправки по существу, а тѣмъ болѣе значительныя переизмѣненія, то статья поступала въ комиссію вторично; случалось, что одна и та-же работа возвращалась такимъ образомъ до 4-хъ разъ. Если возникали сомнѣнія относительно доступности статьи для учащихся, то она подвергалась перечиткѣ въ школѣ съ учащимися соответствующей подготовки и затѣмъ вновь представлялась въ комиссію съ докладомъ, обыкновенно письменнымъ, о результатахъ проверки въ школѣ. По составленіи всѣхъ статей отдѣла, послѣдній редактировался предѣтелемъ комиссіи или другимъ компетентнымъ лицомъ, и только тогда уже считался законченнымъ. Мы не можемъ не отмѣтить здѣсь трудъ лицъ, редактировавшихъ разные отдѣлы книги, какъ исполнившихъ самый отвѣтственный и, быть можетъ, самый сложный трудъ. Вотъ эти лица: проф. *Д. И. Бигальи*—предѣтель общей комиссіи, а также подкоммиссіей по историческому отдѣлу; онъ-же редактировалъ историческій отдѣлъ; проф. *В. Я. Данилевскій*—предѣтель комиссіи по зоологій и гигиенѣ, онъ-же редакторъ отдѣла гигиены; проф. *А. Н. Красновъ*—предѣтель комиссіи по географіи и ботаникѣ, онъ-же редакторъ этихъ отдѣловъ; проф. *А. С. Лебедевъ*—редакторъ религіозно-нравственнаго отдѣла; проф. *М. П. Скворцовъ*, редактировавшій отдѣлъ гигиены; проф. *П. Т. Степановъ* и *С. Н. Каменскій*—редактировавшие зоологическій отдѣлъ; проф. *В. Ф. Тимофеевъ*—редактировалъ отдѣлъ химіи и технологій; проф. *А. П. Шимковъ*—предѣтель комиссіи по физикѣ, химіи и технологіи, онъ-же редактировалъ отдѣлъ физики; проф. *Л. Н. Заурскій* и проф. *Н. О. Курлеваскій* принимали участіе въ разсмотрѣніи отдѣла «Азбука законовѣднія».

Труду этихъ лицъ книга многимъ обязана, и мы считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ принести имъ нашу особую благодарность за ихъ содѣйствіе и всегдашнюю готовность принять участіе въ нашей работѣ. Безъ присутствія предѣтелей подкоммиссій не была прочитана ни одна статья, вошедшая въ книгу, и организаторы засѣданій никогда не встрѣчали не только отказа съ ихъ стороны, но даже какой-либо задержки.

Вся книга цѣликомъ подверглась затѣмъ редакціи особой редакціонной комиссіи, состоявшей изъ 3 членовъ: *Х. Д. Алчевской*, *Н. А. Власенко* и *М. Н. Салтыковой* (она-же секретарь всѣхъ засѣданій какъ общей комиссіи, такъ и всѣхъ подкоммиссій). На обязанности этихъ трехъ лицъ лежало общее редактированіе книги, представившее не мало трудностей и слѣдствіе значительной разнохарактерности матеріала, вызванной участіемъ въ составленіи книги многихъ лицъ; согласовать огромный матеріалъ всѣхъ трехъ выпусковъ, окончательно размѣстить его и строго проредактировать со стороны изложенія—все это потребовало много времени и труда.

Такимъ былъ ходъ работы, но лицу, не принимавшему непосредственнаго участія въ ней, трудно и представить себѣ, сколько осложненій представляла именно такая система работъ и какъ много времени взяла она. Мы-же, непосредственные участники, легко понимаемъ, какимъ образомъ работа эта растянулась на 6 слишкомъ лѣтъ, отъ 13-го января 1893 года (день перваго засѣданія) до апрѣля 1899 г., когда была отправлена въ ти-

пографію третья книга. Какъ сказано выше, въ виду продолжительности работы, составъ участниковъ мѣнялся, что также являлось неудобствомъ; случалось, что инныя статьи передавались по нѣсколько разъ отъ одного автора другому, пока наконецъ являлись на судъ комиссіи. Многія статьи перечитывались въ комиссіи по два раза, а инныя и болѣе. Такимъ образомъ, были статьи, которыя каждая отняли у комиссіи по много часовъ работы. Слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ случаяхъ, когда статьи признавались вполнѣ непригодными, инныя послѣ двукратныхъ передѣлокъ авторами. Подсчитавъ, что по научнымъ отдѣламъ было отвергнуто 110 статей, а по литературному—410 произведеній, всего, значить, 520 статей (принято 457), мы увидимъ, что и на эту, такъ сказать, безрезультатную работу ушло не мало времени. При обиліи критическихъ замѣчаній со стороны членовъ, въ большинствѣ случаевъ въ одно засѣданіе успѣвали прочесть всего 3—4 статьи, иногда даже меньше и только рѣдко больше. Поэтому не удивительно, что, не смотря на долгое время, занятое составленіемъ книги, были періоды до крайности интенсивной работы, когда бывало по 4 и 5 засѣданій въ недѣлю.

Для характеристики количества совмѣстной работы, т. е. работы въ засѣданіяхъ, приведемъ слѣдующія цифры: всѣхъ засѣданій было 176; изъ нихъ 23 засѣданія общей комиссіи и 153—по различнымъ отдѣламъ; послѣднія распределяются такъ: по литературному отдѣлу 48 засѣданій, по исторіи—31, по географіи и ботаникѣ—28, по зоологій и гигиенѣ—25, по физикѣ, химіи и технологіи—21. Число членовъ въ общихъ засѣданіяхъ колебалось между 17 и 40 (среднее 23); число членовъ въ подкомиссіяхъ было, конечно, значительно меньше, но за-то посѣщаемость ихъ засѣданій была гораздо равномернѣе.

Сказавъ все существенное, на нашъ взглядъ, относительно составленія «Книги взрослыхъ», мы перейдемъ теперь къ вопросу о примѣненіи ея въ воскресной школѣ. М. Салтыкова.

Изъ рецензій, составленныхъ участниками Харьковской частной женской воскресной школы.

«Восточные цвѣты». Избранныя произведенія славянскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, румынскихъ и греческихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Подъ ред. *Сертыя Шаранова*. М. 1893. Цѣна каждаго выпуска 5 к.

1) Сербы № 1. «У колодца». Разсказъ изъ сербской жизни *Лазо Лазоревича*. Изд. «Посредника», № 210. Москва, 1895. Ц. 1½ к. 36 стр.

Разсказу «У колодца» предпослано небольшое предисловіе въ 4 странички о значеніи таланта Лазо-Лазоревича. Предисловіе это написано не для народа, и чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно взять хотя-бы одну выдержку: «Имя Лазо-Лазоревича останется навсегда украшеніемъ европейской литературы, вслѣдствіе удивительнаго сочетанія въ этомъ человѣкѣ двухъ элементовъ: замѣчательной яркости образовъ и красокъ и цѣльности чисто народнаго сербскаго міровоззрѣнія» (изд. «Восточные цвѣты»). Но, кромѣ этого коротенькаго предисловія, есть еще и разсказъ, занимающій 30 страничекъ и дѣйствительно отличающійся «замѣчательной яркостью образовъ и красокъ», какъ говорится въ предисловіи. Предъ вами глубокій старикъ-главарь многочисленной семьи, предъ авторитетомъ котораго молча преклоняется все, отъ мала до велика. Старикъ уменъ, честенъ, справед-

ливъ; трудолюбивая семья довольна и счастлива. Изображеніе жизни и нравовъ задруги фотографически вѣрно. Тѣмъ не менѣе вы чувствуете осадокъ горечи при мысли, слѣдуетъ-ли воспитывать народъ съ помощью подобныхъ рабскихъ идеаловъ. Вы предубѣждены противъ разсказа и готовы отвергнуть его. Но въ мирную семью старика Дженадича врывается свѣжій элементъ въ образѣ жены младшаго брата—избалованной красавицы Аноки. Анока своимъ своенравіемъ и гордостью отравляетъ жизнь всѣмъ членамъ семьи, но никто не смѣетъ сказать объ этомъ ни слова старику. Странное дѣло, но, несмотря на отрицательные поступки Аноки, вы невольно проникаетесь симпатіей къ этой сильной натурѣ, желающей сбросить съ себя всякій намекъ на деспотизмъ. Но умный и проницательный старикъ видитъ насквозь Аноку и призываетъ однажды всю семью на совѣтъ. Всѣ въ ужасѣ и трепетно ждутъ его приговора; даже Анока поблѣднѣла, какъ смерть. Но, къ общему удивленію, онъ повелѣлъ всѣмъ домочадцамъ слушаться Аноки и выполнять всѣ ея капризы. И вотъ, сначала Анока начинаетъ безобразничать, а затѣмъ ночью на нее нападаетъ раздумье, и въ результатѣ въ душѣ ея происходитъ реакція. Поступокъ умнаго старика поразилъ ее и заставилъ задуматься. Она разомъ сознала всю нелѣпость и несправедливость своихъ поступковъ; съ ней произошелъ нравственный переворотъ. И на утро, смиренная и крѣпкая, она пошла къ колодезю, чтобы вытащить оттуда воды и подать умыться всѣмъ членамъ семьи. И когда обрядъ этотъ былъ совершенъ, старецъ Дженадичъ подошелъ къ колодезю въ свою очередь и смиренно и ласково сказалъ Анокѣ: «Теперь, дитя мое, я самъ подамъ тебѣ умыться». Въ этой послѣдней картинѣ есть нѣчто весьма трогательное и глубоко-христіанское. При чтеніи послѣдней страницы у многихъ ученицъ были слезы на глазахъ, и все ихъ вниманіе было сосредоточено не на стрѣхъ семьи, подчиняющейся главарию, а на характерѣ Аноки и умномъ старикѣ, съумѣвшемъ побѣдить ея своенравіе. Съ одной стороны, онѣ симпатизировали ей и говорили, что она не виновата, что родной отецъ безъ толку избаловалъ ее, какъ единственное дитя, а съ другой—осуждали, что нельзя-же такъ, нельзя сидѣть сложа руки, когда всѣ работаютъ, и наносить кругомъ обиды.

Разсказъ написанъ такъ живо и талантливо, что мы горячо рекомендуемъ его въ народныя бібліотеки для чтенія взрослыхъ.

Вопросы: Опишите характеръ Дженадича и невѣстки его, Аноки. — Какое влияніе имѣлъ на нее семейный совѣтъ?—О чемъ думала она въ безсонную ночь и къ какому пришла рѣшенію?—Чѣмъ тронулъ ее душу старикъ Дженадичъ у колодезца?—Кто училъ людей подобному смиренію?

2) Сербы, № 2. «За народомъ не пропадетъ» *Лазоревича*. 25 стр.

Весь этотъ маленькій разсказъ подернуть съ начала и до конца колоритомъ грусти. Вамъ грустно и боязно наблюдать волненія капитана, находящагося на службѣ вдали отъ семьи и трепетно ожидающаго парохода, съ которымъ должна пріѣхать жена его, оставшаяся по случаю приближавшихся родовъ въ родномъ городѣ, на который напали черкесы; вамъ жаль и мѣдника Благоя, поджидающаго раненаго сына въ надеждѣ, что онъ легко раненъ; васъ трогаетъ до глубины души благополучный пріѣздъ молодой матери съ новорожденнымъ сыномъ и потрясаетъ до слезъ видъ огромнаго здороваго юноши безъ правой ноги и лѣвой руки. Встрѣча отца съ сыномъ до такой степени трогательна, что вся женская аудиторія воскресной школы, въ которой былъ прочтенъ этотъ разсказъ, не могла удержаться отъ слезъ.

— Легко-ли переносить такое горе! — говорила старуха, утираясь платочкомъ.

— Господи, что только творять эти войны! — вздыхала пожилая женщина.

На глазах молодой дѣвушки дрожали слезы, но она не отирала ихъ, внимательно вслушиваясь, что будетъ дальше.

— «За народомъ не пропадетъ!»—сказалъ несчастный отецъ, очнувшись отъ обморока и желая чѣмъ-нибудь утѣшить калѣку-сына.

«Окружавшій эту сцену народъ всколыхнулся отъ этихъ словъ, и въ шапку инвалида посыпались и золотыя монеты, и мѣдяки. Но напрасно добрые люди наполняютъ шапку калѣби деньгами: онъ нищій, а любимое выраженіе его отца «за народомъ не пропадетъ» скоро приходится перемѣнить на другое: «Господь подастъ».

Разсказъ кончается такъ: «Можете ему подать, если встрѣтите».

И я увѣрена, что эти слова произвели такое впечатлѣніе, что ни одна изъ нашихъ слушательницъ не пройдетъ мимо калѣки-солдата, не подавъ ему копѣйки, если только она окажется въ ея карманѣ.

Разговора по поводу прочитаннаго не было конца.

— Конечно, лучше-бы безъ войны,—говорила въ раздумьѣ пожилая женщина,—только можно-ли, Богъ знаетъ! Можетъ, для государства такъ надо.

Старуха-же разсказала намъ очень длинную исторію о томъ, какъ дядя ея пропалъ во время войны и даже «панихиды по немъ правили», а затѣмъ оказалось, что онъ скрывался отъ враговъ въ лѣсахъ, и родные съ радостью узнали, что онъ живъ. Но возвращеніе его не было особенно радостнымъ: онъ возвратился домой съ изуродованнымъ лицомъ и съ такими тяжелыми ранами, которыя до сихъ поръ болятъ на погоду. Разсказъ старухи былъ такъ яркъ и интересенъ, что я искренно пожалѣла о томъ, что мнѣ некогда было записать его.

Заглавіе разсказа ученицы объяснили такъ: «это значитъ: народъ помогать будетъ». Многія изъ нихъ просили книжечку домой, чтобы прочитать домашнимъ.

Разсказъ можетъ быть рекомендованъ для подростковъ и взрослыхъ.

При провѣркѣ прочитаннаго, вмѣсто всякаго рода вопросовъ, слѣдуетъ побесѣдовать съ учащимся о значеніи войны и ея пагубныхъ послѣдствіяхъ, хотя можно также спросить, какъ отнесся народъ къ несчастью калѣки, изуродованнаго на войнѣ, и какъ вообще слѣдуетъ относиться въ подобныхъ случаяхъ.

Рекомендуя этотъ прекрасный разсказъ для народа, мы тѣмъ не менѣе желали-бы видѣть его изданнымъ въ тщательно просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ относительно слѣдующихъ, напр., погрѣшностей и промаховъ, которыми онъ испещренъ: 1) Въ разсказѣ множество словъ и выраженій, совершенно недоступныхъ пониманію мало подготовленнаго читателя-простолудина и оставленныхъ переводчикомъ безъ всякаго объясненія, каковы: чакчиры, аранжировать, агентъ, ракія, гро, позировать, безапелляціонный, философская почва, ритмъ и т. п. 2) Съ другой стороны, нельзя не указать на неудачныя подстрочныя объясненія въ родѣ: 2 гроша=40 сантимамъ, механа—родъ постоялаго двора или кафе, газда—хозяинъ въ смыслѣ самостоятельнаго мастера. 3) Встрѣчаются въ разсказѣ такія неправильныя выраженія, какъ «слѣпой мышъ», «удариться объ изгороду», и такія странныя и совершенно непонятныя для простаго человѣка образы,

сравненія и опредѣленія, какъ: «черкесы — эти любимцы Европы»; «въ Зайчарѣ—иллюминація, а въ Княжевцѣ—рѣки потекли молокомъ», «глаза капитана врацались, какъ избитыя ступицы около съѣзженной оси»; «капитанъ начиналъ перетраживать мысли, чтобы высѣять (?) самыя черныя»; онъ же «снесъ куму лимонъ и приглашеніе на «перстень» и др.

3) Сербы № 3. «Латинчева женитьба». Разсказъ *Сима Матавуля*. 20 стран.

Вся соль разсказа заключается въ томъ, что сильная дѣвушка борется съ парнемъ и одолеваетъ его. — «Одолола меня не она, а кровь дѣвичья. А кто не вѣритъ, на того мнѣ наплевать!» говоритъ онъ въ свое оправданіе. И дѣйствительно, когда на состязаніе съ нимъ вышелъ парень-силачъ, онъ побѣдилъ послѣдняго. Разсказъ испещренъ такими выраженіями, какъ:

«Царь се сакри у село Граждане,
А Царицу Цернгорца бране».

Правда, каждое такое выраженіе объясняется мелкимъ шрифтомъ подъ звѣздочкой, но малограмотный читатель не умѣетъ, во-первыхъ, справляться съ этими звѣздочками, а во-вторыхъ, его крайне затрудняютъ эти невѣдомыя ему слова.

Въ предисловіи къ изданію говорится, между прочимъ, что «ни одна строка ни въ одномъ изъ разсказовъ не смутитъ и не соблазнитъ, какъ мы надеемся, и самую скромную изъ читателейницъ». Мы-же, правду сказать, почувствовали вѣкоторую неловкость, когда пришлось предложить вопросъ: «почему Латинче не поборолъ Дуни? Правда, скромныя дѣвушки отвѣчали застѣнчиво: «потому что онъ любилъ ее», но мы болѣе чѣмъ увѣрены, что въ мужской аудиторіи эпизодъ этотъ можетъ сопровождаться циничными шутками.

Непонятныя слова вызвали слѣдующія замѣчанія: «Сейчасъ видно, что это не русскіе люди», «Страхъ какъ трудно запомнить участвующихъ, кто чѣмъ былъ».

Обвинять издателя за всѣ тѣ погрѣшности, на которыя указали мы, никакъ нельзя, такъ какъ въ предисловіи онъ говоритъ: «Настоящее изданіе представляетъ попытку распространить знакомство въ средѣ русскаго читающаго общества съ этой пренебреженной нами словесностью европейскаго востока»; но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать подобную книгу для чтенія народа также не приходится; къ тому-же, самый разсказъ не характеренъ для славянскаго юга.

4) Сербы № 4. «Дядя Пера». Разсказъ *Янка Веселиновича*. 40 стран.

Что касается разсказа «Дядя Пера», то онъ представляетъ собою исповѣдь старика, глубоко оскорбленнаго тѣмъ, что родной сынъ выгналъ его изъ дому. Если хотите, это «Король Лѣръ» въ миниатюрѣ. Оставляя въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе, вслѣдствіе горькой участи старика-отца, обиженнаго неблагодарнымъ сыномъ, разсказъ тѣмъ не менѣе вызываетъ хорошія чувства и передаетъ просто и трогательно. Его охотно можно рекомендовать какъ для подростковъ, такъ и для взрослыхъ, имѣя при этомъ въ виду бесѣду на тему объ отношеніяхъ родителей и дѣтей и ея воспитательное значеніе.

Изъ учебной практики воскресныхъ школъ.

Программа по письму для малолѣтнихъ и подростковъ на шесть лѣтъ обученія въ воскресной школѣ.

(Разработана учительницей Х. Ч. Ж. В. школы Е. В. Грузовой).

Программа эта даетъ распредѣленіе грамматическихъ правилъ по годамъ обученія (программа письма въ «Программахъ по всѣмъ предметамъ обученія въ воскресной школѣ», составленныхъ преподающими Х. Ч. Ж. В. школы *), раздѣлена на 4 года обученія); знакомитъ съ тѣмъ, какой матеріалъ желательно давать учащимся для домашнихъ работъ параллельно съ прохожденіемъ этихъ правилъ (обозначены параграфы «Практическаго курса правописанія» *Некрасова*, вып. I и II); какъ пользоваться для письменныхъ работъ 1 и 2 годами «Родного Слова» Ушинскаго, иллюстрируя эти письменныя работы картинами атласа Шрейбера; какіе вопросы слѣдуетъ ставить, чтобы учащіяся давали на нихъ отвѣты сначала въ видѣ полныхъ предложеній, а потомъ въ видѣ связанныхъ разсказовъ (*Некрасовъ*, вып. I, отд. II, стр. 23, подъ буквой а, «Родное Слово», годъ I, стр. 88, № 33—36. *Тихомировъ* «Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку», стр. 43; послѣдніе вопросы трудны). Затѣмъ программа предлагаетъ давать описаніе предметовъ по вопросамъ (*Некрасовъ*, вып. I, отдѣлъ II подъ буквой б, стр. 26 и 27. *Тихомировъ* «Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку», стр. 75) и сочиненія по плану и на данныя темы (*Некрасовъ*, вып. II, отдѣлъ II, подъ буквою б, стр. 5б, №№ 19—22, 25, 35 и 36). Далѣе дается списокъ разсказовъ, стихотвореній и басенъ для переложеній (для 3-го, 4-го, 5-го и 6-го годовъ обученія), которыя должны писаться сначала, какъ отвѣты на вопросы, потомъ, послѣ нѣсколькихъ устныхъ пересказовъ учащихса, вполне самостоятелно. При этомъ учащимся сначала предлагаются для переложеній разсказы съ самымъ простымъ содержаніемъ, затѣмъ съ болѣе идейнымъ, потомъ басни и наконецъ нѣсколько художественныхъ отрывковъ для развитія въ учащихся художественнаго вкуса и для выработки у нихъ литературнаго языка (если этотъ списокъ окажется недостаточнымъ, то хорошо пользоваться тремя книгами «Вешнихъ всходовъ»). Далѣе программа рекомендуетъ давать письменныя работы въ связи съ веденіемъ объяснительнаго чтенія по «Новой программѣ» **) (пользуясь стѣнными картинами по зоологіи). Преподаватель найдетъ также списокъ картинъ, содержаніе которыхъ ученицы могутъ описать и по которымъ желательно, чтобы ученицы писали сочиненія въ видѣ связанныхъ разсказовъ; списокъ темъ для сочиненій, по возможности, самостоятельныхъ. Наконецъ предлагается давать сочиненія въ связи съ бесѣдами по исторіи и географіи (при этомъ хорошо показывать учащимся означенныя ниже картины).

*) Будемъ называть ихъ вездѣ ниже сокращенно «программы».

**) Такъ называется въ Харьковской школѣ программа объяснительнаго чтенія, разработанная также Е. В. Грузовой по нѣсколькимъ класснымъ книгамъ: изъ каждой изъ нихъ выбраны наиболѣе удачныя статьи. Программу эту мы надѣемся дать въ одной изъ слѣдующихъ хроникъ.

Первый годъ обученія.

Букварь и «Родное Слово» г. I.

Письмо буквъ и звуковая диктовка по «Программамъ». При этомъ начало изученія правилъ правописанія: слоги, понятие о предложеніи, точка, прописная буква послѣ точки; большая буква въ именахъ собственныхъ; *э* и *е* въ концѣ слова.

Параллельно домашнія работы—сначала списываніе съ книги и упражненія по Некрасову, выпускъ I, отд. I, параграфы 1—4; по «Родному Слову», годъ I («Программы» глава: письменныя логическія упражненія по «Родному Слову» въ связи съ уроками чтенія) № 1—9: послѣднія работы дѣлается въ классѣ и имъ предпосылаются небольшія бесѣды. При этихъ письменныхъ работахъ хорошо пользоваться атласомъ Шрейбера; въ немъ учащій найдетъ картины: учебныя пособия; классная мебель; мебель, посуда, вухонная посуда, садовыя и земледѣльческія орудія; зданія, суда, экипажи; животныя.

Второй годъ обученія.

«Родное Слово» г. II.

Диктовка: *э* и *е* въ срединѣ словъ; буквы *и*, *і*; буква *ь* въ дательномъ и предложномъ падежахъ; буква *ъ* въ словахъ *нхатъ*, *неть* и во всѣхъ производныхъ; *ы*, *ю*, *я* послѣ шипящихъ и гортанныхъ; сомнительные гласные звуки, сомнительные согласные звуки; буква *э* въ русскихъ словахъ: *этотъ*, *экій*, *эй*, *этакъ*; употребленіе *е*, когда оно выпадаетъ или переходитъ въ *ё*; главные части предложенія (объяснительныя слова по вопросамъ, если останется время); знаки вопросительный и восклицательный, запятая. Разборъ по частямъ предложенія. Домашнія работы по Некрасову вып. I, отд. I, §§ 5—7, 30, 31, 15—18, 14, 8—13, 19—29. Отвѣты на вопросы сначала болѣе легкіе; прежде чѣмъ писать ихъ, учащіеся должны отвѣтить устно; затѣмъ предлагаются болѣе трудные вопросы и учащимся предоставляется полная самостоятельность. Вопросы преподаватель найдетъ у Некрасова вып. I, отд. II-й, стр. 23 подъ буквой *а*. Есть вопросы и въ «Родномъ Словѣ» ч. I, стр. 88, №№ 33—36. Трудные вопросы у Тихомирова «Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку», стр. 45. Объясненіе, какъ ставить вопросы и что требовать отъ учащихся учитель найдетъ въ книгѣ Некрасова «Руководство къ практическому курсу правописанія», стр. 76—80.

Въ связи съ чтеніемъ «Родного Слова» письменныя работы (стр. 41) №№ 10—15, 17, 18, 22—24 и 29. При этихъ работахъ хорошо пользоваться атласомъ Шрейбера; въ немъ учащій найдетъ (для 2-го года обученія) картины: птицы, пресмыкающіяся, гады, рыбы, насѣкомыя и т. д.

Третій годъ обученія.

«Новая программа».

Диктовка на слѣдующія правила: выдѣленіе частей рѣчи (имя существительное, прилагательное и глаголь). Понятіе о родѣ; *э* и *е* послѣ ши-

пящихъ въ окончаніяхъ именъ мужского и женскаго рода. Предлогъ и его употребленіе. Частица *съ*, *съ* въ глаголахъ. Буква *ъ* на вопросы: «что дѣлаешь?» и «что дѣлать?» Буква *ь* въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголъ. Буква *ь* въ прошедшемъ времени. Окончаніе прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа на *аго*, *яго*. Родовыя окончанія прилагательныхъ. Окончанія именъ прилагательныхъ женскаго рода въ винительномъ и творительномъ падежахъ. Отрицаніе *не* съ глаголомъ отдѣльно. Буква *ь* въ числительныхъ. Понятіе о корнѣ, приставкѣ и окончаніи. Въ приставкахъ *ь* не пишется. Буква *ь* въ корнѣ словъ.

Послѣднее правило проходится, по возможности, параллельно другимъ правиламъ; при этомъ хорошо пользоваться стѣнной таблицей словъ съ буквою *ь* въ корнѣ.

Разборъ по частямъ рѣчи.

Домашнія работы по Некрасову вып. II-й, отд. I-й, §§ 1—37, а также 39—42.

Достигнуть письменнаго пересказа по вопросамъ. Сначала взять болѣе легкіе рассказы, можно изъ Пудыковича. «Письменные упражненія въ изложеніи мыслей» отд. I, стр. 7, § 3. «Обезьяна и горохъ» (есть этотъ рассказъ и у Толстого «Первая книга для классаго чтенія», стр. 19) § 4 «Грамотей», § 11 «Собака и ея тѣнь» (у Толстого 2-ая книга, стр. 11), § 12 «Всякой вещи свое мѣсто», § 18 «Царь и войны», § 19 «Не все только для себя», § 20 «Бѣднякъ и богачъ», § 23 «Нищій и собака», § 40 «Муравей и голубка» (у Толстого 1-ая книга, стр. 5), § 42 «Добромъ за зло». Рассказъ «Камень» (взять у Толстого кн. I, стр. 6). Пуцыковичъ § 45 «Левъ и мышь» (у Толстого кн. I, стр. 9), § 49 «Два работника», § 52 «Пріятели», «Мужикъ и медвѣдь» («Родное Слово» г. II, стр. 55). Пуцыковичъ § 67 «Пожарныя собаки» (у Толстого кн. 1-ая, стр. 10), § 73 «Великодушный незнакомецъ», § 81 «Дѣдушка и внучекъ» (вопросы есть у Некрасова вып. II, отд. II подъ буквой *а*, какъ пользоваться ими—объяснено въ «Руководствѣ къ практическому курсу правописанія» Некрасова, стр. 83. Рассказъ этотъ можно брать у Толстого, книга I, стр. 14, въ «Дѣтскомъ мірѣ» ч. I, стр. 15, въ «Хрестоматіи» Полевого, стр. 24).

Ко всѣмъ рассказамъ, взятымъ изъ Пуцыковича, есть вопросы.

Описаніе предметовъ по вопросамъ можно давать по «Родному Слову», годъ II, по Некрасову вып. I, отд. II, подъ букв. *б*, стр. 26 и 27, а также по Тихомирову «Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку», стр. 75. Какъ вести описаніе предметовъ по вопросамъ учитель найдетъ въ «Руководствѣ къ практическому курсу правописанія» Некрасова, стр. 80 и 81. Въ случаѣ, если группа успѣваетъ, можно давать сочиненія по плану (объясненіе тамъ-же, стр. 81 и 82) и на данныя темы (объясненіе тамъ-же, стр. 84 и 85). Брать планы и темы изъ «Практическаго курса правописанія» Некрасова вып. II, отд. II, подъ буквой *б*, стр. 56, №: 19—22, 25, 35 и 35.

Четвертый годъ обученія.

«Новая программа» (продолженіе).

Диктовка—повтореніе правилъ, пройденныхъ въ предыдущемъ году, параллельно съ правилами о знакахъ препинанія. Разборъ. Домашнія работы

на знаки препинанія—Некрасовъ, вып. II, отдѣлъ I § 45—52. Если останется время, то немного о нарѣчій, союзѣ и междометіи. Домашнія работы по Некрасову вып. II, отдѣлъ I, §§ 38, 43 и 44. Постепенно переходить къ переложеніямъ безъ помощи вопросовъ, требуя сначала пересказа отъ учащихся, или давая имъ планъ (объясненіе у Некрасова «Руководство къ практическому курсу правописанія», стр. 84).

Разказы для переложеній:

«Ровный дѣлежъ» («Хрестоматія» Полевого, стр. 17, № 41). «Чудный врачъ» (Пуцковичъ «Письменные упражненія въ изложеніи мыслей» § 80). «Органы человѣческаго тѣла» (Пуцковичъ § 84, «Дѣтскій міръ», часть I, стр. 4). «Фроль Силинъ» (Пуцковичъ § 84; есть вопросы и у Некрасова «Практ. курсъ правопис.», вып. II, отд. II, буква а). «Дѣвочка и грибы» (Толстой, кн. 2, стр. 5).

Перейти къ переложенію стихотвореній и басенъ.

Стихотворенія: «Въ дорогѣ» («Родное Слово», годъ II, стран. 73). «Маленькій мужичекъ» («Родное Слово», годъ II, стран. 94). «Сѣнокосъ» («Родное Слово», г. II, стр. 127, Полевой, стр. 53, вопросы у Тихомирова, стр. 90). «Что ты спишь, мужичекъ?!» (Тихомировъ, стр. 122, «Дѣтскій міръ», ч. II, стр. 4). «Зима» (Полевой, стр. 55). «Школьникъ» (Тихомировъ, стр. 111). «Весенняя гроза» (Полевой, стр. 51). «Картинка» (Полевой, стр. 119) или «Манифестъ» (Воскресенскій, стр. 99).

Басни: «Медвѣдь и бревно» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 24). «Лебедь, щука и ракъ» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 53). «Маргышка и очки» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 46, Полевой, стр. 59; вопросы у Тихомирова, стр. 110). «Ворона и лисица» (Полевой, стр. 63). «Слонъ и моська» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 47, Полевой, стр. 62). «Обезьяна» (Полевой, стр. 74, вопросы у Некрасова «Практ. курсъ правопис.», вып. I, отд. II, подъ буквой а: у Тихомирова, стр. 129). «Щука и котъ» («Дѣтскій міръ», стр. 53, новая хрестоматія Воскресенскаго, стр. 175; вопросы у Некрасова, вып. II, отд. II подъ буквой а; Тихомировъ, стр. 111).

Если группа успѣваетъ, то при прохожденіи «Новой программы» хорошо давать сочиненія по поводу той или другой бесѣды, при этомъ можно пользоваться стѣнными картинами по зоологіи (12 картинъ: лошадь, верблюдъ, обезьяна, лиса, ежъ, вороны, ласточки, дятель, змѣя, лягушка, жуки, улитка, солитеръ, глисты).

Пятый годъ обученія.

«Новая программа» (окончаніе).

Диктовка на слѣдующія правила: предложеніе распространенное и нераспространенное. Предложеніе слитное. Запятая. Понятіе о главномъ и придаточномъ предложеніяхъ. Придаточное предложеніе въ серединѣ главнаго. Вносное предложеніе. Двоеточіе и кавычки. Главнымъ образомъ—о слитномъ предложеніи. Домашнія работы по Некрасову «Практ. курсъ правопис.», вып. II, отдѣлъ I, §§ 53—57. Переложенія вполне самостоятельныя. «Трудолюбивый медвѣдь» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 65). «Зеркало и обезьяна» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 159, Полевой, стр. 57; вопросы у Тихомирова,

стр. 113). «Свинья под дубомъ» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 65; вопросы у Тихомирова, стр. 116). «Оселъ и соловей» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 55, Воскресенскій, стр. 173, вопросы у Тихомирова, стр. 112, у Пуцковича § 87). «Шѣтухъ, котъ и мышенокъ» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 54, Полевой, стр. 116; вопросы у Тихомирова, стр. 112). «Вѣрная собака» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 9). «Воръ» (Полевой, стр. 154). «Обезьяны» (Полевой, стр. 114). «Цвѣтокъ» (Воскресенскій, стр. 191). «Крестьянская изба» («Дѣтскій міръ», ч. I, стр. 159 до словъ «версть черезъ семь?..») «Какъ мыши ката хоронили?» («Дѣтскій міръ», ч. II, стр. 18). «Мальчикъ у Христа на елкѣ» (Воскресенскій, стр. 30).

Письменные работы въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ, при чемъ бесѣда будетъ служить только планомъ для письм. работъ, въ которыхъ учащіеся могутъ написать то, что они слышали при бесѣдѣ и что знали прежде.

Письменные работы по картинамъ, создавая цѣлѣый связный разсказъ, т.-е. чтобы учащіеся писали по картинѣ такъ, какъ будто они сами видѣли все нарисованное на картинѣ. Для примѣра возьму картину «Бурлаки». Можно взять кого-нибудь изъ бурлаковъ и разсказать, почему онъ попалъ въ бурлаки и какова была его жизнь уже въ бурлакахъ. Опыты такого письма производились и учащіеся писали интересные разсказы, проявляя большую живость фантазіи.

Списокъ картинъ въ томъ порядкѣ, какъ ихъ слѣдуетъ давать:

1) «Снѣжки» (премія «Жив. Обзорѣнія»: «Русская жизнь и природа въ картинахъ»).

2) «Хата» (10 картинъ для нагляднаго обученія. Изд. Фену).

3) «Дома вечеромъ» (то-же), 4) «Зима» (то-же), 5) «Весна» (то-же),

6) «Лѣто» (то-же), 7) «Осень» (то-же), 8) «Улица» (то-же).

9) «Нежданная радость» (изъ иллюстрированнаго изданія). 10) «Первый урокъ танцевъ» (то-же).

11) «Возвращеніе съ пасхальной заутрени» (премія «Жив. Обзоръ», обозначенная выше).

12) «Обозъ, застигнутый въ метель» (то-же).

13) «Передъ грозой» (то-же).

14) «Урокъ» (изъ иллюстрированнаго изданія).

15) «Возвращеніе со службы домой» (то-же).

16) «Бурлаки».

Стихи при картинахъ можно читать только такіе, которые объясняютъ картину, чтобы не получилось переложеній. Наконецъ задаются сочиненія на слѣдующія темы:

1) «Наша семья». 2) «Школьный праздникъ». 3) «Поступленіе въ школу». 4) «Самый памятный день». 5) «Что дѣлаютъ учащіеся въ свободное время?» 6) «Какой работой занять учащійся?» 7) «Зачѣмъ читаются книги?»

Шестой годъ обученія.

Послѣ «Новой программы».

Диктовка на всѣ пройденныя правила съ разборомъ.

Переложеніе стихотвореній: «Кто онъ?» («Дѣтскій міръ», ч. II, стр. 23, Воскресенскій, стр. 262, Полевой стр. 134; вопросы у Пуцковича № 55). «Нашіе» (Воскресенскій, стр. 88), «Бурлаки» (Воскресенскій, стр. 96).

Переложенія разсказовъ: «Человѣкъ подъ землею» (Щуцковичъ § 103), «Долгъ прежде всего» (Щуцковичъ § 110), «Пѣсня птички». («Дѣтскій мѣръ», ч. I, стр. 20), «Слѣпая лошадь» («Дѣтскій мѣръ», ч. I, стр. 41; вопросы у Тихомирова, стр. 130), «Свѣтлый праздникъ» (Полевой, стр. 155), «Судъ Божій надъ епископомъ» («Дѣтскій мѣръ», ч. II, стр. 5, въ стихахъ; Воскресенскій, стр. 138; вопросы у Тихомирова, стр. 123), «Кусокъ хлѣба» (Воскресенскій, стр. 168).

Письменные работы въ связи съ бесѣдами по географіи и исторіи, иллюстрируя слѣдующими картинами: по русской исторіи—Рождественскій, «Отечественная исторія въ картинахъ». По древней—выдающіяся сооруженія всѣхъ культурныхъ эпохъ. По средней—*Bilder aus der Geschichte, nach Angaben von M. A. Becker, unter Leitung d. prof. Peter I. H. Gerger. Verlag von Ant. Hartinger u. Sohn, Wien.*

По географіи—Картины для нагляднаго преподаванія физической географіи Животовскаго и «Буря въ пустынь» («Русская жизнь и природа въ картинахъ»).

Хроника профессиональнаго образованія.

Вопросъ объ учрежденіи высшаго горнаго училища въ Екатеринбургѣ.—Промышленные училища имени Ѳ. В. Чижова.—Дѣятельность Императорскаго русскаго технического Общества по распространенію профессиональныхъ знаній.—Ремесленное ученичество и ремесленное образованіе.—Коммерческое образованіе.—Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній.—Сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ.

Очень непріятное впечатлѣніе производятъ пренія, которыми сопровождалось обсужденіе вопроса объ учрежденіи высшаго горнаго училища въ Екатеринбургѣ на сѣздѣ уральскихъ горнопромышленниковъ, бывшемъ во второй половинѣ января. При этомъ заводчики высказывались за учрежденіе училища, а «члены инженеры» энергично ратовали противъ этого. По словамъ «Урала», во главѣ оппозиціи оказался главный начальникъ горнаго уральскаго управленія, г. Боклевскій. «Я неоднократно высказывался противъ высшаго горнаго училища на Уралѣ,—замѣтилъ въ своей длинной рѣчи г. Боклевскій.—Теперь считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выяснитъ тѣ основанія, на которыхъ покоится мое убѣжденіе. Каждая отрасль промышленности несомнѣнно нуждается въ свѣдущихъ лицахъ, но лицъ этихъ должно быть столько, сколько ихъ требуется эту отраслю промышленности. Достаточно-ли число такихъ свѣдущихъ лицъ выпускается нашими учебными заведеніями для промышленности горной? Я нахожу, что достаточно. Въ 1890 г. горныхъ инженеровъ состояло на государственной службѣ 575 человѣкъ, а въ 1899 г. уже 774 чел., изъ нихъ въ 1890 г. на частной службѣ состояло 314 чел., а въ 1899 г. 388 человѣкъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ теченіе истекшаго десятилѣтія число горныхъ инженеровъ увеличилось почти на 35 проц.

«Если-же разсмотрѣть данныя и еще за десятилѣтіе съ 1880 по 1890 г., то и здѣсь увидимъ, что увеличеніе произошло на 32 проц. Въ будущемъ процентъ не только не понизится, а напротивъ—увеличится.

«Если предположить, что изъ 20 челов., ежегодно оканчивающихъ курсъ въ Горномъ институтѣ, 5 человѣкъ поступятъ въ правительственные учреж-

деня, то на долю частныхъ заводовъ остается 15 человекъ. Помимо этого, въ минувшемъ году въ г. Екатеринославѣ открыто новое высшее горное училище, которое будетъ выпускать ежегодно такое-же число инженеровъ, какое выпускаетъ Горный институтъ. Если предположить, что для каждаго завода нужно 2 инженера, то, чтобы предоставить всѣмъ имъ службу, потребуются открытіе новыхъ 12 заводовъ ежегодно, а этого пока нѣтъ». Словомъ, если открыть еще новое учебное заведеніе на Уралѣ, то, по убѣжденію г. Боклевскаго, въ самомъ-же ближайшемъ будущемъ предложеніе труда горныхъ инженеровъ превыситъ спросъ на него,—получится перепроизводство инженеровъ, которые вынуждены будутъ примѣнять свой трудъ вовсе не къ той специальности, къ которой они готовились. На его взглядъ, Уралу дѣйствительно нужно училище, но училище не высшее, а среднее. Если осуществится проектируемая реформа Уральскаго горнаго училища изъ низшаго въ среднее, то нужда въ горныхъ техникахъ на Уралѣ будетъ яко-бы вполне удовлетворена. «Помимо этого,—закончилъ г. Боклевскій свою рѣчь,—при обсужденіи вопроса о высшемъ учебномъ заведеніи не слѣдуетъ упускать изъ виду и слѣдующаго весьма существеннаго соображенія. Образование каждаго горнаго инженера обходится отъ 7¹/₂ до 10 тыс. рублей, тогда какъ образованіе ученика, напримѣръ, Уральскаго горнаго училища—отъ 1.262 р. до 1.500 р. Такимъ образомъ, результатомъ учрежденія новаго высшаго горнаго училища явится, съ одной стороны, перепроизводство инженеровъ, а съ другой—непроизводительное обремененіе государственнаго бюджета».

Г. Боклевскій, очевидно, болѣе всего боится «перепроизводства» горныхъ инженеровъ, при которомъ понизится оплата ихъ услугъ. Но даже и съ этой узко-профессіональной точки зрѣнія доводы противниковъ учрежденія высшаго горнаго училища на Уралѣ встрѣтили весьма основательныя возраженія со стороны горнозаводчиковъ. По справедливому замѣчанію одного изъ возражавшихъ, если Россія ежегодно получаетъ 15—20 человекъ горныхъ инженеровъ, то это калія въ морѣ на такую огромную страну. Если-бы ежегодно оканчивали курсъ не 20, а 200 человекъ, то и тогда не было-бы никакого перепроизводства. Намъ нужны не одинъ институтъ, а пять. Уралъ такая огромная окраина, а между тѣмъ здѣсь всего-на-всего 90 инженеровъ: просто обидная цифра! Въ результатѣ съѣздъ значительнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ ходатайствовать объ учрежденіи въ Екатеринбургѣ высшаго горнаго училища. вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ поручилъ своему Совѣту открыть на этотъ предметъ подписку среди горнопромышленниковъ Урала. «Отъ души присоединяясь къ пожеланію съѣзда, надѣемся,—говорить «Уралъ»,—что въ недалекомъ будущемъ на нашемъ Уралѣ, въ его центрѣ, осуществится эта идея, уже давно занимающая общество и въ высшей степени важная для уральскаго горнаго дѣла».

Извѣстный московскій дѣлецъ Мамонтовъ, сошедшій со сцены при столь печальныхъ обстоятельствахъ, состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ душеприказникомъ покойнаго Ѳ. В. Чижова, завѣщавшаго нѣсколько милліоновъ на устройство разныхъ школъ и благотворительныхъ заведеній. Капиталы эти оставались въ распоряженіи Мамонтова. Естественно, что мѣстное земство и дворянство чрезвычайно заинтересовались ихъ судьбой и даже избрали особыхъ уполномоченныхъ для выясненія положенія дѣла. Въ настоящее время изъ Министерства Финансовъ получено увѣдомленіе, что капиталъ, оставшійся за устройствомъ разныхъ учреждений, равняется суммѣ до 5 милліоновъ рублей и хра-

няется въ Государственномъ банкѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ корреспондентъ «Н. Вр.», кн. Шаховской собралъ свѣдѣнія о состояніи промышленныхъ училищъ, открытыхъ на капиталы Ѳ. В. Чицова.

На капиталъ завѣщателя устроены и содержатся: промышленное училище въ г. Костромѣ, состоящее изъ среднего механико- и низшаго химико-техническихъ училищъ; близъ г. Кологрива низшее сельско-хозяйственно-техническое училище; въ Макарьевѣ, на Унжѣ, ремесленное училище и близъ г. Чухломы сельско-хозяйственно-ремесленное училище. Всѣ эти училища имѣютъ свои зданія и другія капитальныя постройки: но странно, что цѣнность этихъ зданій и сооружений до сихъ поръ не выяснена. Между тѣмъ какъ въ Костромѣ училище открыто и главныя постройки закончены въ 1897 г., въ Кологривѣ въ 1892 г., въ Чухломѣ въ 1896 г., въ Макарьевѣ въ 1892 г., вездѣ въ отчетахъ мы читаемъ: стоимость зданій, а также участковъ земли остается неизвѣстной, такъ какъ счета строительной конторы Ѳ. В. Чицова до сихъ поръ еще не закончены (стр. отчетовъ 51. 5) и только въ Макарьевскомъ училищѣ стоимость построекъ опредѣлена по страховой опѣнкѣ въ 148 тыс. рублей, дѣйствительная же представляетъ и теперь *x*. На содержаніе училищъ расходуются 140.738 р., но эта сумма получается не изъ однихъ доходовъ отъ капитала имени Ѳ. В. Чицова: такъ, напримѣръ, въ 1898—1899 г. по Кологривскому училищу изъ другихъ источниковъ поступило 10.310 р., по Макарьевскому 11.601 р., по Чухломскому 15.348 р. Въ этихъ суммахъ главными являются партикулярныя и оборотныя, а также плата за содержаніе и обученіе. Въ Макарьевскомъ училищѣ плата за содержаніе въ общежитіи достигаетъ 7.661 р. въ годъ. Всѣ устроенныя промышленныя училища никакой связи съ среднимъ училищемъ въ Костромѣ не имѣютъ. Составъ учащихся этого училища ежегодно комплектуется вновь поступающими, и даже низшее химико-техническое училище не даетъ права окончившему въ немъ курсъ продолжать образованіе въ среднемъ промышленномъ училищѣ. Разумѣется, эта система вредно отзывается на законченности подготовки къ тому или другому профессиональному занятію. Учебное начальство само отчасти намекаетъ на нецѣлесообразность такого порядка, указывая на такой фактъ. Въ 1897 году при открытіи училища въ первый классъ было принято 43 человѣка, дошло же до 3 класса только 18. Оказывается, что большинство поступившихъ состоитъ изъ неудачниковъ другихъ учебныхъ заведеній и преимущественно реальныхъ училищъ. Поступаютъ въ училище уже великовозрастные, отъ 19—32 лѣтъ. Эти молодые люди собрались въ Кострому со всѣхъ концовъ Россіи. Изъ уроженцевъ Костромской губ. находятся въ училищѣ только 2, а остальные изъ 18 отдаленныхъ отъ Костромы губерній. Говоря словами отчета, «приходится опасаться, что училище, поглощающее такія большія суммы, не будетъ въ состояніи выпускать среднихъ техниковъ, обладающихъ нужными для дѣла званіями». Низшее химико-техническое училище поставлено лучше. Мѣстные фабриканты говорили мнѣ, что они съ охотою пользуются выпускными учениками для работъ на фабрикахъ. Общее впечатлѣніе отъ нынѣ устроенныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чицова, говоритъ кн. Шаховской, представляетъ какіе-то случайные порывы насадить разнообразныя профессиональныя знанія, не задаваясь опредѣленной системою и какъ-бы пренебрегая результатами созданной организаціи. Это общій голсъсь всѣхъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Вышло какъ будто такъ: далъ чловѣкъ милліоны на доброе дѣло—и начали эти милліоны тратить во чтѣ-бы то

ни стало, не выработавъ никакой программы и не намѣчая какихъ-либо точно обозначенныхъ цѣлей. Между тѣмъ оборудованіе училищъ необходимыми пособиями и устройствами обошлось для одного Костромского промышленнаго училища болѣе 100 тысячъ рублей. Чухломское сельско-хозяйственное училище, предназначенное главнымъ образомъ для обученія крестьянъ, далеко не отвѣчаетъ своей задачѣ. Изъ общаго числа учащихся 26 проц. принадлежатъ крестьянамъ, остальные же, и главнымъ образомъ—дворяне, составляютъ 74 проц., и это потому, что плата въ 100 р. за ученіе слишкомъ велика для крестьянина.

Все это печально. Но дѣло въ томъ, что, согласно волѣ завѣщателя, устройство училищъ было всецѣло предоставлено душеприказчикамъ въ лицѣ гг. Мамонтова и Полѣнова.

Въ дѣлѣ распространенія у насъ профессиональныхъ знаній весьма почетная роль принадлежитъ Импер. Русскому Техническому Обществу. Какъ видно изъ вышедшаго отчета за 1898—1899 учебный годъ, учрежденія Общества распались на слѣдующія группы: спеціальныя училища, классы для рабочихъ, курсы отдѣльныхъ предметовъ, классы для работницъ, классы для малолѣтнихъ рабочихъ, подготовительно-профессиональные классы и начальныя училища для дѣтей рабочихъ. Кромѣ того, продолжалъ свою дѣятельность состоящая при постоянной комиссiи подвижной музей учебныхъ пособій. Въ составъ группы спеціальныхъ училищъ входили: школа десятниковъ по строительному дѣлу, ремесленное училище по механическому дѣлу, школа печатнаго дѣла, воскресные классы книгопродавческаго дѣла, школа для рабочихъ электро-техниковъ, классы черченія и рисованія для ремесленныхъ учениковъ на М. Охтѣ, такіе-же классы—Звенигородскіе, Путиловская учебная мастерская и руководящие классы при Путиловскомъ училищѣ. Сравнивая этотъ списокъ со спискомъ спеціальныхъ школъ предъидущаго учебнаго года, не находимъ въ немъ классовъ при школѣ часового дѣла г. Щербинскаго. Съ другой стороны, въ отчетномъ году прибавилось одно учрежденіе—Звенигородскіе классы черченія и рисованія для ремесленныхъ учениковъ. Классы эти открылись при содѣйствіи петербургскаго ремесленнаго общества, ассигновавшаго на этотъ предметъ пособие постоянной комиссiи въ размѣрѣ 500 р. Записалось въ классы болѣе 100 чел., дѣйствительно-же посѣщало 54 чел. Выѣстъ съ учениками отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ при среднемъ возрастѣ въ 15 съ небольшимъ лѣтъ посѣщали классы 5 взрослыхъ ремесленниковъ 20—25 лѣтъ. Въ школѣ десятниковъ училось въ отчетномъ году 88 человекъ, въ возрастѣ отъ 20-ти до 38-ми лѣтъ, но большинство (болѣе $\frac{3}{4}$) изъ нихъ было въ возрастѣ отъ 20-ти до 28-ми лѣтъ. Окончили курсъ школы 34 человека. Въ истекшемъ году при приемѣ въ школу замѣчался еще болѣе, сравнительно съ предшествовавшими годами, наплывъ рабочихъ по строительной части, желавшихъ обучаться въ школѣ. Пришлось принять лишь небольшую часть изъ подавшихъ заявленія. Въ ремесленномъ училищѣ по механическому дѣлу обучалось до конца года 87 чел., изъ нихъ въ столярной мастерской работали 22 и въ слесарной—65 чел. Кромѣ того, слесаря обучались въ кузницѣ ковкѣ и изготовленію рабочихъ инструментовъ. Всего въ училищѣ обучалось 148 учениковъ, въ возрастѣ отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ. Окончили курсъ 3 ученика по столярному ремеслу и 12—по слесарному. Ремесленное училище принимало участіе на ремесленной выставкѣ и получило дипломъ на золотую медаль. Въ школѣ

печатнаго дѣла училось 106 учениковъ: возрастъ учениковъ отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ. Окончило курсъ школы 13 чел. Въ классахъ книгопродавческаго дѣла училось 39 учениковъ, въ возрастѣ отъ 11—19 лѣтъ. Всѣ ученики классовъ работали уже на практикѣ въ книжныхъ магазинахъ и складахъ 14-ти различныхъ фирмъ. Въ отчетномъ году окончили курсъ шесть учениковъ. Въ школѣ для рабочихъ - электротехниковъ училось 50 человекъ, въ возрастѣ отъ 17-ти до 35-ти лѣтъ; окончили курсъ и успѣшно сдали экзаменъ 12-ть учениковъ. На одновременную субсидію въ 4.500 р., полученную отъ правительства въ прошломъ году, устроена небольшая лабораторія для практическихъ занятій учениковъ, гдѣ они работали въ отчетномъ году въ теченіе 116 час. Классы черченія и рисованія на М.Охтѣ посѣщались 76 учениками; большинство учениковъ въ возрастѣ 11—18 лѣтъ. Въ Путиловской учебной мастерской, вступившей во второй годъ существованія, училось 53 ученика, въ возрастѣ отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ. Заводуправленіемъ Путиловскихъ заводовъ пожертвованы мастерской строгальный, сверлильный и два токарныхъ станка; кромѣ того, отъ правленія заводовъ получены на приобрѣтеніе физическихъ приборовъ 2.000 руб. изъ капитала, завѣщаннаго г. Гольденбергомъ. Изъ бюджетныхъ средствъ удалось пополнить оборудованіе мастерскихъ настолько, что теперь могутъ въ нихъ работать одновременно до 75 учен. Въ руководѣльныхъ классахъ при Путиловскомъ училищѣ обучалось 106 ученицъ; изъ нихъ 26 успѣшно окончили курсъ и выдержали экзаменъ по бѣлошвейному и портняжному ремесламъ, въ присутствіи депутатовъ отъ учебнаго округа и петербургской ремесленной управы.

Просматривая данныя, относящіяся къ составу учащихся и посѣщенію ими спеціальныхъ школъ, можно придти, говорить «Торг.-Пром. Газ.», къ слѣдующимъ выводамъ: по вѣроисповѣданію около 92% всѣхъ учившихся въ спеціальныхъ классахъ—православные, болѣе 95% учившихся—крестьяне, мѣщане, солдатскія дѣти и ремесленники; классы посѣщались исправно и отпавшихъ учениковъ сравнительно незначительное число. Что касается личнаго состава спеціальныхъ училищъ, то всѣхъ учащихся, кромѣ 4 законоучителей, было 71 чел., изъ нихъ 7 учительницъ. Въ числѣ учащихся было 33 съ высшимъ образованіемъ, 19 — спеціально - педагогическимъ, 15 — съ среднимъ, 6 специалистовъ и 8 мастеровъ. Кромѣ спеціальныхъ училищъ, распространенію техническихъ знаній среди рабочаго населенія способствовали также и отдѣльные курсы спеціальныхъ предметовъ, которые читались при нѣкоторыхъ училищахъ для рабочихъ и при ремесленномъ училищѣ. Всѣхъ учившихся на этихъ курсахъ было 359 чел. Училищъ для рабочихъ въ отчетномъ году было 10. Всѣхъ классовъ для рабочихъ, присоединя къ ихъ числу и параллельныя отдѣленія, какъ особые классы, насчитывалось въ отчетномъ году 49 съ 1.390 учившимися. Учившимися въ этомъ случаѣ признаны только такіе ученики, которые посѣщали классы не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Въ спеціальныхъ классахъ окончили курсъ со свидѣтельствами 89 учениковъ, а въ общихъ классахъ—93 учен. Малый процентъ оканчивающихъ курсъ въ этихъ послѣднихъ классахъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что взрослые рабочіе, неграмотные или умѣющіе только читать, болѣею частью прекращаютъ посѣщеніе классовъ, какъ только выучатся читать и писать, а съ другой стороны — тѣмъ, что возрастные ученики, не нуждаясь въ свидѣтельствахъ, дающихъ имъ право на льготу по отбыванію воинской повинности, не являются на экзаменъ, равно какъ не являются

на экзаменъ и тѣ изъ молодыхъ людей, которые въ дѣтствѣ прошли начальную школу, а слѣдовательно уже имѣютъ свидѣтельства и посѣщаютъ училище для повторенія и пополненія своихъ знаній. Относительно возраста учениковъ и посѣщенія ими классовъ приведены въ отчетѣ слѣдующія заключенія: въ училищахъ для рабочихъ возрастъ учениковъ чрезвычайно разнообразенъ — отъ 12-ти до 40 и болѣе лѣтъ, но наибольшее число учениковъ—въ возрастѣ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Среднее число посѣщавшихъ классы и курсы за всѣ мѣсяцы учебнаго года по всѣмъ училищамъ для рабочихъ—1.532 чел., что составляетъ 59,7% записавшихся (2.564 чел.). Училищъ для работницъ было 4; записалось 714 лицъ взрослыхъ и малолѣтнихъ; изъ нихъ посѣщали уроки не менѣе 4 мѣсяцевъ 467 ученицъ. Училищъ для малолѣтнихъ рабочихъ было только одно съ 109 записавшимися. Что касается состава учащихся въ училищахъ для рабочихъ и работницъ, то всего состояло 195 учащихся (13 законоучителей, 77 учительницъ и 105 учителей); изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ было 87, съ педагогическимъ 58 и среднимъ 33.

Подготовительно-профессіональныхъ классовъ было пять; на нихъ записалось 171 мальчикъ и 92 дѣвочки, а училось не менѣе 4 мѣсяцевъ 158 мальчиковъ и 72 дѣвочки; возрастъ учившихся 11—15 лѣтъ. Изъ 65 чел., учившихся въ Обуховскихъ классахъ, окончили курсъ 24 чел., въ Васильевскихъ изъ 52 учившихся окончили 12 и въ Выборгскихъ классахъ для дѣвочекъ изъ 61 окончило 11 дѣвочекъ. Во всѣхъ подготовительно-профессіональныхъ классахъ преподавали 59 лицъ, изъ нихъ 12 съ высшимъ образованіемъ, 21—съ педагогическимъ и 6—со среднимъ образованіемъ.

Число начальныхъ школъ для дѣтей рабочихъ увеличилось двумя — съ 14 до 16; обучалось въ нихъ 2.124 чел. (1.185 мальчиковъ и 939 дѣвочекъ). Окончили курсъ 325 дѣтей. Во всѣхъ дѣтскихъ классахъ преподавало 84 лица: 15 законоучителей, 51 учительница (классныхъ, рукодѣля и рисованія), 18 учителей (рисованія и пѣнія); изъ нихъ 10 лицъ съ высшимъ образованіемъ, 35—съ педагогическимъ, 9—со среднимъ и 15—спеціалистовъ.

Однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію предстоящаго всероссійскаго съѣзда представителей ремесленной промышленности, является вопросъ о ремесленномъ учениствѣ, обсуждавшійся 7-го февраля въ ученической секціи, образованной при организационномъ комитетѣ съѣзда. Наиболѣе оживленный обменъ взглядовъ вызвало, какъ сообщаетъ «Россія», обсужденіе случаевъ, которые должны считаться законными для расторженія договора между мастеромъ и ученикомъ. Первымъ обсуждался вопросъ о «зажитіи» пропущеннаго ученикомъ по болѣзни времени. Въ интересахъ мастеровъ признано было возможнымъ допущеніе пропуска не болѣе двухъ мѣсяцевъ по болѣзни за весь пятилѣтній срокъ пребыванія въ учениствѣ. Остальное-же пропущенное время ученики обязаны дожить у мастера для полученія подмастерскаго свидѣтельства. Далѣе на обсужденіе поставленъ былъ вопросъ, должно-ли считать поводомъ для расторженія контракта непослушаніе, непослушаніе ученика и дурное обращеніе съ нимъ мастера. Но при обсужденіи этого пункта затрудненіемъ является опредѣленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ этихъ обстоятельствъ, въ виду чего секція пришла къ заключенію о необходимости предоставить суду рѣшеніе вопроса о дѣйствительности или недѣйствительности договора въ такихъ случаяхъ

на дальнѣйшій срокъ. Нахожденіе ученика подъ уголовнымъ судомъ не признано само по себѣ поводомъ для расторгненія договора, если мастеръ изъявитъ желаніе оставить у себя такого ученика. Самыя же оживленныя пренія вызвалъ поставленный въ заключеніе вопросъ объ установленіи наказаній въ отношеніи непочтительныхъ и непослушныхъ учениковъ. Въ видѣ карательныхъ мѣръ предлагались исправительныя колонія, карцеръ при ремесленныхъ управахъ, ремесленный судъ. Кроме того, предложено было для отличія лучшихъ учениковъ и недобросовѣстныхъ установить два разряда подмастерскихъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы получившіе свидѣтельство второго разряда могли чрезъ нѣкоторое время получать свидѣтельства перваго разряда. Въ заключеніе вопросъ рѣшено было обсудить совмѣстно съ вопросомъ объ учрежденіи ремесленнаго суда.

Точно также комитетомъ, по словамъ «Нов. Вр.», разсматривался вопросъ объ обезпеченіи малолѣтнимъ возможности основательнаго изученія ремесла въ мастерской, при чемъ, между прочимъ, выяснилась настоятельная надобность устройства періодическихъ выставокъ работъ ремесленныхъ учениковъ, необходимость установленія испытанія учениковъ при ремесленныхъ управахъ— для полученія дипломовъ. Подробно обсуждался вопросъ о предоставленіи малолѣтнимъ возможности пользоваться дополнительнымъ обученіемъ въ различныхъ курсахъ, въ вечернихъ и воскресныхъ классахъ, при чемъ выяснилась необходимость по возможности обязательнаго обученія ремесленникамъ преподаванія черченія и рисованія, ручного труда и рукодѣлія; мальчиковъ же отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ требуется обязательно отпускать въ школы дневныя, хотя-бы два раза въ недѣлю, и полезно было-бы устроить спеціальныя учебныя мастерскія, гдѣ ученики, ознакомляясь съ производствомъ, рѣшали сами, къ которому именно кто наиболѣе пригоденъ. Собраніе рѣшило обратиться къ администраціи школъ Путиловскаго зав., Балтійскаго и нѣсколькихъ другихъ заводско-ремесленнаго типа съ просьбою сообщить въ особыхъ докладахъ на сѣздѣ о результатахъ ихъ занятій, а также по нѣкоторымъ вопросамъ примѣнительно къ нуждамъ спеціально-ремесленныхъ школъ.

Продолжительныя и обширныя пренія возбудилъ вопросъ: не испытываютъ ли ремесленники затрудненій при помѣщеніи своихъ дѣтей въ учебныя заведенія и желательно-ли учрежденіе спеціальныхъ ремесленныхъ училищъ, на подобіе купеческихъ-коммерческихъ. Нѣкоторые указывали, что низшія городскія учебныя заведенія не даютъ законченнаго образованія, при чемъ предлагали: а) типъ американскій, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ программы, гдѣ при городскихъ начальныхъ училищахъ преподаются разныя ремесла и ученики пробуютъ силы, къ какому ремеслу они наиболѣе пригодны. и б) открытіе особыхъ ремесленныхъ школъ на подобіе коммерческихъ купеческаго типа. Собраніе просило секцію по ремесленному ученичеству заняться разработкою этого вопроса для сѣзда. Выѣстъ съ тѣмъ С.-Петербургскій градоначальникъ обратилъ вниманіе на крайне неудовлетворительное положеніе ремесленныхъ учениковъ, отдаваемыхъ въ мастерскія для обученія. Несмотря на неоднократныя съ 1896 г. распоряженія градоначальника о томъ, чтобы мастера, между прочимъ, обращались со своими учениками кротко и вполнѣ человѣколюбиво, не обременяли ихъ непосильными работами и ношами, слѣдили-бы за ихъ нравственностью и проч., таковыя распоряженія съ теченіемъ времени или совсѣмъ не исполнялись, или-же оставляли желать многого. Нынѣ Спб. градоначальникъ предложилъ ремесленной управѣ обратиться на этотъ вопросъ самое серьезное вниманіе и, съ цѣлью практическаго его

осуществленія и проведенія въ жизнь указанныхъ началъ воспитанія, под-
вергнуть всестороннему разсмотрѣнiю и изслѣдованiю на собранiи выборныхъ
и цеховыхъ сходахъ.

Въ Бѣлостокѣ, какъ пишутъ въ «Нов.», 20-го января состоялось открытiе
семикласснаго коммерческаго училища вѣдѣнiя Министерства Финансовъ. На
первыхъ порахъ открываются приготовительный и первыхъ три класса; высше
классы послѣдовательно будутъ открываемы въ началѣ академическаго года.
Несмотря на невзгоды экономическаго кризиса, мѣстные фабриканты и купцы,
въ качествѣ учредителей, собрали около 30 тысячъ рублей, необходимыхъ
на устройство первыхъ четырехъ классовъ училища. Сумма эта, конечно,
слишкомъ незначительна. Недостатокъ въ средствахъ является главною при-
чиною того, что при учреждаемыхъ нынѣ четырехъ классахъ не могутъ
быть открыты параллельныя отдѣленiя, и поэтому изъ 800 желавшихъ
поступить въ училище, могли быть принятыми всего 160 (по 40 чело-
вѣкъ въ каждый классъ), т.-е. пятая часть. Въ силу § 11 устава Бѣло-
стокскаго коммерческаго училища, преимущество при приемѣ дается дѣтямъ
учредителей; болѣе состоятельные родители успѣли внести учредитель-
скiй взносъ въ размѣрѣ 150 руб. и тѣмъ приобрѣли для своихъ дѣтей пре-
имущественное право на поступленiе ихъ въ училище. Такимъ образомъ,
при настоящемъ положенiи дѣлъ, § 11 фактически закрылъ доступъ въ учи-
лище дѣтямъ, родители которыхъ не состоятъ учредителями, т.-е. дѣтямъ
менѣе состоятельныхъ родителей, такъ какъ наличное число вакансiй едва
достаточно для дѣтей 105 учредителей. Сообразуясь съ тѣмъ обстоятель-
ствомъ, что преобладающiй элементъ населенiя въ Бѣлостокѣ составляютъ
евреи, коммерческое училище признаетъ вполне цѣлесообразнымъ дѣтей
иудейскаго вѣроисповѣданiя допускать въ училище въ размѣрѣ 50 процент.
общаго числа поступающихъ, причемъ свободныя христіанскiя вакансiи мо-
гутъ быть замѣщены мальчиками-евреями (примѣчанiе 1-е параграфа 11
устава). Въ виду того, что штатъ преподавателей коммерческаго училища
еще не вполне сформированъ, недостающихъ экзаменаторовъ замѣняютъ
преподаватели мѣстнаго реальнаго училища. Слѣдуетъ отмѣтить то странное
явленiе, что городское управленiе не выдаетъ коммерческому училищу ни-
какой субсидiи.

Въ высшей степени отраднымъ фактомъ въ жизни *Ростова*, пи-
шутъ въ «Россiи», служить учрежденiе въ немъ коммерческаго училища,
потребность въ которомъ сознавалось уже съ давнихъ поръ. По роду своему,
училище это принадлежитъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведенiй и
имѣетъ цѣлью дать учащимся общее и коммерческое образованiе. Кромѣ
предметовъ общеобразовательныхъ, въ училищѣ будутъ преподаваться и спе-
ціальныя, какъ, напр., бухгалтерiя, коммерческая корреспонденція, полити-
ческая экономiя, исторiя торговли, законовѣдѣнiе, химiя и товаровѣдѣнiе съ
технологiей; въ качествѣ предметовъ необязательныхъ будутъ преподаваться
англійскiй языкъ, черченiе, стенографiя, пѣнiе и др. Въ училище будутъ
приниматься дѣти лицъ, принадлежащихъ къ ростовскому купеческому об-
ществу, а также выбирающихъ въ Ростовѣ промысловому свидѣтельству на
торговныя предпрiятiя, за содержанiе которыхъ уплачено основнаго промы-
словаго налога свыше 50 р. въ годъ; только по принятiи дѣтей лицъ этихъ
категорiй, вакансiи могутъ предоставляться дѣтямъ лицъ другихъ сословiй.
Плата за ученiе назначена съ учениковъ 1--4 кл. по 70 р., 5 кл. — по

100 р. и 6 и 7 кл.—по 125 р. въ годъ. Ученики, окончившіе полный курсъ училища, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если по рожденію своему не принадлежать къ высшему званію; ученики, окончившіе курсъ съ отличіемъ, удостоиваются званія кандидата коммерціи. Въ отношеніи отбыванія воинской повинности и поступленія на государственную службу и въ высшія учебныя заведенія, окончившіе курсъ училища пользуются правами окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ.

Въ Харьковѣ, по словамъ той-же газеты, въ помѣщеніи торговой школы Харьковскаго Общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ состоялось открытіе торговыхъ классовъ харьковскаго купеческаго общества. Въ торговые классы записалось уже 162 слушателя, изъ нихъ на курсы русскаго языка 56 чел., чистописанія—18, ариѳметики—58, бухгалтеріи—88, торговой корреспонденціи—14, нѣмецкаго языка—60 и французскаго языка—25. Завѣдывающимъ классами избранъ смотритель Александровскаго пріюта г. Вахтинъ; онъ же назначенъ и преподавателемъ ариѳметики съ коммерческими вычисленіями.

Совѣтъ Петербургскаго Общества для распространенія коммерческихъ знаній, для ознакомленія публики съ научными и практически-полезными свѣдѣніями о главнѣйшихъ предметахъ потребленія, рѣшилъ, какъ сообщаетъ «Н. Вр.», открыть въ нынѣшнемъ году нѣсколько популярныя лекціи, которыя будутъ сопровождаться опытами. Лекціи будутъ читаться химикомъ А. Н. Альмедингеномъ. Предполагается прочесть слѣдующія лекціи: 1) кофе и его суррогаты, 2) пиво, 3) молоко и масло и 4) мука и хлѣбъ.

Вопросъ объ организаціи въ Петербургѣ при сельско-хозяйственномъ музеѣ систематическихъ публичныхъ чтеній или курсовъ по сельскому хозяйству, разработка котораго закончена подлежащимъ вѣдомствомъ 30-го минувшаго января, получить свое осуществленіе, по словамъ «Нов.», по всей вѣроятности, не позже осени этого года. Курсы разсчитаны не на опредѣленный по составу контингентъ слушателей, а на лицъ съ весьма различной образовательной подготовкой, объединенныхъ лишь желаніемъ получить запасъ полезныхъ общихъ свѣдѣній и практическихъ указаній по сельскому хозяйству. Поэтому, основой проектируемыхъ сельско-хозяйственныхъ лекцій будутъ служить, кромѣ главныхъ и второстепенныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ и отраслей, еще основные для сельскаго хозяйства предметы, освѣщающіе знанія, предназначенныя для пракческаго примѣненія. Эти науки будутъ читаться не въ полномъ, а въ сокращенномъ объемѣ. Всѣ лекціи будутъ вполне общедоступно изложены. Въ общемъ, предполагается составить два курса: одинъ, общій изъ главныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, въ соединеніи съ естественно-историческимъ введеніемъ, а другой—частный изъ второстепенныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, читаемый параллельно первому. Примѣрный перечень предметовъ для прочтенія на общемъ курсѣ обнимаетъ собой: 1) химию въ приложеніи къ земледѣлію, 2) ботанику, 3) анатомію и физиологію животныхъ, 4) сельско-хозяйственную зоологію, главнымъ образомъ, энтомологію, 5) метеорологію съ основами физики, 6) болѣзнь растений, 7) почвовѣдѣніе съ основами минералогіи и геологіи, 8) сельско-хозяйственныя машины съ основами механики, 9) обработку почвъ и удобреніе, 10) частное растеніеводство, 11) общее животноводство, 12) частное животноводство и 13) сельско-хозяйственныя экономію и счетоводство. Въ частномъ курсѣ будутъ читаться: лѣсоводство,

садоводство, плодородство, огородничество, луговоеводство, орошение, осушение и сельско-хозяйственная гидравлика, молочное хозяйство, ветеринария, рыбоводство, виноградарство и виноделие, птицеводство, пчеловодство и шелководство. Все перечисленные предметы будут читаться соответствующими специалистами из числа профессоров высших учебных заведений и чинов Министерства Земледелия и Государственных Имуществ. Практические занятия как по основным, так и по специальным предметам предполагается назначать в воскресные и праздничные дни, падающие на промежуток времени, посвященный чтению курсов. В общем, весь курс будет состоять из 340 лекций и около 100 часов практических занятий и уместится на протяжении одного академического года. Курсы предполагается сделать непременно платными, так как бесплатность их может привлечь и наполнять помещения курсов людьми, ничего общего с их назначением не имеющими.

По словам одесских газет, Министр Госуд. Имуществ разрешил устроить в одной из еврейских колоний Херсонской губ. еврейскую с.-х. школу II разряда. С этой целью министр предложил управляющему государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губ. образовать под своим председательством комиссию из председателя Херсонской уездной земской управы, как представителя херсонского губернатора, чиновника особых поручений при г. Министре Земледелия и др. Местом для названной школы комиссия избрала участок земли при еврейской колонии Херсонской губернии «Новонолтавкѣ». Весною текущего года предполагается организовать особую строительную комиссию для более детальной разработки всех вопросов, связанных с постройкою школы, к которой намѣревы приступить еще нынѣшнею весною.

В последние годы земскими учреждениями вообще обращено особенное внимание на устройство специальных школ. К числу таких школ относится и школа садовых рабочих корочанского земства Курской губернии. Школа эта открыта в 1896 г. в г. Корочѣ, на пяти, купленных уездным земством, участках земли, находящихся в разных местах города, мѣрою в общей сложности до 2-х десятин. Годовое содержание школы, как пишут в «Россіи», 2.600 р., из них на долю уездного земства приходится 700 р., Министерства Земледелия 950 р. и на курское губернское земство—950 р. В школу принимаются дѣти в возрастѣ от 14—16 лѣтъ, из числа окончивших курсъ ученія в народных училищах, причем с родителями и опекунами учеников школою заключаются формальные условия, в силу которых они не имеют права взять школьников из училища ранее окончания ими курса школы, который продолжается три года. Занятія, как в лѣтнее, так и зимнее время, происходят ежедневно, кромѣ праздниковъ, причем лѣтомъ в праздничные дни происходит поливка цвѣтовъ и деревьевъ. Школьниками исполняются всякія работы—кромѣ занятий по цвѣтоводству, огородничеству и садоводству, также и рубки дровъ, очистки двора и т. п. Харчами, одеждою и обувью школьники пользуются отъ земства. На первоначальное устройство и образование школы корочанскимъ земствомъ затрачено до 9.000 р., из них до 6.000 р.—на покупку участковъ и до 3.000 руб. на устройство помещений и приспособлений для школы, на приобретение инвентаря и т. п. По окончании курса—школа выдаетъ ученикамъ свидетельства, причем зем-

ство ничѣмъ не обязываетъ окончившихъ курсъ за полученное ими въ школъ обученіе.

Въ состоявшемся 1-го февраля засѣданіи Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію было сдѣлано сообщеніе на тему: «Сводъ отвѣтовъ на опубликованное Совѣтомъ Общества обращеніе къ русскимъ женщинамъ, нуждающимся въ с.-х. образованіи». По словамъ докладчицы, изъ полученныхъ писемъ отъ русскихъ женщинъ явствуетъ, что необходимость с.-х. женскаго образованія въ Россіи является одной изъ существеннѣйшихъ нуждъ общества. Вслѣдъ затѣмъ состоялось второе сообщеніе П. Ф. Сурина «О постановленіяхъ секціи по женскому с.-х. образованію при 2-мъ Московскомъ съѣздѣ дѣятелей по женскому с.-х. образованію». Въ своей рѣчи, при открытіи съезда, проф. И. А. Стебуть указалъ, прежде всего, на необходимость выясненія слѣдующихъ вопросовъ: 1) какого типа желательны учебныя заведенія по женскому с.-х. образованію; 2) о постановкѣ преподаванія и практическихъ занятій; 3) объ учительскомъ персоналѣ и т. п. Предложивъ собранію все эти вопросы, И. А. Стебуть рекомендуетъ ему проектъ организаціи учебныхъ заведеній этого типа: низшихъ, среднихъ и высшихъ, такъ какъ для полученія высшаго образованія нужна долгая и упорная подготовка. Желательно было-бы, добавляетъ ораторъ, чтобы высшимъ учебнымъ заведеніемъ женскаго с.-х. образованія были высшіе женскіе с.-х. курсы. Желаніе это—желаніе большинства, и дѣло печати и общества возможно серьезнѣе и чаще касаться вопроса объ этомъ отрадномъ и благомъ учрежденіи и его скорѣйшемъ открытіи. Вопросъ самый уже поставленъ на очередь и обсуждается въ соответствующихъ административныхъ сферахъ и есть основаніе предполагать его скорое осуществленіе, причемъ открытіе высшихъ женскихъ с.-х. курсовъ послѣдуетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Москвѣ. Кромѣ членовъ Общества, на засѣданіи собранія присутствовали: профессоръ А. С. Фаминцынъ, сенаторъ Платоновъ и многіе другіе.

Однородное Общество, по словамъ корреспондента «Нов.», возникаетъ и въ Харьковѣ. Оно имѣетъ цѣлю содѣйствовать женскому с.-х. образованію, организуется по инициативѣ супруги мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, гр. В. В. Капнистѣ. Съ учрежденіемъ Общества для женщинъ открывается еще новое поприще дѣятельности, на которомъ онѣ съ пользой могутъ примѣнить свои труды. Въ выработанномъ уставѣ Общество намѣтило широкія задачи для своихъ функцій. Такъ, Общество будетъ: 1) созывать собранія своихъ членовъ; 2) устраивать публичныя чтенія для распространенія с.-х. знаній; 3) открывать какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ учебныя заведенія различныхъ типовъ и курсы по сельскому хозяйству и по отдѣльнымъ его отраслямъ; 4) оказывать свое содѣйствіе женщинамъ, получившимъ с.-х. подготовку къ поступленію на мѣста въ хозяйство; для этого предполагено организовать посредническое бюро; 5) имѣть свою бібліотеку и т. п.

Интересныя свѣдѣнія сообщаютъ «Моск. Вѣд.» о Богородскомъ имѣніи, завѣщанномъ И. С. Перловымъ Московскому Обществу сельскаго хозяйства съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ этомъ имѣніи Общество устроило въ продолжительномъ времени Звенигородскій сельско-хозяйственный институтъ или женское земледѣльческое училище по своему усмотрѣнію. Имѣніе уже принято Обществомъ въ свое вѣдѣніе. Въ имѣніи насчитывается 170 десятинъ, изъ которыхъ 40 подъ прекраснымъ строевымъ лѣсомъ; полевое хозяйство велось

на 60-ти десятинахъ, остальная часть занята усадьбой, садомъ, лугами и молодымъ лѣсомъ.

Покойный И. С. Перловъ былъ большимъ любителемъ природы и весь свой досугъ, особенно въ лѣтнее время, посвящалъ за послѣднія 30 л. сельскому хозяйству въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ. У него не было ученыхъ управляющихъ: все исполнялось подъ его руководствомъ и часто при личномъ участіи. И. С. Перловъ въ высокой степени интересовался полевымъ хозяйствомъ и вводилъ на своихъ поляхъ разныя культуры хлѣбныхъ растений. Его полевое хозяйство представляло нѣкоторое время настоящее опытное поле, на которомъ онъ испытывалъ разныя культуры. Путемъ удобренія и хорошей обработки И. С. Перловъ довелъ урожайность своей земли до высокой степени. Покойный былъ большимъ любителемъ садоводства. Имъ былъ насажденъ большой фруктовый садъ, за которымъ онъ самъ наблюдалъ; въ Богородскомъ есть небольшая оранжерея, прекрасные двѣтники и ягодныя плантаціи. Перловскій рогатый скотъ, можно сказать, извѣстенъ всей Россіи, и онъ ежегодно выставлялъ его на аукціонныхъ выставкахъ племенного скота въ Москвѣ: частью съ выставки, частью прямо съ фермы онъ распространялся по разнымъ хозяйствамъ. Съ большою охотою покойный занимался также разведеніемъ лошадей и овецъ; выписывалъ лучшихъ производителей изъ-за границы для своего завода и производилъ опыты надъ скрещиваніемъ разныхъ породъ лошадей. У него на заводѣ имѣются рысистыя лошади и бельгійскіе тяжеловозы. Птицеводамъ хорошо извѣстно, что у И. С. Перлова можно было видѣть всевозможныя породы домашней птицы. Покойный проф. Г. А. Захарынъ называлъ Богородское Перлова «Ноевымъ ковчегомъ». Дѣйствительно, чего только въ немъ нѣтъ! Весь мертвый и живой инвентарь оцѣнивается знатоками въ 100.000 р., а все имѣніе съ инвентаремъ стоитъ около 250.000 р. В. Б.—чѣ.

Къ реформѣ средней школы.

Вопросъ о желательныхъ улучшеніяхъ въ нашей средней школѣ, между прочимъ, подробно обсуждался также въ Московскомъ педагогическомъ Обществѣ. Для предварительной разработки его была избрана особая коммиссія подъ предѣлательствомъ С. Г. Смирнова. Выслушанный затѣмъ докладъ коммиссіи, по словамъ «Русск. Вѣд.», цѣликомъ принятъ собраніемъ, вызвавъ лишь нѣсколько замѣчаній. Первая часть доклада посвящена общей характеристикѣ современной средней школы, основной особенностью и кореннымъ недостаткомъ которой коммиссія признала ея бюрократическій характеръ. Бюрократизмъ, по словамъ циркуляра Министра Народнаго Просвѣщенія, «вноситъ сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло». Доказательству справедливости этихъ словъ officialнаго документа и посвящено было дальнѣйшее содержаніе первой части доклада. Отмѣчая, что неизбежнымъ спутникомъ бюрократизма является централизація, а послѣдняя влечетъ за собою требованіе строгой и единообразной регламентаціи всѣхъ подробностей учебнаго дѣла, исходящей изъ одного центральнаго мѣста, коммиссія видитъ въ этомъ то практическое неудобство, что здѣсь не обращаютъ вниманія на крайнее разнообразіе въ Россіи климатическихъ, племенныхъ, сословныхъ, экономическихъ и др. особенностей различныхъ ея районовъ.

Въ результатѣ, на практикѣ, вмѣсто разумныхъ педагогическихъ соображеній и необходимой самодѣятельности, педагоги обнаруживаютъ лишь чиновничью исполнительность, причѣмъ интересы умственной и нравственной индивидуальности учащихся отступаютъ на второй планъ. Та-же регламентация влечетъ за собою строгій и постоянный контроль въ разнообразныхъ формахъ, убивая всякое довѣрiе не только къ учителю и педагогическому Совѣту, но и къ директору учебнаго заведенiя, который до послѣдняго времени обязанъ былъ, напримѣръ, вскрывать запечатанныя темы для письменныхъ работъ учениковъ не иначе, какъ въ присутствiи послѣднихъ и послѣ того, какъ преподаватели убѣдятся, что печать на конвертѣ не сломана. А между тѣмъ этотъ директоръ, лишенный официальнаго довѣрiя въ отношенiи даже самой элементарной порядочности, является начальникомъ школы, въ немъ сосредоточена вся жизнь школы, вся контролирующая власть, а учителя находятся отъ него въ такой матеріальной и служебной зависимости, что лишаются всякой свободы и независимости суждений; дѣятельность-же педагогическаго Совѣта, при желанiи директора, можетъ свестись только къ утвержденiю его распоряженiй. Но и самъ директоръ находится въ полной зависимости отъ контроля и регламентации въ лицѣ попечителя, безъ справки съ мнѣнiемъ котораго не можетъ ступить шага, и въ видѣ цѣлыхъ томовъ разныхъ правилъ, инструкцiй, циркуляровъ, распоряженiй и разъясненiй. Благодаря той-же системѣ контроля и регламентации, и попечитель учебнаго округа не располагаетъ довѣрiемъ центра настолько, чтобы, напримѣръ, имѣть право, не возбуждая каждый разъ особаго ходатайства, дать въ руки дѣтей самую безобидную сказочку или самый элементарный учебникъ. Послѣ этого,—замѣчаетъ докладъ,—что же сказать объ учителѣ, стоящемъ лицомъ къ лицу съ ребенкомъ? Плохо обезпеченный, измученный непосильнымъ количествомъ уроковъ, во всемъ зависящiй отъ директора, приниженный и безправный, онъ можетъ быть названъ педагогомъ лишь въ ироническомъ смыслѣ. Вся его педагогическая работа сводится къ безконечному спрашиванiю 40—50-ти учениковъ и постановкѣ имъ балловъ, причѣмъ громадные и трудно исполнимыя программы, наполненные мелочами и подробностями, точно расписаны по классамъ, а методы и приемы преподаванiя подлежатъ контролю директора. Все это, кромѣ того, увѣличивается ежегодно строгимъ экзаменнымъ контролемъ, который для учителя часто не менѣе страшенъ, чѣмъ для ученика. А какъ отражаются всѣ эти баллы, экзамены, безконечныя домашнiя работы на ученикѣ—за этимъ учитель не имѣетъ возможности и услѣдить. Переходя къ вопросу объ отношенiи школы къ родителямъ, докладъ коммиссiи замѣчаетъ, что, благодаря бюрократическому строю, школа относится къ родителямъ, какъ къ подчиненнымъ; она не считается съ ихъ мнѣнiями и входитъ съ ними въ сношенiя только въ «криминальныхъ» случаяхъ. Что касается родителей, то они относятся къ школѣ со страхомъ, а иногда и ненавистью; они не могутъ любить школы, которая пренебрегаетъ личностью ихъ дѣтей, разстраиваетъ ихъ здоровье непосильными занятiями, лишаетъ ихъ свободнаго времени для игръ на свѣжемъ воздухѣ или занятiй, соответствующихъ возрасту и личнымъ склонностямъ. Но родители не могутъ и обойти школы, дающей дѣтямъ аттестаты, обезпечивающей ихъ будущность. Поэтому и сами учащiеся привыкаютъ смотрѣть на школу формально, исполняя съ внутреннимъ недовѣрiемъ ея требованiя. Такимъ образомъ, говоритъ коммиссiя, формализмъ и недовѣрiе въ отношенiяхъ начальства къ школѣ порождаютъ

такой-же формализмъ и такое-же недовѣріе въ отношеніяхъ учениковъ и родителей къ самой школѣ.

Если общій духъ всего строя нашей школы опредѣляется бюрократизмомъ, то общій духъ учебнаго ея дѣла точно такъ-же опредѣляется классицизмомъ. Хотя введеніе къ намъ германскаго классицизма, вопреки желаніямъ образованнаго общества, вопреки національно-историческому развитію, вопреки неподготовленности нашихъ педагоговъ, и носитъ ярко выраженный бюрократическій характеръ, но по существу дѣла бюрократизмъ и классицизмъ не имѣютъ ничего общаго: свободная отъ классицизма школа можетъ быть вполне бюрократической, точно такъ-же, какъ классическая школа можетъ быть вполне свободна отъ бюрократическихъ принциповъ. Поэтому вопросы объ общемъ строѣ школьнаго дѣла и въ частности вопросъ о той или другой учебной системѣ могутъ разсматриваться отдѣльно. Вслѣдствіе этого въ докладѣ коммиссія предлагаетъ только свои соображенія о желательной организационной общаго строя школы. Вопросъ-же о желательномъ типѣ учебныхъ программъ послужитъ предметомъ особаго доклада.

Переходя къ положительной части заключеній коммиссіи, докладъ ея останавливается прежде всего на задачахъ школы. Основная задача школы, по мнѣнію коммиссіи, должна заключаться въ развитіи отдѣльной личности на почвѣ общечеловѣческихъ и національныхъ требованій, предъявляемыхъ къ ней государствомъ. Эти требованія должны быть настолько широки, чтобы не убивать индивидуальности чловѣка; если-же, какъ это было, напримѣръ, при введеніи устава 1871 года, государство поставитъ школѣ, а слѣдовательно и личности, слишкомъ узкія и врезенныя задачи, то результатомъ можетъ явиться недовѣріе и отвращеніе къ школѣ, которая насилуетъ свободное развитіе личности. Но, опредѣляя общія задачи и общій строй школы, дающей извѣстныя права, не слѣдуетъ забывать о зависящей отъ состава ея дѣятелей и учениковъ индивидуальности каждой отдѣльной школы, которая должна быть свободна въ выборѣ средствъ для достиженія поставленныхъ задачъ. Желательно, чтобы отношеніе вышаго начальства къ школѣ было таково, чтобы каждая отдѣльная школа имѣла возможность развивать своеобразныя особенности на основѣ общихъ указаній устава и учебныхъ программъ; поэтому желательно, чтобы инструкции, циркуляры и предложенія, исходящія отъ вышаго начальства, имѣли общій характеръ и не входили въ мелкія подробности школьнаго дѣла. Послѣднія школа должна сама опредѣлять и сама за нихъ отвѣчать. Только такой порядокъ можетъ, какъ думаетъ коммиссія, вложить жизнь въ школу, ободритъ ея дѣятелей и развить въ нихъ любовь къ своему дѣлу. Гарантій того, что поставленная такимъ образомъ школа дѣйствительно достигаетъ цѣлей, намѣченныхъ государствомъ, должно служить наблюденіе мѣстной власти, въ лицѣ попечителя округа, въ управленіе котораго должны быть сообщаемы не только годовые отчеты, на и протоколы педагогическаго Совѣта школы. Существующаго теперь внѣшняго контроля надъ школой въ формѣ экзаменовъ не должно быть. Экзамены, какъ это уже признано, ничего, кромѣ вреда, не вносятъ въ школу, такъ какъ нерѣдко закрываютъ наблюдателямъ глаза на дѣйствительное состояніе учебнаго дѣла. Послѣднее-же можетъ быть узнано только при наблюденіи за явленіями обиходной, будничной жизни школы путемъ личныхъ посѣщеній школы, путемъ знакомства съ ея своеобразными порядками черезъ протоколы и отчеты педагогическихъ Совѣтовъ. Коммиссія выражаетъ далѣе пожеланіе, чтобы на должности

директоровъ избирались лица, вполне компетентныя въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Большую услугу могла-бы оказать здѣсь періодическая печать, если-бы для нея было допущено обсужденіе внутренней жизни школы, хотя-бы и безъ точнаго указанія на то или другое учебное заведеніе, какъ это предлагалось покойнымъ Пироговымъ. Все это вмѣстѣ взятое дало-бы учебному округу полную возможность съ успѣхомъ оберегать общегосударственные интересы въ школѣ, причѣмъ права попечителя округа должны, въ предѣлахъ вѣреннаго ему управленія, быть расширены, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Въ частности ему должно быть предоставлено право опредѣлять время начала и продолжительности лѣтнихъ и зимнихъ ваканцій сообразно съ географическими особенностями управляемаго имъ округа; одобрять для округа учебники, учебныя пособія и книги для чтенія черезъ посредство особой комиссіи, состоящей изъ опытныхъ педагоговъ и специалистовъ (профессоровъ и учителей среднихъ учебныхъ заведеній). Ученый-же Комитетъ Министерства сохранилъ-бы при этомъ свое право одобрять тѣ-же книги для всей Россіи.

Переходя къ вопросу объ организаціи самой школы, комиссія указываетъ, что центромъ и душой педагогическаго дѣла должны быть признаны учителя. Отсюда вытекаетъ необходимость поднять ихъ нравственное и матеріальное положеніе и дать имъ возможность вести ихъ дѣло по крайнему разумѣнію, не стѣняя ихъ мелкими формальностями вишняго контроля. Центромъ каждой школы долженъ быть педагогическій Совѣтъ, которому слѣдуетъ предоставить: опредѣлять количество уроковъ у каждаго отдѣльнаго учителя, выбирать изъ своей среды членовъ на всѣ классныя должности, включая инспектора и класснаго наставника; выбирать новыхъ учителей (послѣ открытаго обсужденія достоинствъ и недостатковъ кандидатовъ), что можетъ болѣе гарантировать ихъ пригодность; подавать свое мнѣніе по вопросу объ увольненіи или переводѣ учителя въ другое учебное заведеніе. Всѣ эти функціи нынѣ предоставлены директору и создаютъ крайнюю, нежелательную зависимость отъ него педагогическаго персонала. Комитетъ полагаетъ также, что необходимо предоставить право созывать Совѣтъ (черезъ директора) по мотивированному письменному заявленію не менѣе трехъ его членовъ. За директоромъ-же остается право аттестовать членовъ Совѣта передъ начальствомъ и представлять ихъ къ наградамъ; онъ-же пользуется правомъ приостанавливать исполненіе постановленія Совѣта до разрѣшенія вопроса высшею властью въ тѣхъ случаяхъ, когда эти постановленія, по его мнѣнію, противорѣчатъ закону или уставу. Совѣту, далѣе, должно быть предоставлено право окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся: 1) приема и исключенія учениковъ и перевода ихъ изъ класса въ классъ; 2) какъ освобожденія учениковъ отъ платы, такъ и опредѣленія количества учениковъ, которые могутъ быть освобождаемы отъ нея; 3) сокращенія, дополненія и перенесенія изъ класса въ классъ учебнаго матеріала, равно какъ и общаго распредѣленія его по классамъ; 4) выбора книгъ для чтенія, учебныхъ пособій и учебниковъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ или ученымъ округомъ и ходатайства о введеніи книгъ, не значащихся въ официальныхъ каталогахъ; 5) случаевъ разногласія директора и отдѣльныхъ учителей по вопросамъ преподаванія; 6) дисциплины учениковъ и внутреннихъ порядковъ школы. Для завѣдыванія хозяйственною частью заведенія Совѣты избираютъ особыя немногочисленныя комиссіи. При такой поста-

новъ Совѣта гимназій живое педагогическое дѣло получить и живыя, способныя развиваться и совершенствоваться формы. Въ числѣ мѣръ для подготовки учителей и улучшения ихъ матеріальнаго быта, кромѣ указанныхъ въ особыхъ докладахъ, представленныхъ уже высшему начальству педагогическимъ Обществомъ, комиссія рекомендуетъ; 1) сѣзды съ выставками при нихъ и демонстраціями, 2) учрежденіе педагогическихъ Обществъ и 3) командировки учителей въ университетскіе города или за границу на опредѣленное время (за счетъ специальныхъ средствъ гимназій). Особенное значеніе придаетъ комиссія сѣздамъ, которымъ необходимо дать самое широкое развитіе. Сѣзды могутъ быть всероссійскіе и окружныя, общепедагогическіе и предметныя, періодическіе и экстренныя. причѣмъ окружныя сѣзды могли-бы разрѣшаться попечителемъ округа, а предметныя или экстренныя— по представленію педагогическихъ Совѣтовъ отдѣльныхъ гимназій или педагогическихъ Обществъ. Желательно, чтобы для организаціи періодическихъ общепедагогическихъ сѣздовъ, по примѣру уже существующихъ сѣздовъ дѣятелей сельско-хозяйственныхъ школъ, при учебномъ округѣ организовано было постоянное бюро, которое и созывало-бы ихъ въ опредѣленное время. Желательно, наконецъ, чтобы всероссійскіе сѣзды разрѣшались Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по представленію попечителей округовъ и педагогическихъ Обществъ. Проектируемыя мѣры, какъ полагаетъ комиссія, поставили-бы нравственное, умственное, матеріальное и служебное положеніе учителя настолько хорошо, что онъ былъ-бы поставленъ въ благопріятныя условія для развитія въ немъ педагогическаго настроенія. Для того-же, чтобы это настроеніе отразилось съ пользой на учащихся, необходимо еще устроить одну несообразность существующей школы — ея чрезмѣрную переполненность, столь вредящую индивидуальности отдѣльныхъ учениковъ. При 50-ти ученикахъ въ классѣ учитель вынужденъ все дѣлать кое-какъ, на скорую руку, и лишенъ возможности слѣдовать здоровому правду педагогика, рекомендуящему приготовленіе уроковъ производить въ классѣ. Отсюда — обремененіе учениковъ современной школы домашними работами и чрезвычайное развитіе репетиторства не только въ младшихъ, но и въ среднихъ классахъ. Учитель является такимъ образомъ только руководителемъ цѣлой арміи репетиторовъ. Комиссія полагаетъ, что число учениковъ каждаго класса не должно превышать 30-ти человекъ, а для устраненія случаевъ отказа желающихъ учиться, гимназія обязана открывать параллельныя классы, часть расходовъ на которые брало бы на себя Министерство Народнаго Просвѣщенія, а часть ложилась-бы на мѣстное общество. Дополняя изложенную выше характеристику желательной организаціи средней школы, докладъ комиссія указываетъ еще на значеніе и дѣятельность «классныхъ наставниковъ». Комиссія считаетъ при этомъ возможнымъ присоединиться къ тѣмъ взглядамъ, которые выражены въ существующей уже «Инструкціи для классныхъ наставниковъ», утвержденной 5-го августа 1877 г., и пожелать, чтобы правила этой инструкціи, проникнутыя истинно-педагогическимъ духомъ, но оставшіяся доселѣ лишь на бумагѣ, дѣйствительно вошли въ жизнь, но съ тѣмъ, чтобы пунктъ 6 парагр. 2-го этой инструкціи (о сношеніи съ родителями) былъ разъясненъ въ смыслѣ предоставленія классному наставнику возможности, съ разрѣшенія педагогическаго Совѣта, предлагать иногда всѣмъ желающимъ родителямъ учениковъ вѣрнѣе ему класса собираться въ гимназію для совѣщанія подъ его предѣлительствомъ о вопросахъ, касающихся всего класса. Что касается до помощника клас-

сваго наставника («надзирателя»), то комиссія высказалась за необходимость сохраненія въ гимназіяхъ и этой должности, какъ снимающей съ классныхъ наставниковъ, и безъ того обремененныхъ занятіями (по преподаванію и воспитательной части), цѣлаго ряда обязанностей по надзору за внѣшней дисциплиной и пр., причѣмъ высказано пожеланіе, чтобы былъ повышенъ ихъ образовательный цензъ и улучшено матеріальное положеніе. Устроенная на указанныхъ началахъ школа, какъ думаетъ комиссія, несомнѣнно вызоветъ къ себѣ общественное сочувствіе, особенно если при этомъ и ея учебные планы будутъ отвѣчать требованіямъ жизни. Такимъ путемъ уже разрѣшается отчасти сложный и трудный вопросъ—объ отношеніи школы къ семьѣ и обществу, благопріятное рѣшеніе котораго, при существующемъ строе средней школы, никакими искусственными мѣрами не можетъ быть достигнуто. Въ докладѣ указывается, что школа должна отказаться отъ пререкательнаго и недовѣрливаго отношенія къ семьѣ и признать, что мнѣнія родителей по вопросамъ воспитанія ихъ дѣтей могутъ имѣть цѣнность. Комиссія однако не признаетъ возможность дать право родителямъ посѣщать педагогическій Совѣтъ (это значило-бы лишить Совѣтъ возможности спокойно и безпристрастно обсуждать дѣла школы); но за то было-бы вполне естественно и желательно дать право Совѣту въ отдѣльныхъ случаяхъ приглашать на свои засѣданія нѣкоторыхъ родителей, что особенно имѣло-бы значеніе въ смыслѣ предохраненія Совѣта отъ возможности ошибокъ въ опредѣленіи индивидуальныхъ особенностей ребенка. Наряду съ тѣмъ комиссія признаетъ возможность предоставленія и родителямъ права входить въ Совѣтъ (черезъ класснаго наставника и директора) со своими заявленіями по вопросамъ, касающимся школы, причѣмъ Совѣтъ обязанъ былъ-бы разсматривать эти заявленія, не стѣсняемый въ свободѣ своихъ по нимъ рѣшеній. Докладъ допускаетъ далѣе возможность жалобъ родителей на дѣйствія Совѣта высшему начальству, что гораздо удобнѣе существующаго порядка, по которому жалобы на директора должны идти черезъ самого директора. Насколько вообще практичны и полезны всѣ эти мѣры, можетъ, конечно, показать лишь опытъ. Развивая свою мысль объ отношеніи школы къ родителямъ, комиссія въ интересахъ школы рекомендуетъ установить еще правильныя сообщанія съ родителями, въ формѣ совѣщаній всего Совѣта со всѣми желающими того родителями и въ формѣ отдѣльныхъ совѣщаній «наставниковъ» и преподавателей съ родителями учениковъ извѣтнаго класса. Подобныя сообщанія давали-бы въ результатѣ обоюдное пониманіе въ интересахъ школы: порядковъ ея—родителями и требованій послѣднихъ—педагогами; въ первомъ случаѣ родители могли-бы примириться съ порядками школы, а во второмъ—педагоги видоизмѣнить свои порядки. Но комиссія высказывается рѣшительно противъ какой-либо регламентаціи въ дѣлѣ этихъ совѣщаній, желая только, чтобы они имѣли мѣсто въ нашей школѣ, чтобы этотъ опытъ былъ сдѣланъ. Школа могла-бы улучшить свои отношенія къ обществу также путемъ приглашенія въ засѣданія Совѣта (съ совѣщательнымъ голосомъ) представителей всѣхъ тѣхъ учреждений, которые оказываютъ школѣ матеріальную поддержку (Общества вспоможенія учащимся, городскія и земскія учрежденія и т. п.), а также профессоровъ университета, представителей ученыхъ или педагогическихъ Обществъ, для обсужденія вопросовъ научно-педагогическаго характера. Съ тою-же цѣлью необходимо, чтобы школа, уважая общественное мнѣніе и признавая законный интересъ общества къ ея дѣлу, печатала-бы ежегодно отчеты,—не сухіе и формальные, а

такіе, которые дѣйствительно отражали-бы всю внутреннюю жизнь школы, всѣ ея порядки.

Вопросъ о печатаніи подробныхъ школьныхъ отчетовъ даетъ комиссія поводъ остановиться въ своемъ докладѣ на болѣе подробной мотивировкѣ своего взгляда на роль печати въ жизни школы. Подтверждая еще разъ приведенное уже выше мнѣніе свое о необходимости расширенія правъ печати въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ, комиссія полагаетъ, что безусловной свободы въ этомъ отношеніи допустить нельзя. Школа, по ея мнѣнію, стоитъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія учрежденія: она имѣетъ дѣло съ дѣтьми, для которыхъ долженъ высоко стоять нравственный авторитетъ ихъ воспитателей. Безъ этого авторитета школа бессильна. А между тѣмъ ребенокъ по своей натурѣ легковѣренъ и склоненъ къ обобщеніямъ. При такихъ условіяхъ пристрастный отзывъ какого-нибудь родителя на страницахъ неразборчивой газеты по поводу того или другого поступка учителя можетъ уронить послѣдняго въ глазахъ дѣтей. Поэтому, охраняя ребенка отъ конкретныхъ частныхъ фактовъ, близко ему знакомыхъ, печать сдѣлаетъ свое дѣло, если въ статьѣ, спокойно обсуждающей общій строй школы (хотя-бы и иллюстрируя свое мнѣніе фактами), будетъ касаться ея достоинствъ и недостатковъ. Такія статьи могутъ пройти мимо вниманія дѣтей и не принесутъ того вреда, о которомъ сказано выше. Вообще, если не тѣ, такъ другія мѣры должны быть приняты къ расширенію правъ печати въ обсужденіи вопросовъ школы, потому что гласность для нея полезна. При улучшеніи школы и печать будетъ дорожить ею и оберегать ее. Враждебное отношеніе общества къ школѣ отразилось и въ печати, и прискорбный разладъ этотъ, говоритъ комиссія, можно надѣяться, отойдетъ въ область исторіи. Съ другой стороны, струя свѣжаго воздуха проникла-бы въ школу вмѣстѣ съ гласностью и уничтожила-бы въ ней послѣдніе остатки бюрократизма, многіе порядки сдѣлались-бы невозможны, злоупотребленія были-бы выводимы на свѣтъ Божій,—и печать сдѣлалась-бы надежной помощницей правительства въ его усиліяхъ создать истинно педагогическую школу.

Въ заключеніе комиссія высказываетъ рядъ пожеланій по вопросу о частной инициативѣ въ учебномъ дѣлѣ, важной въ томъ отношеніи, что при ея помощи можетъ пополняться общая территоріальная сѣть учебныхъ заведеній и что она можетъ иногда содѣйствовать выработкѣ новыхъ типовъ общеобразовательныхъ школъ. Пожеланія сводятся къ тому, чтобы общественнымъ учрежденіямъ было дано право избирать директора школы и представлять его на утвержденіе и въ лицѣ своихъ представителей присутствовать на засѣданіяхъ педагогическаго Совѣта въ качествѣ полноправныхъ членовъ; съ другой стороны, чтобы кружки педагоговъ, открывающихъ школу на общія средства, могли-бы образовывать при этомъ товарищества, т.-е. такую юридическую форму, при которой признаны были экономическія права всего кружка. Отвѣтственность-же за такую школу лежала-бы на избираемомъ товарищами директорѣ. Докладъ заканчивается такими словами: комиссія глубоко убѣждена, что только строгое и систематическое проведеніе принциповъ децентрализаціи учебнаго дѣла, довѣрія къ учебному персоналу школы, поднятія его нравственнаго и матеріальнаго положенія, дружескаго отношенія къ семьѣ, обществу и печати можетъ поставить школу на надлежащую высоту, дать ей истинно педагогическій духъ и лишить ее бюрократическаго характера. Отдѣльныя-же, частныя мѣропріятія въ этой области, какъ и всѣ вообще полумѣры, вничто кореннымъ образомъ не улучшатъ. II

чѣмъ глубже и лучше будутъ эти мѣропріятія, тѣмъ болѣе они рискуютъ остаться только на бумагѣ. Можно, конечно, при всякомъ строѣ школы распорядиться замѣнить военную гимнастику играми, но распорядиться замѣнить пренебреженіе къ личности ученика уваженіемъ къ его нравственному достоинству нельзя безъ измѣненія всего строя школы.

Въ ближайшемъ будущемъ комиссія представитъ на обсужденіе педагогическаго Общества еще два доклада: одинъ—по вопросу объ организаціи собственно учебнаго дѣла въ средней школѣ и другой—по вопросамъ нравственнаго, эстетическаго и физическаго развитія учащихся.

По тому-же вопросу о реформѣ средней школы Саратовская губернская земская управа представила земскому собранію особый докладъ, въ которомъ, какъ теперь передаетъ «Саратов. Листокъ», были изложены слѣдующія соображенія: Вопросъ о системѣ средняго образованія настолько важенъ, настолько близко затрагиваетъ интересы лицъ всѣхъ классовъ и положеній, что представителямъ губернскаго земства оставаться въ сторонѣ отъ этого весьма серьезнаго дѣла невозможно. Едва-ли нужно говорить о тѣхъ неисчислимыхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣетъ классическое образованіе и вся система средней школы какъ въ смыслѣ ложнаго направленія умственныхъ силъ юношества, такъ и чисто физическаго вреда для здоровья дѣтей. Лучшіе педагоги и ученые гигиенисты Европы и Россіи неоднократно въ научныхъ трактатахъ высказывались за измѣненіе текущей системы средняго образованія, а на-ряду съ учеными авторитетами уже много лѣтъ не перестаютъ говорить о недостаткахъ существующей системы средняго образованія періодическая печать и общество. Вопросы о постановкѣ экзаменовъ, о системѣ оцѣнки познаній учащихся путемъ выставленія балловъ, о домашнемъ приготовленіи уроковъ, о правахъ на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, о несоотвѣтствіи системы средняго образованія задачамъ дальнѣйшаго высшаго образованія и будущей практической дѣятельности, наконецъ оторванность средней школы отъ семьи—всѣ эти вопросы слишкомъ близко касаются интересовъ какъ учащихся, такъ ихъ родителей и воспитателей. Въ разработкѣ вопросовъ о реформѣ средней школы приняли участіе педагоги, врачи, родители учащихся и нѣкоторые изъ губернскихъ земствъ (орловское, симбирское и др.).

Саратовское губернское земство неоднократно подвергало обсужденію вопросъ о системѣ средняго образованія, постоянно (съ 1868 года) отдавая предпочтеніе типу реальныхъ училищъ въ противоположность классическимъ гимназіямъ, и теперь губернское собраніе имѣетъ основаніе ходатайствовать передъ правительствомъ о допущеніи его представителей къ участію въ особой комиссіи по пересмотру существующей системы средняго образованія, тѣмъ болѣе, что земство субсидируетъ средне-учебныя заведенія и содержитъ въ нихъ на свои средства 70 стипендіатовъ. Участіе представителей земскихъ учрежденій въ пересмотрѣ системы средняго образованія, по мнѣнію Саратовской управы, должно ввести тотъ живой духъ, ту свѣжую струю, непосредственно истекающую изъ дѣйствительныхъ потребностей общественной жизни, отсутствіемъ которыхъ особенно страдаетъ наша средняя школа, имѣющая преимущественно бюрократическій характеръ.

Аналогичное ходатайство, какъ сообщаетъ «Орл. Вѣстн.», было возбуждено орловскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по предложенію управы. Въ средѣ собранія оказалось не мало защитниковъ и противниковъ такъ называемой классической системы образованія. Резюмируя весьма оживленные пренія по

этому поводу, председатель собранія М. А. Стаховичъ высказалъ, что общій вопросъ о школѣ охватываетъ собою какъ то, какихъ образованныхъ людей желательно имѣть въ лицѣ обучающагося юношества, такъ и то, какимъ путемъ, при помощи какихъ программъ и методовъ этого можно достигнуть. Если вторая часть вопроса—спеціально педагогическая и должна быть разрѣшена лицами соотвѣтственной спеціальности, то въ первой части общество, несомнѣнно, компетентно, и голосъ его долженъ быть выслушанъ. Коммиссія, которая проводила учебную реформу при гр. Толстомъ, состояла исключительно изъ педагоговъ, и этому надо приписать отчасти тѣ промахи, съ которыми приходилось потомъ считаться. Если-бы даже, возбуждая ходатайство, мы сдѣлали ошибку, выйдя изъ предѣловъ предоставленныхъ намъ правъ, то еще болѣею ошибкою было-бы, если-бы при настоящихъ обстоятельствахъ мы не возвысили своего голоса. Постановленіе собранія выразилось въ слѣдующемъ. Рѣшено ходатайствовать объ уничтоженіи привилегіи классическаго образованія сравнительно съ реальнымъ и о приглашеніи со стороны правительства въ соотвѣтственную коммиссію при обсужденіи вопроса о реформѣ средней школы одного изъ членовъ губернскаго земскаго собранія. Это постановленіе губернское собраніе просило председателя лично поддержать передъ высшимъ правительствомъ.

Затѣмъ, Самарская губернская управа представила на разсмотрѣніе очереднаго губернскаго земскаго собранія весьма обстоятельный докладъ о реформѣ средней школы. 20-го января этотъ докладъ былъ прочитанъ на собраніи, причемъ, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», безъ преній приняты слѣдующія заключенія: 1) Ходатайствовать передъ правительствомъ объ уничтоженіи привилегіи классическаго образованія и о расширеніи правъ реальной школы, которая-бы давала оканчивающимъ курсъ одинаковыя права на поступленіе какъ въ высшія спеціальныя техническія училища, такъ и въ университеты. 2) Ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы при реформѣ средней школы было обращено вниманіе: а) на установленіе необходимой связи высшей школы съ среднеобразовательной, т.-е. на введеніе централизованной системы расположенія всѣхъ школъ; б) на сокращеніе обязательнаго учебнаго времени и на сообщеніе учащимся полезныхъ знаній внѣшкольными научными чтеніями, научными бесѣдами и занятіями; в) на улучшеніе физическаго воспитанія; г) на необходимость организациі разумныхъ развлеченій для учащихся; д) наконецъ, на необходимость установленія связи школъ съ семьей путемъ устройства педагогическихъ Обществъ, родительскихъ кружковъ, а также на допущеніе въ педагогическія Совѣты членовъ тѣхъ Обществъ и учреждений, на средства коихъ сооружены школы. Кромѣ того, собраніе постановило, чтобы изученіе древнихъ языковъ въ реформированной средней школѣ было не обязательнымъ, за исключеніемъ латинскаго, который можетъ быть обязательенъ лишь для поступающихъ на филологическій и юридическій факультеты.

Вятскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, между прочимъ, постановлено, какъ сообщаютъ «Вятскія Губ. Вѣд.», возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайства: 1) чтобы программы первыхъ четырехъ классовъ какъ классическихъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ были общими; 2) чтобы были учреждены уставы и программы особыхъ четырехклассныхъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса которыхъ ученики могли-бы поступать въ пятый классъ какъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ, и 4) чтобы ученикамъ реальныхъ училищъ былъ открытъ доступъ въ университетъ на всѣ фа-

культеты, кромѣ филологическаго. Ходатайство постановлено возбудить по телеграфу.

По словамъ «Русск. Вѣд.», бѣжецкое уѣздное земское собраніе высказалось 14-ю голосами противъ 7-ми по довлѣду гласнаго Н. Н. Ревякина за возбужденіе ходатайства передъ правительствомъ: 1) объ уничтоженіи привилегій классической системы образованія и о сравненіи его въ правахъ на поступленіе въ университетъ съ реальнымъ образованіемъ и 2) о предоставленіи права выборному тверского губернскаго земства принимать участіе въ трудахъ комиссіи для рѣшенія вопросовъ, перечисленныхъ циркуляромъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

25-ти-лѣтіе педагогико-литературной дѣятельности С. И. Шохорь-Троцкаго.

15-го февраля исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня выступленія на поприще педагогико-литературной дѣятельности Семена Ильича Шохорь-Троцкаго, извѣстнаго преподавателя математики во многихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, составителя нѣсколькихъ учебниковъ по математикѣ и ариаметикѣ, а также автора множества статей, преимущественно въ педагогическихъ журналахъ. Первая работа С. И. Шохорь-Троцкаго, тогда еще студента, подъ заглавіемъ «Что такое величина», была помѣщена имъ въ журналѣ «Семья и Школа» въ 1875 г. (№№ 2 и 3), и она-то и послужила въ избранной имъ области вѣдѣнія началомъ его многоплодной педагогико-литературной и учебной дѣятельности, къ которой онъ окончательно обратился, однако, значительно позднѣе, послѣ основательной научной подготовки.

Семень Ильичъ Шохорь-Троцкій родился, 20-го января 1853 г., въ г. Каменецъ-Подольскѣ, обучался сперва въ Киевской гимназій, а затѣмъ въ Херсонской, по окончаніи курса которой слушалъ лекціи въ Новороссійскомъ университетѣ. Переѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, но, не будучи въ состояніи выносить петербургскаго климата, онъ поселился на югѣ, въ провинціи, и, давая частные уроки, занялся самообразованіемъ. Съ 1877 по 1880 годъ С. И. слушалъ лекціи въ Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ и Кенигсбергскомъ университетахъ по математикѣ, естественнымъ наукамъ и философіи, у извѣстныхъ профессоровъ Вейерштасса, Гельмгольца, Фукса, Б. Эрмана, Паульсена, К. Фишера. За это время С. И. написалъ рядъ статей подъ заглавіемъ «Математика, какъ предметъ общаго образованія», помѣщенныхъ въ журналѣ «Педагогическій Музей», и значительное число корреспонденцій о нѣмецкой школѣ, печатавшихся въ журналѣ «Семья и Школа». Съ 1881 года, когда С. И. поселился снова въ Петербургѣ, начинается его усиленная педагогическая дѣятельность сперва теоретическая, а вскорѣ затѣмъ соединенная и съ практическою. Принимая близкое участіе въ журналѣ «Семья и Школа», онъ цѣлымъ рядомъ обстоятельныхъ статей, а также множества рецензій и замѣтокъ и, наконецъ, въ своихъ методическихъ и учебныхъ руководствахъ и своею практическою дѣятельностью на различнаго рода педагогическихъ курсахъ, въ значительной степени содѣйствовалъ развитію въ русской начальной школѣ и вообще въ области начальнаго обученія здраваго взгляда на преподаваніе ариаметики, разбѣивъ, такимъ образомъ, господствовавшую здѣсь дотолѣ методу нѣмецкаго педагога Грубе, заполонив-

шую русскую начальную школу, главнымъ образомъ, въ обработкѣ покойнаго В. А. Евтушевекаго. Это крупная заслуга С. И. Шохоръ-Троцкаго перелъ русскою начальною школою. Въ печатаемыхъ, затѣмъ, своихъ статьяхъ въ журналахъ «Русская Школа» и «Народное Образование», С. И. всегда ратовалъ противъ рутины въ живомъ дѣлѣ преподаванія вообще и въ частности—преподаванія математики, отстаивая избранную имъ методу преподаванія, которую онъ называетъ «методомъ пѣлесообразныхъ задачъ»? Изъ многихъ составленныхъ имъ методическихъ и учебныхъ руководствъ, выдержавшихъ по нѣскольку изданій, поименуемъ нѣкоторыя главнѣйшія: «Методика ариѳметики», ч. I (для начальныхъ школъ) и ч. II (для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики), «Учебникъ геометріи», «Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія» и нѣсколько задачникѠвъ по ариѳметикѣ для учебныхъ заведеній различныхъ категорій. Для приложенія при маломъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона имъ составлены статьи по ариѳметикѣ и алгебрѣ. Изъ работъ внѣ избранной имъ области укажемъ на статьи «Леонардо да Винчи и его рукописи», помѣщенные въ «Вѣстникѣ Европы» за 1896 г. (№№ 6 и 7).

Практическая педагогическая дѣятельность юбиляра не менѣе обширна. Онъ состоялъ или состоитъ преподавателемъ въ женскихъ гимназіяхъ г-жъ Стоюниной, кн. Оболенской, Шаффе, въ Павловскомъ и Александровскомъ женскихъ институтахъ, въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ, на курсахъ, устроенныхъ при С.-Петербургскомъ училищѣ для глухонѣмыхъ, для подготовленія учителей для школъ глухонѣмыхъ. Состоя на службѣ по Вѣдомству Императрицы Маріи (въ Александровскомъ институтѣ), С. И. принималъ участіе, кромѣ обычныхъ служебныхъ работъ, также въ составленіи программъ для воскресныхъ школъ духовнаго вѣдомства и въ пересмотрѣ программъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ кадетскихъ корпусахъ. Но, преподавая въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, С. И. Шохоръ-Троцкій никогда не прерывалъ своей связи съ начальною школою, для которой онъ такъ много и такъ успѣшно потрудился въ дѣлѣ болѣе правильной постановки преподаванія одного изъ главнѣйшихъ предметовъ ея—именно обученія счисленію. Въ каникулярное время, вмѣсто отдыха послѣ тяжелой педагогической работы, онъ снова принимался за этотъ-же трудъ, но уже для начальнаго образованія. Онъ руководилъ учительскими курсами въ Нижнемъ-Новгородѣ (во время Всероссийской выставки), въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Демянскѣ (Новгородской губ.), Саратовѣ, Городѣ (Черниговской губ.).

Такимъ образомъ, чествованіе 15-го февраля юбиляра, устроенное его почитателями совершенно для него неожиданно, было достойнымъ воздаяніемъ тѣхъ трудовъ, часть которыхъ перечислена нами выше. Оно глубоко тронуло юбиляра своею сердечностью и общимъ проявленіемъ симпатіи со стороны его многочисленныхъ почитателей и почитательницъ. Въ теченіе дня въ квартирѣ С. И. перебивало нѣсколько депутацій, множество частныхъ лицъ изъ петербургскаго педагогическаго міра и было получено множество привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ со всѣхъ концовъ Россіи. Привѣтственный адресъ отъ попечительства Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ былъ поднесенъ, вмѣстѣ съ почетнымъ 1-й степени знакомъ попечительства; депутацію сослуживцевъ по Александровскому институту былъ поднесенъ цѣнный жетонъ; привѣтствія и телеграммы юбиляръ получилъ отъ членѠвъ училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ без-

платной школы на Моховой, отъ женскихъ гимназій кн. Оболенской и Шаффе, отъ С.-Петербургскаго Общества дѣтскихъ развлеченій, отъ протопресвитера Желобовскаго («Неутомному труженику и словомъ, и перомъ на пользу юношества въ день 25-ти-лѣтня педагогической дѣятельности привѣтъ и благопожеланіе»), отъ Городнянской уѣздной земской управы и учителей земскихъ школъ, отъ Константиновскаго артиллерійскаго училища и др. Изъ педагоговъ, лично принесшихъ поздравленія, поименуемъ: директора гимназій и реального училища Я. Г. Гуревича, И. Н. Михайлова, проф. Г. В. Форстена, инспектора Екатерининскаго института П. С. Карцева, Николаевскаго женскаго сиротскаго института В. Б. Струве, Александровскаго женскаго института М. Н. Захарченка и мн. др. Наиболее сердечно и выпукло очерчена дѣятельность юбиляра и внушаемая ею симпатіи въ адресѣ, поднесенномъ отъ слушателей педагогическихъ курсовъ при училищѣ глухонѣмыхъ. «Въ знаменательный для васъ день,—говорится въ этомъ адресѣ,—день 25-ти-лѣтня вашей плодотворной педагогическо-литературной дѣятельности, слушатели педагогическихъ курсовъ при училищѣ глухонѣмыхъ слѣшать принести вамъ свое поздравленіе съ пожеланіемъ трудиться еще много и много лѣтъ на поприщѣ родной вамъ методикѣ ариѳметики. Людей, посвятившихъ свою жизнь, свои труды разработкѣ методики ариѳметики, не много, поэтому уважать ихъ, слушать ихъ голосъ, совѣты—слѣдуетъ. Вы, несмотря на усталость, посвящаете намъ и тѣ немногіе часы отдыха, которые вамъ остаются. Ваши лекціи привлекаютъ насъ, слушать ихъ для насъ наслажденіе. Сколько вынесемъ практическихъ знаній! Все это и составляетъ намъ принести вамъ нашу глубочайшую благодарность. Ваши лекціи никогда не изгладятся изъ нашей памяти. Дай Богъ вамъ еще и еще много-много лѣтъ здравствовать!»

Къ этимъ сердечнымъ пожеланіямъ юбиляру на новое 25-ти-лѣтіе его дѣятельности присоединяется и редакція «Русской Школы», читатели которой близко знаютъ С. И. Шохоръ-Троцкаго не только по его отдѣльно изданнымъ трудамъ, но и по нашему журналу, дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго онъ состоитъ съ самаго дня его основанія, не переставая дѣлать въ него свои цѣнныя вклады *). Да продлятся его силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его плодотворные труды, ибо пока онъ въ силахъ—трудиться на общую пользу онъ не перестанетъ.

*) И въ настоящей книжкѣ «Русской Школы» читатели найдутъ статью И. Шохоръ-Троцкаго.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

С.-Петербургскій университетъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го февраля происходилъ годовоі актъ. Изъ прочитаннаго на актѣ отчета видно, что учебный персоналъ на всѣхъ факультетахъ состоялъ изъ 209 лицъ, изъ которыхъ 85 было приватъ-доцентовъ, 42 лаборантовъ, хранителей музеевъ и др., 10 лекторовъ и преподавателей. Ученыхъ степеней удостоено 12 лицъ, изъ нихъ 4 — докторской степени и остальные — магистерской. Оставленныхъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію было 106 лицъ, изъ которыхъ по историко-филологическому факультету — 30 лицъ, по физико-математическому — 31, юридическому — 38 и восточному — 7, изъ нихъ 35 съ содержаніемъ отъ университета, а остальные на собственный счетъ. Студентовъ окончило курсъ на всѣхъ факультетахъ около 500. Стипендіями пользовались 312 студентовъ. Кромѣ этого многимъ выдавались пособія, на которыя израсходовано 14.754 руб. Освобожденныхъ отъ платы за право ученія въ обоихъ полугодіяхъ было свыше 500 лицъ. Къ нынѣшнему 1900 году въ университетѣ остается 3.634 студента и 28 вольнослушателей. Библіотека университета продолжаетъ пополняться. Въ теченіе года вновь куплено книгъ разныхъ названій 1.198, пожертвованныхъ было 4.881. Всего въ настоящее время въ бібліотекѣ имѣется 133.913 названій. При университетѣ дѣйствовало шесть ученыхъ обществъ. Обществу естествоиспытателей съ Высочайшаго соизволенія ассигновано изъ средствъ государственнаго казначейства 10.000 руб. на продолженіе раскопокъ по берегамъ Сѣверной Двины, давшихъ уже весьма цѣнные научные результаты. Изъ пожертвованій, полученныхъ университетомъ, выдѣляется крупное пожертвованіе Каріѣва въ суммѣ 258.000 рублей («Н. Вр.»).

Харьковскій университетъ. Къ 1-му января 1900 г. личный составъ университета представляется въ такомъ видѣ: 1 профессоръ православнаго богословія, 56 ординарныхъ (въ штатѣ 17), 8 экстраординарныхъ (сверхштатныхъ 3), 6 и. д. экстраординарныхъ профессоровъ, 48 приватъ-доцентовъ и 4 лектора. Общее число преподавателей 124. Къ 1-му января 1899 г. состояло студентовъ 1.387, постороннихъ слушателей 134 (фармацевтовъ 122) и ученицъ повивальнаго института 39. На историко-филологическомъ — 36, физико-математическомъ — 197, юридическомъ — 445, медицинскомъ — 709. Въ теченіе 1899 года приняты 437 студентовъ, постороннихъ слушателей — 84 (фармацевтовъ 81), ученицъ повивальнаго института — 25. Выбыло 593 студента, постороннихъ слушателей — 65 (въ томъ числѣ фар-

мацевтовъ—63). Къ 1-му января 1900 г. состоитъ студентовъ 1.231. постороннихъ слушателей—153 (фармацевтовъ—139). По факультетамъ: на историко-филологическомъ—39, физико-математическомъ—222, юридическомъ—405 и медицинскомъ—565. Стипендіатами изъ 1.231 студента состояло 159, обязательными—33 и необязательными 126; имъ выдано: обязательнымъ—10.505 руб. и необязательнымъ—32 686 руб., а всего 44.191 р. Единовременныхъ пособій выдано на сумму 15.188 р., ежемѣсячныхъ 15-ти руб. пособій—9.150 р. Всего издержано на стипендіи и пособія 69.550 руб. Студентовъ освобождено отъ платы за слушаніе лекцій: въ осеннемъ полугодіи—184, въ весеннемъ—201. Выдано выпускныхъ свидѣтельствъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—6, физико-математическомъ—32, юридическомъ—97, медицинскомъ—122. Удостоено степеней: доктора—6 (1 на историко-филологическомъ факультетѣ и 5—медицинскомъ), магистра—3 (историко-филологическаго, юридическаго и физико-математическаго), званія узднаго врача—6, лекаря—80, провизора—54, зубногo врача—36, аптекарскаго помощника—80, повивальной бабки—224, дантиста—5. На содержаніе личнаго состава, на учебныя пособія, хозяйственныя надобности отпущено было изъ государственнаго казначейства 441.354 р. Плата за слушаніе лекцій дала—59.350 р., плата въ пользу преподавателей—49.358 р. Капиталовъ на выдачу стипендій имѣется 951.269 р., приносящихъ дохода 37.624 р. Въ истекшемъ году было получено отъ разныхъ учреждений и лицъ въ пользу студентовъ (для единовременныхъ пособій) 11,446 р. («Н. Вр.»).

Кіевскій университетъ. 18-го января происходилъ торжественный актъ университета св. Владиміра, вступившаго въ 66-ю годовщину своего существованія. Изъ прочитаннаго на актѣ отчета видно, что всѣхъ служащихъ въ университетъ было 226, въ томъ числѣ 62 ординарныхъ профессора, 15 экстраординарныхъ, 39 приватъ-доцентовъ и 4 лектора. Ученая дѣятельность профессоровъ выразилась въ 150 научныхъ трудахъ, напечатанныхъ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій или статей въ научныхъ изданіяхъ въ Россіи или за границей. При университетѣ состоитъ 7 ученыхъ обществъ: историческое Нестора лѣгописца, общество естествоиспытателей, физико-математическое, юридическое, акушерско-гинекологическое, физико-медицинское и психіатрическое. Въ трудахъ этихъ обществъ профессора принимали дѣятельное участіе. Всѣ эти общества имѣютъ свои спеціальныя органы или же печатаютъ рефераты докладовъ въ протоколахъ. Наибольшую дѣятельность проявили общества: Нестора, юридическое и физико-математическое. При университетѣ состояло 50 учебно-вспомогательныхъ учреждений: кабинетовъ, клиникъ, обсерваторій, городскихъ бібліотекъ и другихъ. На содержаніе этихъ учреждений израсходовано было болѣе 100 тысячъ рублей, въ томъ числѣ около 48 тыс. руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета. На покупку книгъ израсходовано было 18 тыс. руб. Бібліотека университета заключала 131 тыс. названій въ 220 тыс. томахъ. Къ 1-му января студентовъ числилось 2.316, въ томъ числѣ: 58 на историко-филологическомъ факультетѣ, 387 на физико-математическомъ (202 на естественномъ отдѣленіи и 185 на математическомъ), 1.194 на юридическомъ и 677 на медицинскомъ. По вѣроисповѣданію студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ—1.512 (65%), католиковъ—403 (17¹/₂%), іудеевъ—294 (12¹/₂%), лютеранъ—62 (2¹/₂%), армяно-григоріанъ—25, караймовъ—9,

старообрядцевъ — 3 и магометанъ—8. Кромѣ того, было 93 вольныхъ слушателя и 68 фармацевтовъ. Обращаетъ на себя вниманіе значительное уменьшеніе числа евреевъ. Въ прошломъ году ихъ было около 20⁰/₀, а въ 1897 г. процентъ ихъ доходилъ до 23⁰/₀. Также уменьшилась цифра студентовъ-поляковъ. На стипендіи и пособія въ прошломъ году было израсходовано около 55 тыс. руб. Израсходовано было на содержаніе университета въ 1899 г. около 610 тыс. руб., въ томъ числѣ около 390 тыс. руб. изъ суммъ государственнаго казначейства. При университетѣ выходитъ ученый журналъ «Университетскія извѣстія», начало которому положено было въ 1861 году. Расходъ по изданію этого журнала и сочиненій профессоровъ достигъ около 12 тыс. руб. Пожертвовано было частными лицами на стипендіи и другія цѣли около 40 тыс. руб. Общая сумма всѣхъ капиталовъ, принадлежащихъ университету св. Владимира, къ 1-му января достигала крупной цифры 1.120.400 руб. За лучшія сочиненія студентамъ было выдано 13 наградъ: 7 золотыхъ медалей, 4 серебряныхъ, 1 почетный отзывъ и 1 денежная премія—Пирогова. Кромѣ того, магистру минералогіи В. Е. Тарасенко присуждена физико-математическимъ факультетомъ премія профессора И. И. Рахманинова—большая золотая медаль за сочиненіе. Актъ закончился чтеніемъ именъ лицъ, удостоенныхъ наградъ, и раздачею медалей («Н. Вр.»).

Общежитіе для студентовъ Кіевскаго университета. Предстоящей весной въ Кіевѣ начнется сооруженіе новаго капитальнаго зданія, предназначеннаго для общежитія студентовъ. Къ октябрю мѣсяцу зданіе уже предполагается приспособить для жилья. Общежитіе будетъ выстроено на землѣ, принадлежащей нижеверному вѣдомству, на участкѣ въ 4¹/₂ десятины по Госпитальной улице. Первоначально общежитіе предполагали устроить на 150 человекъ, но Мин. Нар. Просв. нашло болѣе удобнымъ сразу приспособить проектируемое зданіе на 300 человекъ. Зданіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ трехъ-этажныхъ корпусовъ, соединенныхъ между собою корридорами. Для помѣщенія студентовъ въ этихъ корпусахъ устраивается 200 комнатъ для одиночныхъ квартиръ и 100 комнатъ, приспособленныхъ для помѣщенія двухъ лицъ въ каждой. Объединный залъ предполагается устроить съ такимъ расчетомъ, чтобы въ немъ могло помѣститься 400 человекъ. Квартиры для администраціи общежитія и прислуги рѣшено помѣстить въ отдѣльныхъ флигеляхъ. Стоимость зданія исчислена въ 450 тысячъ рублей, но весьма возможно, что вполнѣдствіи потребуются новые расходы по дополнительнымъ смѣтамъ. Средства на сооруженіе этой постройки поступаютъ изъ спеціальныхъ суммъ, ассигнованныхъ правительствомъ на устройство студенческихъ общежитій («Нов.»).

Общество вспомошествованія при Юрьевскомъ университетѣ. По сбраннымъ Обществомъ для пособія нуждающимся студентамъ Юрьевскаго университета даннымъ о дѣятельности этого Общества за 1898 г. оказывается, что въ составѣ Общества значится: 1 почетный членъ, 6 членовъ-учредителей и 105 дѣйствительныхъ членовъ. Особенное вниманіе Комитета было посвящено устройству столовой для студентовъ. Столовая была открыта 9-го ноября, и въ этомъ мѣсяцѣ отпустила 3.233 обѣда, изъ которыхъ 298 безплатныхъ. Въ отчетномъ году Комитетомъ рассмотрѣно 361 прошеніе, въ томъ числѣ о пособіи 278 и объ отсрочкѣ долга 83. Удовлетворены всѣ про-

шенія объ отсрочкѣ и 220 прошеній о пособіи, отклонены 58 прошеній о пособіи. Общество въ своей дѣятельности встрѣтило особенно горячее участіе со стороны лицъ, сочувствующихъ бѣднымъ молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію. Благодаря живому содѣйствію проф. Н. А. Савельева, отъ разныхъ лицъ поступило около 3.000 руб. на устройство столовой для студентовъ. Членскіе взносы поступили въ количествѣ 905 руб. Наибольше крупныя пожертвованія сдѣланы на сумму 3.022 руб. Изъ общей суммы поступленій при содѣйствіи Н. А. Савельева собрана отъ разныхъ лицъ въ видѣ членскихъ взносовъ и пожертвованій сумма 2.931 руб. Въ отчетномъ году выдано 161 студенту 194 ссуды, а именно: на взносъ платы въ университетъ 2.301 руб. и на житіе и другія нужды 1.474 руб. Размѣръ единовременнаго пособія на одно лицо составляетъ отъ 5 до 65 руб. Сумма выданныхъ краткосрочныхъ ссудъ — 840 руб. и долгосрочныхъ — 2.935 руб. Общая сумма долга за должниками равна 7.761 руб. Съ основанія Общества дано пособій на сумму 18.657 руб. 40 коп., изъ нихъ возвращено 10.896 руб. 40 коп. («Нов.»).

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. 16-го января состоялось годовое собраніе членовъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, разсмотрѣнію котораго подлежалъ отчетъ за истекшій годъ. Изъ денежнаго отчета видно, что на приходъ въ отчетномъ году поступило 175.169 руб., т.-е. на 9.836 руб. меньше, чѣмъ ожидалось по смѣтѣ. Пожертвованій на постройку дома поступило 1.275 руб.; по сборнымъ книжкамъ 3.598 руб. и членскихъ взносовъ 3.305 руб. Весь расходъ Общества, включая сюда сверхсмѣтный—на постройку дома въ 65.984 руб.—опредѣлился въ 228.036 руб., исключая же непредвидѣнные расходы, годъ былъ законченъ даже съ остаткомъ по смѣтѣ—вмѣсто 104.292 руб.—97.525 руб. Къ началу новаго отчетнаго года средства Общества состоятъ: изъ именныхъ капиталовъ на 30.172 руб. и прочихъ на 35.233 руб. Стипендій было выдано 19-ти слушательницамъ; безвозвратными ссудами воспользовалось 13 слушательницъ и, кромѣ того, половина сбора съ концерта въ залѣ дворянскаго собранія—1.300 руб.—также была предоставлена на взносы за право слушанія лекцій. Новое зданіе курсовъ уже закончено, но Комитетъ намѣренъ приступить къ сооруженію и второй части его, гдѣ будутъ находиться нѣсколько аудиторій, кабинетовъ, столовая и кухня. Библиотека Общества увеличилась до 10.502 названій въ 22.134 томахъ и 1.900 брошюрахъ. Цѣнныя пожертвованія въ библиотеку поступили отъ академіи наукъ, вдовы проф. Львова, вдовы астронома Линдемана и директора курсовъ (около 300 томовъ изъ библиотеки покойнаго отца его, митрополита Падладія). Въ своемъ составѣ Общество насчитываетъ 1.016 членовъ, изъ нихъ 72 почетныхъ. Изъ отчета по общежитію видно, что приходъ его опредѣлился въ 66.294 руб., при расходѣ въ 63.119 руб. и остаткѣ въ 2.374 руб. Обѣдовъ изъ трехъ блюдъ (приходящимъ) было отпущено 1.000, изъ двухъ блюдъ (по 25 коп.)—13.150 и удешевленныхъ (по 16 коп.)—7.050 («Нов.»).

Пожертвованіе на женскій университетъ. Умершій московскій благотворитель В. И. Астраковъ оставилъ по духовному завѣщанію 100.000 руб. на женскій университетъ въ Москвѣ. Эта сумма должна быть внесена въ московскую контору Государственнаго банка и послужить основаніемъ фонда

на устройство въ Москвѣ означеннаго учебнаго заведенія. Капиталъ этотъ, увеличиваясь процентами, до тѣхъ поръ будетъ въ банкѣ, пока правительствомъ не будетъ рѣшено устройство и открытіе въ Москвѣ высшаго женскаго учебнаго заведенія и пока на это не найдутся надлежащія средства частныхъ лицъ или казны. На этотъ счетъ уполномоченному Мин. Нар. Просв. М. В. Духовскому Министръ Нар. Просв. поручилъ заявить суду, на которомъ означенное завѣщаніе оспаривалось сестрой покойнаго благотворителя, что Министерство не встрѣчаетъ съ своей стороны препятствій «къ принятію сдѣланнаго завѣщаніемъ Астракова пожертвованія на женское высшее учебное заведеніе въ Москвѣ и къ употребленію такового согласно волѣ жертвователя». Судъ постановилъ оставить безъ обсужденія претензію сестры жертвователя на сто тысячъ руб. («Русск. Вѣд.»).

Практическія занятія при Петербургскомъ университетѣ. Въ Петербургскомъ университетѣ съ наступающаго второго полугодія вводятся на юридическомъ факультетѣ обязательныя практическія занятія для студентовъ всѣхъ семестровъ, кромѣ восьмого: по римскому, гражданскому, уголовному праву и исторіи русскаго языка. На первыхъ четырехъ семестрахъ занятія будутъ вестись по исторіи римскаго и исторіи русскаго права, а на пятомъ, шестомъ и седьмомъ—по римскому, гражданскому и уголовному праву. Для студентовъ каждаго семестра обязательно участвовать въ практическихъ занятіяхъ по одному изъ предметовъ, по которымъ на соотвѣствующемъ семестрѣ производятся эти занятія. Студенты сами могутъ выбрать себѣ предметъ для практическихъ занятій, съ тѣмъ однако, чтобы этимъ не нарушалась равномѣрность въ распредѣленіи студентовъ по предметамъ и группамъ. По каждому предмету записавшіеся студенты будутъ разбиты на группы, каждой изъ которыхъ будетъ руководить профессоръ или особо избранный ассистентъ. На каждую группу назначено по два часа практическихъ занятій въ недѣлю. По остальнымъ предметамъ практическія занятія будутъ производиться на прежнихъ основаніяхъ для желающихъ («Н. Вр.»).

Публичныя лекціи въ Одессѣ. Лекціонный комитетъ Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ предполагаетъ продолжать въ весеннемъ полугодіи 1900 г. чтеніе публичныхъ лекцій. Будутъ читать: высшую математику, по воскресеньямъ, ординарный профессоръ Слешинскій; геологію, по пятницамъ, ординарный профессоръ Прендель; химию пищевыхъ веществъ, по субботамъ, ординарный профессоръ П. Меликовъ; физиологію питанія, по вторникамъ, приватъ-доцентъ А. Медвѣдевъ; зоологію, по средамъ, ординарный профессоръ З. Репеховъ. Чтеніе лекцій предложено начать 21-го января и продолжать по 30-е апрѣля 1900 г. Плата оставлена въ прежнемъ размѣрѣ, а именно три рубля въ полугодіе, причемъ рѣшено освобождать отъ платы неимущихъ слушателей на прежнихъ основаніяхъ: на предметы, не покрытые подпискою, будетъ допущена продажа разовыхъ билетовъ по 35 коп. Всѣ лекціи будутъ читаться въ помѣщеніи Императорскаго Новороссійскаго университета отъ 7 до 9 час. вечера, при чемъ въ свободные отъ лекцій дни будутъ устроены въ тѣ-же часы дополнительныя демонстраціи по читаемымъ предметамъ («Од. Лист.»).

Отъ комиссіи по устройству общежитія Общества вспомошествованія учащимся женщинамъ. Общество вспомошествованія учащимся женщинамъ,

основанное въ 1897 г. и успѣвшее открыть три столовыхъ, съ сентября 1899 года устроило въ домѣ Гиршъ, по Мерзляковскому пер., общежитіе для учащихся женщинъ на 13 человѣкъ; живущія получаютъ тамъ за 15 р. въ мѣсяцъ квартиру съ обѣдомъ,ужиномъ и чаемъ. Въ томъ-же домѣ заканчивается отдѣлка большой квартиры, въ которой будетъ устроено второе общежитіе на 35—37 человѣкъ. Насколько велика потребность въ такомъ общежитіи видно изъ того, что за три мѣсяца его существованія подано 84 прошенія, не считая 13-ти, принятыхъ первоначально. Коммиссія по устройству общежитія, разсматривая прошенія, отдаетъ преимущество сельскимъ и городскимъ учительницамъ, поступившимъ на курсы съ цѣлью пополнить свои знанія для продолженія педагогической дѣятельности. Кромѣ того, коммиссія желала-бы придти на помощь наименѣе обеспеченнымъ и принимать тѣхъ, которыя, какъ видно изъ вышеприведенныхъ свидѣній, не имѣютъ возможности платить и по 15-ти руб. въ мѣсяцъ. Между тѣмъ всѣ расходы по устройству общежитія производятся исключительно на спеціальныя пожертвованія, такъ какъ средствъ Общества не хватаетъ даже на выдачу единовременныхъ пособій. Весьма было-бы желательно приобрести для второго общежитія, по возможности, болѣе удобную и прочную обстановку, что при имѣющихся на лицо средствахъ оказывается невозможнымъ. Общество вспомоствованія учащимся женщинамъ возникло такъ недавно, что не располагаетъ никакими капиталами и основными фондами, и существуетъ исключительно на членскіе взносы, сборы съ концертовъ и лекцій и частныя пожертвованія. Оно можетъ съ большимъ успѣхомъ продолжать и расширять свою дѣятельность только при матеріальной поддержкѣ лицъ, сочувствующихъ его задачамъ. Будемъ надѣяться, что общество наше, столь отзывчивое на нужды учащейся молодежи, не замедлитъ придти на помощь и Обществу вспомоствованія учащимся женщинамъ. Пожертвованія въ пользу Общества можно направлять въ контору «Русскихъ Вѣдомостей». Покорнѣйше просить лицъ, которыя соблаговолятъ откликнуться на спеціальное обращеніе коммиссіи по устройству общежитія, сообщать точныя указанія, на какія именно пѣли предназначаются ихъ пожертвованія: 1) на устройство общежитія и его содержаніе; 2) на уплату за немущихъ, принимаемыхъ въ общежитіе. Пожертвованія въ пользу общежитія и живущихъ въ немъ принимаются также предсѣдательницей коммиссіи Натальей Николаевной Печковской въ конторѣ ея, въ Петровскихъ линіяхъ. Пожертвованія вещами (мебель, посуду, лампы, книги, чай, сахаръ и пр.) съ 15-го декабря можно присылать въ помѣщеніе общежитія: Мерзляковскій пер., д. Гиршъ, кв. № 29; телефонъ № 2.251.

Столовая для студентовъ С.-Петербургскаго университета. Постройка зданія студенческой столовой начнется весной настоящаго года. Проектируется соорудить двухъ-этажное каменное зданіе. По составленной смѣтѣ, оно обойдется въ 103.000 руб., изъ коихъ болѣе 7.700 рублей уже имѣется для этой цѣли въ распоряженіи Общества вспомоствованія студентамъ Петербургскаго университета, а недостающія средства Общество предполагаетъ получить въ видѣ ссуды подъ залогъ зданія. Столовая будетъ рассчитана на 2.500 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы одновременное пользованіе ею можно было-бы предоставить 300 студентамъ. Кухня будетъ помѣщаться въ верхнемъ этажѣ зданія, въ которомъ, кромѣ собственно столовой и буфета, будутъ помѣщенія для завѣдующаго и прислуги («Рос.»).

Коммисіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ коммисіи для изысканія мѣръ по улучшенію средне-учебныхъ заведеній, занятія которой провходятъ подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія дѣйствуютъ въ настоящее время еще слѣдующія коммисіи и совѣщанія: коммисія для составленія проекта наказа училищнымъ Совѣтамъ (предсѣдательствуетъ членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія П. А. Аннинъ), совѣщаніе объ удешевленіи стоимости казны воспитанниковъ учительскихъ институтовъ (предсѣдатель—вице-директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Н. Г. Дебольскій), коммисія о специальныхъ средствахъ Министерства (предсѣдатель—членъ Совѣта Министра Г. А. Эзовъ) и постоянная университетская коммисія для обсужденія научныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ университетами (предсѣдательствуетъ членъ Совѣта Министра И. В. Помяловскій). Уже заканчиваетъ свои занятія коммисія по вопросу о постановкѣ дѣла обученія ремесламъ и техническимъ знаніямъ въ начальныхъ училищахъ (предсѣдатель—членъ Совѣта Министра А. Г. Барановъ). Въ ближайшемъ будущемъ начнутся засѣданія совѣщанія по выработкѣ программъ преподаванія Закона Божія лютеранскаго исповѣданія въ начальныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа и совѣщанія объ общемъ положеніи Маринскихъ женскихъ училищъ («Нов. Вр.»).

Пенсіи для преподавательницъ женскихъ гимназій. Начальницы, классныя надзирательницы и учительницы женскихъ гимназій и прогимназій получаютъ въ настоящее время ничтожныя пенсіи въ размѣрѣ 160 руб. въ годъ за двадцать пять лѣтъ службы. Размѣръ пенсій опредѣляется не занимаемыми ими должностями, а званіемъ домашнихъ наставницъ. Ненормальность такого порядка сознавалась давно. Мин. Нар. Просв., по соглашенію съ Мин. Финансовъ, внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ увеличеніи размѣра пенсій, съ тѣмъ, чтобы начальницы гимназій получали за двадцатипятилѣтнюю службу 500 руб. въ годъ, начальницы прогимназій—400 руб., классныя надзирательницы и учительницы—300 р. Прежнюю службу рѣшено зачесть въ выслугу на такія пенсіи («Нов. Вр.»).

Объ увеличеніи пособій отъ казны женскимъ гимназіямъ. Со времени изданія положенія объ учебныхъ заведеніяхъ въ 1870 г. имъ была оказываема поддержка отъ казны въ размѣрѣ 150.000 р., изъ которыхъ на гимназію было положено отпускать не болѣе 2.000 руб. и на прогимназію 1.000 р. Тогда число женскихъ гимназій и прогимназій не превышало ста, теперь-же оно достигло цифры 350. Съ ростомъ количества такихъ учебныхъ заведеній увеличивалась и ихъ потребность въ пособіи отъ казны. Со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ Н. П. Боголѣпова вопросъ о пособіи отъ казны былъ поставленъ на очередь и въ настоящее время дѣло это передано уже въ Государственный Совѣтъ. Размѣръ дополнительнаго пособія опредѣленъ въ 150.000 руб., такъ что общая сумма пособія отъ казны достигнетъ 300.000 руб. («Н. Вр.»).

Общество взаимопомощи учителей Смоленской губ. Въ Смоленскѣ состоялось многочисленное годовое собраніе Смоленскаго Общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ. Общество существуетъ уже два года. Всѣхъ членовъ въ немъ 648, изъ нихъ 202 соревнователей, 10 пожизненныхъ и 436 дѣй-

ствительныхъ, т.-е. учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; къ сожалѣнію, въ Обществѣ участвуетъ пока только 16,5% всѣхъ учащихся въ министерскихъ и земскихъ школахъ. Главнѣйшія причины воздержанія ихъ отъ участія въ Обществѣ: отдаленность многихъ уѣздовъ отъ Смоленска (почему весьма необходимы филиальныя отдѣленія) и тотъ печальный фактъ, что многіе учащіе остаются не подолгу на учительскихъ мѣстахъ и мѣняютъ это занятіе на другія болѣе обезпеченныя. Средства Общества—около 5.500 р., и 1.900 руб. специальныхъ: двѣ стипендіи имени П. П. Любимова и покойнаго предсѣдателя губернской земской управы Н. А. Рачинскаго. Сумма на 1900 годъ составлена въ суммѣ 2.200 руб. Дѣятельность Общества, главнымъ образомъ, проявилась въ содержаніи общежитія, гдѣ за удешевленную плату живутъ 10 сыновей народныхъ учителей и учительницъ обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ Смоленска. Общежитіе въ годъ будетъ стоить 1.000 р. Обществу Затѣмъ выдавались пособія на воспитаніе дѣтей. Особенно пріятной для учителей и мало убыточной для Общества формой помощи является выдача безпроцентныхъ возвратныхъ ссудъ. На выдачу этихъ ссудъ ассигновано 700 руб., и пользуются ими весьма охотно. Кроме того, удалось выхлопотать уступку у нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, въ нѣкоторыхъ магазинахъ Смоленска, и оказывать нѣкоторую помощь справками, ходатайствами и пр. Въ настоящее время Общество сильно занято мыслью объ устройствѣ собственнаго дома для общежитія и въ этомъ рассчитываетъ на дѣятельное участіе попечительницы, извѣстной благотворительницы кн. М. К. Тенишевой. Городъ уже уступилъ бесплатно землю для постройки. Изъ другихъ постановленій собранія нужно отмѣтить ходатайство о томъ, чтобы учащіе въ мин. школахъ были допущены къ участію въ земской эмеритальной кассѣ («Р. В.»).

Сенатское разъясненіе о пособіяхъ начальнымъ учителямъ. Въ 1898 г. Иркутская дума постановила, по просьбѣ городского учителя Мясникова, выдать ему 150 рублей пособія. Иркутскій губернаторъ находитъ, что у города на необходимости первой важности недостаточно средствъ, и потому они могутъ быть, по разъясненію Сената 1888 года, расходемы лишь на пользу города, а не на пользу одного лица. Общее губернское присутствіе согласилось съ губернаторомъ и отмѣнило рѣшеніе думы. Городской голова принесъ Сенату жалобу, рассмотрѣвъ которую Сенатъ нашелъ, что городскимъ управленіямъ не можетъ быть воспрещено назначеніе пособій, въ качествѣ расхода необязательнаго, что сюда можетъ входить матеріальное обезпеченіе лицъ, служащихъ по городскимъ общественнымъ управленіямъ; такимъ обезпеченіемъ можетъ быть улучшенъ составъ лицъ, трудящихся на пользу населенія, что оказываетъ вліяніе и на пользу обывателей, и потому Сенатъ нашелъ дѣйствія думы правильными и разрѣшилъ Масникову выдачу пособія («Рос.»).

Общество взаимопомощи учащимъ Таврической губерніи. Общество опубликовало свой отчетъ за третій годъ существованія. Число его членовъ въ отчетномъ году равнялось 997. Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на общемъ собраніи, былъ вопросъ объ основаніи общежитія для дѣтей членовъ Общества при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Было рѣшено въ текущемъ году открыть интернатъ съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіями въ Мелитополь, для чего было ассигновано 650 руб.

единовременно и назначена ежегодная субсидія изъ средствъ Общества въ 900 р. Остальные расходы по содержанию дѣтей должны были погашаться ежемѣсячными взносами участниковъ интерната, въ размѣрѣ около 12 руб. Согласіе учебнаго начальства на осуществленіе этого проекта было получено поздно, въ виду чего открытіе обществнаго учрежденія отложено до начала новаго 1900—1901 учебнаго года. Другой вопросъ, обсуждавшійся въ засѣданіи правленія Общества — объ устройствѣ библиотекъ и читаленъ для учащихся, — остался неразрѣшеннымъ. Три года назадъ Общество ходатайствовало передъ земствами о субсидіи на образованіе библиотекъ-читаленъ, но такое ходатайство отклонено всѣми уѣздными земскими собраніями губерніи, за исключеніемъ ялтинскаго, которое въ принципѣ согласилось съ необходимостью открытія четырехъ учительскихъ библиотекъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ. Доходъ Общества, состоявшій изъ членскихъ взносов, пособій отъ земствъ и сбора съ публичныхъ лекцій, равнялся 2.963 руб. Въ отчетномъ году Общество пожертвовало въ пользу учащихся и учащихся народныхъ школъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, 1.850 руб., собранныхъ по подпискѣ. Фондъ Общества достигъ 5.250 руб. («Рос.»).

Пріютъ для дѣтей народныхъ учителей Донской области. Инспекторъ народныхъ училищъ Черкаскаго и Донецкаго округовъ обратился къ нахичеванскому городскому головѣ съ просьбой открыть подписку въ пользу фонда на устройство зданія пріюта для дѣтей народныхъ учителей Донской области, учреждаемаго «сберегательно-вспомогательной кассой донскихъ учителей и учительницъ» («Д. Р.»).

Ярославское Общество распространенія полезныхъ знаній. 11-го января состоялось общее собраніе членовъ Общества для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, привлечшихъ изъ общаго числа 97-ми членовъ, проживающихъ въ Ярославль, 56 человекъ былъ вопросъ объ ознаменованіи памяти Ѳ. Г. Волкова, 150-ти-лѣтній юбилей котораго будетъ праздноваться въ маѣ текущаго года. Общее желаніе Ярославскаго Общества сводится къ постройкѣ Волковскаго народнаго дворца, въ которомъ сосредоточились-бы различныя просвѣтительныя учрежденія для народа: библіотека, читальня, сцена, аудиторія и т. д. Эта мысль была внесена на обсужденіе общаго собранія членовъ, которое, соглашаясь съ необходимостью и возможностью осуществленія этого предпріятія, передало вопросъ для детальной разработки въ Совѣтъ Общества. Коммиссія по устройству народныхъ чтеній, состоящая при Совѣтѣ, съ своей стороны, полагаетъ устроить при существующихъ въ губерніи аудиторіяхъ народное чтеніе о создателѣ перваго русскаго театра, иллюстрированное свѣтовыми картинами. Чтеніе должно обнимать собою, кромѣ біографическихъ свѣдѣній о Ѳ. Г. Волковѣ, также краткую исторію русскаго театра и выясненіе его воспитательно-образовательнаго значенія. Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на общемъ собраніи, отмѣтимъ возбужденное Совѣтомъ предложеніе о наименованіи открытой три мѣсяца назадъ Ярославской бесплатной народной библіотеки-читальни «Ломоносовскою», въ честь перваго русскаго ученаго, вышедшаго изъ народа, для удовлетворенія духовныхъ потребностей котораго открыта библіотека. Нѣкоторые изъ членовъ находили наиболее подходящимъ названіе «Некрасовской» въ память поэта-земляка; но отсутствіе въ библіотекѣ сочиненій по-

слѣднаго, не разрѣшаемыхъ министерскимъ каталогомъ, заставляетъ отнестись съ большей осторожностью къ послѣднему предложенію. Нѣкоторые изъ членовъ библиотечной комиссіи взяли на себя трудъ пересмотра полнаго собранія сочиненій Н. А. Некрасова съ цѣлью возбужденія ходатайства объ изданіи ихъ въ избранномъ видѣ для народныхъ библиотекъ, по соглашенію съ наследниками поэта. Къ этому начинанію нельзя не отнестись сочувственно, тѣмъ болѣе, что небольшое изданіе бывшаго Петербургскаго Комитета грамотности уже все распродано. Вопросъ о присвоеніи библиотекъ наименованія оставленъ открытымъ до мартовскаго общаго собранія членовъ. Число подписчиковъ библиотеки достигло уже 1.300 человекъ; ежедневно встрѣчаются случаи отказа читателямъ за отсутствіемъ многихъ сочиненій; большинство образцовыхъ русскихъ писателей имѣется въ 2—3-хъ экземплярахъ. Постоянный спросъ на книги беллетристическаго содержанія ставитъ библиотеку въ затруднительное положеніе вслѣдствіе неполноты каталога книгъ, допущенныхъ къ обращенію въ народныхъ библиотекахъ; нѣкоторыхъ изъ книгъ этого каталога уже нѣтъ въ продажѣ, другія не представляютъ для читателей интереса; вслѣдствіе этого библиотечная комиссія занимается въ настоящее время составленіемъ дополнительнаго списка, чтобы ходатайствовать о допущеніи новыхъ книгъ въ библиотеку («Сѣв. Кр.»).

Объ отпускѣ ярославскимъ губернскимъ земствомъ Новинской учительской семинаріи сверхсметной суммы на усиленіе образовательныхъ средствъ семинаріи. Вслѣдствіе ходатайства директора Новинской учительской семинаріи, ярославскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ послѣдней сессіи отпущено Новинской семинаріи 1.100 рублей на усиленіе образовательныхъ средствъ семинаріи. Въ числѣ послѣднихъ имѣется въ виду: 1) приобрести для семинаріи волшебный фонарь съ свѣтовыми картинами; 2) фисгармонію и другіе музыкальные инструменты; 3) основать школьно-педагогическій музей (собраніе наглядныхъ пособій, необходимыхъ въ начальномъ обученіи), и 4) устроить народно-школьную библиотеку при образцовомъ училищѣ. Нельзя пройти молчаніемъ такого живого отношенія ярославскаго земства къ нуждамъ того учрежденія, которое готовитъ своихъ воспитанниковъ къ дѣятельности главнымъ образомъ въ школахъ Ярославской губ. Этой жертвы земства тѣмъ болѣе нельзя не отмѣтить, что она отвѣчаетъ существеннымъ потребностямъ учительской семинаріи, обычно оставляемымъ безъ вниманія. Благодаря этой жертвѣ Новинская семинарія будетъ располагать важными средствами не только для воспитательнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ, но и въ отношеніи наилучшей подготовки ихъ къ предстоящей имъ учительской дѣятельности, путемъ ознакомленія съ тѣми образовательными пособиями, которыми они будутъ пользоваться въ своихъ школахъ.

Общеобразовательные курсы. Рѣшеніе вопроса о систематическихъ общеобразовательныхъ курсахъ отсрочивается, вѣроятно, до будущаго года. Отзывы попечителей учебныхъ округовъ, полученные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, весьма благопріятны для проектируемыхъ мѣропріятій по отношенію къ этимъ курсамъ, но эти отзывы еще поступятъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета министерства, а затѣмъ окончательно вопросъ будетъ рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ («Русск. Вѣд.»).

Всеобщее образованіе въ Ставрополѣ. При Ставропольскомъ Обществѣ содѣйствія народному образованію учреждена особая коммиссія для разработки вопроса объ осуществленіи въ городѣ всеобщаго обученія. Въ задачу коммиссіи входятъ выясненіе числа дѣтей школьнаго возраста, какъ получающихъ начальное образованіе въ мѣстныхъ школахъ, такъ и остающихся безъ послѣдняго, а равно и выработка сѣти школъ, необходимыхъ для того, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста могли получать образованіе («Пріаз. Кр.»).

Въ неурожайномъ районѣ. Попечитель Одесскаго учебнаго округа обратился къ начальствующимъ по учебному вѣдомству въ своемъ послѣднемъ циркулярѣ съ просьбой предложить служащимъ въ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, въ виду крайне бѣдственнаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время учащіе и учащіяся въ народныхъ школахъ Аккерманскаго и Измаильскаго уѣздовъ вслѣдствіе постигшаго эту мѣстность неурожая,—отчислять въ теченіе нѣкотораго времени изъ получаемаго ими жалованья какой-нибудь процентъ въ пользу учащихъ и учащихся въ народныхъ школахъ названныхъ уѣздовъ. Пожертвованія эти должны быть направлены директорамъ Аккерманской и Измаильской прогимназій, поровну, въ такомъ видѣ, какой будетъ признанъ наиболѣе существеннымъ и цѣлесообразнымъ. Участіе въ этомъ благотворительномъ сборѣ должно быть предоставлено доброй волей каждаго отдѣльнаго лица, безъ всякаго къ тому принужденія («Придн. Кр.»).

Новыя училища въ Туркестанскомъ краѣ. Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ В. И. Шемякинъ, во время поѣздки по туркестанской епархіи, въ бытность свою въ Вѣрномъ, предположилъ устроить въ предѣлахъ туркестанской епархіи нѣсколько педагогическихъ учрежденій духовнаго вѣдомства, для надлежащаго подготовленія кандидатовъ на учительскія должности въ мѣстныхъ церковныхъ школахъ. Одно изъ этихъ учебныхъ заведеній—церковно-учительская школа, предположено къ устройству въ окрестностяхъ г. Вѣрнаго, другое—женскіе учительскіе курсы, въ окрестностяхъ Ташкента, близъ ташкентской женской Николаевской общины, а всѣ остальные (второклассныя мужскія и женскія школы) въ Лепсинскомъ и Пржевальскомъ уѣздахъ Семирѣченской области. Затѣмъ, согласно извѣщенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государственнымъ Совѣтомъ рѣшено: открыть съ 1-го іюля 1900 г. въ г. Нов. Маргеланѣ четырехклассную мужскую прогимназію («Турк. Вѣд.»).

Незаконный циркуляръ. Въ тамбовскомъ очередномъ дворянскомъ собраніи 18-го января темниковскій уѣздный предводитель дворянства Ю. А. Новосильцевъ едѣлалъ заявленіе о томъ, что моршанскимъ училищнымъ Совѣтомъ изданъ циркуляръ, за подписью н. д. уѣзднаго предводителя дворянства В. К. Вольскаго. Въ циркулярѣ на имя учителей и учителейницъ земскихъ школъ указывается на необходимость неослабнаго наблюденія за религіозно-нравственнымъ развитіемъ дѣтей, за посѣщеніемъ ими церковныхъ службъ, затѣмъ посѣщеніе послѣднихъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность учащихся подъ угрозой исключенія изъ школы. Ю. А. Новосильцевъ заявилъ, что такой циркуляръ незаконенъ съ формальной стороны, такъ какъ училищный Совѣтъ не имѣетъ права дѣлать такихъ угрозъ, а такъ

какъ дворянство, единственное сословіе въ Россіи, въ силу закона, имѣетъ право приносить жалобы на неправильныя дѣйствія административныхъ мѣстъ и лицъ, то въ данномъ случаѣ оно не должно оставить безъ вниманія неправильный и незаконный циркуляръ уѣзднаго училищнаго Совѣта, притомъ подписанный и. д. уѣзднаго предводителя дворянства. Мѣра, принятая моршанскимъ училищнымъ Совѣтомъ, въ высшей степени не симпатична и съ другой точки зрѣнія: въ дѣлахъ вѣры насильственные, принудительныя мѣры никогда не могутъ давать хорошихъ результатовъ. Въ Тамбовской губерніи, какъ замѣтилъ г. Новосильцевъ, много раскольниковъ, а съ расколомъ и бороться можно только просвѣщеніемъ. Всѣ уѣздные предводители могутъ удостовѣрять, что раскольники все болѣе и болѣе стремятся отдавать дѣтей своихъ въ школу, если-же послѣднихъ будутъ заставлять ходить въ церковь, то они откажутся отъ посѣщенія школъ. Ю. А. Новосильцевъ предложилъ обратиться къ губ. училищному Совѣту съ выраженіемъ желанія дворянства, чтобы циркуляръ моршанскаго уѣзднаго Совѣта былъ отмѣненъ. Послѣ довольно продолжительныхъ преній въ собраніи закрытою баллотировкою большинствомъ голосовъ постановлено: «Находя мѣру исключенія изъ училищъ учениковъ за непосѣщеніе церкви—мѣрою, подрывающею благое намѣреніе самого циркуляра, обратиться въ губернской училищный Совѣтъ съ просьбою о разсмотрѣніи цѣлесообразности мѣръ, рекомендуемыхъ циркуляромъ» («Тамб. Губ. Вѣд.»).

Алкоголизмъ въ школахъ. Въ очередномъ засѣданіи коммисіи по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ при Обществѣ охраненія народнаго здравія постановлено приступить къ собиранію свѣдѣній, касающихся алкоголизма въ школахъ. Для этой цѣли школьной подкоммисіей разработаны особыя формы вопросныхъ листовъ. Съ этими листами рѣшено обратиться, испросивъ на то разрѣшеніе подлежащаго начальства, къ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній. Полученные отвѣты составятъ статистическій матеріалъ, касающійся высшей и средней школы. Предполагается, что каждый изъ молодыхъ людей сообщитъ добросовѣстно и безъ стѣсненій, въ какомъ возрастѣ ему пришлось впервые познакомиться съ спиртными напитками, какъ онъ съ тѣхъ поръ относился къ нимъ, какъ относится теперь и т. д. Для полученія отвѣтовъ объ алкоголизмѣ въ низшей школѣ рѣшено обратиться съ вопросными листами къ школьнымъ врачамъ («Н. Вр.»).

На предстоящей всемірной выставкѣ. Русскій научно-учебный отдѣлъ на предстоящей всемірной Парижской выставкѣ обѣщаетъ быть очень богатымъ и интереснымъ. Въ настоящее время въ немъ уже зачислено 400 экспонатовъ, представляющихъ учебное дѣло во всѣхъ вѣдомствахъ и во всѣхъ ступеняхъ его. По низшему образованію въ выставкѣ примутъ участіе различныя учрежденія, земства, города, отдѣльныя группы низшихъ школъ, пріюты и проч.—всего въ числѣ 150 экспонентовъ. По среднему образованію гимназій, реальныя училища, кадетскіе корпуса, женскія гимназій, институты и различныя періодическія изданія ^с числомъ 120 экспонентовъ. По высшимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ и ученымъ учрежденіямъ—35 экспонентовъ. Особенно полнымъ и разнообразнымъ явится отдѣлъ техническихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Тутъ будетъ фигурировать и отдѣленіе промышленныхъ училищъ Министерства Народнаго Про-

свѣщенія, которое на картахъ и діаграммахъ дастъ свѣдѣнія о постановкѣ въ Россіи техническаго образованія и сравнительно громаднѣмъ развитіи этого дѣла у насъ за послѣднія 10 лѣтъ. Кромѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, будетъ представлено во всѣхъ деталяхъ техническое образованіе, среднее и низшее. Будетъ также обращать на себя вниманіе постановка уже крѣпящаго у насъ сельско-хозяйственнаго образованія (20 учебн. завед.) и еще молодого, но обѣщающаго въ будущемъ, коммерческаго образованія (10 учебн. завед.). Отъ учебнаго отдѣла Министерства Путей Сообщенія примутъ участіе въ выставкѣ: Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I, Московское инженерное, желѣзнодорожныя, техническія и кондукторскія училища («Нов.»).

О конкурсѣ сочиненій на премію К. Д. Ушинскаго.

Учебно-воспитательный Комитетъ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній (С.-Петербургъ, Соляной Городокъ) сямъ объявляетъ, что ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ конкурсѣ 1899 года на премію имени Константина Дмитриевича Ушинскаго, таковой преміи не удостоено.

Слѣдующій конкурсъ назначенъ въ 1901 году.

Условія конкурса.

1) Конкурсѣ подлежатъ сочиненія, какъ рукописныя, представляемыя для этой цѣли въ Педагогическій Музей, такъ и печатныя, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 1899 года.

2) Рукописи, представляемыя на конкурсѣ 1901 года, доставляются въ Педагогическій Музей не позже 1-го мая того-же года. Онѣ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и четкимъ почеркомъ. Въ случаѣ желанія автора скрыть свою фамилію, дозволяется снабжать рукописи девизомъ и прилагать особый запечатанный пакетъ съ тѣмъ-же девизомъ и съ вложеніемъ въ него записки съ обозначеніемъ фамиліи автора и его мѣстожительства.

Примѣчаніе. Представленныя на конкурсѣ рукописи могутъ быть взяты обратно или самими авторами или по довѣренности, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной.

3) Печатныя сочиненія разсматриваются или по просьбѣ автора, или по указанію кого-либо изъ членовъ учебно-воспитательнаго комитета.

Примѣчаніе. Время представленія ихъ авторами (не менѣе, какъ въ пяти экземплярахъ) то-же, что и для рукописей.

4) Премія будетъ присуждена ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинскаго, 21-го декабря 1901 года, за выдающійся по своимъ достоинствамъ педагогическій трудъ одного изъ слѣдующихъ родовъ:

а) книги для классаго чтенія, предназначаемыя для народныхъ школъ (сельскихъ, городскихъ, воскресныхъ и т. п.), какъ общеобразовательнаго,

такъ равно и литературнаго, историческаго, географическаго или естественно-историческаго содержания *);

б) сочиненія, обнимающія методику всѣхъ предметовъ начальной народной школы или группы предметовъ и наконецъ одного какого-либо предмета;

в) сочиненія общепедагогическаго характера: по исторіи народнаго образованія въ Россіи, по исторіи движенія педагогическихъ идей въ Россіи, по организаціи русской народной школы и т. п.

и г) по исторіи и организаціи женскаго образованія въ Россіи.

5) Размѣръ преміи составляетъ 650 рублей.

6) Премія за рукописныя сочиненія выдаются только по напечатаніи ихъ и въ такомъ случаѣ до выдачи автору преміи ему выдается удостовѣреніе о присужденіи преміи. Право на полученіе преміи сохраняется за авторомъ рукописнаго сочиненія въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

7) Премія, не взятая авторомъ въ теченіе трехлѣтняго срока, причисляется къ основному капиталу, послѣ чего авторъ теряетъ право на полученіе ея.

8) Рецензія того сочиненія, которое удостоится преміи, и протоколъ о присужденіи ея будутъ напечатаны въ «Обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1901—1902 учебный годъ», а о присужденіи преміи своевременно будетъ объявлено въ газетахъ.

Отъ Коммиссіи по устройству русскаго педагогическаго отдѣла на Всемирной Выставкѣ 1900 года въ Парижѣ.

Согласно ходатайству учрежденной при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Коммиссіи по организаціи русскаго педагогическаго отдѣла на Всемирной Выставкѣ 1900 года въ г. Парижѣ, начальство и городское общественное управленіе города Парижа предоставили въ исключительное распоряженіе русскихъ педагоговъ, желающихъ посѣтить Выставку съ цѣлью ознакомиться съ ея педагогическимъ отдѣломъ, временное помѣщеніе въ 3-хъ нижеуказанныхъ школахъ:

1) Въ нормальныхъ школахъ учителей и учительницъ [Ecole Normale d'Institutrices. Boulevard des Batignolles, 56; Ecole Normale d'Instituteurs, rue Molitor, 10 (Auteuil)] уступлены помѣщенія съ 90 кроватями, которыми могутъ воспользоваться 90 учительницъ и 180 учителей группы, по 10 дней каждая, съ 3-го августа по 3-е сентября.

2) Кромѣ того, для учителей въ зданіи муниципальной школы имени Ж. Б. Сая (Ecole Municipale, J.-B. Say, rue d'Auteuil, 11 bis) имѣется еще 100 кроватей, рассчитанныхъ на 300 человекъ, въ три группы, по 10 дней каждая, съ 12-го іюля по 12-е августа.

Всѣ сроки рассчитаны по старому стилю.

Помѣщенія эти могутъ быть предоставлены учителямъ и учительницамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія съ полнымъ содержаніемъ или безъ онаго. Въ первомъ случаѣ, за

*) Желательныя требованія, какимъ должна удовлетворять книга для класснаго чтенія, напечатаны въ «Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея за 1898—1899 учебный годъ» (вып. 1-й, стр. 66).

плату въ 18 руб., останавливающіеся въ школахъ получаютъ: помѣщеніе въ теченіе 10 дней въ общихъ залахъ школъ, утренній чай, кофе или шоколадъ съ хлѣбомъ и масломъ, завтракъ изъ трехъ блюдъ (1 мясное) и обѣдъ изъ 3-хъ или 4-хъ блюдъ (1 мясное).

Во второмъ случаѣ, за плату въ 5 руб., предоставляется помѣщеніе то-же, что и въ первомъ случаѣ, и утренній чай, кофе или шоколадъ съ хлѣбомъ и масломъ.

Въ обовхъ случаяхъ освѣщеніе, постельное бѣлье, прислугу предположено предоставить безплатно, хотя желательно, чтобы подушки и одеяла были свои. Лица педагогическаго персонала указанныхъ учебныхъ заведеній, желающіе воспользоваться удешевленнымъ пребываніемъ въ Парижѣ. благоволятъ не позже 15-го марта представить по адресу: «Министерство Народнаго Просвѣщенія, Коммиссія по Парижской Выставкѣ, отдѣлъ удешевленныхъ помѣщеній» заявленія на простой бумагѣ, въ которыхъ должно быть указано:

1) Имя, отчество и фамилія, чинъ или званіе, должность и адресъ заявителя (четко написанные).

2) Будетъ-ли пользоваться заявитель полнымъ содержаніемъ или нѣтъ.

3) Въ какую изъ указанныхъ группъ посѣтитель пожелаетъ быть включеннымъ, и если первыя группы будутъ уже заполнены, согласенъ-ли на включеніе его въ слѣдующія группы.

По полученіи отъ Коммиссіи отвѣта о зачисленіи въ одну изъ группъ заявителю подлежитъ немедленно внести въ ближайшее казначайство въ депозитъ генеральнаго комиссара Парижской Выставки подлежащую сумму сполна при особыхъ платежныхъ бланкахъ, прилагаемыхъ къ отвѣту Коммиссіи, и переслать квитанцію во взносѣ денегъ въ Коммиссію, отъ которой получать особый билетъ.

Къ сему отъ Коммиссіи присовокупляется:

1) Заявленія и уплата денегъ принимаются не только отъ отдѣльныхъ лицъ, но и коллективныя отъ различныхъ учреждений и обществъ. При этомъ всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія должны быть приведены полностью, за исключеніемъ адресовъ отдѣльныхъ членовъ.

2) Внесенныя Коммиссіи деньги не возвращаются.

3) Передача билетовъ другимъ лицамъ безъ вѣдома Коммиссіи, переходъ изъ одной группы въ другую и измѣненіе условій пребыванія въ Парижѣ не допускаются.

4) Каждая вакансія считается за получившимъ ее со дня, обозначеннаго въ билетѣ, независимо отъ времени прибытія владѣльца его въ Парижъ.

Учительницы, которыя пожелаютъ пользоваться помѣщеніемъ въ нормальной школѣ, должны подчиняться существующимъ въ школѣ правиламъ относительно времени обѣда и возвращенія въ зданіе школы вечеромъ.

5) Коммиссія не беретъ на себя хлопотъ по доставленію желѣзнодорожныхъ билетовъ для проѣзда на выставку и обратно, такъ какъ особыхъ льготъ для ѣдущихъ на выставку желѣзныя дороги не пожелали сдѣлать, а также не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній по сему вопросу, но считаетъ своимъ долгомъ предупредить, что для поѣздки надо имѣть не менѣе 250 руб., при условіи взятія обратнаго билета (срокъ дѣйствія мѣсяць) во второмъ классѣ и 225 руб. въ третьемъ классѣ.

6) При разверсткѣ вакансій преимущество будетъ дано лицамъ, знающимъ французскій языкъ, а также ѣдущимъ группами въ нѣсколько чеховѣкъ.

7) Комиссія считаетъ долгомъ предупредить, что вышеназванны школы находятся на довольно большомъ разстояніи отъ центра города и отъ выставки.

8-го февраля 1900 г. № 914.

Дополнительное сообщеніе Комиссіи по устройству педагогическаго отдѣла на Всемирной Выставкѣ 1900 года въ Парижѣ.

Въ дополненіе къ отношенію за № 914, Комиссія по устройству русскаго педагогическаго отдѣла на Всемирной Выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ имѣетъ честь покорнѣйше просить редакцію журнала «Русская Школа» не отказать напечатать въ ближайшемъ номерѣ журнала, что срокъ приѣма отъ лицъ педагогическаго персонала заявленій о желаніи воспользоваться удешевленными помѣщеніями въ Парижѣ на время выставки продленъ до 15-го апрѣля сего года.

Предсѣдатель *Е. Ковалевскій.*
Дѣлопроизводитель *А. Тишинъ.*

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

